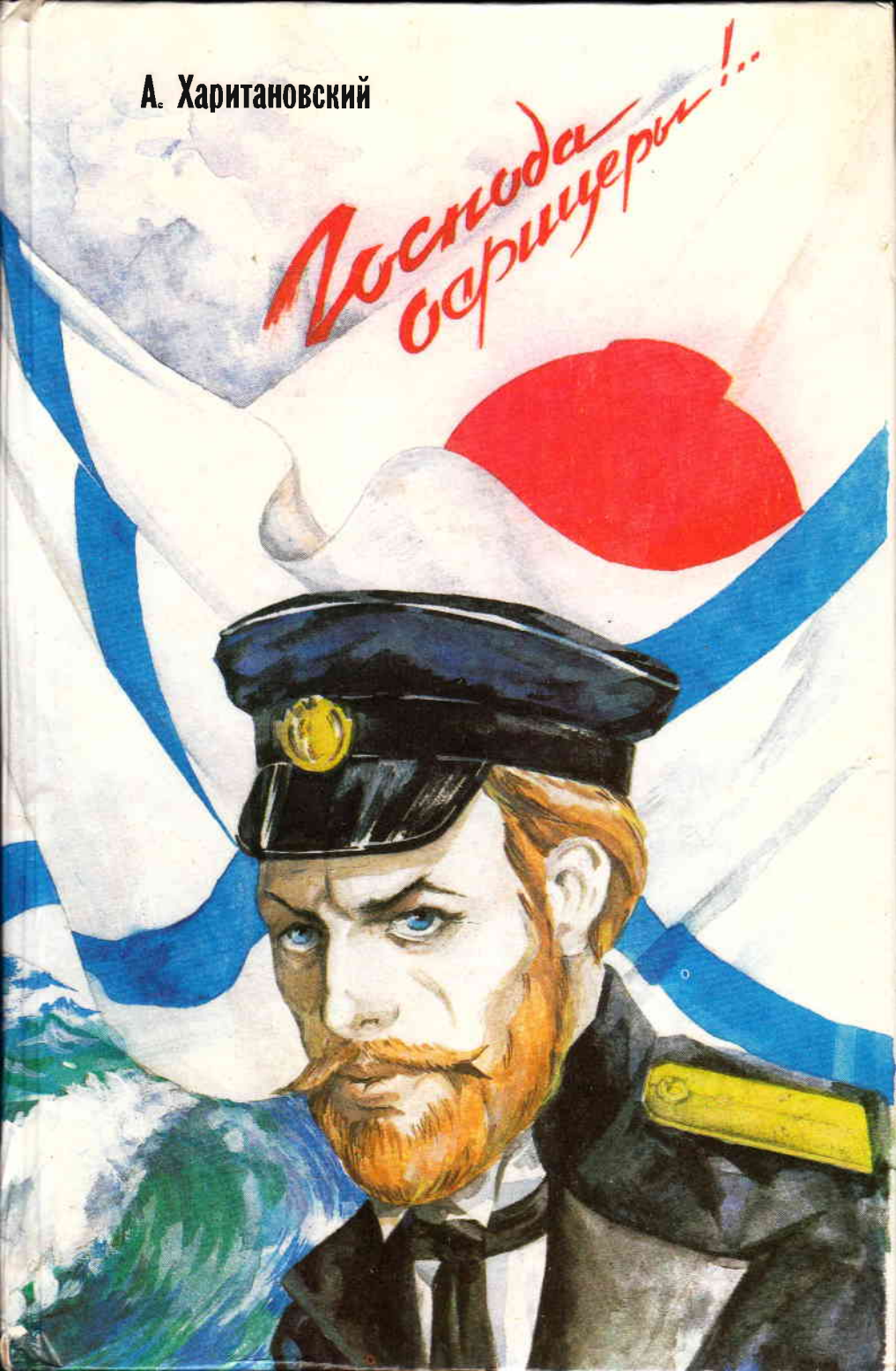
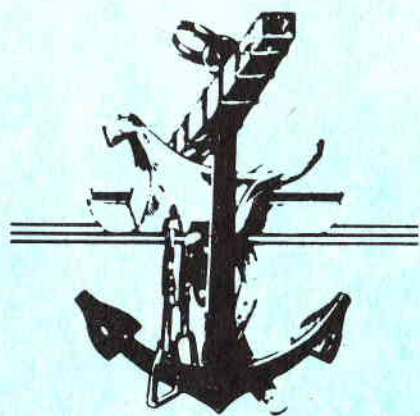

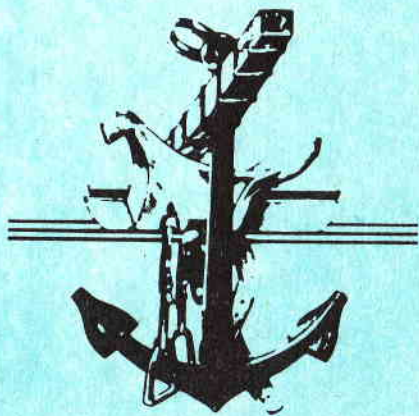
А. Харитановский

Доскода
бершеры!...

300-летию
Российского флота
посвящается

А.ХАРИТАНОВСКИЙ

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ!..

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Курск
«Курскиформпечать»
1994

«Офицер — не воинский чин только, но и общественный деятель; армия — не вооруженная сила только, но и школа воспитания народа», — утверждал сто лет назад русский генерал и ученый М. И. Драгомиров. «Господа офицеры!...» — новый роман Александра Харитановского, посвящен военным начала XX века, в основном морякам, личностям исторически подлинным. Поступки героев, для которых Долг и Честь являлись путеводными ориентирами не только в служебной, но и в обыденной жизни, помогут читателю всмотреться в прошлое отчизны, в ее временные рубежи, и тем соразмерить нравственные высоты и глубины поколений.

Харитановский А.

X20 **Господа офицеры!...: Роман.**— Курск: Арендное предприятие «Курск», 1994.— 480 с.

X $\frac{4702010200-036}{4\Pi\Pi(03)-94}$ Без объявл.

ББК 84Р7—4

И ненавидите вы нас ...
За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

(А. Пушкин. «Клеветникам России»)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Менделеевы, Сергеевы, Деспот-Юрасовские — старшие и младшие

Январским морозным вечером 1904 года к ресторану «Дюпон» подкатила по свежему снежку на лихачах компания морских офицеров. Пассажиры покинули санки на набережной Мойки, возле Певческого моста, а затем шумно прошли через ворота пятиэтажного здания в глубину двора, где и находился вход в ресторацию, одну из старейших и знаменитых среди подобного рода заведений столицы.

Над всеми возвышался бородатый лейтенант в сдвинутой на самый затылок фуражке, надетой, как тогда говорили, «по-нахимовски». Казалось, он и является центром группы, так как товарищи чаще всего обращались к нему лейтенант Александр Семенович Сергеев, командир миноноски № 23 из отряда Санкт-Петербургского порта, собрал сослуживцев (дамы не приглашались), чтобы накоротке отметить свое новое назначение — командиром эскадронного миноносца «Стерегущий». Приказ № 10 по морскому ведомству от 19 января 1904 года ему вручили сегодня.

Конечно, прежде надо бы на корабль, а уж потом «звон бакалов». Увы, «Стерегущий» находился очень далеко от невских причалов, — в Порт-Артуре, на южной базе Тихоокеанского флота.

Среди черных с золотом флотских мундиров выделялся один штатский, железнодорожного ведомства, — синяя тужурка с зелеными конртогончиками на плечах. Судя по

тому, как с его владельцем разговаривал Сергеев, это был близкий ему человек. Сразу уточним: служащий Рижско-Орловской железной дороги Алексей Владимирович Трирогов являлся однокашником лейтенанта по Петербургскому морскому корпусу.

Сергеев на минуту задержался, дожидаясь спешившего через залу к морякам метрдотеля, прикидывая, где бы удобнее расположиться. Его задумчивость перебил веселый возглас:

— Командир «Стерегающего» размышляет, истратить ли ему на нас содержание обер-офицера Тихоокеанской эскадры или ограничиться только прогонными?..

— Главное, чтобы содержательным был ужин.

— Именно! Устроим отвальную...

В компанию, шумно раздвигая ее, врезался еще один, по-видимому запоздавший офицер, лейтенант, воскликнувший резким высоким голосом:

— Отвальную?! Фу, как это по-казарменному, милостливые государи. Скажем так: «ужин-гала»!

Вновь прибывший был полной противоположностью Сергееву: средний рост, красивое, очень свежее лицо, чисто выбритое — ни бороды, ни бачков, только слегка помеченные темные усы над ярко-красными губами, светло-серые глаза, по-юношески длинная округлая шея и очень густая, волнисто-пружинистая рыжеватая шевелюра.

Это был Константин Константинович Юрасовский, кончивший морской корпус на год позже Сергеева, тоже служивший на миноносках в Петербургском отряде. Несмотря на солидный чин, выглядел Юрасовский мичманом-выпускником, так и держался. Увидев Трирогова, округлил глаза и, широко раскинув руки, устремился к тому, звучно поцеловал в обе щеки и, откинувшись назад, как будто стремясь лучше разглядеть его, спросил:

— Алексей, ты ли это?

— Да, в основном, милый Юрасовский.

— Все-таки в основном! Хах-ха...

Шумная компания привлекла к себе внимание. Чтобы притушить излишнюю агитацию, виновник торжества, пощептавшись с метрдотелем, объявил:

— Друзья, полагаю, хватит лобызаться.

— Да-да. Вперед, «Стерегающий», место «Стерегающему»!..

На шутки Сергеев отделялся кивками и улыбками. Улыбка у него как-то не сочеталась с монументальной

фигурой — растерянная, выжидательная. Как будто он мысленно обращался к офицерам: «А ну, что вы еще такое веселенькое скажете про меня?» И, вероятно, присутствующие знали об этой его внешней незащищенности.

Заказ последовал довольно скромный. Сергеев никогда не разыгрывал из себя богача, светского кутилу, жил он только на офицерское жалованье — тысяча триста рублей в год, плюс шестьсот рублей столовых. С недавних пор у него появилась причина быть бережливым: женился на молодой вдове, красавице, Наталье Павловне; ее бывший муж, капитан II ранга Милюков, трагически погиб в море. Ладно, красавица — на Руси это не редкость, но и весьма образованная: знает шесть языков, пишет стихи и даже пытается печататься в журналах!.. Никто не мог понять, чем увалень лейтенант завоевал сердце такой женщины.

Трирогов, да и другие, хорошо помнили, что в пору кадетской жизни, даже в годовой праздник училища — 6 ноября, когда в актовом зале созывался традиционный бал, на который с разрешения начальства и родителей, съезжались совсем юные обитательницы Северной Пальмиры, институтки и гимназистки старших классов — до тысячи, по числу кадетов, — Сергеев почти не танцевал, казался себе громоздким и неуклюжим. А когда слышал упреки, отнекивался:

— Тут столько ветра, больше, чем на марсовых.

Шутка понималась в смысле, что он опасается ветренности столичных горожанок, которые, кружась в актовом зале училища, украшенном бронзовой фигурой Петра I и портретами Истомина, Корнилова, Нахимова и других прославленных флотоводцев, робко поднимали глаза на безусых кавалеров, представляя их в недалеком будущем в адмиральской форме..

— Наталья Павловна не собирается с тобой? — спросил Трирогов Сергеева.

— Хотела, но я отговорил. В Порт-Артуре сейчас трудно с жильем и питанием. Мой старший брат Николай там служит в артиллерии. Так он вызвал жену с дочкой, а теперь жалсет...

Между тем за столом становилось шумнее. Новоиспеченному командиру эсминца высказывались самые разнообразные напутствия, пожелания.

— Помнишь, вот так же на «отвальной» мы предсказывали адмиральские эполеты Владимиру? — спросил Трирогов.

— Флигель-адъютантские, — поправил Сергеев.

Разумеется, он помнил, как здесь у Донона, в 1890 году, 23 августа, они провожали мичмана Менделеева в его первое большое плавание на только что вошедшем в строй крейсере «Память Азова». На проводах Владимира присутствовал сам Дмитрий Иванович, знаменитый химик. Он пожелал сыну не только служебных успехов, но и научных, по изучению мирового океана. В пример привел своего знакомого адмирала Макарова, который смолоду успевал добиваться того и другого, напомнил, что Владимир, будучи еще кадетом, после поездки на Азовское море, составил проект поднятия его уровня путем строительства большой плотины в керченском проливе...

Имело под собой основание и пожелание флигель-адъютантства: на «Памяти Азова» намеревался совершить путешествие на Дальний Восток наследник, нынешний самодержец Николай II, вместе со своим братом Георгием. Стоило в этом плаваньи произвести на кого-то из высочайших впечатление или как-то особо привлекательно услужить, а еще лучше прислужить, — и карьера обеспечена.

Так в свое время умело услужил великому князю Алексею Александровичу, брату Александра III, нынешний наместник императора на Дальнем Востоке Евгений Иванович Алексеев. В одном из заграничных плаваний он, тогда капитан-лейтенант, в совместной прогулке с великим князем по значным местам Марселя, оказался в пикантном положении: князь с перепоя так разбушевался, что стал бить зеркала. Объяснение с полицейскими, вызванными хозяином ресторана, вел вместо Алексея Алексеев, взявший на себя всю вину. Сходство фамилии и имени молодых морских офицеров сбило с толку власти. Алексеев тут же согласился возместить ущерб и заплатить штраф за причиненное беспокойство. Таким образом скандал не коснулся личности высочайшей особы.

Будущий главный начальник флота, генерал-адмирал, великий князь Алексей Александрович эту услугу не забыл. Потому-то карьера Алексеева, по мнению многих, и покатилась, как по маслу: в 1883 году он «за отличие» получил капитана II ранга, спустя три года — уже капитана I ранга с должностью помощника начальника Главного морского штаба, а позже — командира эскадры. Не обошлось без рекомендации генерал-адмирала и назначение

Алексеева в 1903 году, уже полного адмирала и флигель-адъютанта, заместником императора на Дальнем Востоке. Таким образом, он оказался во главе гражданской и военной администрации территории, равной Западной Европе, со сложнейшими экономическими, военными и дипломатическими проблемами.

О том, что такая задача и полномочия Алексею не по плечу, прямо высказался министр финансов Витте, считавший Алексея не только выскочкой, но и одним из главных виновников все более усложнявшегося положения в регионе. Что касается боевых заслуг адмирала, то Сергей Юльевич утверждал, что Алексеев даже не слышал в жизни ни одного выстрела, если не считать пробочных — из бутылок с шампанским, и вообще больше занимался своим телом, чем делом...

И правда, хлостяк Алексеев имел слабость к сибаритству, однако многие утверждали и другое. Алексеев за сорокалетнюю службу проявил себя истинно морским волком в разных плаваниях, два из которых были кругосветными, длились по три года, умело командовал судами и соединениями большей частью на Тихом океане, в его южных и северных водах. Начиная с 1895 года, со времени японо-китайской войны, он, считай, и не покидал Дальнего Востока, непрерывно находясь последние пять лет в его горячей точке, в Порт-Артуре, сначала в должности начальника вновь образованной Квантунской области, а с прошлого года — заместника царя.

* * *

Сергеева с Трироговым более всего связывала грустная память по Владимиру Менделееву, на чьей сестре Ольге Трирогов женился вскоре по окончании морского корпуса. Далее судьба сложилась так, что Трирогов и Менделеев почти в одно время покинули флот, первый по домашним обстоятельствам, а второй вынужденно. Дело в том, что мичман Менделеев не только не услужил никому из высокого начальства во время плавания на «Памяти Азова», а хуже того — впал в немилость, вынужден был выйти в отставку и скоропостижно скончался...

Так что из выпускников 1884 года, кому офицерские погоны и кортики вручались Александром III, сейчас за столом находились только двое — Сергеев и Трирогов.

Сергееву вдруг припомнилась огромная шаркающая туша царя, двигавшаяся вдоль строя и рядом с ней, тенью, — малоприметная фигура шестнадцатилетнего цесаревича Николая.

...В зале ресторана военных заметно прибавилось. Соседний стол тоже заняли моряки. Оттуда доносилось: «Харбин,.. Маньчжурия,.. Владивосток,.. Порт-Артур,.. Корея»... В последние дни газеты были заполнены материалами о ведущихся в Токио переговорах между русским посланником бароном Розеном и представителями «Страны Восходящего солнца». Япония настаивала на ее «преобладающих интересах» в Корее, на праве «давать советы и оказывать помощь корейскому правительству во внутреннем управлении страной». Но и это не все. Токио требовал не препятствовать ему при проведении тех мер, которые сочтет нужным предпринять для защиты своих интересов, вплоть, как писалось в последней ноте, до отправки в Корею войска «для защиты вышеозначенных целей или подавления беспорядков и волнений, могущих вызвать международные осложнения». Все это предлагалось в ультимативном духе, даже русское компромиссное контрпредложение — о неиспользовании территории Кореи в стратегических целях было отвергнуто, что говорится, с порога.

Россия категорически отказалась признать за Японией какое-либо правовое основание на свободную посылку войск в Корею; и всего лишь три дня назад, 6 января, еще раз подтвердила такую точку зрения. Это-то решение и связанные с ним действия японцев живо обсуждались сейчас за соседним столом. Они же определили основную тему разговора и в сергеевской компании.

Начал лейтенант Юрасовский, тот самый, который явился с небольшим опозданием. Он тоже получил назначение в Порт-Артур командиром эскадренного минопоса «Страшный» и был чрезвычайно возбужден. Потряхивая рыжеватой шевелюрой, сообщил:

— Слышали, японский посланник Курино отдал приказание — всем студентам-японцам, занимающимся в учебных заведениях Петербурга, готовиться к отъезду на родину?

Триогов дополнил:

— Его коллега в Лондоне Хаяси открыто заявил в Форин-оффисе, что нынешний кабинет в Токио желает

войны с Россией, а Гриском, американский посол в Японии, поддакнул: если, мол, война не состоится, то это вызовет мрачное разочарование. Правда, не уточнил — у кого вызовет.

— И так понятно, у дяди Сэма, взявшего на себя финансирование военной программы Токио...

Все понимали, что война не за горами и срочную отгрузку своих товарищей на Дальний Восток рассматривали как печальный этап мобилизационных действий. Об этом свидетельствую и то, что Главный морской штаб, его начальник контр-адмирал Рожественский, только что отдал распоряжение о досрочном выпуске старшего курса Крошштадтского морского инженерного училища, — в механиках на Тихоокеанской эскадре ощущалась особая пужда. Выпускали даже без экзаменов, скоропалительно присвоив звание.

— Поздравлять приезжал сам Макаров, а затем всех пригласили на обед в Зимний дворец. Чтобы за одним столом с императорскими величествами и великими князьями — такого для механиков еще не бывало!

— Что ж, закономерно, — спокойно возразил Юрасовскому Сергеев. — На современном флоте фигура инженер-механика — особая величина, сам в трюме, а на строевика смотрит сверху вниз, так как всюду высшая техника. Да и чистота внизу, как на верхней палубе, серебряная покраска...

— Положим, мне серебряная ни к чему, — перебил Юрасовский. — Я за императорские цвета — белый, черный, золотой! Ну а наш гость — железнодорожник, вероятно, не разделяет такую точку зрения? — обратился он к Трирогову.

— Не вижу причины входить в спор: сегодня просто нет корабля, если нет на нем инженера, более того, вообще нет прогресса, а флот — это всего лишь частный технический случай, как впрочем, и железная дорога.

Сергеев, не понимая запальчивости новоявленного железнодорожника, тем не менее поддержал его:

— В нутро каждого крейсера пынче засунут не просто мощный локомотив, его огнеструйный котел, а можно сказать, целое депо с электростанцией, телеграфом и так далее.

— Ну вот, — Юрасовский в шуточной обиде развел руками. — Я-то думал до сего дня, что стою на боевом мостике, а оказывается, всего лишь на выюшке паровой трубы.

— Если угодно...

— Однако, дорогой представитель технического прогресса, — Юрасовский снова обернулся к Трирогову, — скажите, почему ваше министерство задумало проектировать дорогу по берегу Черного моря в сторону Турции, так сказать, традиционного противника славян? Вбивают туда миллионы! А истинный-то узел мировой политики завязывается совсем в противоположной стороне — на Тихом океане. Возможно трагический...

— Что ж, поступим с ним, как некогда с гордиевым, — весело возразил из-за соседнего стола молоденький мичман и, привстав, поднял бокал, предлагая жестом присоединиться к его предложению.

Сергеев ответил ему дружеским кивком, а Юрасовский представил:

— Позвольте. Мичман Акинфиев, Андрей Михайлович. Вахтенный офицер моего «Страшного». Порт-Артурский старожил, возвращается из отпуска по месту службы.

«Старожил» покраснел от удовольствия; ему было не более двадцати. Училище он закончил полтора года назад, получив назначение на броненосец «Полтава», на нем и ушел в Порт-Артур. После солидной рекомендации мичман невольно почувствовал себя в роли лермонтовского Грушницкого и, на манер последнего, попробовал войти в беседу на равных:

— В Морском корпусе собираются выпустить — тоже досрочно — гардемаринскую роту. Без экзаменов!

— Кажется так, — подтвердили с другой стороны стола. — Первыми об этом узнали портные: самые быстрые из гардемаринов поспешили заказать себе офицерские мундиры. Парадные!

Сергеев заметил:

— Зато японцы, как пишут газеты, шьют для армии полевые, цвета хаки. По примеру англичан.

— Да, обстановка не для парадов, — согласился Трирогов, собственными ушами слышавший сегодня в министерстве разговоры об отправке на Китайско-Восточную железную дорогу группы инженеров для оказания технической помощи в ремонте подвижного состава и путевого хозяйства.

— Странное дело, — задумчиво продолжал Сергеев, — «кожаные воротники» коммодора Перри открыли артиллерийскими стволами ворота Японии, или, правильнее

сказать, взломали их, а нынешние токийские власти толкуют об опасности со стороны России. Что скажешь, Алексей?

— Скажу, что умный телок двух маток сосет и поглядывает на третью, — ответил Трирогов. — Японцы — способные ученики и англичан и американцев. Первые только что хорошо «поговорили» — тоже с пушками! — с бурами, а вторые — с Филиппинами и Кубой...

Слова капризно-возбужденно вмешался Юрасовский:

— Господа, господа, оставим эти извилистые словесные упражнения нашему министру иностранных дел графу Ламздорфу и императорскому посланнику в Японии барону Розену. Наше же дело прямолинейное, точное: заряжай; угол, расстояние. Засим — взрыв! Наше дело — подвижные мины. Поэтому предлагаю тост за боевую математику.

— За дальнобойную математику! — поддержали снова из-за соседнего стола, который как-то незаметно придвинулся, касаясь краем с тем, за которым паходился Сергеев. Это сближение было воспринято вполне дружественно. Через минуту у той и другой компании обнаружили общие знакомые, что касается общего разговора, то он уже был начат.

— Прямолинейность, конечно, отличная штука, но все-таки, господа, почему бы иногда и не побережь собственный нос, — заметил визави Юрасовского.

За столами переглянулись. Многие помнили случай пятилетней давности, когда Юрасовский, командовавший тогда миноноской номер 110, в ночном учебном бою, проходившем в Балтийских шхерах, так разогнал судно, что чуть не пробил борт у «Адмирала Унакова». Не поставь броненосец сетевого ограждения, случилось бы несчастье, но удар был смягчен: происшествие закончилось всего лишь свернутым в сторону носом миноноски и поврежденным торпедным аппаратом. Однако и в этом, нелепом положении, Юрасовский еще раз попытался ринуться в атаку.

Адмирал Макаров, который руководил маневрами, анализируя бой, на удивление многих, посчитал атаку Юрасовского удавшейся. Он призвал командиров не бояться увлечений и ошибок, ибо они — уроки для будущих схваток, пояснив, что от них остается опыт, а от безделья, нерешительности, будь они вызваны самыми почтенными

сомнениями, ничего не остается. И все-таки, несмотря на такую оценку печальства, «гармошка» на носу миноноски номер 110 долгое время оставалась предметом шуток в порту.

Сергеев, кинув взгляд на уткнувшегося в тарелку товарища, понял его состояние, подумал: «Юрасовский смел, решительен, но не осмотрителем». Александр Семенович мог бы добавить еще об одном свойстве натуры товарища — увлеченный и даже называть его последнее увлечение — подводные лодки. Правда, деятельность Юрасовского в этом направлении ограничивалась пока только сбором материалов об отечественном и иностранном опыте. К сожалению в России, несмотря на многочисленные попытки изобретателей-энтузиастов, подводная лодка как боевой корабль куда не приживалась на флоте.

Мичман Акишфиев, который искал повода для вхождения на равных в беседу старших, поделился уместной, как ему казалось, новостью:

— Штабные в Кронштадте уверены, что Макаров тоже рвется в Порт-Артур. Его старший адъютант, капитан II ранга Семенов уже получил «добро» на свой рапорт о переводе в Порт-Артурскую эскадру: назначен старшим офицером на крейсер «Боярин».

Мичман сказал правду, то есть то, что знали многие из сидящих за столом. Сергееву даже припомнилась фраза адмирала, ставшая крылатой: «Меня только тогда пошлют на Дальний Восток, когда там случится большое несчастье». Но лейтенанту не понравилось то, что за столом запросто перекидываются именем командира главного военного порта России — Кронштадтского, поэтому он решительно оборвал разговор:

— Главное, реально оценить противника. Ну, а если грянет бой, то не подсчитывать, сколько у кого стволов и сколько умов, а делать все возможное для победы. Я правильно понял тебя, Константин Константинович? — обратился он к Юрасовскому, который продолжал хмуриться из-за намека о давнем происшествии с его миноноской.

— Разумеется — я за гамбургский счет.

Трирогов подвинулся к Сергееву и негромко сказал:

— Как все-таки складывается жизнь, Александр. В дальневосточных водах ты мог бы оказаться еще десять лет назад. И рядом со Степаном Осиповичем.

Трирогов имел в виду перевод Средиземноморской эскадры, на которой тогда служил Сергеев и которой командовал адмирал Макаров, в Тихий океан.

— Мог бы оказаться и рядом с адмиралом Чухниним: он занимал пост начальника Владивостокского порта.

— Верно! А перед тем — командира «Памяти Азова», — подтвердил Трирогов, поняв горькую иронию товарища: Чухнин пользовался репутацией деспота, так терроризировал матросов и даже молодых офицеров, что заслужил на флоте презрительное прозвище — «Чухня».

Упоминание фамилии этого адмирала, ныне начальника Морского кадетского корпуса, снова повернуло мысль одноклассников к Владимиру Менделееву, как раз служившему на «Памяти Азова» под рукой Чухнина в той же Средиземноморской эскадре. В октябре 1893 года, при визите эскадры во Францию, и произошло событие, отлучившее лейтенанта Менделеева от флота.

Приход военных кораблей великой державы, с недавних пор связанной с Францией союзнической конвенцией, сопровождался официальными торжествами. И вот, во время большого морского праздника в Тулоне, на котором эскадрой демонстрировались разнообразные эволюции, Менделеев, исполнявший обязанности вахтенного начальника на крейсере, допустил служебный просчет.

Когда русские суда по указанию с флагмана, то есть с броненосца «Император Николай I», завершили построение, а командующий эскадрой (предшественник Макарова — адмирал Авелан) уже приказал поднять на мачте сигнал с выражением его, адмиральского, удовольствия чистотой поворота, маневрирующий рядом с «Памятью Азова» фрегат «Адмирал Нахимов», не сдержав ход, вдруг оказался в опасной близости. Столкновение, казалось, неминуемо!..

Менделеев в ожидании экстренного приказа оглянулся на то место, где только что находился Чухнин. Но командир исчез с мостика! Лейтенанту ничего не оставалось, как принять на себя полную ответственность за маневр. Он дал необходимые, хотя и очень рискованные, указания на руль, на машину; на случай же аварии — приказал подготовить шлюпки к спуску на воду.

Корабли разошлись удачно, можно сказать, счастливо, едва не шаркнув бортами. Все, кто находился на палубах «Памяти Азова» и «Нахимова», понимали, что столкнове-

ние было предотвращено благодаря решительным действиям вахтенного начальника: упусти он секунды, растеряйся, — и катастрофы бы не избежать, да еще на глазах иностранцев.

Чухнин, который, как позже выяснилось, покинул мостик из-за неожиданного недомогания в животе, был взбешен самостоятельностью офицера и, маскируя собственную ошлошность, написал грозный приказ о нарушении вахтенным начальником указания командира.

Случай взволновал эскадру, в особенности молодое офицерство. Все знали о самодурстве, ограниченности и жестокости Чухнина. Но командующий Авелан знал и о другом — о весьма благожелательном отношении к этой фигуре цесаревича и двора в целом. И все же, почувствовав атмосферу растущего негодования на эскадре, он не дал хода делу Менделеева. Однако ненависти и силы Чухнина вполне хватило на то, чтобы в скором времени сломать жизнь лейтенанта.

Сергеев, служивший тогда минным офицером на «Николае I», более других переживал за товарища, всеми силами стремился поднять его настроение. Когда из Парижа последовало приглашение — офицерам русской эскадры посетить 17 октября столицу Франции, он уговорил Владимира поехать.

Молодость склонна к забывчивости; друзья, оказавшись среди ликующих парижан, встретивших гостей на Лионском вокзале, воспряли душой.

Адмирал Авелан, под защитой адъютантов и флаг-офицеров, с трудом продвигался по переполненному перрону. За ним шли офицеры, тоже плотно зажатые с двух сторон колышавшимися людскими шпалерами, оглушенные приветственными возгласами, звуками русского государственного гимна и Марсельезы.

Молодая женщина с ребенком, отличив рослого моряка с добрым округлым лицом, обрамленным аккуратной бородкой, приняв его, вероятно, за образец типичного русича, протянула ему своего малыша.

Сергеев подхватил мальчишку и, поцеловав, передал Владимиру, а тот — соседу. Так малыши и поплыли над головами колонны. А счастливая мать, смеясь и посылая морякам воздушные поцелуи, бежала сбоку...

День 17 октября 1893 года французские газеты провозгласили «Русским днем»! Русским он был не только в

Париже, но и в Лионе, в Марселе, где столь же горячо принимались отряды моряков, состоявшие в основном уже из нижних чинов. В их честь устраивались гуляния, угощения, самые разные демонстрации дружелюбия. Женщины целовали гостей, заявляя, что в их лице они целуют весь великий народ России. Газетчики всех направлений соревновались в политических панегириках...

В полдень, когда Сергеев уже изнемогал от объятий, речей и устроения в мэрии обильного обеда (на фронто-не мэрии, как бы кстати, был изображен корабль — герб города), подоспело приглашение — посетить фотоателье Феликса Надара. Знаменитый фотограф-художник, и при этом не менее прославленный воздухоплаватель (во время франко-прусской войны 1870 года он производил на воздушном шаре разведочные полеты вдоль линии фронта!), пожелал лично сделать серию психологических портретов русских моряков.

Хорошо, что ателье находилось неподалеку, в самом центре Парижа, там, где бульвар Капуцинок пересекался с улицей Дону.

Сергеев, поднимаясь в толпе на второй этаж мастерской Надара, и далее проходя через столь же переполненные людьми выставочные залы, снова почувствовал себя как на вокзале. Наконец, оказавшись у цели, то есть перед объективом фотоаппарата — огромного, в футляре красного дерева, смог осмотреться. Приводя себя в порядок, он обнаружил, что на мундире не хватает пуговицы. Надо полагать, какая-то экспансивная девица оторвала на память.

Пока Надар с ассистентами делал групповые и портретные снимки моряков, появившиеся художники спешили с набросками в своих альбомах.

Затем гостей передали журналистам. Те для начала затащили их в находившееся тут же на бульваре Капуцинок гран-кафе, — в нем через два года, 28 декабря 1885 года состоится первый в мире показ братьями Люмьер их киноленты, — ну а в заключение ими занялась содержательница литературного салона, романистка и издательница Жульетта Ламбер Адан.

Эта Адан и ранее проявляла себя в качестве одной из самых энергичных пропагандисток франко-русского сотрудничества, вовлекая в свою орбиту коллег и друзей. Она вместе с поэтом Деруледом даже съездила в Россию,

объявив на весь мир о традиционной близости государственных интересов и культур Франции и России.

Царский посол в Париже Моренгейм успел подметить, что мадам Адан распространяет свою благожелательность и на русскую революционную эмиграцию, поэтому в знак осуждения проявил демонстративную безучастность к порывам писательницы. Антипатию — а она была взаимной — усилило еще одно событие, тоже связанное с весной франко-русского сближения. В Париж неожиданно заявила группа артистов из Киева, 80 человек с оркестром и громоздким реквизитом. Они решили обрадовать парижан музыкальными спектаклями на малоросскую тему, для начала думали поставить «Наталку-Полтавку» и «Запорожец за Дунаем».

Увы, театр с первых же дней оказался на финансовой мели. Без предварительной рекламы, без переговоров с антрепренерами и газетчиками, надеясь только на свои голоса и драматические таланты, актеры обнаружили великую наивность, — ни один театр не спешил предоставить им сцену. Вскоре нечем стало платить и за гостиницу. Малороссы кинулись в русское посольство, рассчитывая на поручительство посла, чтобы занять где-то денег.

Барон Артур Павлович Моренгейм не пошел пужным вмешиваться в патриотическую одиссею провинциальной труппы и отказал ей в таком поручительстве. И вот тут-то ему пришлось в полной мере познать характер мадам Адан. Она не только вслух высказала свое возмущение бессердечностью русского дипломатического представителя, но и, вопреки его воле, сумела договориться с городскими властями Марсея о предоставлении сцены местного театра друзьям из Киева. Город, связанный торговыми делами с черноморскими портами России, в особенности с Одессой, проявил теплое гостеприимство украинской «Наталке-Полтавке», театр был переполнен...

И теперь Жульетта Адан, которую за активность и энергию печатно прозвали «современной деловой женщиной», снова проявила себя оригинальным образом: она организовала сбор средств среди женщин Франции и от их имени приобрела две тысячи браслетов работы французских ювелиров для жен и невест личного состава русской эскадры.

Вдохновенно выступая на приеме, госпожа Адан как будто сбросила по меньшей мере полтора десятка лет, —

никто из моряков и не мог подумать, что этой раздурившейся от волнения голубоглазой блондинке идет уже шестой десяток...

Вручили золотую безделушку и Сергееву:

— Приятная компенсация за оторванную пуговицу, — молвил он, вертя в руках подарок.

— «Не для себя, так для кого же?»... — пропел Владимир, но так как Александр Семенович не поддержал шутку, он переменил тему. — Кстати сказать, я надеялся встретить у Надара его друга — Жюля Верна, или хотя бы одного из героев романа «Пять недель на воздушном шаре».

«А увидишь скоро Чухню», — горько подумал Сергеев, вспоминая павалившиеся на товарища неприятности. Велух же заметил: — Ты мог встретить у Надара кого угодно, но а чем не герой твой Дмитрий Иванович — полетать в одиночку на аэростате встречь черному солнцу?!

Сергеев напомнил о полете на воздушном шаре родителя Владимира. Это случилось шесть лет назад, в день солнечного затмения; ученый надеялся таким способом лучше рассмотреть солнечную корону. Из-за сильного ветра шар удалился на десятки километров от места старта, города Клина. Тем не менее, великий химик, оказавшись впервые в жизни в роли воздухоплователя, к тому же в одиночестве, сумел благополучно опустить аппарат на землю.

— Да, отец умеет рисковать, — как-то скудно протянул Владимир. — Мне бы его волю...

Столь же почетно Франция и провожала Средиземноморскую эскадру. В Тулон прибыл сам президент Карно. От его имени группа отличившихся русских моряков была отмечена французскими орденами. Лейтенант Сергеев — орденом Почетного легиона Кавалерского креста. Президент Франции, считавшийся магистром этого высшего ордена, лично вручил ему награду со словами:

— Посвящаю вас в кавалеры ордена Почетного легиона...

В России оценили такое внимание. В Булонский дворец поступила из Петербурга телеграмма:

«Чувство горячей симпатии, которое проявилось еще раз столь красноречиво, умножает связи, объединяющие обе наши страны, и будет содействовать укреплению общего мира, предмета усилий и неизменных желаний двух стран».

Сюда же, в Тулон, на эскадру пришла и посылка с фотографиями из ателье Надара. Свое фото Сергеев позже отправил в Курск, надписав:

*«Любимому отцу от сына,
Греция. Пирей.
Ноября 20, 1893 года».*

То же сделал и Владимир Менделеев. После тулонской истории лейтенант как-то сник, стал поговаривать об отставке. Вскоре его списали с крейсера в гвардейский экипаж, то есть перевели в Петербург. А тут подоспело утешение — он влюбился! Предметом сердца стала единственная дочь художника-передвижника Кирилла Викентьевича Лемоха — Варвара, а для Владимира — Варенька. Молодой лейтенант стал постоянным гостем на Васильевском острове, на Малом проспекте, в доме, где на четвертом этаже жили Лемохи. Там часто собиралось большое общество из людей искусства. Бывал и старший Менделеев, принятый в действительные члены Академии Художеств за разработанную им рецептуру красок.

В свою очередь, Варенька с отцом охотно посещала менделеевские среды, на которых, кроме ученых, можно было встретить и художников, и музыкантов, и литераторов. Здесь же через несколько лет появится и Александр Блок и, тоже, на свою беду, влюбится в одну из дочерей Менделеева — Любовь Дмитриевну, — «Незнакомку», * «РАЙлюбу», а возможно, «АДлюбу», так во всяком случае хотелось бы ее назвать.

Деликатный, стремящийся быть «приятным во всех отношениях», Лемох перед каждым гостем открывал свой тяжелый серебряный портсигар, предлагая папиросу и, вместе с тем демонстрируя свидетельство собственного общественного положения — портсигар являлся подарком Александра III, при жизни которого Лемох был вхож во дворец в качестве учителя рисования молодых великих князей, то есть и нынешнего императора.

Художник искренне обижался на почтенного Дмитрия Ивановича Менделеева, который категорически отказывался от изящных, с длинными мундштуками, папиросы, предпочитая собственные, необыкновенно толстые самокрутки, нещадно дымя ими. Обижал он Лемоха еще и тем, что упорно называл его не Кириллом, а Карлом, по имени,

каковым был наречен при рождении родителями — немцами.

Зато Владимир с радостью пользовался любезностью хозяина дома, зная, что папиросы ему набивает хорошеенькая дочь. Свадьба его с Варварой Кирилловной состоялась в начале зимы 1896 года. Явилась масса приглашенных — парадные сюртуки, фраки и блестящие мундиры, сам Дмитрий Иванович в пышном форменном одеянии тайного советника с лентой и орденами, — однако празднеству не доставало той жизнерадостной непосредственности, которая царила семь лет назад при бракосочетании Ольги с Триговым...

«Возможно, нашей молодости не доставало? — перебил свои воспоминания Сергеев. — Жениху было уже за тридцать, успел располнеть, а у невесты в лице царствовал такой холод, как будто она приобщалась не к таинству счастливого супружества, а к обязанности, к «закону».

Вовсе не понравился Александру Семеновичу тогда и сам Лемох — уж до того аккуратный, вымытый и ухоженный, хоть сейчас клади в коллекционную коробку с ватой, являя полную противоположность медведеподобному, лохматому и резкому в суждениях ученому свату. Правда, поговаривали, что дочь пошла не в отца, отличается крутым характером, что у нее на туалетном столике, рядом с парижскими духами, открыто лежит ... браунинг!

Через год после женитьбы Владимир покинул военную службу, устроился инспектором мореходных училищ. Большой радостью для него стало рождение сына, названного в честь знаменитого деда Дмитрием. Но мало ему пришлось покидать на руках первенца: в декабре 1898 года Владимир сильно простудился, получил воспаление легких и, прохворав всего лишь неделю, скончался. Вскоре не стало и маленького Мити: не дожил и до четырех лет. И остался в доме Дмитрия Ивановича от сына-моряка только белый попугай, вывезенный из Индии, из заграничного плавания на «Памяти Азова», да проект плотины через Керченский пролив.

С тех пор и оборвались связи Сергеева с Менделеевыми...

— Как поживает Дмитрий Иванович, как его здоровье?

Трирогов быстро поднял глаза, удивившись вопросу: все близкие знали, что старший Менделеев не любил посвящать кого бы то ни было в состояние своего здоровья; да и других об этом редко спрашивал, признавая лучшим лекарством работу. Поэтому, минуя тему здоровья, Трирогов ответил обще:

— Пишет большущий труд — «К познанию России» — история, философия, экономика... Продолжает развивать идею мореходства в Тихий океан через Северный полюс, спорит с Макаровым.

— Позвольте, — вмешался в разговор Юрасовский. — Мне точно известно, что 31 мая 1897 года Менделеев и Макаров подписали общую докладную записку на имя министра финансов Витте. Они изложили совместную, то есть вполне согласованную, программу будущего плавания. Разошлись только в деталях руководства научной программой плавания — кому ее возглавлять.

— Кому же, как не адмиралу? — удивился Акинфиев. — Он же «Ермака» строил.

— И опыт плавания во льдах...

Послышались и другие реплики, в которых упоминались фамилии мореплавателя и химика, щедро одаренных русских людей из сибирской глуши...

Глушь — она колыбель гениев. Негромкая, мешковато одетая, сытая тем, что бог послал, глядящая из своего далека, из-под ладони, на сверкающую карусель столичных муз и платонов. Но в ее одноэтажных домиках и хатах, на первородных снегах, на дорогах, покрытых размолотой жарой и ветром пылью, делали свои первые шаги богатыри нации. Тобольск и Болдино, Николаевск-на-Амуре и Холмогоры, Рязань и Ульяновск, Калуга, Нижний Новгород и Саратов... Да, да, «к теце, в глушь, в Саратов!» — за мудростью, за добротой и терпением, за живым делом. Мало кто из гениев выбирал местом своего взросления столицы: слишком гладко, сладко илюдно. А для того, чтобы хорошо подумать, необходимо одиночество, отсутствие нянь, необходим риск ушибиться, даже риск полного исчезновения: гений пестуется на взрывоопасной границе между вечностью и благонамеренным соглашательским ничтожеством...

Заговорив о северном морском пути, освоением которого были одержимы и Менделеев и Макаров, компании с

обоих столов сошлись на том, что в военном отношении для переброски эскадры на Тихий океан, скажем, с Балтики, северный путь — кратчайший и безопаснейший. Но как плыть? Один вариант — через полюс, то есть подняться по западному меридиану до «вышки мира», а по другому, уже восточной долготы, сойти вниз, к мысу Дежнева, к Берингову проливу. За такой маршрут и ратовал Менделеев. Макарову же полюсный вариант казался неоправданно рискованным: надежнее идти вдоль берегов Евразии.

Трирогов напомнил, что Дмитрий Иванович, пытаясь опровергнуть довод о повышенной опасности плаванья, прилюдно заявил, что готов взять с собой в экспедицию жепу и даже младшего сына-гимназиста! На возражение, что в случае неудачи его авторитету ученого будет нанесен большой урон, отрезал:

— Ничего, пускаясь на старости лет в сторону Северного полюса, я не боюсь посрамиться.

— Это уже не переговоры, а сражение на контр-курсах! — воскликнул Юрасовский, послушав Трирогова.

По-другому воспринял Сергеев.

— Говорить о какой-то ссоре Менделеева с Макаровым не имеет смысла, — возразил он. — Правда, Дмитрий Иванович бывал резок. Но цельзя же столкновение больших людей, тем более научный спор, превращать в ссору соседей по усадьбам.

Александр Семслович тоже знал об истории несостоявшейся экспедиции к полюсу. Дома у него лежала книга Макарова «Ермак во льдах», вышедшая три года назад, в которой адмирал убедительно доказывал огромные возможности ледокольного флота для науки и практики освоения северных пространств, слушал и его знаменитую лекцию «К Северному полюсу напролом», прочитанную в Географическом обществе, которую позже горячо одобрил Менделеев. Был он на этой лекции вместе с Владимиром, перед самой его отставкой. И сейчас ему захотелось проявить объективность не только от самого себя, но и от имени умершего друга.

Трирогов понял Сергеева и тоже внес уточнения:

— Разумеется, о ссоре не может быть и речи. Менделеев горячо приветствовал мысль Макарова о покорении Арктики мощными ледоколами, как, впрочем, Макаров пер-

вым поздравил Менделеева с изобретением бездымного пороха.

— Менделеев — один из ратоборцев развития нефтяной промышленности в России, а Макаров — горячий сторонник внедрения нефти в качестве корабельного топлива: убеждал, что оно придаст толчок развитию отечественного флота.

Трирогов, слушая Сергеева, который уж очень серьезно, даже к сердцу, принял спор, решил разрядить его шуткой:

— Но это не мешало Дмитрию Ивановичу выдать и такой афоризм: «Топить нефтью, это то же самое, что жечь вместо дров ассигнации».

Сергеев на столь неожиданное заключение товарища только покачал головой. По обстоятельствам службы он не раз оказывался близко от обоих великих мужей — Менделеева и Макарова, являлся не только свидетелем их некоторых начинаний, но и исполнителем. При нем на броненосце «Севастополь» происходила испытательная стрельба 12-дюймовыми снарядами, снаряженными бездымным порошком Менделеева, позже, в 1897 году, ему, уже с ведома Макарова, поручили командование миноносной номер 49 из Петербургского отряда для отработки на ней нефтяного отопления на новых, большой производительности, водотрубных котлах. Плавание продолжалось полтора месяца и показало, что такая энергетическая установка значительно убыстряет подъем пара и обеспечивает кораблю более высокую скорость. Вырисовалась и еще одна положительная сторона, о которой доложил Сергеев, — намного облегчается труд машинной команды.

Вместе с тем, как для Сергеева, так и для Трирогова, источником знаний о взаимоотношениях Макарова и Менделеева являлась еще и близость их к семье последнего, правда, с некоторой разницей. Если для Трирогова основой близости служила родственная связь через жену, Ольгу Менделееву, то для Сергеева — схожесть судеб ее брата Владимира с собственной: оба они, как раз в год поступления Александра Семеновича в Морской кадетский корпус, остались без матерей — Дмитрий Иванович разошелся с супругой, а отец Сергеева, Семен Александрович, сам был покинут. Мать Владимира уехала в Клинский

уезд, в деревню Боблово, родительница же Александра — в именье Москвинка, Щигровского уезда, Курской губернии.

Сближала Владимира с Александром и сословная сторона — оба происходили из трудовых семей, тогда как родители Трирогова были аристократы: отец — генерал, мать — из родовитых князей Шахматовых.

Трирогов, слушая сейчас Сергеева, подумал еще об одной причине, по которой когда-то тянулся к этому офицеру Владимир: уверенные, хладнокровные, сильные люди всегда привлекательны, без всяких ухищрений со своей стороны — сама натура привлекает. В себе же он ощущал некоторую неудовлетворенность, раздвоенность. Несмотря на то, что на железной дороге он получал хорошее, намного превышающее офицерское, жалование и надеялся войти в дела управления Рижско-Орловской железной дороги даже финансовым участием, море постоянно напоминало о себе. Теперь же, в пору военной опасности, ему особенно захотелось представить себя тоже на мостике миноносца. Желая притушить в себе эту неприятную раздвоенность, Трирогов сказал:

— Дмитрий Иванович крайне обеспокоен угрозой войны, ругательно ругает и Запад и Восток. Считает, что наша роль в Азии должна остаться освободительной и просветительной, — Трирогов, почувствовав, что люди за обоими столами внимательно прислушались, добавил: — По мнению Дмитрия Ивановича Тихий океан должен служить границей, на которой следовало бы разумно сходиться всемирным интересам Востока и Запада. России же в этой ситуации следует быть тоже великой и тихой. Первое она заслужила всей своей историей, а второе предстоит заслужить, объединив людей в общую семью...

Юрасовский взорвался:

— Красивые рассуждения! Англия уже «объединила» — влезла со своими армиями и флотом на все континенты. «Владычица морей», «Правь, Британия!» и прочая осточертевшая кичливость.

— Тем не менее, — продолжал Трирогов. — Россия и географически занимает срединное положение в Европе и Азии.

— На сегодня — между молотом и наковальней, — буркнул Юрасовский. — Вот такая у нас середина.

— И все-таки середина, — упорствовал Трирогов. — Дмитрий Иванович в этом духе даже составил карту России, взяв за начальный меридиан — Пулковский. На такой картографической проекции она уже не выглядит растянувшейся по двум координатам дремлющей медведицей, а как бы поднявшейся на дыбы между Ледовитым и Тихим океанами, опершейся лапами на массив Азии.

— Надеюсь, скоро нам будет дана возможность несколько исправить карту Азии, — заметил Юрасовский.

Мичман Акинфиев, которому надоело умничание старших офицеров и железнодорожника, подхватил:

— Заодно исправим и характер японцев: деревянные неискренние поклоны, двусмысленные улыбки, гейши, рикши...

— Поклонов у нас, положим, не меньше, и искренни они^е не более, — возразил Сергеев. — Так что нам надо не высокомерить, а изучать возможного противника.

— Конечно, надо, — не унимался Акинфиев. — Однако не только по запискам Головина — «В плену у японцев».

Сергеев качнул головой.

— Как раз по этим запискам, дорогой мичман. Головин, познав плен, призывал потомков, то есть нас с вами, уважительно относиться к японцам, даже предсказывал, что если у этой нации, достоинства которой он перечислил — умной, тонкой, переимчивой, трудолюбивой, — появится такой государь, как наш Петр I, то через некоторое время она будет владычествовать над всем Восточным океаном.

По тому, как округлились глаза мичмана, было ясно, что он озадачен предсказанием Головина, поэтому ответил просто, без словесных выкрутас и амбиций:

— Спасибо, Александр Семенович, за науку. Вернусь в Порт-Артур, засяду за «Записки».

— Мне более всего нравились слабости японцев, — заговорил вновь в иронической манере Трирогов. — К примеру, каждый вечер принимать ванну. У них только так, будь то мраморная купель или опоясанная обручами лоханка...

— Господа, господа, как бы нам не перехвалить противника, — раздался резкий и высокий голос Юрасовского.

— Тем более досрочно...

Анна Каренина из Курска

Сергеев выезжал Дальневосточным экспрессом. Дебаркадер Николаевского вокзала был переполнен провожающими. Этим поездом, как правило, следовали военные, получившие назначение в Сибирские сухопутные и флотские гарнизоны, в крепости Владивосток и Порт-Артур. Преобладали они среди пассажиров и теперь, в дни напряженного состояния русско-японских переговоров. Слово «война» не произносилось, но ее тень уже легла на лица, в особенности на женские — обеспокоенность, страх, откровенная нежность...

Наталья Павловна, поправляя на супруге лацканы шинели, спрашивала, не забыл ли взять финские шерстяные носки. А он, в свою очередь, советовал ей кутать горло, так как по перрону гулял ледяной сквозняк. Да и о чем особенно говорить? Они обо всем переговорили вчера на своей квартире (Васильевский остров, Николаевская, дом N 4). Вчера же Александр Семенович написал письмо отцу в Курск, сообщив о назначении. Он намекнул, чтобы тот в случае экстраординарных обстоятельств, имея в виду боевые действия, не забывал о Наталии Павловне.

Лейтенант понимал, что особого материального внимания Семен Александрович проявить и не сможет — богатств он, тянувший всю жизнь чиповничью лямку, не накопил. Тем не менее, все же собственный дом... Наследства Александр Семенович не ждал и в общем-то особо не задумывался над тем, что в его послужном списке, в графе — «есть ли за ним, за родителями его, или, если жена, за женою, недвижимое имущество — родовое или благоприобретенное», значилось короткое — «Нет».

В этом же письме к родителю несколько строк добавила и Наталья Павловна, пробежавшись сбоку, по окраине листа, ровным округлым почерком.

— Как волна в ласковый бриз, — заметил Александр Семенович.

— А вы с отцом только по росту грозные. Эдакие каменные мысы.

— Наташа, послушай, пожалуйста. Если появятся какие-то затруднения — бог знает, в какое плавание придется отправиться, — ты все-таки посети моего старика в

Курске, — говорил он, уже как-то автоматически, глядя на спящих пассажиров.

Заметил и мичмана Акинфиева. Офицер, в окружении матушки и трех молодых особ, одетых в одинаковые, темного меха, саки, явно мучился, так как понимал, что все вместе они являют забавную компанию: и мать и сестры поперебой давали ему бесчисленные дорожные советы. Их голоса доносились до слуха Сергеева.

— Будь осторожен, Андрей. В газетах пишут, что разбойники-хунхузы стреляют даже по поездам.

— Не волнуйтесь, мадам, — вмешался старший кондуктор, расправляя пшеничные усы. — Нижняя часть вагонов нашего экспресса бронирована, непробиваема для пуль, — кондуктор показал флажком на обитый снизу до самых окон железный пояс вагона с выступающими рядами заклепок.

Стоявший сбоку офицер-артиллерист в черной лохматой папаче — маньчжурский герой! — услышав пояснение, счел необходимым подтвердить:

— Да, да, надежно. Как только переедем маньчжурскую границу, так сразу садимся на пол и будем гонять в проферанс до самого Харбина...

Но голос матери мичмана продолжал зудеть:

— Не спи головой к окну — надует...

И снова отечески уверенный голос кондуктора:

— Все будет в порядке, мадам: окна у нас не только с двойными рамами, но еще и с резиновыми прокладками.

— Все-таки возьми, вот, таблетки фенаcetина, — женщина протянула пакетик.

— Мама, ну что вы, наконец!? — взмолился мичман.

Поодаль прощался с семьей — шестеро ребятешек! — лейтенант Юрасовский. Присев на корточки перед младшими, он что-то живо им рассказывал, вызывая смех. Смеялись и старшие и жена — полная румяная дама, вытирая время от времени глаза платочком, — вытрет, улыбнется, взглянет на свой выводок, на мужа — и снова кружева к глазам.

«Что бы он мог такое смешное рассказывать?» — машинально подумал Сергеев.

* * *

— Но где встретиться людям, не будь вокзалов?!

Александр Семенович и Наталия Павловна оглянулись. Перед ними стоял человек в форме инженера-путейца.

— Адам Иосифович! — воскликнула Наталия Павловна.
— Какими судьбами?

— Предполагаю, такими же, что и Александр Семенович, — железнодорожник кивнул на стоявший сбоку чемодан. — Еду в Харбин. А вы, конечно, во Владивосток?

— Нет, в Порт-Артур.

— Вот так, и флот на колеса встает. Меня министерство откомандировало в Харбинское локомотивное депо, на КВЖД, — ответил мужчина, поймав вопрошающий взгляд Сергеева.

— Приятно, что у Александра будет попутчик-земляк.

Назвать «земляком» Адама Иосифовича Козловского можно было только с натяжкой: в Курске он оказался в связи со строительством Киевско-Воронежской железной дороги, — тут обосновалось ее управление, — а познакомились они и вовсе недавно, минувшим летом, в последний приезд Александра Семеновича на родину.

Появление морского офицера-петербуржца с молодой супругой вызвало на Михайло-Архангельской улице, где жили Сергеевы, большое оживление, в особенности среди женской половины. Это обещало встречи, журфиксы, а возможно — даже бал. Вышло же так, что в первый день приглашенными оказались сами прибывшие.

— Господин морской офицер не желает замечать бедных провинциалок. Тех, которые с самого раннего детства, то есть еще с догимназического, поклонялись его романтическому мундиру! — реплика, произнесенная громко и с явным смехом, заставила Александра Семеновича и его супругу, прогуливавшихся по Михайло-Архангельской, присмотреться к компании — две девушки и отступивший от них на шаг, чтобы разминуться, молодой человек.

— Анечка, неужели это вы? — воскликнул Александр Семенович. — И Маша...

— «Родная, дорогая. Как счастлив я, как рад, как хорошо мне с вами, и как легко теперь», — пропела младшая, покачивая пышной прической-валиком.

— Я и в самом деле счастлив видеть вас совсем взрослыми и прехорошенькими, — тоже дружески-фамильярно ответил Сергеев и обернулся к жене. — Из-за этих двух крошек меня когда-то чуть не вызвали к барьеру здешние реалисты. Но так как в руках той и другой стороны в качестве оружия оказалось только пирожное, девочки помирили нас.

— А пирожное? — спросила с улыбкой Наталия Павловна.

— Тут же презентовали инициаторам миротворческой акции, то есть вот им, девицам Белецким.

Александр Семеновичу было понятно, что девушки остановились с явным желанием рассмотреть его супругу и познакомиться с ней, что и последовало в непринужденной дружеской форме:

— Александр Семенович, — начала старшая. — Я и Адам Иосифович, — показала она на спутника, который подтвердил ее слова легким поклоном, — и мама, словом все мы, ваши соседи, будем очень рады, если вы э-э-э, — говорившая нарочито замялась, что явилось поводом для офицера назвать жену — «Прошу быть знакомыми, моя Наталия Павловна». — Если вы с Наталией Павловной посетите наш дом во вторник. Ближайший.

— В этот день Маца станет Марией Степановной Козловской, — уточнила младшая.

— О-о! — отозвалась Наталия Павловна, скользнув взглядом по жепиху: широкий и выпуклый лоб, твердый взгляд человека, знающего себе цену, и подумала: красив и, наверное, не глуп.

— Мы ждем на свадьбу, — повторила Мария.

— Спасибо. Так неожиданно... Если ничто чрезвычайное...

— Что может быть необычайнее свадьбы?..

... Семен Александрович, услышав от сына о приглашении, вдруг поугрюмел, пригласил его зайти к нему в кабинет.

— Видишь ли, Александр, — начал он. — У Белецких, вернее, у младшей, история.

— Что за история?!

— Да прекрасная. Два года назад она сбежала из дома. С жепатым человеком сбежала!

— Я не заметил, чтобы она выглядела виноватой, тем более несчастной. Наоборот — цветущая.

— Скандал известен всему городу. Подумай.

— Хорошо, я посоветуюсь с Наталией, — пообещал Александр Семенович, ничуть, впрочем, не шокированный «историей». Чтобы успокоить отца, добавил: — Дмитрий Иванович Менделеев, о котором я тебе столько писал еще из корпуса, после развода сразу же повенчался с любимой женщиной, молоденькой гувернанткой своих

детей. Сделал это, даже не дожидаясь окончания срока церковного покаяния, указанного ему самим синодом.

— Как же позволили?!

— Он сам себе позволил, уж очень, видно, полюбил. Дал священнику-старика взятку, кажется, десять тысяч — компенсацию на случай, если бы того расстригли за незаконное венчание.

— Ну и ну, — только и сказал в заключение Семен Александрович, невольно подумав, что и его жизнь могла стать счастливее, расстаться он решительнее и раньше со своей Ольгой Ивановной, брак с которой никак нельзя было считать удачным, и в первую очередь потому, что он, жених, не оправдал ожиданий будущей супруги.

Семен Александрович при импозантной паружности, будто созданной для карьеры (рост — сажень с вершком, вес — семь пудов, благообразное русское лицо, которое не портила даже черная повязка на вытекшем левом глазу — след перенесенной в детстве жестокой оспы), не ушел далеко по службе. Чин титулярного советника, воспетый Гоголем в бессмертной «Шинели», и в некрасовском душещипательном романсе «Он был титулярный советник, она генеральская дочь», получил только на сорок шестом году жизни. Упрски жены, которая хотя и не являлась дочерью генерала, а всего лишь — губернского секретаря, чина крохотного, двенадцатого класса, тем не менее дамы капризной и с претензиями, он переносил трудно; с каждым годом становился замкнутее даже по отношению к детям, четверем сыновьям.

Старшими, Вячеславом и Павлом, больше занималась мать, в детстве они подолгу находились при ней в селе Стаканово, в имении ее отца — «Москвинке», то есть вне влияния Семена Александровича. И все-таки в одном из вопросов воспитания он был категоричен — сыновья должны получить образование. О себе он писал в служебном формуляре так: «Воспитание имею домашнее», теперь при «домашнем» оставил только старшего Вячеслава, уж очень слабого здоровьем, Павла и Александра устроил в Курское реальное училище, а Николая — в Орловскую военную гимназию, преобразованную в кадетский корпус.

Особое уважение к образованию у Семёна Александровича породило то, что он всю жизнь служил по врачебному ведомству в должности делопроизводителя курской врачебной управы, то есть имел дело с людьми высокообра-

зованными, кончавшими университеты. Ионьчей среди них было значительно меньше, чем энтузиастов народного здравия. Вместе с медиками Семен Александрович участвовал в работе оспенного и других комитетов при ликвидации эпидемий, в кампаниях по наведению в городе санитарии. Словом, считался он человеком общественно деятельным, много лет подряд избирался гласным городской думы.

Плоды этой его деятельности были заметны и по ухоженности и чистоте Михайло-Архангельской улицы: она была замощена ровным серым булыжником, обсажена каштанами, панели узорно выложены красным и желтым кирпичом, напоминая после дождя свежевывитканые ковровые дорожки.

— Только невест к венцу водить, — пояснил Семен Александрович сыну, когда тот удивился преображенной улице, расположенной в низине поймы речушки Кур, и потому вечно топкой.

Сейчас, разговаривая с отцом о девицах Беледких, он шутя напомнил ему об афоризме насчет невест, чем неожиданно обидел старика.

— Если бы наш Павел, как положено порядочному сыну, прошелся по этой улице в Михайло-Архангельскую церковь, — Семен Александрович обратил взгляд к поднимающемуся над морем зелени в западном конце улицы синему куполу с сияющим золотом крестом, — то был бы и жив и счастлив.

Судьба брата Павла, погодка Александра, и верно, сложилась тяжело, даже трагично. Павел, служба в Губернском правлении, всегда тяготился чиновничьей лямкой, и сразу же после смерти матери, в 1891 году, подал прошение об отставке «по домашним обстоятельствам»: он решил взять на себя управление имением «Москвинка», завещанным Ольгой Ивановной сыновьям в «нераздельное пользование», и переселился в село.

Такой шаг сына Семен Александрович не одобрил, а когда Павел сошелся там с простой девушкой-сиротой, взял ее к себе в дом и стал жить открыто, как с венчанной, вовсе рассвирипел. Дошло до того, что, встречаясь на съездах в дворянском собрании, отец и сын как бы не замечали друг друга.

Братья, Александр и Николай, относились к сложному семейному положению Павла с пониманием и деликатностью. Тем более, что его невенчанная жена Мария

Михайловна умела держать себя с достоинством и не напрашивалась в близкие родственники. Александр в один из своих приездов оказался даже в роли спасителя жизни свояченицы. В село певедомым поветрием занесло скарлатину, многие семьи лишились детей. Умерли трое и у Павла — хоронили их в один день. Марья Михайловна заболела нервной горячкой. Положение ее казалось тоже безнадежным.

Александр появился в «Москвинке» в момент, когда над ней, находившейся уже в беспамятстве, производили обряд соборования, мазали елеем, готовя к уходу в лучший мир. Он подбодрил брата, прогнал голосивших приживалок и знахарок, послал в уезд в Щигры, за врачом, и болезнь отступила. Но в конце 1901 года скоропостижно скончался сам Павел, как и мать, от сердечного припадка. Таким образом, Мария Михайловна с маленькой дочкой Галей оказалась без всяких средств к жизни.

У Александра Семеновича вертелся на языке вопрос к отцу, — где и как живет семья Павла. Но тот с возрастающей обидой теперь заговорил о старшем сыне Николае, который, по его мнению, тоже как надо не сумел устроить свою семейную жизнь.

— А ведь пора бы поумнеть — подполковник артиллерии, — басил Семен Александрович. — Женился паскоро перед самым отъездом в Порт-Артур. Да на разведенной. Не то молдованка, не то еврейка, — черная как ночь! Кстати, и этот варшавский инженер Козловский тоже черномаз, а по имени — как будто из рая выскочил — Адам! — Семен Александрович снова перешел на историю девиц Белецких. — И вообще скорый. Не успел поселиться на квартире, а уж дом перестроил, крышу поднял, и, пожалуйста, — в женихах... Да, так я не досказал тебе историю с убогом Анны. Девуца отчаянная!

Два года назад к нам в Курск заглянул с ревизией казенной палаты сам товарищ министра финансов Палицын. Приехал с сыном и женой — у нее в Курске какие-то дальние родственники. Так вот, сын Палицына Владимир познакомился с Анной, и так увлекся сей балаболкой, что стал подумывать о женитьбе. Ну-с, а дальше начались чудеса. Старый Палицын, естественно, пожелал познакомиться с предполагаемой снохой. Девушку представили. Понравилась, а через месяц, ко времени окончания ревизии, она исчезла из города!

Воображаешь, какое волшебие в семье — слезы, суматоха, обращение к содействию полиции... И вдруг письмо из столицы, от беглянки: «Маменька, не гневайтесь. Я горячо полюбила Палицына, и увезена им в Петербург (то есть полюбила не младшего, а старшего — товарища министра), и что в настоящее время, в ожидании его развода с прежней женой, проживает у добрых знакомых». Так-то...

Старуха Белецкая сгоряча — в передний угол, к киоту, схватила икону и перед ней припародно и громко отреклась от дочери. Только разве у женщин бывает что всерьез? Палицын в самом деле развелся, и в том же году летом женился на Анне. Отправляясь с молодой женой в свадебное путешествие на Кавказ, в Анапу, там у него имение, — он сообщил Белецким, когда будет следовать через Курск. Тут старуха не выдержала, вышла на вокзал к поезду. И той же самой иконой, перед которой отреклась от дочери, теперь благословила молодых. На обратном пути дочь-беглянка, как уж ни в чем не бывало, решила заглянуть домой, погостить. Может быть она-то и помогла сестре найти суженого...

Александр Семенович, слушая о похождениях младшей Белецкой, ничего не нашел в них предосудительного.

— Во всяком случае, внешне тут все прилично, — сказал он отцу.

— Ну-с, тогда вынужден еще добавить. Как ты думаешь, офицеру императорского флота удобно находиться в доме, в зале которого на стене вывешен портрет декабриста?.. Да-с, участника бунта на Сенатской площади!

— Не понимаю.

— Супруг Анны, тот самый товарищ министра, приходится родным внуком декабристу Палицыну. Сама с гордостью известила всю улицу.

— Ну о чем ты, отец? Этак тебе надо раззнакомиться и с нашим бароном Розеном, тоже из семьи декабристов. А он — губернское, то есть твое прямое начальство.

— Шути, шути. Я с ним и так раззнакомился — есть причина, — оборвал разговор Семен Александрович. — Только прошу тебя — поставь в известность супругу.

— Непременно.

Напрасно волновался Семен Александрович, что брачная история Анны Белецкой может шокировать Наталию Павловну. Услышав из уст Александра о «падении» Анны, она с веселым изумлением воззрелась на него большими серыми глазами, громко рассмеялась.

— О, это же готовая повесть, роман. Вот подумаю и напишу «Анна Каренина из Курска». Эмансипация — вовсе не монополия столиц. А внук декабриста каков?!. Нет, Александр, мы непременно должны пойти на свадьбу.

— Смотрите, ваше дело, — согласился за обедом Семен Александрович: ему не хотелось выглядеть ретроградом в глазах образованной невестки. Когда же увидел ее принарядившуюся, празднично причесанную, рядом с сыном в парадном морском мундире, то даже обрадовался, что они пойдут на торжество, «покажут себя».

«Хоть один из четырех сыновей женился по-порядочному», — подумал Семен Александрович, глядя с веранды, опоясывающей фасад дома, вслед удалявшейся паре.

Условные обстоятельства, которыми пренебрегли молодые Сергеевы, все же отразились на свадьбе. Особенно именитых гостей, вроде баронессы Монтигор, жившей на соседней улице и в молодости дружившей с Белецкой-матерью, не ожидалось. Баронесса вежливо, но категорично посоветовала бывшей подружке: «Ты бы, милая, как-то потише».

«Тоже мнит из себя, — обиделась Белецкая. — А сама живет за счет доходов с гостиницы, где дня не проходит без пьяного скандала»...

Так что пришли на свадьбу в основном сослуживцы жениха по железнодорожному управлению, а со стороны невесты самым близким человеком оказался ее учитель музыки, композитор и содержатель музыкальных классов Аркадий Максимович Абаза. Когда в разгар свадебного бала он по просьбе гостей сел за рояль и взял несколько аккордов, Наталия Павловна живо оглянулась на мужа — она узнала музыку романса на слова Тургенева — «Утро туманное». Этот романс имел в их жизни особое значение: Александр Семенович услышал его из уст Наталии Павловны на одной из менделеевских «сред». Она пришла туда с Лемохами, точнее с Варей Лемох, тогда еще невестой Владимира Менделеева. А Александра затащил к отцу сам Владимир. Он и аккомпанировал Наталии. Вещь была исполнена с таким чувством, что Александр Семенович, не склонный к комплиментарной лъстивости, тут же высказал Владимиру свое восхищение певицей.

— Крошка, а какой голос!

— Ты не мне, а ей, юной вдовушке, это скажи, — посоветовал Владимир. — Хочешь, я тебя представлю.

И Сергеев рискнул, нашел и подходящие случаю слова и даже попытался завязать разговор.

— Вы знаете, композитор Абаза — автор романса — мой земляк по Курску?

— Да?! Теперь знаю, — шутливо возразила Наталия Павловна. — Признательна Курску за прекрасную музыку, как, впрочем, и «Курским ведомостям» — за публикацию моих заметок о театральной жизни столицы... Садитесь, пожалуйста, — женщина показала на стул рядом с собой. — А то смотреть на вас — это, как на потолок: уж очень высоко.

Они оба рассмеялись и заговорили уже свободно. Так же непосредственно Наталия Павловна, не дожидаясь окончания приема, попросила Александра Семеновича проводить ее до дома. Пустынная улица, белая ночь располагали уже к молчанию. Но и эта молчаливая прогулка способствовала их сближению: когда лейтенант вернулся из летнего плавания, молодые люди встретились так, как будто были знакомы давным-давно.

...Аркадий Максимович Абаза, сделав несколько пассажей, поискал глазами среди гостей человека, желавшего исполнить его романс, и встретился со взглядом незнакомой гостьи, которая сделала шаг к инструменту. Он понял ее движение и пригласил одобряющим кивком.

Наталия Павловна, снова оглянувшись на мужа, подошла к роялю и, опершись спиной, подняла золотистую головку.

— Утро туманное, утро седое...

На следующий после свадебного бала день, когда в общественном саду, расположенном на высоком берегу Тускари, начинал играть оркестр, Сергеевы вместе с молодыми отправились погулять. И тут, на их глазах, расхожему общественному мнению был преподан урок эмансипации. Едва Козловские приблизились к раковине, музыканты по знаку капельмейстера — эту роль выполнял Абаза, а оркестр состоял из учащих его музыкальных классов, — поднялись со своих мест, и так, стоя, сыграли свадебный марш Мендельсона... Большие пересуды среди знакомых надворного советника Сергеева вызвало неожиданное действо и сына-офицера. В первое воскресенье, когда Семен Александрович после обеда блаженствовал с сигарой на веранде дома, раскрылась уличная калитка и в нее вошел Александр Семенович, ведя за руку крохотную

девочку в пестром ситцевом платье. Увидев грозного старика, малышка в нерешительности остановилась, но Александр подхватил ее на руки и продолжал, как ни в чем не бывало, идти по кирпичной, уложенной в елочку, дорожке. Перед самым крыльцом он поставил девчущку рядом с собой и громко спросил ее:

— Что ты должна сказать дедушке при встрече?.. Ну как мы договорились?

— Сказать: «Здравствуйте, дедушка».

— А еще что?

— Меня зовут Галей.

— Вот и скажи, — Александр подтолкнул ребенка.

Семен Александрович медленно сходил с веранды, задерживаясь на каждой ступеньке крыльца, как будто считая их. Малышка, оказавшись между двумя громадными людьми, растерялась и хотела заплакать, но ее опять остановил ласковый голос:

— Так что же ты еще должна сказать дедушке?

— Ты уж лучше меня спроси, что надо сказать, — бурчливо возразил Семен Александрович, впервые увидевший внучку. — А мне хочется сказать вот что: «Здравствуй, маленькая, здравствуй, мой опеночек». — Семен Александрович взял девочку на руки.

С другой стороны улицы, прячась за столетней липой, наблюдала эту сцену молодая женщина. Когда старик поднял девочку и прижал к груди, она охнула и обняла корявый ствол дерева, прильнула к нему лицом и дала волю слезам. Это была вдова Павла, Мария Михайловна.

Началось же все так. Александр Семенович, поговорив со стряпухой, жившей в доме отца, которая родом была тоже из Стаканова, из «Москвинки», спросил не знает ли она что-нибудь о Марии Михайловне, куда она делась после смерти Павла. Женщина ответила просто:

— Так и батюшка ваш знает. Живет она на Московской улице, в доме барона Розена. Экономкой взяли. При ней и дочка вашего брата — Галина.

Тут же Александр Семенович повидался с Марией Михайловной, а вечером попробовал заговорить с отцом о семье Павла.

— Остались, говоришь, без гроша, — саркастически повторил Семен Александрович. — Как же так твой братец управлял хозяйством? Меня-то Ольга Ивановна, ваша матушка, не подпускала и на шаг к своему наследному...

Павел хорош: ни разу не приехал ко мне, чтобы посоветоваться, не спросил как быть с той же благоприобретенной стакановской красоткой.

— Какой теперь смысл в упреках, отец? Почему бы тебе не приблизить, не пожалеть родную внучку? Дать ей образование...

— Так и приближай.

— Пробовал. Сама Наталия просила Марию Михайловну отдать Галю нам на воспитание.

— И что же?

— Отказала. Не хочет отпускать ее так далеко от себя... Наташа собирается еще поговорить, может быть и убедит... Семен Александрович, красный от бушевавших в нем чувств, ответил:

— Вы тут все, вместе со своей маменькой, давно меня в изверги записали. Сама семью не сберегла и вас не научила...

Александр Семенович понимал, что отцовский гнев более обращен в прошлое, и поэтому на следующий день принял активные меры — привел девочку в дом деда...

Вся Михайло-Архангельская улица в тот же день видела, как грозный старик Сергеев, взяв извозчицью коляску, отправился вместе с внучкой по магазинам, затем к портнихе. И провожать сына на вокзал он приехал тоже вместе с ней, одетой уже по-городскому, с настоящей маленькой барышней.

Прибыли попрощаться и Козловские. Наталия Павловна пригласила их при случае запросто заходить в Петербурге.

— Разумеется, еще встретимся, — принял приглашение инженер.

И вот она, встреча на Николаевском вокзале.

* * *

Второй предупредительный звонок станционного колокола расшевелил, растряс перронную толпу.

— До свидания, моя хорошая, — начал Александр Семенович. Сколько раз он прощался с женой, уходя в очередное плавание, но те прощания происходили на причале, ныне же — первое вокзальное. Раньше расставался легко, даже с шуткой, а вот сейчас не получалось.

Александр Семенович притянул жену, погладил ее по голове, как девочку, легко приподнял за плечи и поцеловал.

Наталья Павловна так и осталась у него на груди, обвив руками шею. Он осторожно снял ее руки, снова хотел погладить, но получилось неловко — нахлобучил на лоб каракулевую шапочку. И, наконец, сказал то, что показалось ему удачным:

— Когда вернусь, ты к тому времени непременно подрастешь. И уж не надо будет подпрыгивать, чтобы поцеловать супруга. — Взглянув на семейство Юрасовских, тоже закапчивавшее расставание, он хотел добавить — «И родишь мне сына», но промолчал, боясь обидеть жену, переживавшую свою бездетность.

Третий звонок, а за ним свисток оберкондуктора и гудок паровоза разорвали последние прощающиеся парочки. Сергеев, держась за поручни вагонной двери, сделал несколько быстрых шагов и вскочил на подножку тамбура.

Глава III

Дальневосточный экспресс

Дали, дали — они всегда манят: каково-то там, далеко-далеко, за долами, за широкими морями?

Что море? Вроде бы ровно и просто: плыви и плыви стречь солнцу, раздвигай видимый горизонт. Да нет, видимый — это не все: при прокладке курса требуется еще и истинный горизонт, заранее вычисленный. А для того, чтобы его определить, навигатору необходимо подняться над собой, выше уровня собственных глаз, то есть оказаться выше самого себя, опираясь не на то, что под ногами или перед носом, а на отвлеченно точный расчет, на предвидение.

Так не только в море, но и в бескрайнем, не знающем ни границ, ни горизонтов, океане Времени — будь то на планете Земля или в межзвездном пространстве, в раздумьях ли о горизонтах науки и искусства, о будущем ли поколений. Чем долее живет человечество, тем более оно проникается любопытством к этому невидимому, но истинному океану, в котором мы пока купаемся с беспечностью и бесстрашием младенцев...

Дальневосточный экспресс, с которым Сергеев покинул столицу, в десять сорок утра следующих суток прибыл в Москву. Пассажиры, отдохнув за ночь от тревожных прощаний с близкими, смогли, наконец, присмотреться друг к другу, завязать первые знакомства.

Сергеев вышел из вагона, чтобы прогуляться, подышать свежим воздухом. На перроне — воинское многолюдье: артиллеристы и пехотинцы, кавалеристы и инженеры, моряки и топографы — все рода войск, любые военные специальности. Сергеев издали увидел плотную фигуру Юрасовского, который тоже вертел шеей, скользя взглядом по пассажирам. Заметив Александра Семеновича, радостно закивал ему.

— Я вас искал... Ба, вон и Трирогов!

Сергеев оглянулся и увидел товарища. Трирогов в одной руке держал портплед, а другой, приподняв форменную фуражку, приветствовал их, то ли прощаясь: в Москве он делал пересадку на Орел, чтобы следовать по месту службы.

Поздоровавшись, отставной моряк продолжал оглядываться.

— Ждешь кого-то? — спросил Сергеев.

— Я тут, в Москве, Ольгу оставил у своей матери. Она хотела посетить могилу маленького Мити. Возможно не получила мою телеграмму. Да нет, вот она!..

Трирогов поспешил в сторону вокзальных дверей, из которых показалась дама, одетая в дорожное платье, с зонтиком в руках. Зонтик не позволял Сергееву разглядеть лицо, но в широкой решительной походке он увидел знакомое, «менделеевское», — конечно же, это Ольга!

Трирогов, наклонившись, закрыл ее спиной: поцелуй, нежные слова, а может быть и разговор о том, что здесь Сергеев. Предположение оказалось верным, так как Ольга пристально глянула через плечо мужа в его сторону.

Боже, что делает время?! Сергеев не видел Ольгу полтора десятка лет, то есть чуть ли не со времени ее свадьбы, и, встретив случайно, вряд ли бы узнал в дородной даме с увядающим лицом, порывистую сестру Владимира Менделеева, кокетливую гимназистку, желавшую нравиться сразу всем кадетам, которых приводил в свой дом Владимир. Сейчас она более походила на мать, Феозву Никитичну. Впрочем, у нее и раньше мало что было от отца и вовсе никакого сходства с мешковатым братом, разве что в

характере — упрямость. Да, пожалуй, так: это по ее настоянию Трирогов бросил море, — вспомнил Сергеев, направляясь к супругам Трироговым.

— Как славно, что мы встретились, — спокойно говорила Ольга, разглядывая бородатого сорокалетнего офицера и, вероятно, тоже мало находила в нем чего-то от бывшего кадета, мичмана. Память на миг представила рядом с ним брата — по ее лицу пробежала тень, глаза затуманились...

Паузу прервал подошедший Юрасовский. Он совсем мало знал Ольгу Менделееву, видел ее только раз-два на балах в корпусе, однако на его поклон она ответила радостным удивлением, как хорошему знакомому — взлетели длинные ресницы, улыбка обнажила мелкие и частые зубы.

— И вы?!

— Нет, не Брут, — улыбчиво ответил Юрасовский. —

— Так жестоко позволяете шутить над собой?

— Позволяю себе и никому более, во всяком случае из мужского племени.

Светским легкоречием были сброшены, как позже выразится Юрасовский, «кандалы воспоминаний», которыми он успел натрудить свою память еще в вагоне.

Мимо промчался, раскланиваясь на ходу, мичман Акинфиев. В щегольской шинели внакидку, улыбающийся, он представлял совсем иной тип, нежели вчера в Петербурге, на платформе вокзала, в окружении сестриц и тетушек.

Офицеры понимающе переглянулись. За всех высказался Юрасовский:

— Все-таки хорошо, когда тебе чуть за двадцать — первое офицерское звание, первое заграничное плавание...

— Впереди производство в адмиралы, женитьба, — добавил со вздохом Трирогов.

— Два последних радостных момента лучше поменять местами, — заметил Сергеев.

— А еще лучше — не соединять, — поправила Ольга и пояснила: — Вспомните Пукирева.

Каждый, разумеется, знал знаменитую картину Василия Владимировича Пукирева «Неравный брак». Живописец, как никто, наглядно дал кистью пощечину узаконенной общественной морали, позволявшей смотреть на женщину как на вещь.

— Рассказывали, что маститый историк Костомаров, увидев «Неравный брак» на выставке, раздумал жениться на приглянувшейся ему молоденькой девушке, — заметил Трирогов...

— Как поживает ваша ученая семья? — поинтересовался Сергеев и вспомнил, что подобный вопрос задавал уже Трирогову.

— Ученая, то есть отцовская? — переспросила Ольга Дмитриевна, как будто возвращаясь издалека. — Ну скажем, Люба, первенец от молодой супруги Дмитрия Ивановича (его-то не напугала картина Пукирева: взял в жены девушку вдвое моложе себя!). Она вышла замуж за поэта, тоже, кстати сказать, выходца из ученой семьи Бекетовых, — за Александра Блока.

— Да! Он очень нравился моей Наташе.

— У вашей жены хороший вкус... Только не верится мне, что этот брак будет счастливым: слишком уж Люба плотская, интеллектуально и душевно неравная Блоку...

Ольга Дмитриевна, спохватившись, явно что-то не договорила, возможно, и то, что позже договорит сама жизнь.

*Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвению предаю.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночам.*

Эти стихи будут написаны великим поэтом через пять лет на смерть сына Любы, нажитого ею во время одной из гастрольных поездок. Он, прикрывая «грех» жены, дал младенцу свою фамилию, а мать — имя Дмитрий, в память о знаменитом деде. Да только не везло маленьким Митям, внукам создателя Периодической системы элементов: первый, что от Владимира, прожил три года, а Любин — всего лишь три дня...

Александр Семенович знал, что у Владимира остался еще один ребенок, незаконный, — дочь, родившаяся в Нагасаки, «плод любви печальной», точнее же, короткой страсти русского молодого офицера к японке. Знал и то, что Владимир всегда заботился о девочке, высылая деньги на ее воспитание.

Ольга Дмитриевна только что побывала на могиле племянника. На душе у нее было тягостно от чувства вины перед братом — не уберегли его потомство. А как? Сам

Дмитрий Иванович прилагал усилия, чтобы взять внука к себе, писал невестке-вдове, ее отцу-художнику. Однако ему было отказано в довольно резкой форме, хотя он хотел тем самым еще облегчить и материальное положение Варвары Кирилловны. А малыш вскоре умер, можно сказать, даже погиб от простого недогляда...

Сейчас Ольге Дмитриевне, пользуясь случаем, захотелось попросить Сергеева, если он окажется в Нагасаки, в Японии, найти девочку, дочку Владимира, и попытаться уговорить ее мать посетить русских родственников. Поколебавшись, она извинилась перед супругом и Юрасовским:

— Господа, у меня интимная просьба к Александру Семеновичу, как к нашему старому другу, то есть другу отцовской семьи, — и отведя лейтенанта на два шага, кратко изложила свою просьбу.

— Конечно, Ольга Дмитриевна! При первом же удобном случае я наведу справку, — ответил Сергеев. — И если удастся повидать мать этой девочки, то постараюсь уговорить ее съездить в Россию. Для меня это не просто ваша просьба, а долг перед другом.

— Ну вот и славно, — женщина с облегчением вздохнула.

Удар станционного колокола вернул всех к сиюминутному. Сергеев и Юрасовский поочередно обнялись с Трироговым, поцеловали руку у его супруги. «Прощай, Оленька», так неожиданно для окружающих, а может быть и для самого себя, назвал ее по-юношески Александр Семенович, и это, видимо, растрогало женщину. Она потеряла повлажневшие глаза и вдруг потянулась к Сергееву, поцеловала его в лоб.

— Считаю, что тебе пожелали семь футов под килем, — заметил Трирогов, изумившись порыву своей обычно уравновешенной супруги.

— А где господин Юрасовский?

— Оглянись на 90 градусов, — посоветовал Трирогов. — Константин Константинович в плену московской знаменитости.

В самом деле, Юрасовского оглядывала, слегка отталкивала и снова приближала дама в мехах. С другой стороны его придерживал за руку одного с ним роста худощавый мужчина в цивильном. Он то снимал, то надевал очки в золотой оправе, как будто тоже стремился получше

рассмотреть офицера. Рядом кружилось четверо ребят-шек.

— Думаю, что не ошибаюсь, — продолжал Трирогов, — то Надежда Васильевна Салина, солистка императорских театров, сиречь Большого московского... Три педели назад перед Новым годом мы ее приветствовали в Орле — приезжала с концертом. Мне была предоставлена честь провожать ее в обратный путь, то есть усаживать в вагон...

Трирогов, поймав взгляд актрисы, расклапался. Наверное, Константин Константинович что-то сказал о своих товарищах по морскому корпусу — та и другая сторона двинулись навстречу и, перезнакомившись, образовали на перроне уже целую компанию. Господин в очках оказался мужем певицы, врачом-гинекологом, державшим собственную клинику в Николаевском переулке на Арбате, братом-погодком Константина Константиновича.

Мужчины заговорили на международную тему, русско-японскую, а женщины — о театральной жизни Москвы, точнее, о премьере «Демона» Рубинштейна, которая должна состояться буквально на днях, 16 января. Роль Демона предстояло исполнить восходящей оперной звезде Федору Шаляпину, а партию Тамары — ей, Надежде Салиной.

— Это будет праздник, я уверена, — громко говорила актриса. — На репетициях Шаляпин показал себя чародеем. Я — Тамара буквально дрожу и холодею, видя его приближение ко мне. В рахманинском «Алеко» я с таким же чувством пела с ним Земфиру... Кстати, Рахманинов обратил внимание на сего, вот, пострела, — сделала неожиданный переход актриса, показывая на паренька с пронзительно черными глазами, смотревшими чуть вприщур, как и у отца. — Это мой Саша, гимназист четвертого класса, но уже создает композиции. Вдруг еще спою и в опере сына...

— Надюша, прошу не увлекаться, — охладил Надежду Васильевну голос супруга. — У нее всегда вот так с молодыми: неумеренный восторг, а потом тоже неумеренные слезы разочарования.

— С Шаляпиным, мой дорогой Иван Константинович, такого не случится...

Полемику супругов перебил громкий возглас: «За единство армии и флота — виват!» — из вокзальной ресторации показалась пара — мичман Акинфиев с повисшим на его плече штабс-капитаном в папаче.

«Уж куда тесней», — подумал Сергеев, узнавая в крикуне того самого артиллериста, который в Петербурге объяснял матери мичмана, как следует укрываться от хунхузов в случае их нападения на поезд.

* * *

Беззаботное веселое настроение продолжало царить и в экспрессе, когда он, развивая ход, стал быстро удаляться от Москвы. В вагоне, заполненном дарами провожавших, цветами и шампанским, пили за здоровье дам, шумели, балагурили. Сергеев выпил «на ты» со штабс-капитаном, ехавшим, как выяснилось, в Мукден. Но уже на следующие сутки пассажиры посерьезнели, утряслись, разделились на компании по родам оружия, по интересам: разговоры пошли деловые, большей частью о положении на Дальнем Востоке, о будущей службе...

Сергеев стремился представить свой эскадренный миноносец — и, конечно, в движении: низко присевший к воде черный корпус, четыре желтых трубы, впереди их — единственная мачта с длинным выющим вымпелом, взбитый пенный бурун по обе стороны форштевия, открытый всем ветрам ходовой мостик. Ему не требовалось напрягать особо воображение — подобные корабли уже несколько лет подряд строились на заводах Адмиралтейства — на Ижорском, Невском. «Стерегущего», судя по документам, закладывали в начале 1900 года в Петербурге, на верфях Невского.

Конечно, эсминец — не крейсер, водоизмещение всего лишь 240 тонн, длина 57,9 метра. Не назовешь грозной и артиллерию: одна 75-миллиметровая пушка на носу и три скорострельные, 47-миллиметровые, расположенные по бортам и на мостике. Но главным оружием, ради которого и создавался такой тип корабля, являлись торпеды, подвижные мины. Короткие стволы двух торпедных аппаратов смотрели в море своими широкими зевами с юта и с кормы. Обладая скоростью в 26,6 узла, почти в полтора раза превышающую средний ход линейных броненосных громад, миноносец представлял для них серьезную опасность. Ну а его главная защита заключалась в скорости и маневренности, так как брони не имел ни единого листа, не была защищена даже боевая рубка.

«Стерегущий» входил в число шестнадцати миноносцев, заложенных по морской программе 1898 года специ-

ально для Сибирской флотилии. Вначале всю серию называли по-птичьи: «Баклан», «Грач», «Перепел», «Дятел», «Дрозд», «Скворец», «Щегол», «Стриж»... «Стерегущий» значился «Куликом». Нынешнее, звучное и соответствующее назначению корабля название, которое Сергею очень понравилось, корабль получил в мае 1903 года после того, как в разобранном виде был перевезен на двух десятках железнодорожных платформ с Балтики в Порт-Артур.

По-птичьи миноносцы были окрещены с «высочайшего одобрения», так как царь целиком взял на себя труд именования судов военного флота.

Чтобы нагляднее представить конструкцию своего миноносца, Сергей не поленился заехать на Невский завод, там, на стапелях, случайно встретился с одноклассником по кадетскому корпусу, подполковником Алексеем Крыловым.

— Поздравляю тебя с назначением, но кораблю не радуюсь, — сказал Крылов. — Устаревший тип. Японцы таких уже не заказывают, закупили в Англии и Германии мощнее и лучше вооруженные, со скоростями — до тридцати одного узла.

Сергей попытался скрыть огорчение, понимая цену слов товарища, который после окончания кораблестроительного отделения морской академии быстро завоевал авторитет как специалист по теории корабля. Ныне он заведовал в Кронштадте опытовым бассейном, своеобразным полигоном для разностороннего испытания моделей проектируемых военно-морских судов.

— Конечно, жаль, что наши миноносцы по тактическим данным не из числа лучших, — согласился Сергей. — Но ведь еще есть и показатели выучки команды, воинского духа. Ты забыл о них, оторвавшись от живой морской жизни... Ну, скажем, на длину логарифмической линейки. Знай, подсчитываешь мили, тонны...

— Да! И калибр, и скорострельность, и вес снаряда, и толщину брони, — перечислял Крылов.

— Ну, а самоотверженность?..

— Самого себя отвергать, то есть жертвенность, — поправил Крылов. — Не слишком ли ее много в русской истории, флотской — тоже? Расплачиваемся ею за техническую неподготовленность и бездарность. Жестокость принимаем за волю, самонадеянность — за смелость, лживость — за верноподданность...

— Умом Россию не понять, — укрылся Сергеев за Тютчева.

— Слышали, слышали — «Её аршином не измеришь», в нее надо только всрить. Но я верю и в аршии, то есть в измерение, в науку, и в число миль до беды... Впрочем, извини, я кажется зарпортовался, — притормозил себя Крылов. — Могу и обрадовать: мы тоже начали строить большие миноносцы, десять уже спущены в воду, достраиваются.

— Когда же вступят в строй?

— Об этом думают там, под золотым шпилем, — Крылов кивнул в сторону Адмиралтейства. — Увы, замедленно думают, как и о строящихся четырех броненосцах, которые флот в нынешнем году не получит — не были вовремя предоставлены кредиты.

Крылов говорил о том, что можно было услышать и в офицерском собрании, разве что не столь обнаженно и резко. Поэтому, закругляя разговор, Сергеев перекинулся с ним еще вопросом о семье, порадовался, что Алексей Николаевич счастлив в браке, имеет уже двоих детей, и стал прощаться.

— С тех пор, как я выслушал твой доклад о непотопляемости, то уверовал, что пробоины в корпусе или повреждения палубы — будь то миноносец или Ноев Ковчег — не страшны, только бы успеть расстелить перед глазами таблицы с твоими расчетами.

Офицеры рассмеялись. Александр Семенович напомнил Крылову о его лекции, прочитанной в марте прошлого года в Кронштадтском морском собрании в присутствии самого Макарова — основателя учения о непотопляемости, и вызвавшей одобрение адмирала.

— Эти таблицы, дорогой, находятся как раз в Порт-Артуре. Я туда плавал минувшим летом на учебном «Океане», и передал в штаб заместника несколько экземпляров для размножения. Первым их попросил, значит и оценил, капитан I ранга Руднев, командир «Варяга».

— Если Всеволод Федорович уверовал в таблицы, значит порядок, — Сергеев протянул руку. — Счастливо оставаться.

— И тебе счастья, — Крылов заглянул в глаза товарища. Оба очень рослые — в училище в строю стояли рядом, — они ощутили в себе на миг желание обняться, и разом подавили его, просто вскинули ладони к козырькам фуражек.

Дыхание военной тревоги начало ощущаться, когда поезд перевалил за Урал. К этому времени пассажиры дальнего следования стабилизировались еще и группами по местам следования. Стоило вслух упомянуть — Харбин, Порт-Артур, — это действовало наподобие пароля: непременно кто-то откликнулся, будь он из числа военных или чиновных.

— Вы в сам Артур?

— Да, в крепость.

— Я тоже. Рад попутчику. Позвольте представиться...

В вагон, в котором ехали Сергеев с Юрасовским, переселись и Акинфиев с Козловским. Каждый искал свой способ времяпрепровождения. Мичман обложился картами, книгами. Перед отъездом он зашел в магазин Генерального штаба на Невском и купил все, что там имелось о Китае и Японии.

Сергеев, присмотревшись к книгам, захотел взглянуть на красиво оформленный альбом зарисовок берегов Кореи, а, открыв, засмотрелся на фамилию составителя — В.И.Лепко. Уж не тот ли лейтенант Николай Иванович Лепко, с которым они вместе служили на «Николае I» в Средиземноморской эскадре — превосходный был художник?

Юрасовский, заскучав, позаимствовал из собрания Акинфиева желтый томик с выжатым на обложке интригующим названием — «У стен недвижимого Китая».

— Это почему же «недвижного»? — бурчал он. — Что имеет в виду автор?

— Прошу прощения, не автор, а Александр Сергеевич Пушкин, — мимоходом ответил лейтенант, продолжая листать книги.

— Прошу объяснить, юноша.

— Ну вот, посмеивались над моей «бумажной флотилией», а послушайте-ка:

*От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?..*

— Это другой разговор! — воскликнул Юрасовский. — Согласен, автор удачно распорядился поэзией Пушкина...

— Стихотворение — «Клеветникам России», — многозначительно уточнил мичман. — Или: « И нашей кровью искупили Европы вольность, честь и мир». Это о тех, кто дрожал перед Наполеоном, а теперь заигрывает с японцами...

— Забывая, что Русь оградила Европу и от татаро-монголов, — согласился Юрасовский. — Теперь бы еще себя оградить, — заметил Сергеев.

— В первую очередь — от отечественных недоумков, — вмешался Козловский. — От тех, кто мешает строить Сибирскую железную дорогу. Если русские эскадры в союзе с дипломатией сумеют удержать японскую армию на островах до поздней осени, считайте, что уже оградили, так как дорога будет достроена.

— А пока? — спросил Сергеев.

— А пока железный путь перерезан Байкалом. Голова на западе, а ноги на востоке... Впрочем, это еще спорно, где больше головы, — инженер засмеялся. — Если судить по тому, как мы по-медвежьи начали лесную концессию на Ялу, взбудоражив не только восток, но и Западную Европу с Америкой, то умственные способности на Неве явно расслабились. Вот и получается, что войну дружно разжигают с двух концов: японская наглость, и наше недомыслие, простая нерасчетливость.

Акинфиев, которому доставляло большое удовольствие то, что он заронил искру в дискуссию, теперь уже на правах старожила Дальнего Востока, тоже решил проявить свое отношение к лесной концессии в Корею.

— У нас в Порт-Артуре не услышите доброго слова о Ялу, хотя среди концессионеров вроде бы имеются лица, приближенные ко двору, даже «особы». Мало, видите ли, в Сибири лесов, пространств, где можно развернуться уму и капиталу?!

— Макаров сказал: «Россия фасадом повернула к Северному Ледовитому океану», — заметил Александр Семенович.

— Вот и я говорю, что в столице наблюдается явное смягчение мозгов, — как бы подтвердил Козловский.

Сергеева удивляло то, что чем дальше поезд уходил от центра, тем чаще можно было услышать резкие суждения о правительственной политике на Востоке. Такая географическая оппозиция казалась ему несколько надуманной. Поэтому он как бы возразил самому себе:

— Нельзя сказать, чтобы Россия стояла боком к Тихому океану.

Вмешался инженер:

— Я хотел сказать, что освоение Сибири, на которую с завистью взирают японцы, это и наше железнодорожное дело. Железная дорога уже вывела Сибирь из экономической спячки, летаргии, наконец, — из места ссылки и хищнического золотоискательства в место планомерной колонизации, куда вывезли и продолжают вывозить излишек населения из центра.

— И все же выход к восточным морям — если всерьез и надолго — возможен только при русском военном присутствии на Тихом океане, в первую очередь, при сильном Флоте.

— Господа, а не думаете ли вы, что Сибирь сама по себе — океаническая бескрайность? — подал голос Юрасовский, заглядевшийся в окно вагона.

В самом деле, жителя средней полосы России не могли не поразить пространства, по которым шел поезд уже вторую неделю. Сергеев после реплики товарища невольно вспомнил свою последнюю поездку в Стаканово через Щигры по новой железной дороге — «Киев-Воронеж». Вместо бесчисленных деревушек с глинобитными хатами под соломенной крышей, увалистыми полями, сменяемыми рожицами, здесь повсюду царила угрюмая бескрайность: степи, леса, горы — всё необозримое. И реки — как морские проливы! Когда поезд стучал по новому мосту через Обь, Сергеев, глядя на замерзшее полотно реки, на двигавшийся внизу длинный обоз, казавшийся с высоты мурашиной цепочкой, невольно подумал, что тут мог бы свободно пройти не только минопоец, но и крейсер.

Столь же грандиозное впечатление произвел Енисей, следующая за Обью река, пролеглая поперек всей страны, от границы до границы.

— Из монгол в самоеды, — резюмировал Юрасовский, когда возле Красноярска пересекли Енисей. — Эти поперечные, великие реки, когда они подо льдом, можно называть ребрами «Русского медведя»...

Пространства — пространствами, однако поезд, влекомый мощным паровозом, сконструированным специально, как пояснил Козловский, для Сибирской дороги — машинисты прозвали его ласково «Еленой» — делал свое дело, бежал точно по расписанию. Дорога была однопут-

пой. Отдельные ее участки прокладывались по упрощенной проектной схеме: узкие насыпи, укороченные шпалы, временные мосты... Местами полотно трескалось: где-то прорвался родник, и мороз в союзе с водой начал свою разрушительную работу...

Так что поезд считался скорым только по названию, его движение редко превышало двадцать верст в час, а для товарников и вовсе снижалось, — не более двенадцати. Особенно начали осторожничать машинисты после Ново-николаевска, молодого города, возникшего из поселка строителей дороги на берегу Оби. После металлической громады железнодорожного моста, перешагнувшего могучую реку, оживленной станции с двухэтажным нарядным вокзалом из красного кирпича и водокачкой, напоминавшей крепостную башню, неожиданно возникавшие в таежной глухомани деревянные станционные строения, полустанки, окруженные врытыми наполовину в землю бараками, выглядели жалко.

Рабочие — землекопы, каменщики, путейцы, кто в лаптях, кто в пимах, а кто и в «котах», завидя поезд, отступали с полотна и, в знак приветствия, поднимали кайла, лопаты, топоры и другой немудреный инструмент. Пылали костры, гремела взрывчатка, катились по доскам-путеводам тачки со щепнем.

Иногда возле строителей виднелась неподвижная фигура солдата с винтовкой. Это означало, что тут работали арестанты. И сразу как-то тяжелели, нависая над питкой колеи, горы, плотнее смыкалась тайга, и скучнее, подавая редкие гудки, шел поезд.

Козловский по поводу одной такой картины, увиденной на полукруге строящейся дамбы, сказал:

— Благородное, нет, великое дело творим, а руки в кандалах, в спины целятся ружья... Нелепость. Скорее подлость! Это же техническое чудо — проложить магистраль в четверть экватора, через два материка, связать Атлантику с Тихим океаном. Да и темпы строительства невиданные — 500 верст в год!.. Американский железнодорожный король Эдвард Гарриман предложил нашему правительству проект сооружения еще одной дороги в Сибирь со стороны Аляски: пробить тоннель под Беринговым проливом и выйти через Чукотку на соединение с нашей. То есть связать полмира единой транспортной системой.

— Грандиозно! — поразился Акинфиев.

— Грандиозная афера, думается мне, — возразил инженер. — Американцам не столько пужна дорога через Восточную Сибирь, сколько право на отчуждение территории — по двенадцати верст по обе стороны полотна. Это сто двадцать тысяч квадратных верст, набитых полезными ископаемыми, лесами и прочими природными богатствами. Сейчас в Петербурге идет обсуждение проекта. В случае успеха переговоров начнется такой экономический грабёж, что аляскинская эпопея покажется баловством...

Александр Семенович, слушая Козловского, подумал, что он где-то читал об этом проекте, даже вспомнил заглавие статьи — «Воздушные замки в приполярной Сибири», и о том, что автор идеи, миллионер Гарриман, даже успел сплавить на своем корабле, в сопровождении отряда советников, в воды Чукотского, а затем и Желтого моря; заходил и в Порт-Артур.

— Попятно, американское богатство и энергия, — иронически продолжил лейтенант, — должны утвердить господство звездного знамени на Тихом океане и над муравейниками Желтого моря, — он почти процитировал тезис из той статьи... — Словом, оденем китайского Иванапушку в американскую пряжу?..

— А русские Иванушки обойдутся деревянным бушлатом, говоря по-вашему, по-флотски, — заметил инженер и, поймав на себе недоуменные взгляды, как бы пояснил: — «А по бокам-то всё косточки русские... Сколько их, Ванечка, знаешь ли ты?» — и показал на вагонное окно, за которым промелькнул ряд свежих деревянных крестов, торчавших из снега за телеграфной линией.

— Уж очень вы, Адам Иосифович, носитесь с железной дорогой, — сказал Юрасовский. — У вас и патриотизм какой-то железнодорожный.

— Общечеловеческий, если угодно. Дороги — это то, что соединяет людей — расы, национальности, — могучий двигатель прогресса. Чем человечество станет быстрее передвигаться, тем скорее перемешается в единое цивилизованное варево...

— Которое кому-то придется расхлебывать, — предположил в топ Сергеев. Он продолжал листать альбом Лепко, любуясь четкостью зарисовок шхер, островов, камней и банок у побережья Кореи.

Реплику Сергеева породила, конечно, не география Кореи, превосходно представленная в альбоме его бывшего сослуживца, а размышление об этой небольшой стране, ставшей за последнее десятилетие объектом внешнеполитических комбинаций многих «цивилизаторов». Ее стратегическое срединное положение между Китаем, Россией и Японией привлекало алчное внимание Англии, Франции, Италии и Соединенных Штатов, постоянно державших в корейских водах, в портах, так называемые станции — военные суда, призванные защитить интересы флага, соотечественников.

Более всего таких «соотечественников» приходилось все-таки на японцев и русских. Официально их число определял русско-японский меморандум, по которому стороны согласились содержать в стране равное число солдат для охраны своих дипломатических миссий и консульств. Япония выговорила еще и право на охрану принадлежащей ей телеграфной линии Пусан—Сеул, а также японских поселений.

Япония издавна стремилась со своих островов на Азиатский материк. Нынешняя слабость Китая сулила ей возможность аннексировать Корею, стать таким образом континентальной державой. Главным же препятствием на этом пути являлась Россия. «Страна утренней росы» уже не раз испытывая агрессию «Страны восходящего солнца», искала покровительства могучего русского соседа. Ее подданные все чаще нелегально перебирались через границу в Приморье, в Уссурийский край, оседая там. А в 1895 году, когда японцы в очередной раз предприняли особо жестокий разбой в Сеуле, стоивший жизни корейской королевы, сам король, тоже опасаясь убийства, был вынужден укрыться в здании российской миссии...

Меморандум, определявший взаимоотношения России и Японии в Корее, был подписан 2 мая 1896 года, а 28 мая дополнен соглашением, предусматривающим обоюдную помощь корейскому правительству в формировании вооруженных сил, а также содействия — понимай: контроль! — в случае обращения к нейтральным займам.

Но Россия в том же мае предприняла еще одно дипломатическое действие, которое, можно сказать, потрясло ее соперников: за шесть дней до того, как родилось «дополне-

ние» к меморандуму, в Москве был заключен союзный договор с Китаем. По нему, в случае нападения Японии на Корею или на одну из договаривающихся сторон, союзники были обязаны поддержать друг друга сухопутными и морскими силами. Договор считался секретным, но одна из его статей очень скоро высветилась: Китай, с целью облегчения доступа русским войскам в угрожаемые пункты, представил России концессию на сооружение железной дороги через Маньчжурию на Владивосток. Дело, конечно, не ограничивалось «облегчением доступа»: по окончании Великого Сибирского пути ожидался громадный экономический переворот не только в жизни Сибири, но и в северных провинциях Китая, укреплялись и военные позиции России на Дальнем Востоке.

А тремя месяцами позже зазвучало в печати, опять-таки во всемирном масштабе, название до того малоизвестной корейской реки — Ялу. На ней появилась еще одна громадная концессия, предоставленная России уже корейским правительством: русским подданным давалось исключительное право на двадцать лет рубки леса в бассейнах рек — Ялу и Тумень с одновременным строительством дорог, телеграфной линии и ведения геолого-изыскательских работ.

Петербургский золотопромышленник, один из крёзов еврейской финансовой буржуазии в России, барон Гинцбург настойчиво добивался разрешения на прокладку железнодорожного пути от Сеула к Син-Нйчжоу, к центру китайско-корейской торговли, а также получения концессии на разработку минеральных богатств в северных районах Кореи. Появились и учрежденные под эгидой министерства финансов России банки — Русско-китайский, взявший на себя финансирование проводки Китайско-Восточной железной дороги — КВЖД, и Русско-корейский.

Столь напористая политико-экономическая активность России на Дальнем Востоке серьезно встревожила ее соперников за «сферы влияния» и родила у них простейшую идею — столкнуть лбами Японию и Россию в военном конфликте, тем самым ослабив обеих. Верх бесцеремонности в этом проявил Вильгельм II, открыто, на правах близкого родственника царя, — кузен! — подстрекавший держаться в отношении Японии непримиримой позиции. Во время встречи с Николаем II в июле 1902

года, на маневрах в Балтийском море, он, не покинув еще ревельский рейд, поднял на своей яхте недвусмысленный флажный сигнал: «Адмирал Атлантического океана шлет привет адмиралу Тихого океана»...

Сергеев участвовал в этих маневрах. Его миноноска в числе других кораблей тоже находилась на рейде, и офицеры подивились пышному, но не очень вразумительному приветствию-прощанию.

Александру Семеновичу запомнилась едкая острота, услышанная позже в офицерском собрании: «С пьяным под руку — хмельным назовут, а с глупым в речи — дураком почтут». У него же самого присвоение кайзером русскому императору столь иллюзорного титула напомнило крыловскую басню о лисе и вороне с сыром. Конечно же, Вильгельм тоже стремился изо всех сил втянуть Россию по горло в дальневосточные конфликты. Свои размышления лейтенант закончил вычитанной где-то историей, что титула — «почетный адмирал океана» домогался сам Колумб...

На нижних диванах купе продолжался диалог:

— «В веке железном, скажи, кто золотой угадал?» — послышался вопрос Акинфиева.

— Думаю, в первую очередь это удалось Соединенным Штатам, — ответил Козловский. — Ввоз американских товаров, например, в Китай за последние десять лет вырос в семь раз!

— Если бы вы так ответили Пушкину — вопрос принадлежит ему, — он бы обиделся за упрощенность.

— Но тогда наши концессионеры на Ялу, — потягиваясь на пружинистом диване, лениво сквозь зевоту, молвил Юрасовский, — говорят, за первый год два миллиона рублей заграбастали у казны. Это ж броненосный крейсер!

— Да, заграбастали, несмотря на яростное сопротивление Витте, — посетовал Козловский. — Это сопротивление стоило ему поста министра финансов. Он прямо назвал концессионеров «Безобразовской шайкой».

— Мог бы назвать и «кавалергардской», — вновь лениво или нехотя уточнил Юрасовский. — Они ведь бывшие сослуживцы по полку — нынешний статс-секретарь Безобразов, полковник в отставке Вонлярлярский, командир Кавалергардского полка генерал от кавалерии граф Игнатьев и кто там еще...

— К ним снисходит сам царский наместник Алексеев.

Офицеры далее разговор не поддержали. Такая профанация начальника всех вооруженных сил — морских и сухопутных — Дальнего Востока выходила из рамок служебной дисциплины. Генерал-адъютанту, полному адмиралу Алексееву, паделенному императором особыми правами, подчинялись не только приамурский генерал-губернатор и военный губернатор Приморской области, но до известной степени и посланники в Китае, Японии и Корее, ему поручалось объединять их дипломатические усилия на Дальнем Востоке. Порт-Артур, куда ехали офицеры, являлся центром наместничества, ставкой Алексеева.

Говорили и другое, что Алексеев — побочный сын любвеобильного Александра II, родился от красавицы-армянки. Кавказскую кровь в нем будто бы выдавал заметный акцент и черные хитрые глаза.

Неловкое молчание, воцарившееся в купе, нарушили громкие возгласы, раздавшиеся за стенкой: «Ваша карта бита», «игра!»... «Прошу, ваш ход»...

Но Козловский не понял офицеров и продолжал:

— Знаете ли, что член этой шайки, то есть концессии на Ялу, адмирал Абаза ратовал за передачу французам права на строительство Сибирской железной дороги? Но он тоже столкнулся с Вите, тогда еще всесильным. Кстати сказать, другой Абаза — майор, в 60-х годах минувшего века возглавлял мифическую прокладку телеграфной линии из Америки через Берингов пролив к Амуру, и оставил после своей бурной деятельности груды заготовленных столбов, гниющих по сю пору на Охотском побережье...

— Но вам-то, Адам Иосифович, известен и замечательный человек из рода Абаза, курский композитор, — напомнил Сергеев инженеру о его свадьбе.

— Конечно, конечно, пожелавший нам, вместе с Иваном Сергеевичем и с вашей супругой Наталией Павловной, «утра туманного». Увы, в тумане, думается мне, и нынешний день...

— Род Абаза, кажется, из молдован, — сказал Юрасовский. — Молдоване, как известно, имеют особую тягу и к коммерции и к музыке.

— Но музыкальны и поляки, породившие мазурку, — возразил Козловский. — Да и к торговле склонны. В Иркутске, через который мы скоро проедем, лучшие рестораны принадлежат им... Впрочем, в том же Иркутске

бедовали и страдальцы 1863-го года: Черский, Дыбовский, Чекановский. Их исследования Восточной Сибири стали предтечей и для строительства Сибирской железной дороги... Господин лейтенант, как понимаю, ваши предки тоже из Речи Посполитой?..

— Так-то оно так, да не совсем, — возразил Юрасовский. — Ваши страдальцы не оказались бы страдальцами, не взбунтуй Варшаву. Что касается моих корней, то они из другой почвы. Родоначальник нашей русской ветви Деспот-Юрасовский еще в 1642 году поступил на службу к государю Михаилу Федоровичу, первому Романову...

Сверху, с полки, послышалась ироническая декламация мичмана:

— «Не торговал мой дед блинами, в князя не прыгал из хохлов»...

Однако на этот раз никто его не поддержал. Юрасовского она тоже, вроде бы, не коснулась.

— ... А дело в том, что мой предок раньше других предвидел опасность, исходящую от общего врага России и Речи Посполитой, от шведского короля... А вот погиб в бою с крымчаками. И отец тоже ушел в отставку — с наградами и ранами— после Крымской войны. Каждое поколение Юрасовских пролило кровь за землю русскую.

Александр Семенович, несколько удивленный горячностью товарища, подумал, что и его отец Семен Александрович имел медаль за Крым. Как служащий врачебной управы он участвовал в формировании медицинских отрядов, посылаемых на фронт наряду с дружинами Курского ополчения, сопровождал их в Севастополь, в Николаев. Занимался он и вспомоществованием раненым, которых для долечивания рассредоточивали после полевых госпиталей по больницам тыловых городов, Курска — тоже.

Молодые чиновники, видя на груди надворного советника рядом с орденом Станислава темно-бронзовую медаль за Крымскую кампанию, считали Семёна Александровича бывалым воином. И в самом деле, медаль на сюртуке в сочетании с черной повязкой на глазу и грендерский рост способствовали такому впечатлению...

Юрасовский тоже задумался. Продолжать рассказ о своих родственниках ему не хотелось. Деспот-Юрасовские постепенно утратили не только первую, грозную часть своей фамилии, но и поместья. Правда, ко времени рефор-

мы 1861 года они еще считались состоятельными, хотя и изрядно потратившимися помещиками, — им на Орловщине принадлежало восемь деревень, конный и водочный заводы. Но лишение даровой рабочей силы, карты и мотовство делали свое дело. Самый состоятельный, старший брат отца, бездетный ловелас, ротмистр Петр Юрасовский, слонялся по заграницам, а остаток капитала — 128 тысяч рублей завещал по вкладному билету немочке, своей последней возлюбленной Алаиде Карловне Капис... Так что ныне все братья — «Константиновичи» жили только на жалование, служа по разным ведомствам. Жена Алексея Константиновича, податного инспектора в Орле, от такой жизни даже сбегала в актрисы, в Тульский театр.

«Дожились, звание «дворянин», «офицер» в обществе уже пасует перед «артист», «писатель», «инженер». «Инженер» — в особенности, — подтвердил самому себе Юрасовский, глядя на Козловского: респектабельность и самоуверенность, высокий, конечно, оклад — вот тебе и место в обществе». — Тем не менее, лейтенант с долей досады и раздражения прислушивался к голосу инженера.

—... Представьте себе, с одним из усмирителей Варшавского восстания мне пришлось столкнуться в Курске. Перед отъездом в Петербург в городе случился еврейский погром. Орущая пьяная толпа вошла на нашу улицу, приближаясь к дому моей тещи. Флигель у нее, то есть у тещи, занимала семья еврейского музыканта со смешной фамилией — Зеленый. У жены Зеленого, ходившей на последнем месяце беременности, от нервного потрясения начались родовые схватки. Но квартиранты боялись и высунуться на улицу, чтобы сбежать за врачом...

И вот, когда в их окна, наглухо закрытые ставнями, уже начали бить колями, появился я на пролетке — приехал со службы на обед. Что делать?... Немедленно уложил роженицу в экипаж и, огрев кнутом для острастки самых горячих громил, ругаясь на трех языках — по-польски, по-немецки, и, разумеется, для большей убедительности, по-русски, погнал в нашу железнодорожную больницу. В ту же ночь у Зеленых появилась девочка, которую назвали Риной.

И что интересно, после этой истории живший напротив нас отставной унтер, носивший медаль за подавление беспорядков 1863 года в Варшаве, вдруг проникся ко мне

уважением и, встречая на улице, стал отдавать честь... Как находите, х-ха?

— Теперь вам остается еще воскликнуть: «Пся крев!» — заметил Акинфиев.

— Лучше, «них бенде, нях бенде», — пусть будет, как будет, — поправил инженер.

Самодовольная ироничность рассказа Козловского покорила и Александра Семеновича.

— По Михайло-Архангельской проходит черта оседлости. Там издавна по соседству с русскими живут евреи — ремесленники, торговцы, доктора, но о погромах слышу впервые. Что касается дураков и подлецов, то их процент на любой улице, как и в любой нации, уверен, одинаков, так же как и людишек, готовых становиться во фронт перед плетью или перед форменной фуражкой.

— Но в цивилизованных странах...

— Не надо падать ниц и перед современной цивилизацией, она в основном — мащинная. Царствование нынешнего японского императора тоже провозглашено эрой цивилизации и просвещения — Мэйдзи.

— А что? Японцы — это азиатские американцы! — поддакнул мичман. — Ввоз книг освободили от пошлины, как, впрочем, и ввоз руды и золота, то есть книги сравнивали с золотом!..

—... И беспощинный вывоз азиатского коварства, — дополнил Юрасовский. — Изрубить на куски, прямо заживо в постели королеву Минь?!.. Они бы сейчас и Россию так, хотя и уверяют, что войны не хотят.

Козловский рассмеялся, вроде бы и некстати, пояснив свое веселье:

— Когда я учился в политехникуме в Коттене, немецкие студенты перед экзаменами любили повторять афоризм Бисмарка: «Хочу ли я войны? Конечно, нет. Я хочу победы».

— Но перед Россией-то «железный канцлер» никак не советовал бряцать оружием. Совсем даже наоборот...

— Господа старшие офицеры, — не удержался Акинфиев, ощущая в купе обстановку кают-компании. — Мы едем на восток, встречу солнцу, как говаривали первопроходцы, а мысли вечерние...

— Ночные, — сердито поправил Юрасовский. — Скорее бы с этого унылого вагонного перестука перейти на палубу.

Счастливая примета адмирала Того

Порой нам хочется напрочь забыть некоторые из дней своей жизни. Но как в толпе всегда найдется лицо, которое напомнит облик старого недруга, так и в происходящих наяву событиях нет-нет и выглянет нечто похожее на тот неприятный, никак не забываемый для тебя день.

Для вице-адмирала Хэйхачиро Того таким днем являлось 24 июля 1894 года. Именно тогда, в час десять минут после полудня, он, командир крейсера «Нанива», патрулировавшего в Асамском заливе, вблизи западных берегов Кореи, отдал приказ выпустить с правого борта торпеду по вошедшему в залив английскому торговому пароходу «Гаошан», и... промахнулся. Торпедных аппаратов на крейсере было четыре, однако он не захотел рисковать еще одним промахом и взялся палить из шестидюймовых орудий, как начинающий охотник с перепугу по кабану. Белым днем, с ничтожного расстояния с четверть мили?... И все равно понадобилось целых полчаса, чтобы пароход, вместе с находившимися на нем 1200 китайскими солдатами и офицерами, которых везли в Корею, пошел, наконец, ко дну.

Впрочем, не совсем и «пошел», — залив в том месте оказался столь мелким, что мачты «Гаошана», как бы издеваясь над «охотником», торчали вертикально над поверхностью моря. Казалось, пароход продолжал свое плавание, но уже под водой. Случилось это в 35 милях южнее Чемульпо, куда и направлялся транспорт.

Того подал флажной сигнал — покинуть судно, дважды посылал для уговоров шлюпку с офицером, но капитан Томас Голсуорси категорически отказался подчиниться, утверждая, что его корабль мирный, никому не угрожает и находится под защитой британской короны. Это последнее должен-де учесть командир «Нанива», тем более, что семь лет подряд учился морскому делу в Англии, следовательно познал как международное право, так и основы поведения джентльмена.

Действительно, Того закончил смолоду Темзский государственный мореходный колледж. Диплом этого же учебного заведения двумя годами позже получил и Томас

Голсуорси. Они даже плавали на одном тренировочном корабле вокруг мыса Горн в Австралию, правда, Того в офицерском звании, а Голсуорси — квартирмейстером.

Подобного рода встреча однокашников могла случиться только по воле рока. В других условиях свидание товарищей по учебе означало бы повод для доброго приветствия или веселого застолья с воспоминаниями. А тут вместо пожелания счастливого плавания прогремели два предупредительных выстрела, следом затрепетали на фалах один за другим сигналы международного кода — «J.W.», «L.P.», то есть «внимание; немедленно остановиться; застопорить машины; отдать якорь», а в заключение «M.L.» — «немедленно покинуть судно».

Голсуорси понял, что после исполнения последнего приказа последует расстрел парохода, поэтому продолжал протестовать, и требовал позволить увести его обратно в Китай, в Дагу, в порт, откуда он вышел до объявления войны. Так во всяком случае полагалось поступать по отношению друг к другу враждующим сторонам, согласно правилам ведения войн.

Зря капитан «Гаошана» не поверил в решимость командира «Напива» уничтожить корабль, пусть и несущий достославное полотнище Юнион Джека. Того в первую очередь следовало национальному кодексу бушидо, требующему от японца-воина беспощадности к противнику. Голсуорси это ясно понял лишь тогда, когда сам оказался в воде Желтого моря, среди тысячи китайских солдат, захлебывавшихся и проклинаявших на все лады не только японцев, но и англичан, привезших их под огонь врага. Люди хватились за обломки раздробленных снарядами шлюпок, не умевшие плавать зывали о помощи, третьи спешили отдалиться от топящего судна, чтобы не быть затянутыми в водоворот. И по этой живой массе гибнущих людей, по их головам, застрочили еще и ружейные выстрелы — Того не собирался брать пленных!...

Голсуорси, превосходный пловец, понимал тщетность спасения — до берега и ему не дотянуть, пока не увидел, что к нему спешила шлюпка, которой командовал японский офицер. Гребцы подхватили англичанина, втащили в шлюпку, в которой уже находился и его помощник Льюис Тамплин, тоже выловленный в море, обоих доставили на борт крейсера.

«Нанива», неторопливо развернувшись, лег на курс, покидая «Гаошан», на мачтах которого висели гроздьями люди, те, кому еще хватило сил лезть по снастям. Позже стало известно, что в живых осталась всего лишь четвертая часть пассажиров, одних подобрало проходившее мимо корейское судно, других — французский военный корабль «Лион»...

Почти десять лет прошло с того кровавого события, которое подтолкнуло начало японо-китайской войны, официально объявленной Японией неделю спустя. Подтолкнуло оно и карьеру Того: после победы он, прямо с борта «Нанива» был приглашен на прием к микадо в Токио и, как говорится, начал расти не по дням, а по часам: был назначен президентом Высшей морской академии, где офицеры совершенствовались в стратегии и тактике боя, затем — главой морской базы в Сасебо; за четыре года проскочил путь от капитана I ранга до вице-адмирала.

И тем не менее, сохранилась легенда, что будто бы из-за неудачного торпедирования «Гаошана», адмирал недооценивает значение миного оружия, по меньшей мере, неприязненно к нему относится. К этому привязывалось и то, что Того никогда не командовал миноносцем — новым классом военного корабля, появившегося как раз в связи с изобретением самодвижущегося подводного снаряда.

Конечно, это всего лишь досужая сплетня, выдумка глупца или недоброжелателя. В ту же японо-китайскую войну, во время боя в Вэйхайвее, «Нанива» не только принимал участие в блокаде порта, но и отправил в атаку со своего борта четыре торпедных катера. Из одиннадцати потопленных китайских кораблей, каждый третий был уничтожен минами! С тех пор торпеда намного усовершенствовалась: увеличилась точность попадания, дальность хода и взрывная мощь. Ее массовое внедрение заставило изменить боевые порядки сил флота и тактику морского боя...

Того подошел к полураскрытому иллюминатору, сдвинул желтый занавес, глубоко вздохнул и провел ладонью по груди, по двум рядам золоченых пуговиц на мундире, как бы пробуждая себя от излишней задумчивости. Звездное, до самого горизонта качающееся небо, как бы принимало в свое сверкающее братство топовые огоньки идущих по правую и левую сторону миноносцев. Коман-

дующий мог быть доволен их состоянием: за сутки похода не поступило ни одного сигнала о существенных неполадках. Что ж, по уставу, военный корабль даже в мирное время, приближаясь к иностранному порту, должен быть готов к бою.

Адмирал захлопнул иллюминатор — в матово-темном стекле, словно в бронзовом зеркале отразилась его физиономия: вислый нос, изрезанное морщинами лицо и выпуклости на голове, которые не могли скрыть волосы. Прищуренные, впалые от усталости глаза, встретившись с собою в отражении, как будто спрашивали: «Ну все ли продумал, просчитал?»

Этот вопрос как бы произвел в памяти Того поворот «все вдруг», то есть повернул на 180 градусов размышления о недавно минувшем, перестраивая его уступами — от события к событию, начиная с 24 января 1904 года. В самом начале суток в Сасебо к флагманскому броненосцу «Микаса» стали подходить шлюпки и катера с командирами боевых отрядов и линейных кораблей, — предстоял военный совет, о котором они были извещены в секретном порядке. Впрочем, этой секретностью отдавалась всего лишь дань воинскому формализму: Сасебо, главная морская база Соединенного флота, дышал войной — город был переполнен войсками, бухта — кораблями. Помимо боевых судов — 6 броненосцев, 14 крейсеров и 36 миноносцев, тут же стояли наготове с разведенными парами еще 60 пароходов, которые могли перевезти разом до четырех дивизий пехоты.

Топливные склады ломились от каменного угля, обычного и в брикетах, им были забиты под завязку и корабельные ямы, возле причалов разгружались еще три английских угольщика. Черная пыль с утра до ночи витала в воздухе, покрывая все сверкающим тонким слоем, кружилась над рейдом. Интендантские склады ломились от продовольствия, обмундирования и фуража, минные и пороховые хранилища беспрерывно принимали боеприпасы. Гремело, громыхало, лязгало железо в доках и мастерских. Можно сказать, Сасебо демонстрировал полное напряжение сил, готовность к решительным действиям.

На совете Того зачитал императорский эдикт: — «Милостью неба, мы, император Японии, потомок династии, занимающей трон с незапамятных времен, объявля-

ем войну России, — Того усилил голос и отдельно, как будто отрывая иероглифы от атласа бумаги, закончил первую фразу, — посему повелеваем нашей армии и флоту пачать военные действия против этого государства»...

В адмиральском салоне стояла мертвая тишина, окаменели в торжественном напряжении лица флагманских начальников и командиров. Дальнейшее содержание эдикта по сути уже ничего не добавляло к главному — «война». Первая в истории Японии война с крупнейшей европейской державой! Это оцепенение встряхнуло привычное деловое слово «приказываю», сказанное командующим уже от себя и соответствующим тоном. Он подчеркнул, что Соединенному флоту выпала высокая честь открыть военные действия против России, и первая задача — в ночь с 26 на 27-е января совершить внезапное нападение на корабли, базирующиеся в Порт-Артуре и Дальнем. Объявив время выхода Соединенного флота в море — 7 часов утра, Того добавил:

— 4-му отряду контр-адмирала Урио, усиленному большим броненосным крейсером «Асамо», а также 8-м и 14-м отрядами миноносцев, ставлю автономное задание. Вначале отправиться к острову Цусимагам, в порту Такашики взять транспорт с десантным полком 1-ой армии и далее следовать к западным берегам Кореи, обеспечить там высадку войск для захвата Сеула. «В Такашики к Вашему отряду присоединится еще один крейсер — «Нанива».

Командующий кинул тяжелый взгляд на рыхлую фигуру Урио, подумав: «Мешок с рисовой соломой» — он не терпел чревоугодничества, к чему имел слабость контр-адмирал. В свою очередь Урио, изобразив на широком лице внимание и служебную озабоченность, дал собственную оценку взгляду Того: «Словно свищовый лот в душу метнул: оценил ли я всю глубину его заботы. Ну как же, «Нанива» — это прославленное судно, а не просто десять крупновских, уже давно расстреляных пушек, главное — на его мостике витает тень самого Того!»..

— С началом суток на 26-е 4-му отряду, — продолжал Того, — перекрыть оба выхода из бухты Чемульпо. Цель — заставить сдать находящийся на внутреннем рейде русский стационар, крейсер «Варяг». Надеюсь, всё ясно? Остальные боевые отряды вместе с истребителями пойдут со мной к Порт-Артуру.

Тогда, на совете, все это было сказано спокойным голосом, но сейчас, при внутреннем повторении, вызвало иную, откровенно первую реакцию. Того, распаяя себя, убыстрил движение по каюте, взад-вперед по диагонали от двери к двери, одна из которых вела на мостик, а другая — в адмиральский салон, где и состоялось заседание совета.

Заложив руки за спину, адмирал выпрямил свою высокую по японским стандартам, хотя и несколько сутуловатую фигуру, вздернул крупную несоразмерно широкую голову с коротко стриженными седыми волосами, и выставил вперед тоже короткую седеющую бородку. Его небольшие черные глаза приобрели блеск — адмирал Хэйхачиро Того являл саму решительность и несумолимость, даже жестокость, как в день казни непослушного «Гаошана».

Да, он хотел бы решительностью походить на графа Окуму, сторонника активной внешней политики, государственного деятеля, к тому же владельца крупнейшей промышленной монополии. Окума, заинтересованный в русских полезных ископаемых и в древесине, в числе первых влиятельных личностей заявил без обиняков: «Мы должны воевать с Россией». А столичная газета «Ници-Ници» в унисон ему уточнила: «Обязаны водрузить знамя Восходящего солнца на вершине Урала», как бы оспаривая тех, кто планировал дойти всего лишь ... до Байкала.

«Байкал, Урал, — повторил Того, — звучит, пожалуй, несколько громко, хотя армия и флот, создавая запасы, готовились к длительной, возможно даже трехлетней войне, а вот поднять флаг Восходящего солнца на одной из главных вершин Квантуна, например, на Сампсоне, — обязательная и реальная задача самого ближайшего будущего. Только бы удалось запереть русскую эскадру в гавани Порт-Артура, а еще лучше обескровить ее».

Слово «обескровить» вызвало у адмирала в памяти новый «уступ». Просто замечательную, даже символическую примету подарила ему судьба перед самым выходом в Желтое море, когда флот уже оставил позади остров Сингаль, а 4-й отряд взял указанный ему курс.

До слуха Того, стоявшего тогда на крыле мостика «Микаса», долетел истошный крик впередсмотрящего матроса: «Кит на носу!» Наискось ходу броненосца, с западной стороны всплыл кит. Судя по отсутствию спинного плавника и по черной округло-тупоносой большой

голове, это был кашалот, скорее всего старый самец-одиночка. Двадцатиметровый гигант шел по прямой, не собираясь нырять или уступать дорогу. Наоборот, он как будто ждал от людей команды — «Право на борт». Такую команду ждали и рулевой и вахтенный офицер, но со стороны командующего не прозвучало ни звука, и никто не посмел нарушить его молчание... Кит исчез под форштевнем. Морской гигант вероятно ударился не позвоночником, а был таранен вскользь, так как устремился вперед еще быстрее, отфыркиваясь и выкидывая из дыхала высокие кровавые фонтаны. Они извергались из него со звуком стравленного пара. Вскидывая лопасти хвоста, разевая белую зубастую пасть, он напрягал последние усилия, чтобы продолжать шлеть. Его нелепая, в треть туловища голова, видно, не понимала, что такое удар кованого железа и тем более, что такое — смерть. Но вот зверь начал кружить, ворочаться, изгибаться, взбивая пену. Еще один темно-красный фонтан — кит, захлебываясь собственной кровью. Наступала агония...

— Отличное поздравление! — молвил, наконец, Того. — Такой удар по борту живым сосудом в шестьдесят тонн — это куда значительнее, чем бутылкой шишучего из провинции Шампань.

Все находившиеся на мостике оценили остроту адмирала, сравнившего спуск нового корабля на воду с началом боевого похода флота империи. И уж никто не сетовал, что он не заметил самого момента сшибки кита с броненосцем, не предотвратил его гибели.

* * *

Впрочем, вахтенный ошибался: командующий все заметил! Но для вице-адмирала Того главный смысл происшествия заключался не в физическом ощущении удара кованого тарана о живое тело морского животного, не в улоении железной мощью армады, которую он вел, а в понимании неотвратимости поражения слабого, будь он во сто раз храбрее, благороднее. Поэтому в ту минуту, когда Того машинально уперся ногами в палубу в ожидании столкновения с китом, ему представилась более подходящая аналогия — столкновение английского парового

почтово-пассажирского судна компании «Пенинсулар энд Ориентал» с американским парусным корветом «Энеида». Произошло это за год до того, как он с группой таких же молодых японских моряков весной 1871 года был отправлен на учебу в Англию.

«Энеида» и англичанин оба держали курс на Иокогаму. Последний, опаздывая относительно расписания, шел на самом полном. В числе его пассажиров находилась супруга английского посланника в Японии миссис Паркс. Капитан, понимая, что сам Паркс наверняка прискал в порт, чтобы встретить любимую половинку, наверстывал время, не жалея ни кочегаров, ни машин. И вот, уже на виду берегов Хонсю, ему на пересечку вышел корвет со звездным американским флагом.

По морским правилам того времени паровому судну положено уступать дорогу паруснику, так как ему легче изменить курс, но англичанин не пожелал этого сделать, с ходу врезался носом в корму «Энеиды», спес ее начисто. Тяжело груженный деревянный корвет со 123-мя пассажирами и командой камнем пошел ко дну, спаслось всего лишь пять человек. Спаслось бы больше, но англичанин даже не попытался спустить шлюпки, чтобы подобрать с воды людей, и, не сбавляя хода, продолжал путь. Зато супруга посланника была доставлена точно по расписанию, к полудню, ко второму завтраку, за что капитан заслужил благодарность.

Сирятать происшествие оказалось невозможно. Спасшиеся с «Энеиды» потребовали суда над капитаном-разбойником, их свидетельства были потрясающи, а огласка столь широка, что процесс состоялся, но... под председательством английского консула в Иокогаме. А что мог решить чиновник, исполнявший инструкции четы Парксов? Судебное разбирательство закончилось приговором, который можно было назвать насмешкой над пострадавшими: капитана лишили на полгода права командовать судном. Однако и такое наказание показалось дипломатам «владычицы морей» слишком большой уступкой Соединенным Штатам, их вчерашней колонии.

Чтобы указать «кокни» положенное место, английская миссия начисто проигнорировала национальный праздник США — День независимости. В Иокогаме, начиная с

1860 года, наряду с дипломатической службой, располагался, как бы приданный ей в помощь, батальон британских колониальных войск и французская рота, а на море крейсировали эскадры Франции, Англии, США и Голландии. Тем не менее, англичане стремились держаться обособленно от «континентальной сволочи», относя к этому разряду и носителей красно-синего звездного флага. Так вот, в День независимости Соединенных Штатов Америки, английская эскадра, не желая исполнять международный акт вежливости и уважения к союзной стране — салютаций, под предлогом учения ушла в открытое море, а посланник Паркс срочно отбыл лечиться на горячие источники под Токио. Исчез и консул. Так что некому было послать даже обыкновенное поздравление.

Американцы, в пику демонстративному афронту, гуляли вовсю, днем и ночью: гремели орудия иллюминированных по бортам кораблей, гудел от праздничного шума и берег, — играли оркестры, веселилась вся европейская колония. Присоединились бы к даровой вышивке и английские солдаты, не грози им уж очень суровая кара — британское командование для наказания ослушников держало про запас плети, а для штрафников — еще и железные клейма...

Японцы, ожидавшие по поводу самоуправства «Энеиды» схватки буйволов, США и Великобритании, были разочарованы. Они не знали европейской пословицы — ворон ворону глаз не выклюет...

В памяти Того, по профессиональной привычке, морские происшествия выстраивались в последовательном однообразии, подобно вагонам поезда — одноцветно и по порядку чисел, нумеруясь от первого к последнему. Сегодня таким «хвостовым» оказался кит-кашалот.

Командующий, завершив очередной «уступ» памяти, уже спокойно прошелся по каюте, и, попыхивая короткой трубкой, остановил взгляд на двух широких вазах с росшими в них карликовыми деревьями, подарками графа Окума, — в одной ярко зеленел раскидистый пятисотлетний кедр, а в другой — столь же древняя сосна. Последняя, по поверьям, считалась не только воплощением древнего садоводческого искусства «бансай», но и средством олицетворения красоты природы и выражения любви к ней, даже символом мужества. Впрочем, сам Окума — никакой не символ: массивная лысая голова с торчащими ушами, такое же лысое бабье лицо — ни бороды, ни усов.

Присев на небольшое вращающееся кресло возле складного столика, адмирал разглядывал лежавшую на нем крупномасштабную карту — схему Порт-Артура, с резко выделенными цветной тушью фортами и люнетами, батареями и ходами сообщения, дорогами, казармами, площадями и складами. Густо заштрихованные квадраты и прямоугольники Нового города, построенного русскими, и неправильные округлые фигуры — Старого, китайского, обрамленные пабережными, причальными стенками, граничили с выкрашенными в голубой цвет бассейнами внутренней бухты и прибрежными водами внешнего рейда.

Бухта тоже была испещрена цветными утюжками военных кораблей с аккуратно выписанными названиями. Они располагались на штатных якорных стоянках и повторно группировались еще и на внешнем рейде, выстроенные в четыре линии: две средние занимали броненосцы «Петропавловск», «Полтава» и «Севастополь», под ними — «Пересвет», «Ретвизан», «Победа» и «Цесаревич»; ближе к берегу, на норд, стояли крейсера второго ранга, безбронные, — «Новик», «Боярин» и канонерские лодки «Гиляк» и «Джигит». Наконец, южную линию занимали крейсера первого ранга — «Баян», «Диана», «Паплада» и «Аскольд». Корабли — всего 16 вымпелов — размещались в шахматном порядке. Во всяком случае, такое впечатление создавалось при взгляде на карту-схему.

Эта карта составлялась штабом на основе разведочных данных и заранее была размножена в копиях. Того надеялся внести в нее, буквально перед самой атакой, еще и уточнение. Для этого Генеральный штаб и консульство в Чифу договорились провести соответствующую операцию.

Когда Соединенный флот приближался к Печилийскому заливу, ему навстречу вышел английский пароход, на мачте которого замелькали сигналы. Борту парохода мгновенно облепили люди, доносилось громкое «банзай», руки вздымались в приветственных жестах. На судне находилось 770 соотечественников, вся японская колония, проживавшая в Порт-Артуре, вместе с ними — и консул из Чифу. И хотя Чифу был связан с Порт-Артуром ежедневными рейсами пароходов Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД имела свое пароходство) японское правительство срочно зафрахтовало английское судно для эва-

куации подданных в связи с обострившимися отношениями с Россией.

Но посвященные-то знали, что появление утром 26 января на внутреннем рейде Порт-Артура парохода под британским флагом, имело и другую причину. В одной из кают находился переодетый под стюарда, и в такой же должности записанный в судовую роль, офицер разведки, которому поручалось оценить обстановку в крепости и на эскадре буквально в последние часы перед началом боевых действий.

Пассажирам оставалось только гадать, когда они увидели, что подошедший к их пароходу миноносец принял с борта скромно одетого человека, которого подобострастно вел до самого штормтрапа сам консул. Миноносец, круто развернувшись, помчал вдогонку удалявшейся эскадре, держа курс на флагманский корабль, на «Микаса».

Командующий пожелал лично выслушать доклад офицера генерального штаба, который в течение шести часов, пока проходила посадка японских семей на судно и распродажа за бесценок их имущества, не только сумел отметить на карте новое в расположении кораблей русской эскадры, но и через тайного агента-фотографа выяснил, что эскадра, начиная с 18 января, постоянно находится на внешнем рейде. После спуска флага вся судовая артиллерия заряжается, при этом прислуга одного борта остается на ночь при орудиях. Для ночной охраны эскадры назначаются в дежурство два легких крейсера и пара миноносцев. Последние патрулируют в море на расстоянии двадцати миль от стоянки. Удалось даже узнать позывные одного из них — «Стерегущего». И еще одна немаловажная новость — в ночь намечается мишное учение в Дальнем...

Все эти сведения убедили Того в том, что Порт-Артур находится в боевой готовности, поэтому недопустима какая-либо опрометчивость. С другой стороны, столь длительное ожидание противника, как и неопределенность затянувшихся переговоров между Токио и Петербургом должны утомить людей, размыть их бдительность. Во всяком случае доклад разведчика свидетельствовал, что сегодня-то русские не ждут атаки, тем более ночной: ни один броненосец не обезопасил себя противоминными сетями, не видно боновых заграждений, отсутствует световая маскировка. Даже наоборот: на всех, стоявших на

якорях кораблях горят штаговые огни, а подходы к рейду освещены дежурными крейсерами.

Вызвала удовлетворенность командующего и такая подмеченная офицером деталь: 26 января по христианскому календарю — день святой Марии. Для многих жителей Артура это день их ангела. Естественно предположить, что некоторые офицеры, правдами и неправдами, постараются съехать хотя бы ненадолго с корабля на берег, чтобы вручить имениннице подарок, поздравить. Оказалось, что супругу Старка — тоже Мария! Значит, и адмирал на какое-то время непременно размагнитится, а то и очутится вне службы за праздничным столом...

— Что ж, господин Старк, сыграем в шахматы по случаю дня ангела вашей дражайшей половины, — пошутил вслух Того, снова глянув на карту артурского рейда, на шахматную расстановку русских кораблей.

Адмиралу так понравилась собственная острота, что вызвав звонком дежурного адъютанта, он отдал приказание тоном, как будто готовился сообщить что-то веселое:

— Просигнальте: командирам всех миноносцев, заведующим отрядами быть к восемнадцатью часам на борту «Микаса».

Настроение командующего показалось офицеру столь необычным, что он даже на лишние секунды задержался в каюте, пока не услышал резкое:

— Исполняйте.

* * *

Местом сосредоточения сил Соединенного флота перед атакой Порт-Артура был выбран остров Роунд, расположенный на входе из Печилийского залива в Ляотешанский. Этот крошечный кусок суши, по существу каменная гора с кумирней на вершине, не представлял из себя ни оперативной базы, ни укрытия, а всего лишь удобную географическую точку, расположенную почти на равном расстоянии как от Ванхейвса на полуострове Шаньдун, так и от Порт-Артура, — в сорока с лишним милях.

И вот снова в адмиральском салоне, за большим столом которого всего лишь сутки назад заседали адмиралы и солидные капитаны I-го и II-го ранга, собралась молодежь, в основном лейтенанты, командиры миноносцев.

Того предложил всем сесть; начал негромко:

— Господа, сегодня вечером — точное время будет объявлено — вам предстоит атаковать русскую эскадру. Вы проложите путь главным силам флота. Десять миноносцев, разделенных на три отряда — 1-й, 2-й и 3-й, пойдут к Порт-Артуру, другая группа из восьми, это 9-й и 14-й отряды — в Талиешванский залив, к Дальнему. Атаковать в обоих случаях ночью. — Адмирал повернулся к штабному офицеру. — Раздайте карты.

Того понимал, что столь ординарное начало его речи снижает торжественность момента и только поэтому оставил без внимания восклицание «Банзай»!, раздавшееся со стороны сидевших с торца стола капитан-лейтенанта Цунемацу и Нирутаки, командиров миноносцев «Сазанами» и «Акацуки». Молодых офицеров можно было понять — они не удержались от возгласа, когда увидели, что им вручены карты Порт-Артура, то есть оказана честь первыми вступить в бой.

— Как свидетельствуют донесения разведки, а также нашего консула в Чифу, русские пребывают в ожидании официального объявления войны, — продолжал Того и, подняв глаза, увидел скривившиеся лица друзей — Цунемацу и Нирутаки, своим выражением как бы говорившие — «Нашли дураков!» — Но я советую не доверять вполне этому мнению. Возможно, нашему противнику что-то известно. Поэтому будьте внимательны. Сумейте подойти к эскадре незаметно. В случае неудачи, не бойтесь повторить атаку... Заведующие отрядами, на вас возлагается координация боевыми действиями судов, вполне полагаюсь на ваши знания и находчивость...

Внезапная атака позволит вам приблизиться к кораблям на расстояние до трех кабельтовых, а то и ближе, тогда точный выстрел будет обеспечен. Если же удастся создать в рядах противника еще и свалку, то процент успеха может возрасти вдвое. . Надеюсь, — адмирал вытянулся и откинул назад голову, это движение было понято, как сигнал подняться со своих мест. — Я надеюсь, что после исполнения вами приказа, мы вновь скоро увидимся.

Тут опять раздалось «Банзай!», на этот раз уже общее и громкое. По знаку адмирала подали шампанское. Сам он тоже поднял чашу за успех операции и, пожав каждому командиру руку, отпустил всех по кораблям.

Навстречу войне

— Слева океан, справа океан, а в середине — море. Как находите мою загадку? — строгил Акишфиев.

Мичман за долгую дорогу придумал себе интересное занятие — вел дорожную летопись, отмечая на карте станции и разного рода достопримечательности. Вот и сейчас после Иркутска поезд прошел туннель, на входном полукузье которого было выложено цветным камнем — «К ТИХОМУ ОКЕАНУ».

Что касается слов «посредине — море», то отгадка пришла через минуту со стороны кондуктора, появившегося в вагоне вместе со струей морозного воздуха. Железнодорожник с каким-то особо служебным выражением лица, громко, почти торжественно, объявил:

— Станция Байкал! Прощу господ пассажиров собрать вещи. Предстоит пересадка. Не извольте беспокоиться, оденьтесь, прошу, потеплее. Особенно это касается дам и детей, — и в заключение сказал вовсе загадочное: — Лошадки будут поданы точно вовремя, как по расписанию...

Станция Байкал обозначилась грандиозными арочными сооружениями, причалами, по которым серебрились рельсовые пути. В затоне стоял стометровой длины пароход с рядами квадратных иллюминаторов, с необычно высокими бортами и широкими, напоминающими заводские, трубами. Это был ледокольный паром, названный по имени озера-моря — «Байкалом». Ходил он от весны до поздней осени, до ледостава, переправляя с берега на берег поезда, брал за каждый рейс в свое нутро, напоминающее ангар, до двадцати пяти груженных вагонов и полтораста пассажиров. На противоположной стороне этот состав поджидал уже другой паровоз, стоявший под парами.

Зимой все это происходило значительно сложнее. С берега, с главного пути, прямо на замерзшее озеро проводили рельсовую колею. Роль полотна выполнял лед, в который вмораживались шпалы с заранее набитыми рельсами. По этой сезонной линии, протяженностью в сорок верст, и перекатывались через озеро вагоны — поштучно.

на конной тяге. Вот почему при станции приходилось содержать более трех тысяч лошадей!

Все это первым узнал из своих справочников Акипфиев и поделился с товарищами.

— Табуи, равный по силе машине миноносца, — заметил Сергеев.

Юрасовский, спимая с полки чемоданы, ворчал, обращаясь к Козловскому:

— Не по-джентльменски, господа железнодорожники. Нет, не «файр плэй»!.. Выбрасывать людей посреди пути на собачий холод. И каких людей?!

«Куда бы скучней показалась дорога, не будь этого жизнелюбца, не растерявшего и к сорока кадетский пыл», — подумал Сергеев.

Офицеры, сойдя с поезда, слонялись в людской толпе, ждущей переправы, наблюдали сход вагонов на озеро, на временный железный путь, терявшийся в заснеженной дали.

— Сибирская дорога в состоянии пропустить в лучшем случае тринадцать поездов в сутки, — слышался теплорок Козловского, размеренно и поочередно похлопывавшего себя ладонями по ушам, по щекам, по носу, — так жал мороз. — Вокруг Байкала строится тридцать девять тоннелей. С их окончанием пропускная способность дороги удвоится. — И хлопнув себя сразу по обеим щекам, инженер подсадовал: — Удивительный климат: nebo летнее, сухо, солнечно, в воздухе тишь да благодать, а голова, как грецкий орех в щипцах — так холод обжимает...

— Предлагаю зайти в буфет. Опрокинем по рюмке, — предложил Юрасовский.

Желание погреться таким способом обуяло, видно, многих: буфет штурмовала плотная мужская толпа.

Сергееву претила толчея, и он остался в зале, поджидая товарищей. Его внимание привлекла большая карта Азии на стене с повешенным над ней литографированным портретом Николая II. Столь близкое соседство царской персоны с картой удивило лейтенанта, он подошел ближе и все понял. По полю карты красной штриховой линией был прочерчен «Путь его императорского высочества, государя наследника цесаревича Николая Александровича в 1890 — 1891 годах, совершенный на крейсере «Память Азова», — гласила надпись над списком условных знаков.

Сергеев пробежал глазами цепочку жирных штрихов, тянущуюся вдоль берега Восточно-Китайского моря до порта Чун-Мин, и далее по реке Чапцзян вглубь Китая до

Хань-Яня; затем обратно по этой же реке снова к морю, и через него — в Японию: Нагасаки, Кагосима, Кобэ, Киото, а далее по суше до города Оцу...

— Дорога отступления, — послышался голос подошедшего Юрасовского.

— Что-то от исдовязанной петли, — прокомментировал и инженер.

— Да, напоминает, — подтвердил Сергеев, подумав не о цесаревиче, а о Владимире Менделееве, для которого с плавания на «Памяти Азова» и началась цепь неудач.

— Эту карту выпустило военно-топографическое отделение Главного штаба в 1895 году, — пояснил Козловский. — Она популярна в среде сибирских железнодорожников, так как наследник тогда являлся председателем комитета по сооружению Сибирской магистрали. По завершении указанного здесь путешествия и прибытии во Владивосток, он лично заложил крайнюю дальневосточную ветвь дороги — Уссурийскую.

— Еще и памятник адмиралу Невельскому, — дополнил Сергеев. Об этом ему подробно рассказывал Владимир, присутствовавший в числе других офицеров крейсера на церемонии. Память даже донесла напряженно иронический голос друга:

—... Ты бы видел, как умилились наши, а более всех Чухнин, когда их императорское высочество, взяв в руки нагруженную землей тачку, слегка встряхнул ее и попросил рабочих надбавить с верхом. И под крики «ура» — я тоже орал! — покатил груз аккуратно и легко по плахе на место будущего полотна. Должен сказать, катил с удовольствием, обнаруживая немалую физическую силу...

Александр Семенович не утерпел, чтобы не рассказать товарищам об этом эпизоде, чем вызвал замечание Козловского:

— Каждый человек по-разному обнаруживает свое призвание...

— Трудно сказать, какие чувства испытывал цесаревич, когда вез тачку, — вмешался Юрасовский, которому не нравилась манера инженера говорить намеками. — Может быть желал опробовать собственными руками груз дальневосточных проблем.

Козловский, пожав плечами, возразил:

— В какой-то мере, а может быть и в главной, — он их перед тем опробовал уже головой в Оцу.

И вновь в Сергееве зазвучал баритон Владимира:

—... Япония провожала «Память Азова» без прощального салюта. Международный акт уважения был заменен доставкой на борт крейсера шестнадцати ящиков с подарками...

Разговор коснулся одной из тягостных страниц в истории русско-японских отношений, о покушении на жизнь наследника, произошедшем через два дня после прибытия «Памяти Азова» в Японию. Когда цесаревич Николай и его свита, только что отобедавшая в городе Оцу, проезжали на рикшах по одной из главных улиц города, несший охрану полицейский Цудо Сандзо выбежал на середину дороги, выхватил из ножен самурайский меч и взмахнул им над головой высокого гостя...

То ли наследник успел отшатнуться, то ли полицейскому кто-то помешал (рассказывали, что это сделал греческий принц Георгий), но острие оружия задело голову только вскользь. Раненый, оправившись от испуга, пожелал вернуться на свой корабль и вскоре отбыл во Владивосток.

То есть вышло так, что японцы дали будущему русскому государю «по шапке», выгнали его. Дипломаты отметили в документах, что цесаревич оказался в «жалком и трусливом виде». Даже награждение Александром III принца Георгия медалью «За спасение утопающих» походило на насмешку.

Прояви себя наследник более мужественно — рана-то оказалась сродни царапины, — не убеги на крейсер, ранее установленного срока, а явись с забинтованной головой во дворец императора, того самого, что возвестил для Японии эпоху Мэйдзи, реформировав власть, экономику и культуру, создалось бы совсем другое впечатление о будущем вожде русского народа и воинства... Девять месяцев длилось это восточное путешествие, а родило болезнетворную «муху», правда, не це-це, но созвучную — о-цу.

Вот такие мысли пришли на ум Сергееву, когда он еще раз перед выходом из вокзала окинул прощальным взглядом карту с «петлей» высочайшего путешествия.

— Замечаешь, — Юрасовский перехватил взгляд Сергеева, — наследнику было трудней, чем нам: для него дорога через Сибирь оказалась отступлением, а для нас — «Буря и натиск!», разумеется в воинском варианте... Вон они, наши скакуны!

«Скакуны» — небольшие сибирские лошадки, гривастые, длинношерстные, заиндевшие на морозе от копыт до холки, — смиренно стояли возле длинной коновязи с насунутыми на морды торбами с овсом, фыркали и добродушно косились на толпы пассажиров.

Несколько поодаль вытянулся длинный ряд саней с задранными оглоблями. Парные, с широкими обводами, изнутри обложенные рогожкой, так называемые «пошевни», предназначались для перевозки пассажиров через озеро.

Сквозное сообщение по Сибирской магистрали должно было открыться только в 1906 году. Тем самым был допущен промах стратегического значения, не менее крупный, чем и в отставании с выполнением военно-морской программы, о чем недавно говорил Крылов.

Козловский, поживаясь, высказал предположение:

— Не лучше ли нам сговорить извозчика? Мы на этих казенных дорогах полдня проскриним и, вдобавок, в своих подбитых рыбьим мехом шинелях превратимся в сосульки, — инженер для убедительности постукал ногой погу и показал на другой ряд саней — ковровых кошевок, легких санок, дразнящих лежавшими на облучках, на самом виду, собачьими дохами и овчинными тулупами.

— Дорого будет стоить, — возразил Юрасовский и махнул рукой, — Эх, да что там! Когда едешь на войну, к чему деньги считать?

— Тем более, что выигрыш и проигрыш обыкновенно в одних санях едут, — дополнил Козловский.

— Куда наш мичман пропал? — поинтересовался Сергеев.

— Я его видел в буфете вместе с капитаном, — ответил Козловский. — Все равно в одних санках не усядемся.

— Предупредить надо, я схожу, — сказал Юрасовский.

Ни в вокзале, ни в буфете Акинфиева не оказалось. Пока Юрасовский отсутствовал, Козловский сторговался с владельцем санок. Офицеры и инженер натянули на себя просторные мягкие шубы и стали устраиваться в плетеном из ивняка и обшитом изнутри домотканым шерстяным полотном кузове.

Извозчик, небольшой, кряжистый, что в рост, что в ширь («квадрат» — мысленно окрестил его Юрасовский), обошел сани, заботливо подоткнул полы тулупов у пассажиров, накрыл им ноги еще одним — четвертым и только тогда присел на облучок.

— Пошли, милые!

Взвизгнули окованные железом полозья, скрипнули кожаные закрутки на оглоблях — и запряженная гусем пара гривастых лошадок, мотая головами, побежала вниз по пакатанной дороге. У самого спуска на озеро увидели «потерю» — Акинфиева.

Юрасовский помахал рукой отступившему на обочину мичману, предупредил:

— До встречи на той стороне!

— Почему на той? — возразил Сергеев и обернулся к вознице. — Остановись-ка, голубчик. Ты можешь еще одного офицера взять?

«Квадрат» критически оценил взглядом топцаго и явно продрогшего мичмана.

— Ежели на лишний шкалик...

— Будет, будет, — пообещал Сергеев и окликнул молодого человека: — Давайте к нам, Андрей Михайлович.

Четвертый тулун, игравший роль меховой полости, лег согревающей благодатью на плечи Акинфиева, приткнувшегося в передке, сбоку лейтенанта.

* * *

— ... Мы-то? Мы здешние, из челдопов, — ответил возница на вопрос Козловского.

— Что это означает «чалдоп»?

— Чего же тут непонятного. Только не «чал», а «чель», то есть «человек с Дону»... Оно, ведь, как получилось, когда двинулись наши из России на вольные земли. Ну подонили к Камню, к Уралу. Высоко, круто!.. Кто калека на ноги или, к примеру, на голову слабый, тот засомневался: а вдруг и дальше горы будут. Для виду покарабкался, покарабкался, да так и застрял с той, российской стороны. Ну а кто поумней да поудалей, тот шанку об землю, ворот параспанку — и вверх, к облакам!.. Так и появились казацкие войска в Сибири — Уральское, Семиреченское, Даурское... Мы из Даурии.

«Вот она, еще одна особенность Сибири, — подумал Сергеев, слушая ямщика, — чувство повышенного достоинства, даже превосходства над «россейскими», будь то крестьяне-переселенцы или «господа», вроде их, пассажиров-недотепов, скорчившихся под тулурами... Сибирь испытывает стойкость, вымораживает угодничество.

Понять это можно: страна, не знавшая помещиков, и где рой чиповничьего комарья всегда был намного реже, чем в России.

— Но, милые, язви вас в душу! — сибиряк поднял кнут. Всю эту процедуру он проделал явно для вида, так как лошадки и без пощукания бежали весело, вероятно, привычной для них рысцой.

По дороге, проторенной рядом с железнодорожной колесей, царило оживление: проносились с бубенцами почтовые тройки и служебные, тянулись обозы и отдельные розвальни, груженные, как дровами, поленницами мороженого омуля. А после того как миновали высокую торосистую гряду, через которую была пробита траншея для рельсового пути, увидели воинский строй. Солдат было до роты, но из-за узости дороги, очерченной оголенными по верхушкам льдами, они вынуждены были идти в шеренге по двое, и поэтому строй вытянулся на батальон. Впереди шагал молодой поручик. Его лошадь вели в поводу. Офицер, приветствуя моряков, приложил руку к башлыку, из-под которого виднелись только козырек да туля форменной фуражки. Залубевшие и съезжившиеся от холода лица солдат покрылись морщинами.

— Шире шаг. Разговорчики! — гаркнул офицер, обернувшись к роте, которую согревало лишь собственное энергичное движение.

— Эх, сердечные, — со вздохом отреагировал и кучер. — Быть скоро войне. Сено и овес вздорожали — казна скушать начала.

— Сам-то запаса? — спросил Юрасовский.

— А как же, мы не из глухих, чтобы после платить втридорога, — ответил кучер и, видя, как его пассажиры ёрзают и поеживаются, пряча носы в овчину, пообещал: — Верст этак через пяток погреемся — станция Середина.

— Остров, что ли?

— Какой остров?! Все на льду: и вокзал с залом, и трактир. Срубы с лета на берегу заготавливают, а как встанет Байкал, везут на место, на середину озера, и собирают.

... Вначале обозначился столб дыма, затем показались строения, стал доноситься собачий лай. И вдруг из-за сугробов, разом, как залпом, хлестнуло по глазам — сверкнул на солнце оконный ряд. Это и была временная, создаваемая на зиму, железнодорожная станция Середина.

Рельсовая колея и конная дорога снова сошлись возле себренчатых зданий, удлинённых поленищами колотых дров. Казенную ведомственность станции подчеркивала отведенная от основной линии ветка со стрелочным переводом и с крестовиной тупика, где стоял неисправный поддомкращенный вагон. Поодаль вытянулись два барака этанного пункта — один для солдат, другой для арестантов, — с общей кухней.

— Наконец-то! — Юрасовский встряхнул плечами, привстал на колени. — Ноги, что кочерыжки. Непременно возьму бутылку казенной еще и в дорогу.

— Пимы для такой дороги надо, — кучер, сидевший на облучке боком, так что из-за высокого воротника тулуна виднелся только клоч заиндевевшей бороды, болтнул ногами. Белые валенки, с длинными, захоляющими за колени голенищами, видно, хорошо держали тепло. — Сибирь! Тут надо с умом обуваться: ноги беречь больше, чем голову... А вот, казенной, ванна бродь, тутокась не кушите.

— Что городишь?!

— Да уж то — запрещена на «Середине» монополюшка: скандалы, пассажиры кочеврыжатся. Запретили, чтобы затор в движении не создавать...

— Смотри-ка, Байкальское общество трезвости! Это что же, на втором перегоне придется, по примеру того пешотинца-поручика, бежать за санями?...

— Не извольте тревожиться —пельменки вмиг согреют, лучше водки. И верно согрели. Половой в станционном буфете, ничего не спрашивая, поставил перед каждым по большой деревянной чашке парящих пельменей, а на середину стола — блюдо с уксусом, приправленное красным перцем.

Юрасовский, по примеру других обедающих, подхватил вилкой пельмень, обмакнул его в уксус и задержал перед глазами.

— Что-то вроде двух шляп, склеенных полями.

— Просто скрученный вареник, — заметил Акифиев.

— Никаких шляп, никаких кручений, — возразил обним Козловский, отправив пельмень в рот. — Замечательно вкусно. И тесто, и мясо...

Пельмени были единственным блюдом в этом придорожном буфете на льду — заготавливали их тоже на берегу, морозили и мешками завозили на «Середину». Повар,

прямо на глазах гостей, засыпал ими котел с бурлящим кипятком и выдавал свежими, «с отварочки», в счете на десятки, — три четыре десятка за один раз, смотря по аппетиту. Наши герои съели по три десятка...

Через час, дав отдохнуть и лошадям, двинулись дальше. Теперь конева показалась даже уютной. Синеющая, ломаная линия гор скрадывала подлинное расстояние, создавала иллюзию близости восточного кругого берега, до которого оставалось еще двадцать верст. Одноколейка со своими шпалами-поперечинами, уходящая по снегу в сторону этой горной цепи, выглядела лестницей к ней.

И снова причалы с железными арками для пвартовки парама, подъемные краны, разветвленное путевое хозяйство со специальными линиями. На них в летнюю пору формировались «плети» составов перед подачей на паровую палубу, а сейчас с лязгом и грохотом расцеплялись по одному вагону для конной переправы... И поблизости от этой железной техники — ряды саней и коповязей с разномастными лошадьми. Это станция Танхой — кония той, что на западном берегу Байкала...

Ожидали владивостокского поезда, а тот, которому предстояло отправиться на восток, формировался. Маневровый паровозик, подавая писклявые частые гудки, перетаскивал один за другим прибывающие со льда вагоны к основному составу, перед которым поныхивал дымком и пускал по бокам пары его собрат-красавец — с высокими красными колесами, с обширным тендером, утепленной зеленой будкой, лоснящийся масляным глянцем и начищенной медью.

Козловский, специалист по локомотивам, обратил внимание на ухоженность паровоза, ласково посмотрел на машиниста, молодого человека в кожаной тужурке. Тот, полный достоинства, неторопливо прохаживался возле своей могучей машины, изредка постукивая молоточком с длинной ручкой по колесам, по рычагам иногда заглядывал под них, на что-то обращал внимание кочегара, следовавшего рядом с масленкой в руках.

— А кочегара молодого, — тихонько запел Акинфиев, — несут с разбитой головой.

— Да, к сожалению, слишком часто калечатся и гибнут железнодорожники. Но редко кто из них бросает дорогу по своей воле. Прогресс!

— Прошу внимания, — прервал Сергеев сетования инженера, показывая на красное крыло семафора, поднявшееся за восточным входом на станцию.

Вскоре появился и поезд, курьерский из Владивостока. Его пассажиры, всех рангов, лет и сословий, спешили выбраться из вагонов на деревянную щелистую платформу, заставляя ее чемоданами, корзинками, узлами, картонками. Сергеев и его попутчики теперь могли, как бы со стороны, взглянуть на самих себя, какими они были три часа назад на станции Байкал.

Кто-то из прибывших оставался на месте в ожидании указаний от железнодорожного начальства, другие разбежались в поисках съестного — в станционный буфет, опять-таки копию байкальского, менее разборчивые обратились к торговому ряду, где можно было приобрести у крестьянки кришку горячего молока, свежую шапезку, пирожок с рубленным мясом или бурятскую, крепкую как камень, пресную лепешку.

Группа солдат в чекменах и шароварах с ярко-желтыми лампасами — форма Забайкальского казачьего войска — окружила кинешник в вокзальном зале два огромных самовара и вмиг опустошила их своими медными чайниками.

Мичман Акинфиев тоже не устоял, купил круг мороженого молока и по-ребячьи лакомился, соскребая с него ножом выдавленные морозом желтоватые папльвы сливок. Рядом с ним закусывал жареной бараниной капитан-артиллерист — он продолжал опеку над молодым офицером.

На станцию начал прибывать на санях-пошевнях и встречный поток пассажиров. Поезд на Порт-Артур был переведен на главный путь; над составом приветливо курились жидкие дымки — проводники, в ожидании посадки, подогревали вагоны. Этот поезд уже принадлежал Китайско-Восточной железной дороге, управление которой находилось в Харбине. К составу была прикреплена еще теплушка, возле которой неумело строилась толпа мужчин. Офицер со злым усталым лицом выкрикивал по списку имена и, проверив у каждого солдата воинский билет, ставил на грудь черту мелом, как на ящик с кладью.

Сергеев с Юрасовским переглянулись, подумав: «Запасные по мобилизации»...

Встреча с курьерским из Владивостока вновь замантила внимание на войне, столкнула новости с двух рубежей — Балтики и Тихого океана. Последние оказались зловещие: поспешный выезд на родину из Владивостока и его окрестностей всей японской колонии, перекраска в темно-серый цвет зимующих в бухте Золотой Рог крейсеров. Удручала и тревога, написанная на лицах женщин, в особенности едущих с детьми. По вниманию, которое им оказывали спутники, по отрывкам разговоров, можно было понять, что в основном это эвакуировавшиеся на запад офицерские семьи.

Но ближнее дыхание войны ощутилось особенно ясно, когда поезд подошел к станции Отпор, последней на русской территории. В момент прибытия экспресса туда пришло известие о разрыве 24 января дипломатических отношений между двумя империями, об отзыве посланников.

Несмотря на то, что сообщение поступило по служебному телеграфу, секрет продержался всего лишь несколько минут, — весь поезд заговорил о войне, теперь уж как о неминуемом. Граница в данном случае оказалась не только межгосударственным рубежом, но и границей мира и войны, а для многих, едущих в поезде, — еще и границей жизни и смерти.

— Станция Отпор! Превосходно! — ораторствовал Акинфиев.— Более того, символично: сначала японцев ждет достойная встреча, отпор, после чего последует разгром на суше и на море. Так что наш нынешний курс — зюйд-ост самый верный...

Настроение воинствующего оптимизма овладело и большинством пассажиров. Вагон-ресторан превратился в своеобразный клуб и штаб, не закрывался до часу ночи. Когда поезд из-за снежных заносов застрял перед Хишганским хребтом, то вместо традиционного опасения по поводу возможного нападения хунхузов или сетования на непогоду, раздавались негодующие возгласы в адрес администрации КВЖД, не умеющей даже в столь ответственный момент содержать в порядке путь. Часть этого негодования свалилась на Козловского, путевая форма которого теперь вдруг привлекла внимание как пассажиров, так и местных железнодорожников. Но инженер,

будучи командированным на эту дорогу, и без того почувствовал себя на службе, вместе с поездной бригадой быстро организовал мужики на расчистку полотна. На помощь была призвана и команда войск железнодорожной охраны. По счастливой случайности, пост — такие подразделения были созданы на всем протяжении КВЖД для ее охраны — оказался поблизости.

Миновав Большой Хинган, снова выскочили на равнину — оголенную желтизну с языками снежников по лощинам. Теперь Козловский выбегал почти на всех станциях, и, пользуясь служебным положением, узнавал на железнодорожном телеграфе последние новости. Главной из них, услышанной уже при подъезде к Харбину, являлось объявление о мобилизации войск Забайкальского округа и всего наместничества...

Харбин встретил поезд музыкой духового оркестра. Звуки маршей и вальсов неслись со стороны вокзала, похожего на длинный деревянный барак с отделением для «чистой» публики. В этом зале давался благотворительный бал, сбор с которого предназначался в пользу Красного креста. Патриотическое мероприятие воодушевило пассажирскую молодежь, которая ринулась из вагонов с надеждой успеть пройти с местными барышнями по туру вальса. Мичман Акинфиев до того затанцевался, что едва догнал тронувшийся поезд. Вслед ему помахал рукой оставшийся на перроне Козловский — ему предстояло следовать в управление КВЖД.

... Позади длинный мост через Сунгари и снова ровное безлюдное пространство, — ни гор, ни холмов. Колея дороги, обозначенная по обочине вереницей столбов, просматривалась очень далеко. Но эта тишина и безлюдье были обманчивы — край веками жил напряженной жизнью, опасаясь нападения то чужих, то своих, вечно воюющих властителей и обыкновенных банд. Поэтому любая фанза в степи была окружена высоким и толстым глиняным забором, каждый город имел мощную крепостную стену, каменную или кирпичную, а Мукден был окаймлен даже двумя — внешней, ссоруженной из глины, в четыре метра толщиной, и внутренней — из камня.

Поезд пришел в Мукден точно по расписанию. В это же самое время с другой, южной стороны, по телеграфным проводам, тоже по расписанию, но уже исторического характера, ворвалась невероятная весть: в полночь с 26 на

27 января японские миноносцы без объявления войны напали на Порт-Артурскую эскадру, вывели из строя три корабля: два броненосца — «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада».

Первым принес эту новость с платформы в вагон знакомый капитан.

— Черт бы побрал ваших моряков, проспали! — с этими словами он прошел мимо купе, как бы никого не замечая.

Мичман Акишфиев схватился за голову.

— Чудовищное вероломство! Это же противу всяких международных правил, противу правил человеческого общежития...

— Какие к черту правила у войны, какое тут «житие», да еще в смысле «общее»?! — охладил молодого офицера Юрасовский. — Тут все наоборот.

Сергеев, удрученный не меньше товарищей, поднялся, загорюничав собою проход.

— Будем считать, что японцы ввели новое правило — начинать войну без объявления. Хотя десять лет назад они так же поступили и с Китаем.

Юрасовский дополнил:

— Мы, видите ли, ждали от микадо, как от князя Святослава — «Иду па вы!»...

На перрон вышел уже весь поезд. Начальник станции предупредил пассажиров, что вынужден затянуть стоянку.

— По линии приказано пропускать в первую очередь воинские эшелоны, — пояснил он, показывая на состав с интендантскими грузами и парой классных вагонов со знаком Красного креста, вставленных между товарняками.

— Живым порядком только и пахнет на железной дороге, — снова послышался голос капитана, однако никто из моряков не пожелал вступать в беседу — артиллерист уже успел побывать в буфете и был «па взводе».

Теперь поезд уж точно двинулся навстречу войне. Он спешил, набавляя скорость, с расчетом войти в расписание. Дорога обходила горы, пересекала по прямой песчаные гряды, поля, покрытые иссушенными стеблями гао-ляна. Зачастили селения и при них — странно обширные для этих голых мест кладбища. Но вряд ли у кого из пассажиров экспресса могло бы так разыграться воображение, чтобы представить поднявшиеся по обе стороны дороги еще сто тысяч могил (!), которые через год с небольшим останутся здесь после Мукденской операции —

кровавого столкновения огромных людских масс — трех японских армий с пятью русскими...

Насыпь железной дороги сдвигалась к востоку, к обширному плато, которое, постепенно сужаясь, вдруг оказалось перегорожено, как стеной, крутым горным массивом. Его высокая вершина терялась в кружащихся облаках. Обрывистым был только северный склон горы, обращенный на сушу, а боковые скатывались на две стороны, к морю — на запад и на восток — пологими уступами. По одному из них железная дорога обходила массив с запада.

Мичман Акинфиев, продолживший свою географическую летопись, что-то отметил в записной книжке и, обращая внимание товарищей на гору, пояснил:

— Господствующая высота на Кваптуне. Собственно тут и начинается полуостров, его переищем по линии ост — вост не более трех верст, с одной стороны Корейский залив, его Хонусская бухта, с другой — залив Товарищества. Ну а гора и оттуда и отсюда — наш створный знак по пути в Дальний и вместе с тем — крепостная стена перед Порт-Артуром. Называется Самсон!

— Имя богатырское, — подтвердил Юрасовский. — Правда, насколько помню древне-еврейскую мифологию, главная сила у Самсона была не в руках, а в волосах...

— Вот и я о волосах. Видите, вершина курится? По китайской примете — это к беде.

— Имя еврейское, примета китайская — значит мы тут уж ни причем.

Однако предсказание мичмана сбылось менее, чем через час: когда поезд подошел к станции Тафашин, откуда ветка железной дороги раздваивалась — на Порт-Артурскую и ту, что шла на Дальний, с юго-востока, с моря, забухала артиллерийская канонада. По перрону и из вагона в вагон пронесся слух, что в Корейском заливе происходит бой эскадр, что Порт-Артурская, ведомая самим заместником, адмиралом Алексеевым, вышла навстречу японской и нанесла ей страшные удары.

Более получаса гремели взрывы, и все это время задерживался поезд. Пассажиры выслушивали путаные объяснения железнодорожников. Неопределенность томила, не предвещала ничего хорошего. Волна предположений спала вместе с затуханием канонады.

Опять появился, как всегда на бегу, штабс-капитан от артиллерии. На этот раз у него в руках была бутылка

шампанского. Потряхивая ею, он явно старался найти повод для мировой, для извинения.

— Господа моряки, поздравляю... Крепости Владивосток, Порт-Артур объявлены на осадном положении. Надо полагать — и эскадры, — и снова взмахнул бутылкой. — Предлагаю раснить за победу русского оружия — на суше, на море. Ура!.. И так как ответа не последовало, артиллерист, посопсв, извиняющимся тоном продолжил:— Ну ладно, простите за вылетевшее слово. Это так, с досады. Мы ведь едем сражаться, а не искать виновных.

Глава 6

Чтобы сказать: «Мой корабль!»

Поезд, притормаживая, подавая короткие гудки, подходил к Порт-Артуру. Горы, которые пересекали Квантунский полуостров параллельными грядами, вдруг сгрудились, обнимая кольцом котловину, в середине которой плескалась обширная морская бухта.

В эту котловицу поезд въезжал вместе с мутной речушкой, текущей рядом с железнодорожной колесей, и стал спускаться к морю, к бухте.

Пассажиры, прильнув к вагонным окнам, провожали взглядом редкие строения, напоминавшие, что они въезжают в крепость: казармы, арсенал, плацы, а на гребнях сопок — темные линии фортов, батарейных брустверов с шевелящимися фигурками солдат. Ближе к берегу, по обе стороны реки, сгрудились жилые и торговые кварталы: справа — состоявшие из зданий европейского типа, а слева — глинобитные и из сырого кирпича, каких немало встречалось по пути.

Мичман Акинфиев как старожил пояснял назначение каждого заметного объекта, а о жилых районах сказал обобщенно: правую часть называл Новым городом, а левую — Старым. Воспользовавшись, как ему показалось, удобным поводом, он предложил Юрасовскому направиться к нему на квартиру, которую снимал в Новом городе, но лейтенант отказался, пояснив, что сразу же после представления начальству намерен пойти на миноносец, наде-

ется, что там они и встретятся. Последние слова командира следовало понимать как приказание — быть на корабле уже сегодня, то есть без промедления...

Железная дорога, наконец, повернула к станции, расположенной возле самых причалов, в старой части города. Вагон, в котором ехал Сергеев, остановился как раз напротив вокзала — небольшого кирпичного здания с портиком в виде широкой арки, с фасонными, отделанными кружевным железом, печными трубами и дождевыми водостоками.

Александр Семенович опершись обеими руками на раму окна, всматривался в густую толпу, струдившуюся на дощатом перроне. Нет, она совсем не походила на обычную, слегка колышавшуюся, благопристойную шпалеру встречающих: никто не придерживался ни порядка, ни чинности — все переменялось: офицерские фуражки и лохматые сибирские шапки, собольи шапки, картузы и шляпки. А общее — суетность и растерянность.

Выйдя из вагона, лейтенант продолжал оглядываться, надеясь увидеть брата, которому послал еще из Харбина телеграмму о дне прибытия, вслушивался и в гул голосов — вдруг окликнут.

В компаниях, тут же складывавшихся и рассылавшихся, перекрещивались слухи, сплетни. Но стоило где-то возникнуть железнодорожной фуражке с красным верхом, все устремлялось к ней за пояснениями. Те, кто в больших чинах или при деньгах, осаждали станционное начальство, пытаясь правдами и неправдами добыть билеты. Шныряли неопределенного вида личности, предлагая любое содействие, бегали китайцы с косами в синей ватной одежде, потрясая кошёлками и корзинами с пехитрой снадью.

На соседнем пути формировали пассажирский поезд. Это был странный разношерстный состав. К хвосту подогнали еще несколько вагонов так называемого четвертого класса, а попросту, обычных товарных, лишь слегка утепленных и снабженных скамейками и нарами. Этот «класс» предназначался для перевозки рабочих-китайцев, занятых на стройках крепости или на кладке причалов, а также работавших в мастерских порта. Но сейчас и сюда бросились люди. Подбирая полы пальто, подолы юбок, они прямо с полотна, упираясь коленями в высоко расположенные подножки, перебрасывали через головы чемоданы, узлы, баулы, передавали по рукам детей, словом,

стремились любыми способами втиснуться в вагон. Допосились рыдания, истерические выкрики, мольбы.

Сергеев, глядя на человеческую круговерть, на разномастный состав, к которому цеплялись паровоз, испытывал горькое чувство — картина несомненно отражала состояние людей и в самой крепости. Подумал он и о том, что вряд ли в такой тревожной обстановке Николай сумеет вырваться на вокзал. Затеряться же на перроне ему невозможно, так как они почти одного роста. Но многотерпение, как правило, вознаграждается: братья одновременно увидели друг друга — морской лейтенант и артиллерист-подполковник кинулись навстречу, пробивая в толпе траншеи, обнялись.

— Николай, да поимей же совесть, — раздался мелодичный контральто.

— Да, да... Вот она, моя совесть, моя радость, моя половина. Словом, Вера, о которой я тебе писал.

Александр Семенович осторожно пожал протянутую ему узкую руку в перчатке, склонив в полупоклоне голову.

«Она, и верно, не то цыганка, не то молдаванка, как говорил отец», — подумал он, пораженный выразительным лицом жгучей брюнетки.

— Вот вы какой. А я надеялась увидеть...

— В вашем «надеялась» прозвучало разочарование, — Сергеев рассмеялся.

— Супруг представлял вас юношей.

— На три года моложе, — уточнил Николай. — Сейчас к нам. Отмоешься, отдохнешь с дороги — и сразу помолодеешь.

— Увы, надо в штаб, а затем на корабль... Я с товарищем, — Александр Семенович показал на возившегося возле чемаданов Юрасовского.

— Помогите же ему, — приказала Вера.

Лейтенант, почувствовав направленные на него взгляды, обернулся.

— Прошу любить и жаловать. Константин Константинович Юрасовский, — представил Сергеев. — Командир миноносца «Страшный» и наш сосед по губернии.

— Я смотрю, здесь плохо с носильщиками, — заметил Юрасовский.

— Это еще не главное «плохо», — возразил со смехом подполковник.

— Зато легче найти друзей, — сказала Вера.

— Разумеется, — подтвердил ее супруг в прежнем тоне. — Жена имеет в виду рикш, — он показал на стоявшую за перроном шеренгу китайцев с двухколесными колясками. Далее за ними громоздился ряд воишских фур.

Жест офицера один из рикш понял как приглашение и приблизился, но, приглядевшись к росту панимателей, сам отказался от мысли иметь их своими пассажирами, опасаясь за коляску.

— Я тут с батарейной таратайкой, — предупредил Николай Семенович. — Правда, шины не дутые, зато вместительная. Подождите меня.

Подполковник скрылся за фурами, и вскоре оттуда показалась конная повозка с солдатом на облучке.

— Сообрази-ка, братец, как нам уложить багаж, — приказал старший Сергеев вознице.

— Слушаюсь, — ответил тот и, прикинув габариты чемоданов, начал их ловко расставлять на дрожках — на задке и впереди, перед козлами.

— Ты что оглядываешься? — спросил Николай Семенович брата, что-то высматривавшего в толпе. — Если ищешь оркестр в честь своего прибытия, то полагаю, что он отдыхает от ночи на 27-е января: играл на балу у начальника эскадры по случаю дня ангела его супруги Марии. — И отвечая на недоуменный взгляд брата, пояснил: — Ваши моряки вчера веселились на берегу, а японские — в море, отсалютовали минной атакой... Впрочем, об этом после.

— Я смотрю, куда исчез один из наших офицеров, мичман Акинфисв.

— Наверное, снова в вокзале танцует, — предположил Юрасовский, рассказав в двух словах о приключении мичмана в Харбине.

— Теперь нам надо сообразить, как разместиться, — Николай Семенович обеспокоенно смотрел на заполненные вещами дрожки. — Главная забота, конечно, дама.

— Дама поедет на рикше, впереди вас — и все будет хорошо, — предложила, а вернее решила Вера.

Александр Семенович заметил, что коляска у китайца, которого позвала Вера, много совершеннее, чем та, что подъезжала ранее. У этой над колесами свисали легкие брызговики, позади сидения был уложен гармошкой парусиновый полог — защита от дождя или снега.

— Что ж, давайте усаживаться, — предложил Николай Семенович.

— Одну минуту, — остановил брата Александр Семенович, глядя на молодую женщину с крепом на шляпе. Женщина растерянно сустилась, устраивая между узлами двух малышей, чтобы защитить их от начавшегося ветра с сырым снегом: на девочке завязала шаль, которую сияла с себя, а для мальчугана, видно, ничего не могла придумать.

Александр Семенович пажал на замок своего чемодана и выгантил шерстяную фуфайку, подошел с ней к женщине.

— Накиньте-ка это на сынишку, прямо сверху пальто.

Женщина оторопело поглядела на моряка и, пробормотав слова благодарности, с явной радостью приняла столь уместный и неожиданный подарок.

— Благодарно, — прокомментировала Вера. — Однако теплые вещи вам тоже понадобятся: наступает февраль — самый холодный месяц в Артуре.

— Понадобится, пайдем, — ответил Александр Семенович и по тому, как Вера, кивнув мужу, тронула за плечо рикшу, давая знать, что пора в путь, подумал: «Свободна в обращении».

Китаец, подобрав под шапку косу, выставив полуголую костлявую грудь, навалился на перекладину своей коляски.

— Пошел, братец, следом, да поосторожнее — не рассыпь нас или в грязи не утони, — наказывал подполковник солдату.

Предупреждение не было лишним — кривобокая, виляющая вблизи берега улица, зияла выбоинами, лужами, жидкая бурая грязь доставала колесных ступиц. Грязью были забрызганы даже стены неказистых домов и домишек, фанз, позади которых не замечалось ни дворов, ни садов. Глубже в город строения стали сгущаться в бесформенные кварталы, появились и кирпичные здания, китайские лавки со свешивающимися с крыш шелковыми полосами, на которых иероглифами и по-русски предлагался набор имеющихся в наличии товаров. Об этом же иногда сообщал через рожок стоявший возле дверей зазывала-приказчик, а то и сам хозяин, смотря по коммерческому обороту заведения. Попался и большой универсальный магазин, на вывеске которого значилась золотом фирма — «Чурин и К^о».

— Наш дальневосточный Второв, — заметил Николай Семенович, показывая на огромные зеркальные окна-витрины. — Ведет торг по всему восточному побережью — Чукотка, Камчатка, Сахалин, Приморье... Ну а большинство же порт-артурского купечества — это съехавшаяся со всего света голытьба, прихватившая с собой, в лучшем случае, по паре ящиков водки и по нескольку мотков ситца... Титьчи предпочитают дремать по курско-орловским уделам, вместо того, чтобы закреплять торговлей влияние России в Маньчжурии. На днях купил супруге зонтик. Представь себе, гнилье.

Пролетка, подпрыгивая и кособочась, плелась через лужи, поднимая брызги, поминутно разъезжаясь со встречными повозками.

Магазин Чурина поневоле пришлось рассмотреть лучше — за ним образовался затор: столкнулись и сцепились осями неуклюжая арба, запряженная мулом, и конный зарядный ящик с красным флажком, означающим, что гружен снарядами или еще чем-то, не менее опасным, взрывающимся.

Солдат-сздовой и китаец, хозяин арбы, кричали друг на друга, не помышляя о взаимопомощи. Наконец, солдат, махнув рукой, подоткнув за ремень полы шинели, спустился в холодную жижу. Китаец как будто только и ждал этого, засучив концы синих ватных штанов, последовал его примеру и тоже взялся за колесо.

Лошадь ржала, мул ревел, возчики продолжали ругань. Проезжавшие верхами казаки громко хохотали, показывая пагайками на пезадачливых возниц. Но вот смех и перебранка разом смолкли, — подъехала повозка, на которой под белыми парусиновыми зонтами лежали укрытые одеялами матросы в бинтах. Две девушки в платках с красными крестами на лбу — «апостольниках», сидевшие сбоку раненых, беспомощно оглядывались на плотину из телег.

Остановился возле затора еще и бородатый велосипедист. Приподняв машину, он выбрался с ней на обочину, где был проложен род тротуара из редко настланных плит. Красный, с никелированными рулем и ободами, велосипед на фоне неуклюжего гужевого транспорта выглядел заморским чудом, как, впрочем, и сам владелец — в клетчатом спортивном кепи, в кожаной куртке с меховым воротником, в бриджах и ярко-желтых ботинках, прикры-

тых коричневыми, крутовыпуклыми на икрах, гетрами, и в таких же крагах.

Велосипедист, обратив внимание на пролетку с офицерами, приветственно приподнял кепи.

— Знакомы? — спросил брата Александр Семенович.

— Шаночно. Заходил к нам в артиллерийское управление. Корреспондент «Нового Края» Павел Петрович Ласман. Наша порт-артурская пресса.

Между тем, журналист, делая рукой знаки, просил офицеров приблизиться. Когда коляска притерлась к тротуару, он, поднявшись на ее подножку, придерживая длинную черную бороду, сунул голову под полот.

— По секрету, господа. В редакцию пришла телеграмма: в Чемульно произошел бой — японцы потопили «Варяга» и «Корейца». О судьбе экипажей ничего не известно...

Переждав немую сцену, журналист вернулся к велосипеду и, ведя его за руль, стал пробираться в сторону берега. Ожило и движение на дороге. Затор стал рассасываться.

— Вот так, о боевых делах узнаешь от штифировок. — Николай Семенович повернулся к брату и оторонел: тот сидел с отрешенным и злым лицом.

Александр Семенович в мыслях находился в Петербурге, на Невском заводе, вспоминал разговор с Крыловым о таблицах непотопняемости, которыми тот снабдил Руднева, то есть «Варяг». «Непотопняемости?!» Теперь это звучало насмешкой...

— Порядок на флоте! — вернул его к действительности голос Юрасовского — коляска наконец-то тронулась.

Восклицание товарища вызвало у Сергеева внутреннюю реплику: «Порядок такого же рода, как и на этой бестолковой тонкой дороге: после торпедирования японцами трех броненосных кораблей в Артуре теперь потеряно еще два в Чемульно!»

— Меня, пропну, до первой гостиницы, — предупредил Юрасовский. — Надеюсь почевать уже на своем корабле.

— Если до первой, то вот, пожалуйста, — на днях открылась, — Николай Семенович показал на двухэтажное здание с овальной, похожей на распахнутые крылья, красной черепичной крышей, с которой спускался на длинном бамбуковом шесте шелковый, радужно-цветной фонарь с иероглифами, а по протянутой над дверью тоже шелковой полосе бежали кривь и вкось русские буквы:

«РЕСТОРАН ПОЗИЦИЯ С НОМЕРАМИ».

— В самом деле «позиция», и привлекательная, — Юрасовский с интересом разглядывал фасад гостиницы, исчерченный бесчисленными ячейками из лакированных деревянных шпалок. Этот ажурный орнамент и красные перья череницы придавали зданию легкость, даже воздушность.

Остановившуюся пролетку тут же заметили. Из двери гостиницы выбежали два китайца с косами, низко кланяясь офицерам, они схватили их поклажу и поспешили к крыльцу, возле которого находился еще один китаец, судя по важному виду и упитанности — хозяин.

* * *

Приезд в Порт-Артур в день объявления крепости на осадном положении могла устроить только судьба. Куда бы Сергеев с Юрасовским ни заходили, начав с морского штаба заместника, их прибытие на эскадру никого не интересовало — все были заняты: одни новым, особым статусом крепости, подготовкой по этому поводу приказов и инструкций для войск и населения, другие — последним чрезвычайным событием — босм в Чемульпо.

В самом деле, едва успев известить столицу о вероломном нападении японского флота на Порт-Артур, теперь вдогонку приходилось докладывать еще об одном сражении, случившемся тоже 27 января в Корее, которого в штабе заместника вроде бы и не заметили.

Нелесность заключалась не только в опоздании с докладом, а и в том, что материалом для него послужили не оперативные рапорты командиров кораблей, официальные сообщения русского посольства в Сеуле или консульства в Чемульпо, а сведения случайные, поступившие в виде телеграфных оказий.

Одна из таких самых первых «оказий» утверждала, что «Варяг» и «Кореец» сдались противнику и оставлены в нейтральных водах бухты Чемульпо на все время военных действий, что у орудий сняты замки, а экипажи сложили винтовки и револьверы сами. Но вскоре пришла телеграмма из Чифу в редакцию «Нового края», опровергавшая известие о капитуляции русских кораблей, — они погибли, ушли на дно...

Прибывших из Петербурга офицеров формы ради отсылали из кабинета в кабинет, от стола к столу (столов

было достаточно: в штабе заместителя числилось девять (то три офицера и чиновника) и, наконец, чтобы отвязаться, предложили подождать возвращения начальника морского отдела штаба адмирала Витгефта.

Для Сергеева и Юрасовского это ожидание оказалось полезным только в одном смысле — по отдельным фразам и репликам они смогли понять, что «Варяг» и «Кореец», по положению «стационаров», находились в распоряжении русского посла в Сеуле Павлова, который благодушеествовал, полагаясь на нейтральный статус Кореи: декларация о нейтралитете страны была объявлена корейским правительством почти за три недели до нападения на Порт-Артур.

Что касается японцев, то они меньше всего желали считаться с международными нормами и, под разными предлогами, стали с начала января высаживать свои войска на побережье Кореи, сооружать опорные пункты, а в самый канун нападения на Порт-Артур взяли под свой контроль телеграф.

И еще узнали Юрасовский с Сергеевым из разговоров штабных — заместитель Алексеев пребывает в бешенстве, распек руководство крепости и эскадры, не сумевшее организовать оперативную связь с Чемульпо и тем поставившее его, главу всех вооруженных сил на Дальнем Востоке, в глупое положение перед императором.

Об уровне гнева заместителя можно было судить по виду возвратившегося от него адмирала Витгефта: багровое лицо, сопение, тяжелая поступь. Серые глаза адмирала холодно, мельком остановились на вытянувшихся перед ним новых командирах минопосцев. Буркнув: «Потом», — он прошел в кабинет. Кто-то из служащих штаба пожалел офицеров и посоветовал им отправиться на броненосец «Петропавловск», представиться начальнику эскадры Старку.

...Вице-адмирала Старка на флагманском корабле не оказалось. Дежурный по штабу эскадры — «младший флаг-офицер мичман Шмидт», — представился он — возмутился тем, что в управлении заместителя не знают, чем в данное время занимается командование эскадры. Правда, Сергееву его негодование показалось несколько деланным, предназначенным специально для вновь прибывших, чтобы приподняться в их глазах. Да и понятно, мичману было уже за тридцать и, судя по потемневшему золотому

шлетению погон, он явно показывал, что находится в ожидании их скорой смены на лейтенантские, то есть повышения в чине. В таком же духе доброжелательного равенства и продолжал:

— Оскар Викторович осматривает повреждения на кораблях. Так что сегодня вы его вряд ли застанете. Что касается «Стережущего» и «Страшного», то они в море, патрулируют внешние рейды. — И, понимая настроение офицеров, мичман спросил: — Вы заходили в приемную заместника?

— Зачем?!

— Расписаться в книге являющихся. Поспешите, советую... Итак, до завтра, господа, до утра. То есть до утра можете развлекаться. Рекомендую ресторан «Саратов», хорошая кухня. — Флаг-офицер откозырял и принялся переключивать бумаги, показывая тем крайнюю занятость.

— Плохо, если в босвой обстановке останется время на развлечения, — хмуро отметил Сергеев, усаживаясь в шлюпку.

— Почему бы и не развлечься, если не можем попасть на свои корабли, — возразил Юрасовский. — Глядишь, встретим кого-то из знакомых по выпуску, по службе... Только я предпочел бы не ресторацию, а офицерское собрание. Ну так как?

— Не могу. Мне надо на телеграф: завтра отец именинник, — исполняется семьдесят шесть.

— Тогда разбегаемся.

Несмотря на непогоду, улицы были полны народа. Особенно оживленно возле магазинов: покупатели расхватывали дорожные вещи — теплые пальто, меховые шапки, шали, чемоданы, то есть откровенно торопились к отъезду.

Почта находилась рядом с отделением Русско-китайского банка. Здесь тоже людская толчея — раскрасневшиеся лица, растерянное выражение глаз, потные шеи. Через окна банка виднелась очередь посетителей, изымавших вклады, запасавшихся наличными и чеками или предъявлявших к оплате пачки векселей.

На почте — похоже: в двусветном зале на дубовых барьерах висли десятки людей, отирававших письма, посылки, бандероли, допытывавшихся о корреспонденциях, которые должны бы уже придти в Порт-Артур. Духота,

смешанная с табачным дымом, вверху мутнели зажженные люстры. В глубине зала, в застекленной секции телеграфа, стрекотал аппарат Морзе.

—... Телеграфные конторы в Чемульпо и Сеуле заняты японцами. Так что связь только через Чифу и Шанхай, — услышал Сергеев отрывок разговора проходящей мимо пары. Заполнив бланк телеграммы в Курск, он задумался, как подписать и решил: «Николай, Александр». Он не был уверен, что брат послал подобную; кроме того, телеграмма за двумя подписями должна была еще и успокоить отца: сыновья в первых боях не пострадали, во всяком случае, оба живы...

Отправив телеграмму, Сергеев решил свободное время потратить на знакомство с Порт-Артуром. Дворец наместника, как ему пояснили, находился в Старом городе, в китайской его части. Старый отделялся от Нового, который начал строиться с приходом русских, покатою Перепелиной горой (ее нутро было приспособлено для устройства порохового погреба). Основные учреждения порта и Квантунского морского экипажа располагались в Новом городе, тут же находились и основные правительственные учреждения — суд, полиция, финансовое управление.

Некоторые из кварталов образовали обособленные воинские городки — Артиллерийский, Минный, Масляный — со своими дорогами, пирсами. Они окапывали ожерельем берега бухты, состоявшей из двух «бассейнов», обширного — Западного и малого — Восточного. Западный был отделен от моря полуостровом с извилистой, обращенной внутрь, холмистой косой — Тигровым Хвостом, а Восточный — высокой грядой, скатывающейся крутыми склонами к проходу на внешний рейд. Две вершины этой гряды — Золотая гора и Электрический утёс, были нашпигованы разного рода подразделениями.

У подножия Золотой горы выступали строения Артиллерийского городка со штабом Квантунской крепостной артиллерии, где служил старший Сергеев. Но сейчас Александра Семеновича неудержимо манил порт, расположенный в северной части Западного бассейна. Его тоже следовало отнести к «городкам»: здесь, по соседству с управлением командира порта теснились ряды интендантских складов, док, мастерские, поодаль желтело монументальное здание сводного морского госпиталя.

Ближе к Новому городу, возле самого уреза воды, шла кладка нового каменного причала. Под ним покачивались баркасы, плоскодонные джонки и китайские остроносые лодчонки, именуемые за верткость «юли-юли».

Лейтенант, скользнув взглядом по этой мелочи, бегло осмотрел рейд. На темно-серой воде, испещренной кругами ледового «сала», темнели громады линейных кораблей. Глаза офицера искали силуэты миноносцев, и только уж завершая круговой обзор бухты, коснувшись пропитанных сажей и угольной пылью корпусов портовых мастерских, обнаружили за их коричневыми крышами лес стройных тонких мачт, — это, совершенно очевидно, были «невки», скученные на стоянке.

Щебёночная дорога, продолжавшая улицу, привела Сергеева к широкой набережной. Возле нее густо дымил паровой катер. Ветер относил стелящиеся клубы дыма к берегу. На причале велась какая-то молчаливая работа. Отсутствие громких команд, возгласов, столь обычных в портовой жизни, и привлекло внимание офицера.

Пропыхтевший мимо этого места паровоз с тремя товарными вагонами — рельсовая ветка тянулась через дамбу со стороны станции — резко сбавил ход и, выпустив из поддувала сноп искр, разметал дымовую завесу — причал раскрылся. На нем выделялось большое парусиновое полотно, как будто растянутое на просушку. К нему по сходням с катера прошло несколько пар матросов с носилками, на которых лежали окровавленные трупы.

Сергеев, глядя на убитых, мысленно произнес: «Здравствуй, война!» и снял фуражку. Снял и машинист паровоза, высунувшись по пояс из окошка будки, он проводил взглядом жертвы минувшего боя с японцами.

С бухты прозвучали склянки. Привычный перезвон корабельной меди встряхнул Сергеева. Пора выполнить совет флаг-офицера — зайти во дворец заместника, чтобы отметить о своем прибытии.

— Дворец? Это сразу за «Этажеркой», выше Адмиралтейства, — пояснил Сергееву встретившийся на набережной портовый чиновник, показывая на уходившие вверх по склону ряды голых и тощих деревьев. Жидкие аллеи-террасы упирались в два заметных здания: нижнее — со множеством высоких и узких, похожих на бойницы окон, явилось управлением порта, обычно именуемым «Адмиралтейством», а верхнее — тоже двухэтажное, но с фронто-

ном в центре, над которым реял русский государственный флаг, обведенное двумя широкими верандами, являлось резиденцией заместника.

Ровная мощная дорога, начинавшаяся от Адмиралтейства, подвела лейтенанта к распахнутым воротам, от которых расходилась выложенная фигурным кирпичом высокая ограда.

— Наконец-то! Вас ищет, то есть требует к себе адмирал Старк,— обрадовался приходу Сергеева адъютант заместника, подавая ему «Книгу являющихся», — фолиант в кожаном, тисненном золотом, перешлете.

— Но я не более двух часов назад был на «Петропавловске»...

— Да, да. Тем не менее сюда звонили, — торопил поручик, буквально выставляя лейтенанта из канцелярии.

С немешью озабоченностью, хотя и с улыбкой, встретил Сергеева, повторившего обратный путь, уже знакомый ему флаг-офицер мичман Шмидт, без задержки доложил о нем командиру эскадры.

Любезность флаг-офицера настроила Сергеева на подобную же встречу и со стороны адмирала. Однако в салоне царил прохлад в подлинном и в переносном смысле. Адмирал Старк, оторвавшись от заваленного картами стола, выслушав рапорт и подняв усталые или невыспавшиеся глаза, зачем-то глянул в широко открытый иллюминатор, только и сказал:

— Немедля отправляйтесь в порт и принимайте миноносец у лейтенанта Кузьмина-Короваева. Он поставлен в известность. Грузите уголь, воду; завтра к восьми утра быть под парами в полной готовности. Приказ получите перед выходом.

Старк, заложив руки за сухопарую и длинную спину, прошелся по ковру и спросил:

— Вам все ясно?.. Тогда с богом.

Сергеев был несколько озадачен краткостью и суровостью встречи с начальником эскадры, срочностью и неясностью задания. Эту озабоченность усилила еще и реплика флаг-офицера, проводившего его до двери приемной:

— Незавидное наследство принимаете: «Стережущий» сумел отличиться в самом неудачном смысле... И так, все-таки до завтра, до утра, которое, надеюсь, в самом деле окажется мудрее минувшего.

«И верно, «мудрят», — подумал лейтенант, но не став уточнять, что имеет в виду флаг-офицер, вышел на верхнюю палубу броненосца.

Навстречу ему от наружного трапа, размашисто, явно торозясь, шагал высокий сухопарый лейтенант. Когда уже разминулись, он обернулся и окликнул:

— Прошу прощения, вы не Сергеев?

— А вы не Кузьмин-Короваев?..

Офицеры рассмеялись.

— Я прошелся за вами по кругу. В офицерском собрании встретился с Юрасовским, своим старым знакомым, который описал вас и сообщил маршрут вашего следования: телеграф — дворец наместника.

— Что же, будем тогда завершать круг, — заметил Сергеев. — По приказу адмирала следую к вам на «Стерегущий».

— Принимать?!

— Так точно.

— Вот и отлично! Тогда, прошу, подождите меня. Тоже вызвал командующий. Надеюсь, не задержит.

Верно, не задержал. Но вышел Кузьмин-Короваев совсем другим: щеки горели, ноздри раздувались, голова взбычена. Он прятал глаза. Сергееву показалось, что на них слезы. Поэтому, не задавая никаких вопросов, двинулся следом к трапу.

— На эскадре идет поиск стрелочников, — заговорил Кузьмин-Короваев. — Ищут, кто в минувшую ночь просмотрел японские миноносцы. Думаете, зачем меня вызвали в штаб? Алексеев назначил за этот бой по Георгию на каждый миноносца. Я отказался кого-либо представлять. Так вот это Старку не понравилось. Простояли же!

Сергеев, чувствуя настроение офицера, шел молча, понимая, что человеку надо дать выговориться.

— Я, видите ли, должен знать такое, что не в состоянии понять весь штаб, — продолжал Кузьмин-Короваев. — В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое, когда японцы проникли на внешний рейд, в двенадцати милях мористее нашей эскадры патрулировали «Расторопный» и «Бесстрашный». И оказалось, они потому пропустили миноносцы противника, что ведущий японец нес позывные «Стерегущего». Какая дичь!

«Вот оно к чему относились слова флаг-офицера — «Незавидное наследство принимаете», — подумал Сергеев,

крайне удивленный страшным обстоятельством с позывными.

— Надеюсь, вы не будете в претензии, что не смогу построить на палубе оркестр? — неожиданно переменял тему и топ Кузьмин-Короваев.

— В Порт-Артуре, смотрю, не изобретательны: такого рода шуткой меня уже сегодня потчевали на вокзале.

— Музыка у нас хватает, — уклончиво продолжал Кузьмин-Короваев. — Дни и ночи гремим ключами и кувалдами: подтягиваем, подклепываем, конопатим... Миноносец был плохо собран — то течь обнаружится, то машина барахлит. Не подумайте, что «Стерегущий» — исключение, на всех «невках» так. И ремонтникам не до нас. Главный док не построен, мастерские немощны. В минувшем году пришлось отправить для ремонта на Балтику семь линейных кораблей! Как бы сейчасгодились... Кстати сказать, я уже давно жду смену. Совсем уж было договорились назначить лейтенанта Скорупо, но дали ему большой миноносец — «Бесшумный». Из Франции перегнали. Начальник отряда Матусевич отстоял для себя Скорупо.

За разговором незаметно подошли к порту, к браундвахте.

— Вот наш красавец: одна мачта, зато много труб, — иронично заметил Кузьмин-Короваев, — рядом с «Монголией».

В глубине внутреннего рейда, между темными колоссами линейных кораблей Сергеев сразу заметил корпус госпитального судна с большим красным крестом на трубе, а слева от него низко сидящий в воде одномачтовый корабль.

— Посемафоре, милейший, на «Стерегущий», чтобы высылали шлюпку за командиром, — приказал Кузьмин-Короваев вахтенному.

Матрос-сигнальщик, выпростав из тулуза руки, взмахнул флажками, сделав вызов, и дополнил текстом — «Шлюпку командиру». Убедившись по ответному сигналу, что его поняли, взмахнул еще раз вверх-вниз, предупреждая, что передача закончена.

Ветер снова погнал снежок; лицо ощутило колотье, повлажнело и начало быстро охлаждаться, теряя чувствительность.

Сергеев вытащил платок и вытер щеки.

— В Порт-Артуре носовые платки следует шить вдвое больших размеров, чем в России, — заметил Кузьмин-Короваев. — Как, впрочем, и зонтики. Эту китайскую выдумку — укрытие от солнца, наши дамы приспособили для защиты от пыли летом и от слякотного снега — зимой...

Сергеев далее не вслушивался в слова Кузьмина-Короваева, их глушили удары весел приближавшейся шлюпки-шестерки, хруст и шуршание битого льда. Приняв офицеров, шлюпка обрела большую устойчивость и ходкость...

Донесся глухой скрежет якорной цепи. Отрывисто прозвучали свистки боцманской дудки. На этот вызов к наружному трану миноносца выбежали двое фалрепных, приготовились к приему шлюпки.

Высокий, узкоплечий офицер, находившийся на мостике, тоже сбежал на палубу с мостика. На Сергеева взглянули близко поставленные темные глаза.

— Вахтенный начальник мичман Кудревич, — назвал офицера Кузьмин-Короваев и добавил: — Александр Семенович Сергеев, ваш будущий командир... Константин Владимирович, приготовьте экипаж к построению по большому сбору.

— Слушаюсь, — некрасивое посатое лицо мичмана изобразило излишне твердую мину.

«Э, да ты совсем юноша», — подумал Сергеев.

Кузьмин-Короваев пригласил Сергеева пройти в командирскую каюту.

— Кудревич переведен к нам с «Ретвизана». В Порт-Артур на нем пришел... Ну-с, с чего начнем? Хорошо бы с денежного ящика, увы, касса миноносца пуста...

— Не усложняйте: времени у нас в обрез.

— Это меня устраивает. Что касается погрузки угля и прочего, доверьтесь старшему офицеру — англоман, но дело знает в совершенстве и распорядитель, — говоря это, Кузьмин-Короваев доставал из стола документы и подавал их один за другим Сергееву: список личного состава, тактический формуляр... — Если хотите узнать подробности о «Стерегущем», то советую не столько изучать все это — тут инженерами написано, что бог на душу положит, — а последний японский справочник — «Русский флот»... Не знаете японский? Противник и в этом оказался прозорливее нас — в Токио открыл школу иностранных языков. Русский в ней преподает небезызвестный профессор Мечников, говорят, бывший гарибальдиец, — потерял

ногу за освобождение Италии от австрияков... Ну-с, если не возражаете, то покидаем командирский салон-п-п, — подчеркнул Кузьмин-Короваев французским прононсом ничтожность каюты-маломерки, — и двинемся на палубу к команде.

«А что, неплохо, — отметил про себя Сергеев, когда через полторы минуты после сигнала «Большой сбор» увидел на левом борту корабля ровный строй матросов и квартирмейстеров, со стоявшими сбоку и чуть впереди тремя офицерами. — Молодежь, так за двадцать, — подумал о последних Сергеев. — И все одинакового роста, по ранжиру что ли подбирали».

— Старший офицер Николай Семенович Головизнин, — начал Кузьмин-Короваев официальное представление.

«Англоман, а усы под французского герцога», — подумал Сергеев, пожимая руку лейтенанту, отмечая спокойный и твердый взгляд светлых глаз и осанку знающего себе цену человека.

Мичману Кудревичу он еще и кивнул головой, как старому знакомому. Благоприятное впечатление произвел и инженер-механик Владимир Спиридонович Анастасов: плотная фигура, славянское лицо, о котором можно сказать «простое» — ничто в нем не поражало, но все приятно — широкий чистый лоб, румяные округлые щеки, густые русые волосы, серые глаза под редкими бровями.

«Будем надеяться, что такой лад у него и в машине», — пришел к главному в данном случае выводу Сергеев, направляясь с Кузьминым-Короваевым вдоль строя.

На приветствие нового командира моряки ответили сдержанно.

— Отныне будем служить вместе.

— Рады стараться, ваше ...

Вернувшись к офицерам, Сергеев дополнил:

— Рассчитываю на ваш опыт, господа.

За всех ответил Головизнин:

— Спасибо за доверие, но мы и сами на «Стерегущем» кто месяц, кто два.

— Больших сроков война и не даст, — возразил Сергеев, вводя разговор в деловые рамки.

— Именно так, — подтвердил Кузьмин-Короваев. — Позвольте мне со своей стороны поблагодарить вас, господа офицеры, за службу. Желаю «Стерегущему» не только стеречь, но и атаковать.

«Ловок на слово», — оценил Сергеев каламбур, попутно вспомнив, что Кузьмин-Короваев из профессорской фамилии, в которой имелись помимо моряков и ученые и литераторы. Александра Семеновича всегда удивляло в людях умение играть словами, ловко острить. Себя он считал начисто лишенным такого дара.

— Скорой вам, молодцы, встречи с неприятелем и славного боя! — адресовался Кузьмин-Короваев уже к нижним чинам, а перед тем, как покинуть палубу, обнял массивного крепыша-квартирмейстера, поцеловал его. — Прощай, Бухарев.

Сергеев молчал, поглядывая на строй. В голове продолжали свербить слова адмирала о подготовке миноносца к утру в состоянии часовой готовности. Но вот, наконец, гребцы на шлюпке взмахнули веслами и тонкая фигура Кузьмина-Короваева, сломавшись надвое, присела на банку.

...Чтобы сказать «мой корабль», мало одного назначения, это еще надо заслужить даже в собственных глазах. Поднимаясь по железным ступеням на мостик «Стерегущего», Сергеев подумал, что шаг его излишне громок. Сейчас вот, через минуту, он отдаст первую команду — «Корабль к походу изготовить», и сам станет нераздельной частью этого, пахнувшего разогретым маслом и горящим углем, заостренного куска металла, этой человеческой массы из пятидесяти двух душ, движение и мысли которой безусловно подчинены воле командира, так же как и машины, пушки, торпедные аппараты. Каждое его неуверенное движение, недостаточно точная команда может разрушить это единство, суровую гармонию железа и моря, приказа и долга...

— Отдать швартовы... Открыть пар на носовой шпиль... С якоря сниматься...

И следом — урчание кружащегося шпиля, перестук смычек якорь-цепи, змейкой сбегаящей в якорный ящик.

Еще команда, уже на машину, — и в воздух вылетели клубы черного дыма, закипела вода под винтом.

— Вперед по-малому.

Миноносец качнулся и плавно взял с места, развертываясь среди массы судов, заполнивших бассейн. Расправилось по ветру бело-голубое полотнище кормового флага с Андреевским крестом и узкая, раздвоенная косица вымпела на мачте...

Сергеев оглянулся на старшего офицера.

— Не откажите в услуге, Николай Семенович: как старожил, сориентируйте меня — где этот угольный склад.

— Слушаюсь.

Александр Семенович сбросил напряжение, и как будто у него открылся второй слух: со всех сторон доносился стук и лязг — на судах что-то клепали, сверлили; с набережной доносился грохот лебедок и перегружаемых на баржу ящиков и бочек, выкрики команд и возгласы совсем не воинского характера — «И эх, взяли. Да еще раз!», плеск упавшего в воду якоря и, как благовест среди этого шума, прозвучал мелодичный перезвон рынд — милая сердцу портовая музыка.

* * *

Двухэтажное здание гарнизонного офицерского собрания, возведенное из особо плотного «старцевского» кирпича, завозимого из Владивостока — еще одна статья сверхдоходов подрядчиков, — выделялось морской щеголеватостью: красные и гладкие, словно полированные стены, обведенные по этажной середине белым резным поясом, а поверху такими же фасонными карнизами, угловая башня-фонарь, напоминающая маяк.

Из «старцевского» кирпича была выложена и широкая панель, ведущая к подъезду, с установленными по ее бокам якорями, связанными толстой цепью.

Сергеев, пройдя «этажерку», свернул со знакомой аллеи к собранию. Лицо у него было хмурым: экая нелепость — работать чертом всю ночь, подготовить миноносец к походу и — на тебе! — услышать без пояснений: «Отставить до особого распоряжения». Это «отставить» привез ему утром на штабном катере сам заведующий отрядом миноносцев капитан II ранга Гинтер. Держался он как-то загадочно, предупредил, что до вечера других распоряжений не последует, тем не менее соблюдать боевую готовность.

Закончив распоряжение, Гинтер обернулся к корме, за которой на причале стоял матрос, махнул ему рукой.

Рослый, медвежьей плотности, моряк в хорошо отглаженной форме первого срока, всходя по сходням на палубу, скинул бескозырку с надписью «Квантунский экипаж» и, как положено по уставу, круто повернул голову к кормовому флагу.

— Вот вам, лейтенант, мой подарок, — недостающий по штату кочегар. Э, как тебя, братец?

Матрос, теперь уж откинув голову назад, насколько это позволяла ему короткая шея, прогудел:

— Кочегар 1-й статьи Алексей, сын Александров, — с этими словами он протянул командиру «отсылку» — бумагу, по которой нижнего чина зачисляют на корабле на порцию и жалование.

Новичок казался каким-то рубленным: широкая фигура с квадратными плечами, большая, стриженная под бобр, голова с угловатыми челюстями и массивным лбом, прямые линии сросшихся густых черных бровей и коротко стриженных висков. В руках он держал дорожный сундучок, раскрашенный по бокам в черно-белую клетку, наподобие шахматной доски и с розовыми, вцепившимися друг в друга клювами, петухами на крышке.

— Из каких мест? — спросил Сергеев.

— Казанской губернии, Мамадышевского уезда, Красногорской волости, деревня Гремячка.

— Добро, будем служить... Квартирмейстер, — Сергеев окликнул стоявшего поодаль у лсеров старшину кочегаров Бухарева. — Вы, помните, тоже из Казанской губернии.

— Так точно, из Чистопольского уезда.

Наблюдавшие за разговором офицеры и заведующий отрядом переглянулись: командир преподнес урок — первый день на корабле, а уж помнит людей не только по фамилиям, а и кто откуда...

— Отведите новичка к инженер-механику.

— Чистопольский уезд, считай, рядом с вашим, — говорил Бухарев, обращаясь на ходу к Осинину. — Так что и здесь будем по-соседски.

«По-соседски» — так оно виделось с Тихого океана: от Чистополя до Красногорска сто верст, но когда от дома отделяют бескрайние тысячи, сто верст — не расстояние.

— Чем на Волге-то занимался?

— У нас не Волга течет, а Вятка... Пимокатом был.

— А-аа, — квартирмейстер поскучнел. — Оно и вправду, как я сразу не догадался по твоей «баталке», — показал он на пестро раскрашенный сундучок. — Петухов своих предупреди, чтобы раньше времени не закукарекали: экипаж отдыхает, за ночь наавралился.

Инженер-механик обрадовался больше всего тому, что Осинин — из старослужащих, не надо обучать, — в Квантунский экипаж был переведен из Владивостока, где плавал тоже на миноносцах.

— Покажите земляку место в кубрике и заведование, — приказал он Бухареву.

— Позвольте, ваше благородие, мне рядом с корешом.

— С каким еще корешом?!

— Да с Новиковым. Нас вместе из Владивостока в Артур переводили. Поэтому я и попросился на «Стерегающий».

— Какой же Новиков, у нас двое? — инженер-механик всматривался в смуглое лицо кочегара.

— Василий.

— Так они оба Василии. Один — хозяин трюмных отсеков, другой — машинный квартирмейстер.

— Так точно, машинный квартирмейстер, Василий Николаевич, — подтвердил Осинин и, видя, что офицер задумался, добавил просяще: — Мы на службе вместе, считай, с первого дня, как братья-близнецы.

— Ну если так, — офицер шуточно развел руками и подумал, что у «братьев-близнецов» и в чертах лица есть что-то общее. — Назначьте его в кочегарку номер два, ознакомьте с расписанием.

— Слушаюсь, ваше благородие. Разрешите исполнить? — и по кивку инженер-механика квартирмейстер повел матроса к входу на жилую палубу.

В кубрике, как почью, горела синяя лампочка, и тоже, как ночью, с подвесных коек, со всех сторон неся храп, сопение — экипаж спал после почного аврала.

— Вот твой рундук, — понизив голос, показал место Бухарев, — койку, матрац получишь после подъема. И ленточку на фуражке на пашу заменишь. А сейчас пачишай вахту. В двенадцать разбудишь Новикова на смену. Воп ворочается возле иллюминатора, скорчился как каралька — ему любая койка коротка... Пошли к котлам, объясню что к чему.

— Да я на «невке» служил.

— Ничего, лишний узелок в голове не помешает. Знай заведование как хороний гармонист — гармонь, тогда любая деталь своим голосом отзовется, как клавиша... Ну а силушкой, вижу, бог тебя не обидел.

«Да уж не обидел», — мысленно подтвердил кочегар, у которого при дневальстве «рцы» — нарукавная синя-белая повязка не сходилась на бицепсе, приходилось спускать ее ниже, почти к локтю.

Учебные отряды, готовящие машинные команды, набирались, как правило, не только из физически крепких

повобранцев, но и знакомых с техникой, грамотных. В особенности ценились те, кто раньше плавал на судах — морских или речных. Сам Бухарев до призыва работал помощником машиниста на пароходе известного волжского общества «Самолет». Ему подумалось, будь земляк из речников, тогда бы у них наверняка нашлись общие знакомые, если не люди, то уж пароходы — обязательно. Спускаясь в кочегарку, он спросил:

— После пимокатных дел не трудно возле котлов?

— Сказал тоже. Дух от распаренной овечьей шерсти потяжелей угольного.

— Ну-ну, — усомнился квартирмейстер. — Поглядим на тебя возле топки.

* * *

... Трель боцманской дудки подняла экипаж в одиннадцать часов, к самому обеду.

— Подъем!.. Койки вязать!.. Бегом, бегом по трапу!..

Люди в авральной горячке, при общекорабельной срочной работе, иногда кажутся на одно лицо. Но вот скинута сном усталость, робы сменены на свежестиранные, все умылись, причесались, — и из каждого члена экипажа выглянул уже другой человек, не строевого ранжира, а сам по себе.

Послышался звонкий шум бачков, посуды. По палубам разнесся запах горячих мясных щей.

У Сергеева аппетитно защекотало в носу. Он прошелся по миноносцу от кормы до бака. Все вокруг натерто, начищено, смазано. Плотно увязанные «куклы» подвесных коек выставлены на проветривание. Словом, морской порядок.

И погода радует: легкий бодрящий морозец, тишина и, словно в российский апрель, — веселое солнце, полирующее каёмку заберегов возле желто-коричневого «хвоста» — узкой оконечности Тигрового полуострова. Ну совсем как иллюстрация из сказки про лису и глупого волка (а тут тигра!), собравшегося опустить хвост в прорубь, чтобы поудить рыбу...

Порыв слетевшего с сопок сухого материкового ветерка расправил флаг и сразу же глаза командира оторвались от идилии и отметили неладное — темное пятно на полотнище флага. Конечно, на миноносце, на небольшом пространстве которого дымят четыре трубы, а внутренность

забита восемью котлами, копти и масляной гари — сверх всякой меры. Но порядок — есть порядок: флаг может быть простреленным, порванным осколком или взрывом, обожженным и задымленным, но до боя — без единого пятнышка!..

Отдав вахтенному офицеру распоряжение, Александр Семенович, пользуясь выпавшей передышкой, решил повидаться с братом, отправился к нему в управление. Но не застал: Николай был срочно вызван к коменданту крепости. Тогда лейтенант попутно заглянул в офицерское собрание.

В большом обеденном зале было казарменно неуютно. Вверху, на хорах, гнездилился тяжелый сумрак, со стены давил написанный в темных тонах огромный, в полный рост, портрет царя; лепнина вокруг люстры была столь громоздка, что казалось, вот-вот свалится на голову.

Громоздок был и парадный дубовый стол, занимавший треть зала, он как будто разогнал по углам редких посетителей, среди которых не было видно строевых офицеров, а только штабные, портовые и иные береговые чины. Судя по возбужденным лицам и жестикуляции, ими обсуждалась какая-то очень важная новость. До слуха Сергеева, тоже усевшегося за боковым столиком, донеслось:

— ... Являюсь, как приказано, к восьми ноль-ноль. Адмирал — сама любезность, можно подумать, что меня-то и прочат ему на смену. Говорит: «Очень сожалею, дорогой, что мне не удастся иметь под своим начальством столь достойного офицера — в ближайшие дни я покидаю Артур. Вынужденно покидаю»...

«О ком это они?» — подумал Сергеев, догадываясь, что речь идет о важном чине: штабные пользовались новостями из первых рук. Услышанное обеспокоило его и как-то невольно увязывалось с внезапной отменой приказа о выходе «Стерегущего» и срочным вызовом брата к высокому начальству. Наскоро закусив, Александр Семенович снова направился в управление крепостной артиллерии.

— Ну, слава богу, — Николай Семенович встал из-за стола. — Нашелся. Мы с Верой вчера заждались... Ну, конечно, по твоему спокойному лицу видно, что ты еще ничего не знаешь.

Александр Семенович пожал плечами.

— Тогда услуга за услугу: я тебе — большую новость, а ты обещаешь, что сейчас же пойдешь ко мне домой.

Александр Семснович взглянул на часы.

— До шести вечера я свободен.

— Ну вот и отлично. Теперь о новости, — продолжал подполковник, когда вышли на улицу, и пригнувшись к уху брата, раздельно произнес: — Командующим флотом Тихого океана назначается адмирал Макаров. Не эскадры начальником, а всего флота! Так что Старк — фьюить, — присвистнул Николай Семенович. — Черт бы его побрал, страж морской крепости — три корабля проспать! Хоть самого сторожи... А какая напыщенность — «флотский кок равен пехотному полковнику», — передразнивал кого-то артиллерист. — Вот и получилось, в ночь на 27-е января командовали повара, а «фитиль» был вставлен береговой артиллерии. Впрочем, и наше начальство показало себя не лучше...

— О чем ты? — не понял Александр Семенович, подумав о том, как скоро исполнилось предположение Макарова — «Меня позовут тогда, когда будет плохо»...

— Я о том, что сегодня с утра наместник взялся за Стесселя и Фока, за генералитет крепости, а те, в свою очередь, за командиров полков, батальонов и за наше управление, ну а мы — за батарейцев: дедка за рснку, бабка за дедку, внучка за бабку — и вытянули горькую редьку...

— Да уж куда горше.

— Это преступление! В полночь на внешнем рейде — стрельба, грохот взрывов, а форты, батареи в полном неведении. Звоню в штаб крепости о причинах и слышу спокойный ответ: «Мы запрашивали штаб наместника, ответили: «Производится практическая стрельба, учебное отражение минной атаки...»

Полтора часа берег молчал, пока разобрались в чем дело, дали войскам сигнал — занять места по диспозиции боевой готовности... Солдаты по казармам, офицеры — по квартирам. И ваши, кстати сказать, почувют на берегу. Никакой административной связи крепости с флотом! Поблагодарим бога, что японцы десант еще не высадили...

— Видно, Стессель — не Корнилов, а Старк — не Нахимов, — смог, наконец, вставить слово Александр Семенович.

— Будем надеяться, что Порт-Артурская оборона не окажется Севастопольской, — буркнул Николай Семенович, успокаивая глубоким вздохом свое возмущение. — На днях отправляю Верушку с дочкой в Россию.

— А моя Наталья обещала через месяц-два сюда.

— Пока не поздно, пищи, чтобы выкинула из головы.

Братья за разговором незаметно вышли на квадратную площадь, образованную тоже квадратными фасадами кирпичных, покрашенных в одинаково желтый цвет, зданий.

— Словно из Курска или Орла перенесли, — пояснил Николай. — Чиновные присутствия! А нам вот туда, в «Китай», — подполковник направился к одноэтажному особняку, сложенному из дикого серо-зеленого камня, с шероховатыми, перекрещивающимися вкривь и вкось, выпуклыми известковыми швами, с традиционно красными воротами. Парадный вход обрамляли драконы с золотистыми, дышащими огнем пастьями.

В квартире, начиная с прихожей, братьев встретил кавардак. По полу, по стульям были раскиданы вещи, одежда, раскрыты чемоданы. Среди них стояла Вера с красным, надутым лицом. Она что-то выговаривала плачущей, забившейся с ногами в угол дивана, пяти-шестилетней девчужке, возле которой хлопотала маленькая китаянка.

Вера, увидев входившего мужа, приказала увести девочку и перенесла свое погостование на него:

— Объясни дочке. Она не желает уезжать от отца. И я не желаю!

— Ведь временно же, и — домой.

— Наш дом там, где ты.

— Мой скоро будет в окопах, на батарях... Вам следует немедленно отправиться в Киев, а еще лучше — в Курск.

— Неплохо бы, и в самом деле, в Курск, — подтвердил Александр Семенович, остановившийся в дверях, едва умещаюсь между косяками. — Там и подружка для вашей дочки есть, маленькая Галя, дочь Павла... Да, Николай, я вчера послал от нас обоих телеграмму отцу, поздравил его с днем ангела. Не возражаешь?

— Почему он, собственно, должен возражать? — решительно вмешалась Вера. — Простите, Александр Семенович, в этом бедламе мы и поздороваться забыли, — женщина, оттолкнув ногой чемодан, шагнула к лейтенанту и, охватив руками шею, крепко поцеловала его в губы. — Это я по-сестрински, — в ее смешливо блестящих глазах прыгали бесенята. — Конечно, я уеду, раз меня гонит «старый муж, грозный муж», — протянула она нараспев.

— Ты бы лучше спела «Прощай, мой табор», — Николай Семенович показал рукой на беспорядок в квартире.

«Не так-то просто с ней», — предположил Александр Семенович, любуясь стройной фигурой «молдаванки», как когда-то окрестил в сердцах свою невестку Семен Александрович.

— Жена Сидорского тоже уезжает, — миролюбиво заметил Николай Семенович и, обращаясь к брату, пояснил: — Наш сосед через стенку, присяжный поверенный. Жена к нему как раз под Новый год приехала. Из Одессы, на «Екатеринославе». Отпраздновала, и вот уж домой: понимает опасность.

— При таких-то рыцарях, — Вера показала на деверя, — бояться островных лилипутов?..

— В крепости войск не хватает, — продолжал Николай Семенович. — Спасибо тому же «Екатеринославу» — девятьсот солдат доставил, хорошее пополнение. Зато «Маньчжурия», другой транспорт, со всем добром, со снарядами, досталась врагу. 27 января была перехвачена неподалеку от Порт-Артура.

— Что о начале войны не предупредили?

— Так и наши знания были не лучше. Даже о разрыве дипломатических отношений офицерам вовремя не сообщили. «Новый край» еще 7 января писал, ссылаясь на иностранную печать, что сильная японская эскадра, состоящая из шести броненосцев и множества крейсеров, должна днями выйти из Сасебо. Начальство никак не могло поверить, что японцы осмелятся напасть на Россию. Точь-в-точь, как Вера рассуждало: «Как, лилипуты, и на такого колосса, на таких рыцарей?!..» Знаешь, как поступают правоверные евреи, когда хотят и бога обмануть и гешефт не потерять?

— Как же?

— По иудейскому закону в субботу разрешено путешествовать только по воде. А тут вдруг выгодная сделка подвернулась. Тогда наш порт-артурский коммерческий король Гинцбург ставит себе в вагонном купе под ноги чашку, горшок или бутылку с водой, — вот тебе и море! Мы-то ничего не знаем, не ведаем о замыслах японцев, зато для них Порт-Артур, как на витрине! Погляди вечером на сопки, — то тут, то там вспыхивают огоньки. Кто

их зажигает и для кого?.. Кругом японские шпионы. Я не уверен, что и наша горничная не из их числа.

— Ну уж скажешь, — запротестовала Вера, глянув в сторону открытых в соседнюю комнату дверей.

— Не знаю, не знаю. В Харбине, в Мукдене, в Дальнем и у нас полно мнимых китайцев и китайшек. Сбор сведений ведется за ресторанными столами и даже, пардон, в постелях. Парикмахеры закручивают нам воинственно усы, торговцы с поклонами привозят корзины с провизией, а по вечерам те и другие составляют сводки для резидента...

Александр Семенович вспомнил о загадочной истории с позывными «Стерегающего», которые нес на мачте японский миноносец, и рассказал брату.

— Ну вот, видишь! — обрадовался тот. — Загадка эта, по-моему, не столь уж трудная. За день до нападения на Порт-Артур сюда приходил пароход из Чифу с японским консулом. Он простоял во внутренней гавани несколько часов. Не сомневаюсь, что кто-то из обитателей его кают имел задание и засечь позывные кораблей...

— Нет, определенно Николаю в каждом японце чудится шпион, — сказала с досадой Вера.

— В каждом втором, — угрюмо уточнил супруг и, расстегнув воротник мундира, уселся на диван.

— Боже, какое непостоянство, — продолжала Вера, посмеиваясь. — Сколько пришлось мне услышать панегириков в адрес японок: и красавицы, и умницы, и преданные, и послушные, и чудные хозяйки... Извините, господа, я ведь тоже хозяйка, пусть и неважная, — должна распорядиться.

Николай Семенович вздохнул, заметил с досадой:

— В самом деле, наше офицерство, особенно флотское, принимало Японию за пекий курорт под боком: на период летних туманов выезжало туда на отдых с семьями, ну а неженатые приобретали среди японок временных жен, — по контракту, на пару месяцев. При этом для столичного «света» оставались людьми с незапятнанной репутацией и завидными женихами...

Александр Семеновичу хотелось возразить брату, что и русские девицы тоже попадают в роль «временных» к иностранцам, но такое развитие темы могло бы выглядеть

сродни сплетне кумушек, и он промолчал. Хотя аналогия, которая пришла ему в голову, была разительной. Японский военно-морской атташе в Петербурге капитан-лейтенант Такэ Хиросэ сумел влюбить в себя не простенькую бедную горожанку, а дочь видного деятеля гидрографической службы контр-адмирала Ковалевского, стал вхож в их дом. Когда Хиросэ отозвали в Токио, шестнадцатилетняя дурочка была готова покинуть родину. Но японец не взял ее с собой, оставив «соломенной» невестой. Кое-кому показалось, что Хиросэ исполнял в Петербурге еще и обязанности офицера разведки Генерального штаба, то есть бывая в семье русского адмирала, искал в первую очередь не горячие поцелуи разомлевшей от страсти девицы, а шпионские сведения от ее папочки-адмирала. Не исключено, что он успевал и в том и в другом...

Незаметно появившаяся вслед за хозяйкой китайка, держа в руках блюдо, наполненное сладостями — печеньем и засахаренными фруктами, кланяясь, — высокая прическа с черепаховыми гребнями описывала перед глазами плавную дугу, — обошла хозяев и гостя, налила в крохотные чашечки чай.

— Если что и нравится мне в восточных женщинах, то это их молчаливость, — сказал Николай Семенович, проследив взглядом за семенящей походкой горничной.

— Зато сам ты в последнее время стал невероятно разговорчивым, — упрекнула Вера. — Причем, однообразно: любимый предмет — моряки: они и беспечны, и кутилы, и развратники...

— Кутилы-то уж точно. Даже провожая Руднева с поста помощника командира артурского порта на «Варяг», ничего лучшего не придумали, как подарить ему громадную серебряную братину. Вес — полпуда! Хочешь, пей, хочешь — бей...

— Кого бей?

— Хотя бы того, кто за месяц до войны засунул этот новейший крейсер в мышеловку — Чемульпо. А все дело в том, что Руднев кое-кому глаза мозолил — уж очень самостоятелен.

— По-моему, ты и сам не очень-то жалуешь самостоятельность. Конечно, у других, у подчиненных, — возразила Вера.

Подполковник усмехнулся.

— Верно, не жалуя, чувствую себя так, как будто кое-куда носом ткнули. Но советчика не прибью, а присмотрюсь, прислушаюсь. Правда, для маскировки изображу недоумение в смысле, что он поспешил, ибо я все сам знаю. Надо же как-то авторитет спасти...

Александр Семенович с детства помнил эту черту брата — на любой совет отвечать — «Сам знаю». Как-то купались в Тускари. Николай заплыл на середину, перепугался течения и сразу ослаб, завопил. Но когда его, полузахлебнувшегося, извлекли из воды и упрекнули — «Ты мог бы и утонуть!» — сразу ответил, хотя и невпопад: «Сам знаю!».

— ...Руднев до назначения на «Варяг», — продолжал подполковник, — не давал покоя ни коменданту Стесселю, ни вашему Старку, ни даже самому заместителю — без конца изобличал строителей порта, наших внутренних хункузов. Так правильно же: больше растащили, чем построили! На фортах не бетон, а прессованная труха, зато дачи возвели для себя — крепости... Кстати сказать, Верочка, Руднев-то жену с детьми раньше других в Россию отправил. Те, кто поумней, давно войну предвидели...

У Александра Семеновича мелькнуло: «Чухнин решил судьбу Менделеева, а в Порт-Артуре такую же роль по отношению к Рудневу, получается, сыграл заместитель Алексеев».

— Адмиралы себя показали, — ворчливо продолжал Николай Семенович. — Теперь поглядим, на что лейтенанты годятся. Хотя как артиллерист должен тебе сказать, что ваши миноносцы вооружены слабо. Разве это дело — всего четыре орудия на верхней палубе. И поставлены открыто, без всякой броневой защиты. А известно ли тебе, братишка, что дальность огня у наших шестидюймовок пятьдесят кабельтовых, а японцы стреляют из такого же калибра на 80! При этом снаряды у них весят на двадцать процентов меньше, хотя заряд не слабее нашего...

— Главное оружие миноносца — торпеда, подвижная мина.

— Слыхали: пушка мине — не товарищ... Сколько лет находимся на берегах Тихого океана и даже не пытаемся войти в гущу проблем. Вон англичане заключили оборонный союз с Японией. Зато наши умники, вроде Абазы, этого адмирала из молдован...

— Погоди, погоди, — попытался охладить брата Александр. — Курский композитор Аркадий Максимович Абаза утверждал, что его род из греков.

— У грсков фамилия оканчивается на «о», на «с».

— К примеру, Платон, Сократ, — меланхолично помогла Вера, рассмешив братьев.

— Ладно, мы, военные, видим столько, сколько нам позволяет высота батарейного бруствера, ну а морякам — корабельный мостик. Но политики-то обязаны смотреть дальше!.. Японцы провели генеральную репетицию — войну с Китаем, а наша репетиция — война с мужиками в глубине России, в Малороссии. Быть может я потому и в Порт-Артур упрямился, чтобы не пачкать честь и оружие..

Вера, которая за последние дни особенно устала от филиппик мужа, пытаясь сменить разговор, громко пожалела, что Александр Семенович не взял с собой Наталию Павловну.

— Моряки так часто и подолгу отсутствуют, что связь с семьей у них становится эфемерной, так сказать, излишне одухотворенной.

Александр Семенович не пожелал принять легкий сарказм, прозвучавший в последних словах женщины, возразил:

— Представьте себе, все-таки одухотворенной! Один прославленный адмирал в молодости писал своей будущей жене, что он выше всего ставит между супругами духовную связь, и что это ему подсказал роман Чернышевского «Что делать?»

— Адмирал, да чтобы позволил себе читать роман вольнодумца, к тому же, говорили, написанный в тюрьме?!

— Адмирал — это тыне, а в ту пору — лейтенант. Тот самый, который, по твоим словам, должен скоро прибыть к нам в качестве командующего флотом...

— Макаров?!

— Именно, — подтвердил Александр Семенович и встал. — Ну вот мы и вернулись к тому, с чего начали, — к новости о назначении нового главного начальника. Мне пора, дорогие родственники, — на корабле надо быть к заходу солнца, к спуску флага. Кстати сказать, Степану Осиповичу принадлежат и такие уместные сейчас слова: «Не надо подавать повода к тому, чтобы матросы могли подумать, что на уме у командира молодая жена, а не миноносец», — губы младшего Сергеева тронула улыбка. — А у меня, признаюсь, в данную минуту было совсем наоборот.

«Русская бочка»

Того встал рано. Нормальному спу мешало скверное настроение. Адмирал вертелся на диване, расположенном вблизи двери, которая вела к дежурному адъютанту, жесткая постель как будто напоминала, что он проворонил решающий успех, переоценил возможности своей миной флотилии, возложив только на нее нанесение первого удара по русской эскадре. В Порт-Артуре было выпущено шестнадцать торпед, но убийственного удара не получилось, повреждено три корабля, но ни один не потоплен.

Не умиротворяла, как обычно, и любимая картина на стене каюты — спокойное светло-синее море, тем болес, что рядом, в иллюминаторе, тоже как в раме, дыбилось совсем другое, затянутое мгlistым туманом, посеченное косыми, рвущимися полосами тяжелого снега.

Туман и снег, правда, не были настолько густы, чтобы скрыть зубренную лишию мысов Асанского залива, угадывался и гористый остров Пхундо, словом, те места, где десять лет тому назад состоялась, скажем прямо, жалкая атака «Нанива» на пароход «Гаошан». По иронии судьбы, сюда, в Асанский залив, он привел вчера, 28 января, после первых боев под Порт-Артуром, свои боевые отряды.

Мгlistое состояние души командующего не развеяла даже телеграмма императора, приветствовавшего выдающийся, как было написано, успех Соединенного флота, его победу, одержанную «без всяких потерь и ущерба для себя». Приветствие счастливо совпало с Днем основания Японии, с праздником Кигень-сецу. По такому поводу был произведен артиллерийский салют, а корабли наряжены в праздничное убранство, — через макушки мачт, с носа на корму, были протянуты яркие гирлянды флагов расцвечивания...

Да, ему, Того, снова, как и десятилетие назад, было доверено открыть военные действия и опять, приблизившись вплотную к вражеской эскадре, он палил по ней, как по «Гаошану»: ни одному кораблю не нанесено смертельной раны. Как могло случиться такое, что не было предусмотрено?

Трое суток подряд, 21-го, 22-го и 23-го января совещались в Токио высшие чины японского правительства, решая вопрос о войне, и договорились начать ее внезапным ударом флота. Для сохранения тайны было прервано телеграфное сообщение между Сеулом и Токио с внешним миром, телеграф как бы перестал действовать.

В Императорском дворце учреждалась главная квартира по общему руководству военными действиями. Во дворцовых покоях было исполнено богослужение с возвещением об объявлении войны. Обергофмаршал принц Ивакура Томосада от лица императора отправился в храм Исе на поклонение гробницам Джимму Ден-но, основателю династии, а также отцу микадо — Космэйю.

Стратегический план действий флота предусматривал завоевание господства на море, что обеспечивало бы спокойную высадку армий на материк для их продвижения через Ялу в пределы Маньчжурии, а также захвата Квантуна с его главными базами — Порт-Артуром и Дальним.

Момент был выбран наиболее подходящий: флот русских на Тихом океане разбит на три части: основной состав в Порт-Артуре, отдельный крейсерский отряд — четыре боевые единицы — во Владивостоке, крейсер «Варяг» с канонерской лодкой «Кореец» находится в Чемульпо. Еще один значительный отряд из крейсеров и миноносцев, идущий с Балтики на Дальний Восток под командой адмирала Вирениуса, из-за каких-то неурядиц застрял в Красном море, в порту Джибути. И это можно считать замечательным подарком со стороны русских: отряд не только бы значительно усилил Порт-Артурскую эскадру, но мог бы по пути перехватить купленные Японией у итальянской фирмы в Генуе два броненосных крейсера «Нисип» и «Кассуга». Ныне они уже миновали Сингапур, то есть паходятся вне всякой опасности.

Да, лучшего момента для нападения желать нельзя. И внешнеполитические условия благоприятствуют, прежде всего — поддержка Англии и США. Военный министр Соединенных Штатов Филипп Тафт сразу же после Нового года самолично заявил в Токио и без обиняков пообещал на случай войны с Россией финансовую поддержку, пояснив, что высказывает точку зрения президента Теодора Рузвельта. Эта «точка» позже будет опубликована: «Я был бы в высшей степени рад японской победе, ибо Япония играет нашу игру».

Впрочем, для Того Тафт, в недавнем прошлом губернатор Филиппин, являлся всего лишь культуртрегером, подобно кишиневскому герою: «Когда на восток новобранцы идут — как дурни резвятся, как лошади пьют»...

Банки США и в самом деле оказались щедрыми работодателями, а флотским арсеналом — Великобритания. Все шесть броненосцев Соединенного флота, а также четыре больших и шесть легких крейсеров, большинство миноносцев-истребителей строились на верфях Торнкraftа и Ярроу.

Тут в рассуждениях Того вновь произошел «уступ», и он охотно подчинился этому новому повороту, чтобы уйти от мелких мыслей, недостойных командующего. Он представил, как европейские газеты завоят хором, снова обвиняя Японию в нарушении международных правил — начала войну с Россией без предварительного ее объявления. А зачем следовать благоглупостям европейцев, терять элемент внезапности, инициативы, — ради красивого жеста?.. Традиции только тогда имеют смысл, когда помогают. Отказались же от старинного самурайского правила — носить на себе по две сабли и, наоборот, готовы заимствовать со всего света любые полезные идеи, если они усиливают могущество нации. Вот тебе и новая традиция!

Так что напрасно тешат себя Европа и Америка, что приобщили Японию к цивилизации. Железные дороги, большие корабли, касторовые фраки и атласные цилиндры, духовые оркестры из медных труб и даже сталь пушечных стволов — все это могло бы надолго остаться выставкой западной экзотики, не будь «Бушидо» — кодекса рыцарской чести, в основе которого безраздельная преданность микадо и родному дому, пришедшая от предков, питающая дух нации... Любому заимствованию дается собственно японское толкование и исполнение. С введением всеобщей воинской повинности армию обучали с помощью инструкторов из Германии, разгромившей французские вооруженные силы, но присматривались и к боевому опыту англичан, в особенности со времени Бурской войны. И что же? От немцев в пехоте, можно сказать, остался только козырек прусского образца на кепи, а от англичан — цвет хаки на мундирах...

Что касается коварства дипломатии, то вот тут есть чему учиться и учиться у Европы. Ну чем не «школа»? Стоило барону Ниси, посланнику в Петербурге, заикнуть-

ся в феврале 1895 года о том, что Япония, по праву победительницы в войне с Китаем, потребует себе Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, как Россия вместе с Францией и Германией уже через два дня сделали заявление, что обладание Японией Ляодуном пренятствовало бы прочному умиротворению на Дальнем Востоке. Ну а дальше получилось, как в «Плаче» Какиномото Хитомаро:

*В те дни, когда еще была ты с нами,
Дитя из Оцу, и встречались мы,
Я мимо проходил,
Почти не замечая,
И как теперь скорблю об этом я!*

Как не скорбеть, если Японии пришлось покинуть обе, завоеванные у Китая военно-морские базы, запирающие подступы к Печилийскому заливу: Порт-Артур — с севера, а Вэйхайвэй — с юга. А 15 марта 1898 года Россия заключила договор с Поднебесной об аренде на 25 лет Ляодунского полуострова вместе с Порт-Артуром. Две недели спустя и Англия выторговала в аренду Вэйхайвэй. Одно утешало — эти базы, расположенные друг напротив друга через залив на оконечностях суши, напоминаящих вытянутые угловатые морды драконов, беспрерывно скалят друг на друга зубы — глядишь и схватятся!..

В то время посланником России в Токио был, как и сейчас, барон Розен. Того несколько раз видел этого сухопарого старика с гладко прилизанной седой головой. Надо отдать должное, умная голова, хотя и клином: широкий лоб и крутые линии висков и скул, острая бородка, глаза — пронзительные и узкие, как у японца...

Замечено, иностранец, если он долго живет в чужой стране, нередко приобретает черты похожести на ее народ. Барон трижды служил в Японии, и каждый раз в ключевые ее моменты: в 1877-1879 годах, когда постоянная комиссия начала выработку основ будущей конституции. Для Того это время памятно еще и тем, что в 1878 году он, по завершении военно-морского образования в Англии, вернулся на Родину.

Затем Розен, после дипломатической работы в европейских странах, получил назначение в Японию в 1897 году. Этот период — снова двухлетний — связывался с так называемым Протоколом Розена — Ниси, ограничивающим японские интересы в Корее. Так что последний

приезд Розена в Токио в 1902 году совпал с утвердившимся общественным мнением, что величину Японии на Востоке мешает в первую очередь Россия. После заключения англо-японского союза, Того считал, что война с Россией неизбежна.

Правда, после нового года Петербург и его посланник шли на разные уступки, чтобы оттянуть начало войны, но Токио отвергал их уже демонстративным, даже пренебрежительным образом. Последнюю телеграмму, в которой Розену поручалось передать японскому правительству новые предложения, нарочно задержали на трое суток. В русское посольство она была доставлена тогда, когда Соединенный флот уже шел полным ходом к Порт-Артуру.

Словом, с Розеном случилось то, о чем писал когда-то англичанин Ватсон: «Если вы пробыли в Японии шесть недель, вы все понимаете. Через шесть месяцев вы начинаете сомневаться. Через шесть лет вы ни в чем не уверены». А у Розена общая сумма лет, проведенных в Японии, как раз приблизилась к шести...

* * *

Дипломатия дипломатией, стратегия стратегией, но Того понимал, что его высокие размышления являлись своего рода маскировкой перед самим собой, попыткой ухода от раздражающей мысли, что начало боевых действий Соединенного флота не принесло ожидаемого результата. А ведь он имел на порт-артурском направлении почти вдвое больше броненосных кораблей — четырнадцать против восьми русских. Что касается сроков их постройки, то по этому показателю Порт-Артурская эскадра напоминала Северный китайский флот 1894 года: корабли были различного типа, уступали в скорости и в вооружении. Так в чем же просчет?

И тут в памяти Того опять произошел крутой поворот. Как будто он, подняв условный флаг, вышел из эскадренного строя, чтобы изменить его на более подходящий для осмотра минувших фактов, — на кильватерный, то есть располагая их в одну колонну, последовательно, ведя отсчет с границы суток, с 26-го января на 27-е.

Бросив на Порт-Артурскую эскадру половину минной флотилии, Того увязал ее атаку, то есть ее непрременный

успех, напрямую со следующим этапом боевых действий, намеченных на утро, с бомбардировкой рейдов и фортов Порт-Артура линейными кораблями. Конечно, заурядный тактический расчет, но логичный: прежде, чем вступят в схватку главные силы флота с их крупнокалиберной артиллерией, ослабить неприятельскую эскадру минными ударами. Он надеялся на такие потери русских, что утром они уж не смогут активно сопротивляться. К этому второму этапу была настроена организационная система всех служб флота, всех его отрядов — боевых и вспомогательных, готовность экипажей, оружия, связи...

Промах в предположении обнаружился довольно скоро, когда появился с докладом командир первого, вернувшегося после атаки миноносца. Им оказался капитан-лейтенант Нирутака, тот самый офицер, что выскочил во время совещания на «Микаса» с неуместным «банзай». На этот раз Нирутака прокричал это восклицание, можно сказать, уже самому себе.

—...Команда моего «Акацуки» держалась с обычной смелостью. Мои люди как львы были готовы всадить желтую сигару в живот любому русскому броненосцу.

— Конкретнее и с начала,— потребовал Того.

— В двадцать три часа открылся огонь Ляотешанского маяка. Перед тем мы более часу шли вдвоем — «Акацуки», «Сипономе» и «Сазаками»; последний где-то оторвался. Ночь была темная, но с ясным небом, прекрасная ночь для атаки, — с прежним воодушевлением продолжал офицер. — Луна еще не взошла...

— Она и через час не взошла, — хмуро заметил адмирал.

— Продолжайте.

— Горизонт освещался прожекторами дежурных крейсеров и береговых батарей. Город тоже горел, светилась и эскадра... Я приказал поставить торпеды в боевое положение. Позади приготовил новые, чтобы всунуть их сразу же после первого выстрела. Договорились, что «Сипономе» возьмет на себя торпедирование «Цсаревича», а мой «Акацуки» — «Паллады». Потушили ходовые огни и крадучись двинулись в атаку. «Акацуки», сближаясь, развернулся параллельно корпусу «Паллады». Крейсер стоял кормой к берегу, так как начался прилив... Русские нас тоже заметили, с кораблей донеслись громкие голоса, рожки. Я настроил экипаж на выдержку и мы понеслись вперед! Выстрелил только тогда, когда до крейсера остава-

лось не более двух кабельтовых. Судя по взрыву, торпеда нанесла визит в кочегарку. Попал под артиллерийский огонь и «Акацуки», его бак мгновенно превратился в решето. Появились раненые.

— Ну, а «Цесаревич»? — спросил Того о броненосце, самом новом и крупном линейном корабле русской эскадры, построенном во Франции и всего лишь три месяца назад прибывшем на Дальний Восток.

— «Синономе» пытался торпедировать примерно с четырех кабельтовых, но у него оказались противоминные сети.

— Сеги?!

— Да, собственными глазами видел торпеду, которая застряла в сетях возле борта «Цесаревича» и не взорвалась.

— Так говорите, сети? — повторил Того, вспоминая слова офицера-разведчика, подчеркнувшего, что русская эскадра не выставила никакого противоминного заграждения.

—...Стрелял в «Цесаревича» и «Сиракомо», по то же безрезультатно, — продолжал Нирутака, — самого подбили. Тогда и я решил попробовать. Это была моя третья этак, пожалуй, самая трудная. Прожекторы нас высветили; вода вокруг бурлила от снарядов и пулеметных очередей... Наводку на этот раз я делал сам. И так, пуск! И наутек... После взрыва все мы увидели, что броненосец, наконец-то, накренился...

Последним свидетельством капитан-лейтенант ясно давал понять, что пробоина на «Цесаревиче» — это его, Нирутаки, работа. Однако одобрения со стороны командующего на столь ответственную заявку не последовало, так как сказанное еще предстояло уточнить, ну а во-вторых, ему была не по душе самонадеянность, прозвучавшая в докладе офицера. Она обуславливалась высокими родственными связями Нирутаки, чей дядя, капитан I-го ранга Хито, тоже хвастливый крикун, находился в фаворе у принца Кото, даже удостоился чести сопровождать принца при недавней поездке в Германию. Сейчас Хито командовал большим крейсером «Ивате» и, несомненно, мечтал о скором присвоении адмиральского звания. Дядя и племянник и внешне похожи: широкие скулы, продолговатая, как баклажан, голова, длинная гусиная шея, — никаким воротником не прикроешь...

К тому времени, когда Нирутака закончил доклад, к острову Роунд, к стоянке флота, стали подходить и другие миноносцы. Доклады их командиров принимали уже штабные чины, репитовавшие, то есть повторявшие, но в обобщении, все существенное командирующему. Они принесли и новые сведения о «Цесаревиче». Да, броненосец был поврежден, но сумел поднять якоря, развести пары и, имея крен не менее семнадцати градусов, как заговоренный, скрылся. Судя по докладам, торпеды по нему пускали не только «Акацуки», но и еще три миноносца.

Подняло настроение Того сообщение, что подбит и броненосец «Ретвизан». Корабль после взрыва быстро осел на нос, однако не погиб, сумел дотянуть до прохода на внутренний рейд и там приткнулся к берегу. На этот успех претендовали тоже два миноносца — «Инашумо» и «Асси-ва», атаковавшие «Ретвизан» одновременно.

Последним к Роунду прибыл «Сазанами», потерявший-ся, по словам Нирутаки, перед самой атакой. Того пожелал побывать на нем. Командир капитан-лейтенант Кондо Цунемацу вовсе не обрадовался неожиданной чести и, следуя за командирующим, который без промедления приступил к обходу корабля, негромко и коротко пояснил, что же случилось.

—... В двадцать два часа сорок пять минут мы потеряли отряд. Покружились и через какое-то время поймали с правого борта просверк. Затем с моря появились уже два то возникающих, то исчезающих луча света. Кому они могли принадлежать? Скорее всего это были миноносцы противника, возможно, дежурные. Мы, переждав с заглушенной машиной, пошли следом. В полъ часов двадцать минут следующих суток впереди проглянули огни уже со стороны берега, а вскоре — и темные массы больших судов. Ясно, мы оказались вблизи неприятеля. Южнее гремели выстрелы — это был бой!.. Пройдя еще немного, я увидел судно, похожее по очертаниям на «Полтаву» и дал команду пустить по нему торпеду.

— Попали?!

— Взрыва за грохотом пушек не слышал и рассмотреть не смог, так как под огнем развернулся на зюйд-вест, но думаю, вряд ли промахнулся.

«Ну вот, хоть на «Полтаву» только один претендент», — саркастически подытожил Того. Задав еще несколько вопросов офицерам и нижним чинам, он покинул миноносца.

Первые выводы командующий обратил к себе. Во-первых, миноносцы, несмотря на тренировки, оказались не подготовлены к ночному походу флотилией — отряды растерялись, подошли к рейду в разное время, в атаку развертывались без координации, просто выбирая цель поближе. «Цесаревич» стоял крайним в средней линии, поэтому по нему и стреляли пять раз. Напрашивался и такой вывод: Порт-Артурская эскадра, даже в условиях внезапного ночного нападения, не растерялась, сумела быстро отогнать атакующих, так что «свалки» не получились.

Вовсе пустым оказался ход второй миной флотилии в Талисманский залив: в Дальнем не нашлось ни военного, ни торгового судна, заслуживавшего торпеды. Прочесав залив, флотилия, следуя инструкции, взяла курс на Элиоты, на самый северный в этой группе остров — Миатау, с глубокой и укрытой от ветров бухтой.

Туда с восходом солнца ушла и первая флотилия. Для буксировки миноносцев Того выделил два легких крейсера, рассчитывая, что команды, не спавшие всю ночь, отдохнут за время перехода. Что касается кораблей, которые получили серьезные повреждения в бою или по собственной небрежности (например, истребители «Обора» и «Икадзучи» ухитрились столкнуться), то их было приказано отвести в Сасебо, в док. Туда же, в главный морской госпиталь, отправили и тяжелораненых.

...Не считай врага дураком, чтобы самому не оказаться в еще больших дураках, — такая сентенция пришла на ум Того утром 27-го, когда он приступил к реализации второй части плана — атаковать Порт-Артур линейными кораблями, тяжелой артиллерией. Прежде всего не получилось внезапности: Соединенный флот был обнаружен патрульным судном еще на дальних подступах к Порт-Артуру. Видно, русские быстро опомнились от ночного удара. Не испугало их и появление главных сил противника: эскадра, потерявшая два броненосца и крейсер, вместо ожидаемого отступления на внутренний рейд, под защиту береговых батарей, двинулась навстречу — десять боевых кораблей против пятнадцати, 248 пушечных стволов против четырехсот! Быстро оценив эту выгодную для Соединенного флота арифметику, Того тем не менее оценил и решительность русских — предстоял трудный бой.

Первым открыл огонь «Микаса», ударил двенадцатидюймовыми.

Того поставил свои корабли колонной, параллельной берегу. Но линия строя оказалась столь растянутой, что вошла в сектор огня крепости. Пришлось спешно исправлять положение: кроме обстрела грозила и другая опасность — групповой бросок на концевые корабли русских миноносцев. Однако по загадочным обстоятельствам они не были задействованы.

А загадка объяснялась просто — некому было дать нужную команду, так как бездействовал в этот момент сам командующий вице-адмирал Старк. Вместо того, чтобы находиться на мостике флагманского корабля, на «Петропавловске», он пребывал на берегу, во дворце наместника, который с рассветом вызвал его на доклад о бесславном ночном бое.

Как раз в ту минуту, когда в кабинете Алексеева происходил громовой разнос, с Золотой горы, с Центральной наблюдательной станции в штаб поступило донесение о появлении на горизонте вражеского флота...

Старку пришлось бегом, подобно юному гардемарину, мчаться, подобрав полы шинели, в порт к катеру, чтобы попасть на эскадру. Позже злые языки объявят на всю Россию, что эта пробежка в порт у адмирала была уже второй за сутки. Первая состоялась в полночь. Тогда ему пришлось бежать из собственного дома, куда он заглянул на часок, чтобы поднять тост за супругу-именинницу, по торжество прервали взрывы на внешнем рейде...

Историки до сего дня не перестают спорить по вопросу: Порт-Артурская эскадра, которая дважды за двенадцать часов, с 26-го на 27-е января 1904 года, вступала в бой с японскими морскими силами, начинала эти сражения с командующим или все-таки в его отсутствие?..

Того был обрадован тем, что русские потеряли удачный момент для торпедной атаки. Ринулся в одиночку только легкий крейсер «Новик». Выпущенная им торпеда, оставляя на воде след, прошла под самым носом «Ивате». Того видел, как капитан I ранга Хито испуганно сдал судно назад, то есть произвел никчемный маневр.

«Новик», беспрерывно стреляя правым бортом, промчался еще несколько кабельтовых вдоль строя противника, намереваясь повторить торпедную атаку. Но встреченный

огнем чуть ли не всей японской эскадры, никем не поддержанный из своих, он резко отвернул и, крепясь из-за полученной пробоины, подался в сторону берега, где, дымя, скучали миноносцы.

Тем временем эскадры, сближаясь, усилили огонь. Русские, несмотря на то, что стрелять им приходилось против солнца (Того это заранее учитывал как резерв), стали доставать японцев. Среди первых броненосных крейсеров пострадал «Ивате», получил четыре пробоины. Того, наблюдая, как «Ивате», медленно разворачиваясь, покидает строй, подавлял в себе раздражающую неприязнь к Хито, недостойную положения командующего. Затем тяжелый снаряд прошел надстройки от носа до кормы у броненосца «Хатусе», был поврежден и крейсер «Касаги». Поступали доклады об убитых и раненых.

И хотя взрывы и пожары были видны и на русских кораблях, такое начало боя обескуражило Того. Не избежал удара и флагман — «Микаса», снаряд разрушил часть кормового мостика перед адмиральской каютой. Командующему, можно сказать, повезло — он вместе со штабом находился на носу. Но особое огорчение испытал Того, когда противник удачным попаданием срезал грот-мачту и кормовой флаг. Таким образом сложилась впечатляющая оценка мастерства русских артиллеристов в меткости стрельбы.

Встреча главных сил обеих эскадр продолжалась всего лишь полчаса, в 12 часов 37 минут Того отдал приказ выходить из района сражения. Японские суда, повернув круто на ост, стали удаляться в сторону моря. Первая проба сил закончилась. В 12 часов 45 минут Соединенный флот, заменив строй на походный, взял курс на Асанский залив.

* * *

По пути в Асан на эскадру пришло радиотелеграфное донесение от контр-адмирала Урио. Обширное и цветасто составленное, оно не очень обрадовало командующего. Удачно совершив высадку армейского десанта для захвата Сеула, морскую часть операции Урио провел бездарно: не сумел справиться с двумя русскими кораблями, стоявшими на якорях внутри гавани Чемульпо, с крейсером «Варяг» и канонерской лодкой «Кореец».

...История любит повторения, как бы отказывая человечеству в умении извлекать уроки. В строю отряда Урио, насчитывавшем полтора десятка боевых единиц, паходился и крейсер «Нанива», который десять лет назад потопил в тех же местах «Гаошан». В то лето 1894 года в Чемульпо базировался в качестве стационара и «Кореец», который оказался невольным свидетелем расправы японцев с пароходом. Благодаря его докладу, переданному через сеульское посольство в Петербург, весь мир узнал о пиратском, как писали газеты, начале японо-китайской войны.

Похоже произошло и на этот раз. Вечером 26 января «Кореец», забрав дипломатическую и обычную почту, направился в Порт-Артур, но на выходе из гавани был обстрелян отрядом Урио. Канонерская лодка была вынуждена возвратиться в Чемульпо. Таким образом «Кореец» опять первым узнал о начале военных действий Японии, теперь уже против России. Что касается официального уведомления о начале русско-японской войны, которую правильнее было бы назвать японо-русской, то оно было вручено командиру «Варяга» капитану I ранга Рудневу только на следующий день, утром 27 января.

В этом уведомлении Урио требовал, чтобы русские корабли покинули Чемульпо до полудня, предупреждая, что в противном случае они будут атакованы прямо в порту. Тем самым он как бы пояснял и находившимся тут на стоянке другим иностранным судам, что нейтральность Чемульпо после захвата японскими войсками Сеула всего лишь фикция. Руднев, обговорив ультиматум японцев с коллегами-командирами военных кораблей США, Франции и Италии, сделал вывод, что ждать от них активной помощи в защите статуса порта не приходится, поэтому стал готовиться к бою.

27 января в 11 часов 20 минут, то есть в то же самое время, когда под Порт-Артуром сближались, готовясь к сражению, главные силы японской и русской эскадр, «Варяг», подняв на стеньге боевой флаг, сопровождаемый «Корейцем», направился навстречу нацеленным на него пушечным стволам кораблей отряда Урио. Немыслимая отвага такого действия вызвала особый душевный порыв у иностранцев: на верхних палубах французского крейсера «Паскаль» и итальянского «Эльба» выстроились оркестры, провожая храбрецов музыкой государственного гимна России. Таких проводов в бой чужих кораблей история не знала...

Русские храпили молчание; не удостоили они ответом и сигнал, поднятый на «Нагива», — «Предлагаю сдаться». Не выдержав этой накаленной противостоянием тишины, японцы начали стрельбу. Особенно пестовствовал бронепосный крейсер «Асама», превосходивший по огневой монци оба русских корабля. Силы были не то что неравны, несоизмеримы! — и все же бой никак не походил на безпаказанный расстрел «Гаопана», на счастливое начало войны с Китаем. В первые же минуты «Варяг» отправил па дно японский миноносец; появились разрушения и на крейсерах, как на головном «Нагива», так и на его родном брате по тину и году постройки — «Токачихо». Запылал разрушенный нестидноймовым снарядом мостик «Асама»...

«Варяг» гремел обоими бортами, идущий следом «Корсец» бил из восьмидюймовок. Но прорваться, па что падеялись русские, не удалось. У «Варяга» выбыло болес трети команды, коптузило в голову Руднева. Корпус крейсера был изрешечен снарядами, пять подводных пробои н глотали забортную воду. Один за другим выходили из строя орудия. Оставалось последнее — не допустить захвата кораблей врагом, самим уничтожить их.

Затопление «Варяга» и взрыв «Корейца» произошли па глазах японцев. Русские экипажи, как «терпящие бедствие па море», были переправлены на иностранные корабли, тяжелораненых передали в миссионерский госпиталь па берегу. Урио, желая иметь хоть какие-то сведения о потерях противника, послал в госпиталь своего эмиссара, старшего врача с «Нагива», избрав казуистический повод — оказание раненым «гуманной помощи», вручение подарков.

«Русские корабли ушли непобежденными,— сделал главный вывод Того, закончив чтение радиодепешки Урио.— Можно даже сказать, совершили свособразное хакакири».

Того не сомневался, что бой в Чемульпо, как и под Порт-Артуром, будет признан в Токио за огромный успех. Но для него, командующего, важнее не оценка со стороны, а уроки. Первый из них заключался в том, что разделив миноносцы на две флотилии, он допустил существенный просчет: удар по Порт-Артурской эскадре мог быть вдвос сильнее, направь он туда все мишье суда. Не следовало и бронепосцам с крейсерами дремать в бездействии целую почь возле Роунда: падо было не ждать утра, а сразу же

следом за атакой миноносцев пачать свою, пустив в ход тяжелую артиллерию...

«В таком же критическом духе толкуют сейчас и молодые офицеры на кораблях,— перебил свои раздумья Того.— Тот же Ниругака, обсуждая результаты набегов на Порт-Артур, Дальний и Чемульпо».

Что ж, он и за собой помнит такое в молодости: после трудного похода принять вечернюю обжигающую ванну, облачиться в мягкое кимоно и, распивая зеленый чай, вести в кают-компании свободную беседу не о своих прямых обязанностях, не о том, как ты их исполнил, а об адмиральских, которые, несомненно, можно было осуществить эффективнее...

Эти успокаивающие, добродушно-юмористические рассуждения Того были прерваны телеграммой из Токио. Командующего уведомляли о предстоящей командировке к нему на флот британского специалиста по артиллерии, доверенного лица фирмы «В. Армстронг Нобль и К°» мистера Сешинга Райта. Цель поездки Райта — ознакомление с поведением в боевых условиях орудий, установленных на кораблях, построенных на верфях в Эльсвике. Владелец фирмы сэр В. Армстронг согласовал этот визит с военным министром...

Взгляд Того не столько задержался на тексте телеграммы, сколько на подписи — «Капитан I ранга Бойль». Он знал этого офицера как официального представителя фирмы Армстронга в Токио, занимавшегося вопросами заказа на строительство и доставки кораблей для японского военно-морского флота. Вопреки общепринятому мнению о замкнутости англичан, их склонности к снобизму, Бойль являл противоположность — был не в меру разговорчив.

Последнее их свидание касалось перегона двух купленных в Италии больших броненосных крейсеров. Бойлю предлагалось взять на себя эту операцию, сформировать команды для доставки кораблей из Генуи в Сасебо. Англичанин согласился, пояснив, что главная цель его представительства — служить усилению мощи флота дружественной державы, тем более, что упомянутые итальянские суда желала приобрести и Россия. Это многозначительное «тем более», конечно, заметил Того, оно намекало на особые отношения, сложившиеся между Великобританией и Японией после заключения ими военно-политического союза,

который гарантировал взаимную защиту «специальных интересов» обеих стран в Китае и в Корее.

— В двадцатый век Япония, так сказать, выплывает на первоклассных кораблях,— продолжал, широко улыбаясь, Бойль.— И тоннаж, и скорости, и вооружение — по любому боевому показателю — только подъем! Думаю, что и флагман не случайно получил название в духе высоты...

— Да, так, Микаса — это могучая гора на Хонсю, страж нашей древней столицы — Нары.

— Значит, и соседнего с Нарой города Оцу?! — нарочито удивился Бойль.— Ведь тоже знаменит: там получил сабельный удар Николай II, русский император...

— Тогда не император, а наследник. В честь его счастливого спасения в Оцу установлен памятник,— холодно уточнил Того, чувствуя, что за ловкими фразами и веселостью англичанина кроется желание втянуть его в разговор о России. Подобная фамильярность, тем более со стороны иностранного офицера, ставила адмирала в двусмысленное положение. Поэтому он поднялся и закончил беседу тоже шуткой, посоветовав капитану I ранга обсудить этот вопрос с более заинтересованным лицом, с послом России бароном Розеном.

Нынешняя телеграмма Бойля об отправке на флот какого-то неведомого Сеннинга Райта, пусть и по согласованию с правительственными инстанциями, являла верх бесцеремонности, словно продолжила давний разговор, оставив, получается, за Бойлем последнее слово.

Оно понятно, «владычице морей» хотелось бы смотреть на Японию так же, как Соединенные Штаты глядят на Кубу, а в командующем флота видеть всего лишь постаревшего командира «Нанивы», которому по стечению обстоятельств снова пришлось выполнить роль взрывателя в войне, теперь уж с русскими.

Чиновный Токио своими непродуманными действиями, подобно телеграфному извещению об агенте Армстронга, поддразнивает британской спеси. Однако в отличие от столичных дипломатов, которые даже не научились как надо носить европейские хвостатые пиджаки и галстуки «бабочкой», офицеры императорского флота овладели тонкостями управления новейшими кораблями, изучили морские силы уже не предполагаемого, а очевидного противника. Желтое море — регион будущих боевых операций им знаком не хуже, чем Икогамский рейд...

Ну да, Иокогамский. Того припомнился грустно-анекдотический случай, свидетелем которого он стал весной 1871 года, то есть перед самым отъездом на учебу в Англию. Кушленный в США пароход для военно-морских сил, на котором японская команда едва успела сменить пергопочную, состоявшую из иностранцев, вдруг отказался повиноваться — бестолково закружил по бухте. И без того оживленный Иокогамский рейд сразу же превратился в толкучку, — шлюпки, катера шарахнулись в разные стороны от словно взбесившегося судна. Большие корабли, среди которых скалой возвышался английский броненосец «Океан», — спешно поднимали якоря и искали безопасного от столкновения места. Наконец, к аварийному пароходу была отправлена бригада механиков. Оказалось, что повреждение было устроено нарочно, чтобы подшутить над повыми владельцами.

Впрочем, торговые шутки продолжались еще долго: Европа и Америка сбывали японцам всякое судоходное старье. Для создания товарного вида не жалели краски, густо маслили износившиеся механизмы.

Насмешил иностранцев и первый в стране парад сухопутных войск, обученных на европейский лад. Состоялся он под Токио в присутствии молодого императора. Двадцатилетний Муцухито, вопреки обычаю, пожелал предстать на публичное обозрение европейцев, в большинстве дипломатов, а также офицеров англо-французского гарнизона, уже десять лет квартировавшего без согласия на то японского правительства, в Иокогаме.

Эту надменную публику насмешила японская манера приветствовать микадо — вместо отдания чести рукой совершать низжайшее коленопреклонение, чуть ли не в растяжку по земле. Но пехота в составе двух батальонов умело держала строй, два эскадрона конницы промчались как ветер, продемонстрировали умение галопировать и рубку; наконец, две конные батареи с начищенными до сияния стволами орудий, с красными зарядными ящиками, являли во всей красе «Бога войны».

И хотя мундиры немецкого образца выглядели на солдатах мешковато, не по росту, а отечественная обувь, простые сандалии, плохо подходили к форменным брюкам, оружие было вполне современное и впечатляющее — ремингтоновские винтовки и скорострельные крупновские пушки.

Умную поговорку придумали европейцы: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Вряд ли сейчас кому из тех почетных гостей придет в голову желание позабавиться с наследниками смотра: японские сухопутные силы — это четыре армии численностью в 350 тысяч солдат и офицеров при 895 орудиях. Что касается военно-морского флота — то в нем более ста кораблей всех рангов, три боевые эскадры!..

Да, Япония первая из азиатских стран, с 70-х годов, с начала эпохи Мейдзи, буквально стала глотать плоды европейской цивилизации. При этом ни в чем не поступающая в коренном, в национальном, так сказать, придерживаясь «блестящей изоляции» на свой лад, с учетом кодекса Бушидо.

Европейцы уже понимают, что их здесь только терпят. Тот же англо-французский гарнизон, занимавший командную высоту над городом, вскоре после императорского смотра был выставлен навсегда с территории Ниппон. Особенно трудно расстаются с ролью учителей англичане и немцы. Резидент японского генерального штаба в Петербурге капитан-лейтенант Такоэ Хиросэ (легально он значился студентом Санкт-Петербургского университета) как-то передал удивившее всех своей метафоричностью внешнеполитическое откровенье Бисмарка:

«Россия быстро увеличивает население, она полна энергии. Ее можно сравнить с бочкой бродающего вина, которая рано или поздно в каком-то месте взорвется. Если взрыв произойдет в направлении Сибири — тем лучше. Если в Черном море или на Босфоре — это тоже не опасно. Но мы должны сделать все возможное, чтобы не допустить взрыва русской бочки у нашей границы».

Такоэ Хиросэ, вероятно для объективности, заметил, что Александр III за такую излишнюю напористость обозвал немецкого канцлера «обер-скотом».

Как бы то ни было, но немцы вот уже десять лет прилагают массу усилий, чтобы катить «русскую бочку» в восточном направлении. В реализации этой идеи у них появился нежданый союзник, «китайский Бисмарк» Ли Хун-чжан, министр по делам Севера. Он же, кстати сказать, и создатель на месте рыболовецкой деревушки крепости Порт-Артур. Ли Хун-чжан тайно содействовал России в срочном сооружении железной дороги через

Маньчжурию с ответвлением на Квантуш. Тем самым русскому медведю, как называют Россию англо-саксонцы, было позволено протянуть лапу к центру Китая, куда влезли уже четыремя чуть ли не все «цивилизированные державы». Такое порабощение Китая — удар по Японии: Страна Восходящего солнца, как сказал один умный человек, без Китая — это как зубы без губ — раскрошатся от русского холода или от зуботычины с Запада.

Для Того такой грубой «зуботычиной» запомнилась бомбардировка берегов Японии осенью 1864 года. Соединенная эскадра из семнадцати английских, французских, американских и голландских кораблей языком дальнебойных орудий объяснила жителям Симоносеки и других прибрежных городов право цивилизаторов с Запада на свободный проход через внутренние проливы Японии. Так как японское правительство оспорило такую точку зрения, от него потребовали еще и компенсации затрат, понесенных союзниками в этой акции — три миллиона долларов!

Ну, а Кагасимо, административный центр княжества Сацума вынужден был расплачиваться в фунтах стерлингов. Городу был предъявлен со стороны Великобритании особый иск за убийство английского негодяя Ричардсона. Убийство посчитали политическим актом, в действительности же загулявший куличик столь гнусно повел себя по отношению к женщинам, что заслужил хорошую взбучку. От чего он умер — от лишней затрецины или просто с перепоя, сказать было трудно, но для английских властей это было не столь уж важно, им просто представился удобный случай, чтобы проучить непокорных японцев и попутно хорошо заработать: жизнь Ричардсона была оценена в сто тысяч фунтов стерлингов.

Кагасимо являлся родным городом Того, здесь он учился в школе и в морском училище княжества. Тут познал и первую большую утрату — похоронил отца. Почетный старейшина-судья не погиб от английского снаряда, он просто не смог выдержать унижения, которому интервенты подвергли страну.

Ныне англичане — самые близкие друзья Ниппон. В Лондоне даже возмущались, когда в немецких газетах появилась карикатура с надписью — «Желтая опасность!» — территория Японских островов была изображена на рисунке в виде фигуры Чингисхана, устремленной на Запад...

Дипломатическая игра ничуть не обманывала Того, он помнил лорда Пальмерстона: «У Англии нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы», помнил и то, что в год, когда английская эскадра бомбардировала Японию, Пальмерстон занимал пост главы английского правительства, то есть отдавал предписания о выполнении этой международной разбойной акции.

Впрочем и адмирал Того мог сказать, что в Англию его привела не дружба, а интерес. В 17 лет он, слушая вой снарядов с английской эскадры, кусал губы от бешенства и бессилия, а двадцатичетырехлетним младшим лейтенантом послушно уселся, подобно мальчишке, за парту в Темзском государственном мореходном колледже. На такое можно было пойти только из высших, то есть государственных интересов.

Английский язык Того изучил еще находясь дома, лекции понимал нормально, а вот к разговорной живой речи вроде бы и не стремился. За эту молчаливость, которую принимали за скрытность, его прозвали «Восточным Гамлетом». Чтобы разобраться в сути прозвища, младший лейтенант дважды прочитал трагедию Шекспира, и хотя в характере принца датского не обнаружил никакого сходства со своим, обидного для себя тоже ничего не заметил, скорее наоборот.

От лишних вопросов Того ограждался неизменным прилежанием, вежливостью, ровным поведением, при этом никогда не казался выскочкой, не унижал товарищей своим превосходством в знаниях. На классных занятиях или во время учебных плаваний он желал оставаться рядовым кадетом. И это стремление не выделяться опять-таки кое-кем объяснялось его скрытностью. Даже собственное имя Хэйхачиро, выбранное матушкой, переводимое как «мирный», «миролюбивый», казалось кое-кому нарочито маскирующим.

Как одному из лучших, при выпуске ему был вручен памятный подарок — бюст адмирала Нельсона. Небольшая, вырезанная из благородного тисса скульптура имела особенность — красноватая древесина словно оживляла лицо легендарного адмирала — оно дышало решительностью...

«Что ж, скажем прямо, Трафальгара из Порт-Артура у нас не получилось,— подумал Того, возвращаясь к началь-

ному настроению.— Хотя в этом есть и положительное: на флагманском корабле, на «Микаса», не появился медный круг с надписью — «Тут пал японский Нельсон».

Этот сарказм не вытекал из стремления командующего как-то умалить самого себя перед тем, кто разбил франко-испанский флот на траверзе мыса Трафальгар, а из твердой уверенности, что его тоже ждет звездный час, а впереди предопределена долгая жизнь, так как в нем сосредоточены недожитые годы двух рано сошедших в могилу братьев-моряков.

...Асанский залив к полудню распогодился: сырость упала в море, а небо поднялось, вдали угадывались очертания острова Пхундо, вблизи которого лежал на дне «Гаошан».

Того, чтобы взбодрить себя, вышел на мостик «Микаса». Покосясь на покрытую брезентом боковину палубы, искореженную русским снарядам, он обратил взгляд на строй линейных кораблей, расцвеченных флагами, на расположившиеся ближе к берегу миноносцы с вертикалями высоких и тонких дымовых труб, ребристыми и широкими горизонтальными миных аппаратов Уайтхеда...

«Почему англичанин выбрал для названия изобретенного им оружия испанское слово «торпеда», означающее «электрический скат»?» — подумал Того, машинально отмечая в этом словосочетании отдаленную аналогию с наименованием старой императорской яхты «Джингист», то есть «Быстрый кит». И тут же у него возникло новое попутное «почему». В кургузом корпусе двухколесного парохода не было ничего общего с фигурой могучего морского животного, а его ничтожная скорость в восемь узлов никак не давала основания для определения — «Быстрый». Память адмирала, как бы перестраиваясь, совершила еще один поворот к недавнему: воображение представило мчавшегося наперерез курсу «Микаса» упрямого кашалота и тут же — окрашенную кровью и вспененную воду под форштевнем броненосца...

Стоявший на крыле мостика, позади командующего, адъютант отметил внезапное изменение во внешности адмирала: фигура распрямилась, руки броском ушли за спину, соединившись в напряженном замке, лицо благодаря сильно выдвинувшейся нижней губе, приобрело заносчиво-презрительное выражение.

Макаров и Рожественский

Назначение вице-адмирала Макарова командующим флота Тихого океана никого особо не удивило. Разговоры о том, что командир Кронштадтского порта, он же военный губернатор Кронштадта, уже не раз обращался в высшие сферы с просьбой направить его на Дальний Восток, появлялись время от времени и раньше. Порт-артурцы из старожилов помнили, что Макаров еще в 1900 году подавал записку об организации обороны Артура, и порта и крепости, в частности писал о том, что необходимо укрепить линию береговой обороны, довести число орудий до четырехсот сорока семи, то есть удвоить, а также убеждал усилить русский флот на Тихом океане с таким расчетом, чтобы он был на двадцать процентов значительнее японского.

Тихоокеанский бассейн постоянно присутствовал у Макарова как в его докладах по военным вопросам, так и в научных трудах. В этих водах он начинал путь моряка, сначала в качестве учащегося Николаевского-на-Амуре штурманского училища, позже — гардемарина; и в лейтенанта был произведен во время плавания по Тихому океану. Книга «Витязь и Тихий океан», написанная Макаровым, уже капитаном I ранга, принесла автору мировую известность. Вновь в дальневосточные воды он явился, будучи в чине контр-адмирала, привел из Средиземного моря боевую эскадру. Это было связано с японо-китайской войной, с обострением из-за нее международной обстановки.

Раздумья о нынешнем назначении Макарова всколыхнули настроение лейтенанта Сергеева, вернули его в далекий 1894 год, в Грецию. Вот так же, как сейчас в Порт-Артуре, ждали тогда Макарова в Пирейском порту, где базировалась русская Средиземноморская эскадра: по высочайшему указу от 7 ноября 1894 года он зачислялся на должность ее командующего.

Прежний командующий вице-адмирал Авелан переведен был в Петербург. Сергеев, старший минный офицер флагманского броненосца «Император Николай I», и многие другие офицеры рассматривали его замену моло-

дым, но уже прославившимся флотоводцем, как повышение самого статуса эскадры, придания ей большего значения в регионе.

— А то живём с застопоренными машинами, ракушками по шлюэ заросли, — обрадованно толковали в кают-компаниях о возможных вскоре переменах, о предстоящих плаваниях.

Так говорила в основном молодежь, но офицеры-ценовики это настроение не поддерживали: служба у берегов Греции намного легче, чем, скажем, на Тихом океане. Афины, хоть и европейское захолустье, но ведь не Владивосток, тем более не Петропавловск-Камчатский... Сюда к ним, по-прежнему, приезжали семьи — из Одессы, Кроштадта, из Петербурга. Сообщение превосходное: можно по железной дороге, а то и паромом по линии Одесса—Константинополь—Пирей. По железной дороге несколько беспоконья — требуются пересадки, пока доберешься до Патраса. Зато далее вдоль Коринфского залива уж прямо из Афины.

Новостям было встревожено и русское посольство в Греции, прежде всего сам посланник Михаил Константинович Ону: за Макаровым следовала сомнительная в глазах старого дипломата известность «беспоконного человека», постоянно что-то изобретавшего, совершенствовавшего, менявшего. И если бы только в области мореходного искусства, гидрографии, морской тактики, но ведь и в вопросах администрации и даже политики.

Михаил Константинович Ону достаточно нажил забот со времени путешествия на крейсере «Память Азова» с наследником-цесаревичем Николаем Александровичем на Дальний Восток. Сей вояж следовало бы назвать несчастнейшим, так как он завершился на японских островах ударом полицейской сабли по голове будущего главы государства, а если взглянуть пошире, то явился предтечей возможных международных конфликтов. Назначение же Макарова, думал Ону, не может способствовать успокоенности — адмирал уже не раз выступал в качестве непроненного советника по стабилизации положения на Дальнем Востоке. А где затрагиваются интересы Японии, там инци начало хитроумной комбинации «владычицы морей». Впрочем Макаров и тут преуспел, публично высказавшись о двуличии дипломатической стратегии Лондона, находя в ней явное сходство с японской. Оно пусть и правильно по существу, но...

Таким образом, делал вывод посол, назначение Макарова командующим эскадрой, которая постоянно находилась за границей, в Пирее, имея прямой, то есть ближайший выход через Суэцкий канал в западную часть Тихого океана, не могло не настроить Японию, как и другие заинтересованные страны.

У благодушного Михаила Константиновича с некоторых пор появилась слабость — видеть во всякой существующей акции, касающейся греко-русских отношений, покушение лично на него самого. «С некоторых пор» — это опять-таки со времени путешествия русского цесаревича на Дальний Восток, в Японию. Тогда русскому посланнику в Элладе была отведена роль дипломатического гувернера при царственном отпрыске. Переселившись на «Память Азова», Михаил Константинович столь ретиво и добросовестно взялся за исполнение поручения, что уже в Бомбее получил телеграфное предписание оставить крейсер и следовать в Петербург для доклада царю о первом этапе морского путешествия наследника.

И вот тут-то многоцытный дипломат обминулился, преувеличив свое значение в тягостной в общем-то для себя миссии. После доклада в столице Ону сразу же почувствовал явное охлаждение к себе, как со стороны отечественного, так и греческого двора. У последнего он вызвал особое недовольство еще и тем, что высказал порицание поведению наследного принца Георга, тоже сопровождавшего русского цесаревича. По рассказу Ону, принц во время стоянок в портах не только сам паташи по сомнительным заведениям, но и соблазнял в эти компрометирующие прогулки Николая. Так случилось в Александрии и в Индии царственные отпрыски вели себя столь некорректно, что даже вызвали со стороны местных английских газет уничтожительную характеристику — «царственные молокососы».

Впрочем, так хотелось назвать высоких путешественников и самому господину Ону, когда они в Бомбее, при прощании с «гувернером» швырнули с верхней палубы ему на голову, как будто случайно, грязную тряпку...

В Петербурге излишнюю резкость британской печати восприняли всего лишь как раздражительную реакцию на сердечное выражение чувств индусов к русским влиятельным, обидное для официального Лондона, тем более, так исходило оно со стороны коренного населения колонии.

Словом, при дворе сетование посланника Ону объяснили всего лишь его личным пристрастием к молодым людям. На письменном докладе «гувернера» Александр III поставил сверху краткую резолюцию-каламбур: «А ну его!»

Пренебрежительное истолкование своей фамилии Ону перенес с болью в сердце, понимая, что об издевательской высочайшей помете скоро узнают в дипломатических кругах и в светских гостиных...

Смена командующего эскадрой русского флота явилась важной новостью и для Греции, в первую очередь в связи с усилившейся натянутостью отношений между Афирами и Константинополем. Греки в этой перемене увидели акт доброжелательного внимания к себе со стороны могущественного союзника. Четырехсотлетнее османское иго хотя и было давно свергнуто, но греческий народ все еще продолжал бороться за полную государственную самостоятельность, не был решен вопрос и о Кипре. То есть в данном случае Россия не па словах, а на деле, выступала гарантом суверенитета Эллады, тогда как состоявшие в такой же роли по договору Великобритания и Франция столь прямо своих симпатий к ней не обнаруживали.

По-разному ожидали прибытия адмирала Макарова и па самой эскадре. Командующий Авелан с тайной надеждой, что со временем займет в столице пост управляющего морским министерством (и дождался, с 1903 года сидит в этом чине под Золотым шпилем), командиры — с внешним безразличием, хотя деятельно готовились показать все в наилучшем виде. Беспокойство охватило и нижние чины, которые почувствовали па себе дополнительное внимание господ офицеров: и стоящие замечания и пустые придирки.

Старший офицер «Императора Николая I» капитан II ранга Всеволод Федорович Руднев носился по палубам, все видя, везде успевая, добываясь того образцового порядка, каковым и должен отличаться флагманский корабль.

— Что вы тут парусите, лейтенант? — шутливо обратился он к старшему минному офицеру Сергееву, стоявшему в задумчивости возле минного катера.

— Да вот, прикидываю, нельзя ли ускорить его спуск па воду, — ответил лейтенант. — Если изменить диаметр блоков и кое-что в системе талей...

— То есть вместо положенных пяти-семи минут за три-четыре?

— Если не две минуты, то одну-то можно павернякa выгадать.

— Что ж, приветствую: для мишной атаки лишняя минута — время серьезное.

«Николай I», как коротко называли броненосец, нес на борту шесть мишных паровых катеров. Сергеев предполагал, что командующий уже в первые дни пребывания на эскадре обратит на них свое внимание. Именно Макарову принадлежала идея брать на борт больших кораблей легкие вспомогательные суда, вооруженные мишами. Командуя на Черном море во время русско-турецкой войны пароходом «Великий князь Константин», лейтенант Макаров в ночь на 12 августа 1877 года скрытно подошел на нем к рейду порта Сухуми, где сконились турецкие корабли, и лично повел отряд таких катеров в первую атаку! Утлые, но быстроходные суденышки, водоизмещением всего лишь в шесть тонн, с маломощной паровой машиной, оснащенные примитивными шестовыми мишами, ворвавшись на рейд, не только навели панику на турков, но сумели взорвать броненосец «Ассари Шевкет», вывели его из строя до конца войны...

— Надеюсь, вы знаете, что эти приспособления для скоростного спуска и подъема катеров и новую конструкцию шлюп-балок для них придумал в свое время Степан Осипович Макаров? — продолжал Руднев. Его вопрос можно было понять и так: «Вы что, хотите казаться умнее самого адмирала?» Однако, за год совместной службы — Руднев пришел на броненосец в декабре 1893 года, то есть вскоре после памятного визита Средиземноморской эскадры во Францию, в Тулон,— Сергеев, как и другие офицеры, сумел оценить прямой и открытый характер капитана II ранга.

Старший офицер по положению является «хозяином», то есть председателем кают-компаний. Руднев таковым был признан сразу. Педантично требовательный на палубах, в отсеках, в казематах, он, появляясь в кают-компаниях, как будто сбрасывал на короткое время груз служебных забот, становился душой общества, общительным товарищем, державшимся на равных и с заслуженными и с молодыми, внося своим вниманием дух содружества и терпимости. Без этого людям, оторванным месяцами, а то и годами, от родины и близких, трудно было бы жить бок о бок,— корабль поневоле становился или общим домом или тюрьмой.

Кают-компания — это не только помещение для столования и отдыха. Всевозможные удобства, комфорт — мебель, красного и черного дерева, ковры, мягкие кресла, шторы, картины, сверкающая белизна столового белья, серебро и хрусталь, шкафы с книгами, фортепиано — всего лишь внешние атрибуты, так как кают-компания в первую очередь — коллектив, дух товарищества, раскованность и разговор, когда безудельно мичман чувствует себя в праве войти в любой спор со старшим палубником. Такова неписанная традиция. И еще одна традиция — за дверью кают-компании, тем более на борт, ничего не выносятся: папиросы, шашлык исключались абсолютно. Впрочем, от этого порока отучали еще в морском корпусе и довольно жестоко: кадет-жалобщик обычно сел на «на компанию» вместе с провинившимся, зачастую даже сильнее...

Руднев, как и полагаюлось старшему офицеру, все знал, ведал всем. Двукратные кругосветные плавания — первое, к стати сказать, на крейсере «Африка», под командованием нынешнего наместника на Дальнем Востоке — Алексева, — блестящая учеба в морском корпусе — фамилия Руднев была выбита на мраморной доске училища, — опыт командования и определили его назначение на новейший по тому времени броненосец «Николай I».

Имелась у Руднева еще одна, всеми признанная черта — интеллигентность. Внешне плотный, даже тяжеловатый, он не выглядел светским паркуном в погонах, но обладал конкретными качествами высококультурного человека. Владея тремя языками — французским, английским и немецким, — Руднев оказывался незаменимым при сношениях с властями в иностранных портах, мог оборонить respectableной беседой. Никто лучше его не мог подготовить на флагманском корабле прием высокопоставленных иностранцев, а при выполнении делового поручения вызвать их на отвлекающий разговор о литературе, искусстве, музыке, и тут же попутно блестяще исполнить на рояле Шопена или Бетховена. Он даже создал на корабле матросский хор, серьезно занимался с ним.

Командир «Николая I» капитан I ранга Дикер, полная противоположность старшему офицеру, неодобрительно относился к такой, на его взгляд, излишней заботе о нижних чинах, считал ее явным унижением офицерского достоинства, но был вынужден терпеть, так как с

приходом Руднева на корабле улучшилась боевая подготовка экипажа: на стрельбах, на миных учениях, на иллюционных гонках флагманский корабль неуклонно занимал лучшие места.

Руднев не афишировал, что он давно знает Дикера: в кругосветном путешествии на крейсере «Африка» Дикер занимал должность старшего офицера. Не напоминал о старом знакомстве и командир «Николая I». Лишь однажды, когда Руднев высказал предложение о создании еще и драматического кружка из матросов, Дикер в парочито отеческом тоне возразил:

— Помню, хорошо помню, как вы, будучи мичманом — это было, кажется, на стоянке в Петропавловске-Камчатском, — подверглись выскананию за панибратство с нижними чинами.

Косвенное предупреждение не подействовало. Наоборот, Дикеру вскоре пришлось публично благодарить старшего офицера за разыгранное матросами представление. Случилось это так. Под рождество эскадру посетил греческий двор. На флагманский броненосец пожаловала сама королева, чтобы одарить «матросиков». И вот тут-то Руднев показал народную самодеятельность — и хор, и смелные сценки по сказочным мотивам, и дуэт ложкарей...

Высочайшие были очарованы праздником, высказали свое удовольствие... Дикеру. Для Руднева же это послужило поводом обратиться к командиру за разрешением создать на корабле и гимнастический кружок.

Сейчас, разговаривая с Сергеевым, старший офицер подумал, что хорошо бы привлечь к занятиям тяжелой атлетикой этого минера. Сам физически очень сильный человек, Руднев с симпатией окинул мощную фигуру лейтенанта, ворочавшего торпедный аппарат, как ружейную двустволку, заметил:

— Какой-то десяток лет назад вам, Александр Семенович, пришлось бы трудней — миные пушки весили до девятнадцати пудов. Спасибо адмиралу Макарову — это опять-таки он облегчил их до тринадцати. — Старший офицер неожиданно рассмеялся. — Хотя такую малость, как разницу в шесть пудов, вы, наверное, и не замечаете?

— Смотря по настроению, — отшутился Сергеев. — Я успел застать старые аппараты, когда занимался в офицерских классах, видел их на крейсере «Африка» — он входил в наш учебно-минный отряд.

— Вот как! У меня с этим крейсером знакомство близкое: ровно три года на нем плавал, даже участвовал в увековечивании его названия. В 1882 году мы занимались описанием восточного берега Камчатки. Вот и овладело тщеславие — один из самых приметных мысов назвать «Африкой». Потом-то сообразили, что это не совсем вписывается: мыс-то голый, гладкий, вроде тюленьей головы, — открыт всем ветрам, в ложбинах заледеневший снег, холодище — и вдруг Африка, солнечный материк...

— И все-таки завидую. Мои плаванья на «Африке» ограничились акваторией Финского залива. Да и вообще не бывал на Востоке.

— Думаю, для вас такая возможность еще не упущена.

Эти слова старшего офицера по-особому отозвались в Сергееве. Он не попытался уточнить, что имел в виду Руднев, но как-то сразу связал их с назначением нового командующего.

Руднев взглянул на часы.

— Пора на ужин, — сказал он, приглашая Сергеева.

Руднев уж давно оценил этого молчаливого офицера, его хладнокровие и обстоятельность, ровное и требовательное отношение к подчиненным, и еще то, что он никогда не использовал по-кулачному свою недюжинную силу. Одних это удивляло, других превращало в скрытых недругов, однако официально призывало всех минных специалистов корабля следовать примеру начальника.

Нравилась Рудневу и исполнительность Сергеева, без малейшего намёка угодничества, — вертеться перед высокими чинами лейтенант явно не желал, как и не заводил выгодных знакомств. Такая самостоятельность могла казаться и заносчивостью и самомнением. В этом, пожалуй, крылась одна из главных причин, что в мичманах Сергеев проходил почти восемь лет. Многовато! Зная его добросовестность, им затыкали дыры, назначая временно на разные должности, переводя с корабля на корабль, из экипажа в экипаж, и все на Балтике.

Но так могло видаться со стороны, в действительности же Александр Семенович Сергеев сам искал свое основное место, флотское призвание и, наконец-то, нашел его в минном деле, вписавшем особую страницу в состязании между броней и орудием. Начало его службы в минном отряде состоялось в 1888 году на канонерской лодке

«Мина», но опять-таки «сверхкомплектно», и только через три года он добился зачисления его в слушатели офицерских минных классов в Кронштадте.

Назначение на только что вступивший в строй эскадренный броненосец «Император Николай I» Александр Семенович считал большой удачей — один из первых русских башенных кораблей, на котором артиллерия главного калибра стояла не в казематах или барбетах, то есть за вертикальной броневой защитой, а в башнях. Кроме того, на нем впервые в истории русского флота устанавливались орудия двух главных калибров — 229 и 305 миллиметров. Новейшими по вооружению и скоростям были и приданные ему минные катера.

За три года непрерывной службы на броненосце Сергеев получил хорошую школу, пройдя последовательно должностные ступени: второго минного офицера, командира роты и старшего минного офицера. Здесь же был произведен в лейтенанты...

Стол в кают-компании был уже накрыт. Востовые, лавируя между буфетом и кухней, готовились к подаче вторых блюд. Офицеры по приглашению Руднева, занявшего место в центре стола, тоже принялись устраиваться.

— Господа, я заметил, что в последние дни у вас всех явно улучшился аппетит,— начал с улыбкой Руднев.— Воспринимаю это как следствие большего, чем обычно, пребывания на свежем воздухе батарейной палубы, на боевых постах, а значит и более рьяного выполнения своих обязанностей. Благодарю вас, господа.

Большинство офицеров поняло, что этим полушуточным тостом Руднев отметил некоторую демонстрационность, проявленную ими в канун приезда нового начальника эскадры, что и подтвердил заключительной фразой, сделанной после того, как проглотил две-три ложки супа.

— Однако не перестарайтесь, как это произошло на «Мономах»...

На крейсере I ранга «Владимир Мономах», входившем в эскадру, случилось в самом деле нечто экстраординарное: 14 ноября во время авральных работ на море в портовой зоне перевернулся грузеный баркас. Вода ледяная, большая волна, люди одеты тяжело — и кое-кто начал тонуть. Оказавшийся поблизости броненосец «Гидра» спас часть бедствовавших, но трое матросов все же погибли.

Командир «Мономаха» канитан I ранга Рожественский, вызванный Авеланом для объяснения, высказался так, что удивил даже видавшего всякое адмирала:

— По мертвым заказана панихида, что касается спасшихся и спасенных, то я приказал посадить их под арест за неумение управлять шлюпкой.

На вопрос командующего, отблагодарены ли греческие моряки, оказавшие помощь гериящим бедствие, Рожественский возразил, что поскольку он за таковой не обращался, то и не знает, в какой форме благодарить.

— Ну, батенька, я тоже не стану за вас этим заниматься. Дело оставлю новому командующему.

Авелана раздражала вечная заносчивость и твердолюбная жестокость Рожественского, для которого ничего не стоило зверски избить матроса или обругать самым грубым образом офицера. Всякое проявление независимости суждения вызывало с его стороны окрик, даже бенеенство. Не случайно на крейсере «Владимир Мономах» мало кто хотел служить, хотя внешне корабль по всем статьям выглядел образцово.

Адмирал знал, что Рожественский в русско-турецкую войну воевал под командой Макарова, был ранен в одной из мимных атак, и что тот высоко отзывался о его храбрости. «Вот пусть теперь и разбирается в этой истории с аварией,— подарком сослуживца по случаю прибытия на эскадру»,— окончательно решил Авелан.

...За столом кают-компании вспыхнула полемика по поводу правомерности дисциплинарных мер, принятых Рожественским, и самоустранимости от этого дела командующего.

Сергеев, угкнувшись в тарелку, подумал по ассоциации о Чухинне: будь тот сейчас на месте Рожественского, поступил бы точно так же.

— И все-таки наказывать виновных следовало,— сказал он вроде бы вопреки своим размышлениям.— Баркас был перегружен, народу на нем оказалось более, чем пять человек на банку. И это при ветре за четыре с половиной балла, то есть предельном для рейдовых работ на шлюпках.

— Шли-то не под парусом, а на веслах,— возразил сидевший с ним рядом лейтенант Ленко.— Команду, вот, составили из новобранцев.

— Я и говорю, искать надо виновника.

Руднев поглядел на окаменевшее лицо Сергеева, подтвердил:

— Именно виновника, то есть того, кто не обеспечил безопасности работ. В этом смысле, господа офицеры, не плохо бы и нам сделать вывод из урока аварии:

— Дипломат,— заметил на ухо Сергееву сосед лейтенант Ленко.

Руднев действительно хотел прекратить нескончившийся разговор, касающийся взаимоотношений командующего со старшими офицерами эскадры. Как будто догадываясь о выводе Ленко и показывая на ролях, он обратился к лейтенанту:

— Владимир Иванович, не возражаете?

— В вашем сопровождении,— не то попростите, не то уточните Ленко, подходи к инструменту одновременно со старшим офицером.

Разговоры стихли. Взят первый аккорд, и глубокий баритон унес слушателей далеко от Средиземного моря, от холмистых берегов Пирен:

*...Вспомнишь раздуку с улыбкою странной
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.*

Только не ропот теперь, а рокот за железными бортами и не широкое небо над головой, а хмурое, с чужими зрезками.

Александру Семеновичу и самому необъяснимому, почему романе «Утро туманное» столь близок был его сердцу с самой юности. Не из-за того же, что автор — земляк? Нет, музыка и тургеневские слова пробуждали вельмики сознания, связанные не только с воспоминаниями, но и с надеждами...

Продолговатое, с иронично растянутыми губами, лицо лейтенанта Ленко погрузилось, облагородилось.

«Наградит же бог такими талантами»,— по завидовал Сергеев, так как кроме превосходного голоса Ленко обладал еще и даром художника. Набросанные им на ходу, по случаю, портреты-экспромты на товарищеской, порой карикатурные, можно было обнаружить в каютах офицеров. Был такой и у Сергеева, изображавший его с миновоской на плече. Ленко был симпатичен Сергееву еще и потому, что он хорошо знал Владимира Менделеева, служил с ним на «Памяти Азова».

2 декабря 1894 года на рейде Пирея царил особое оживление — корабли Средиземноморской эскадры выстраивались для смотра новым командующим. Колонну возглавлял «Император Николай I», далее за ним чуть дымили, поддерживая дистанцию, крейсера «Владимир Мономах» и «Джигит», мореходные канонерские лодки «Кубанец», «Гремящий» и «Отважный». Замыкали строй миноносцы — «Борго», «Свеаборг», «Ревель» и «Котко». Несколько в стороне, подчеркивая тем свое особое положение, покачивалась императорская яхта «Царевна».

Адмиральский катер, выйдя из порта на рейд, проследовал вдоль строя кораблей, с выстроенными на палубах командами.

Командир «Николая I» Дикер стоял возле парадного трапа, опущенного на цепи по правому борту. Когда катер командующего приблизился, Дикер сошел на решетчатую площадку трапа. Минутой позже коснулся площадки и катер.

Макаров принял рапорт командира и спокойно, не касаясь блестящих поручней, стал подниматься на корабль. Вот его большая, но еще не грузная фигура на спардеке. Ветер колышет раздвоенную на два длинных клина пышную седящую бороду.

31 офицер и 587 нижних чинов, унтеров и матросов, построены черными четырехугольниками по подразделениям, замерли.

Адмирал прошел вдоль офицерской шеренги, стоявшей с соблюдением старшинства в чинах и должностного порядка — сначала строевые офицеры, затем механики, последними — врачи, — громко поздоровался с командой. От ответного «здра-вра-вашест-д-ство» шарахнулась ввысь стая чаек.

Выполнив ритуал, Макаров отбыл на следующий корабль...

Первые указания нового командующего для некоторых командиров оказались неожиданными, во всяком случае и для Дикера. Уже в день прибытия, отведав на броненосце матросского обеда, Макаров сделал замечание, что пиццу из тех же продуктов можно готовить лучше. Гречневую кашу, к примеру, надо варить на пару, тогда она получится разваристее и сытнее. При этом адмирал сослался на опыт

поваров Семеновского гвардейского полка в Петербурге. Он не ограничился замечанием: на следующий день собственноручно написал инструкцию о варке каши, с категоричным требованием впредь следовать только предложенному им рецепту.

Далее Макаров обратил внимание на частые простудные заболевания на кораблях эскадры и связал это со сквозняками, особо опасными в зимнее время. И опять последовал практический совет: сделать, где возможно, козырьки и обвесы из нарусины, оградить людей этими перемышками от резких охлаждений.

И еще один приказ последовал после первого смотра: в дни рейдовых стоянок стрелковую подготовку экипажей переносить на берег, упражняться не менее двух-трех часов.

— Нижние чины должны иметь молодцеватый вид, и лучшим средством для этого может служить добрый пример со стороны господ офицеров.

Дикер, обсуждая с Рождественским указания адмирала, сетовал по поводу маршировки на берегу, считая, что такое расхождение с морскими традициями и будет отвлекать людей от основных обязанностей по корабельной службе.

Рождественский в ответ пробурчал:

— Как бы Степан Осипович не усадил нас с вами еще и в седла. В молодости, помню, он любил сравнивать мишские атаки с гусарскими.

Что касается инструкций по матросскому котлу, то замечание капитана I ранга носило несколько иной характер:

— Степан Осипович решил кормить эскадру гречневой кашей «семеновского» производства. Однако мне помнится из истории, какую кашу заварил этот полк в 1820 году — бунт против командования, дерзкое неповиновение. И учтите — это еще до Сенатской площади...

Но приказ есть приказ, и Руднев уже на следующий день свез команду флагманского броненосца на портовый плац для маршировки. Нововведения командующего были в первую очередь продиктованы заботой о здоровье людей. Макаров постоянно паноминал, что в матросе надо видеть не придаток к механизму, к пушке, а энергичного, находчивого и физически выносливого хозяина боевого поста.

Сергееву припомнился рассказ Алексея Крылова, подтверждавшего такую точку зрения командующего. Крылов

ву пришлось участвовать в строительстве «Николая I», рассчитывать одну из главных броневых башен, а затем следить за ее воссозданием в металле. Так вот Макаров в ту пору начальник артиллерии флота, в первую очередь поинтересовался у строителей, каково будет себя чувствовать в новой башне прилуга. Заметив затруднение с ответом, он предложил для определения степени воздействия орудийных выстрелов на живой организм поместить внутрь башни для испытания сначала животных, скажем, баранов...

Приезд Макарова в Пирей изменил темп жизни на эскадре, взбудрил экипажи кораблей. В конце января командующий провел еще один смотр. Сергеев ожидал, что будет предложена задача — отражение минной атаки или оперативная постановка минного поля. Для последнего лейтенант подготовил пятьсот чугунных башмаков — «черепаха», провел тренировки — управляться с «черепахами» было не так-то просто, каждая весила до пяти пудов.

Французы говорят, человек боится более всего того, что с ним никогда не случится. Так вышло и у старшего минного офицера; командующий, уведя эскадру к острову Парос, занялся артиллерийскими стрельбами. Поэтому первое задание, порученное минным катерам, оказалось совсем не сложным — буксировка щитов-мишеней.

По тому, как постепенно темнело лицо Макарова на эскадре, на всех постах, «от клотика до жвако-ганца», вскоре поняли, что адмирал недоволен, хотя старания, казались, сложились успешно, соблюдалась и положенная дальность стрельбы.

Вечером при разборе учения офицеры слышали:

—...Не ждать, что противник будет придерживаться строгих инструкций о расстоянии для дуэли, а разойдет его еще на подходе, то есть самим навязывать бой и не на дистанции в 10 — 15 кабельтовых, а воевать в ближней. При этом на высокой скорости и нестандартном маневре. Призываю вас думать и думать, проявить не механическое повиновение, а самостоятельное конструктивное мышление.

Дошло дело и до минных катеров. Командующий обратил внимание на то, что на флагманском «Николае I» катера спускают быстрее, чем, скажем, на «Владимире Мономахе», хотя паровые лебедки и там и тут имели одинаковую мощность. Секрет ускорения заквитался в

крохотном изменении конструкции талей. То есть командующий заметил и одобрил новшество Сергеева, установив нормой для всех подъем катера на борт не более чем в две минуты двадцать секунд, а травление — одна минута тридцать пять секунд.

Жесткость требований к боевой подготовке была вызвана особыми обстоятельствами. Макаров привез с собой правительственную инструкцию, формулирующую новую основную задачу Средиземноморской эскадры: поддержание политического влияния России на Востоке и резерв морских сил на Тихом океане. При этом вторая часть являлась определяющей — эскадре предстояло готовиться к переходу на Тихий океан с целью усиления военно-морских сил в том районе.

Дело в том, что японская военщина, одержав легкую победу в войне с Китаем, почувствовала вкус к широкомасштабной империалистической агрессии и беспечно вооружалась, используя опыт Европы и Америки, заказывая в разных странах военные корабли, реорганизуя и парализуя армию. Не исключалось и столкновение с Россией.

С некоторых пор начали напоминать о себе и старые проблемы Ближнего Востока. О них прямо заговорил Макаров на первом же приеме у греческого короля:

— Англичане непрерывно держат эскадру у входа в Дарданеллы, как бы находясь наготове для противодействия России на Черном море.

Заявление адмирала вызвало у присутствующих дипломатов быстрый обмен взглядами. Турки и англичане всегда внимательно следили за русской Средиземноморской эскадрой, и в особенности, когда ее в июне 1893 года пополнил пришедший из Кронштадта «Император Николай I». С тех пор содействие выросло до десяти вымпелов.

Более других откровенность Макарова пережил посол Ову. Для того, чтобы как-то нейтрализовать прямолюбное, на его взгляд, заявление адмирала, он следом произнес нечто неопределенное:

— Стенан Осипович, по-видимому, желал сказать, что Средиземноморской эскадре возможно предстоит ренать вопросы, заданные историей вне ее традиционных вод.

Слова эти прошли мимо ушей августейшей четы, о чем можно было судить по ответу королевы:

— Да, сейчас положение на Ближнем Востоке сходно с фоном картины нашего славного мариниста «Закат над Босфором».

Это был очень прозрачный намек, так как каждый, кто видел знаменитую картину Айвазовского — она украшала стамбульский дворец Долмабахче, — не мог не вообразить покрытые тяжелым пурпуром дворцы и мечети Стамбула, а вокруг столь же кровавые — море и небо...

В связи с усложнившейся боевой задачей эскадры, Макаров наметил очень насыщенный план зимних плаваний. При этом он предпочел варианты, которые давали кораблям возможность как можно дольше находиться в море и подальше от Пирейской бухты, от Афин.

Такое желание диктовалось еще и особым положением греческого двора. Этот королевский двор, подобно датскому, был связан с российским не только политическими и экономическими соображениями, но и кровными узами, столь близкими, что казался по отношению к последнему «малым двором», что не могло не порождать разного рода дипломатические издержки. Посланнику и командующему эскадрой приходилось постоянно маневрировать, учитывая, что 36-летняя королева эллинов Ольга Константиновна являлась дочерью русского великого князя Константина Николаевича, к тому же была еще и почетным шестом экипажа флагманского корабля, а ее супруг Георг I, приходившийся родным братом русской императрицы Марии Федоровны, а также сын, принц Георг (тог самый, который плывал на Дальний Восток, в Японию вместе с цесаревичем Николаем) — оба значились в списке иностранных высочайших особ Российского флота.

Поэтому августейшая чета так или иначе вмешивалась в жизнь эскадры, посещая корабли или приглашая русских офицеров в Афины, во дворец, на бесчисленные приемы. Свадьба великого князя Георгия Михайловича, двоюродного брата Александра III, с принцессой Марией Георгиевной, состоявшаяся на Корфу, даже удостоилась приходом в воды острова всей эскадры! За этот «бой» адмирал Берилев получил высокий греческий орден...

Примеру хозяйки греческого двора подражали супруги иностранных послов, тоже желая быть дамами-патронессами русских моряков. Каково все это было выдержать эскадре, если по курьезной случайности в дипломатическом корпусе Афин чуть ли не каждый второй посол оказался

женат на русской! Диссонансом оказался только Опу, выбравший в жены француженку.

Бесконечно торчали в Пирсе и императорские яхты с «безответственными лицами», то есть членами двора, что опять-таки прибавляло забот и послу и эскадре.

Вместе с тем, русские моряки издавна пользовались особым почетом среди простого народа Греции: не забывались победы флотоводцев Корнилова и Истомина над турецкими угнетателями, не забывалось мужество и благородство волонтеров из России, сражавшихся за свободу Греции, вроде пушкинского Сильвио. День победы русского флота у мыса Пелопоннес в знаменитой Наваринской битве отмечался греками как национальный праздник. В этом сражении особо прославился фрегат «Азов», заслужив Андреевский флаг с Григорием Победоносцем по красному полю и звание гвардейского.

И каждый раз, когда «Император Николай I» со своим экипажем, закованным в броню, подобно спартанской фаланге, проходил мимо обрывистых берегов Пелопоннеса — колыбели Спарты, лейтенанту Сергею чудился на встречном курсе другой «Азов», то есть его преемник — «Память Азова», корабль его друга Владимира Менделеева, доброго умного офицера, погубленного дубиной с адмиральскими эполетами. Александр Семенович тяжело приобретал друзей, но еще тяжелее с ними расставался...

Груз внимания к эскадре со стороны августейших шефов Макаров ощутил с первого дня прибытия в Пирей, со 2-го декабря 1894 года. Едва командующий успел осмотреть вверенные ему корабли, как в Афинах пожелали хорошенько рассмотреть его самого. 3 декабря Степан Осипович в расшитом золотом мундире, в брюках с серебряными лампасами, при орденах и Анненской ленте, в треуголке, словом, при полной парадности, отправился в Афины — от Пирсея до столицы по железной дороге было всего лишь восемь километров. Цель визита — представиться их величествам, а также Михаилу Константиновичу Опу, тайному советнику, значит, согласно табелю о рангах, имевшему более высокий чин, нежели контр-адмирал.

Дальше больше! Эскадра была вынуждена участвовать в торжественных мероприятиях по случаю так называемых табельных дней обоих дворов, считавшихся государственными праздниками: 6 декабря — день тезоименитства

русского императора, 12-го — короля эллинов. Корабли расцвечивались флагами, гремели салюты и оркестры, на палубах шли торжественные богослужения и, разумеется, — снова приемы, завтраки, чай с венценосными супругами, с их чадами, принцессами и принцами, с членами русской колонии и посольства. Великоветская обязательная канитель! Можно подумать, что находишься не на Пирейском, а на Кронштадтском рейде.

Проводив 11 декабря своего предшественника адмирала Авелана в Петербург, Макаров уже через неделю, 17 декабря, снова был выпущен вернуться с учения в окрестностях Пароса в Пирей: из Афин пришло сообщение, что скоропостижно скончался русский военный атташе генерал-лейтенант Григорий Львович Кантакузен. Личность этого генерала стала курьезно примечательной после визита в июне 1891 года французской эскадры в Кронштадт. Тогда русская дипломатия попала в затруднительное положение: император Александр III, символ абсолютистской власти, при торжественной встрече французской эскадры в Кронштадте, был вынужден выслушать, стоя с непокрытой головой... «Марсельезу!» Сергеев, служивший тогда в 4-м флотском экипаже в Кронштадте, наблюдал эту сцену собственными глазами.

Пересуды в иностранной печати, дипломатические записки... Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Кальноки на первом же приеме в Вене выразил глубокое удивление тем, что улицы Санкт-Петербурга и даже залы дворцов оглашаются революционной песней, запрещенной в России, как и в других цивилизованных государствах Европы. И вот тут-то князь Кантакузен, занимавший тогда скромный пост советника посла в Вене, написал.

— Подданные нашего государя не интересуются словами «Марсельезы», — возразил он министру. — Они слышат только звуки национального гимна дружественной державы. Тем самым воздают ей дань почтения и симпатии, и ничего более.

Такая формулировка, о которой император узнал из доклада Министерства иностранных дел, удостоилась высочайшей пометы: «Совершенно верно». А остроумный советник вскоре был повышен, переведен в Афины — место, как и Копенгаген, считавшееся перспективным для карьеры: все время на виду у высоких особ.

Похороны князя отличались торжественностью. Офицеры с эскадры присутствовали на всех панихидах, дежурили у гроба. Сергею, сверх того, пришлось еще и командовать сводным батальоном, назначенным командующим с целью сопровождения гроба с прахом покойного от церкви в Афинах, где его отпевали — участвовали хоры от русской эскадры и греческого гарнизона, — до железнодорожной станции, и далее в специальном траурном поезде — до Пирея. И, наконец, здесь во главе батальона — до русского кладбища. Было такое кладбище на южной оконечности греческой земли, занимало довольно обширную площадь — последнее прибежище военных моряков. На одном из памятников Сергей прочитал слова, как бы пояснявшие причины его появления:

Судьба матроса тяжела, судьба его печальная,—
Бывает, некогда поесть ему ни днем, ни ночью,
Бывает, некогда поспать ему ни днем, ни ночью,
Бывает, в плаванье уйдет, домой не возвратится...

Аттане похоронили вблизи свежей могилы погибших матросов с «Владимира Мономаха».

22 декабря опять событие: в Афины через Константинополь прибыл в качестве чрезвычайного посла командующий Одесским военным округом генерал-адъютант граф Мусин-Пушкин, который привез официальное известие о вступлении на всероссийский престол императора Николая Александровича. Того самого, что носил на голове отметку от японского меча.

И снова парадный обед в королевском дворце с присутствием командующего эскадрой, командиров кораблей и офицеров, — по несколько человек с каждого судна. В их число попал и Сергей, которого чаще других приглашали на такие обеды из-за видного роста, как бы олицетворявшего могущество русского воинства.

Через три дня чрезвычайный посол побывал с визитом у командующего эскадрой, а вслед ему на флагманский броненосец «запросто» пожаловала по случаю рождественской елки королева с принцессами — Софией и Марией. Лично одарив «матросиков» подарками, августейшие направились в кают-компанию пить чай, после чего изволили прослушать несколько музыкальных пьес, исполненных старшим офицером Всеволодом Федоровичем Рудневым.

Подобным же визитом по случаю рождественского праздника, правда, уже других членов королевской семьи, были очастливлены канонерская лодка «Кубанец» и крейсер «Владимир Мономах». Капитан I ранга Рождественский буквально расстилался перед гостями и даже скорчил улыбку, услышав милый каламбур в смысле, что название праздника столь удачно сочетается с его фамилией, хотя не терпел, когда по незнанию или нарочно в ее середине добавляли букву «д».

Праздничные дни прошли, Мусин-Пушкин (Ленко сразу же окрестил его «Мусин-по-не-Пушкин») отбыл восвояси, наконец-то, можно и опомниться, заняться делом. Макаров объявил приказом, что в ближайшие дни намечено эскадренное учение с миными стрельбами, особое внимание будет обращено-де на способ управления торпедным оружием в бою и передачу приказаний с командного мостика. Место учения — тот же Порос в Эгейском море.

Кроме минных катеров на «Николае I» было установлено еще пять двухтрубных торпедных аппаратов. Со стрельбы из них, считал Сергеев, и должны начаться маневры. Усиленно тренируя своих мишеров уже на рейде Пороса, он недоумевал, почему задерживается команда о начале учения.

Произошла снова неожиданность, правда, предвиденная Макаровым, 24-го января ему было доставлено секретное предписание управляющего морским министерством адмирала Чихачева — готовить корабли к незамедлительному следованию в Тихий океан.

«...По прибытии в Сингапур,— писал Чихачев,— поступите со всей эскадрой под главное начальство вице-адмирала Тыртова, которому будет присвоено звание командующего соединенными эскадрами Тихого океана и Средиземного моря. Все распоряжения о направлении судов нашей эскадры держать в строгом секрете от всех»...

Выходить кораблям предписывалось по мере готовности. Первым Макаров решил отправить «Владимира Мономаха». Тут же, в Поросе, он отдал приказ Рождественскому следовать обратно в Пирей, пополниться припасами и, кончив дела с берегом, взять курс на Сингапур. И вот тут-то Рождественский, второй раз в течение месяца, принес особую заботу командующему.

Несчастный случай, произошедший с баркасом, как и пообещал Авелан, пришлось разбирать Макарову. Перед Новым 1895 годом он посетил командира греческого

броненосца «Гидра», поблагодарил за оказанную помощь потерпевшим бедствие русским морякам. Более того, Макаров попросил представить ему отличившихся офицеров и старший плюнок, занимавшихся спасательными работами, чтобы возбудить ходатайство о награждении их русскими орденами.

Все это вызвало столь очевидное раздражение со стороны Рождественского, что Макаров нашел пужным поговорить с ним. Разговор получился тягостным, тем более, что накануне английские газеты расписали аварию, подчеркивая растерянность русских, не совладавших в рейдовых условиях с перевернувшейся плюнкой.

— Англичанам-то лучше помолчать,— возразил Рождественский.— Наш баркас — все-таки не «Виктория».

— В самом деле,— согласился Макаров,— не «Виктория»: та оказалась перегруженной броней, а мы, полагаю, самонадеянной лихостью.

«Виктория» — новейший английский линкор, сверхбронированная громада, водоизмещением в 10500 тонн, в результате случайного удара со стороны другого корабля английской эскадры опрокинулась. Погибло более пятисот человек команды вместе с командиром соединения адмиралом Трайтоном.

И вот, едва покончив с баркасной аварией, доложив в Петербург о ее исходе, Макаров был вынужден снова заняться неприятностями, принесенными «Владимиром Мономахом» — крейсер, отравленный Макаровым в Пирей, ухитрился там, опять-таки прямо в гавани, сесть на мель...

Телеграмму на «Николай I» доставили командующему с острова Порос под вечер. Адмирал немедленно отправился в Пирей, и к часу ночи следующих суток уже был на месте. Рождественский никак не ожидал столь стремительного прибытия командующего: море штормило, западный ветер был жесток. Весть о том, что Макаров по такой погоде, и в ночь, торопясь на помощь, прошел на посылном катере 75 миль, мгновенно разнеслась по всем палубам крейсера, воодушевила людей.

Надо сказать, воодушевила всех, кроме командира. Рождественский испытывал неприязненное чувство к Макарову, считая себя несправедливо обойденным по службе, завидя уважению, которым этот выходец из «боцманских детей» пользовался в самых различных кругах — в военных, правительственных, научных. Даже в Пирее, едва успев появиться на эскадре, он уже потребовал

снаряжать артиллерийские снаряды изобретенным им бронбойным колпачком. Флотский Ломоносов!.. При всем том еще и кумир офицерской молодежи. Как же, в каюте держит книги Бокля, Генри Томаса, даже Чернышевского, ведет дискуссии о Льве Толстом, предлагает офицерам конкурсно подготовить публичный доклад по истории греческого флота во время войны за независимость... И женился на ходу, в море, можно сказать, между двух атак. На польке-аристократке! Говорят, пустая мотовка, а вот проехала с ним через весь материк Северной Америки...

Все эти упреки бродили где-то в подсознании Рождественского, когда он докладывал командиру о посадке корабля на мель. Причина, по его словам, заключалась в неожиданном подъеме воды в момент швартовки, то есть была случайной.

— Случайной потому, что проглядели,— резюмировал Макаров.

Рождественский хотел добавить, что аварии можно было избежать, исполни вахта достаточно быстро его распоряжения, и что виновники наказаны, но решил не оправдываться, понимая, что это будет походить на вымаливание милости или на попытку уйти от ответственности.

После осмотра крейсера и тщательных промеров дна гавани командующий принял решение:

— Будем спиматься своими силами. Сейчас же! Первое — до предела облегчить корму.

Сыграли аврал. Матросы и не занятые на вахтах офицеры, забыв о сне, спустились в кормовые угольные ямы, в кюит-камеры и начали перегрузку на нос корабля и на берег угля, снарядов — всего, что утяжеляло кормовые отсеки. Когда забрезжил рассвет, судно дрогнуло. Волна, которая раньше мешала работам, теперь превратилась в союзницу, раскачивая корпус. К восходу солнца он начал сползать с мели.

После нового осмотра днища и винтов проверили крейсер на ходу. Макаров, убедившись, что с «Владимиром Мономахом» ничего, к счастью, не случилось, дал добро на его выход по назначению, то есть в Тихий океан. Адмирал сам дошел на нем до Саламинской бухты, где пересел нашедший встречным курсом «Николай I». Утром 26 января флагман поднял «Владимиру Мономаху» сигнал — «Желаю счастливого плавания».

«Надеюсь, далее не споткнешься»,— подумал Макаров о Рождественском, рассматривая удалявшийся крейсер. Увы,

ровно через десятилетие «споткнется», — да еще как! — на Цусиме...

Вслед за «Владимиром Мономахом» ушли на Дальний Восток и миноносцы — двумя отрядами, в сопровождении капонерских лодок «Гремящий» и «Отважный», а 2 февраля покинул порт Пирей «Николай I». На мостике бронепосада находилась новый командир — капитан I ранга Дмитрий Густавович Фелькерзам, сменивший сутки назад Дикера.

Фелькерзам, с виду флегматичный толстяк, казавшийся из-за солидности значительно старше своих пятидесяти лет, был известен как решительный и знающий моряк, не терпящий формализма. Об этом рассказывали те, кто в самом начале 90-х плывал вместе с ним на крейсере «Джигит». Знал его с хорошей стороны и кое-кто из миных офицеров, так как еще ранее он заведовал отрядом миноносок. За Фелькерзама говорило и то, что его не терпел Рождественский, прозвавший капитана I ранга за покладистость и добродушие «менском».

Адмирал Макаров съездил в Афины, откланялся их величествам в связи с продолжительным уходом из Пирея, однако не уточняя, куда уводит бронепосец и эскадру. Сообщил только о начальном этапе похода — на остров Мальта, на военную базу Великобритании, где намеревается произвести очистку днища и покраску корпуса корабля. В Пирее эту процедуру сделать невозможно из-за отсутствия большого дока.

Королева эллинов, испытывая сентиментальное чувство бывшей русской княжны и дочери почившего адмирала-генерала русского флота, прибыла на мыс Фемистокл, чтобы с площадки стоявшего там древнего маяка помахать платочком уходящему бронепосцу, лично пожелать ему счастливого пути. Впрочем, так она делала всякий раз и при уходе эскадры в плавание. Что ни говори, ей как-то приятнее жилось, когда русская эскадра, выражаясь фигурально, была видна из дворцовых окон...

Простившись с одной близкой родственницей русского императорского двора, Макаров чуть не попал в руки другой: на Мальте, оказывается, гостила сестра молодой царицы Александры Федоровны, Виктория Гессенская с супругом, прицем Батенбергским. И тут у адмирала очень кстати воспалился коленный сустав. Кос-кому, правда, это показалось «воспалением хитрости». Тем не

менес Макаров не смог выйти навстречу высокой гостье, прибывшей на корабль: не может человек встать с постели, и все тут. Но чтобы вовсе не обидеть сестру царицы, приказал расцветить броненосец флагами и через старшего офицера Руднева преподнес ей букет роз.

Виктория милостиво приняла дар адмирала и просила Руднева передать свое сочувствие в связи с болезнью, постигшей почтенного моряка так некстати. В сопровождении старшего офицера она обошла строй экипажа, здороваясь с ним... по-русски. И чтобы еще более усилить русскую струю, Виктория явилась на устроенный в ее честь во дворце губернатора Мальты бал в древнерусском костюме. Только опять случился пассаж: адмирал Макаров сам не появился на балу и не пустил туда офицеров, сославшись на незакончившийся еще траур по почившему в бозе императору Александру III.

...18 февраля 1895 года «Николай I», свежесвыкрашенный, выдраенный, покидал Мальту. Покачиваясь на волне, нагоняемой порывистым зюйд-остом, корабль разворачивался на восток, в сторону Суэца. На открытое ветру крыло командирского мостика вышел Макаров.

Тучная фигура Фелькерзама сорвалась с места и заземенила к командующему. Лейтенант Сергеев, в тот день вахтенный, переглянулся с Рудневым.

— Слава богу, у Степана Осиповича и колено кстати поправилось,— заметил вполголоса старший офицер.

Поняв друг друга, офицеры улыбнулись и одновременно, как по команде «равняйся», резко повернули головы в сторону командующего, который всматривался в морскую восточную даль. Что он там видел?.. Но уж никак не запертую в одной из бухт Желтого моря русскую боевую эскадру. И уж тем более такое никак не могло мниться тридцатидвухлетнему лейтенанту Сергееву.

Получилось так, что дальний поход Александра Семёновича на Тихий океан прервался возле острова Цейлон. В четыре часа пополудни 16 марта 1895 года броненосец встал на якоря на рейде Коломбо. Батареи прогремели салютом наций. Офицеры и команда с нетерпением ожидали разрешения посетить город, с вожделением глядели на зеленый берег. Оно и понятно, после Адена шли они непрерывно девять суток через Индийский океан по страшной жаре, люди изнурялись до изнеможения...

К «Николаю I» подошел катер, доставил с берега почту, личную и служебную. Одно из последних телеграфных

предписаний главного морского штаба касалось старшего минного офицера Сергеева. Предлагалось откомандировать его в распоряжение командира Кронштадтского порта, используя первый попутный пароход. В данном случае им оказалось судно Доброфлота «Ангара», следовавшее из Владивостока в Одессу, та самая «Ангара», которая через десять лет перейдет в качестве вспомогательного крейсера в Аргурскую эскадру. 20 апреля Сергеев прибыл в Петербург. Новое назначение разочаровало его — в 15-й флотский экипаж командиром роты повобранцев, из которых ему предстояло готовить мишную команду строящегося броненосца «Севастополь». Корабль был уже спущен в воду со стапелей Франко-русского завода в Петербурге, с которых в свое время сошел и «Николай I».

* * *

«...В Пирее я прослужил с адмиралом Макаровым три месяца. Сколь долго придется пыле в Порт-Артуре?— такой вопрос невольно возник у Александра Семеновича, когда он возвращался от брата на «Стерегающий». Размышляя о новом командующем, о судьбе Руднева, о «Николае I», разве мог лейтенант ответить самому себе: «На этот раз ты прослужишь с Макаровым менее трех дней»...

Глава 9

Подобно разумному существу

У каждого моряка есть любимый маяк. Для Сергеева таким смолоду стал Толбухинский под Кронштадтом, расположенный в трех милях западнее острова Котлин. Каждую весну, с конца мая, когда на Балтике начиналась «кампания», уходил он в плавание,— сначала кадетом на парусных корветах училищного отряда, гардемаринном — на судах Практической эскадры, офицером — на боевых. Сколько по пути встречалось маяков — высоченных, помпезной архитектуры, и самой простой каменной кладки, круглых и граненых, по-разному окрашенных, старых

и новых, и все-таки самым дорогим оставался тот, который с юности провожал его в открытое море и ждал возвращения,— незамысловатая, похожая на крепостную цитадель,— башня с рядами вертикальных окоп-бойниц, пустившая цементные корни в крохотный, усиленный волноломом, островок-скалу.

Вот он вышлывает из серых вод — хрустальный шатер с лучистыми огнями, а за ним встает величественный купол Морского собора, вырисовываются мачты дремлющих на рейде кораблей, портовые сооружения, и, наконец, сам основатель Кронштадта, бронзовый Петр I протягивает к морю для рукопожатия свою широкую длать. Разворот кормой к стенке, взметнулись швартовы над причалом, сброшены сходни. Дома!..

В Порт-Артуре навигационным стражем высился перед внешнем рейдом Ляотешанский маяк. «Ляотешан» — это и полуостров на юго-западе от крепости, и самая высокая гора на нем, и бухта, и пролив, и мыс, на оконечности которого примостился маяк. Ляотешан был связан с коренным берегом Квантуна столь низменной перемычкой, что когда через нее с моря перекатывались волны густого тумана, его можно было принять за остров.

Другой маяк располагался на Западном входном мысу — желтой скале Тигрового полуострова. Над ним через пролив нависала утыканная мачтами трехгорбая громада Золотой горы. На ее средней вершине был оборудован главный наблюдательный пункт порта и крепости, радиостанция, сигнальный пост — отсюда открывался свободный вид на морской горизонт,— на север, на юг, на восток.

В этом последнем направлении в семь часов утра 4-го февраля 1904 года, в соответствии с разрешительным флажным сигналом Золотой горы, вышли из гавани Порт-Артура два миноносца, две «певки»,— «Стерегущий» и «Решительный». Они направились к стоявшему на внешнем рейде миному транспорту «Амур», с трепыхавшим на нем флагом начальника миной обороны Квантуна. Когда поравнялись, на мачте «Амура» появился сигнал: «Следовать за мной, держаться правой раковины».

Сигналу подчинились еще два судна, густо дымившие в отдалении,— крейсер «Гайдамак» и канонерская лодка «Гиляк». Вместе с миноносцами они представляли отряд сопровождения транспорта, отправлявшегося для постановки минных заграждений в Талиенванский залив. В

обороне Квантуна залив имел особое значение, на его берегу располагались два порта: старый китайский — Талиенван и новый, построенный русскими уже после аренды полуострова, — Дальний. К последнему была проведена железная дорога.

То, что японцы уже в первые часы войны прицелились к этим местам, направив флотилию миноносцев, было понятным. И только чистая случайность помешала состояться бою: на рейде Дальнего и Талиенвана, расположенных друг напротив друга, полдня простояли четыре русских миноносца, среди них и «Стерегущий». Корабли ожидали сигнала о начале намеченного в ночь учения. Но поздним вечером из штаба эскадры поступил отбой с приказом вернуться на базу в Порт-Артур. Так что отряды миноносцев — русский и японский в одни и те же часы проследовали навстречу друг другу, разминувшись в открытом море.

Можно считать, что милость providения по отношению к Дальнему на том и закончилась, начались трагедии. Через два дня с целью предотвратить новую попытку нападения на порты Талиенванского залива, туда направили минный транспорт «Енисей» для постановки оборонительных заграждений. В разгар работы одна из мин сорвалась с якоря. Ее решили расстрелять из пушки. И эта, в общем-то, заурядная операция, обернулась катастрофой.

Командир «Енисея» капитан II ранга Степанов, совсем недавно принявший корабль, не успел как надо ознакомиться с коварными особенностями здешних вод, в частности, не доучел необычайно большой скорости приливного течения, к которому прибавился еще и папор поднявшегося ветра. Эти две силы, сложившись, слегка сместили «Енисей» с безопасной линии. «Слегка» как раз хватило на то, чтобы рогатый шар оказался под самым его форштевнем и коснулся борта...

Последовали один за другим два страшных взрыва — самой мины, а затем пироксилина, хранившегося в носовом погребе судна. Круто задрал округлую, как яйцо, корму, оно затонуло в считанные минуты, унося с собой девяносто четыре моряка.

И бывают вот такие странные сочетания в судьбах корабля и человека: «Енисей», строившийся по проекту самого Степанова, доставшийся ему же в командование, стал и его могилой — командир не пожелал покинуть тонущее судно.

В Порт-Артуре гибель транспорта сгоряча приписали действиям вражеских истребителей, на их перехват срочно отрядили «Боярина», тот быстроходный крейсер, который утром 27 января успел предупредить эскадру о приближении к Порт-Артuru главных сил Соединенного флота Японии. Сейчас крейсеру в помощь придали пару миноносцев (одним из них был «Страшный» под командой Юрасовского). Отряд на полном ходу ворвался в Талиеванский залив, проверяя одну бухту за другой, где бы могли укрыться вражеские корабли,— и вдруг снова, как уже было с «Енисеем»,— под бортом «Боярина» — сноп огня, грохот. Крейсер столкнулся со странствующей миной. Случилось это 31 января.

Подробности о гибели минного транспорта и крейсера Сергеев узнал от Юрасовского. Сразу же после возвращения в Порт-Артур Константин Константинович забежал на «Стерегущий».

— Знаешь, по кому я вчера пустил свою первую боевую торпеду?— спросил тот сходу и в обычной напряженной манере.— Не ломай голову, сам не уясню до настоящей минуты... По «Боярину»!

Александр Семенович отставил стакан с чаем, взглядом отправил из каюты вестового матроса.

— Ты не заговорился, Константин?

— Если бы... Блудная мина, с которой столь крепко поцеловался крейсер, разрушила борт возле кочегарки. Пробоина оказалась обширной, так что все попытки завести на нее пластырь заканчивались неудачей, насосы не успевали откачивать воду. Казалось, крейсеру конец, с минуты на минуту пойдет ко дну. Командир капитан II ранга Сарычев приказал спускать шлюпки. Раненых и убитых переправили на миноносцы, чтобы увезти в Дальний. Туда же ушли своим ходом и шлюпки с экипажем... А «Боярин»-то не тонет,— погрузился до иллюминаторов и покачивается на волнах, как будто любит нашу суетней!— Юрасовский встал и, глядя на спокойное лицо товарища, вдруг возмутился:— Точь-в-точь, как ты сейчас мною!.. Хоть бы спросил: «Что было дальше?» И откуда у тебя этакое застывшее адмиральское хладнокровие?

— И что же было дальше?— последовал просьбе Сергеев,

— Сарычев приказал мне навести торпедный аппарат и ударить по тонущему. Чтобы не мучился. Ударил!.. А

крейсер все равно не тонет. Тогда-то сообразили: может быть попробовать спасти его. Ну а дальше, как в анекдоте: «Пока пожарные ездили, пожарка-то и сгорела...» То есть пока бегали в Дальний, чтобы сформировать спасательную партию, советовались по телефону с Порт-Артуром, поднялась пурга. И ночью крейсер исчез.

Сергеев, удрученный рассказом товарища, замстил:

— Если командование придет к выводу, что судно было оставлено преждевременно, то Сарычеву не избежать суда, да и старшему офицеру тоже.

— Старшему офицеру,— подхватил Юрасовский,— Ты хочешь сказать, бывшему адъютанту Макарова, капитану III ранга Семенову?!

— Кому угодно. Мне такая растерянность не нравится.

* * *

Сегодня, выходя с «Амуром» в Талиенван, Александр Семенович свое «не нравится» мог повторить с еще большим убеждением: надо же — на «Решительном», который сейчас шел с правого борта «Амура», командиром оказался Семенов, тот самый, что с «Боярина»...

Для Сергеева это не явилось полной неожиданностью. Перед рассветом к стоянке миноносцев у Тигрового хвоста подошел дежурный штабной катер, высадил на борт «Решительного» офицера. Невысокая плотная фигура вновь прибывшего кого-то напомнила Сергееву, а когда офицер повернулся лицом, он узнал в нем бывшего адъютанта командира Кронштадтского порта.

Семенов, почувствовав пристальный взгляд, кивнул головой, приложил руку к фуражке. Сергеев ответил, хотя и не был уверен, что узнал: они были мало знакомы — и в корпусе учились в разное время, служебные пути тоже не пересекались.

Штабной катер, лихо развернувшись «на пятке», направился к «Стерегущему». Находившийся на нем офицер-порученец передал Сергееву приказание немедленно следовать за «Решительным» на внешний рейд к «Амуру», в распоряжение младшего флагмана, контр-адмирала Лощинского.

Опытность Семенова Сергеев смог оценить быстро по тому, как «Решительный» отошел от причальной стенки и по выбору пути в узком проходе между скалами Тигрового

Хвоста и Золотой горы. Впереди темной колышавшейся ступенью выгнулось море, как будто собираясь влиться в бухту.

Скалой в конце горла выпирал и «Ретвизан». Подорванный японской торпедой трехтрубный броненосец, уткнувшись носом-тараном в грунт, был окружен катерами, баржами с землесосом и другими портовыми плавсредствами. Возле его левого борта, ближе к носу, возводился каркас деревянного кессона — водонепроницаемой клетки, которая при производстве подводных работ должна была изолировать от моря рваную пробоину в корпусе.

Броненосец так много принял воды, что основания артиллерийских башен главного калибра чуть не касались морской поверхности, но стволы орудий были угрожающе повернуты в сторону внешнего рейда, как бы готовые в любую минуту изрыгнуть огонь; слегка дымившие трубы свидетельствовали о том, что в его стальных недрах шла напряженная работа.

...Сергеев позвал на мостик мичмана Кудревича.

— Принимайте вахту. Курс сверяйте по главному компасу. Записывайте точно румб и расстояние. Не теряйте из виду «Амура».

Последнее Сергеев добавил потому, что погода начала портиться. Потянул восточный ветер, в воздухе закружились снежинки.

— Есть по главному компасу, не отрываясь от «Амура», — повторил мичман.

Сергеев уже заметил особенную черту Кудревича — он любил уточнения, уставные повторения приказаний. Мичман всего лишь полтора года назад закончил морской корпус, был одного выпуска с Акинфиевым. Они в одну кампанию и ушли из Кронштадта в Тихий океан — первый на «Ретвизане», второй на «Полтаве», а когда в Порт-Артуре стали подбирать команды на поступившие с Невского завода новые миноносцы, оба попросились на них.

В отличие от старшего офицера лейтенанта Головизни-на, человека как бы предназначенного стоять на мостике — прямая представительная фигура, красивое с высоким лбом и холодными глазами лицо, манера крайне коротко, зачастую обходясь одним жестом, давать указания нижним чинам, вахтенный начальник Кудревич своей наружностью, начиная с простецкого подвижного лица, являл открытость: все чувства наружу, очевидны — по окраске

щек, дрожанию подбородка с ямочкой и шевелению ноздрей большого носа, по выражению опущенных внешними углами глаз...

Командир оставил за себя на мостике Кудревича, чтобы пройтись по кораблю, взглянуть на него изнутри во время хода. В машинном его встретил инженер-механик Анастасов. Как и большинство механиков, Владимир Спиридонович не любил, когда командир или старший офицер появлялись в отсеках его заведования. Это воспринималось как выражение недоверия или стремление подогнать «духов».

Корабельные механики и без того испытывали ущемленность по службе, начиная с того, что были лишены воинских чинов в служебной иерархии. Их положение на корабле обозначалось только профессионально: младший инженер-механик, старший инженер-механик, помощник инженер-механика и т. п., точно так же, как и на торгово-пассажирских судах. Механиков даже не упоминали в справочниках-ежегодниках, в так называемых «Списках лиц, состоящих в Морском ведомстве», где приводились не только фамилии офицеров, но и прохождение службы. В своих невидных, с серебряным шитьем мундирах инженеры выстраивались в самом конце офицерской шеренги...

В таких условиях и сами механики постепенно теряли качества боевых офицеров, умение мыслить по-военному, ясно представлять всю совокупность боевых целей корабля. В то же время эти люди передко являлись наиболее образованными в экипаж. Если в морской корпус принимались воспитанники с двенадцатилетнего возраста, дети потомственных и столбовых дворян, то в инженерное училище — и из семей скромного общественного положения и достатка, но непременно имевшие законченное среднее образование, преимущественно выпускники реальных училищ.

Поэтому, когда Анастасов узнал, что повый командир в юности тоже носил фуражку с желтой окантовкой, то есть был реалистом, он потеплел < его даже не обидело предложение Сергеева подумать над тем, как ускорить разводку паров после стоянки, поискать такие возможности.

— Да разве не думаем, — возразил с горечью механик. — Но перевозки судов по железной дороге, разборы, переборы много портят. Второй котел до сего дня не обеспечивает

нужного напора пара. Представитель Невского завода Иван Иванович Филиппиус отделяется улыбками и обещаниями. Так что наши двадцать шесть узлов по техническому паспорту — это пока лишь скорость пера на бумаге.

— Вот и я полагаю, что только «пока»,— уточнил свою мысль Сергеев. Прислушиваясь к работе судовой машины, он заговорил о перспективе нефтяного отопления на миноносцах, заговорил с таким пониманием техники дела, что еще больше расположил Анастасова к себе.

— О нефти и мечтать не смеем. Хотя бы уголь нормальный. Наш генеральный поставщик Гинцбург, патриот из патриотов, высококалорийный с Формозы продает японцам, а нам, соотечественникам,— с Сахалина,— золистый.

— Надо учить кочегаров работать на всяком угле,— вновь охладил механика Сергеев.

— Слушаюсь,— ответил Анастасов.— Команда-то собрана из разных экипажей, по принципу — с бора по сосенке. Не оморячились даже, в дальних походах бывали лишь квартирмейстеры.

— Вот и опирайтесь на них.

На миноносце в заведовании инженер-механика находилась чуть ли не половина команды — двадцать один машинист и кочегар. Просматривая список личного состава, кто откуда призван, Александр Семенович пожалел, что на корабле нет курян, зато порядочно из соседних губерний — Тамбовской, Орловской, Воронежской, Рязанской.

В свою очередь команда тоже успела составить некоторое представление о новом командире. На баксе, то есть на носовой части палубы корабля, где по флотской традиции в минуты отдыха собирались нижние чины поговорить и покурить, обсуждались черты его характера. Более всего удивила манера обращения — на «вы» и не повышая голоса. Она даже пугала, как и всякая официальность, придерживающая человека на расстоянии.

— ...Извольте сообщить, вы откедова?

— Мы-то?.. Мы — это Воронеж, шиш догонишь,— иронизировал машинный квартирмейстер 2-й статьи Василий Новиков, поддевая своего товарища, тезку и однофамильца, трюмного 2-й статьи, или, выражаясь по боевому расписанию, хозяина трюмных отсеков, Василия Сергеевича Новикова. Уроженец Воронежской губернии

трюмный Новиков очень гордился тем, что его село Павловка помогало Петру I строить флот для Азова.

— Да уж не чета казацким сиротам: живут на Волге, а зубы на полке,— парировал он скороговоркой.

Стоявший рядом с говорившими кочегар 1-й статьи Алексей Осинин, сузив черные глаза, заметил:

— Зубы-то у нас крепкие, а вот дома к весне даже мышам не пожитья.

— Ну это понятно: запусти Осинина на камбуз — и кастрюли и полки сразу оголит. У него главная тревога — бачковая.

— А у тебя — боковая,— нашелся кочегар.

Взаимное подтрунивание — одно из развлечений, без которого не обходится матросское сборище на баке. За порядком наблюдают квартирмейстеры, флотские унтеры или «баковая аристократия», как их насмешливо называют офицеры, впрочем, не стремящиеся вмешиваться в эти своеобразные клубы нижних чинов, где между песнями, подначками формируется и общественное мнение.

Чем дальше от родительских гнезд, от родины, тем настойчивее у людей поиск соучастия, понимания. Земляками на корабле назывались даже соседи по губерниям — орловцы и туляки, рязанские, а те, что из одного уезда, считались чуть ли не родственниками. Из Зарайского уезда, что под Рязанью, на «Стерегущем» оказалось четверо! Все в машинной команде.

Кочегар 2-й статьи Иван Хиринской — один из Зарайских, ловкий парень и красноречивый, словом, из тех, о которых говорят «первый по деревне», сожалел, что из Артура уехали японки. Пересыпая речь солью крепких морских шуток, какие услышишь только на корабле, он поучал:

— Язык, конечно, надо знать. Обратись к ней — «Мус-мэ» — барышня, желаю, мол, познакомиться — «Витаси симпайсимасу»... Она, конечно, как и всякая, ответит с ужимочкой: «Викагами сама. Уакаримазан». Это значит: «Молодой господин. Я не знаю». А ты все равно швартайся! «Аната», дескать, нехорошо отказывать, или «юрусикунай» — это тоже означает «нехорошо». Одним словом, подход надо знать и тогда точно зафалуешь, дождешься приглашения: «Ирассяй масэ» — «добро пожаловать».

— Или «фтабатеи симей!» — черт бы тебя побрал! — добавил Новиков — трюмный. — В старину, рассказывают, в корабельном уставе была статья: «Увидишь щель, зако-

нопать». Пойдет матрос на берег в увольнение, увидит молодку — и действует по уставу...

Бак разразился грубоватым смехом.

— С китайками намного хуже,— продолжал Хиринский.— Главное, не поймешь, кто мужик, кто девка: те и другие в штанах, безбородые и с косами. Разговор кошачий: «Мяу-мяу»... Алексей,— обратился рассказчик к задумавшемуся кочегару Осипину.— Ты как считаешь, кто лучше: японки или китайки?

— Нашли, тоже мне, баб — пигалицы... Видели бы мою Маришу... И родить двоих успела до призыва.

— Послушайте, братва, а знаете, что Того девку в адмиралы взял? — спросил Новиков, машинный квартирмейстер. И отместив на лицах недоумение, поднес руку к груди.— Вот те крест! Сам слышал в порту, «девой» называли.

— Мне бы её поймать, сразу бы забрюхатела,— сострил кочегар Андрей Кобель.

— Известно, кобель!

— Не кобель, а Кобель.

— Так это все равно, только масть разная...

— То не девка, а фамилия такая у адмирала — Дева.

— Но ежели так, то за этой Девой наш дедушка поухаживает, поженит ее с Того,— уверенно заявил сигнальщик Кружков.— В Кронштадте в экипаже нам рассказывали, что в турецкую войну он подбил турецкий броненосец бочкой из-под солонины. Набил ее порохом, вроде мины, и втихую подвел на катере под борт турка.

— И еще говорят, что он собирается послать отряд миноносцев к мысу Доброй Надежды, в Африку, чтобы за англичанами присматривать.

— Зачем?

— Транспорты перехватывать, те, что идут в Японию — со снарядами, с пушками, с углем — и топить.

— «Невки» в Африку не пошлют. Ресурс не тот,— возразил Хиринский.— Мы углем сейчас загружены по уши, а если по милям, все равно не более, чем на шестьсот.

— Приедет дедушка, разберется. Иркутск, говорят, уже проехал, скоро в Маньчжурию завернет.

«Дедушкой», «Бородой» матросы между собой называли адмирала Макарова, не раскрывая фамилии, как будто боясь сглазить большие надежды, возникшие с его назначением командующим флотом Тихого океана. Почтительно-фамильярный тон прозвищ свидетельствовал о чувстве

искреннего доверия к адмиралу, который прославился не только талантами и храбростью, но и как справедливый и приветливый пачальник. Для сравнения стоило вспомнить другие прозвища — «Чухня» у адмирала Чухнина или «Баталер», которое заслужил адмирал Старк. Старку нравилось пройти в сопровождении адъютанта по территории порта, заставляя поднимать с земли оброненный болт, гвоздь или иную копеечную безделицу, демонстрируя тем собственную рачительность, и устраивая по такому поводу разнос первому встречному...

— Кореша с «Расторопного» говорили, что их командир лейтенант Ленко вместе с нашим командиром служили под началом Дедушки еще в Пирее,— заметил Хиринский.

Такая новость оказалась по душе всем. «Бак» с первого дня положительно оценил Сергеева, как знающего командира, понравилось и то, что он не суетлив — эту слабость имел его предшественник,— никого не дергает и досконально интересуется боеспособностью корабля,— лично проверил каждый пост, каждый отсек, пролезая в самые запovedные закутки.

Уважение внушали и богатырский рост и то, что годами солиден. «Без пяти минут кавторанг»,— таково было общее мнение «бака».

— Меня попросил топку открыть,— сообщил, пожимая широченными плечами Осинин.— Заглянул в нее, и ничего,— от жары не помятлся, как будто сам раньше с лопатой стоял. Про уголь спросил.

— А ты?

— Правду сказал. Блины, говорю, на таком и то толком не прожаришь.

— А он?

— У плохой, говорит, хозяйки всегда то дрова, то сковорода виноваты.

Грохнул смех. Громче всех смеялся сам рассказчик...

Столь явное внимание нового командира к механической части корабля удивило и офицеров, в особенности Головизнина, который, следуя традициям, предпочитал общаться с машинным отделением через переговорную трубку с мостика или по телеграфу. Но вовсе странным показалось и тем и другим, что Сергеев не терпел матерщины. Это не вязалось с общепринятым на флоте. В кают-компании от него даже не услышали свежего столичного анекдота «с изюминкой», с чего порой и начиналось дружеское застольное общение.

Головизнин заметил:

— Этак наместник может и не понять Александра Семеновича,— намек касался известной всему Порт-Артуру страсти Алексея к скабрёзностям.

..Обход корабля Сергеев закончил рубкой.

— Мичман, что на картушке?

— Следуем точно по курсу, в двух кабельтовых от «Амура», справа от струи.

— Последнее делает честь вашему зрению, но я спрашиваю о компасе. По-моему, тот, что в рубке, показывает не то число ступенек в нашу баталерку, не то цену на красную икру.

«Так-то уж, пожалуй, зря»,— обиделся про себя Кудревич, но когда сравнил компасные курсы, тоже был озадачен — они были разными.

Предполагая ошибку в отсчете курсовых углов и пеленгов, он выдвинул внутреннюю крышку наглухо привинченного к стенке рубки штурманского столика, с прикрепленным к ней листом карты и, прижавшись коленами к нактоузу компаса, искал через прорезь пеленгатора что-то знакомое на берегу. Волнистые очертания Квантунских гор проецировались через туман, словно водяные знаки сквозь казенную голубовато-прозрачную бумагу. На вершину одной из них, самой северной и высокой, именуемой Сампсоном, он и сориентировался, отметив место корабля на карте. Приложив к ней параллельную линейку с транспортиром, стал передвигать их по коленчатой карандашной линии — предварительной прокладке пути...

— Десять миль до Дальнего,— раздался рядом голос Головизнина.

«Надо же так уметь ходить,— подумал Кудревич, поражаясь неслышной походке старшего офицера,— как по воздуху себя несет».

В самом деле, под легким и ровным шагом Головизнина не стучало дерево, не звенел протертый машинным маслом металл палубы, не шаркал линолеум на мостике.

Мичман коротко доложил, почему он заново занялся счислением и снова мысленно прокомментировал реакцию старшего офицера, его хладнокровие: «И на челе его высоком не отразилось ничего».

Нет, это было не так. Головизнин все понял и, спустившись на палубу, остановился возле командира.

— Александр Семенович, прошу извинить за неполадки с компасами — мое упущение: магниты стоят еще прошлогоднему.

— Давно проводилась девиация?

— При мне не было.

— Что ж, в ближайшие дни и просчитаем таблицы...

Сергеев не успел договорить. Вахтенный сигнальщик — заледеневшая от брызг глыба на крыле мостика, — обернулся и, откинув воротник тулупа, сишло крикнул:

— По курсу Сан-Шан-тау!

Островом Сан-Шан-тау начинался архипелаг, ограждающий Талиенванский залив с юго-востока. С запада в него спускается пологими, похожими на бурые волны, увалами берег Квантуна. Туда и повернул отряд.

— «Амур» поднял наши позывные с приказом, — снова известил сигнальщик.

Кудревич вслух прочитал: «Миноносцам осмотреть бухты Кэр и Дин».

— Обе к востоку от Талиенвана, глубоководные и скрытые, — словами из лоции громко уточнил Головизнин. — Удобны для высадки войск.

Сергеев понимал, что старший офицер говорит это нарочно, чтобы не ставить командира-повичка в неловкое положение, не вынуждать его лишний раз обращаться за пояснениями.

— «Решительный», похоже, снимает чехлы с минных аппаратов, — сказал он.

— И разворачивает стволы...

— Понятно, — командир легко для своей большой фигуры одолел в два прыжка трап на мостик, нагнулся над переговорной трубкой: — Машинное, самый полный... Боевая тревога! Приготовиться к минной атаке.

«Стерегающий», выбросив перед собой крутой бурун, помчался вслед «Решительному» к припорошенному снежком горбатому мысу, за которым, судя по карте, и находилась бухта Кэр. Артиллеристы, по сигналу громкого боя разбежавшиеся по своим постам, всматривались вперед, понимая, что возможно за этим мысом притаились японские миноносцы — сейчас выскочат навстречу! Тревожно-возбужденное ожидание первого выстрела; сжались сердца... Еще разворот — и перед глазами возникло спокойное и пустынное зеркало бухты. Миноносцы, описав дугу, проследовали в бухту Дин. И эта пуста. Значит, неприятеля нет, нет и опасности, а в душе — чувство неудовлетворенности: хотелось все-таки опробовать силы в бою...

«Амур», узнав результаты разведки, проследовал на малом ходу в сторону Кэр для постановки там минного заграждения. Миноносцы получили новое задание — «пропахать» окрестные воды в поисках блуждающих мин. «Гиляку», с его дальнобойными 120-миллиметровыми орудиями, и быстроходному крейсеру «Гайдамак» было приказано крейсировать вблизи острова Сан-Шан-тау в боевом охранении.

Адмирал Лоцинский не случайно проявлял повышенную осторожность — он учитывал недавний жестокий урок, бесславную потерю «Енисея» и «Боярина».

Команды «Решительного» и «Стережущего» тоже приняли меры особой бдительности: не только сигнальщики, но каждый, кто находился на палубе, не спускал глаз с моря, высматривая среди волн черные полукружья шаров — сфероконических мин — то ли наших, сорванных с якорей ветром или течением, то ли японских, сброшенных специально. О появлении каждого опасного предмета на воде договорились извещать резкими свистками.

Погода начала портиться: снежная пелена загустела, с сопок потянуло ветром. Замелькали снежные заряды, а безлесные горы и мысы стали пропадать в мутнеющем пространстве. С «Амура» последовал сигнал — прекратить работы. Корабли, придерживая строй, направились к своему охранению, к островам. Однако напрасно командиры миноносцев, да и сам адмирал Лоцинский, стоявший на ходовом мостике транспорта, искали в снежной круговерти канонерскую лодку с крейсером, — они исчезли...

Адмирал с досадой сбросил на грудь бинокль, взял в руку мегафон и что-то крикнул «Стережущему», оказавшемуся с подветренной стороны, но, вероятно, не уверенный, что его толком услышали, приказал поднять еще и соответствующий сигнал. Сергееву предлагалось сбегать в Дальний, в порт, — у Лоцинского родилось предположение, что «Гиляк» и «Гайдамак», обеспокоенные за судьбу минного транспорта, покинули место randеву и первыми пустились на его поиски.

Действительно, в спокойной гавани Дальнего, огражденной длинным молом, стоял военный корабль.

— «Гайдамак!» — обрадовался Кудревич.

Но Головизнин, не отрывая бинокль от глаз, навел ясность:

— Да, очень похож. Тоже минный крейсер и по рождению — ровесник «Гайдамаку» — 1893 год, и скорость

двадцать восемь узлов, и пушки те же. Но увы,— это... «Всадник».

Портовые власти и крейсер на запрос Сергеева ответили одинаково: «Указанные корабли в Дальний не заходили».

С тем и вернулись к «Амуру».

Что же все-таки случилось с крейсером и канонеркой? — этот вопрос не давал покоя, кое у кого рождались вовсе скучные умозаключения:

— Экая прорва — Талиенванский залив: одни взрываются, другие пропадают. Минное болото!..

Тревожился и Лощинский. Несмотря на позднее время, он приказал миноносцам еще раз вернуться в район, где должны были находиться исчезнувшие корабли.

«Пусть говорят, что я ветрена бываю»,— мурлыкал Кудревич, вписывая при свете компасной лампочки в вахтенный журнал распоряжение адмирала, и продолжал прозой: — Ветрено — это ничего, было бы хуже по застывшему морю мазурку крутить.

Дальний хоть и находился всего лишь в сорока милях севернее Порт-Артура, но лед тут намного чаще покрывал бухту. Даже сейчас с брызгами до мостика долетало крошево выгнанного ветром из бухт берегового припая. Город появился на карте после сдачи Квантуна в аренду России. Если Порт-Артур уже побывал в роли базы Китайского Северного флота, то Дальний возводился, можно сказать, на голом месте. Возник он в качестве коммерческого порта. Всесильный министр финансов Витте, ратовавший за энергичное внедрение России в экономику края, за сотрудничество с Китаем, рассчитывал не столько на батареи, которые возводились на высотах Цзиньчжоусского перевалка, сколько на проложенные Россией через Маньчжурию железные дороги, а также на международную торговлю и кредит под контролем организованного им Русско-Китайского банка.

Дальний, связанный семнадцативерстовой веткой с железной дорогой на Порт-Артур, привлекал интернациональное население. Деловой центр города пестрил русскими и иностранными вывесками, в жилых кварталах смешивалась азиатская вычурность, ампиризм и готика. Улицы спускались к первоклассному порту с мастерскими, каменными причалами, складами, мощными кранами и железнодорожной колеей. Длинный мол огораживал

от бухты обширный внутренний «ковш», обеспечивавший спокойную стоянку судам.

Об этой желанной стоянке мечтали сейчас и на миноносцах, бороздивших в разных направлениях море восточнее Сан-Шан-тау. И хотя горизонт просветлел, силуэты «Гайдамака» и «Гиляка» не появлялись. Было решено возвращаться к «Амуру». Кудревич после замечания командира о разночтениях в показаниях компасов не покидал верхнюю палубу. Нахлобучив на лоб фуражку, он то справлялся о показаниях лага, то заставлял лишний раз бросить лот, чтобы свериться с отметками глубин на карте, словом, непрерывно занимался счислением. А когда проглянули первые звезды, вышел на мостик с секстантом и хронометром.

— Константин Владимирович, заканчивайте — Дальний по курсу, — пожалел мичмана Сергеев, показывая на светящиеся впереди створные огни — город продолжал жить по мирному времени, без затемнения.

В ожидании скорого отдыха у стенки порта кто-то предположил, что будет позволено на час-другой сойти на набережную, размяться. Но на берег отправился только адмирал Лощинский. Он спешил связаться со штабом эскадры. Ответ, полученный на его первый и главный вопрос о «Гиляке» и «Гайдамаке», был удручающим:

— Нам ничего о них не известно, они находились в вашем распоряжении.

И вновь возникли тревожные предположения, вызвавшие меры усиленной бдительности. Адмирал приказал миноносцам покинуть порт и оставаться всю ночь в боевом охранении. В бухту вели два прохода, разделенные рифовой банкой, — «Решительному» поручалась охрана северного, а «Стерегущему» — южного.

Эта ночь стоила штормования в открытом море. Двукратные приливно-отливные течения создавали в воротах гавани постоянную болтанку. Мотало так, что укачивало самых стойких. Свободные от вахты матросы, чтобы не выпасть из подвесных коек, вынуждены были привязываться к ним.

Не лучше и в офицерских каютах. С ударом на судне полуночной склянки Сергеев поднялся на палубу. Одновременно показался и лейтенант Головизнин, чтобы сменить Кудревича. Укутанная в длинный тулуп фигура мичмана маячила на мостике мешковатой массой. Тем разительнее

выглядел старший офицер. Даже франтовато закрученные вверх усы имели такой вид, будто их только что развернули из душистой бумаги. Головизнин жестом отказался от шубы, протянутой мичманом.

— И все же я оставляю вам сию вульгарную овчину, — возразил тот. — Станет холоднее — сейчас минус три по Цельсию, — попросите у нее тепла.

— Как была вахта? — спросил Сергеев мичмана.

— Миноносец ведет себя подобно разумному существу, чего нельзя сказать о море, — докладывал мичман, с трудом удерживаясь на кренящейся палубе. — Мы все время поперек зыбы. Люди не отдохнут.

«Если бы только это», — подумал Сергеев, продолжая гадать о потерявшихся кораблях.

«Пропавшие» обнаружались утром. Из Порт-Артура телеграфировали в Дальний о том, что «Гиляк» и «Гайдамак» благополучно ночевали на базе, вернулись поздним вечером, решив, что из-за поднявшейся метели то же самое сделали и «Амур» с миноносцами.

Взбешенный таким самоуправством Лоцинский потребовал немедленно вернуть корабли, но из штаба ответили: «Помощь в дальнейшей постановке мин вам окажет порт Дальний».

— По правде сказать, здесь полагалось быть не «Гиляку», а другой канонерке — «Корейцу». Вечная ему память, — меланхолично заметил Головизнин, когда зашла речь о неудачном диалоге Лоцинского.

— То есть? — не понял Сергеев.

— Штатное место «Гиляка» с начала года было определено в Чумульпо — стационаром. «Кореец» оказался там временно... Я служил перед тем на нем.

— Поистине, судьба, — согласился Сергеев, понимая, что Головизнин задумался о своих старых товарищах с канонерки. Где они сейчас? По наитию, перед Александром Семеновичем мимолетно предстал образ Руднева, о судьбе которого тоже ничего не было известно...

На «Амуре» взвился сигнал часовой готовности.

— Да нам пусть и пятиминутная, — самодовольно пробурчал Кудревич, пройдя взглядом от бака до кормы: пары на миноносце были подняты — всю ночь пришлось подра-

батывать машиной, опасаясь споса, все вахты на месте, вооружение в порядке, шлюпки закреплены по-штормовому. Для того, чтобы порадовать глаз начальства, он посоветовал «прибавить дыму» — над четырьмя трубами пахнули темные шапки.

Из-за мола показался паровой катер. Он тащил за собой вереницу разномастных шлюпок, напизанных одна за другой на буксирном тросе с вертлюгом. С головной шестерки, где находился какой-то портовый чин в форме офицера Доброфлота, посемафорили, что следуют к Сан-Шан-тао для разметки вехами линий будущего минного заграждения.

— Эти «сосиски» и есть обещанная помощь портовиков Дальнего?! — усомнился Кудревич, провожая взглядом шлюпочную связку.

Сомнения мичмана подтвердились очень скоро. Как только «Амур» вышел в залив, а миноносцы, проделав несложную циркуляцию, пристроились по бокам, впереди из-за островов вынырнула знакомая цепочка рабочего отряда. Судя по быстро сокращавшемуся расстоянию, по задрашным носам шлюпок, на буксирном катере выжимали из машины все, что могли.

«За Сан-Шан-тао японские миноносцы!» — объяснили флажным семафором причину возвращения отряда. Люди, сидевшие в шлюпках, жестами, обращенными назад, в море, и выкриками подтверждали опасность.

— «Решительному» и «Стережущему» проверить, — приказали через мегафон с «Амура».

Сергеев поставил рукоятки машинного телеграфа в положение «Самый полный вперед». Натруженно завывли вентиляторы, задрожал корпус корабля. И снова, как при осмотре бухт Кэр и Дин, миноносцы ринулись, рассекая крутую встречную волну. Миновали пролив, открылся горизонт. Линия его была чиста, только с правого борта, милях в пяти, маячила одинокая китайская джонка с высоким четырехугольным парусом.

— Не этот ли камышовый парус и приняли с испугу наши вояки за трубу миноносца? — предположил Кудревич и досадливо вздохнул.

Сергеев понял молодого офицера, рассчитывавшего, как и вчера, на встречу с противником, успокоил его:

— Наше главное свидание впереди...

— Только вот не мы его назначаем.

«Решительный», резко сбавив ход, поджидал напарника. Это было понятно по свободной позе командира, капитана II ранга Семенова. Когда «Стерегущий» поравнялся, он взял в руку мегафон:

— Интересно, что еще придумает для нас артурский Тотлебен? — доносилось до Сергеева.

«Каков критик? А о своем «Боярине» — ни слова», — неприязненно подумал Сергеев.

Семенов, не дождавшись ответа, перешел на официальный тон:

— Ваше мнение, лейтенант, о приснившихся портовикам вражеских миноносцах?

— Согласен с определением — «приснившихся».

— Есть! Так и доложим адмиралу.

При подходе к гавани миноносцы разминулись со «Всадником», покидавшим Дальний. За ним дымил на рейде «Амур», мористее которого играли на волнах, поднятых винтами крейсера, «сосиски» рабочей партии...

Лоцинский решил отказаться от помощи местных портовиков и возложил дополнительные обязанности опять-таки на команды миноносцев. Им двигало резонное соображение: чем меньше свидетелей постановки минных полей, тем надежнее их секретность. Сжимая сроки операции, он приказал командирам «Стерегающего» и «Решительного» подкрепить экипаж «Амура» минсрами, имеющими опыт.

Дел хватало для всех. Кормовые минные скаты на «Амуре» выглядели отполированными. По ним беспрерывно скользили на своих якорях с роликами металлические рогатые шары, снаряженные восемью пудами тротила. Сброшенные в воду, они уходили на заданную глубину вместе с якорями. Бывало так, что и выныривали. Тогда раздавался вопль сигнальщика:

— Плавающая мина — справа по борту!

С ходового мостика следовал отзыв:

— Стоп машина! Полный назад. Лево руля...

Тралить неудачные мины, отводить их в море и расстреливать тоже поручалось миноносцам. Но такое случалось очень редко, а постоянное дело — это «вехование», беготня между начальными и конечными точками полей для установки вешек — красных шестов с крестовинами и точное обозначение на карте засечками и пеленгами фарватера. И конечно же — разведка ближних вод, наблю-

дение за квадратом моря, где, как паровой утюг, со светящимися углями иллюминаторов, ходил взад-вперед «Амур». Его борта уже заметно поднялись над водой — минные погреба постепенно опрастывались.

Словом, дел на миноносцах хватало, отдыхали урывками, а начальник обороны адмирал Лощинский, казалось, вовсе не спал, не ел и не мерз, находясь все время на верхней палубе, на виду и на слуху: мощная фигура, зычный баритон, вылетающий из заросшего лохматой бородой и усами рта и примелькавшийся жест — после каждого разноса вытирать платком большую лысину и подкладку фуражки...

За миноносцами оставалась и задача ночного охранения. «Амур», как и прежде, ушел за мол, в «ковш», а они дежурили в бухте, правда, уже не в воротах, а на рейде, где были установлены для швартовки судов так называемые «бочки» — громадные металлические поплавок, соединенные с лежащими на грунте мертвыми якорями.

Сергеев, направляя миноносец к месту указанной ему стоянки, понимал, что на него обращены все глаза — по швартовке, тем более нестандартной, судят о мастерстве судовождения. «Бочки», как правило, предназначались для крупных кораблей, а штатная стоянка миноносца — кормой возле портовой стенки.

Вахтенный рулевой Архип Худяков, из архангельских поморов, тоже чувствовал себя как на экзаменах, боясь упустить какой-то знак командира, с напряженным вниманием следил за ним и за «бочкой», издали похожей на поворотный буй. Ее верхний, выдающийся над поверхностью моря, торец был обрамлен неровными ледяными наростами. В центре выделялась наглухо вделанная массивная серьга с металлической распоркой, от которой вниз, под воду уползала к мертвому якорю цепь — бридель. Вот к этой-то серьге и следовало наглухо привязаться на ночную стоянку.

«Главное, мимо не проскочить», — подумал Сергеев, оценивая на глаз расстояние и скорость хода «Стерегущего». Показал рукой рулевому взять чуть левее... Вот он, момент! — тот единственный: ручку телеграфа — на «стой», команда машине — «Задний ход» на самых малых оборотах.

Кажется, пронесло или наоборот вынесло. Вздых облегчения у командира, у сигнальщика, у рулевого, у замершего возле якорной лебедки Кудревича. Сергеев мысленно

всем говорил спасибо, даже шуге, притормозившей движение корабля. Ледовая масса, подпертая форштевнем, с хрустом взгромоздилась на «бочку», осыпая ее ломкими зеркалами льдинок, горкой покрывая серьгу — рым. Сдвинулась немного и сама «бочка», но тут же возвратилась на место под тяжестью и натяжением бриделя...

— А что, господа, не выпить ли нам теперь по стакану свежего чая? — предложил Сергеев.

— С удовольствием... Не возражаю,— в один голос отозвались мичман с механиком.

— Ну а вам прикажем подать на мостик,— сказал командир старшему офицеру, которого подменял во время швартовки.— Распорядитесь о чарке для команды.

Головизнин, тронутый вниманием, поблагодарил.

После холода и сырости в ярко освещенной кают-компании было по-домашнему уютно: попискивал самовар, подвешенный в специальном гнезде возле буфера — он подогревался котельным паром,— приветливо отщелкивали секунды круглые морские часы над дверью, манила присесть оранжевая, слегка примятая кожа дивана; на белой скатерти в узорной тарелке лежали горкой ломти ржаного хлеба, рядом — масленка с куском бледно-желтого сливочного масла и сахарница с колотым рафинадом. Все сияло: золотом — бока самовара, матовым блеском — диван, никелем — часы, снежными блестками — туго накрахмаленная скатерть; синие искры испускал свежесколотый сахар. Все радовало, вопреки нагнетавшейся за темно-матовым стеклом иллюминатора забортной промозглой хляби.

Вестовой подал в тяжелых мельхиоровых подстаканниках дымившийся крепко заваренный чай.

— Слава Доброфлоту! Хочется верить, что он, и верно, создан ради подвоза шанхайского чая,— произнес Кудревич, вдыхая аромат и тепло живительной жидкости.

Вытягивая губы трубочкой, делая глубокие вздохи, отпивал маленькими глотками инженер-механик. Его широкие скулы порозовели; после машинного отделения он, пожалуй, не столько согревался, сколько очищал легкие от масляной и угольной гари. Наслаждался чаепитием и Сергеев, испытывая успокоенность после хорошо проделанной работы.

Сколько же минут длилось это молчаливое благоденствие — пять, семь?.. В дверях появился матрос.

— Ваше благородие,— обратился он к командиру,— их благородие капитан II ранга Семенов просит вас прибыть к нему на борт «Решительного».

Во время минирования, пока миноносцы находились по соседству, да и сейчас они стояли в кабельтове друг от друга,— их командиры присмотрелись друг к другу. Со стороны Сергеева, все еще остававшегося под впечатлением истории с «Боярином», с его нелепым самоутоплением, желания сблизиться не проявлялось, но он помнил, что капитан II ранга Семенов был назначен старшим в их паре, то есть являлся временным начальником.

Семенов встретил командира «Стережущего» очень дружелюбно, сразу же провел его в кают-компанию. Сергеев как будто пересел с места на место, всего лишь передвинулся ближе к иллюминатору — настолько кают-компания «Стережущего» и «Решительного» были похожи. Разница в мелочах: скатерть не столь проглажена, колода карт на выступе буфета, тяжелая бронзовая щельница с окурками.

— Александр Семенович, у меня к вам ничего официального. Работаем, так сказать, в одной упряжке двое суток, а не имели и часу словом перекинуться... Впрочем, я-то с самого приезда в Порт-Артур пахожусь вне нормальной ситуации,— Семенов, перехватив критический взгляд гостя, удивленного таким признанием продолжил: — 16-го января я выехал из Петербурга в должности старшего офицера «Боярина», а 31-го уже оказался разжалованным. Понимаете?..

Нет, Сергеев ничего не понял. Семенов пояснил:

— Как раз в последний день января мой курьерский с полуторасуточным опозданием подъезжал сюда, к Дальнему. Торчим на станции лишний час и вдруг слышим залпы. Что за черт?! Вместе с другими выскакиваю на вокзал. Красная фуражка поясняет: «Господа пассажиры, не волнуйтесь, это салют — хоронят погибших моряков с «Боярина» — подорвался на mine...»... Вмешиваюсь: «Как так подорвался? Я старший офицер «Боярина!» То есть несу очевидную чепуху: кто, мол, позволил без моего ведома крейсер топить? Естественно, железнодорожник на мой пассаж — ноль внимания... Таким вот образом я по прибытии в Артур оказался невестой без места. Тут-то и подвернулся «Решительный» — срочно командир на него потребовался. В штабе всю процедуру назначения вместо трех дней в три часа провернули.

— А бывший командир — Корнильев?

— Внезапное воспаление легких... Я зашел к нему, хотел поговорить, подписать документы. Смотрю, а он весь горит. Жена так на меня взглянула, что пришлось немедленно ретироваться... Очень жаль, хороший офицер, мы знакомы по Владивостоку.

— Мы с Корнильевым одного выпуска — 1884 года.

— Да?! Ну годы восьмидесятые — не из лучших. Как пишут пынчэ литераторы: «Те самые восьмидесятые, что легли на всю русскую землю непроницаемой тучей, давя всякое живое проявление личности». И верно, легли на нас, моряков, например, хотя бы глупейшим «цепзом», при котором главным качеством для выдвижения по службе стала покорность и нетронутость мозгов..

— Не столь уж безнадежно,— Сергеев улыбнулся, у него отлегло от сердца, когда он узнал, что Семенов не причастен к некрасивой истории с «Боярином».— В особенности касательно мозгов. Мозг, который сейчас ждут на эскадре, тоже ведь из тех лет.

— Вы о Макарове?.. Нет, он из многообещавших шестидесятых... Кстати сказать, мою просьбу — отпустить в Порт-Артур Степан Осипович вначале принял в штыки, хотя на его возражение — «Все там будем», я понял, что он и сам о том же думает. Даже суровый Рождественский, когда я зашел к нему в генштаб за приказом, после официальных фраз добавил в мажоре: «Желаю счастливого пути. Думаю, к первым выстрелам и я поспею»...

— Семью в Кронштадте оставили?

— Увы, холост. На Дальнем Востоке, где прослужил семнадцать лет, жену не нашел, а когда оказался в Кронштадте при Макарове, то уж стало не до жёнитьбы: если адмирал не досыпает, то его адъютант подавно,— Семенов громко рассмеялся.— Со Степаном Осиповичем жепишься...

В прошлом году провожали на Дальний Восток отряд контр-адмирала Штакельберга — семь кораблей во главе с «Ретвизаном». И «Боярина», кстати сказать, с ними. Погода была, скажу вам, хуже некуда — снег, ветер, волнение до семи баллов. Макаров все-таки отправился на рейд, чтобы проводить отряд. Портовое начальство — деться некуда — тоже взлошло на адмиральский катер, нервничает. В самом деле, и залить может и опрокинуть. Едва дотянули до «Ретвизана». А тут начался балет! У меня в голове одно —

только бы с броненосцем не поцеловаться... Сопровождавшие Макарова советы подают в смысле, что можно и через мегафон пожелать счастливого плавания. Но адмирал словно не слышит, дает одну команду за другой для очередного захода катера. И выбрал-таки мгновение, когда волна подняла нас к трапу — ринулся, как гардемарин! Я, понятно, за ним. Только и мелькнуло в голове: «Прощай, Владимир Иванович». Но успел уцепиться за мокрую блясину, обнял ее, как мать родную. Волна лизнула нас в спину, а те, кто оставался на катере, сделали ручкой...

Когда Степан Осипович оказался на палубе «Ретвизана», то по энтузиазму нельзя было понять — он явился провожать эскадру или эскадра его встречала... А теперь вот смелый прыжок сюда, в Порт-Артур...

Семнов на глазах Сергеева менялся: исчез улыбчивый говорун, приятно округлой наружности и, как из кокона, выглянул совсем другой человек, который начал ему нравиться. Долго молчать, превращая беседу в монолог, казалось целовко, поэтому Сергеев заметил, что подобное рискованное путешествие в шторм на катере адмирал проделал и в Пирее, причем не в рейдовых условиях, а в открытом море, спеша на помощь крейсеру «Владимир Мономах».

— Вот как?! Я и не знал этой истории. Ну что же, Александр Семенович, рад ближе с вами познакомиться, и должен сказать, что мне было приятно с вами работать.

— Взаимно, Владимир Иванович. Тем более, что я впервые в здешних водах, учусь у вас.

— Ну вот мы и похвалили друг друга, а то когда дожدهшься от высокого начальства,— Семенов поднялся.

* * *

...7-го февраля, после 16 часов, отряд адмирала Лоцинского покинул Дальний — работы по минированию были закончены. И погода прояснилась: корабли провожала сверкающая свежим снежком конусная вершина все той же далекой сопки со странным названием — Сампсон. К сумеркам корабли уже вошли в Порт-Артурскую внутреннюю гавань. Миноносцы швартовались возле угольного склада, под Золотой горой, попросив разрешения пополниться топливом. Когда люки угольных ям были приготовлены, налажены сходни и грузовые стрелы, внимание

Сергеева привлек уже знакомый штабной катер, который проследовал к «Решительному». Стоявший на нем очень полный офицер в звании капитана II ранга попросил вахтенного офицера вызвать командира.

— Как я понимаю, вы — Семенов?— спросил толстяк из катера, и на ответный кивок, продолжал: — Я Боссе, назначен командиром на «Решительный».

— Не понимаю...

— Вот приказ. Вы же, как я слышал в штабе заместника, переводитесь на крейсер «Ангара» старшим офицером.

— На «Ангару»?!— воскликнул Семенов.

Сергеев, оказавшийся невольным свидетелем еще одной смены командования на «Решительном», тоже удивился новости.

Семенов, ознакомившись с приказом, который Боссе передал ему из катера, прошелся взад-вперед вдоль лееров. Пожевав губами, как будто проглатывая неудобоваримое, спросил:

— Прикажете сейчас сдать корабль?

— Нет, зачем же. Как я понимаю, вы прибыли сюда...

Семенов перебил:

— Прибыл пополниться топливом, водой, затем перейти к мастерским, чтобы успеть кое-что подтянуть за ночь. К восьми утра рассчитывал снова быть в полной готовности. Теперь, полагаю, этим должны заняться уже вы. Прошу подняться на борт.

Боссе, смешавшись от такого напора, молвил просительно:

— По правде говоря, я не рассчитывал сейчас, то есть немедленно. Тем более, на ночь глядя, переходить с одного причала на другой... Не откажите в дружеской услуге — завершите погрузку угля и поставьте минопосец на штатное место. Я только сегодня прибыл в Порт-Артур, надо исполнить кое-какие житейские дела. К утру буду к вашим услугам. Все и оформим.

— Хорошо, жду вас с подъемом флага.

Пока происходил этот странный разговор, будущий командир «Решительного» оставался в катере, а офицеры обоих миноносцев молча переглядывались, не понимая причину столь скорой смены начальства. Недоумевали и матросы, замедлив переправку мешков с углем с берега на борт.

Случай на дежурстве

За три недели пребывания в Порт-Артуре Александру Семеничу никак не удавалось поговорить с братом, тем более, выбрать час-два, чтобы еще раз встретиться у него дома — не хватало времени. Миноносец — это бесконечная утомительная и, зачастую, опасная работа: ночью дежурство в море или ближняя разведка, днем постановка миин или «прополка» от них же фарватеров и рейда в составе тралящего каравана. Это и обеспечение артиллерийских стрельб, доставка туда наблюдателей, буксировка щитов, вылавливание учебных торпед и уж, так сказать, между делом, отработка собственного босвого расписания.

И еще одна докучливая работа — ремонт: то котлов, то машины, то корпуса... Линейные корабли — аристократы в бронированных фраках исполняли учебные задачи прямо на месте, на рейде, что поощрялось столичным начальством, категорически предписывающим беречь топливо. Таким «аристократом» — «Палладой» был сейчас занят и единственный док. В крейсере латалась в левом борту, между 68-м и 75-м шпангоутами, обширная пробоина (три сажени в длину и две в высоту), полученная в злосчастную ночь с 26-го на 27-е января. Размещенные ранее в доке пять неисправных миноносцев были выведены к причалам главных портовых мастерских.

С минувшей ночи к этой скучной флотилии вынужден был присоединиться и «Стерегущий», но остался возле отрядного ширса на Тигровом полуострове, непрерывно откачивая воду. Течь обнаружилась в кормовом трюме, — подвело уплотнительное устройство в дейдвудной трубе, через которую проходит гребной вал. Можно было попробовать устранить неисправность и без дока, с помощью водолазов, то есть не осушая корму, но, как пояснили в управлении порта, они все до единого заняты срочными работами на «Ретвизане».

— Да не все, — возразил Юрасовский, встретившись с Сергеевым в порту, и дал совет: — Я точно знаю, что водолаз имеется в мастерских Невского завода. Поговори с начальником. Он — человек настроения, вдруг и посочувствует.

В Порт-Артурской эскадре числилось 27 миноносцев. Не так уж мало, но половина их чуть ли не постоянно находилась в ремонте. День и ночь были заняты ими и мастерские Невского завода, хотя возникли они только с целью сборки «невок», доставляемых сюда, как правило, по железной дороге.

Мастерские, имевшие при себе небольшую верфь и эллинг, располагались на Тигровке, по соседству с мишным городком. Возглавлял их инженер Иван Иванович Филиппиус. На Дальнем Востоке он оказался по семейной традиции: его дядя в 80-х годах являлся правительственным агентом по снабжению провиантом северо-восточных окраин империи и членом американской компании «Гутчисон, Коль и Филиппиус». От имени компании он производил меновую торговлю с коряками, чукчами, эвенками, эскимосами и прочими инородцами, проживавшими на берегах Охотского и Берингова морей. Получалось, что агент действовал по поговорке — «Умный теленок двух маток сосет». И так «сосал», что после его смерти в 1889 году только за жителями Охотско-Камчатского края, рыбаками и охотниками, числилось по учетным книгам компании полмиллиона рублей долга.

Появление одного из младших Филиппиусов в Порт-Артуре кое-кому из дальневосточных коммерсантов показалось попыткой фирмы внедриться еще и в Южную Маньчжурию. Однако сам Иван Иванович, согласившись стать представителем Невского судостроительного завода, вскоре понял, что взвалил на себя безрадостную и неблагоприятную пошу, находился в постоянном конфликте то с железной дорогой, доставлявшей миноносцы на сборку в полуразбитом состоянии, то с эскадрой, то с портом. Поэтому и просьбу командира «Стерегущего» — помочь с ремонтом корабля — встретил в штыки.

— Слышали, Михаил Петрович,— обратился Филиппиус к сидевшему в кабинете бородавтому мужчине в очках-пенсне.— Я, оказывается, обязан всем: вам, к примеру, строить подводную лодку...

— Нет, нет, вы меня не поняли,— возразил бородастый.— Я прошу всего лишь содействия. Предоставьте мне небольшую площадку возле эллинга и позвольте пользоваться свободными станками,— проситель, встав, слегка поклонился лейтенанту: — Налетов, техник путей сообщения.

Профессиональную принадлежность посетителя к транспорту Сергеев уже успел отметить по висевшей на вешалке форменной фуражке с молоточками на бархатном околыше, но после сказанного Филиппиусом изумился: какая может быть связь между железнодорожником и подводной лодкой?!

— Что у вас имеется, не считая чертежей и энтузиазма? — продолжал начальник мастерских, обращаясь к Налетову.

— Порт согласился дать металл для корпуса, мастерских предоставляет «Пересвет». Нашлись матросы-добровольцы.

— Ну а я, то есть Невский завод, разумеется, тоже добровольно, обязан предоставить верфь, как, впрочем, и помогать в ремонте только что собранных на этой же верфи миноносцев, — продолжал возмущаться Филиппиус, обращаясь уже к Сергееву. — «Стережущий» когда вошел в эскадру?

— 24 сентября минувшего года.

— По приказу наместника, — Филиппиус назидательно поднял палец.

— Миноносец совсем новый. Если бы у него разошлись швы, по которым мы склепывали корпус, то вашу претензию, господин лейтенант, можно было понять. Но неисправность в дейдвуде — это результат недосмотра механиков. Такое повреждение для меня, простите, не звучит...

— Что вы? Еще как звучит, просто вопист о вчсрашнем дне в восшном кораблестроении, — саркастически возразил Александр Семепович, вспомнив характеристику «невки», данную Крыловым. Не желая следовать раздражительности инженера с греческой фамилией и русским именем-отчеством, добавил: — Нам всего-то и требуется водолаз на час-два.

— Что значит, на час-два?

— Если наше предположение о сработанности уплотнителя подтвердится, то на его замену, а значит и на ликвидацию течи, понадобится два или три часа. Если же выяснится что-то другое, более сложное, тогда миноносец встанет в очередь на ремонт к главным мастерским.

Филиппиус уже столько понаслышался от моряков всякого из-за недоброкачества «невок», что оценил скромность просьбы лейтенанта, высказанной к тому же спокойно, без малейшей претензии к мастерским. Это был

хороший повод проявить добрую волю на случай нового спора с начальником порта контр-адмиралом Гресе, постоянно обвинявшим Невский завод и его сборочный филиал в Артуре в полном якобы равнодушии к боевой службе спускаемых ими судов.

— Хорошо, я готов помочь,— продолжал важничать Филиппиус.— Но только при условии, что порт письменно подтвердит вашу просьбу.

— Безусловно подтвердит. Это в его интересах.

— В таком случае завтра в восемь утра милости прошу к нашему шалашу, то бишь, к правому пирсу... А вот как быть с вами? — Филиппиус, давая понять офицеру, что разговор закончен, повернулся к посетителю в пенсне.— Просто не знаю, не знаю.

Тот взялся энергично мотивировать:

— Судовые механизмы для лодки уже отгружены из Дальнего. Мне удалось там кое-что сделать...

Возвращаясь каменистой дорогой к отрядной базе, Сергеев издали узнал высокий голос командира «Страшного». Юрасовский оживленно и громко разговаривал с человеком в партикулярном платье, с тросточкой.

Он хотел обойти беседовавших, но его окликнули. Оглянулся и штатский, приподнял фуражку, пошел навстречу.

«Ба, да это же инженер Козловский! — удивился Сергеев, искренне обрадовавшись встрече.

— Вот уж воистину неожиданность,— говорил он, оглядывая земляка. Превосходно сшитое пальто с бобровым воротником-шалью, тросточка придавали тому барствепный вид.

— Наоборот, закономерность: прибыл из Харбина для учета подвижного состава в районе Квантуна.

— В Артуре подвижна только миноносная флотилия,— возразил Юрасовский.— Что касается железной дороги, то ваши молодцы ухитрились оставить город даже без нормального вокзала. Это конечную-то станцию железной дороги?!

— Если формально, Константин Константинович, то конечной станцией считается все-таки не Порт-Артур, а Дальний, где имеется и вокзал и депо,— возразил инженер.— Я только вчера оттуда... Впрочем, и ваше морское «депо» тоже желает лучшего,— возразил Козловский, окинув взглядом береговой участок базы: мостки с поручнями,

возле которых справа и слева располагалось с десятков «невок» с заведенными перекрестьями швартовых тросов; далее по линии берега — ряд забитых в дно бухты железных шпунтов; кое-где незаконченная каменная кладка причальной стенки; тут же теснились баржи — «грязнухи» для отвоза грунта, землесчерпалка и рядом с ней — большой плавкран с треугольником железных опор, с макушки которого свешивался блок.

— Благодарю за совет, Константин Константинович, — негромко сказал Сергеев Юрасовскому. — С Филиппиусом договорился. Завтра утром определимся с ремонтом.

— У меня тоже кое-что подтягивают. Жизнь, она научит и пальцем гайки заворачивать.

Инженер рассмеялся.

— Разумеется, когда нет нужного ключа в инструментари. — Почувствовав, что шутка может показаться обидной, он пояснил: — Я только вчера в этом убедился на артурской дистанции пути, весь околоток проехал на дрезине. И к вечеру не смог вырваться, чтобы вас повидать.

— Зато сегодня можем провести час-другой вместе! — воскликнул Юрасовский. — Где желаете: в «Звездочке», в «Саратове», в «Варьете»? — перечислял он артурские рестораны.

— Пропну прощения, господа, оставлю вас на минуту, — Сергеев направился к башнеподобному зданию с ограждением на плоской круглой крыше. В нем находилось помещение дежурного по отряду, небольшая казарма для караула и отрядная гауптвахта.

— Возникло еще одно предложение, — сказал Александр Семенович, вернувшись от дежурного. — Я только что переговорил по телефону со своим братом. Он завтра собирается в Бицзыво, а сегодня приглашает нас всех на обед. К себе домой.

— Нахожу это предложение превосходным, — не колеблясь, согласился Юрасовский.

— Удобно ли? — усомнился Козловский. — Незванный татарин...

— Брат пригласил меня «со товарищи», — уточнил Александр Семенович, выжидательно глядя на инженера.

— Ну если так, — Козловский развел руками. В душе ему очень хотелось взглянуть на старшего брата Александра Семеновича, о котором он слышал в Курске как о человеке очень своенравном, совершившем к тому же мезальянс.

Окончательно договорившись, Сергей предупредил брата, что отправляются катером в Новый город, зайдут к нему в управление.

— До прихода рейсового катера остается еще двадцать минут,— Сергей посмотрел на часы.— Мне необходимо отдать кое-какие распоряжения старшему офицеру. Не обессудьте, снова покину вас.

— Не обессудим, подождем,— согласился Юрасовский и, глядя в спину удалявшегося к причалу товарища, заметил: — На «Стерегущий» вам, Адам Иосифович, все равно нельзя — КВЖД может лишиться инженера. А если говорить серьезно, то аварии нас замучили, истинные союзники врага.

* * *

...Все неприятное происходит неожиданно, а несчастные случаи на море — чаще ночью. Так получилось и со «Стерегущим». Миноносец дежурил в бухте Тахэ, выполнял, можно сказать, обычную рутинную задачу. После полуночи подвалила еще одна, непредвиденная, связанная с бедствием, случившимся с минным катером, который тоже дежурил, но в южной части этой обширной бухты.

С первых дней войны начальник эскадры обязал каждый линейный корабль выделять поочередно в помощь миноносцам свои минные катера. Их выставляли по два, по три неподалеку от входа в Порт-Артурскую гавань, чаще под батареей на Тигровом полуострове, а также посылали в ближние разведки по обе стороны Квантуна: на юго-запад — до Голубиной бухты, а на северо-восток — до Тахэ. Почему? Потому что эти бухты, невидимые для наблюдателей с Золотой горы, имели пологие берега, удобные для высадки войск. Начиная со времени первой миноносной атаки японцев, артурскому начальству буквально мерещились вражеские десанты на крепость.

Катер в Тахэ был наряжен с броненосца «Севастополь». На место он пришел позже «Стерегущего» и занял позицию под Сигнальной горкой, вершина которой выделялась китайской кумирней. С наступлением темноты ориентиром стал кружащийся на юго-западе луч прожектора тяжелой батареи № 22.

«Стерегущий» крейсировал мористее и севернее, держась траверза другой горы — Сягоушан, спускавшейся

восточным склоном к самому морю. В глубине суши выделялась еще одна заметная сопка — Орлиное гнездо с фортом. В отличие от катера, которому предписывалось ночью стоять на дреке, то есть на складном четырехрогом якоре, чуть придерживая пары, миноносец постоянно передвигался от острова к острову, от бухты к бухте, временами удаляясь в открытое море.

Так продолжалось до полуночи, до смены вахты. Рулевой Архип Худяков, заступая у штурвала на место Михаила Шимраева, своего погодка и земляка по Архангельской губернии, услышав от него положенное по службе уведомление — «Курс 70 градусов сдал», ответил — «Курс 70 градусов принял» — и положил руки на теплые, согретые ладонями товарища, деревянные рукоятки штурвала. Крепко сжав зубы, матрос проглотил зевоту (не выпался — на корабле не хватало сигнальчиков и рулевых, поэтому приходилось сменяться чаще обычного), и в то же мгновение с юга в глаза ударили одна за другой вспышки — короткие, длинные, то есть точки и тире.

Световой телеграф Худяков освоил давно, но в штатные сигнальщики не вышел: нормально ведя передачу, он очень медленно «читал кютик», то есть затруднялся связывать знаки азбуки Морзе в слова. А сейчас вдруг в голове у него как будто прояснилось, в мозгу отпечаталось: «Терплю бедствие. Прошу оказать помощь». Худякову даже показалось, что сигнальщик промедлил с извещением и он оглянулся на командира, тут же услышал его голос:

- Вправо на пятнадцать.
- Есть вправо на пятнадцать.
- Так держать,

Перемену курса «Стерегающего» заметили на катере и оттуда просверкала уже целая депши с пояснением о случившемся. Оказалось, что на винт суденышка намотало водорослей, оно потеряло ход. Пока пытались очистить, начался отлив, катер затянуло в камни и осушило.

- Передайте: «Идем на помощь. Держитесь».

Юго-восточная часть бухты Тахэ мелководна, вода уходит от берега на две мили. Поэтому миноносец, спеша навстречу сигнальным огням, соблюдал меры предосторожности, непрерывно измеряя глубину. Не только вперёдсмотрящий, а вся палубная вахта до рези в глазах вглядывалась в провалы между волнами, выискивая опасность.

— Одиннадцать футов! — тревожно прозвучал голос лотового.

Каждый прикинул: осадка «Стерегущего» 8 футов и 3 дюйма.

— Не начнись война, сейчас бы лаг накручивал для меня последние мили срочной службы,— пожалел себя Василий Новиков, хозяин трюмных отсеков. Он вспомнил свою Павловку на Дону, светлые дубовые леса, родное поле...

Его смешилка, тоже трюмный, сибиряк Алексей Булдаков, поддакнул, но по-своему:

— Ежели вернусь живым в Томск, то поселюсь так, чтобы подальше и от реки — до того вода надоела.

— Тебе что, ты ж из Каинового уезда,— не удержался от шпильки Новиков.

— Не Каинового, а Каинского. У нас почти вся заимка из ссыльных поселенцев, из бывших варнаков.

— В море свои варнаки. Я еще вчера заметил касаток — шли по борту. Так и подумал: черт их привязал, беду кличут...

Диалог трюмных прервало приказание командира:

— Прожектор на левую!

Кружков развернул зеркало,— сноп света уперся в скалистый берег, пробежал по впадинам, по морю и перехватил зажатый, как в щипцах, между двух плоских камней, минный катер. Волны приподнимали, захлестывали углый остов, обтекали полукруглую будку с трубой машинного отделения. Темные фигурки людей на катере, кланяясь, отливали ковшами, ведрами, котелками, словом, чем попало, набиравшуюся внутрь воду.

Сергеев понимал, что оказывая помощь при столь малых глубинах, он рискует — бедствие катера может рикошетом обернуться для «Стерегущего», и даже поймал себя на мысли, что прикидывает, как следует действовать собственному экипажу в случае посадки миноносца на камни: долг и здравый смысл словно шагнули навстречу друг другу, приветствуя, отдали честь и, не мешкая, занялись общим, обязательным делом.

— Еще пятнадцать вправо,— сказал Сергеев рулевому и тут же в машинное — «Стоп!». Николай Семенович,— обратился он к старшему офицеру,— готовьте шлюпку, буксир.

— Свистать дежурных гребцов... Вельбот к спуску!

Кудревич, который в рубке занимался исполнительной прокладкой, поднялся на мостик, попросил назначить его на шлюпку.

— Добро! Начальником операции,— согласился Сергеев, не желая гасить порыв молодого офицера.

...Скрип талей на рострах, а затем уже под бортом, грохот разбираемых весел и доклад на мостик о готовности.

Вельбот, взлетая на гребнях, держась световой дорожки, вычерченной лучом прожектора, направился к катеру. Скрипели уключины, в крепких руках выгибались весла. У загребных — Осинина и Новикова-квартирмейстера под бушлатами при каждом движении заметно набухали бицепсы.

В корме катера, где на вертикальной обшивке уже различалась флюгарка — рисованный знак, свидетельствующий о его принадлежности «Севастополю», струдилась команда, темная людская масса с серо-синими пятнами лиц.

Мичман двинул румпелем — и шлюпка, привязавшись к волне, прошла вместе с ней к самому катеру.

— Табань! — закричал он. — Приготовить выброску.

Еще маневр — и терпящие бедствие поймали поданный с вельбота трос.

Командир катера, тоже мичман, радуясь помощи и испытывая вину за положение, в котором оказалось введенное ему судно, сообщил на миноносец, что концы заведены. Но он поспешил с докладом о готовности к буксировке: изначальные пробы стянуть катер с мели оказались безуспешными — щель не выпускала жертву. Сильнее дернуть — опасно, можно разорвать корпус, опасно и креновать — раскачивать.

— А если косым рывком? — предложил Головизнин.

— Попробуем и косым,— согласился Сергеев.— Чтобы помягче, прикажите удлинить перлинь.

На этот раз ожидала удача — вызволили катер, увели от камней. Мичман заявил спасателям, что отдает буксир и запускает машину. Но на первых же минутах выяснилось, что самостоятельное движение выглядит явно ненормальным — дерганым, порывистым.

Анастасов, пожалев суетившихся катерников, попросил Сергеева:

— Позвольте мне самому взглянуть, что у них там с машиной?

— Разумеется.

Миноносец снова повернул к катеру, который клало то на один, то на другой борт.

— Выхожу на встер,— предупредил через мегафон Сергеев.— Валитесь на нас.

Катер, огражденный секундным затишьем, принял на руки прыгнувшего вниз механика.

— Будет порядок,— подбадривал с бака Бухарев.— Наш инженер — во! — он поднял большой палец.

Настроение катерников повысилось и то, что близилось утро. Вершины Орлиной и Сяогушаня иссиня порозовели от встававшего из моря солнца, здесь, в Тахэ, правда, еще невидимого.

У Анастасова, вероятно, имелись предположения — он сразу же направился в корму катера и, перекинувшись через транцевую стенку, стал всматриваться вниз, в гребной винт.

— Винт чист, я сам проверял,— обидчиво пояснил командир катера.— Всю «лапшу» из водорослей сняли.

— Чист-то чист,— согласился механик, распрямляясь,— только лопасти погнуты, а одна, по-моему, даже малость срезана.

— Это что же, теперь нам на узде до самого Артура? — протянул мичман, представляя картину своего входа в гавань на буксире.

— Почему же? Поищем подходящий режим. Глядишь, и потянет. Прикажете-ка для начала вашему машинисту дать средние обороты.

Снова запыхтела машина, катер стал набирать ход, но на среднем опять задержался.

— Попробуйте снизить до малого... Теперь до самого малого.

Движение судна выровнялось.

— Вот так, господин мичман. «Шаг» вашего искалеченного винта таков, что «самый малый» пока считайте своим крейсерским ходом. Слава богу, до Артура не столь уж далеко, дотянете. Если что, окажем помощь.

Как бы в подтверждение сказанному, на миноносце, на поручнях мостика, вывесили флажной сигнал — «Следуйте за мной». Сергеев, оценивая маневры катера и пробы хода, тоже пришел к выводу, что тот может обойтись без буксира. Но внушало опасение начавшееся приливное течение, уж очень здесь быстрое. При таком дрейфе удержаться на курсе легкому суденышку да еще с ничтожной скоростью чрезвычайно трудно, может опять снести на

камни. Чтобы подстраховать катер, Сергеев и приказал вывесить сигнал.

Море учит: «Чувствуй себя ближе к опасности», а если перевести на сухопутный лад: «Береженого бог бережет». Только покинув зону прибрежных вод, и убедившись, что катер держится уверенно, Сергеев снял с него инженер-механика и предоставил свободу.

Едва голова Анастасова показалась над бортом, как из горловины кормового люка миноносца выскочил, как будто собираясь встречать начальство, трюмный Новиков, и с хриплым придыханием доложил:

— Ваше благородие, в дейдвудном отсеке вода. Течь где-то, ниже ватерлинии, видимо.

— Так все-таки видимо или нет? — спросил механик и, не дожидаясь ответа, повторил доклад трюмного командирю, добавив: — Сейчас проверю.

Занятая чужой бедой, команда чуть расслабилась и уж, конечно, никак не ожидала от стихии такого рода благодарности. Действительно, вода в трюме плескалась у самой дейдвудной трубы, через которую проходит гребной вал с системами защиты, смазки и охлаждения.

Анастасов приказал включить насос и, постукивая по переборке, пытался определить, не затопило ли соседний отсек. Но беглый осмотр ничего не дал. Уровень воды не падал, то есть насос успевал перегонять за борт почти столько же воды, сколько ее поступало.

В чем же причина — ослабли заклепки, проржавел свищ, появилась трещина?.. Остановили машину, принялись искать повреждение: по правому борту передвигались в сторону носа, по левому — в противоположном направлении. Плюхаясь, шаря руками, моряки проверяли каждый выступ, выемку, трубу — все встречное.

— Вот она, милая! — раздалось, наконец, возле кормовой стенки. Красильников, присев, пытался ладонью поймать ледяную струю, бившую у самого валопровода, у его выхода наружу к гребному винту, — на темной поверхности как будто пульсировал родник.

Подобрался и Осиин. Попросил:

— Нацель-ка мою руку — у меня длиннее.

— Тут не рука нужна, а куделя или резина... Да пригнись ты, дьлда!

— И так уж в три погибели.

— Давай в четыре.

Инженер-механик, подсвечивая фонарем, тоже потрогал втулку и сделал скучный вывод:

- Скорее всего сработался сальниковый уплотнитель.
- А если прижать сальник? — предложил Бухарев.
- Бесполезно — подтянут до отказа.
- Значит сменять втулку?
- Разберемся в порту, в доке.

Доложив командиру о повреждении, Анастасов заверил его, что до Артура «Стерегущий» дойдет — вода более не прибывает. Но идти придется с включенными насосами.

...Вот почему Сергеев, ступив на сходню, перекинутую к миноносцу, и откозыряв флагу, сразу обратил внимание на отсутствие характерного перестука водоотливной помпы, хотя ее шланг был размотан, змеился по палубе за борт.

Дежурный по кораблю Кудревич предупредил вопрос командира:

- Течь устранена, отсек осушен.

Оказалось, пока Сергеев вел переговоры с портом и с Филиппиусом, Анастасов решил попробовать справиться с аварией своими силами. Почему бы, подумал он, не обнять вал дополнительным сальником? Поделить идею он зашел на «Страшный» к инженер-механику Дмитриеву, человеку старше и опытнее его.

— Пожалуй, если сработать технично,— согласился тот и, не ограничившись одобрением, обвязался поясом, с которого свешивалось множество разных слесарных инструментов (Анастасов подумал, что и ему надо бы занять такой же),— сам полез в трюм и принял живейшее участие в сооружении временного уплотнителя и в прилаживании его к втулке дейдвуда.

Окончание операции промокшие и продрогшие инженер-механики завершили чаепитием с ромом, предупреждая тем самым простуду и укрепляя дружественные отношения.

Дмитриев перед уходом с миноносца, желая сказать молодому коллеге приятное, похвалил увиденную им на стене каюты выписку из циркуляра морского технического комитета: «Никакая инструкция не может перечислить всех обязанностей должностных лиц. А потому господа инженеры должны проявлять инициативу и, руководствуясь своими знаниями, с пользой для дела прилагать все силы для оправдания своего назначения».

- Наше назначение — чтобы все на судне крутилось.
- И всю жизнь находиться ниже ватерлинии.

— Лишь бы не ниже человеческого достоинства,— возразил Дмитриев, задумчиво глядя через иллюминатор на бухту.

Сергеев, выслушав Анастасова, одобрил его действия. Радовало и то, что день складывался удачно: и договоренность о ремонте с начальником мастерских, и сметка и мастерство инженер-механика, и приезд доброго знакомого по Курску — Козловского, и выпавшие два-три часа свободного времени, чтобы повидаться с братом. Так раздумывая, лейтенант оглянулся на торчавшие вдоль пирса мачты, принадлежавшие «невкам», столь похожим и все-таки разным.

«Стерегущий» и «Страшный», с появлением на них новых командиров, тоже приобрели особые черты: первый как бы посolidнел, потяжелел — Сергеев всегда старался иметь на корабле полный запас топлива и воды, также и припасов — боевых и провиантских,— швартовался и разворачивался спокойно; зато «Страшный» стал отличаться в движении щучьей стремительностью, как будто даже вытянулся. Азартен был Юрасовский — на его миноносце чаще и резче звучали свистки квартирмейстеров, громче — офицерские команды. Правильно говорят: корабль не только характером, но и лицом похож на своего командира.

Дружба Сергеева и Юрасовского определила и взаимоотношения экипажей. Люди быстро присмотрелись друг к другу и сблизилась — кто по землячеству, кто по сходству интересов, кто и по общим слабостям, например, излишней тяге к рюмочке.

Среди нижних чинов ближе других сошлись кочегары — Осинин и Теннисон. В их сближении сыграла роль бывшая профессия — оба были обувщиками: Осинин — пимокатом, а Теннисон — сапожником. Красавец-богатырь из Заволжья и жилистый, небольшого роста, с изрытым оспой лицом эстляндец являли забавную пару, в особенности, когда они беседовали. Понять Теннисона было не так-то просто. Слабое знание русского языка не раз его подводило и по службе. Как-то в городе, в увольнении, он был задержан заведующим отрядом Гинтером. Капитан II ранга приказал кочегару вернуться на корабль и доложить дежурному офицеру, что он не умеет, как должно, то есть по уставу, держать себя на берегу.

Теннисон вернулся и обратился к самому командиру:
— Ваше высокоблагородие, их высокоблагородие заведующий отрядом приказал доложить, что он не умеет держать себя на берегу по уставу.

— Ты-ты что, с ума сошел?! — изумился Юрасовский и дал кочегару три наряда вне очереди, отправив для начала на бак чистить и без того сияющую рынду.

Эстонца, как курьезного малого, сплавляли с корабля на корабль — «Страшный» был уже третьим, а до него — «Боярин» и «Петропавловск». Но тут он, наконец, нашел себя или, вернее, его нашли, случайно узнав о сапожном таланте — любой разнотканый матросский ботинок в руках Теннисона превращался в новый.

Юрасовский, поощрявший некоторую франтоватость в матросах, поручил эстонцу привести в порядок обувь у всей команды. Так кочагар стал знаменитостью в отряде и был даже поощрен рублем.

Отношение командиров «Страшного» и «Стерегущего» к своим экипажам тоже было разным: ровное и спокойное со стороны Сергеева и высокомерно-отеческое у Юрасовского. Но главное, как тот, так и другой, знали превосходно свое дело и относились заботливо к обеспечению экипажей. Это сразу поняли отвечавшие за снабжение провиантом вахтенные начальники, мичманы Кудревич и Акинфиев, оба стремились разнообразить котловое довольство.

Возникло даже соперничество, Сергеев, следуя примеру Макарова, ввел в рацион гречневую кашу, сваренную «по-семеновски», на пару, а Юрасовский — «гурьевскую», придуманную, как он утверждал, еще в начале XIX века их крепостным поваром Захаром Кузьмичом, позже перекупленным министром финансов графом Гурьевым.

Разница между двумя видами этого крупяного блюда была существенной: первая являлась простонародной пищей, а вторая господской: варилась только по воскресеньям или праздникам. Кулинарная суть гурьевской заключалась в том, что ее готовили вязкой (семеновская — рассыпчатая!) и сдобренной дорогостоящими добавками — тертыми грецкими орехами, медом, сливками, и запекали в фигурной форме.

Правда, кок «Страшного» несколько упростил и удешевил рецепт: грецкие орехи заменил кедровыми, мед — сахаром, сливки — молоком, а масло подкапливал, слегка занижая его порции на завтрак, как у матросов, так и у офицеров. По поводу такой экономии Юрасовский, как-то пригласивший на ужин Сергеева, заметил:

— По нашему кашевару плачет березовая каша.

Сказано это было ради красного словца, так как дополнительных средств на гурманские тонкости изыскать на миноносце не представлялось возможным...

Конечно, очень разными людьми были командиры «Стережущего» и «Страшного», но это не мешало им относиться друг к другу доброжелательно и с искренним уважением. Сблизились и их офицеры. Акинфиеву и Кудревичу, как говорится, сам бог велел — однокашники и сокурсники по училищу; Головизнин и Малеев, старшие офицеры, оказались ровесниками, к тому же считали себя коренными артурцами — оба сразу после выпуска плавали на судах Тихоокеанской эскадры. И только инженер-механики, можно сказать, сблизились сегодня по случаю истории с дейдвудом.

* * *

...Рейсового катера ожидали недолго. Черный, задымленный, с округлыми бортами и кургузым носом, именуемый «Бомбардиром», он следовал по обычному маршруту — Электрический утес, Артиллерийский городок, затем — пристани Тигрового полуострова: мортирной батареи, Минного городка, мастерских Невского завода и, наконец, миноносного отряда. Отсюда, уже напрямую — к Новому городу.

Дым из труб главных мастерских порта, смешиваясь с тяжелым промозглым воздухом, стлался над бухтой, наполняя ее буроватым горьким туманом. И тем не менее, несло от берега не железной окалиной, не раскаленным каменным углем, а чем-то невероятно отвратительным, помоечным. Этот запах выделяло дно — продолжался отлив, красивая картина кольцеобразной, обрамленной горами береговой черты, как бы перекраивалась неряшливой работой уходящей воды.

Обнаженная на десятки саженей илистая почва являла собой зыбкое пузырящееся вонью болото. Шлюпки, ялики, джонки и другая гребная и парусная мелочь ложилась вкривь и вкось своими днищами прямо на ил. Между ними сновали, утопая по колено в жиже, китайцы, выискивая только им ведомые виды моллюсков, червей, водорослей. Этот промысел беднейших горожан объяснялся не столько тягой к национальной кухне, сколько быстрым возрождением продуктов питания.

В море, то есть в ил, норовили спуститься с берега и черные, с отвислыми брюхами, бродячие свиньи. Особенно они устремлялись к тому месту, где сразу за железнодорожным полотном впадала в бухту речушка Лунхэ, несущая вниз из кварталов Старого города всякую бытовую грязь.

Война-войной, но несмотря на осадное положение, на жертвы, город никак не мог отрешиться от недавней мирной гарнизонной жизни. На бульваре гуляло «общество»: аршинные шляпки дам, форменная одежда офицеров и городской администрации — с желтыми кантами почтовых чиновников, с красными — интендантских, с голубыми — казначейских. Словом, был представлен весь местный бомонд.

Молодые жены офицеров флота никак не желали оставить привычку играть в мяч на площадке Квантунского экипажа; в раковине «Этажерки» гремел духовой оркестр; на плацах по воскресеньям устраивались маршировки солдат и матросов, вольтижировки казачьей сотни, а также соревнования — лазанье на приз по мачте, городки... 16 марта власти готовились отметить шестилетнюю годовщину занятия Россией Порт-Артура.

Минувшие бои воспринимались как досадные происшествия и постепенно затуманивались в потоке предположений, планов, сплетен, слухов, служебно-бюрократической возни ведомств. Газета «Новый край», помимо агентских телеграмм со всего света и бодрящих военных сводок, по-прежнему заполнялась светской хроникой, касающейся жизни наместничества, благотворительных балов, свадеб, приемов. И только на платформе железнодорожной станции, возле конторы ее начальника, можно было увидеть черные платья вдов и глубоко трагичные сцены расставания...

Артур продолжал строиться. В центре Нового города спешно отделявали роскошную гостиницу с мраморной лестницей, укладывали фундаменты большого собора и нового вокзала, мостили камнем улицы и военную дорогу на Золотую гору, а возле ее подножья высекался в сплошном каменном грунте большой док, рассчитанный на ремонт броненосцев.

Как раз в тот момент, когда «Бомбардир» заканчивал свой рейс, прозвучал громopodobный взрыв — это в ложе будущего дока взрывали породу.

Братья Сергеевы и Вера

Вера встретила гостей в сногсшибательно экстравагантном костюме. Вместо юбки на ней колыхались широченные шаровары из темно-вишневого бархата. Им контрастировали белые чулки. Бархатом была отделана и кофта, опять-таки с белыми, неестественно большими перламутровыми пуговицами. В руке женщина держала шляпу со страусовым пером, являя вид, что она только-только явилась с прогулки, с улицы,

Столь смелая одежда несколько шокировала мужчин. Юрасовский, несмотря на недавнее привокзальное знакомство с хозяйкой, что-то промямлил об оригинальности современной моды. Козловский после представления, приходя в себя, задержался в поклоне. Как ни странно, но лучше других нашелся Александр Семенович.

— Простите, Вера, деверя,— лейтенант прикрылся своей защитной улыбкой,— но его неповоротливый ум не в состоянии придумать подходящего комплимента, чтобы должным образом оценить вкус современной молодой женщины. Вероятно, это еще и потому, что само понятие «комплимент» он, то есть ваш деверь, понимает прежде всего в воинском смысле — «штат личного состава корабля». Ха-ха-ха!

— А я так воспринимаю слово «паспорт», только как разрешение на выход в море,— продолжил в унисон товарищу Юрасовский.

Николай Семенович, досадуя на свою, вечно что-то выдумывающую молодую жену и вместе с тем любуясь ею, прекрасно понял, что она, изобразив возвращение с прогулки, хотела всего лишь похвастаться перед гостями обновкой. Костюм был сшит ею самой, покрой она запомнила с позапрошлого года — так была одета жена министра финансов Витте, красавица-еврейка, приезжавшая вместе с ним в Артур.

Давая понять Вере, что разгадал ее уловку, Николай Семенович нарочито предупредил мужчин:

— Сколько ни хвалите женщину, ей все равно мало...

— Ну разумеется,— согласилась Вера и пропела:

Я пью, мне все мало,
Я пью, мне все мало.
Уж пьяною стала...

Николай Семенович развел руками, глаза его потепле-
ли.

— Моя баловница любое помещение превращает в
сцену,— пожаловался он.

— По-твоему лучше бы — в батарее, а меня — в форей-
торы...

— В военное время — пожалуй. Чем ты хуже благовер-
ной нашего коменданта Стесселя? А ведь она прошла с
ним верхами всю Боксерскую кампанию.

— Да мне бы, дорогой мой, мой позументный, хоть
как,— только бы с тобой. Согласна даже на судьбу пушкин-
ской комендантши из Белогорской крепости,— Вера мгно-
венно поцеловала мужа и со словами «Минуту, господ»,
скрылась в соседней комнате.

— Женщина, только пожелай она, сможет стать наме-
стником самого бога на земле,— Козловский, проводив
взглядом длинную гибкую спину хозяйки, подумал, что
независимостью она напоминает младшую сестру его
жены, Анну, отчаянную беглянку.— Вспомните папу
римского Иоанна VIII,— и так как на лицах слушателей не
отразилось понимания, продолжил:— Впрочем, это обя-
зан знать я — католик. Да и со времени того происшествия
минуло около тысячи лет... Молоденькая монашка из Бал-
канской провинции, сменив юбку на сутану, тайно рину-
лась в Рим штурмовать Ватикан. И в конце концов доби-
лась: была избрана главой церкви, конечно, под мужским
обличием...

Появление Веры уже в домашнем, но опять-таки пре-
восходно сидевшем на ней платье, прервало рассказ инже-
нера. Женщина за какие-то пять минут, что отсутствовала,
сумела даже изменить прическу — тяжелый валик темно-
каштановых волос был наполовину распушен и обрамлен
снизу ниткой жемчуга.

— Вы как трансформатор в цирке! — поразился
Юрасовский, тоже залюбовавшийся хозяйкой.— С та-
кой скоростью...

Вера обменялась с мужем быстрым взглядом. Алек-
сандр Семенович, которого удивила многозначительность
этого краткого разговора глазами, вспомнил ворчание

отца по поводу несерьезной женитьбы Николая: «Снял жену не то с проволоки над цирковой ареной, не то из кибитки цыганского табора».

— Вынуждена еще раз оставить вас, дабы не остались голодными. Простите,— женщина исчезла уже в другом направлении.

— Так чем же кончилась история с монахиней Иоанной?— спросил Николай Семенович.

— Ее подвела природа,— со скорбью в голосе, подыгрывая настроению компании, продолжал рассказ инженер.— Влюбилась в телохранителя, заманила его в спальню. Увы, непорочность души хранить куда легче, чем тела... Папесса Иоанна забеременела и во время родовых схваток, случившихся на улице, была растерзана толпой. Кстати сказать, после того скандального происшествия, кресло папы так реконструировали, что сидеть на нем женщине стало крайне затруднительно.

— Зачем уходить в прошлое тысячелетие?— возразил Юрасовский.— Наша царевна Елизавета тоже взошла на трон в мужском одеянии.

— Не на трон, а приехала в казарму гвардейцев...

— Все равно хороший повод, чтобы и нам монарший трон на манер панского переделать,— предложил Николай Семенович.

— И остался бы тогда российский XVIII век без екатерининских орлов, а британский XIX — без викторианского стиля...

— О чем это вы так весело?— спросила Вера, вновь пересекая гостиную. На этот раз возле нее семеняла молодая китаянка.

— Ну разумеется, о прекрасном поле, о женщинах,— отозвался подполковник.— О том, что мужчины на тронах — это всего лишь историческое недоразумение.

— О, бесспорно! Царствуй женщины, куда было бы больше балов и меньше военных сражений.

— Одно с другим вполне сочетается,— возразил Николай Семенович. — Помнишь, о начале войны с боксерами в Артуре узнали как раз на балу. Это было весной 1900 года.

— 14 мая,— уточнила Вера.— На первом балу, который устроил Алексеев как начальник Квантунской области... Дворец и сад иллюминированы, кавалеры всех рангов и всех лет! Для молодых — танцы и шампанское, даже «Грот

нежных вздохов и тайных признаний». Для пожилых — карточные столы и буфет с водкой. Иностранные гости: англичане, китайцы, японцы, американка из Вэйхайвея...

Александра Семеновича, прислушивавшегося к беседе как-то мимоходом, не покидало ощущение, которое он только что испытал на катере, когда приближался к заполненной нарядной толпой набережной: Артур смотрел на войну как будто из театрального зала, как на представление трагедии из иных мест и времен. Его внимание еще отвлекало шуршавшее в кармане письмо от отца — никак не мог выбрать момента, чтобы сказать брату, что Наталия Павловна не поехала в Курск, а поступила на курсы медсестер, и второе, что 24-го февраля исполнится пятьдесят лет старшему брату — Вячеславу. Они оба, Александр и Николай, находясь далеко от дома, редко его видели, знали только, что сильно болен сердцем, поэтому и умер молодым, сразу вслед за матерью. Надо бы теперь заказать панихиду...

— Как раз из Вэйхайвея в ту ночь Алексееву прямо на бал доставили телеграмму о разбойном нападении китайцев на английских офицеров,— продолжал рассказ Николай Семенович.

— Grimаса судьбы, а может быть и предначертание!— воскликнул Юрасовский.— Брат Иван пишет, что в ночь с 26-го на 27-е января в Зимнем дворце тоже состоялся роскошный бал. На нем и было доложено государю о телеграмме из Артура, о нападении японцев.

— Э, та боксерская против нынешней — всего лишь разбой,— заметил Николай Семенович.

— Не скажите,— возразил инженер.— Из того «разбоя» мог бы получиться азиатский вариант французской революции, если бы не мы, не японцы и не иные заинтересованные — скопом наклепали крышку на кипящий народным гневом котел...

— Не объединись, оказались бы сами сваренными в том котле,— хмуро подтвердил старший Сергеев.— Как это сказано: «Не приведи бог видеть бунт, бессмысленный и беспощадный».

— У Пушкина это адресно: «Русский бунт».

— Один черт, русский или китайский. Бунт есть бунт!— вмешался Юрасовский.— Главное, что сберегли Артур — российское окно и око в Тихий океан.

— Сбережем ли это «окно» от японцев, если будем, как сейчас, сидеть за ним невестами?— сказал Николай Семенович.— Впрочем, для разнообразия, можно еще и посещать лавочку — «Иван Иванович — поставщик русских офицеров». Не обратили внимание на эту вывеску?.. Сей китаеза готов что угодно поставить за хорошую плату, любой товар — до живого включительно, от персиков до «пэрсиков» в юбках и без оных, пардон,— подполковник с трудом повернул могучую шею и, не обнаружив в гостиной супруги, облегченно вздохнул, закончив сквозь смех:— Как это у Беранже: «Эта девочка — шалунья, эта девочка — игрунья, так без юбки хороша»... Теперь-то, Александр, ты меня не поправишь: точно помню, с кадетских времен.

Сказанное старшим Сергеевым о «сидении у окна» отражало настроение многих офицеров крепости, считавших эскадру виновницей несчастного начала войны. Стремление уязвить при случае моряков стало расхожим тоном. Однако обязанности хозяина заставляли подполковника сдерживаться. Чтобы как-то разрядиться, он сообщил:

— Подумать только, командующий военными силами, то есть и сухопутными войсками, на лошади не умеет держаться! На смотрах — только в коляске...

Все поняли намек, а Юрасовский и не стал маскироваться:

— Наместник все-таки не рубака, а полный адмирал. Его седло, если хотите, это ходовой мостик, боевая рубка.

— Согласен, наместник — не казак,— ответил Николай Семенович.— Но Витте — вовсе штатский министр, а по приезде в Артур явился на плац верхом, как и положено шефу пограничной стражи и войск охраны КВЖД.

— Сейчас Сергей Юльевич ужаснулся бы положению на нашей железной дороге,— откликнулся инженер, уводя своей репликой от спора.— В особенности нетерпимо положение пассажиров-беженцев. Билеты продают только женщинам с детьми. Каково им? Антисанитария, дороговизна... На станции Маньчжурия скопилось до двух тысяч человек... стакан молока — пятьдесят копеек, селедка — рубль...

— Зато в Артуре эпидемия свадеб,— сказал Николай Семенович.— Вчера на Тигровке собственными глазами

видел венчанье. Там, на Мортирной батарее устроена временная церковь, то есть походная: переносной иконостас, хор из батарейцев. Священник тоже временный из томских добровольцев. Боевой долгогривый! Однофамилец начальника вашего морского штаба — Рождественский... Так вот о свадьбе. Вижу: самодельный амвон, перед ним жених — безусый подпоручик, невеста-девочка вся в белом, с живыми цветами на голове... Внизу плещется ледяное море, рядом камешный мыс с Входным маяком, на горизонте японская эскадра стволами водит. А тут — ясные влюбленные глаза, надежда. У меня сердце защемило: вдруг через неделю-другую этой тростинке надевать черное платье...

— Перестань, Николай,— резко сказала Вера и тут же повернулась к Козловскому, стала пояснять:— В Артуре нет ни единого нормального храма, все временные — только названия: Госпитальная церковь, гарнизонная, полковая, тюремная — все в приспособленных помещениях, без куполов, с пристроенными, как скворешни, крохотными звонницами.

— Зато в Дальнем — и собор, и кирка, и костел, даже синагога строится,— похвалился Козловский.

— То не Дальний, а Лишний,— возразил подполковник.— Дорогая игрушка финансового ведомства, плод амбиций господина Витте... Собирались же торговый порт строить в Голубиной бухте, даже хотели связать его каналом с Западным бассейном, но Петербург — в амбицию: только в Талиенванском заливе, нигде больше. Вот и остался Артур городом складов и казарм.

— В Голубиной и так, как в порту,— вмешалась Вера.— Оттуда китайцы везут наших в Чифу, в Шанхай на шалапах. За хорошие деньги, конечно. Японцы, если встречают их в море, гонят обратно, а то и топят. Это мне баронесса Франк рассказала. Мы с ней сегодня на «Монголию» плавали.

— Это еще зачем?— недовольно удивился подполковник.

— Пожалуйста, без «махен гросс ауген» — ты не перед строим... Ну наняли на пристани китайца с его «юли-юли», он нас превосходно переправил на судно.

— Ничего не понимаю. Объясни толком, зачем вас туда понесло?!— уже злился Николай Семенович.

— Подумайте, господа, мой муж не знает о том, о чем шумит весь город: дам, оставшихся в Артуре, предложено расписать по госпиталиям. Так распорядился комендант крепости их высокоблагородие Стессель.

Николай Семенович воззрился на супругу, покраснел, видимо, затрудняясь оценить ее своеволие. Зато остальные смотрели на женщину вполне доброжелательно, ожидая продолжения.

— «Монголия» пока пуста. Это само великолепие, куда лучше, чем писал о ней «Новый край». Прекрасные палаты для матросов, для офицеров — каюты на два человека. Мы, женщины, просто не могли удержаться, чтобы не потрогать постели. Восхитительно: одеяла пушистые, белье тончайшего полотна! Носовые платки, чепцы, фуфайки. ...Врач был столь любезен, что показал нам операционную с электрической люстрой, рентгенкабинет, даже аппарат для заготовки кислорода. Под конец пояснил, что в Петербурге для «Монголии» уже сформирован полный штат из опытных медсестер общины святого Георгия — большинство бывшие трансваалки: ничего же боятся, ни морской качки, ни крови...

— Словом, вам показали от ворот поворот,— догадался подполковник.

— Не совсем, предложили побывать на «Казани». Тоже плавучий госпиталь, к тому же рассчитанный на тысячу человек, тогда как «Монголия» всего лишь на двести.

— И что же?..

— И увидели прямо противоположное: теснота, убожество. Правда, нам пояснили, что судно только что мобилизовано у Доброфлота и еще не готово к приему больных и раненых.

Николай Семенович, который по мере рассказа жены успокаивался, проворчал:

— Дело в другом: «Монголия» принадлежит КВЖД и зафрахтована Красным крестом, а «Казань» финансируется казной, военным ведомством, которое думает только об экономии. Врачи в Красном кресте получают вдвое больше, чем обычные госпитальные. Так что нам мало распрей между моряками и сухопутными силами, хотим еще и между медиками.

Козловский, который внимательно слушал диалог супругов, спросил Веру:

— Простите, вы упомянули баронессу Франк. Ее муж — не юрист?

— Да, военный следователь, полковник,— ответил за жену Николай Семенович.— На днях в Артур прибыл еще один «крючок», военный прокурор Костенко. Переведен из Владивостока. Боевое пополнение!..

— Наш сосед по дому — тоже юрист, присяжный поверенный Сидорский. Кстати сказать, из поляков,— заметила Вера.— Очень приятный человек.

— Мне в Дальнем дали поручение зайти к Франкам,— пояснил Козловский.— Мой коллега, путеец из Дальнего, некто Валевиц, просил узнать о дочери, как она устроилась у Франков.

— Баронесса ничего мне не сказала о госте?!

— Мадемуазель Валевиц не совсем гостя, скорее гувернантка: она согласилась готовить детей барона в гимназию.

— У Франков две девочки-погодки,— подтвердила Вера.— Возможно, баронесса согласится и нашу Женечку заодно подучить. А, Николай?

— Женечке, несмотря на все твои фантазии, предстоит учиться или в Киеве или в Курске... Александр, хоть ты растолкуй, что в Артуре скоро будет не до гимназии, не до гувернанток. Наши отошли на другой берег Ялу. Наместник приказал Линевицу задержать японцев на переправе, надеется выиграть время для сосредоточения войск по линии Мукден — Ляоян. А чем задержать на Ялу, когда там в нижнем течении всего лишь одна 3-я Восточно-Сибирская дивизия с неполной артиллерией, да отступающий из Кореи конный отряд генерала Мищенко с шестью орудиями?.. Если противник войдет на Ляодунский полуостров, это будет прямая угроза Порт-Артуру уже с суши.

— В Дальнем говорят о возможном десанте и в Бицзыво,— заметил Козловский,— то есть о прямом блокировании железной дороги.

— Поэтому и создаем там на перешейке сильнейшую артиллерийскую позицию,— пояснил старший Сергеев.— Только на склоне горы Сампсон ставим семьдесят восемь орудий. Командующая высота!

— Да, Самсон — 2200 футов,— уточнил Юрасовский.

— Нет, 2210,— поправил подполковник.— Простите, но как известно, хронометры и артиллеристы особо привержены к точности.

— Генц аккурат, как говорят немцы,— подтвердил Козловский.

— Кстати, и гора все-таки не Самсон, а Сампсон. Китайцы же называют ее Дай-о-Нашон, что означает «Великий Монах», но мы и тут ухитрились по-русски преобразовать — «Епископ».

— Она, действительно, выглядит на плато по-монашески одиноко,— подтвердил инженер.— Железная дорога обходит ее.

— Выше перешейка Цзиньчжоу. Наша позиция так и названа — Цзиньчжоусской, она запрет путь из Маньчжурии к Дальнему и к Порт-Артуру. Колесных дорог там нет, если не считать так называемую Мандариновую, при дождях непроезжую. Природа о нас позаботилась: север Сампсона изрыт обрывами, а боковые пологие склоны простреливаются с позиции до самого моря.

— На западе — до залива Товарищества, а на востоке — до Хунуэзской бухты, судя по карте,— прозвучал баритон Александра Семеновича. Он как будто примерял свое, уже продуманное, с развернувшейся полемикой.

— При твоём активном участии, братец, то есть флота,— Николай Семенович нарочито выразительно произнес слово «активном».— Цзиньчжоусскую позицию можно считать неприступной с суши: там один полк в состоянии противостоять целой армии в 40 — 50 тысяч человек!

— Флот уже начал такое участие, мой «Стерегущий» — тоже,— ответил Александр Семенович, не реагируя на запальчивость брата.— Подходы с востока и с запада минированы. Установлены несколько заградительных линий в Талиенванском заливе...

— Так-то так, но мы вместе, армия и флот, окажемся в дураках, если предварительно не придадим еще одну армию, невидимую — шпионскую,— подполковник посопел, сдерживая, видно, избыток чувств.— План развертывания войск на Ляодуне таков, как будто мы хотим повторить китайскую схему обороны, которую десять лет назад вмиг разнесли японцы — тогда они тоже шли к Порт-Артуру. И вот, эта наша будущая цитадель — гора Сампсон сыграла злую шутку с защитниками, то есть с китайцами. Там на вершине действовал (и до сего дня действует) буддийский монастырь. Среди его монахов, представьте себе, оказалось до черта японских лазутчиков, выдававших себя за китайцев, а в складах припрятано порядочно орудий и боевых припасов...

Вчера на совещании, которое проводил генерал Фок,— он назначен возглавлять оборону Цзиньчжоу,— я предло-

жил проверить этот монастырь. Может случиться так, что начнется бой, а на отрогах Сампсона, в тылу наших позиций вырастут, как грибы, японские батареи...

Вера, которая делала знаки мужу с просьбой остановиться, решила воспользоваться его запинкой, вызванной, вероятно, поисками наиболее впечатлительного выражения, заговорила громко и весело:

— Представьте себе, генерал-майор Фок, с которым мой супруг отбывает на позицию,— родной брат пушкинской Татьяны!.. Да, да, той самой женщины, с которой была списана героиня «Евгения Онегина»! Это мне рассказала баронесса Франк... Мать Фока была женщиной редкой красоты. Так что Пушкин взял в роман не только ее характер, но и наружность.

— Они что, были знакомы?— справился Козловский.

— Фоки проживали в округе, примыкающей к Святым горам, то есть к Святогорскому монастырю. Родная поэту Псковская губерния... У Фока тоже красивое лицо, но страдальческое...

— Оливкового цвета — лицо старого зюлки и брюзги,— поправил Николай Семенович.— И худоба — тоже от злости.

— У тебя у самого ее, злости...

— То праведная... Фок — однокашник Стесселя по Павловскому училищу, отсюда и амбиции и всезнайство. А план развертки батарей на Цзиньчжоу таков, что все открыто, как на ладони.

Юрасовский,* которого больше заинтересовала родословная Фока, чем его нынешние взгляды на военную тактику, продолжил литературную тему:

— Один из моих братьев — Александр закончил Николаевское кавалерийское училище в Москве, где учился Лермонтов. И что же?— всю жизнь привержен памяти поэта. Даже приобрел именице Мишково под Орлом со старым скрипучим домом, и только потому, что оно когда-то принадлежало товарищу Лермонтова по службе, поручику Глебову, секунданту в несчастной дуэли с Мартиновым... Будто бы Лермонтов еще по пути на Кавказ заезжал в Мишково, гостил или ночевал в этом доме... Мой брат, выйдя в отставку, прибил белую мраморную доску на фасаде и собирается установить бюст. Мало того, сам ударился в сочинительство: год назад издал в Орле книгу очерков и рассказов...

Константин Константинович остановился, как будто почувствовал в себе команду — «Стоп!.. Полный назад», — он явно увлекся своим биографическим отступлением. Конечно, имелось еще желание поведать и о том, что преданность Юрасовских искусству — черта наследная, причудливо сплетающаяся с именами мужей — и значительных и даже великих. Надо же было его деду, прапорщику Алексею Денисьевичу Юрасовскому связаться с близкими родственниками Жуковского — Протасовыми, приобрести у них в 1815 году село Сурьяново с просторным барским домом, каскадом прудов и парком. И вот приселив к ста шестидесяти четырем душам этого имения сорок четыре ранее купленных крепостных, выученных на музыкантов, танцоров и хористов, он создал такой театр, что затмил Спасско-Лутовиновский, принадлежавший матери уже другой знаменитости — Ивана Сергеевича Тургенева, Варваре Петровне, в девичестве — Лутовиновой.

Хозяева усадеб, расположенных в сорока верстах одна от другой, извещали друг друга и соседей о предстоящих спектаклях печатными афишами-приглашениями, оба возили свои труппы на представления и в губернский центр — Орел.

Дружественные отношения владельцев домовых театров вызывали порой и другие, уже житейские взаимодействия. Как-то матушка будущего великого прозаика зело разгневалась на лутовиновскую семнадцатилетнюю деву-кружевницу Акулину Егорову, нежданно-негаданно разрешившуюся приبلудной дочкой. Варвара Петровна уговорила Юрасовских об услуге, предложив им купить Акулину по дешевке вместе с новорожденной — две души за десять рублей «бесповоротно», как сказано в купчей. Второй «душе» при заключении этой сделки исполнилось всего лишь несколько дней, — тем был дан жестокий урок всей девичьей, состоявшей при пяльцах.

Эту купчую разыскал и обнародовал, как исторический курьез, Александр Константинович, не на шутку увлекшийся давно минувшим, и потому избранный секретарем Орловской ученой архивной комиссии.

Что любопытно, Тургеневская «связка» с Юрасовскими дотянулась до сегодняшнего дня: Надежда Васильевна Салина, супруга Ивана Константиновича, московского врача, училась пению у близкой подруги Тургенева, зна-

менитой Полины Виардо!.. И еще одно: имение, доставшееся Ивану Константиновичу по разделу отцовского наследства — сельцо Барыкино, в начале прошлого века принадлежало матери Тургенева...

Однако все эти любопытные сведения Константин Константинович, чтобы не показаться назойливым, как бы зачеркнул в уме и, заканчивая рассказ о запоздалом увлечении Александра, отставного штабс-ротмистра, писательством, иронично добавил:

— Пустилась в сочинительство и моя невестка, пишет и рассказы и стихи.

Александр Семенович, который понял сдержанность товарища, пришел на помощь:

— Мне в Москве была оказана честь познакомиться с этой поэтессой. К тому же она оказалась еще и певицей Большого театра — Надеждой Васильевной Салиной.

Вера расширила глаза, длинные ресницы взлетели к бровям.

— И вы этак просто говорите о знаменитости русской оперной сцены?! Это же первая Снегурочка Римского-Корсакова, Татьяна, Маргарита...

— И прочее и прочее,— защитно поднял руку Юрасовский, которому вмешательство Сергеева, как и восхищение Веры доставили удовольствие.— Не надо фимиама. Ивану не так-то просто со своей знаменитостью, хотя у них уже четверо. В последнее время Надежда Васильевна слишком часто повторяет, что, уже будучи артисткой Большого театра, отдала сердце мальчишке, студенту-медику...

— Значит, не только большая певица, но и большой души человек,— не пожелала принять иронию Вера.— А у нас с Николаем — наоборот...

Вера осеклась, но внешне никто не обнаружил заминку. Юрасовский тут же продолжил:

— Знаете ли, что они, Надежда и Иван,— ваши земляки, курские землевладельцы?.. У Ивана в Щигровском уезде небольшое наследное имение — сельцо Кондриановка, на торговом тракте в Ливны.

— Так и наше родовое — Стаканово в Щигровском, и тоже по Ливенскому тракту!— удивился такому совпадению Николай Семенович.

— Кондриановка — это в двенадцати верстах от Московско-Курской железной дороги, от станции Золотухино,— заметил Козловский.

Мимо прошла, семеня маленькими ножками, служанка-китаянка с кипящим самоваром. Было заметно, что ей очень тяжело держать перед собой это русское сверкающее чудовище.

— Где твой денщик?— спросил Александр Семенович брата.

— Слава богу, взялись в крепости за этих аник-воинов,— ответил Николай, следя за Козловским, за его действиями: инженер поднялся и, на ходу отобрав у служанки самовар, сам понес его в столовую.— У некоторых старших офицеров их было по три!.. Теперь вернули на службу даже приказчиков-солдат из магазинов офицерского экономического общества. Представляете, по Артуру целый батальон набрался — 900 человек!.. Ну я своего — беру на батарею, на Сампсон... Да, хотел тебе сказать, от отца письмо,— Николай встретился с братом глазами — и они поняли друг друга: Семен Александрович все-таки оценил телеграмму, посланную Александром по поводу дня ангела, смилостивился над старшим сыном, понимая, что в такое время нельзя оставлять его без родительского благословения.— Пишет, что Козловский...

— Что, что Козловский?— откликнулся инженер, возвращавшийся из столовой.

— Речь не о вас, Адам Иосифович, а о Козловском полку, дислоцированном в Курске.

— Ну как же, слышан: ни один бал, ни один журфикс, ни одна дуэль не обходится без его офицеров.

— Не только. В 1814 году этот полк в числе первых прошел под Триумфальной аркой в Париже,— возразил Николай.— Нынче же следует в Маньчжурию. Возможно, расположится по соседству с нами.

— Совсем не плохо иметь рядом столь почетного тезку, то есть на защите артурских твердынь.

— К сожалению эти «твердыни» построены вашими коллегами-инженерами из такого цемента, что ковырни ногтем — как труха. Зато в Чайной долине, за Новым городом, поднялись ряды особняков — загородные дачи строителей.

Вера, почувствовав, что Николай Семенович сейчас опять оседлает критического конька, присела к пианино и ударила по клавишам, глуша аккордами разговор. Блуждая пальцами по клавиатуре, вибрируя ими, зарываясь в урчащем говоре басов, переходя из одной тональности в

другую, она пробовала, пока не нащупала нужный, гармоничный поворот звуков — и заиграла. Лица мужчин изменились — все узнали места из «Времен года» Чайковского, его «Масленицу»...

В комнату вбежало то исконно русское, чего не было и не могло быть за толстыми стенами из зеленоватого приморского камня: хруст чистого снега, скрип железных полозьев, лошадиный храп, радостная суета и говор веселой толпы, мелодия припевок...

Резкий взмах руками, пальцы — веером — и залились колокольчики: полетела птица-тройка, полетела сама жизнь!..

Впрочем, кому как, Александр Семенович вспомнил, как его Наташа пыталась внушить ему именно такую трактовку образов. Это было их первое после знакомства посещение концерта. Он, тогда разделенный от любимой женщины всего лишь бархатной боковиной театрального кресла, не понял ее, оказался разделенным еще и пространственно, как бы отодвинутым музыкой в кадетскую юность, в море, высоко поднятым на рею, на свистящий ветер, закатывающийся тугими холодными клубками под холщевую робу, подталкивающий его в дальний путь.

И вот сейчас — удивительно! — он нашел в музыке Чайковского как раз то, о чем ему тогда говорила Наташа. Во всяком случае, охватило очень похожее ощущение, как бы усадившее его вместе с женой в тесные кованые санки, понесшие их на паре с лентами в гривах по Курску, по улицам детства, — по широченным, прямым как стрела — Ямской слободы, по косогористым и холмистым — Казацкой...

Александр Семенович благодарно посмотрел на свою столь разноликую невестку, умеющую управлять нелегким характером мужа: мышцы лица Николая приобрели свое естественное спокойное состояние — округлилась линия рта, сузились ноздри, перестали метать искры и затуманились глаза, лицо приняло добродушное выражение.

Подобное произошло и с гостями. Женщина, достигнув желаемого, простилась с пьесой мажорной модуляцией, после чего обратилась к мужчинам просто, по-домашнему:

— Мы с Николаем ждем вас на масленицу. Конечно, артурскую, без снега и морозца. Но блины обещаю — объедение!

— Ничего, снег заменим мороженым,— добродушно подтвердил Николай, глядя на жену влюбленными глазами.

— Вместо колокольцев под дугой послушаем перезвон рынд,— добавил в тон Юрасовский, тем самым давая понять, что принимает приглашение.

— У Константина Константиновича любимое блюдо — гурьевская каша,— шутливо предупредил Александр Семенович.

— Суда бы еще и гурьевских казаков из Уральско-Оренбургского войска,— пожелал, думая о своем, старший Сергеев.— Пока повелено сформировать из казаков Забайкальскую дивизию.

— Я встретил на дороге эшелон с забайкальцами — запасными,— подтвердил Козловский.

— Мой брат Александр служил как раз в Оренбургском,— заметил Юрасовский. Пишет, что подал прошение на высочайшее имя о направлении в Маньчжурию... Мы, военные, нуждаемся в войне, как природа в грозе, без нее обезличиваемся, вянем, становимся чиновниками...

— О, как красиво говорят моряки! — отозвалась Вера.— Будем надеяться, что братья Юрасовские не завянут, родились под счастливой звездой!

— Не уверен насчет звезды, но что точно — я родился под Новый год, 26 декабря, в три часа ночи, то есть, когда девицы, мечтая о Новогодних маскарадах, досматривают десятые сны. Но я этот день не долюблю: в новый 1887-й у меня умер отец...

Произнося эти слова, Константин Константинович перенесся воображением в далекое Мишково, в устроенную там Александром мемориальную комнату, на стене которой, задрапированной черным сукном, висела и их семейная фотография — мать в глубоком трауре с портретом почившего мужа в руках, а возле нее в ряд сыновья — в кадетских мундирах Александр и он, Константин, четырнадцатилетний моряк-кадет с боцманской дудкой на груди. У матери осталось на руках тогда шестеро, как раз столько, сколько сейчас у него с Татьяной...

Константин Константинович, задумавшись, как-то машинально поставил в центре этой, всплывшей в памяти печальной семейной группы вместо Марии Николаевны свою жену, а вместо братьев разместил в такой же густой ряд своих детей — трое сыновей и три дочери. Боже, какое

получилось нелепое сравнение?! Чтобы избавиться от наваждения, лейтенант погладил волнистые с рыжинкой волосы — материнские (говорят, если мальчик похож на мать, то, по примете, будет счастлив!) — излишне бодро заметил:

— Мой батюшка поручик, участвуя в Крымской кампании, оборонял полуостров 349 дней. Неплохо бы предвидеть, сколько дней понадобится нам.

Николай Семенович изумленно вскинул широкие и топырящиеся брови.

— Не хотите ли сказать, что в отечественной истории должна появиться, наряду с Севастопольской обороной, еще и Артурская?!

— К сожалению, пока и флот и армия — в обороне. Вот и вы отправляетесь в Цзиньчжоу сооружать оборонные позиции.

— Да, в ожидании десанта. Он возможен, если флот,— жестко подчеркнул подполковник,— позволит японцам укрепиться на Элиотах, опять же так, как случилось в японо-китайскую войну, и создать у нас под носом накопительную базу.

— Будь на эскадре подводные лодки,— пожалел Юрасовский,— никакие бы транспорты не прошли. Во всяком случае, не позволили бы судам противника базироваться столь близко... Правда, двадцать четыре лодки уже заказаны за границей, в Соединенных Штатах. Но и японцы тоже сделали срочный заказ, чуть ли не на тех же заводах.

— Нам бы все в заграницах,— сказал инженер,— а я в Дальнем познакомился с русским человеком, который готов хоть завтра начать постройку собственных подводных лодок здесь, на Дальнем Востоке.

— Подобный чудак и мне сегодня встретился на Тигровке,— заметил Александр Семенович и постарался вспомнить все до мелочей, что слышал в кабинете начальника Невских мастерских Филиппиуса.

Лейтенант знал, что Юрасовский уже несколько лет серьезно занимается вопросами подводного плавания. У него скопилась коллекция из чертежей, рисунков и фотографий, а также книг и статей о субмаринах, начиная с предложенной Леонардо да Винчи и отечественных,— сложных и примитивных, вроде тех, которые строили еще запорожцы для незаметной переправы через реку своих лазутчиков.

В Гавре он даже пытался попасть на французскую субмарину, однако портовые власти ему объяснили, что такие экскурсии запрещены не только иностранцам, но даже офицерам-соотечественникам. Сейчас Константин Константинович питал особые надежды, связанные с американским заказом, то есть по прибытии первых же подводных лодок в Порт-Артур или Владивосток, намеревался подать рапорт с просьбой включить его в команду одной из них...

— Мы вероятно говорим об одном и том же человеке,— обратился к Александру Семеновичу Козловский.— Мой знакомый, Михаил Петрович Налетов, как раз несколько дней назад уехал в Артур...

— Небольшого роста, в очках...

— В пенсне...

— Да. Судя по форменной фуражке — железнодорожник.

— Это он, Налетов, человек, должен сказать, оригинального ума и выдающихся технических способностей. Представляю его столь обще потому, что служебное звание может вас разочаровать — всего лишь техник путей сообщения, недоучившийся студент Петербургской технологички.

Юрасовский, который внимательно слушал диалог товарищей, спросил:

— Что он делал в Дальнем?

— Работал там на строительстве порта. Сюда перевелся, чтобы быть ближе к эскадре, к вашим флотским властям, то есть надеялся на понимание... Я видел его проект и, насколько понимаю природу техники, подводная лодка Налетова — вполне реальное предприятие.

— Англичане говорят: из надежды можно сделать вполне приличный завтрак, но на ужин она не годится,— усомнился лейтенант.— И все же, Адам Иосифович, окажите честь, познакомьте меня со своим столь талантливым коллегой.

— Филиппиуса он, по-моему, убедил,— заметил Сергеев.

— Какова же по проекту дальность плавания лодки?— спросил Юрасовский.

Ответил инженер:

— Налетов говорил, что может пройти на ней до шестидесяти миль. Погружение на пять саженей, водоизмещение — двадцать пять тонн.

— А вооружение?

— Два аппарата для стрельбы торпедами и четыре обычных мины для постановки их на якорях. При этом, конечно, не поднимаясь на поверхность.

— Значит лодка может действовать скрытно во вражеском порту и на рейде,— удовлетворенно подытожил Юрасовский.— А топливо — нефть?

— Нефть. Сейчас у Налетова забота — достать двигатель внутреннего сгорания. Собирался обратиться к самому наместнику.

Юрасовский возразил:

— Не исключено, что нарвется на оценку, которую получил от Наполеона знаменитый Фултон, когда тоже предложил первому консулу подводную лодку, движимую, правда, вручную.

— И какую же оценку?— спросил Николай Семенович, проявляя как хозяин учтивость — тема для него была не столь уж интересна.

— Мошенник!..

— И что же изобретатель в ответ?

— Сжег Москву!..

Недоуменные взгляды рассмешили Юрасовского, он пояснил:

— Сжег, разумеется, фигурально, символично. Фултон, будучи еще и неплохим живописцем, для того, чтобы добыть деньги на постройку лодки, нарисовал и развернул в Париже в виде панорамы громадную картину «Пожар Москвы». Можно сказать, она явилась своеобразным предупреждением Наполеону, которому тот тоже не вял...

— И что же дальше с лодкой?

— Порвав с Наполеоном, Фултон собственными руками разрушил и подводную лодку, которую успел испытать. Возвратившись на родину, в Соединенные Штаты, он утешился женитьбой на очаровательной художнице Харриет Левиингстон, и стал строить пароходы для Гудзоновской компании. Кстати, он и нам предлагал организовать регулярное пароходное сообщение между Петербургом и Кронштадтом, даже успел получить привилегию от русского правительства, но, увы, скоропостижно умер. И отчего бы? — от простуды...

Александр Семенович, воспользовавшись паузой, вернулся к Налетову:

— Почему бы на подводной лодке не попробовать использовать бензиновый мотор с новых минных кате-

ров?— предложил он.— Такие есть на «Пересвете», на «Севастополе»...

— Если, конечно, хватит мощности,— согласился Юрасовский.

— И если хватит терпения у Налетова,— дополнил в тон Александр Семенович, представив круг, по которому придется пройти изобретателю. Он подумал о своем участии в испытаниях с переводом минного флота на нефтяное отопление. Ведь заволоковитили, хотя само морское министерство приняло решение о переоборудовании под нефть всех котельных установок на новых миноносцах. И вдруг кувырок: в марте 1902 года другое указание — вернуться снова к углю...

Объяснение, конечно, последовало: хлопотно и дорого. Дорого?! А то, что теряется возможность почти вдвое увеличить дальность плавания и на два-три узла — быстророходность — это дешево?.. Тогда же, во время испытательных плаваний, Сергеев пришел к мысли, что при переводе миноносцев на жидкое топливо можно окоротить трубы, тем самым понизить силуэт корабля, обеспечить ему большую скрытность при выходе в минную атаку...

— Одно не понимаю,— ввернул свое сомнение и Николай Семенович,— как это человек, никогда не занимавшийся судостроением, вдруг берется за подводную лодку.

— Инженер может всё!..

— Ну, батенька, хватили,— артиллеристу показалось, что цивильный гость, рассуждая о военных делах, теряет чувство меры и такта.

— Автором этих слов является знаменитый Дизель, человек сугубо сухопутный, но чье изобретение, как известно, победно шагает, даже шествует и по морям...

Вера, дав мужчинам выговориться, справилась у Козловского:

— Ваш друг-изобретатель столь же интересен и как мужчина?

Инженер улыбнулся.

— Для упомянутой вами мадемуазель Валевиц, по моему, да. Он так усовершенствовал, переконструировал ее велосипед, что теперь машину можно приводить в движение не только ногами, но и руками.

— Не потому ли она, то есть девушка, оказалась тоже в Артуре,— сделала вывод Вера.— Приводите-ка свой талант к нам на масленку, а мы пригласим Франков с их гостьей. Ну как, хитрая я, правда?..

— Разумеется, хитрая,— подтвердил Николай Семенович.— И все это в надежде, что изобретатель возьмет тебя и баронессу первыми пассажирами на свое судно.

— А что? Мне собраться — минута! Главное, не забыть зонт — от сырости: все же под водой...

Юрасовский, подхватив игру, возразил:

— Вынужден вас разочаровать: у подводников строжайшее правило: запрещается брать на борт священников, женщин и, представьте себе, зонты!

Но это была попутная шутка. Сообщение инженера, подтвержденное Александром Семеновичем, очень заинтересовало лейтенанта. Россия, увлеченно занимавшаяся строительством подводных лодок в 80-е годы, к началу века остыла к ним вовсе — оказались непрактичными. Ныне первой шла Франция, у нее, по подсчетам Юрасовского, имелось от двух до трех десятков субмарин; как для прибрежного, так и для автономного плавания. Они стояли как в портах Средиземного моря — в Марселе, Тулоне, так и на севере,— в Шербуре, Гавре...

Быстро, как обычно по-коммерчески, принялись за это новое дело и на родине Фултона, в США,— строят подлодки двух типов и предлагают их кому угодно, в любом количестве. Первыми решили закупить Англия, Япония и Россия...

Александр Семенович, тоже задумавшийся о проекте Налетова, и о мечте Юрасовского — служить на подводной лодке, как будто поощряя увлечение товарища, заметил:

— Подводные лодки — двоюродные сестры миноносков и минных катеров, как по главному оружию, так и по движителю.

— И по маневренности и по водоизмещению,— подтвердил Юрасовский. — Адмирал Макаров считает, что самые малые из них, как и минные катера, можно брать на борт линейных кораблей для операции в открытом море...

Внезапно вновь вмешался Николай Семенович:

— Ваши крейсера и броненосцы сами могут стать «подводными», если эскадра будет стоять по-прежнему в гавани Порт-Артура...

Подполковник не договорил. Из двери столовой выглянула служанка, подала знак. Хозяйка, громко захлопнув крышку пианино, и, по-ребячьи крутнувшись на высоком винтовом стуле, соскользнула с него, как с седла.

— Господа, прошу к столу.

Однако обществу пришлось задержаться: в гостиную вошла Женя, дочь Сергеевых. Девчушка явно только что

поднялась с постели: босая, в спальной рубашке, она жмурилась, протирая кулачками глаза. Над ее головой, наподобие золотистого облачка, колыхалась шапка растрепанных кудрявых волос.

— Женя, ты же больна?!

Укоризненный тон матери ничуть не воздействовал на ребенка. Отняв от глаз руки и протянув их, она подбежала к дяде и тут же подброшенная к потолку, повизгивая от страха и удовольствия, снова опустилась, как в гнездо, в большие мужские ладони.

Глава 12

Лейтенанты

Когда произносится воинское звание «лейтенант», то сразу же представляется молодость, здоровье, безоглядная смелость, бескомпромиссность, нравственная и физическая близость к рядовому воину. Если брать издали, такими и были командиры отрядов Великой северной экспедиции Витуса Беринга, которую можно назвать «экспедицией лейтенантов флота»: Прончищев и Челюскин, братья Лаптевы, Чириков... Это они «со товарищи» на утлых парусниках совершили в океанах — Северном Ледовитом и в Великом или Тихом то, что и сегодня, в век сверхмощей мореходной техники, было бы названо подвигом...

Он, лейтенант, раньше и теперь, всегда на передовой: на ходовом мостике рядом с матросом, локоть к локтю с солдатом в окне, спина к спине со стрелком-радиостом в штурмовике, бок о бок в замкнутом сталью пространстве артиллерийской башни... Таково уж штатное место лейтенанта «в небесах, на земле и на море» и, пожалуй, в Истории.

«Придите на цветы взглянуть», — просит уже пять десятилетий лейтенантов моего поколения цветочница Анюта, обещая приколоть розу на грудь. Да нет, милая девушка, не придут, не откликнутся на твой мелодичный призыв, на твою песенку, лейтенанты сорок первого года: почти все они полегли плечом к плечу со своими взводами, расчетами, экипажами, разделенные друг от друга стенками зали-

тых водой корабельных отсеков или ряд от ряда брезентами плащ-палаток в закаменелой от времени земле — лежат в братских могилах, разбросанных по всем европам и азиям, — в том порядке, в каком шли в последнюю свою атаку.

«Придите на цветы взглянуть»... С каждым годом все выше холмы цветов на братских могилах, все пышнее и ярче венки у монументов, громче речи... И все скорбнее глаза у нецелованных лейтенантских невест 41-го, у белозубых Анют с Приморских и иных бульваров...

В Порт-Артуре на эскадре к началу русско-японской войны числилось 134 лейтенанта, треть их служила на миноносцах. Звание в начале века считалось обер-офицерским, то есть старшим, и ходили в нем порой действительно до зрелых лет, а то и до отставки: продвижение в первую очередь решали не способности офицера, а так называемый плавательный ценз, определяемый числом проведенных в море «кампаний».

У Александра Семеновича Сергеева такого показателя для присвоения очередного звания — капитана II ранга немного не хватало, хотя еще два года назад, точнее 6 декабря 1901 года, за добросовестную службу он был пожалован высочайшим приказом капитан-лейтенантским окладом. Само же звание «капитан-лейтенант» в плавсоставе русского флота было отменено, оставили его только для штабс-офицеров береговой службы, зачисленных по флоту.

Поэтому массовая смена командного состава в Порт-Артуре, произошедшая накануне войны с Японией, объяснялась не отбором лучших офицеров в связи с приближающейся опасностью столкновения на Дальнем Востоке, а обычной заменой цензовиков. Этим правилом руководствовался и наместник царя Алексеев, когда на приказе начальника своего морского штаба адмирала Витгефта о назначении капитана II ранга Семенова командиром «Решительного» начертал: «Преждевременно. Есть постарше».

В самом деле, Боссе был на шесть лет старше Семенова по возрасту и на пять лет — по службе. А то, что Семенов имел многолетний опыт плавания на боевых судах в Тихом океане, к тому же трехлетнюю службу непосредственно в Порт-Артурской эскадре и окончил морскую ака-

демию,— все это в расчет не принималось. «Есть постарше» — и точка...

«Стерегущий» после починки дейдвуда, проведя еще и бессонную ночь на погрузке топлива и воды, получил распоряжение готовиться к дежурству в сторожевой цепи. «Цепь» — пост на море, расположенный при входе в гавань, стали усиливать миноносцами после событий 26—27 января. В дежурство «Стерегающего» в цепь входили еще две канонерки — «Бобр» и «Гиляк». Они встали носом к выходу в море, прицелы заряженных с вечера орудий были заранее поставлены на разные дистанции — 10, 12 и 15 кабельтовых, чтобы охватывать большую площадь. Их прожекторы, настроенные тоже на эти расстояния, время от времени полосовали лучами внешний рейд.

Утром, разведя поставленное при входе боновое ограждение, «Стерегущий» отправился, наконец, на штатную стоянку. После беспрерывных недельных дежурств и ремонта, экипаж предвкушал небольшой отдых. Жизнь на миноносце, в особенности зимой, без малейших удобств, когда трудно найти просто сухой уголок,— дождь, снег и вода проникают даже на жилую палубу,— выдерживает не каждый.

Словом, экипаж благоденствовал, приводил себя в порядок, отдыхал. Дремал и миноносец, приткнувшись кормой к причалу, поддерживая пары только для обогрева кают и кубриков. Через каждые полчаса звенел судовой колокол, отсчитывая склянки... Якорную вахту не сравнишь с ходовой, однако время суток после полуночи, именуемое на флоте «собачьим», и на этот раз оправдало свое название: в два часа сорок пять минут сонную тишину разорвал артиллерийский выстрел. Судя по прерывистому, сотрясшему воздух грохоту, он был произведен из тяжелого орудия и где-то поблизости.

Сергеев выскочил на палубу, приказал пробить тревогу и поднять пары. На причале забегали люди с фонарями; слышались свистки и команды на других миноносцах. Лейтенант, следя за снопами лучей крепостных прожекторов, понимал, что в море обнаружены неприятельские суда. Но куда идут и откуда по ним стреляют, и почему отсутствуют световые сигналы на центральной наблюдательной станции?

— Мичман, быстрее к дежурному по отряду, узнайте, что случилось.

Вновь близко и впереди, на уровне моря блеснула зеленовато-золотистая молния. За ней еще...

— Это «Ретвизан»,— уверенно сказал Головизнин.— Бьет правым бортом.

Засверкали залпами десятидюймовки Электрического утеса, мортирная батарея с Тигровки,— постепенно заговорил весь береговой фронт, посылая снаряд за снарядом в сторону внешнего рейда.

А там, в морской дали, в свете прожекторов высветилась молочно-белая масса движущегося прямо в проход большого судна. Снова вспыхнул борт «Ретвизана» — и на месте «массы» в воздух взлетел огненно-багровый тучеобразный смерч.

Из темени причала вынырнул Кудревич, на бегу крикнул:

— Брандеры!..

* * *

В те дни, когда «Амур», сопровождаемый «Стерегущим» и «Решительным», ставил минные поля в Ляотешанском заливе, на другой стороне Желтого моря, в Сасебо, произошли два неординарных события. 3-го февраля сюда прибыли купленные в Италии новые броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга». Их от самой Генуи вели англичане, тем самым демонстративно подтверждая прочность англо-японского союзного договора. В Сасебо на них должны были формироваться японские команды. В качестве инструктора и советника выступал капитан I ранга Бойль, доставивший крейсера в Японию.

Второе событие внешне было менее впечатляющим: на рейде Сасебо появился странный для военного порта отряд из пяти старых, обшарпанных коммерческих пароходов. Судя по глубокой осадке, суда были нагружены до предела. Так вот для этих «купцов» здесь тоже спешно организовывались команды.

В воздухе носилось немецкое слово «брандер». В старину, когда флот был деревянным, так называли судно, предназначенное для поджога другого — неприятельского, в современном же варианте — для самозатопления у входа в неприятельскую гавань с целью блокирования кораблей противника.

По плану Того эти пять кораблей должны были лечь железными рифами в проходе, соединяющем внешний рейд Порт-Артура с внутренним, закупорить в нем русскую эскадру, как в мышеловке. Каждый из пароходов представлял собой подвижную адскую машину, внутренность которой была заполнена взрывчаткой, камнями, цементом и железным ломом. В отдельные емкости наливали керосин и другие горючие вещества с расчетом, что когда судно после взрыва пойдет ко дну, эта смесь всплывет и будет гореть даже на воде, поджигая все, что окажется рядом, и не позволяя приблизиться для тушения...

На брандеры брали только добровольцев. Недостатка в таких не было: 2000 моряков, молодых и пожилых, кровью подписали свои прошения на имя императора, заявив о желании быть назначенными на такие суда. Подпись кровью означала, — готовность жертвовать собой для выполнения задания. Выбрано было из двух тысяч всего лишь семьдесят семь человек.

9-го февраля под вечер на борту крейсера «Асама» состоялся смотр добровольцев. В составе офицерской шеренги стоял бывший военно-морской атташе в Петербурге, капитан-лейтенант Такоэ Хиросэ, назначенный командиром передового суда «Хоу-Коку-мару». Он с вдохновением смотрел на капитана I ранга Иоширо, который вышел перед строем с большим серебряным кубком, до краев наполненным чистой родниковой водой. Подняв кубок, Иоширо объявил, что это подарок наследного принца и обратился к морякам со следующими словами:

— Вы идете запираť вход в гавань Порт-Артура. Один шанс из тысячи, что кто-то из вас вернется живым. Вы это хорошо понимаете, тем не менее идете. Во мне сейчас горит такое чувство, как будто бы я вместе с вами послал собственного сына. И если бы я имел даже тысячу сыновей, то послал бы всех. Поэтому призываю вас сражаться до конца: если будет оторвана правая рука, действуйте левой, если будут оторваны обе руки, действуйте ногами, головой, но приказ должен быть выполнен!

Иоширо остановился, поворачивая глазами. Хиросэ показалось, что он поглядел именно на него, и капитан-лейтенант мысленно подтвердил услышанное: да, при необходимости он тоже бы отдал собственного сына на алтарь отечества. Так в старину при закладке большого общественного здания или моста родители приводили для жерт-

воприношения своего любимого отрока. А сегодня речь идет о строительстве моста, ведущего великую Японию к мировой славе!..

— Исполнение воинского долга,— продолжал Иоширо,— будет зависеть от вашего пренебрежения жизнью. Я хочу, чтобы вы считали себя как бы обреченными на смерть! Передайте вашу жизнь в руки Творца и приступайте к исполнению почетного задания.

Оратор глубоко вздохнул и, подняв кубок над собой, медленно наклоняя его, стал благоговейно, небольшими глотками поглощать воду, задирая голову так, что казалось, сейчас с нее свалится фуражка.

Такоэ Хиросэ за вознесенной рукой капитана I ранга видел только его подбородок идвигающийся в такт глоткам вверх-вниз большой острый кадык — «адамово яблоко», как странно называют это место русские. И еще пришла в голову одна фраза, уже из японского учебника: «Кубок с родниковой водой, по старой традиции, подавался людям, осужденным на смерть»...

В двадцать часов пароходы, выстроившись в походную колонну, двинулись к выходу из бухты в Желтое море. Их сопровождало шесть миноносцев, среди которых находились и «Сазанами», и «Акацуки». В этот же час покидали базу и новые итальянские крейсеры, они направлялись в порт Иокозуки, чтобы заpastись там снарядами и провиантом. «Кассуга», густо дымя своими широкими и низкими трубами, придержал ход, уважительно уступая дорогу брандерам, судам, готовым на жертвенную преданность родине...

Жертвенность — жертвенностью, но как только отряд брандеров оказался в открытом море, Такоэ Хиросэ начал тренировки экипажа, и так, как будто уже подходил к точке назначения, готовясь в первую очередь к бою, а не к смерти. Подумал он и о спасательных средствах, проверил действие шлюпбалок и стрел, вываливая шлюпки на ходу в всяческое положение. Каждый член команды имел под рукой пробковый нагрудник; чтобы уберечься самому от осколков, приказал обмотать ходовую рубку толстыми тросами.

По мере приближения к Порт-Артуру тренировки принимали характер боевой напряженности. Конечно, привинченная в носу митральеза создавала иллюзию защиты — это мелкокалиберное орудие, выпускающее до

трехсот снарядов в минуту, могло бы помочь в опасный момент отразить попытку захвата брандера. Поэтому Такоэ Хиросэ поставил к митральезе артиллериста-ветерана из запасных, служившего в японо-китайскую войну на крейсере «Навива» под начальством Того.

Сам Хиросэ в ту войну командовал минным катером в Иокозуки, куда сейчас направились итальянские крейсера, и там впервые встретился с русскими, с их крейсером «Адмирал Нахимов». Тогда-то у него и появилась мысль — изучить русский язык. Так что первыми его учителями оказались офицеры с «Адмирала Нахимова». Успехи Хиросэ были оценены начальством, ему нашли место в разведывательном отделе Генерального штаба, а в 1897 году отправили в Петербург...

Все-таки удивительно, сейчас он хладнокровно, даже злорадно, готовится к нанесению страшного удара по учителям, которые, если честно сказать, прекрасно приняли его в своей столице на Неве, всегда проявляли дружеское внимание и доверие. Что ж, такова жизнь: война ожесточает, уничтожает чувство сострадания, отзывчивости, хотя о нем-то, о Хиросэ близкие говорили, как о нежной душе: после смерти отца стал главной опорой матери и больного брата, даже не женился. «Возлюбим друг друга единомыслием» — фраза, услышанная им однажды от русского священника, запомнилась. Но в войне имеется особое «единомыслие» — обе стороны одинаково страстно жаждут погубить друг друга. Не хотел он, конечно, видеть и в экипаже «Хоу-Коку-мару» приговоренных к смерти, да и вообще ее, смерть, немислимо представить, можно только то, что было до нее и что после...

К двум часам ночи 11 февраля отряд, как и было рассчитано, оказался на траверзе Ляотешана. Вперед вышли два миноносца-разведчика — «Сазанами» и «Акацуки», пробежались по дуге внешнего рейда и доложили, что путь к Артуру свободен. Брандеры перестроились, пошли к цели уже фронтом. Хиросэ сам встал на руль, приказал боцману проследить, чтобы все в экипаже надели пробковые нагрудники и разошлись по боевым постам. Тех, кому были определены уж очень ответственные места, к примеру, возле клапанов затопления, проверяли особо. Условный знак к повороту вентиля, то есть к доступу забортной воды в трюмы, — тройная короткая сирена. Только после этого те, кто находится у машин, у котлов, могут подниматься

на верхнюю палубу, спускать шлюпки и покидать корабль. Но никак не раньше!

Что касается главного поста, откуда должно последовать действие для взрыва судна, то он находился в рубке возле штурманского столика, отсюда тянулись провода вглубь, внутрь судна к электровоспламенителям. Это был пост самого Такоэ Хиросэ.

...Пароходы, рассыпавшись, погасив огни, не подавая никаких сигналов — каждый знал свою задачу и место затопления, — набирая ход, ринулись к проливу, ориентируясь на входной маяк. Устоять бы только в последние минуты — и они как гигантские торпеды вбегут в горло бухты!..

Вся воля Хиросэ теперь была сосредоточена на одном — удержать судно на курсе и уловить момент для взрыва. Он всматривался в безмолвно спящую стену берега, сверху очерченную тусклым свечением звездного неба. И вдруг в ней раскрылось и вспыхнуло два окна — резкие снопы света прочертили полосы до горизонта и, пробежав слева направо по акватории внешнего рейда, зацепили брандеры и приостановившиеся в отдалении миноносцы. Тут же из прохода грохнул выстрел, вслед за которым засверкал весь берег.

«Ретвизан», уткнувшийся в грунт у северного склона Маячной горы, повернув башни, гремел всеми калибрами.

Фронт брандеров нарушился, их встряхнуло, как игральные кости в ладони: крайний слева отклонился к югу и наскочил на камни у горы Белый Волк, другой, завалившись на бок, стал тонуть, третий отвернул было в море, но и его догнал снаряд, четвертый досрочно взорвался сам. И только «Хоу-Коку-мару», как заговоренный, стреляя непрерывно из митральезы, продолжал идти на выбранную цель.

Хиросэ уже прикидывал, не пора ли давать сирену, как его оглушил громовой взрыв. Корабль подбросило и стало круто заносить влево, к россыпи острых рифов. И тут же из левого клюза грохнулся в воду якорь, как будто кто-то неведомый, не доверяя гранитным зубам, проломившим борт, определил пароход на вечную стоянку в двухстах метрах от «Ретвизана».

В мечущихся полосах прожекторного света Хиросэ видел, как экипаж его корабля споро спускал шлюпки, разбирал весла, спешил отойти в море. Стрельба с берега

теперь перекинулась на спасавшихся. Иногда осколки выбивали гребцов, но их тут же заменяли другие и шлюпки продолжали отдаляться. В свете прожекторов они уже казались пунктирными полосками. Тенями мелькали миноносцы, принимавшие к себе на борт команды брандеров...

Вбежавший в ходовую рубку боцман доложил Хиросэ, что народ покинул судно, раненых и убитых взяли с собой и что шлюпка-двойка укрыта за кормой, ждет командира. Унтер-офицер после этих слов рассчитывал на быструю реакцию, но капитан-лейтенант, вынув из кармана серебряные часы, вне связи со сказанным, приказал:

— Принеси банку с краской, лучше с суриком.

Моряк убежал. Офицер щелкнул крышкой часов, на внутренней стороне которой имелась гравировка — заглавная латинская буква «А» и под ней дата — «16.01.1902». Губы и щеки Хиросэ тронула улыбка. Нехитрый ребус означал следующее: «А» — слово «Амур», то есть «Любовь» и вместе с тем имя — Ариадна, число — день, когда он покинул Петербург, выехал через Сибирь в Японию. Эти часы с гравировкой подарила ему на вокзале в момент прощания дочь русского адмирала Ковалевского...

* * *

— Зеленый карандаш и решил судьбу Семенова, — такой комментарий услышал Сергеев от лейтенанта Лепко. Того самого Владимира Ивановича Лепко, с которым он служил когда-то на «Николае I».

Любой порт — всегда место неожиданных свиданий людей и судов — через дни, месяцы, а то и десятилетия. Лепко командовал в Порт-Артуре миноносцем «Расторопный», такой же «невкой», как и «Стерегущий». Всю ночь работали рядом на погрузке угля корабли и только утром их командиры столкнулись нос к носу на причале. Встречу было решено отметить. Но «Стерегущий» получил приказ на дежурство в сторожевой цепи и «раут» не состоялся, был перенесен на лучшие времена. Таким лучшим выдался вечер на следующий день после отражения атаки брандеров, а местом встречи выбрана каюта командира «Расторопного».

—...Зеленым карандашом для резолюций пользуется на эскадре только один человек — заместитель, — продолжал

пояснять Лепко историю с переводом капитана II ранга Семенова.— Можешь мне верить, как художнику: глаз наметан. Впрочем, это известно и всем старожилам Порт-Артура.

Учитывая молодость южной базы Тихоокеанского флота, Лепко относил к старожилам вполне законопно и себя. После перевода Сергеева с «Николая I» на «Севастополь», он тоже вскоре покинул броненосец, плывал большей частью на кораблях, выполнявших задачи пограничного надзора восточных рубежей России, от Владивостока до Чукотки. Об этом свидетельствовал выделявшийся на его мундире Золотой знак «За службу в морской охране», считавшийся на флоте весьма почетным. Поэтому он хорошо знал и Семенова, который до поступления в Академию занимал должность флаг-штурмана штаба Тихоокеанской эскадры. О казусе с внезапным разжалованием Семенова ему рассказали знакомые штабисты. Оказалось, что Алексеев не пожелал утвердить приказ начальника собственного штаба адмирала Витгефта.

Посвящая Сергеева в эту историю, Лепко обобщил:

— Сработал пресловутый «ценз», но не исключено, что Семенова подвел и талант.

— Талант?!

— Да, у него большие способности к хорошему слогу: какую хочешь бумагу,— будь то казенная сухота или любовное послание,— в минуту накатает. Если угодно, и стихами. Славился еще и в корпусе... Так вот, в одном из заграничных плаваний Владимир Иванович, тогда мичман, оказался по случайности на одной палубе с кем-то из высочайших и получил через Алексеева предложение описать, разумеется, с вдохновением, поход, то есть выступить в роли придворного летописца. Ну так же, как это сделал князь Ухтомский, описав путешествие цесаревича Николая в Японию на «Памяти Азова»... Предложение Алексеева следовало понимать, как оказание большой чести, а наш мичман заартачился на манер мушкетера из романа Александра Дюма: «Я еще никогда не продавал ни своего пера, ни своей шпаги!»... Думаю, что Алексеев тот разговор не забыл.

Лепко прихлебнул из стакана и продолжал:

— Должен сказать, языковые способности у Семенова в самом деле незаурядные: за год японский выучил. Я столько долбил, а все равно плохо понимаю.

Лепко мог добавить, что его интерес к Семенову объяснялся не только совместной службой на Дальнем Востоке, но и творческим расположением: один — художник, другой — беллетрист. На оба вида таких занятий начальство всегда смотрело неодобрительно, как на пустую забаву, отвлекающую офицера от главного, от службы.

— Мой «Расторопный» тоже у наместника ныне не в милости,— заметил с коротким смешком Лепко. И так как Сергеев на это признание не прореагировал, спросил: — Ты что, ничего не знаешь?! Не слышал, что в ночь японской миноносной атаки два наших миноносца крейсировали в море на расстоянии двадцати миль от эскадры и проворонили врага?

— В штабе что-то говорили...

— Ну а говорили о том, как на одном из этих дежурных миноносцев была укомплектована команда?.. Тогда я скажу: из четырех командоров на борту был только один, из двух трюмных — тоже один, сигнальщиком стоял простой матрос, не умевший разбирать ни одного сигнала, машинную и кочегарную команду составляли большей частью из учеников, частью палубных матросов. То есть команда была настолько малоопытна, что матрос, назначенный быть трюмным, не знал, какой кран нужно открыть для приема воды, чтобы шла она не в трюм, а в цистерну...

— Странно, странно,— пробурчал Сергеев, удивляясь не только состоянию экипажа миноносца, но и горячности, боли, с которой говорил Лепко.

—...Так вот, этим миноносцем был «Расторопный», на мостике коего в ту ночь стоял ваш покорный слуга.

Заключение в самом деле оказалось более, чем неожиданным, и Сергеев, чтобы как-то успокоить товарища, вспомнил:

— На одном из японских миноносцев оказался тогда позывной «Стережущего».

— Но это-то понятно — шпионская работа. А про себя скажем словами автора «Истории государства Российского»: «...Итак, о том, что близко, мы лучше умолчим». Например о том, что на флоте Тихого океана хронический некомплект в личном составе: обер-офицеров не достаёт от 16 до 39 процентов, инженер-механиков от 25 до 29 процентов, артиллеристов от 11 до 31 процента, минеров — от 17 до 20, машинистов и кочегаров — до 16 процентов...

— Какой-то дырявый кошелек получается,— прервал скучную бухгалтерию Сергеев, попутно вспоминая подобный разговор с Крыловым в Петербурге, в порту.

— А знаешь ли, дорогой Александр Семенович, что в Порт-Артуре всего 153 снаряда для двенадцатидюймовок, зато во Владивостоке, где сейчас они нужны меньше,— 1037?..

— Мне бы побольше для моей 75-миллиметровой,— возразил Сергеев и продолжал с обидным недоумением: — Как я понимаю, арсеналы подсчитаны для того, чтобы их срочно пополнить. Непонятно другое — почему русский народ так любит бить себя? И все старается по мордасам, по мордасам! Как будто мало или хуже это делалось чужими руками.

— Не бойся врага умного, бойся друга глупого, что в переводе на восточный строй мышления означает: «Не страшно стадо львов во главе с ослом»...

Сергеев, по натуре не любящий намеков, неясностей, более уже не прислушивался к сетованиям товарища, и когда тот замолк, воспользовался паузой, чтобы подняться с дивана: забот у командиров миноносцев хватало. Лепко, пожимая руку, бодро предположил, что дальнейшее развитие событий предоставит им не одну возможность встретиться...

— И не только за столом,— дополнил с улыбкой Александр Семенович, прощаясь.

* * *

Предположение Сергеева исполнилось быстрее, чем можно было ожидать. На следующий день «Стерегущего» передали в распоряжение комиссии, которая должна была по указанию заместителя обследовать состояние уничтоженных брандеров. Принимая на борт группу чинов во главе с начальником Приморской обороны контр-адмиралом Лощинским, Сергеев изумился, увидев среди членов комиссии Лепко и Семенова.

— Нет, нет, мы тут не самые главные,— смеясь, пояснил Семенов.— Все значительно проще — у заместителя нет человека, знающего японский. Вот и пригодились наши скромные познания. Представьте, сколь квалифицированно мы допрашиваем шпионов Того: «...Ходи-ходи, шанго, капитано»... Выскажем такую комбинацию из трех

пальцев, то бишь дурацкого жаргона, и следствие закончено. Далее уже следует приказ — «На Казацкий плац!», что в обиходе означает — «На виселицу». Не подумайте, что утрирую. Экипаж «Ангары» — теперь уж моей «Ангары», — Семенов обернулся на просвет вправо от Маячного мыса, через который виднелся длинный однотрубный пароход с круто обрубленным носом, — занят тем, что проводит массовые облавы и обыски в соседних Артуру китайских деревушках. И каждый раз приводит «шпиона». А толку чуть: японские корабли благополучно обходят наши мины — их поставлено не так уж мало, около шестисот, — даже ночью не натываются!.. Мы же продолжаем играть в поддавки: вчера опять миноносец по глупому потеряли — «Внушительный».

— В Голубиной бухте, — подтвердил Лепко.

— И что любопытно, японцы, перехватив «Внушительный», который возвращался с дежурства, не пошли за ним следом, а стали расстреливать издали. Значит, знали, что перед бухтой мины!..

— Зато мы сами чуть не раскатали экипаж, — снова вмешался Лепко. — Уж после того, как миноносец был притоплен, его команда перебралась на шлюпках на берег и пешим образом двинулась в Порт-Артур, наши бдительные дозорные встретили ее винтовочным огнем, приняв за японский десант. Каково?!

Для мичмана Кудревича неожиданностью было увидеть в комиссии капитана I ранга Эдуарда Николаевича Щенсновича, командира «Ретвизана». Хотя кому же, как не ему, обследовать брандеры, ведь два из пяти потопил он. Кудревич, поглядывая на своего бывшего командира, с которым прошел полсвета, от Кронштадта до Порт-Артура, невольно почувствовал себя под особым магнитом, даже захотел отступить в рубку. Но Щенснович перехватил его движение.

— Здравствуйте, мичман!.. Не жалеете о «Ретвизане»? — и понимая смущение молодого офицера, капитан I ранга добавил: — Ну и правильно, что не жалеете: морские усы лучше наживать все же на миноносцах.

Кудревич знал, что мичман Щенснович в пору русско-турецкой войны «наживал усы» на минных катерах на Дунае, ходил на них, хрупких, вооруженных примитивными шестовыми минами, в отчаянные атаки на турецкие мониторы...

Комиссия решила начать свою работу с осмотра брандера «Хоу-Коку-мару», пытавшегося таранить и поджечь «Ретвизан». Изрешеченный снарядами пароход после взрыва, который произошел внутри его корпуса — из пролома в носовой части до самого утра выносило как из топки языки красного пламени — прикипел пропоротым дном к камням, влез на четверть своей длины в их россыпь. Спереди его еще удерживал якорь, непонятно кем и зачем сброшенный.

— Смотри-ка, и штормтрап нам подан,— балагурил Семенов, показывая на свисающую с кормы веревочную лестницу. — Приглашают подняться на палубу. Или на небо...

— Именно,— согласился адмирал Лощинский.— Могут встретить и пулей. Лейтенант,— обратился он к Сергееву,— прикажите спускать в воду вельбот с командой.

Пароход оказался безлюдным. Матросы двумя группами прошли по кубрикам и каютам, осмотрели залитое водой машинное отделение — нигде никого.

Судя по развороченному и обгоревшему форштевню, взрывчаткой была наштапована передняя часть судна. Дойди оно до «Ретвизана», воткнись в него массой в четыре тысячи тонн, броненосец был бы окончательно погублен...

— Ваше благородие, якорь-то сам упал,— сказал сигнальщик Кружков, разглядывая шпиль. Он обратился к Кудревичу, но Лепко и Семенов тоже захотели взглянуть.

Действительно, якорное устройство, удерживающее якорь в клюзе, было перебито осколком снаряда и, вероятно, поэтому якорная цепь и сорвалась со стопора. Впрочем, прочность стоянки брандера обеспечивал не столько якорь, сколько тяжелый груз — камнями были набиты даже угольные ямы.

— И на обратный путь топлива не осталось, все сожгли! — поразился Кудревич, заглянув в одну из ям.

— Они и не собирались возвращаться,— подтвердил Семенов.— На брандере, думаю, плыли смертники. У японцев это, как высшее состояние духа.

— Нехристи, а умирать не бояться,— удивился Кружков.

— У самураев нет души.

— Так уж и вовсе без души?— пробормотал сигнальщик и отошел, чтобы не гневить своими сомнениями начальство.

Комиссия, осмотрев «Хоу-Коку-мару», пришла к выводу, что пароход не представляет опасности для ремонтируемого «Ретвизана», ни для него самого, ни для выросших рядом на берегу временных мастерских и кузницы.

— Какова ваша точка зрения, Эдуард Николаевич?— спросил адмирал командира броненосца.

— Во избежание повторного нападения брандеров считаю необходимым усилить оборону обращенных к морю склонов Золотой и Маячной.

— Где взять орудия? Вы же знаете, все, что может стрелять, спешно перевозят на Цзиньчжоусские позиции.

— Если позволите;— вступил в разговор Семенов.— Можно снять 120-миллиметровые орудия с «Ангары», из нашей же команды набрать к ним и прислугу.

— Еще бы на этом брандере поставить торпедный аппарат,— сказал Щенснович.

— Разоружать эскадру?..

— Никак нет, спасти.

Ответ прозвучал резко. Об остром языке командира «Ретвизана» знали многие. Этим свойством он раздражал и наместника, вообще не терпевшего самостоятельности в подчиненных. На военном совете, состоявшемся за час до нападения японских миноносцев, Щенснович твердо стоял на том, чтобы не оставлять эскадру на внешнем рейде, да еще по диспозиции мирного времени, то есть скученно и с огнями. Его ничуть не убедили слова адмирала Витгефта, заверившего совет от лица наместника, что переговоры с японцами налаживаются, и что не политично раздражать их переводом крепости или эскадры на военное положение, что по этой же причине отменяется намеченная в ночь с 26-го на 27-е января учебная минная атака, а отряженные в Дальний миноносцы уже отозваны на базу...

Адмирал Лощинский, прибывший в Порт-Артур 29 января, узнал о споре на военном совете со слов самого командующего эскадрой. Старк пожаловался ему, что Алексеев буквально связал его по рукам и ногам, даже не позволил провести дальнюю разведку в море. Для убедительности показал свою записку, перечеркнутую знаменитым зеленым карандашом. Лощинский понял, что Старк боится ответственности за события трагической ночи, оставившие эскадру без трех лучших кораблей, и что такими доверительными беседами с сослуживцами он заранее подготавливает общественное мнение к своей возможной отставке.

«Конечно, прав Щенсович: необходимо усилить позицию при входе в гавань — и артиллерией и торпедными пушками», — подумал контр-адмирал и, пропуская мимо ушей резкий тон возражения офицера, глядя прямо в его смуглое черноглазое лицо, обрамленное темной бородкой с вьющимися нитями седины, ответил:

— Я подумую над вашим предложением, Эдуард Николаевич, а так же и вашим, — Лоцинский обернулся к Семенову. — Неплохо бы снять с брандера митральезу. Впрочем, исправна ли? — с этими словами адмирал, а за ним и комиссия, направились со шкафута в нос, к орудию.

В связи с тем, что японцев на судне не оказалось, документов — тоже, переводчики не понадобились, поэтому Семенов и Лепко занялись другим делом: Лепко вынул карманный блокнот и зарисовывал хорошо видный с палубы полузатонувший брандер, а Семенов решил заглянуть в рубку, где и задержался. Его, штурмана 1-го разряда, заинтересовал валявшийся под ногами обожженный и порванный лист морской карты. Расправляя потемневшую от жары кромку, он присмотрелся к помеченной на карте волнистой береговой линии, узнал в ней западную сторону острова Роунд. Это означало, что примыкающие воды, перечерченные линиями курсовой прокладки, относились к Печилийскому заливу. Правда, из-за прожженных мест нельзя было понять, откуда шел пароход, тем более, где снаряжался в качестве брандера. Не исключался, однако, и такой вариант, что карта была оставлена нарочно, а обозначенный на ней курс являлся ложным. Специально для дезинформации.

Семенов решил передать карту адмиралу. Свертывая ее в широкую трубу, чтобы не обломать опаленные края, он услышал снизу зов Лепко:

— Владимир Иванович! — и снова, совсем нетерпеливо: — Владимир Иванович, прошу спуститься на одну минуту!

Семенов буквально скатился на палубу и, ничего не понимая, проследил за рукой лейтенанта, возбужденно показывавшего на левое крыло ходового мостика.

— На обвес, на обвес смотрите!

Действительно, на поручнях мостика качалось брезентовое полотнище — обычное походное ограждение от брызг, ветра...

Недоуменный взгляд Семенова, вероятно, несколько остудил Лепко.

— Вот и я так вначале, ровно ничего не понял,— лейтенант взялся пояснять.— Видите красные полосы?

— Ну да — сурик разлит, размазан.

— Лучше присмотритесь.

— Не кровь же?!

— Да о другом я!— снова распалился Лепко.— Это же буквы, русские буквы, то есть надпись, письмо!

В самом деле, стоило внимательно присмотреться,— начертанные вкривь и вкось красные линии складывались в слова:

«ПОМНИТЕ МНОГОУВАЖАЕМЫЕ РУССКИЕ МОРЯКИ МОЕ ИМЯ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТ ЯПОНСКОГО ФЛОТА ТАКОЭ ХИРОСЭ».

Находка произвела на капитана II ранга ошеломляющее впечатление, какого не ожидал и Лепко. В пору адъютантства в штабе военного губернатора Кронштадта Семенову не раз приходилось встречаться по делам службы с японским военно-морским атташе Такоэ Хиросэ. Мобильность, карьера молодого офицера привлекали внимание. И Петербург был им покинут необычным для дипломата образом — из-за любовного приключения: девица буквально вешалась ему на шею, поэтому не оставалось ничего лучшего, как удрать на родину. Но так толковали люди, склонные к романтическому образу мышления, более же деловитые и осведомленные считали, что капитан-лейтенант был отозван генеральным штабом в связи с готовящимся в январе подписанием англо-японского союза. Возможно для доклада о состоянии военно-морского флота России.

Все это сейчас вкратце объявил Семенов членам комиссии, которые тоже подошли взглянуть на оригинальное послание бывшего атташе.

Посыпались реплики, вопросы:

— Зачем бы такому счастливчику брать на себя команду брандером, идти на верную смерть?..

— Этот Хиросэ — воспитанный человек: визитную карточку нам оставил...

— Ничего себе «визит» — вломиться на горящем пароходе в чужой порт!..

— Что не сделаешь ради неземной любви к русской барышне.

— Именно «барышне», — сделал ударение на «ы» адмирал Лоцинский. — Какой все-таки «барыш» искал Хиросэ в доме ее родителей? Боюсь, что вовсе не тот, который обычно мнится молодым офицерам, — адмирал взглянул на Кудревича.

Члены комиссии каламбур начальника отметили вежливыми улыбками, только Щенсович, пожав крутыми плечами так, что сморщились золотые двупросветные погоны без звезд, выразил сомнение:

— В подписи не заметно ни вызова, ни насмешки, скорее ее можно принять за дружественное уведомление. Война для многих — вражда вынужденная.

Семенов подумал, что командир «Ретвизана» как будто подслушал его мысли: у Такоэ Хиросэ и у него, Семенова, был общий хороший знакомый, Намото Цунэакира, тоже долго служивший в России по дипломатической части. Он-то и рекомендовал Хиросэ на учебу за границу, а с Семеновым сошелся еще во Владивостоке, будучи морским агентом в звании капитан-лейтенанта... Сейчас Намото уже капитан I ранга, командир «Асахи». Но мыслимо ли представить, что он нацеливает орудия своего броненосца на давнего доброго приятеля?.. Вот и Хиросэ уведомляет, так, как будто просит извинения.

...Разговор смолк сам собой, когда комиссия оказалась вновь в шлюпке, направляясь обратно к «Стерегущему». Предстояло, теперь уже на миноносце, обойти и осмотреть хотя бы снаружи остальные потопленные брандеры. Три из них были на виду, торчали над поверхностью моря носом или кормой. На самом отдаленном, что затонул возле горы Белый волк, на мачте трепетал набор флагов. Сергееву не понадобилось обращаться к международному своду сигналов — флаги означали фразу: «Терплю бедствие. Прошу оказать помощь».

Сигнал вызвал веселье: «С перепугу выбросили. К кому ночью адресоваться? Если к русским, то следовало поднимать — «Сдаемся»...

Лучше других мог бы ответить на эти вопросы Щенсович. В отличие от наблюдателей с Золотой горы, которые, заметив идущие к Порт-Артуру пароходы, вначале предположили, что это ожидаемые угольщики Гинцбурга — настолько те уверенно держали курс к входу в гавань, — дежурную службу «Ретвизана», раненного и потому более бдительного, насторожило то, что суда шли не колонной,

один за другим,— так наиболее удобно и безопасно для прохода по узкому фарватеру,— а россыпью, фронтом. Лучи прожекторов броненосца прошлись несколько раз по загадочной флотилии, вокруг нее и далее, пока не высветили силуэты чужих миноносцев.

Кто первым разгадал коварный замысел противника, потом спорили, но что было общепризнано, — «Ретвизан» начал огонь первым, и действуя, как выдвинутая вперед могучая батарея или форт, пустил на дно брандер, что лежал под Белым Волком...

... Лепко, закончив рисунок внешнего рейда, бегло очертил входной маяк и поднимающиеся за Тигровым полуостровом мачты и трубы линкоров.

— Поестъ захотелось,— скучно заметил Семенов, следя за карандашом товарища.

— Понимаю,— поддержал Лепко.— Это тебе не Нагасаки. Помнишь, стоило миновать скалу Патенберг, и уже с береговым ветром вдыхали запахи японской кухни.

— И аромат розовых ладоней юных див с бантами-бабочками на спине,— дополнил Семенов и продолжил зло: — В том-то и беда, что Японию мы познавали через поваров и чао-чаосанок. Изумлялись художественной эмалью и лаковыми поделками, карликовыми деревцами, вежливостью народа... А не поленись углубиться любопытством в историю хотя бы середины века, то и на скалу Патенберг в Нагасакской бухте взглянули бы потрезвее, и запахи почуяли бы иные...

— Причем тут Патенберг?!

— С этой скалы в 1858 году гостеприимные японцы сбросили в море десять тысяч христиан, разумеется, и своих отечественных, новообращенных.

Лепко отреагировал шуткой:

— И только-то! Нынче такую операцию можно провести более эффектно — сбрасывать христиан с колокольни нового православного храма в Токио: самое высокое здание в столице и построено на русские деньги!.. Представляешь, в настоящую минуту глава христианской миссии в Японии, наш священник отец Николай, творит молебствие за победу... японского оружия. В самом деле, не за наше же порт-артурское воинство молиться прихожанам-японцам, будь они хоть трижды крещенные?..

«Стерегающий», покружив возле брандеров, более ничего не обнаружил заслуживающего внимания, поэтому Ло-

щинский приказал Сергееву следовать в порт. Лейтенант, поглядывая с мостика на своих, почти беспрерывно беседовавших, товарищей, изумлялся их словообилию. Ему всегда казалось, что, по меньшей мере, половина слов, извергаемых в служебное время, воспринимаются, как пустые орехи — одни щелчки, без всякой сердцевины, без ядрышка...

— Вот мы и провели еще одну совместную операцию,— заметил Семенов, подойдя к мостику.— Мне снова возвращаться на так называемый крейсер: большинство офицерского состава — мобилизованные из Добровольного флота, играющие в строевых командиров.

— Это, ведь, пока,— возразил Сергеев, поняв, что Семенов жаждет сочувствия.

— Многие из матросов — новички с практикой в один поход — Владивосток и обратно. «Ангара» вернулась сюда только 17 января, а перед тем одиннадцать месяцев простояла в резерве в качестве плавказармы...

Сергеев сразу вспомнил о подобных же сетованиях Лепко и с добрым чувством подумал о своем старшем офицере Головизнине: скуп на слова, а команда у него в порядке.

— Пока воюю с грязью, с тараканами, а также с высокомерным благодушием и самодурством доброфлотских нельсонов,— продолжал свое Семенов, как-то внутренне надуваясь.— Они, видите ли, обижены и удручены: «Ангара», оказывается, предназначалась на роль прогулочной яхты наместника. А это карьера! Поэтому и во внутренней начинке крейсера ничего военного. Когда я прохожу по всем этим «promenade deck» и курительным салонам с бесчисленными коврами и картинами, то заранее ощущаю жар будущего пожара. Стоит удачно попасть в сию гостиничную роскошь одному снаряду, и «Ангара» мгновенно превратится в костер, а ее команда с вашим покорным слугой — в жаркое!

Сергеев улыбнулся: сколько пустых орехов, сколько щелчков?! — воистину литературно талантливый человек этот Семенов, как говорил Лепко. И чтобы как-то отвлечь Семенова, стремясь попасть в тон, сказал:

— Нехорошо получается, Владимир Иванович, вы возбуждали и во мне несправедливое чувство к «Ангаре». Сам не знал, что оно так глубоко затаилось... В марте 1895 года на рейде Коломбо меня, как ныне вас, тоже пересадили на

палубу «Ангары» с броненосца «Николай I». Тем было оборвано мое плавание с адмиралом Макаровым в дальневосточные воды, вот к этим берегам. Вас пересадил наместник Алексеев, а меня нынешний морской министр Авелан — тогда он был помощником начальника главного морского штаба. Перевел росчерком пера или карандаша, не знаю уж какого цвета, в Крошштадт, на сего красавца,— Сергеев показал на стоявший на якоре в Западном бассейне «Севастополь»...— И еще, ради справедливости обязан заметить: не помню, чтобы в том рейсе в Одессу на «Ангаре» была грязь или тараканы. И офицеры Доброфлота показались мне вполне приятными людьми...

— Александр Семенович, довольно,— взмолился Семенов.— Ограничьтесь одним ушатом воды.

...«Стерегущий», миновав основание Тигрового Хвоста, повернул к Адмиральской набережной, к причалу управления порта.

«...Мы не в праве бросить упрек русской женщине в ее неумении воспитать доблестного человека.

...Ребенок с колыбели приучается к сознанию лежащего перед ним долга. ...Если даже женщина в семье простонародья и делает свое дело по отношению к государству бессознательно, то заслуга ее от этого не уменьшается, и, разумеется, она стоит выше тех некоторых женщин среднего класса, которые, имея возможность сознательно отнестись к делу, дают государству хворых здоровьем и разбитых нравственно молодых людей».

(С.О.Макаров. «Рассуждения по вопросам морской тактики».)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

Приезд Макарова

Порт-Артур — эскадра и крепость — с нетерпением ждал Макарова. Здесь, на чертовых куличках империи, оказалось множество людей, знавших адмирала: одни служили под его командой, другие участвовали в совместных плаваниях, и, конечно, все были понаслышаны о делах этого флотоводца — боевых и научных, читали написанные им труды. Поэтому в разговоре каждый стремился внести в портрет, в духовный облик нового командующего флотом Тихого океана что-то еще и от себя.

Сдержаннее высказывались о Макарове в штабе наместника, хотя тут было кому поговорить — в его штате числились адмиралы и генералы, штабс- и обер-офицеры, да еще более десятка чиновников гражданских ведомств, а всего 93 человека. Сам наместник, генерал-адъютант Евгений Иванович Алексеев, внешне воспринял новость безразлично, хотя дал понять, что Петербург заранее согласовал с ним этот административный вопрос. Административный, не более.

Кое-кто предполагал значительные перемены. Основанием тому служили сведения, которые начали поступать из столицы сразу же после 4-го февраля, то есть со дня выезда оттуда Макарова: командующий взял с собой старших штабных офицеров и специалистов; для ускорения ремонта поврежденных кораблей подобрал с заводов Адмиралтейства — с корабельного Балтийского и оружейного Обуховского — лучших мастеровых, даже прихватил команду водолазов-спасателей из Ревеля. Говорили и такое, что сам Иоанн Кронштадтский, настраивавший

русское общественное сознание на активное постижение Востока, благословил Макарова на подвиг...

Ветераны-дальневосточники вспомнили, что таким же серьезным образом, то есть с заранее подобранным штатом, отправился в 1880 году во Владивосток вице-адмирал Лесовский. Он, в то время управляющий морским министерством, тоже в ответственный момент принял на себя командование всеми морскими силами на Тихом океане. При этом самые памятливые добавляли, что тогда же появился на Дальнем Востоке и Алексеев в качестве командира крейсера «Африка» — привел судно из Кронштадта в Японское море на усиление Тихоокеанской эскадры. Короче говоря, новый командующий Макаров только еще ехал на флот, а центробежные и центростремительные толки вокруг его имени уже действовали.

Вице-адмирал Старк заранее переправил свои вещи с флагманского броненосца на берег и запасся докторским свидетельством о пошатнувшемся здоровье. Многие знали, что в качестве прикрытия экс-командующий везет в Петербург рапорт, поданный им наместнику перед нападением японских миноносцев. В этом рапорте он обосновывал необходимость введения на эскадре повышенной боевой готовности, но получил категорично отрицательную резолюцию: «Мы никогда не были так далеки от войны, как сегодня»...

Кос-кому показался странным маневр, который предпринял глава всех вооруженных сил на Дальнем Востоке — он вдруг покинул Порт-Артур, отправившись в Мукден, в Маньчжурию. Желал ли он тем самым показать, что спокоен за крепость и за эскадру, или хотел проверить подготовку маньчжурского фронта? Имелось и такое мнение: Алексеев выехал на встречу с Макаровым, чтобы обсудить с ним, вне внимания и слуха Порт-Артура, все щекотливые вопросы, пока новый командующий не успел лично познакомиться с ними. Руки наместника, во всяком случае, были развязаны для поездки телеграммой императора от 7-го февраля 1904 года:

«Ввиду важности предстоящей борьбы, долженствующей окончательно обеспечить преобладающее положение России на берегах Тихого океана, и предвидя, что вам, как Моему наместнику, необходимо будет перенести свою резиденцию в более центральную местность, как например, в Харбин или другое место по вашему выбору, Я

признал полезным назначить вам в помощь генерал-адъютанта Куропаткина для начальствования сухопутными силами с правами командующего армией, и вице-адмирала Макарова с правами командующего флотом. Уверен, что назначение этих самостоятельных и ответственных главных начальников обеспечит вам, как Моему заместителю, выполнение выпавшей на вашу долю исторической задачи».

Отъезд Алексеева никого не осиротил в Порт-Артуре, так как его участия в боевых действиях не ощущалось — ни разу не вышел в море навстречу противнику, как бы забыв о своем звании полного адмирала, вполне удовлетворяясь придворным — генерал-адъютант. Его деятельность была в основном бумажной. Одной из последних бумаг, которую он подписал перед самым отъездом, стал приказ о награждении нижних чинов, отличившихся при отражении атаки брандеров,— не пофамильно, а выделив на каждый корабль, в соответствии с его рангом, определенное количество наград.

Словом, в Порт-Артуре во второй половине февраля сложилась тревожно-выжидательная обстановка. Из командования эскадры никто не предпринимал никаких решительных шагов, так как все находилось в полном певедении планов высшего начальства и, тем более, намерений противника. Японцы, получив отпор при атаке брандеров, тоже притихли, их флот на виду более не появлялся. Все это было непонятно, и поэтому возбуждало подозрения, слухи,— даже такие, что грядет удар подводными лодками, которые подведены к Порт-Артуру и выжидают в ближних водах момент, чтобы проникнуть на внешний или внутренний рейды.

И уже не слухи, а подлинные факты передавались из уст в уста о применении японцами отравляющих веществ. 27 января после ночной атаки японских миноносцев в сводный морской госпиталь поступила с крейсера «Паллада» группа матросов с непонятным легочным поражением — люди задыхались, хрипели, хватались за грудь. В результате расспросов врачи установили, что все они находились в помещениях, расположенных рядом с отсеком, в который попала японская торпеда. После ее взрыва, разворотившего борт корабля, пополз какой-то газ, перехватывающий дыхание.

Несколько человек из числа госпитализированных вскоре умерло, другие продолжали мучиться. Флагманс-

кий врач Бунге сделал официальное заключение: отравление произошло от неизвестного химического вещества, заложенного в торпеду,— газ выделялся одновременно со взрывом.

На эскадре негодовали. Тридцать три порт-артурских военных врача осудили этот акт, как варварский. Но дальние крепости их протест не был услышан. Это, вероятно, поощрило японское командование, позже оно неоднократно отдавало приказы использовать удушливые газы также и на суше, при штурме русских укреплений. В частности, зафиксировано документально, что 15 и 16 декабря 1904 года японцы, пытаясь выжить защитников форта №2, накачивали в казематы через щели, образовавшиеся после взрыва мортирного снаряда, мышьяковистый газ. Русские солдаты были вынуждены оставить форт, отравленные умирали в страшных мучениях.

Так сыны Ниппон в самом начале XX века первыми из так называемых цивилизованных стран ввели в практику, наряду с недозволенным методом начинать войну без объявления, еще и применение химических веществ для уничтожения противника.

В создавшейся обстановке эскадра нуждалась во флотоводце исключительного организаторского таланта, энергии и мужества. К числу таковых, всем было ясно, принадлежал Степан Осипович Макаров. Телеграфистов, как военного, так и почтового, железнодорожного ведомств осаждали с одним вопросом — где, в каком пункте Сибирской магистрали, он находится сегодня. А когда поезд командующего пересек границу Маньчжурии, желали о его местопребывании знать уже по часам. И вдруг с 18 февраля четырехсуточная задержка в Мукдене, куда ранее прибыл из Артура Алексеев. Причина — совещание с высшими армейскими чинами.

— Самое время для застольных бесед в тысяче верст от базы флота,— раздавались в крепости и на эскадре негодующие высказывания в адрес наместника, так как более некому было задержать командующего.

На этот раз поспешили с заключением. Совещание высших военных чинов, действительно проходившее под председательством Алексеева, обсуждало вопрос исключительной важности: о передаче в руки командующего флотом, то есть адмирала Макарова, власти над всеми морскими и сухопутными силами укрепленного района Квантуна и крепости Порт-Артур.

После горячих дебатов высокое совещание, как свидетельствует протокольная запись за 19 февраля, пришло к следующему решению:

«Для обеспечения единства действий эскадры и обороны крепости изъять последнюю из подчинения командующего армией, подчинив ее командующему флотом, что привести в исполнение по прибытии в Порт-Артур вице-адмирала Макарова».

Превосходное и дальновидное решение! Но разыграли амбиции. Престарелый генерал-лейтенант Линевиц, командовавший до прибытия Куропаткина Маньчжурской армией, изложил в письменной форме «особое мнение». Возражая против решения совещания, он привел единственный, на его взгляд неоспоримый, довод: «Это может привести к розни между крепостью и армией». Появились и другие оппоненты, в их числе и Куропаткин. Похоже, «одумался» и Алексеев, не очень-то настаивавший на реализации договоренности. На всякий случай он связался со столицей, откуда последовало высочайшее повеление, по которому крепость оставалась в подчинении командующего сухопутными силами. Таким образом, идея Макарова — сосредоточение командования Порт-Артуром в одних руках, была похоронена.

* * *

Макаров прибыл в Порт-Артур в восемь часов утра 24 февраля. Перед тем на день задержался в Цзиньчжоу, где его встретил генерал Фок, командовавший обороной стратегического перешейка, самого узкого места Квантуна. Фок заверил, что тыл Артура в этом месте защищен надежно, созданы артиллерийские позиции. В 12 часов дня адмирал посетил Талиенван, затем Дальний, познакомился с состоянием этих портов, осмотрел мастерские, склады, док, гавань — все портовое хозяйство...

В Порт-Артуре командующий, вопреки ожиданиям, прямо с вокзала проследовал не на флагманский броненосец «Петропавловск», а на крейсер «Аскольд». Почему такая честь? На этот, возникший у многих, вопрос, отвечали по-разному. Возможно, таким вниманием к безбронному быстроходному кораблю Макаров хотел показать, что не собирается отсиживаться в бухте; второе, крейсер являлся преемником корвета «Аскольд», на котором юный Мака-

ров, выпускник Николаевского-на-Амуре морского штурманского училища, когда-то отправился в свое первое далекое плавание из Приморья в Кронштадт, чтобы сдать экзамены на первый флотский чин — гардемарина. Наконец, могло иметь место и этическое соображение: дать возможность бывшему командующему эскадрой вице-адмиралу Старку подготовиться к уходу с флагмана.

...Построение, молебн — и над «Аскольдом» поднят флаг командующего флотом Тихого океана. После процедуры обхода на катере линии боевых кораблей, Макаров пожелал незамедлительно осмотреть и те, которым были нанесены повреждения.

Начали с «Ретвизана». На броненосце велись завершающие работы по снятию его с мели. Мощные турбинные землесосы непрерывно выкачивали из корпуса воду и ил. К десяти часам утра корабль заметно приподнялся, качнулся, и со всем своим «придамым» из портовых средств, с огромной шишкой деревянного кессона, пристроенного к пробоине, сполз с каменистой мели и всплыл.

Этого момента команда и ремонтники ждали, но он все равно наступил неожиданно. Люди как бы растерялись — предстояло покинуть насиженное место и аварийную жизнь на границе внутреннего и внешнего рейда. Конечно, очень тревожную жизнь, под постоянным прицелом врага, но все равно слаженную, где каждый как-то определился.

Катер с командующим появился в тот момент, когда вокруг «Ретвизана» уже началась суета буксиров. Несмотря на то, что корабль целый месяц находился вне строевой службы, в беспрерывном ремонте, внешне он выглядел подтянуто, чисто, как пошедший на поправку бывалый воин. Даже в корме, где производились основные работы, было благопристойно. Без суеты велась и заводка буксирных тросов.

Все это оценил адмирал и, завершив обход, он душевно поблагодарил офицеров и команду за сохранение корабля в непростых условиях, за его спасение и выразил надежду, что тот скоро снова будет в строю. И только перед тем, как покинуть корабль, Макаров сделал командиру Щенсновичу замечание по поводу излишней яркой щеголеватости свежепокрашенных надстроек.

— Даже дитя не терпит излишней заботы,— сказал командующий, обводя взглядом плотно поставленные, и точно в центре, три трубы «Ретвизана». — Задымленные меньше бы выделялись на фоне моря. Вообще Порт-Ар-

турская эскадра слишком нарядна для войны, пора бы перекраситься в однородный боевой цвет.

Замечание казалось раздумьем, патолкнувшим самого адмирала на вывод. Щенснович это понял и ответил своеобразно:

— Я руководствовался военной психологией: корабль, как и воин перед смертным боем, должен пересодеться в чистое...

Степан Осипович внутренне улыбнулся, слегка прищурил глаза, весело посмотрел на дерзкого каперанга, которого не видел со времени памятных проводов в шторм эскадры из Кронштадта. Дело в том, что тот употребил термин — «военная психология», который ввел в оборот не кто иной, как сам адмирал Макаров. В одной из лекций по морской тактике адмирал утверждал, что нравственный элемент, как составная часть военной психологии, имеет особое значение в поведении матроса в бою. Некоторые слушатели посчитали, что термин «военная психология» вообще неправомерен, так как есть наука психология. Макаров парировал просто: «Если появились понятия «мореходная астрономия» или, скажем, «судебная медицина», «военная хирургия», как самостоятельные ветви, почему не имеет право на жизнь «военная психология»?..

Сойдя на катер, адмирал, опершись на лобовое стекло, сразу же предался другим мыслям и заботам. На «Ретвизане» он оставил прибывших с ним из Петербурга крупных специалистов: инженера с Балтийского завода Вышкурцева и главного инспектора по механической службе Лицдбека.

Решающий момент для броненосца наступил в четырнадцать часов: влекомый упряжкой из десяти буксиров, пять с кормы, четыре с носа, а коренником — пароход «Силач», — он двинулся в сторону Западного бассейна. И хотя шел не своим ходом, и кормой вперед, это явилось воскрешением из мертвых, из унижительной неподвижности, возвращением к нормальной флотской жизни.

По случаю снятия с мели «Ретвизана» были приняты чрезвычайные меры охраны: рейд перед входом в бухту бороздили миноносцы, среди них и «Стережущий»; канонерские лодки «Бобр», «Отважный» и «Гиляк» стояли под парами с заряженными орудиями.

Суда и батареи по обе стороны прохода приветствовали оживший корабль, люди кричали «ура». Моряки старших возрастов крестились.

Радостное возбуждение перекинулось и на эскадру, на «Севастополе» даже загремел оркестр,— и так до самого бассейна, где «Ретвизану» было приготовлено место между «Пересветом» и «Ангарой».

Наконец, к пятнадцати часам броненосец установили на бочку, и вся вспомогательная кавалькада из портовых буксиров покинула его. Остались только «Силич» и землесос, продолжавший откачивать воду.

Макаров, вернувшийся после осмотра поврежденных японцами судов на «Аскольд», приказал поднять сигнал с выражением «Особого удовольствия». И что любопытно, снятие корабля с мели, казалось бы не имевшее прямого отношения к приезду нового командующего, тем не менее в разговорах связывалось с его именем как хорошее предзнаменование, символизирующее светлые надежды.

Адмирал словно не ведал усталости, в начале четвертого он вновь появился на катере в проходе, направляясь уже на внешний рейд. В сторожевой цепи всполошились, раздались команды, но катер проследовал на полном ходу дальше.

Кудревич, следя за ним через бинокль, рассказывал:

— Впервые я увидел адмирала Макарова зимой на Неве. Он тогда привел «Ермака» из Англии. Помню, все училище высыпало на набережную. «Ермак» так легко крошил лед, как будто это был не метровой толщины монолит, а застывшее баранье сало. Восторг! Кадеты обнимались, словно сами на мостике, и тоже с раздвинутыми, колышавшимися на ветру бородами...

Вечером Макаров перенес свой флаг на «Петропавловск». Он быстро завершил оформление бумаг по приемке эскадры от адмирала Старка и, не терзая его вопросами, пожелал на прощание скорейшего выздоровления, имея в виду рапорт и врачебную справку. Однако и эта заключительная процедура еще не известила о конце первого рабочего дня командующего. Поздно вечером он созвал совещание начальствующих лиц эскадры, командиров линейных кораблей, флагманских специалистов.

Слушая доклады, Макаров не перебивал, не задавал вопросов, но по насупленным бровям, покачиванию головой, гмыканью становилось ясно, что сдерживает себя с трудом. И когда флаг-инженер начал методично, пункт за пунктом излагать план ремонта поврежденных судов, он не выдержал:

— Таким планом можно воодушевить только Японию. Давайте исходить из жестких требований войны, из сложившейся обстановки. «Паллада», «Цесаревич» и «Ретвизан» должны быть в строю до конца марта, а первого апреля выйти в море в составе эскадры. Сумеете, Эдуард Николаевич?— обратился командующий прямо к командиру «Ретвизана».

— Если дела с ремонтом и далее пойдут как сейчас, то можно управиться.

— Лучше пойдут,— ответил на вопрошающий взгляд Макарова инженер Вышкурцев, пробывший весь день на броненосце.

— Жаль, первое апреля — дата не вдохновляющая,— добавил вполголоса Щенснович, повернувшись к соседу, командиру крейсера «Новик», капитану II ранга Эссену.

— Да, у нас нет большого дока,— продолжал Макаров,— и мастерские так себе, не хватает квалифицированных рабочих. Во всем этом я убедился. Однако,— Макаров внимательно оглядел собравшихся в адмиральском салоне «Петропавловска» и повторил громче: — Однако теперь надо думать и говорить не о том, что у нас мало того и не хватает сего, а о том, что делать, чтобы и малое приносило максимум пользы, боевой выгоды. Плачем, даже самым обильным, пожар еще никогда не заливали. Не давайте покоя ни себе, ни мне — никому! Мастеровых ищите на эскадре и в крепости среди солдат — слесарей, кузнецов, плотников. Старательных поощряйте дополнительным довольствием и, конечно, добрым словом... Японцы покуда сильнее нас в море. Это факт. Поэтому цена каждой боевой единицы в составе эскадры возрастает вдвое, усилить же ее мы можем только за счет отремонтированных кораблей. Вот и «Севастополь» — в инвалидной команде. Не так ли, Николай Кузьмич?— спросил Макаров командира броненосца капитана I ранга Чернышева.

— Машины на «Севастополе» с серьезными конструктивными недостатками,— ответил Чернышев.— Вынуждены заняться их переборкой. С первой покончили, приступаем к ремонту второй.

Начальник штаба эскадры контр-адмирал Молас уточнил:

— Задержка из-за запасных частей, хотя выписаны экстренным порядком. Пробовали выходить на рейд с одной машиной. Более четырнадцати узлов дать не могли.

— Утешительно звучит, в особенности, если вспомнить, что у «Асахи» восемнадцать с половиной... Мы застоялись, господа, в гавани. Подумать только, с третьего января по двадцать первое качались на якорях! Потеряно три недели ответственного времени... Будем наверстывать. Предлагаю командирам всех линейных кораблей и службам адмиралтейства к четырем часам утра 27-го февраля быть готовыми к выходу в море. Займемся отработкой совместного плавания и боевого маневрирования. Там и разберемся в остальном, что не договорили сейчас. Предупреждаю, что выходить будем в одну полную воду.

В салоне переглянулись.

— Но это вопреки существующим правилам,— начал командир порта контр-адмирал Греве.— И рискованно. Эскадру всегда выводили в два приема, в течение утреннего и вечернего прилива. Мешает узость и малая глубина фарватера.

— Тогда скажу точнее,— подтвердил приказ Макаров.— Мы должны выйти на внешний рейд всей эскадрой в течение двух с половиной — трех часов, никак не более, то есть как раз за период полной утренней воды. Втягиваться в гавань будем таким же порядком, с семнадцати до девятнадцати, в течение полной вечерней... Что касается правил мирного времени, они отменены войной. При выходе линейных кораблей,— тут Макаров взглянул на Греве,— портовые суда обязаны помогать им при разворотах в узостях, не страшась ответственности, хотя таковую ни с кого не снимаю. Миноносцам выходить и входить только на полном ходу...

И еще одно. Предлагаю забыть о любых формальных отписках, вроде только что услышанной — «раньше так не делали». В голове командира должно быть одно — скорейшим образом вывести корабль в море, лучше подготовиться к бою. Всякая попытка уклониться от личной ответственности, спрятаться за бумажки будет преследоваться. Так что прошу не «гонять зайца».

Макаровское выражение «гнать зайца дальше» было известно большинству офицеров, как и «в море — дома», вошло в лексикон, и означало — отделяться от самостоятельного решения вопроса с помощью канцелярского метода: оставлять на бумаге резолюцию не в виде решения, а всего лишь в виде передаточной надписи, то есть для окончательного заключения направлять ее в другое мес-

то,— гнать по бюрократическому кругу, по инстанциям, избегая под любым предлогом личной ответственности. Макаров люто не терпел этот прием. Но увидев сосредоточенные лица флагманов и командиров, встревоженных нестандартным его решением, смягчился, пояснив:

— Иначе, господа, нельзя, учитывая сложившееся положение. Нас долго съедала ржавчина зазнайства, мы с самого начала недооценили противника. Тяжелые потери — плата за эту ржавчину. Будем учиться выходить в море и по ночам, с боевыми огнями и вовсе без них. Впрочем, не все наши командиры и днем-то могут сориентироваться по берегам Квантуна, Кореи...

Последнее никто не собирался опровергать: в конце минувшего года на кораблях эскадры произошла массовая смена части офицерства, выплавившего ценз. На их места назначались те, кому, чтобы рассчитывать на продвижение по службе, необходимо было набрать дополнительное число кампаний за счет зарубежных плаваний. Но получилось так, что с началом войны «заграница» явилась к ним сама...

— До сей поры мы пассивно отражали удары противника,— продолжал Макаров.— Это тактика поражения. Да и где он, противник?.. Эскадра, как я донял, не только не осуществляла глубокой разведки в море, но не имела и усиленной дозорной службы. Теперь вынуждены сделать горький вывод: Желтое море оставлено в руках японцев. Они могут спокойно везти свои войска в Корею не через Фузан, а напрямую, через Корейский залив в Чемульпо. Это сокращает путь по линии Фузан — Сеул на восемнадцать переходов по труднодоступным дорогам! Из Нагасаки таким образом уже перевезли 12-ю дивизию. Что скажут нам, морякам, по этому поводу сухопутные силы, армия, думаю, догадаться не очень трудно.

Так что хватит подвергаться «неожиданным», как нам нравится говорить, коварным ударам. Коварные они из-за нашей нерасторопности в разведке. Вот и начнем с нее, рассчитывая в первую очередь на миноносцы. Не так ли?

Сидевшие рядом заведующие миноносными отрядами капитан I ранга Матусевич и капитан II ранга Гинтер переглянулись, понимая, что командующий приглашает их высказаться. Но опередил начальник штаба Молас:

— Дозорная служба и патрулирование на эскадре осуществлялись. Правда, недостаточно широко,— начал он,

используя прошедшую форму, чтобы подчеркнуть, что не все уж так плохо было при Старке, и взялся перечислять:— Для освещения двадцатимильного пространства вокруг внешнего рейда выпускались на ночь по два дежурных миноносца, канонерские лодки выходили с аналогичной задачей — для десятимильного, дежурные крейсера...

— И при всем том подпустили вплотную к эскадре целую флотилию вражеских миноносцев,— подвел итог Макаров.— Почему и заседаем сегодня здесь, в Артурской гавани, а не в Чемульпо, например. Так что поблагодарим адмирала Того за то, что он не бросил на нас в ту памятную ночь все свои миноносцы.

— Несомненно, что разведочная служба в настоящий момент требует перестройки, более четкой организации. Полагаю, что сможем приступить в ближайшие дни...

— Почему в ближайшие, а не завтра? — спросил Макаров, придвигая к себе список миноносцев.

— Позвольте, ваше превосходительство, о миноносцах? — спросил начальник штаба.

— Сделайте милость.

— Они простаивают из-за бесчисленных ремонтов, особенно постройки Невского завода. Из двенадцати только девять можно признать надежными. По слабости конструкции «невки» пригодны лишь для прибрежной обороны с ограниченным районом действия, не более ста миль. В состав эскадры их зачислили осенью прошлого года — приказ номер 70 от 24 сентября 1903 года,— блеснул памятью адмирал.— Что касается миноносцев, купленных за границей и предназначенных для активной деятельности и в открытом море, то среди них надежнее показали себя те, что закушены во Франции.

Поясним читателю. На эскадре имелось два отряда миноносцев. Первый, которым командовал капитан I ранга Матусевич, состоял из крупных, водоизмещением в 350 тонн минных кораблей французской и немецкой постройки, а второй — из отечественных, сошедших со стапелей заводов Адмиралтейства — Невского и Ижорского, водоизмещением в 240 тонн. Вторым отрядом командовал капитан II ранга Гинтер.

Русские миноносцы были доставлены на Дальний Восток с Балтики по железной дороге — для каждого требовалось до пятнадцати вагонов. Корпуса разрезались на две части, вставлялись диагональные распорки, и вместе с

котлами, вышув только машины, их клали боком на две пульмановские платформы. За длинную дорогу корабли прибывали к месту сборки иногда в виде железного лома. Не так уж мало трудностей было сопряжено и с буксировкой на Тихий океан миноносцев, закупленных за границей.

В этом духе и делал сообщение начальник штаба эскадры:

—...Из тринадцати присланных в Артур «иностранцев», на трех сразу же пришлось менять котлы, а на четырех провести полный ремонт. У «Грозового» и сейчас текут дымогарные трубки, у «Расторопного» что-то с машиной. 20 февраля во время снежной бури вышли из строя еще два миноносца,— их посылали в Дальний для конвоя парохода Восточно-Азиатской компании,— один выскочил на берег под маяком, другой пропорол себе днище о камни...

— Да, да,— остановил Моласа командующий.— Хватит перечислять скорбный список. Я знаю, что половина миноносцев стоит на приколе. Ставлю вас, господа, в известность, что мною направлено в министерство письмо с просьбой о срочной отправке нам из Кронштадта восьми новых миноносцев типа «Циклон» и о строительстве сорока миноносков. Далее, вы знаете, что сюда на пополнение эскадры идет отряд контр-адмирала Вирешиуса, с которым прибудет еще один отряд миноносцев. Ну а пока будем обходиться тем, что есть. Ваше мнение, капитан I ранга?— обратился Макаров к Матусевичу.

— Безусловно, разведочная служба — и дальняя и ближняя — нуждается в более четкой организации. И функции заведующего обозначены довольно эфемерно: он менее всего руководит боевыми действиями подчиненной ему группы кораблей в море, а занят, так сказать, на уровне пллопочного плаваная: Адмиралтейская набережная, угольный склад, мастерские, сторожевая цепь... Словом, береговая служба.

— Обещаю, что в ближайшие дни вам будет предоставлена возможность ощутить палубу под ногами. Вы правы в том, что, к сожалению, существует недооценка минных кораблей.

Степан Осипович по опыту знал, что никто из старших офицеров ничуть не горел желанием заведовать кораблями 3-го ранга, к каковым относились и миноносцы, так

как это не открывало перспектив на быстрое продвижение по службе. Такое положение Макаров считал в корне неверным, так как миноносец требует особых тактических познаний, личной инициативы, даже особого склада характера командира. Еще четыре года назад он специальным рапортом предлагал изменить порядок назначения заведующих миноносцами и их командиров, доказывая нелепость положения, когда на такие должности выдвигали офицеров, до которых просто еще не дошла очередь командовать судном первого или второго ранга, или таких, у которых не было надежды выплывать ценз на адмиральский чин. «Вот и получалось, писал Макаров, что первые эту должность занимали временно, а вторые только потому, что чересчур стары и потеряли надежду на производство в адмиралы. Однако ни те, ни другие не могут вполне отдаться этому живому делу»...

Макаров внимательно взглянул на Матусевича, на Гинтера. Да нет, эти не подходят ни под ту, ни под другую категорию. Гинтеру лет этак сорок пять или чуть более, то есть на продвижение в чине может рассчитывать, командовал канонерской лодкой «Сивуч». Значит, пристроился временно в ожидании вакансии. Матусевич несомненно более крупная фигура: командовал крейсерами первого ранга, а перед назначением на должность заведующего отрядом — Квантунским экипажем. Получается, что и этот при миноносцах тоже временный. И берег не жалуется. И как бы отвечая Матусевичу, Макаров возразил:

— Никак не сочувствую вашему взгляду на береговую службу, хотя этот предрассудок разделяется многими строевыми офицерами. Берег — это половина победы! А в сложившихся условиях Артура — и того больше. Если мы позволим японцам занять Корею — высадиться уже позволили, — они непременно двинутся к Квантунскому полуострову, сосредоточат здесь большие, чем у нас, силы. Перережут, конечно, железную дорогу и ударят с тыла в Порт-Артур и Дальний.

Контр-адмирал Лоцинский, слушая командующего, обидчиво посапывал, считая, что умалчивание о произведенном минировании подходов к Артуру и Дальнему является недооценкой его усилий по обороне этих портов и их рейдов. Он попросил слова и коротко доложил о проведенных операциях, а под конец — и о самых последних охранительных мерах:

—...Сообщение с берегом прекращается с заходом солнца, то есть к семнадцати часам. Огни на судах затемняются. По договоренности с комендантом крепости генералом Стесселем с наступлением темноты окна домов в городе со стороны моря тоже наглухо закрываются. Приказано тушить огни в вагонах поездов, приходящих ночью или поздно вечером,— рубил фразу за фразой Лоцинский.— Проекторы...

— Все это хорошо,— остановил начальника обороны Макаров.— Я о другом: о береге и его охране мы должны думать не только тогда, когда бежим на полном ходу под укрытие батареей Золотой горы, но и беспокоясь о флангах. Исходя из обстановки, нам придется поделиться с крепостью артиллерией. В первую очередь поставить орудия по бокам входа в гавань. При этом, как можно ниже к воде. Так мы будем держать под обстрелом ближний участок моря, не достижимый для высоко расположенных батарей из-за «мертвого угла».

Лоцинский встрепенулся и посмотрел на Моласа: после обследования брандеров он говорил ему о разумном предложении капитана II ранга Семенова. Начальник штаба понял его взгляд и, поморщив большой нос с горбинкой, ответил:

— Мы уже думали об усилении обороны Маячного мыса и обращенного к морю склона Золотой горы. Орудия можно снять с «Ангары».

— Добро. Из ее же команды подобрать строителей.

В разоружении «Ангары» и в том, что Макаров мобилизует ее экипаж на строительство двух береговых батарей, кое-кто увидел резкий жест в сторону заместника, что касается слов о слабости береговой обороны, то они прозвучали упреком и в адрес коменданта крепости генерал-адъютанта Стесселя. Но участники совещания удивились бы еще более, знай они, что еще в день вероломного нападения японцев перед управляющим делами морского министерства вице-адмиралом Авеланом было положено письмо командира Кронштадтского порта Макарова о срочной необходимости усилить оборону Порт-Артура с прямым предупреждением.

«...Из разговоров с людьми, вернувшимися с Дальнего Востока, я понял, что флот предполагают держать не во внутреннем бассейне Порт-Артура, а на наружном рейде... Пробывание судов на открытом рейде дает неприятелю

возможность производить почные атаки... Японцы не пропустят такого бесподобного случая нанести нам вред... Я бы считал, что благоразумие требует держать не занятые операциями суда флота во внутреннем бассейне.

Если мы не поставим теперь же во внутренний бассейн флот, то мы принуждены будем это сделать после первой ночной атаки, заплатив дорого за ошибку.»

Заплатили и уж куда дороже!.. Никогда ни морской министр Авелан, ни начальник главного морского штаба Рожественский не простят Макарову это письмо, предостережению и совету которого не пожелали последовать...

— У нас не только упущения с разведкой, мы толком не знаем, что делается рядом на море. Я убедился в этом, заглянув на Золотую гору, на станцию наблюдения. Этой станции надлежит освещать круглые сутки обстановку на внешнем рейде в радиусе до тридцати миль. В действительности же ее сигнальщикам вменена роль всего лишь передатчиков указаний, которые поступают с мачты строевого отдела штаба заместника или с флагманского корабля. Не так ли, Николай Романович? — Макаров обратился к Бреве.— Они даже не пытаются понять сигналы, порой несут несурезицу.

— Да, репетуют механически. На станции нет набора сигнальных сводов — не положено.

— Ну так вот, с завтрашнего утра там должны быть эти книги, храниться безусловно ответственно... Нет у сигнальщиков и силуэтов кораблей японского флота. Они не в состоянии определить их при появлении на рейде, и таким образом выдают неверную обстановку. Прошу в самые малые сроки сделать фотографии или рисунки судов неприятеля.

Командир порта, очень обиженный за разнос, который учинил ему командующий, да еще публично, хмуро ответил:

— Есть! Мне известен превосходный художник... Силуэты были, но их отпечатали в типографии «Нового края» на такой дрянной бумаге, что за неделю истрепались...

— И завести на станции вахтенный журнал. Считать ее центральной, связав телефоном со всеми пунктами наблюдения, чтобы иметь картину. Во главе станции поставить опытного, хорошо знающего Квантунские берега морского офицера... Сегодня под вечер я прошел местами, где нас атаквали брандеры. На месте «Ретвизана» у Маяч-

ной горы — весьма удачная позиция, предлагаю ставить там на дежурство легкий крейсер, чтобы мог выйти на рейд в любую минуту... Как дела с «Новиком»? — Макаров обернулся к командиру крейсера Эссену.

— Завершаем испытания после починки.

— Кстати, об испытаниях. Требую от командиров — знать до конца возможности своего корабля. Еще раз проверить наличие формуляров, сверить с ними данные присмных испытаний, то есть задавать машинам не меньшей, чем указано, ход и силу... Вот, пожалуйста, и все на сегодня. Господа, вы свободны. Заведующих отрядами миноносцев и вас, Михаил Павлович,— обратился Макаров к Моласу,— прошу задержаться.

Гинтер и Матусевич, поправив стуртуки, вытянулись.

* * *

В седьмом часу вечера, когда «Стережущий» вместе с другими кораблями, охранявшими операцию снятия «Ретвизана» с мели, возвращался на внутренний рейд, со стороны города показался миноносец. На мостике Сергеев издали разглядел знакомую фигуру Юрасовского.

«Куда это он на таком бешеном ходу?» — подумал Сергеев, зная страсть товарища к скоростям. Когда «Страшный» приблизился, Юрасовский поднял руку и потряс ею, не то приветствуя, не то предупреждая, что несет добрую весть, и стал разворачиваться, с расчетом ошвартоваться возле «Бобра». Капонерка стояла на самом проходе, с ее полубака тоже тревожно следил за лихими маневрами миноносца вахтенный начальник.

Блеклый вечерний сумрак нагнетал атмосферу пасторженности, и как бы отдалил неряшливо обжитую, в связи с ремонтом «Ретвизана», береговую полосу с лежавшими на ней грудями материалов. Тут были бревна, доски, листы железа, тросы — все, чем пользовались при строительстве кессона.

Зато «Бобр», сиявший белыми бортами, четко вырисовывался на фоне темно-фиолетовой воды, противостоя тускневшим краскам суши и моря, снижавшемуся небу. За его плавно скошенной кормой с Андреевским флагом лежали многие тысячи штормовых миль, пройденных за два десятка лет непрерывной морской службы. Это много даже для железа. Смолоду «Бобр» носил паруса, сейчас же

о них напоминали только высокие мачты. Обшарпанные влажные клюзы смотрели грустными глазами старой заезженной лошади, все сделавшей для людей. Увы, «Бобр» не представлял особой боевой силы — были расстреляны до предела его пушки — одна девятидюймовая и дюжина малых калибров, — которые уже не могли поражать на дальние дистанции. Но для ближнего боя корабль еще годился...

«Страшный», прислонившись тенью к борту капонерки, просигнализировал «Стерегущему»: «Высылайте шлюпку за подарками».

— Прямо скажем, любопытная повесть, — Кудревич оглянулся на Сергеева, ожидая указания.

— Спустите на воду четверку.

Весть о неожиданных подарках растормошила команду. Кто был свободен от вахты, вышел на палубу, провозжая взглядом шлюпку.

— Навались! — приказал Кудревич, усаживаясь в корме у транцевой доски, и взявшись за румпель, задал темп: — И раз, и раз, и раз...

В ритме этого счета размеренно опускались и поднимались весла, разгоняя шлюпку.

На баке, как обычно, пересуды с подначками:

— Погляди-ка, вяцкий только воду цедит, — сказал комендор Майоров, имея в виду загребного, первогодка-сигнальщика Ворожцова.

— Вятские — они хватские на дармовщину: за подарками — это тебе не за якорями для мин. Можно бы и покрепче грести, — поддержал комендора орловец, матрос I статьи Константин Красников. — В экипаже, видать, мозоли только на руках нажил, а надо еще и на заду.

Матросы переговаривались, лукаво поглядывая на мишного машиниста Тимофея Сапожникова, тоже вятича. Сапожников промолчал, чтобы лишний раз не цокать, не вызывать тем новую насмешку.

Шлюпка подошла к «Страшному». Кудревич, не поднимаясь на судно, перебросился несколькими фразами с Акинфиевым, который подал за борт парусиновый чемодан.

— Как пушинка, — разочарованно протянул Осинин, наблюдая, как гребцы легко передавали его через банки в нос шлюпки.

— Так не колосники ж в нем. Поди монпасье да пряники.

— Не-е, шоколады-мармелады,— возразил Красников.— «Девочка Надя, чего тебе надя? Ничего не надя, кроме шоколада».

— Лучше бы, братцы, сало этак пальца в четыре толщипой,— помечтал полтавчанин матрос Марк Лемешко.

— Кому что, а хохлу только бы сало с салом.

— И штаны с мотней пошире.

Так перекидываясь безобидными шутками, дождались шлюпки и, снедаемые любопытством, бережно тискали пальцами парусиновые бока чемодана, шнуровку.

Догадливых не оказалось. В мешке лежали табакерки и кисеты для матросов, а для офицеров в отдельном пакете папиросы и еще вязаные шерстяные шлемы. Судя по приложенной записке, шлемы прислала сама вдовствующая императрица Мария Федоровна.

— Путают в Петербурге Порт-Артур с Императорской гаванью,— разочарованно протянул Кудревич, и уточнил: — Подарков пришло, сказали, два вагона, да еще ящик брошек с эмалевыми портретами Стесселя. Интенданты думали, думали — куда их, и отдали дамам из благотворительного комитета...

«Страшный» тем временем продолжал развозить мешки с подарками по другим кораблям.

На следующий день утром эскадру ждала еще одна волнующая новость: из морского министерства пришла телеграмма о награждении всех офицеров и нижних чинов, а также священников крейсера «Варяг» и капонерской лодки «Кореец» боевыми наградами. Командиру «Варяга» капитану I ранга Рудневу, сверх Святого Георгия IV степени, высочайше было пожаловано придворное звание флигель-адъютанта. Матросы получили Георгиевские кресты.

По распоряжению Макарова телеграмму без промедления объявили по эскадре. Правда, из нее нельзя было понять, где в данный момент находились герои. Первое точное сообщение о событиях в Чемульпо поступило совсем недавно из Шанхая.

После боя с японской эскадрой и гибели «Варяга» с «Корейцем», их экипажи были приняты находившимися в бухте кораблями нейтральных стран и только командир американского сторожевика с громкой фамилией Маршал категорически отказал в такой элементарной помощи даже раненым.

Основную массу русских моряков взял к себе на борт французский крейсер «Паскаль». На него же перебрались и служащие русской дипломатической миссии в Сеуле и находившаяся при ней охрана из моряков.

Командир «Паскаля» Виктор Сэнес доставил дипломатов по их просьбе в Шанхай, куда прибыло к тому времени и русское посольство из Японии во главе с бароном Розеном. Этим заходом в нейтральный порт и воспользовался Руднев, чтобы направить по телеграфу в два адреса — в Петербург, на имя управляющего морским министерством, и в Порт-Артур — наместнику, обстоятельное боевое донесение, которое послужило документальной основой столь массового награждения орденами экипажей военных кораблей.

Глава 2

Пойдут «Решительный» и «Стерегающий»

Такой февраль порт-артурские старожилы и не помнили: в начале его стоял российский апрель — ходи по верхней палубе в распахнутой тужурке, но с 14-го палетела гроза с градом, после нее норд-ост с морозом в пять градусов. 20-го вроде бы отпустило — бухту посетил южак с дождем, к полуночи же снова минус три градуса и пурга. Словом, чуть ли не каждый день скреби палубу — то от льда, то от мокрого снега.

Сегодня, наконец-то, показалось солнце. Сверкнув из-за Золотой горы подобно прожектору, оно тут же угодило в месиво отступавших на северо-запад низких косматых туч. Одна из них, самая нерасторопная, висела маньчжурским малахаем на макушке Ляотешаня, ее серо-рыжие лохмы сливались с поднимавшимся от моря густым туманом. Солонватая с тяжесть водяных паров ощущалась на губах, липла к щекам: поднеси ладонь к лицу — и размазывай, как вазелин...

В этой сырой мгле силуэты броненосцев с нанизанными на их мачтах ярусами рубок, башен, смотровых площадок и прочих надстроек, мутнели как тени. Возле

«Петропавловска» и «Севастополя» жались баржи с углем. Оттуда доносился грохот лебедек, гудение тросов,— шла догрузка топлива,— корабли готовились к намеченному на завтра, на раннее утро 27 февраля, выходу эскадры в море.

Минопосным отрядам тоже была объявлена суточная готовность, поэтому «Стерегущий» не стал подключаться к пароходу-отопителю, продолжая поддерживать давление пара в котлах, обогревая каюты и кубрики.

Кудревич, глядя на вливавшиеся с моря в бухту клубы тумана, заметил досадливо:

— Авария что ли в небесной кочегарке?

Головизнину, стоявшему рядом на палубе, следовало бы по логике как-то откликнуться.

«Монумент,— подумал мичман, досадуя на неизменно ледяную корректность старшего офицера.— Мнит себя спокойнее камня».

Старший офицер молча достал носовой платок и стал вытирать им струящиеся по лаковому козырьку фуражки капли тумана — единственный жест, который вызвал его из неподвижности. А причина для беспокойства имелась — командира, лейтенанта Сергеева, с утра вызвали к начальнику эскадры и, разумеется, Головизнин по этому поводу мог что-то сказать, если уж не желает про погоду.

Кудревич почувствовал, что холодный ручеек проник ему за ворот, поежился, стягивая сырость с плеч, и снова переключил свое внимание на рейд — на пятитрубном «Аскольде», стоявшем западнее «Севастополя», на стеньге подняли какой-то флаг. Прочсть сигнал было невозможно — из-за полного безветрия флаг не только не развернулся, но еще и провис под тяжестью влажного воздуха.

Вахтенный сигнальщик Кружков виновато оглянулся на мичмана. По положению, если сигнальщик затрудняется с определением сигнала или ошибается, за него отвечает вахтенный офицер. И верно, Кудревич успел в какой-то момент, пока поднимался флаг, уловить взглядом, что это желтое прямоугольное полотнище, означающее букву «Д», т. е. по старославянскому алфавиту — «Добро», сигнал — «Согласен». Но с чем на броненосце согласны, кому отвечали, было непонятно. Скорее всего переговоры касались погрузки топлива, так как со стороны угольного склада показался буксирный пароходик, тащивший глубоко сидящую в воде баржу. Медленно-медленно проползая сквозь туман, как бы паря в нем, он подавал натужные гудки.

И вдруг, словно отвечая портовому трудыге, разом заговорили рынды — со всех сторон, оповещая четырьмя ударами, что минуло два часа после полудня. Время, которое в тумане тоже ползло, встрепенулось, сбрасывая с меди туманную пошу, распечатывая заложенные как будто мокрой ватой уши, пробуждая и мозг.

Корабельные колокола звенели вразнобой — сказывались расстояния — но ты, вахтенный, проверь свой слух, его натренированность: красно заливаается — это на «Новике», потяжелей, приглушеннее — на «Севастополе»...

Бой склянок пробудил еще раз размышления у мичмана о причине срочного вызова командира. Этот вызов к тому же спутал его план — побывать в городе, так как вахты следовало сочетать таким образом, чтобы на миноносце отсутствовал лишь кто-то один из офицеров.

Головизнин тоже собирался уволиться на берег, ему очень хотелось повидать жену брата Константина, Наталию Евгеньевну. Канонерская лодка «Маньчжур», на которой Константин служил старшим офицером, оказалась, как и «Кореец» с «Варягом», стационаром в порту Вузунг, под Шанхаем, и с началом войны была интернирована китайскими властями.

В последний раз братья встречались в середине ноября прошлого года. «Маньчжур» вернулся в Порт-Артур из полугодового плавания к берегам Камчатки, Анадыря и Чукотки, нес там патрульную службу. Новое назначение, на пост стационара в большом иностранном порту, в тепле и подальше от высокого эскадренного начальства, радовало и офицеров и команду. И в самом деле, по рассказу Наталии Евгеньевны, Константин чувствовал себя на новом месте превосходно. Она побывала у него в Шанхае на Новый год, съездила туда вместе с женой командира «Маньчжура», капитана II ранга Кроуна, и их десятилетним сыном Ромой. Кроун был дальновидным человеком: перед самым уходом лодки, 19 ноября, он при прощании заметил, что расставание может оказаться длительным, так как близится война с Японией.

Теперь-то уж брат в Порт-Артур не скоро вернется — корабль разоружили, а команду, очевидно, вышлют на родину. Хорошо, что Наталия Евгеньевна из морской семьи, дочь капитана II ранга Прокоповича, то есть знает, что такое ждать. Однако в сложившемся положении ей все-таки лучше переехать в Пензенскую губернию, в родовое имение. Возможно, она уже и собирается, с ней можно

будет что-то передать и своей «госпоже лейтенантше» — так Николай Семенович называл в шутку собственную супругу, проживавшую в Москве и, судя по письмам, рвущуюся к нему.

Константин был на семь лет старше, но тоже ходил в лейтенантах, хотя имел большой срок плаваний — и в Средиземноморской эскадре и в Черноморском флоте. В Сибирский экипаж он прибыл в 1902 году из Севастополя и был сразу же назначен артиллерийским офицером на «Маньчжур», а через месяц занял должность старшего офицера...

Совсем другая причина звала в город мичмана Кудревича — он рассчитывал попасть на концерт. Несмотря на военные действия, в Порт-Артур прибыла из столицы Сибири, из Иркутска, музыкально-драматическая труппа. Она учла приказ командующего — к спуску флага, то есть к закату солнца, всем офицерам быть на своих кораблях, поэтому давали представления и в дневное время.

Порт-Артур в отношении искусства являлся пустыней. В городе имелся жалкий китайский театрик, в который время от времени заглядывали кочующие провинциальные труппы, а летом приезжал еще цирк-шапито. Так что духовные запросы офицеров удовлетворяли главным образом увеселительные заведения с музыкой и эстрадой, и девушками для развлечения. Впрочем, «Варьете», именуемый кафе-шантаном, имел при оркестре и профессиональную певицу, меццо-сопрано мадемуазель Лодо. Девушки в заведениях вербовались по всей России по тому же принципу, по которому везли их сверстниц на Нижегородскую, Ирбитскую и другие всероссийские ярмарки. Главное, чему учили хозяйки жриц любви еще по дороге в Порт-Артур,— это не жалеть ласки для господ офицеров, чтобы выманить побольше денег, и уметь заработанное мгновенно прятать повыше, за чулок...

Начавшиеся военные действия несколько притушили, но не парализовали увеселительный промысел, а две последние недели затишья и неопределенности, связанные с ожиданием нового командующего, вновь его оживили.

Кудревич, как и многие из молодых офицеров, шел на концерт иркутян в надежде устроить еще и свидание — договориться с понравившейся артисткой посредством записки, жеста, а нет, то добиться визита за кулисы...

Мичман, машинально коснувшись рукой «лиселей» — отогнутых концов стоячего, накрахмаленного до железной упругости, воротничка, пожалел, что из-за осевшей на них туманной сырости они уже не покажутся свежими, цвета первого снега, — перед концертом придется снова менять сорочку. Он рассчитывал, что командир вернется к пятнадцати часам, на начало которых было назначено представление.

* * *

Сергеева полуденные склянки застали на подходе к двухэтажному зданию управления порта. Миновав набережную, он обратил внимание на круглую афишную тумбу и машинально вспомнил о Кудревиче, о его шумных сборах на концерт. Тумба была оклеена старыми пожелтевшими и отрепанными афишами, зазывавшими на цирковое представление с участием балерины — «Мраморная ножка», поверх которых были приколоты наспех и от руки написанные — о предстоящем концерте. Вместо фамилий артистов стояли звездочки; назывались только драматурги и композиторы — Шекспир, Чайковский, Бизе, Островский — и перечислялись номера...

Здесь, на повороте, Сергеева догнал капитан II ранга Боссе. Толком они так и не познакомились, не вели разговоров, кроме самых обязательных, то есть по службе.

Всезнающий Юрасовский говорил, что Федор Эмильевич Боссе с недавних пор остался вдовцом, и это, разумеется, как-то оправдывало его угрюмость. Единственную дочь он отдал на воспитание в институт. Потеря супруги и толкнула его на просьбу о переводе в Порт-Артур. Он являлся вполне благополучным офицером: по происхождению из потомков французских эмигрантов, пригретых при Екатерине Второй, служил на виду у сильных мира сего — на крейсере «Память Азова», когда его шефом стал сам царствующий император. И ценз выплавал — 25 кампаний, о чем свидетельствовал орден Владимира 4-й степени с бантом...

Боссе, отправляясь на Тихоокеанский флот, не без основания рассчитывал получить в командование боевое судно, но, конечно, не думал, что таковым будет малый миноносец, тем более, что и на него придется «продираться», упрашивать заместника. Неприятно было сознавать,

что своим неожиданным назначением на занятое место — а занято оно было вполне достойным офицером, что Боссе понял сразу же при знакомстве с Семеновым, — он пришелся не очень-то по вкусу команде. «Не очень-то» еще и потому, что был лютеранином, и поэтому каждый раз на утренней молитве вынужден был стоять истукапом, не крестясь. На кораблях с большим экипажем такое не особенно заметно (на «Памяти Азова», например, — 600!), да и редкий крейсер или броненосец обходится без офицеров-«иноверцев» из тех же прибалтийских дворян, на миноносце же на виду каждый.

Не выражал стремления сблизиться с Боссе и Сергеев, хотя узнав, что тот воспитывает в одиночестве дочь, мысленно ему посочувствовал, невольно вспомнив о своей малышке-племяннице Галине.

Боссе, догнав Сергеева, раскланялся и, желая опередить, прибавил шагу. Но ограда палисадника, сузившая дорожку, помешала его намерению, и офицеры перед подъездом оказались локоть к локтю.

— Господа, берите катер и срочно следуйте на «Петропавловск», — встретил их дежурный офицер. — Вас ждет командующий. Заведующий вашим отрядом капитан II ранга Гинтер уже там, — добавил дежурный уже в спину.

В самом деле ждали.

— Прошу, господа офицеры, прошу, — адмирал Макаров жестом остановил рапорт Боссе и, выйдя из-за стола, обратился к поднявшемуся со стула Гинтеру: — Как говорится, ближе к делу, в данном случае — к карте.

В каюте адмирала находился еще один человек, тоже капитан II ранга — высокого роста, светлолицый, со вздернутым коротким носом, под которым разлетались пышные усы. Сергеев узнал в нем бывшего командира ледокола «Ермак» Васильева, сподвижника Макарова по арктическим походам. В последнее время Васильев занимал должность заведующего миноносцами в 20-м флотском экипаже в Гельсингфорсе. Макаров, формируя руководство флотом Тихого океана, добился его перевода на должность флаг-капитана командующего.

Однако перед Сергеевым мелькнуло другое время, другое место — Пирей, январское утро 1894 года, вокзальная платформа с только что подошедшим поездом, и счастливое лицо лейтенанта Васильева, тогда командира миноносца «Котка», обнимавшего прибывшую из Петер-

бурга хорошенькую жену-девочку. На эскадре вскоре узнали, что, несмотря на юность, она категорически пожелала свою первую «женатую» зиму провести вблизи Средиземноморской эскадры, где служил ее супруг. Не покинула его и летом, а 20 октября принесла сына, названного при крещении Владимиром, с добавлением шуточного титула — «Пирейский».

Через год с небольшим Васильев сменил Руднева на «Николае I». Броненосец вернулся с Дальнего Востока опять в Средиземное море, крейсировал вблизи Кипра. На острове началось народное восстание против турок, и прибытие туда флагманского корабля эскадры недвусмысленно выражало дружеские чувства русского народа к освободительному движению киприотов...

Все это, как поднятые порывом ветра книжные страницы, прошлестело в памяти Сергеева, пока он прошел пяток шагов за адмиралом к стене, где висела подробная карта северной части Желтого моря.

Васильев тоже узнал бывшего старшего минного офицера «Николая I» и подтвердил это дружеским кивком. И хотя их знакомство в Пирее можно было назвать шапочным, оказавшись возле бывшего командующего Средиземноморской эскадрой, они оба оглянулись душой на то далекое время и ощутили в себе единомыслие случайно встретившихся земляков.

— Месяц войны показал, что японцы с самого начала действуют наступательно и, наоборот, мы недостаточно активны и подвержены неожиданным атакам,— заговорил Макаров, глядя на карту.— Эта неожиданность определяется в первую очередь нашей нерасторопностью в разведке — ближней и дальней, отсутствием точного знания дел в бассейне Желтого моря. Район обширен, до крупных баз противника не менее пятисот миль, но японцы в состоянии быстро создать, а возможно уже создали, как это было в японо-китайскую войну, временные, например, на Элиотах,— Макаров провел указкой по группе небольших островов в северо-западной части Корейского залива.— Представляете, сколь важно навести ясность в этом вопросе. И первое — узнать, не появилось ли на островах скопление войск или транспортов с ними. Бухты Бицзыво и Кинчон — удобнейшие для высадки десанта...

Офицеры, следя за движением указки, пересекшей узкий пролив между островами и берегом Квантуна, ждали приказа. Командующий же продолжал рассуждать:

— Полумесячное затишье свидетельствует о том, что противник готовит серьезную операцию. Мы должны ее разгадать, по меньшей мере — предвидеть, когда и с какой стороны грозит опасность. Сегодня на рекогносцировку выйдут в море две группы миноносцев: одна на юг, в сторону Печилийского залива, ну а ваши — «Решительный» со «Стерегущим» — на север, к Элиотам, к острову Блонд. Выход в ночь, возвращение с рассветом. Детали обсудите с Анатолием Августовичем.

— Так точно,— подтвердил заведующий отрядом.

...Вызов Сергеева и Боссе к командующему являлся результатом вчерашнего совещания флагманов, то есть его второй части, когда по указанию адмирала в салоне остались заведующие отрядами, Матусевич и Гинтер. Макаров попросил назвать исправные миноносцы и фамилии командиров, которых можно было бы уже завтра послать в море для разведки.

Матусевич сразу же предложил четыре вымпела, а Гинтер задумался.

— Превосходно проявили себя на минировании Талиенванских вод «Стерегущий» и «Решительный»,— сказал он наконец.— Командиры — лейтенант Сергеев и капитан II ранга Боссе. Работали в паре.

— Это хорошо, что в паре. А каково состояние?

— Исправны. Команды — полный состав. Словом, все в порядке.

Молас возразил:

— Так уж и все?.. Какой же это порядок, если на «Решительном» за месяц сменилось три командира?

— Как это?! — удивился Макаров.

— Первый, лейтенант Корнильев, опасно заболел, пришлось списать на берег. Вместо него поставили капитана II ранга Семенова. Хотя и прибыл недавно, но истинно артурский старожил. К сожалению, наше назначение не утвердил наместник, заменил его капитаном II-го ранга Боссе.

Молас, назвав Семенова порт-артурским старожилом, хотел как-то замаскировать невольное возникшее этическое неудобство: выходило, что такой скоропалительной заменой генерал-адъютант Алексеев как бы уколел командующего, не признав за его вчерашним старшим адъютантом права на самостоятельное командование боевым кораблем.

Макаров это понял, но откинув дипломатические ухищрения, ответил твердо и обобщенно:

— С утверждением государем-императором должности командующего флотом Тихого океана порядок назначения командиров меняется — это будет прерогативой последнего... Итак, решено: на север пойдут «Решительный» и «Стерегающий».

...Гинтер был удивлен, если не удручен, формой беседы командующего с командирами миноносцев: вместо отечески-участливых наставлений, стратегические рассуждения и соответствующий им холодно-деловой тон. Зато Васильев, который тоже внимательно следил за речью адмирала, ничуть не заподозрил того в холодности, в официальщине.

«Воспитай свою волю так, чтобы она стояла выше нервных проявлений», — не раз повторял Макаров, когда летом 1901 года они на «Ермаке» штурмовали льды у берегов Земли Франца-Иосифа, что впрочем, оказалось более легким делом по сравнению с предстоявшим пробиванием дверей в кабинеты петербургских гражданских и военных сановников. Те увидели в подвиге ледового адмирала только саморекламу и бессмысленную трату государственной казны. В унисон им открыли кампанию клеветы и дискредитации мракобесы и просто дураки, даже послали Макарову письмо со словами: «Смертный приговор подписан», присовокушив для ясности рисунок гроба с надписью «ЕРМАК»...

Штурм столичных бюрократических бастионов Макаров продолжал и теперь, еще по дороге в Порт-Артур. Васильев ехал вместе с адмиралом и поэтому смог видеть, сколько тот с пути направил писем, записок, телеграмм в Петербург: и по поводу отряда Вирениуса, и о пополнении Порт-Артурской эскадры миноносцами, и о срочной закупке для них радиоаппаратуры в Италии и Германии — свое производство так и не успели наладить, — и о срочной присылке бронебойных накопечников к снарядам, и даже просьбу к главному морскому штабу, то есть к Рождественскому, — ускоренно издать «Рассуждения по вопросам морской тактики».

Длинный путь от Петербурга до Порт-Артура таким образом оказался серьезной школой для офицеров, сопровождавших командующего: вместе с ним изучались карты театра военных действий, варианты боевых операций,

строились планы координации сил на суше и на море. Так было до Мукдена, до совещания с наместником, где вновь ощутились и льды, и бастионы, и удары в виде «особого мнения» в духе пословицы: бей по своим, чтобы чужие боялись...

Нет, Макаров обнаружил перед командирами миноносцев никак не холодность и равнодушие, а широту рассуждения, стремление к тому, чтобы они прониклись важностью исполнения поставленной задачи, то есть проявил к ним высокое уважение как к соратникам. Легче всего разыгрывать роль сентиментального отца-командира с поцелуями и заурядными фразами по образцу: «А помнишь, братец...» Подобное нередко вызывается не столько проявлением искреннего внимания к подчиненному, сколько рекламной демонстрацией собственной служебной памяти, ложной народностью по избитому образцу.

Васильев был уверен, например, что Макаров не забыл, как отличился старший миный офицер «Николая I» Сергеев при спасении в шторм итальянской шхуны, севшей на камни вблизи маяка, установленного при входе в Пирейскую бухту. Сергеев сумел тогда, несмотря на бешеную волнотрепку, завести с баркаса небольшой судовой якорь — верп и тем держать шхуну на месте до прихода крейсера «Джигит», который окончательно стянул ее с камней.

Размышление Васильева прервал вопрос адмирала:

— Господа, я готов выслушать вас. Есть вопросы, предложения? — и так как офицеры молчали, обратился уже адресно к Боссе: — Что вы скажете?

— Как приказали, так и будем действовать, ваше превосходительство,— ответил Боссе, пытаясь вытянуться. Но рыхлос, полное тело, широкая шея и лупообразное лицо с короткими и редкими усами не вязались со стремлением показать строевую выправку.

— Вы процитировали, полагаю случайно, незабвенного Кукольника: «Прикажут, в акушеры пойду!» Разумеется, начальник отдает приказ. Но при этом внутри вас должен прозвучать еще и собственный — думать и отвечать, не рассчитывая на широкую спину старшего. Старайтесь сделать все, что можете, не бойтесь ошибок и увлечений, хотя на ошибки, скажем прямо, нам времени уже не осталось.

И опять Гинтер подумал: «Лучше бы адмирал каждого по плечу похлопал».

— А вы? — обратился Макаров к Сергееву.

— «Стерегающий» к походу готов. То есть к разведке.

— Возможно даже, к разведке боем,— уточнил адмирал.— Не уклоняться от боя, если уж таковой неминуем, а умелым маневрированием создавать себе выход даже при перевесе сил, нанося удары. Во всяком случае, не только подсчитывать число пушек у неприятеля, а заниматься более сложной математикой боя... Я рад, что при постановке задания ваше имя, Александр Семенович, было названо в числе первых.

Столь уважительное обращение командующего к лейтенанту удивило как Гинтера, так и Боссе, а Васильева обрадовало — нет, память у Степана Осиповича прекрасная!

— Благодарю за доверие, ваше превосходительство.

— Да, доверяю,— подтвердил Макаров,— учитывая, что за вашей спиной школа плаваний в шхерах Финского залива. И вы, Федор Эмильевич, насколько мне известно, мастер сложного маневрирования.

Боссе молча поклонился. Не вызывало вопроса и то, что именно ему, в соответствии со званием, будет поручено старшинство в этом походе. Правда, в соединенном плавании старший по чину действует с напарником в самом тесном единении, определяемом множеством условий и, прежде всего, такой высокой степенью доверия, что в какой-то момент его временный подчиненный, сообразуясь с обстановкой, может действовать и по собственному усмотрению.

— Дух инициативы будет зависеть от вас, начальников. «Не римская армия покорила галлов, а Цезарь; не карфагенская армия заставила трепетать Рим, а Аннибал...» Надеюсь, помните? Люди с большим самообладанием заряжают волей других. Побеждает тот, кто хорошо дерется, не обращая внимания на свои потери, памятуя, что у неприятеля этих потерь еще больше.

Васильев в последнем предложении узнал слова из «Инструкции к походу и к бою», над которой работал Макаров, когда ехали в Порт-Артур,— это были ее заключительные слова.

Выход «Стережущего» и «Решительного» был намечен на двадцать часов. Как только офицеры оказались на набережной, Боссе, извинившись, откланялся. Ему, как он выразился, необходимо было забежать к кому-то в Новом городе.

— Хорошо, что ваши экипажи сработались в Талиенванне,— заметил Гинтер.

— Но тогда командиром был Семенов...

По тону ответа Сергеева, по его долговому взгляду Гинтер понял, что лейтенант не очень-то обрадован напарником и тут же подумал о характеристике, данной Макаровым командиру «Решительного» — «мастер сложного маневрирования». Прозвучала она как-то двусмысленно: маневрирование на императорской яхте «Штапдарт», на которой тоже служил Боссе, под взглядами высочайших, предполагало не столько морскую, сколько житейскую тактику.

Кому-кому, а Гинтеру, который большую часть службы провел в Сибирском флотском экипаже, плавал на северо-восточных окраинах империи на транспорте «Якут», а в последнее время на старенькой канонерке «Сивуч», такая столичная маневренность была не по нутру, как, впрочем, и служебная. Он и сейчас испытывал неловкость, если не унижение: начальником группы миноносцев-разведчиков из 1-го отряда штаб поставил капитана I ранга Матусевича, а над парой «певок» — того же Боссе. Конечно, группа Матусевича — это четыре больших миноносца,— требует более высокого руководства в походе. И все же Гинтеру представлялось, что будь над «Стережущим» поднят его, заведующего отрядом, брейд-вымпел, он чувствовал бы сейчас себя достойнее.

«Впрочем, почему над «Стережущим»? — капитан II ранга поймал себя на излишней симпатии к Сергееву, которого знал немногим больше, чем Боссе, тем самым как бы принижая напарника. Поправился уже вслух:

— Ничего, Александр Семенович, за ночь совместного плавания вы лучше узнаете друг друга, чем за месяц стольничания в офицерском собрании.— И спеша закончить неловкий разговор, стал прощаться.— Я сейчас в мастерские порта, через два часа буду у вас.

Упругий порыв ветра прошелся над набережной, морща лужицы, разгоняя туман, который, поредев, поднимался колышавшимися волнами, словно батистовая занавесь. Затрепетали флаги на кораблях и, как будто сбросив излишнюю сырость, отчетливее прозвучали склянки.

«Две. Значит, пять часов»,— отметил Сергеев и с удовольствием вспомнил, что в здании Лондонского Ллойда двойной удар старинного судового колокола традиционно означает для клиентов этой страховой компании сигнал доброй вести.

С таким добрым настроением он ступил на сходню, перекинутую с причальной стенки на «Стерегущий», и услышал звуки гитары, песни:

*...Не угодно ль, мадам,
Заменить мужа вам,
Когда муж уедет по делам.
Без мужа жить не стоит вам,
А с мужем жить — сплошной обман.
Не угодно ль, мадам...*

— Наш мичман,— пояснил встретивший его на палубе Головизнин.— У него гости.

— Какие гости?!

— Сегодня ночным поездом на эскадру прибыло прямо из морского корпуса десять новоявленных мичманов. Один из них — хороший товарищ Кудревича, забежал вместе с Акинфиевым.

— Вот как,— машинально протянул Сергеев.— Николай Семенович, прошу вас уточнить что и как у нас на корабле — вода, топливо, провиант. Через десять минут офицерам собраться в кают-компанию.

Головизнин, почувствовав перемену в тоне командира, немедленно направился вниз, на жилую палубу. Следом, как только смолкла музыка, прошел в кают-компанию и Сергеев.

— Мичман Федор Рейнгард,— представился, вскочив с дивана, совсем юный офицер.

— Александр Семенич, слышали бы вы, какие превосходные вести доставил этот суровый воин,— явно дурачась, произнес Кудревич.— Во-первых, к нам в ближайшее время выезжает санитарный поезд с отрядом сестер милосердия—петербуржек. Девушки из знатных семей!.. Хотя меня, честно говоря, более тронуло то, что

среди них имеются и артистки. Сюда же спешит художник Верещагин, баталист. Он всех нас представит на полотнах, а то лейтенант Лепко с уважением изображает только корабли, а из людей делает чучела... А во-вторых...

— А во-вторых, мы привезли посылки и письма от родных и знакомых,— продолжал уже Рейнгард.— Правда, еще не успели разобраться, что куда и кому.

— Ну а как с назначением?

— Хотелось, конечно, на миноносцы, но в штабе сразу отсеки, сказали, что раньше надо приобрести опыт. Так что кого на крейсер, кого в экипаж, меня лично — на «Отважный».

— Поздравляю, новая канонерская лодка... Давно выпустили из корпуса?

— Только что, на три месяца раньше срока.

— И без экзаменов! — вставил Кудревич.

— Да,— подтвердил гость.— В полдень 23-го раздался сигнал к всеобщему построению. В мундирах... Что такое? Может быть, репетиция: в этот день старшим гардемаринам полагалось несть внутреннюю вахту, прошу прощения, караул в Зимнем дворце. Выстроились в актовом зале по ротам и ждем. Ровно в шестнадцать раскрывается дверь. Начальник училища адмирал Чухнин командует «смирно!», и видим — входят царь с царицей, при свите... Что такое?

Рейнгард так живо изобразил выражение лиц удивленных гардемарин, что вызвал подобное и на лицах Кудревича и Акинфиева.

— Император, пройдя на середину зала, оглядел строй и объявил тихим голосом, как о самом обыкновенном, что в связи с необходимостью, вызванной войной, он производит всех старших гардемарин в офицеры. Далее, понятно — гимн, ура!..

— Вот так досрочно вылупились на свет сто двадцать восемь цыплят,— смеясь закончил за товарища Кудревич.

— Но сюда послано только десять,— серьезно поправил Рейнгард.

— Почему так мало?

— Посланы только те, кто кончил училище первыми, то есть имел право выбора флота,— пояснил Акинфиев, которому, чувствовалось, были не по душе шутки Кудревича.

— Мы и верно вначале вели себя как цыплята,— продолжал Рейнгард.— Обалдели от радости. Вечером, на молебне уже встали рядом с офицерами. По окончании службы окружили Чухнина, стали благодарить за хорошее морское воспитание. Кое-кому даже захотелось облобызывать сурового начальника... Правда, адмирала поцелуи не проняли. Четвертого февраля, когда принимали присягу, трое или четверо из наших немного запоздали на церемонию — обмундировывались на ходу. Так Чухнин при всех — а присутствовали родственники, знакомые, барышни — разнес их как мальчишек, тут же приказал арестовать и посадить на гауптвахту. Арест — ладно, да ведь стыдно. Вся радость была отравлена...

— Это верно, Чухнин горяч на выражение чувств. В 1893 году мне пришлось быть свидетелем его чувствования. Во Франции, в Тулоне...

Сергеев произнес эту фразу таким тоном, что веселое настроение упало даже у Кудревича, который прокомментировал:

Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев и барская любовь...

— Зато дорога в Порт-Артур — сплошной праздник! В Харбине на нас еще спустилось сияние славы «Варяга» — пришли газеты с телеграммами о героях Чемульпо. Говорили, что их ждут в столице.

Кудревич вздохнул.

— Вот счастливицы! Нам бы так: выйти навстречу японцам, подраться — и в Питер к барышням. Слава, ордена, сладкие поцелуи, газеты... А тут каждый день — то в патрульные, то в ремонт... Врага видим не ближе горизонта: фланирует по рейду, как штабные наместника с сестрами милосердия по Этажерке...

Разговор перебило появление в кают-компании инженер-механика и старшего офицера. Последний что-то шепнул на ухо Кудревичу и выжидательно глянул на гостей, которые сразу поняли, что пора уходить.

— Господа,— сказал Рейнгард перед прощанием.— В Москве к нам на вокзал приезжала молодая красивая дама, которая просила передать на «Стережущий» небольшую посылку.

— Возможно, моя жена: она сейчас в Москве,— спокойно предположил Головизнин.

Кудревич обрадовался:

— Превосходно!..

Командир взглядом остановил мичмана и обратился к гостям:

— Прощайте. Заходите с посылками или без. Всегда рады вас видеть.

— До скорого свидания,— подтвердил Рейнгард и вышел вслед за Акинфиевым.

— Позвольте, господа офицеры, без предисловия: у нас мало времени,— начал Сергеев, как только отзвучали на палубе шаги.— Лично командующим мне передан боевой приказ. Сегодня в двадцать часов мы вместе с «Решительным» снимаемся с якоря и секретным порядком следуем в ночную рекогносцировку. Наша задача...

Глава 3

Встреча возле острова Кеп

Корейский — один из трех больших заливов Желтого моря, омывающих Квантунский полуостров: с юга Печилийский, с запада Ляодунский, а самый обширный, Корейский,— с востока. В него несет свои быстрые воды Ялу, естественная граница между Маньчжурией и Кореей.

Эта Ялу с 90-х годов гипнотизировала противные стороны не только военно-стратегической выгодой своего расположения, но и мифом предполагаемых природных богатств на ее берегах. Сам Николай II согласился выделить из личных капиталов четверть миллиона рублей с целью создания на ней русской промышленной компании с негласным участием в ней правительства.

Учредители — великосветская камарилья, связанная родственными и служебными узами (адмирал Абаза — двоюродный барт статс-секретаря Безобразова, отставной полковник и шталмейстер двора Вонлярлярский — сослуживец Безобразова по Кавалергардскому полку), поощряемые «безответственными лицами» императорской фамилии, вцепились в лесные массивы по обе стороны Ялу, создав своей эфемерной концессией одну из предпосылок войны. Во имя внешнеполитического безумия так называ-

емых исторических личностей, жизням которых угрожали разве что желудочные расстройства от ура-патриотических банкетов, полилась кровь русских и японских солдат и матросов.

Элиоты, которые называли еще и архипелагом Почецкого, расположены на западе Корейского залива, на полуострове между Порт-Артуром и устьем Ялу. Эта россыпь клочков гористой суши, с причудливо изрезанными берегами, с глубоководными, удобными для якорных стоянок бухтами, не случайно беспокоила Макарова: здесь в минувшую войну с Китаем японцы держали и снабжали свой флот, когда блокировали Порт-Артур и Вэйхайвей. Почему бы этим островам не стать и теперь оперативной базой для военно-морских сил Того? Такое предположение подтверждалось еще и тем, что сюда, к Элиотам, он отвел миноносные флотилии в первую ночь войны.

Порт-Артур, по заключению той же дворцовой камарильи — Абаза с прошлого года возглавил Особый комитет Дальнего Востока! — был заранее объявлен неприступным как с суши, так и с моря. «Разумеется, неприступный», — вторили и армейские высшие чины. Прошло всего лишь полгода, как генерал-лейтенант Куропаткин, военный министр, проинспектировав воинские силы Дальнего Востока и побывав с визитом в Японии, докладывал царю:

«Мы имеем силы и средства отстоять Порт-Артур, даже борясь один против пяти-шести врагов! Эскадра может смело мерить свои силы со всем флотом Японии с надеждой на полный успех».

Не менее решительно, к тому же еще и красноречиво, высказался командующий 3-й Маньчжурской армии генерал Батянов: «Да мы их, японцев, шанками закидаем!». Батянов, получивший образование в Морском корпусе, благодаря этой залихватской фразе, оказавшейся всеулышанной, вошел в учебники истории. Зато другой, тоже бывший военный моряк, художник Верещагин, путешествуя по Японии в одно время с Куропаткиным, сумел сделать куда более дальновидный в политико-стратегическом отношении вывод: «Япония хорошо подготовлена к войне, она может нанести поражение России»...

Когда на «Стерегущем» сыграли «приготовиться к походу», экипаж воспринял сигнал спокойно, каждый занялся положенным ему по боевому расписанию заведением. И хотя о цели похода ничего не было сказано, ста-

рослужащие сразу поняли, что на этот раз их ожидает не дежурство, не траление мин, а нечто более серьезное и опасное. Иначе зачем бы давать команду блиндировать кожух машины. Этот, выпирающий из верхней палубы между второй и третьей трубой, предохранительный железный короб был очень уж уязвимым местом как для прямых попаданий, так и для осколков. Для его укрытия в качестве «брони» использовались набитые углем, крепко принайтованные к скобам джутовые мешки.

Осинин, играя мускулами, приставлял их один к другому, принимая из рук товарищей так легко, как будто имел дело не с пятипудовыми тяжестями, а с подвесными парусиновыми койками. Кстати сказать, туго зашнурованными «куклами» этих коек блиндировались приборы управления и пожарные трубы.

На палубе по правому борту, где матросы крепили походному шлюпки, вышагивал, заложив руки за спину, старший офицер; за стеклом рубки виднелась склоненная над штурманским столом фигура мичмана Кудревича. В машинном отделении, в кочегарках кипела тоже своя работа. Инженер-механик, засучив рукава рабочей куртки, что-то регулировал, взясь возле золотниковой коробки, время от времени прижимаясь ухом к ее медной поверхности.

В кочегарке № 2 шла догрузка угольной ямы. В одном из ее отделений устраивался страховой фонд из отборного кардифа. Этот запас высококалорийного угля создавался под рукой на случай необходимости усиленного и срочного питания топки котла. Кардиф попал на «Стерегущий» случайно. То есть как случайно? У машинного квартирмейстера Новикова в портовом управлении служил писарем земляк. Вот он-то и пометил в документе номер угольного склада, в котором хранилось топливо для «Ангара» еще с тех пор, как ее собирались передавать под яхту для наместника. Конечно же, старший офицер и механик понимали причину «ошибки», однако ничего предосудительного от такого землячества не увидели — оно было продиктовано заботой о родном корабле. Писарь тоже особо не рисковал, так как «Ангара» перешла в ранг обыкновенных, даже второстепенных, кораблей эскадры...

Сергеев, ознакомив офицеров с боевым заданием, предупредил, чтобы приказ командующего до выхода в море держался в строгом секрете. И как же Александр

Семенович был разочарован, даже удивлен, когда через час-полтора к нему забежал командир «Расторопного» лейтенант Лепко.

— Поздравляю с предстоящим походом! — сказал он, протягивая руку и, заметив недоумение на лице товарища, добавил: — Я только с Золотой горы, со станции наблюдения. Собственными ушами слышал, как телефонист репетил следом за дежурным из штаба приказ. То ли глухой, то ли неопытный, но нес явную околесицу. Я не выдержал, отобрал трубку, представился и попросил повторить. И вот, что узнал: Золотой горе предлагалось усилить наблюдение за горизонтом, за внешним рейдом в связи со скорым выходом в море «Стерегающего» и «Решительного»...

— Как тебя занесло на Золотую?!

— Ты хочешь сказать, почему так высоко? — вошел в свой обычный полуиронический тон Лепко.— И почему влез в служебный разговор, по какому праву? Тогда завидуй: перед тобой стоит собственной персоной сам заведующий Центрально-наблюдательной станции. Как мне дал понять адмирал Гreve, идея создания такой станции, которой будут подчинены все другие, принадлежит командующему, а кандидатуру заведующего, то есть меня, предложил сам Гreve. Ну как находишь мое восхождение на артурский Сион? Впрочем, возможно, что и на Голгофу...

— Если честно, то не очень.

— Вот и я так сказал. Но Гreve пояснил, что назначение временное, пока будет находиться в ремонте «Расторопный» — барахлит машина. Мне же надлежит наладить службу наблюдения, поставить ее на правильные начала... А ведь в самом деле ужасный беспорядок, Макаров сразу это заметил. Возьмем станцию на Лунваптане — я там бывал,— не связана с Артуром ни телеграфом, ни телефоном. Ветхая будка на горе, где изнывают от безделья три матроса. Да если и заметят они что на море, передать невозможно и не сбегашь: на миноносце туда-обратно два часа ходу, а по суше верхом — еще больше...

Теперь же к Золотой горе, к центральной станции будут подтянуты телефонные провода не только со всех наблюдательных пунктов, но даже с батарей — для приема и передачи наблюдений.

— Что же, поздравляю. Ты ведь бог штурманского дела.

— Спасибо, но я этот пост пока не занял — то есть не бога, а заведующего: официального приказа пока нет... А к

тебе забежал, собственно, вот для чего. Держи,— Лепко протянул завернутую в «Новый край» широкоформатную книгу.— Пригодится.

Александр Семенович, заметив угол синей обложки, сразу узнал альбом зарисовок берегов и шхер Кореи, с которым знакомился еще в поезде.

— Спасибо. Это ко времени.

...Таланты Лепко — остроумца и художника не помогли ему в строительстве восной карьеры, скорее наоборот. Но если в училище его карикатуры на преподавателей, на дядьку-унтера отмечались записью в кондуите, лишением увольнения, а на товарищй — тумакими, то в глазах флотского начальства рассматривались уже как манкирование прямыми служебными обязанностями. И даже издание штурманского альбома Главным гидрографическим управлением не продвинуло лейтенанта ни на шаг ни в чине, ни в должности. Поэтому авторское самолюбие художника тешило уважение, с каким Сергеев принял его труд. Маскируясь, Лепко заговорил излишне деловито:

— Я знаю, у тебя большущий опыт плавания в шхерах Балтики, но там нет столь мощных, как у нас, приливных течений. Я уж не говорю о том, что опасности здесь не обставлены средствами ограждения — ни бுவ, ни мига-лок, ни вех. Единственные ориентиры — мысы да сопки. Но и они вечно окутаны туманом, видны только вершины или подошвы. О близости берега соображаем по глубинам, по оттенкам в цвете воды...

— Да и в лоции Желтого моря — общие слова,— заметил Сергеев и процитировал: — «Течение в сем море зависит от господствующих ветров», и только.

— Вот-вот. Потому и презентую книгу. Прими еще совет старого бродяги восточных морей: когда будешь возвращаться, держись шхер, берега Квантуна, прям-таки прижимайся к нему. На такой случай я вложил в альбом несколько зарисовок нашего побережья, начиная с бухты Тахэ. Очень коварная. Держись ее восточной части. Но это в прилив, а в отлив — и там подводные камни... Я уж больше года готовлю новый альбом — «Штурманские зарисовки Желтого и Японского морей»,— не удержался, чтобы не похвалиться, лейтенант.— Ну ладно, понимаю, ты спешешь. Желаю удачи...

— Разрешите доложить. «Стерегущий» к выходу готов...
Бесстрастно глуховатый голос старшего офицера, вставшего в дверях каюты, прямой взгляд, холодное красивое лицо, навели Сергеева на мысль: — «У Головизнина есть что-то общее с Трироговым и в облике и в характере: излишняя затаенность, отгораживающая от людей, холодная самоуглубленность. К душе, пожалуй, и не пробьешься»...

Подумав о душе, Александр Семенович оказался близок к отгадке пынншего, во всяком случае, настроения Головизнина, который был недоволен собой — не сумел выбрать время, чтобы написать матери в Пензенскую губернию, то есть начинал, но на бумагу ложились не слова, а папиросные гильзы — изящная пустотность слога... После смерти отца она растерялась: на руках остались две дочери на выданье. Пенсия, которую ей назначили, как вдове генерал-майора по адмиралтейству, была ничтожна — шестьдесят рублей в месяц, хотя за спиной отца насчитывалось тридцать пять лет безупречной флотской службы...

— Добро. Давайте взглянем.

Головизнин посторонился — и опять официально, круто, по-строевому, пропуская впереди себя командира, последовал за ним.

Ровно месяц минуло с того времени, как они в первый раз тоже вместе обошли весь миноносец — палубу, надстройку, кубрики, машинное отделение.

— С выходом в море распорядитесь вынуть предохранительные стержни у торпед. Возле орудий поставить ящики с боеприпасами...

Головизнин на все распоряжения отвечал однообразно — «Слушаюсь». В этом служебном отзыве не чувствовалось ни подобострастия, ни желания показать, что ему и без того все известно. Сергеев с самого начала пребывания на миноносце сумел оценить деликатность старшего офицера, который ничем не подчеркивал свое преимущество как старожил корабля, тактично помогая освоить его, в ряде случаев пояснением упреждая вопросы.

В машинном отделении к ним присоединился инженер-механик. Вытирая паклей руки, он на ходу докладывал: топки прочищены, приборы проверены, уголь заготовлен; больных среди личного состава нет.

— Машинистов и кочегаров ставьте на четыре вахты, чтобы не изнурялись.

— Есть.

Да, в хозяйстве инженер-механика все как надо: в ответственных местах лежали деревянные пробки и клинья, щиты, пакля, ганшнуги, парусина — все, что могло понадобиться на случай заделки пробоин или укрепления водонепроницаемых переборок, если вода заполнит соседнее отделение, отсек.

Обойдя судно, отдав последние распоряжения, Сергеев мог со спокойной совестью повторить самому себе — корабль к походу и к бою готов.

В рубке за ветровым стеклом по-прежнему торчал профиль склоненной фигуры Кудревича. Сергеев приоткрыл дверь, заглянул. Мичман, обложившись картами, колдовал над ними, занимаясь предварительной прокладкой.

— Как настроение у вахтенного офицера?

— Полный штиль — как на море... Да вот, рассматриваю Цзиньчжоу, милейший перешесек, до чего тонок и изящен. Квантун здесь выглядит как дама в корсете на последнем месяце беременности... Мне-то нынче, попутно говоря, мечталось — приятное личико и ножки, глянуть с первого ряда партера. Да, «Где ж твое личико смуглое, нынче смется кому»...

Сергеев внутренне улыбнулся: он давно понял, что Кудревич по молодости любит разыгрывать из себя роль жуира.

— Жалеете, что не удалось в театр?.. Ничего, завтра, как вернемся, утешитесь. По пути в штаб я видел афишу — хороший оперный репертуар.

Последнее Сергеев сказал без особого воодушевления — сам он предпочитал драму, был приучен к ней с юности — в Курском городском театре господствовали щепкинские традиции. Что касается оперы, то она больше запомнилась ему первым посещением. Возможно потому, что вообще было у него первым в столице. В тот день он познакомился с сестрой Владимира Менделеева Ольгой, гимназисткой частной гимназии М. П. Спешневой — между Литейным проспектом, 4 и Фонтанкой, 54, — он этот адрес запомнил, так как однажды провожал ее, еще не зная, что за девушкой счастливо ухаживает Трирогов.

Произошло это в праздничный Николин день 6 декабря, когда отмечалось тезоименитство императора. В эту

дату столичные театры давали представления специально для учащихся. В Мариинский оперный приглашались воспитанники Пажеского и Морского корпусов, а также Александровского лицея. Что касается женской половины, то ложи театра в тот день расцветивались голубым, розовым, коричневым, серым — цветами форменных платьев, означающих ведомственные или частные гимназии, но с обязательными для всех белыми, туго накрахмаленными пелеринами и праздничными кружевными воротничками. Юноши — тоже в форменной одежде, располагались вместе с воспитателями в отдалении — только в партере. Боже, как давно это было!..

Сергеев, не заходя, осмотрел ходовую рубку, где теснились навигационные приборы, штурманский стол с выдвижной доской для крепления карт и ярусом ящиков для их хранения, а также для лодий и сигнальных книг. Позади торчал рундук с флагами расцветивания.

День заканчивался. Внизу сгущались сумерки. Пространство бухты сузилось. Мачты линейных кораблей, ловя последние лучи солнца, бросали в воду длинные тени. Из-за «Полтавы», на корме которой колыхалось огромное шелковое полотнище Андреевского флага, подаренное полтавским дворянством, вынырнул паровой катер, постукивая и попрыгивая, направился к «Стерегущему».

Сергеев, заметив на нем капитана II ранга Гинтера, приказал:

— Фалрепных к трапу.

Гинтер поспешил к «Стерегущему» для того, чтобы предупредить о переносе выхода миноносцев на девятнадцать часов, то есть на час раньше, сказал, что «Решительный» уже ждет под парами у Тигрового Хвоста.

Лишний вечерний час обрадовал Сергеева, так как являлся резервным, давал дополнительный шанс вернуться из разведки до рассвета. Что касается готовности корабля, то команду на выход можно было отдать хоть сию минуту: все механизмы прогреты и опробованы, гребной вал провернут, машинный телеграф в норме, торпеды введены в стволы аппаратов, комплект боезапаса возле орудий. Словом, оставалось офицерам пристегнуть кортики.

Гинтер, покидая миноносец, похвалил чистоту на палубе.

— Жаль, что не деревянная,— возразил Кудревич,— а то пускай по ней фуражку в белом чехле — только бы глаже стала!..

— Во времена парусного флота так и проверяли,— подтвердил Гиптер.— Благодарю за службу.

— Его заботами,— Сергеев жестом перебросил похвалу в адрес мичмана, желая лишний раз обратить внимание заведующего на молодого офицера.

Александр Семснович видел в Кудревиче — и в не столь уж отдаленном будущем — хорошего старшего офицера «Стерегающего», понимая, что Головизнин, плавающий два года в Порт-Артурской эскадре, может в самое ближайшее время получить собственный миноносец. Такое ускоренное производство в условиях военного времени нормально, а главное, вполне бы соответствовало его служебным достоинствам.

Прозвучала дудка на ужин. Возле баталерки заходил полукруг — команда приобщалась к чарке. Ели торопливо, без обычных подначек — у каждого в голове забота: что еще можно сделать по своему заведованию. Раньше обычного поужинали и офицеры.

Сергеев, направляясь в каюту, столкнулся с Кудревичем, который нес охапку одежды. На недоумешный взгляд командира мичман ответил:

— Вчера получил по вещевому довольству, согласно табелю. Уже на лето,— и взялся перечислять: — Четыре пары летних брюк, китель, два шелковых галстука, четыре пары нитяных, опять же белых, перчаток... По нашей погоде, получается про запас.

— Про запас нам бы сегодня пулемет Максима,— возразил Сергеев, выдавая свои мысли.

* * *

— Убрать сходни... Отдать кормовой... Флаг перенести.

Сергеев, еще раз осмотревшись, повернул ручку машинного телеграфа на «самый малый». Мелкое дрожание палубы под ногами, легкий дымок из труб, усиливающийся гул вентиляторов... Закипевшая за кормой вода лизнула причальную стенку и, по мере удаления корабля, вытягивалась в ровный светлый бурун.

— Это хорошо, что на час раньше,— снова подумал Сергеев, имея в виду, что 19 часов — время самой полной

вечерней воды, когда легче маневрировать. Проведя «Стерегущий» мимо срезанной уступом кормы «Севастополя», чуть дымившего парой широких труб, лейтенант невольно вспомнил о своей короткой, но беспокойной службе на нем, только еще спущенном в воду со стапелей Франко-Русского завода.

Стоя на мостике, он спиной ощущал отдаляющийся уют портового города: ломаную линию причалов и набережных, загроможденных свертками канатов, штабелями бочек и другим скарбом, пылящийся возле самого уреза маневровый паровозик, рассыпавший из поддувала на обе стороны снопы красных искр, теснившиеся выше по берегу ряды складов, желтые здания казарм Квантунского экипажа, арсенала, морского госпиталя, темные щелистые пустоты вечерних улиц.

В воротах бухты, на месте убранных внутрь ее «Ретвизана», стоял «Гиляк». Его орудия и пулемет, пристроенный на самой верхней площадке мачты, были направлены в сторону внешнего рейда. Округлая белая корма с привинченными бронзовыми буквами — «ГИЛЯК» выделялась пятном на слоистой скале Маячного мыса.

«Гиляк», «Аскольд», «Боярин»... Интересно — корабли эскадры повторяли названия корветов училищного отряда, на которых он, кадет-салажонок, проходил начальную мореходную практику. Воображение даже пыталось одеть эти железные громады в белоснежные прямые и косые паруса. В жизни, как в море, и наоборот, — всюду повторения: приливы и отливы, склянки и вахты, приходы и уходы...

И все-таки он уже не смог заставить себя обернуться, чтобы лишний раз запечатлеть хотя бы мерцающие в закатном свете макушки и гребни гор — сухопутную границу города-крепости: звала другая даль, размытая наступающей мглой, с едва заметными звездами, — граница морского горизонта.

На «Решительном» зажегся галобортный фонарь — единственный путеводный знак для того, чтобы миноносцам не растеряться в ночном море. Клотик, бортовые и другие огни зажигать было рискованно. В последние дни радиотелеграфисты ловили в эфире непонятные сигналы. Очевидно, это переговаривались японские корабли. Держались они далеко, вне сферы действия лучей береговых прожекторов. Не показывались даже легкие быстрходные

крейсера, которые порт-артурцы окрестили «собачками» за повадки: подбегут к внешнему рейду, покрутятся, «понохают» как и что,— и снова за горизонт. Сейчас это вселяло дополнительную настороженность. Конечно же, не зря и не бездейственно прошли две последние недели у Того.

— Мичман, место? — прозвучал голос командира и после ответа последовало указание: — Поставить впередсмотрящего.

Миноносцы легли на курс. Кудревич, сделавший прокладку, полагал, что выбрал наимыгоднейший путь следования, с учетом приливного течения рассчитал компасные курсы и поправки. Поэтому, следуя за «Решительным», он испытывал недовольство — тот слишком далеко уклонялся в море. Конечно, в навигационном отношении это безопаснее, зато возрастает вероятность встречи с неприятельскими кораблями. Перемещая по карте параллельную линейку и транспортир, переставляя циркуль, он заново фиксировал прокладку, надписывая градусами углы в точках поворотов и протяженность в милях. И все-таки, выполняя обыкновенное штурманское дело, контролируя местонахождение судна, мичман не переставал испытывать, по молодости и по натуре, возвышенное чувство — как будто не простой, остро отточенный карандаш, а сам форштевень вычерчивает тонкую линию на атласном листе меркаторской карты, испещренной пометками глубин, рифов и мелей, подводных и осыхающих во время отлива камней.

...Сергеев позвал всех офицеров на мостик. Полукруглый, вскинутый над рубкой, он был самой высокой смотровой площадкой корабля, правда, очень малой, к тому же загроможденной дальномером.

— Николай Семёнович,— обратился Сергеев к Головизницу.— Вахты распределим так: Кудревич до восьми вечера, до двенадцати ночи — вахта, затем моя.— Приложив руку к фуражке, дав тем понять, что разговор окончен, командир направился к трапу.— Я буду в каюте. Вам, мичман, счастливой вахты.

— Для меня счастливая — только после острова Кеп.

— Как вас понимать? — Сергеев остановился.

— Неужели вам никто не рассказал о моей первой минной атаке? — в прежнем неуставном веселом тоне продолжал мичман.— Возвращались мы ночью из Дальне-

го. Я вот так же стоял на вахте. Слышу вопль сигнальщика: — «Справа по борту миноносец!» И верно, из темноты наплывает на нас низкий остроносый корпус... Звонки громкого боя! Команда: «У мишных аппаратов, приготовиться!»... «Чеку вынуть!» Остается крикнуть главное слово — «Пли!». Но тут я качнул прожектором, и уж точно разглядел что впереди: голый и ровный, как лысина, островок... Неделю морское собрание смеялось,— хлестнул еще раз себя Кудревич.

Вмешался Головизнин:

— Собрание смеялось до 27 января, когда поняло, что смеется-то над собой...

«А ведь молодец»,— подумал Сергеев о Кудревиче.— Не каждый сможет так безжалостно про самого себя».

Рассказ об «атаке» Кепа задел еще одного человека — сигнальщика Кружкова, стоявшего неподвижно в своем тулупе на левом крыле мостика. Это он тогда, приметив темную приближающуюся массу в ночи, крикнул: «Миноносец!» Плохо знал эти места, вот и перестарался. Но ведь и вахтенный офицер обманулся, подал сигнал боевой тревоги...« В морском собрании смеялись»,— с обидой повторил про себя матрос, а ему пришлось целую педелью гальюн драить. И на бак хоть не выходи покурить: в шута горохового превратили...

— До Кепа три мили,— предупредил голос Кудревича.

— Дался им этот Кец,— с досадой буркнул про себя Кружков, тем не менее напряг внимание.— Тоже мне остров: скала без единого деревца, и ни капли воды. Все достоинство — торчит, как вешка на полпути между Артуром и Дальним.

Ведущий миноносец, обозначенный только едва видимым огоньком фонаря, стал менять курс. Сигнальщик, оборвав раздумья, крикнул:

— «Решительный» взял право руля!

— И резко прибавил ходу,— добавил Сергеев, так и не успев спуститься в каюту.

Как бы в подтверждение его слов, над миноносцем одна за другой полыхнули огненно-искристые выбросы, освещающая верхушки труб.

— Они что там, с ума посходили?! — возмутился Кудревич.— Полная демаскировка.

— Или уголь плохой, или кочегары перестарались,— возразил Головизнин.

— Или «приветы» нам шлют.

— Не они, а наш общий флотский друг, барон Гинцбург,— вмешался инженер-механик.— Дрянь поставляет...

— Проблеск по правому борту!

И тут же, вслед выкрику сигнальщика,— вспышка, а затем грохот артиллерийского выстрела.

— Боевая тревога!

Свистки дудок, грохот люков, дробный шум матросских сапог — по трапам, палубам, сдержанный говор, клацанье пушечных замков — и вдруг полная тишина: экипаж занял места по расписанию, затаился. Исчез и огонь «Решительного».

«Надо было, как говорил Лепко, ближе к берегу, за остров — вода-то еще полная»,— машинально подумал Сергеев, следя за взлетающими лучами прожекторов, за залпами. По быстроте реакции, по сносу звука он определил, что стреляли по меньшей мере из четырех орудий, скорее всего из 75-миллиметровых. Корабли, конечно, японские, так как Гиинтер предупредил, что в Дальнем и Талисване нет наших судов. «Расчет, скорее всего, на ответный огонь, чтобы спровоцировать на дальнейшую демаскировку,— продолжал раздумывать Сергеев, одобряя молчаливую реакцию «Решительного». Боссе, падеясь на тьму, конечно, стремится быстрее оторваться от противника — самое разумное в такой обстановке, и как-то укрыться. Факелы из труб больше не появляются, значит, коцегары стали лучше перемешивать уголь в топках...»

Увеличил ход и «Стерегущий», держа прежний курс. Но японские корабли и не собирались, видимо, пускаться в погоню: прожекторы потухли, замолкли орудия,— похоже, они уходили на юг. Все хорошо, но вместе с тем тревожная мысль: не желают отвлекаться или не располагают временем, то есть заняты выполнением другой, более важной задачи. Какой же?!

Офицеры, вновь собравшиеся на мостике, огражденном от брызг туго натянутым на поручни обвесом, уже не помышляли о предвахтовом отдыхе, рассуждали о загадочном поведении противника, шедшего контркурсом. Куда?!

Впереди мелькнул огонек и потух — давал знать о себе «Решительный».

— Если не сбавим хода,— заметил Головизнин,— у нас появится шанс таранить Сан-Шан-тао.

В самом деле, миноносцы, промчавшись единым духом пятнадцать миль к северу от Кепа, вышли в Талисванский залив. Боссе не без основания предположил, что японцы не пойдут сюда, так как безусловно знают через своих шпионов — их в Дальнем не меньше, чем в Порт-Артуре, — о том, что залив заминирован.

На материковом берегу светились улицы, линия причалов. В отличие от Порт-Артура, Дальний не маскировался. В дымчатом свете встававшей луны мрачно проступали скалистые очертания берегов.

— «Увидев месяц с левой стороны, она дрожала и бледнела», — пробормотал Кудревич. Ему казалось, что пора кончать осторожничать: нигде не обнаруживалось ни малейшего движения. И на островах Сап-Шан-тао тихо-тихо. Впрочем, там и раньше ничего не было, кроме здания портового карантинного.

Миноносцы еще некоторое время продолжали крейсировать на расстоянии миль от берега, держась линии ост-вест. Боссе, видно, желал окончательно убедиться, что за ними не гонятся, не ищут.

...На «Решительном» появился сигнал вспышками — «Прошу подойти».

Головизнин оглянулся на командира.

— Исполняйте.

— В машине... Самым малым.

Миноносцы встали борт о борт. Слышно было, как под ударами зыби постукивает за кормой руль. Боссе, оказывается, вздумал посоветаться. Из разговора, который продолжался не более пяти минут, у Сергеева сложилось впечатление, что Боссе ничуть не волнуется страшное поведение японцев, не пожелавших преследовать русские миноносцы. По его мнению, это были обычные «собачки», посланные в очередную разведку к Порт-Артуру.

— То, что они не сумели выйти нам на перехват, будем считать собственной заслугой.

«Чем бы дитя ни тешилось», — подумал Сергеев о прозрачном бахвальстве коллеги и, понимая, что тот ждет подтверждения, все-таки не стал лукавить:

— Хорошо бы так. Но скорее всего, японцы пренебрегли нами ради другой, более важной цели.

— Какой же? — недовольно спросил Боссе.

— На это предстоит еще ответить.

— Что ж, не будем терять времени, ложимся на заданный курс.

— Я тоже думаю так,— согласился Сергеев. В самом деле, когда командиры судов едва знают друг друга, им ничего не останется в подобном случае, как соблюдать уставной этикет.

Словно напоминая о быстро текущем времени на острове дважды прокричал петух. Да так звонко, голосисто извещая о полуночи, столь «по-русски», что перед глазами Сергеева промелькнуло Стаканово, зеленый луг и высокий плетень с пернатым красавцем, вытягивавшим шею и мацущим крыльями...

При нормальном ходе миноносцы достигли бы Элиотов за три часа, но игра в прятки у Сан-Шан-тао отняла не менее часа. Возникла еще и новая помеха — отлив увлек за собой в море много льда из бухт, и шуга мешала развивать скорость.

Сергеев вошел в рубку, чтобы взглянуть на карту. Квадрат западной части Корейского залива севернее Сан-Шан-тао, казалось, тоже был заполнен битым льдом — до того густо нашпигован островками всяких величин и очертаний — от одного до трех десятков верст в длину или в поперечнике. Протягивались они с запада на восток цепями, разделенными между собой узкими проливами.

— Плохо разваренная перловая каша,— охарактеризовал их расположение Кудревич, тоже заглядевшись на карту.

От порта Бицзыво в море срывалась красная пунктирная линия, ограждая архипелаг с севера и с востока. Линия означала границу Квантунской области с островами, своей прямою она напоминала вычерченную по линейке курсовую прокладку.

— Вот так бы по прямой решать и все наши дальнейшие точные дела,— продолжал Кудревич.— А то кружимся, вертимся, шпыряем по-азиатски. «Иду на вы!» — звучит истинно по-русски. Князь Святослав не чета нам был...

Сергеев, облокотившись на штурманский столик, задержал ножку циркуля на островке, напоминавшем по очертаниям морскую звезду: из мясистого тельца торчали в три стороны длинные узкие мысы. Возле «звезды» красным якорем было помечено место рейдовой стоянки с глубинами для любых судов. Это и был остров Blond — основная цель похода.

— И все-таки придется «пошпырять», Константин Владимирович,— возразил Сергеев, отрываясь от карты.—

Это слово точно определяет нашу задачу: разведать, высмотреть... Оно не виновато за то, что мы его привыкли толковать только в уничижительном смысле. Мало ли хороших слов несправедливо превращено в перевертыши, а то и в ничтожность.

Кудревич все более нравился Сергею — и прилежанием к службе, и непосредственностью, и неупывающим характером. По годам он мог быть ему сыном. Возможно, такое возрастное старшинство породило и тон разговора между ними. Во всяком случае, Сергей стал замечать за собой желание, помимо проявления чисто служебной наставительности, подсказать мичману что-то и по-отечески, — подсознательное стремление бездетного человека продлить себя в ком-то... Один у него пока ребенок — Наташа. Сергей осязаемо ощутил у себя на шее сцепленные руки жены. С какой неохотой при последнем прощании он снимал их со своих плеч: никак не хотели оторваться, отпустить его в неведомую даль, а может быть — и в эту, вот, ночь...

* * *

Миноносцам пришлось еще не раз менять курс, останавливаться для прослушивания моря. Но нигде ничто не напоминало о присутствии японской эскадры или о скоплении любых судов. Но вопреки логике это рождало в душе не успокоение, а тревогу: не с главными ли силами Того они разминулись возле острова Кеп, не от дозорных ли миноносцев убегали на полном ходу. То, что не вступили в перестрелку, отмолчались — это правильно: не имея никаких данных о силе противника, не выполнив задание по разведке, вступать в почную дуэль — только тешить себя риском.

Мичман сравнил Элиоты с «плохо разваренной перловой кашей», а у Сергея родилась другая ассоциация — Аландские острова! Шесть тысяч ключков скалистой суши в Балтийском море, только залив тут не Ботанический, а Корейский. Правда, там сотни оградительных огней, а здесь — одна луна. Скользит себе серповидным корабликом по кучевым облакам, как по вершинам волн, проскальзывая между темными впадинами, ныряя в них и снова всплывая...

Рулевой, широко расставив ноги — сапоги как будто пристыли к палубе,— крепко держал штурвал, вглядываясь в кильватерную струю от «Решительного» — фосфоресцирующей пенный поток, вливающийся в лунную реку.

Стиснутый шторками узкий просвет в кормовом фонаре ведущего притягивал к себе взгляды тех, кто находился на мостике или дежурил на постах верхней палубы. И вдруг этот путеводный знак застыл и исчез.

Звякнул машинный телеграф, и прозвучал голос командира:

— Сбавить ход до малого... Стоп... Отключить вентиляторы.

На аспидной поверхности воды, в неверном лунном свете, колебалась обширная тень — отражение неожиданно всплывшей из моря каменной стены — гладкой и блестящей, обрамленной, подобно зеркалу, узкими полосами заледеневшего в лощинах снега. Глаза, будто получившие добавочную зоркость, уже различали силуэты людей, шлюпок, тут же исчезавших,— в море, как и в пустыне, воображение легко поддается иллюзиям.

— Blond,— сказал Головизнин.— Подошли с юга.

— Еще бы немного протянуть,— посоветовал Кудревич.

— И воткнуться в минное заграждение или в риф,— ответил старший офицер.— Как вы смотрите, Александр Семенович?

— Я смотрю так, что неуверенность — это затаившийся враг,— шуткой ответил командир.

Впереди снова мигнул огонек — «Решительный» возобновил движение. Осуществив циркуляцию, он приблизился к «Стерегущему» и застопорил ход.

— Ложимся на обратный курс,— раздался через мегафон голос Боссе.

«Разумеется, пора,— мысленно согласился Сергеев.— Задача по существу выполнена: мы убедились, что возле островов нет скопления морских сил противника, нет и транспортов с десантниками».

Командир «Решительного» не был симпатичен Сергееву, поэтому он стремился думать о нем лучше, допуская тем самым некоторую искусственность в оценке временного начальника в походе.

В задумчивости коллеги командир «Решительного» почувствовал неудовлетворенность и оттого излишне бодро, снова через мегафон, спросил:

— Почему не слышу вас, лейтенант?!

Как это случается в проливах, где, наряду с основным течением временами возникают еще и сулои — толчея волн на месте, так и в данном случае у Сергеева вместе с главным течением мысли, родилось предположение, вроде бы совсем стороннее, тем не менее тревожащее.

— Вам не кажется, Федор Эмильевич,— начал он очень серьезно,— что на обратном пути нам есть смысл взять несколько южнее прежнего курса?

— На юг снаряжали первый отряд. Вы же знаете...

— Я имею в виду — мористее.

Боссе, конечно, понял причину повторного беспокойства Сергеева — встреченные японские миноносцы. Они могли быть боевым охранением линейных кораблей, даже эскадры, которая шла восточнее. Но удастся ли им что узнать, отклоняясь южнее? Не слишком ли велик риск, и как на такую самостоятельность посмотрит начальство, то есть на их запаздывание с донесением?

— Мне приходится повторяться, Александр Семенович. Времени у нас в обрез, мы обязаны доложить результаты разведки, скажем, конечно, и о встрече с противником. Далее уж решать начальству.— Боссе дал понять, что разговор закончен — решение им принято.

Миноносцы, набирая ход, двинулись в обратный путь. Было пять часов утра.

Сергеев оставил на мостике старшего офицера, и чтобы сбить гнетущее настроение, спустился на палубу. Обошел боевые посты, заглянул в кают-компанию. После промозглости и темени здесь ему показалось удивительно светло, тепло и уютно. От посапывавшего в бронзовом гнезде самовара с цветастым чайником, сидевшим в конфорке подобно петуху, исходило домашнее благодущие.

За столом чаевничали, держа в руках дымящиеся стаканы, инженер-механик и мичман.

— Третий пью, не могу согреться,— пожаловался Кудревич.

— Горячее — это хорошо, а вот с числом стаканов будьте порасчетливее: запасов воды в цистернах всего лишь на пятнадцать часов. Правильно, Владимир Спиридонович?

— Это при полной работе котлов.

— И как у нас с водой? — уже серьезно спросил Сергеев.

— Нормально.

— А с топливом?

— Брали полный запас — на шестьсот миль. Да еще в мешках на верхней палубе...

— Вот и превосходно,— резюмировал Сергеев, наливая и себе чая.— Теперь пойдём на самом полном.

— От Кепа тоже мчались как на ходовых испытаниях,— заметил Кудревич.— То есть, когда удирали.

— «Удирать» — это когда догоняют,— поправил Сергеев.— К сожалению, за нами не гнались.

— Как это, к сожалению?!

— Да так. Если японцы нами пренебрегли, стало быть имели другую более крупную цель. И эта цель находится на противоположной стороне, то есть на юге.

...Ночь приказала долго жить. Гасли одна за другой звезды. На светлеющем небе стали выделяться вершины береговых сопок. Их фиолетовые склоны, перечерченные линиями мысов, спускались в маслянисто-темную воду и издали казались гораздо круче, чем в действительности. Ветер с материка тоже был предрассветным.

Боссе, плохо зная берег, осторожничал: каждый раз, когда по курсу появлялся мыс, сбавлял ход. Наконец, завиднелся и массив Ляотешаня — до Порт-Артура оставалось ходу менее часа.

— Справа по борту дымы! — голос сигнальщика призвал к вниманию.— Четыре!

Сергеев поднял к глазам бинокль. Головизнин шагнул к дальномеру.

— Дистанция сорок два кабельтовых,— сказал он.— Четыре судна.

— Продолжать наблюдение.

И слова окоченевшие на холодном ветру пальцы сигнальщика и офицеров прижали к глазам отяжелевшие бинокли.

— По-моему, трехтрубные миноносцы,— уточнил Кудревич.— Наверное, из отряда Матусевича. Также возвращаются.

И, как будто отвечая на это предположение, неизвестные корабли, взяв севернее, стали перестраиваться по парам, образуя между собой широкие ворота.

— Это как же понимать? — уже явно обеспокоенно спросил Кудревич.— Нас приглашают проследовать сквозь строй?!

— Скорее, сквозь огонь, сквозь перекрестный огонь,— поправил Головизнин, продолжая вглядываться в нырявшие в волнах низкие корпуса.

— Лево руля. Самый полный! — приказал Сергеев. Он в точности повторил маневр «Решительного», на мачте которого появился флажной сигнал — «Следовать за мной».

— Похоже, старые знакомые — «собачки»,— сказал Головизнин, вставая рядом с командиром.

— Да нет, скорее уж псы,— ответил тот, твердо уверившись, что это противник.— Пробить боевую тревогу.

На этот раз длинные звонки и свистки никого не застали врасплох: все заранее заняли места по боевому расписанию, а услышав команду, только скинули брезентовые чехлы с орудий и минных аппаратов, придвинули боеприпасы.

Механик Анастасов сигнал тревоги услышал в каюте. Полулежа на диване — узком, с наглухо прикрепленным к переборке тонким прислоном, он отдыхал после ночного бдения и, чтобы не уснуть, листал книжку о буддизме, оставшуюся на корабле от Кузьмина-Короваева. После коварной атаки японцев многим артурцам вдруг захотелось разгадать душу японцев-буддистов. Во всяком случае, самоотрешенность, отрицание насилия, созерцательность, проповедуемые последователями желтой религии, никак не соответствовали энергичной натуре пации, буквально выкатившейся за какую-то четверть века на мировую политическую арену.

«...Не отвергайте учения, не испытывайте его, не ограничивайтесь также слепым признанием чего-либо такого, что вы знаете лишь понаслышке»,— последнее, что успел прочесть механик перед звонками тревоги.

— Нет, не отвергаем, но испытываем,— повторил он, уже взбегая по трапу, на ходу застегивая тужурку.

На мостике и на палубе уж никто не сомневался, что перед ними большие японские миноносцы-истребители. Они стремились выйти наперерез курсу русских. Замысел выглядел столь же элементарно, как и стремление «Решительного» и несущегося вслед ему «Стережущего» успеть прорваться под защиту береговых батарей крепости.

Расстояние таяло на глазах, так как японские корабли развивали скорость до тридцати одного узла, то есть шли

с превышением на пять миль в час. Убедившись, что перед ними всего лишь два малых миноносца, они, вероятно, предвкушали легкую добычу и, перестроившись в плотную кильватерную колонну, взяли курс на сближение, на перехват.

Ни с чьей стороны не раздавалось выстрелов, что дало Кудревичу повод заметить:

— Игра: кто кого перемолчит.

— Кормовой пушкой не достанем — сорок кабельтовых, — ответил Сергеев. — Снаряды попадутся для верных ударов... Проверьте готовность подачи к погонному оружию. Вас, Николай Семенович, прошу заняться кормой.

Противники, продолжая сближаться, оказались почти на параллельных курсах, словно были связаны общей целью. Она действительно была общей, то есть одинаковой, — уничтожить друг друга! И когда расстояние уменьшилось до тридцати кабельтовых, раздалось два первых встречных выстрела — с переднего корабля японской колонны и с «Решительного».

Головы комендоров на «Стерегущем», как по сигналу, повернулись в сторону ходового мостика в ожидании команды. Стрелки морских часов в рубке отщелкнули 7 часов 27 минут.

— Носовые орудия на левый борт. Целиться по замыкающему.

На палубе полная тишина. Остались самые нужные слова и самые короткие движения: касания ручек вертикальной и горизонтальной наводки у пушек, глаза прижались к прицельным трубкам...

Замер возле штурвала рулевой Архип Худяков. Впившись взглядом в картушку компаса, он удерживал указанный румб точно против носовой черты.

— Целик два вправо... Залп!

Лязг замков, грохот, глухой звон выброшенных гильз слились в единый звук. Корабль вздрогнул и, как будто подтолкнутый, прибавил ход. Близ истребителя, несущего брейд-вымпел начальника отряда, над морем поднялись белые султаны вытолкнутой взрывами массы воды.

Для всего экипажа и для его командира, лейтенанта Сергеева, это был первый в жизни боевой залп по живому кораблю, по живым людям. Бой начался.

По примеру Сант-Яго

Совещание, подобное тому, что провел в день своего приезда в Порт-Артур адмирал Макаров, состоялось двумя неделями раньше в Сасебо, на борту японского флагманского броненосца «Микаса». Как только адмирал Того узнал о назначении Макарова командующим флотом Тихого океана, в его душе поселилась тревога. Он понимал, что такая весть всколыхнет надежды и воодушевит Порт-Артурскую эскадру. Этот пастрой надо было сбить сейчас же, немедленно, чтобы не дать русским опомниться от первого удара, а для этого лучше всего нанести новый, еще более сокрушительный, и в самый канун смены командования.

Снова был задействован фактор внезапности, но расчет взят уже не на торпедную атаку, не на брандеры, а на линейные корабли, на артиллерию главного калибра. Придуманно было действительно нечто неординарное — методом скрытной перекидной бомбардировки расстрелять с моря из 12-дюймовых башенных орудий как крепость, так и эскадру, сосредоточившуюся во внутренней гавани. Снаряды были подготовлены особо мощные: четыре фута в длину, один — в поперечнике; все заряда — 106 фунтов меланита или шимозы!

Замысел операции, которую Того отретировал на местности в Корее, был не менее коварен, чем изначальное почное нападение на внешний рейд, так как грозил уничтожением русской эскадры теперь уж в надежном, казалось бы, укрытии, прямо на якорной стоянке.

Было учтено все: и неожиданность нападения, и время обстрела — в отлив, когда из-за малой воды корабли не смогут выйти навстречу, и теснота внутреннего рейда, вынуждавшего эскадру держаться скученно (свободная поверхность воды в Восточном бассейне всего лишь вдвое превышала общую площадь палуб кораблей) — не укроешься, не совершив маневра, — и, наконец, было превосходно выбрано место для перекидной стрельбы — из-за массива Ляотешан, который полностью прикроет атакующих от встречного огня. Да и как, откуда порт-артурцам вести этот огонь? На Ляотешане нет ни единого орудия, а

крепостные и корабельные батареи не подготовлены к дуэли перекидной стрельбой, не имеют соответствующих станков и прицелов, не обучена и прислуга — проектанты береговой обороны из Петербурга даже не предвидели возможности такой атаки с моря...

Словом, Того считал успех обеспеченным, но начало операции пришлось задержать на трое суток, так как выходу эскадры помешал разразившийся шторм. Даже в заливе Асан, где стояла эскадра, ходила тяжелая волна. При такой качке перекидная стрельба «вслепую» не могла быть точной. И только 25 февраля, в половине пятого утра, корабли покинули укрытие, отмеченное на оперативной карте двумя новыми береговыми знаками: только что установленной станции беспроволочного телеграфа и свежим военным кладбищем, где похоронены первые жертвы войны — 30 моряков с эскадры адмирала Урио, погибших в бою с «Варягом» и «Корейцем»...

Несущественная, казалось бы, неувязка очень огорчила Того. И не только потому, что не получилось задуманного эффекта — удара в капун приезда командующего, но и из-за боязни, что русские разведчики какими-то путями успеют узнать о замысле операции.

В 18 часов линейные корабли, выстроенные тремя отрядами в колонну, в сопровождении восьми миноносцев, подошли к Элиотам, к бухте Хайджу, и здесь Того отдал новый приказ — отряду миноносцев приготовиться к следованию в Порт-Артур. 3-й отряд грузит на палубы каждого судна по шесть якорных мин для их установки на пути выхода русских кораблей из внутренней гавани, 1-й спускается южнее, к мысу Ляотешан, то есть на границу внешнего рейда, и держится так, что его обязательно достают лучи батарейных прожекторов.

Тем самым, рассчитал Того, 1-й отряд выполнит сразу три задачи: проследит за Голубиной бухтой, откуда намечено вести перекидную стрельбу, во-вторых, отвлечет внимание берега от почной скрытной работы 3-го отряда, и, наконец, мельтеша в прожекторных лучах, спровоцирует артиллерийскую стрельбу по себе, «лишнюю трату снарядов». Хотя «лишних» снарядов в Порт-Артуре не должно быть, скорее, не хватает: днями в Печилийском заливе был перехвачен и отведен в Сасебо русский пароход «Маньчжурия», везший чуть не годовой боезапас для крепости и эскадры.

Вслед за миноносцами в ночь выходят и главные силы Соединенного флота, они берут курс на остров Роунд, снова как на стартовую стоянку. Отсюда, при уведомлении, что помех нет, броненосцы двинутся уже за мыс Лютешан для выполнения основной боевой операции.

* * *

В идее Того — использовать с моря перекидную стрельбу был заложен опыт флота Соединенных Штатов. В испано-американскую войну они таким образом успешно разбомбили крепость Сант-Яго на Кубе. Учиться у более знающих или у старших, не противоречило кодексу самурайской чести — бушидо. Сам император говорил, что учиться у всех — это хорошо, это надо поощрять. И японцы старательно осваивали науку современной войны, будь то на суше или на море.

Если он, вице-адмирал Того прошел эту выучку в Англии, то главнокомандующий сухопутными силами генерал Ойяма — в Германии. Ойяма, являясь в 1871 году военным агентом в прусских войсках, так был вдохновлен Седаном, что остался навсегда горячим сторонником Мольтке и его доктрины — охватывающих операций и фланговых ударов. Сам успешно применял их в японо-китайскую войну. Ныне император, предвидя победу над русскими, заранее назначил Ойяма, уже маршала, в должность вице-короля Маньчжурии...

Того принимал как должное патристический восторг, обуявший Японию, когда Ойяма в конце 1894 года взял с суши Порт-Артур. Схожее чувство он испытывал и к графу Ито, командовавшему тогда императорским флотом и тоже ставшему знаменитостью после победы над Китаем. Престарелый адмирал сумел с двумя десятками миноносцев прорваться на полном ходу в гавань Порт-Артура, навести своим набегом и огнем скорострельных пушек такую панику среди неприятеля, что полностью отвлек его внимание от действия сухопутных сил. Позже Ито повторил эту стремительную атаку в Вэйхайвее.

Того участвовал на своем «Нанива» в бомбардировке этой крепости 30 января 1895 года — тогда там заперлась эскадра китайского Северного флота, вернее, ее остатки. Дутой оказалась слава Северного флота, считавшегося, по

заклучениям европейских теоретиков, самым сильным в Азии. Японская эскадра под начальством вице-адмирала Юкко Ито, разбила его перед тем в Корейском заливе, вблизи устья Ялу.

Немоццо показала себя и китайская Северная армия. Сорокатысячный десант маршала Ойяма высаженный в Бицзыво, прошелся по берегу Квантуна, как ножом по спелой дыне: 4 ноября взял без сопротивления крепость Цзиньчжоу, на следующий день — Талиенван, а 21-го цитурмом, продолжавшимся 24 часа,— и Порт-Артур! Наступление десанта активно поддерживала эскадра Ито, двигаясь параллельно сухопутным полкам.

Того еще тогда удивляло слабое стратегическое мышление китайских военачальников. Правда, можно было удивиться и их благородству, совестливости. Китайский командующий адмирал Тинг, не пережив сдачи Вэйхайвея и эскадры, лишил себя жизни. Его примеру последовали адмиралы Дин-Жу-чан и Чжан Вэн-сюань и командир сухопутной армии генерал Тай... Зато адмирал Старк после позора ночи с 26-го на 27-е января и не подумал стреляться, а всего лишь, как нишут газеты, подал рапорт с просьбой разрешить ему оставить эскадру по слабому состоянию здоровья. А ведь пистолет к виску — это так легко и просто, совсем не то, что принять яд, после чего еще и задушить себя шелковым шнурком, как это сделал Тинг. Ну а харакири — это и вовсе в воле немногих...

Того превосходно помнил, что умело скоординированные действия вооруженных сил Японии в японо-китайской войне вынужден был отметить и адмирал Макаров в «Рассуждениях по морской тактике». Только вот зря не признался в том, что Россия, не дав Японии возможности полностью воспользоваться плодами победы в войне с Китаем, тем самым превратила себя в ее врага. После подписания Симонсекского мирного договора оскорбленной страной овладел девиз: «Терпеть всякие лишения и трудности ради усиления военной мощи Ниппон», четко был определен и будущий противник — Российская империя. Тому учили детей в школе и в семье, студентов — в университетах и, само собой разумеется, новобранцев — в армии и на флоте. Отцы и матери, профессора и офицеры, учителя, даже бонзы — дружно формировали нравственное состояние японского народа — стать главной и великой нацией Дальнего Востока!..

Русские забывчивы и самонадеянны. В настоящее время их Порт-Артурская эскадра немногим сильнее бывшего китайского Северного флота, зато тщеславия у командования значительно больше.

Того, пройдясь по каюте, попытался вызвать в памяти образ нового командующего Тихоокеанским флотом — Макарова, которого не видел почти десять лет, со времени внезапного прихода в Нагасаки русской Средиземноморской эскадры. И тут, вопреки серьезным раздумьям, на лице адмирала промелькнула улыбка. Ему вспомнилось, что как раз тогда, после стремительной победы Японии над Китаем, у иностранных журналистов появился зуд — сравнивать японскую стратегию с европейской, даже искать внешнее сходство в лицах японских военачальников с их европейскими коллегами или наставниками. Адмирал граф Ито, оказалось, походил лицом на Бисмарка, а адмирал Ижуин — на Мольтке... Так почему бы в настоящее время не поискать в Того сходство с адмиралом Макаровым? Они, считай, ровесники, оба вице-адмиралы, почти в одно время получили от своих императоров должности командующих, то есть были призваны верховной властью к руководству противостоящими флотами...

Такого рода сравнительными изысканиями есть кому заниматься: в Токио съехалась целая рота иностранных писак! Правда, на фронт их пока не пускают, но самые ловкие обошлись без разрешения. Американец Джек Лондон купил ветхую джонку и сумел на ней, полузатопленной, в одиночку пересечь Желтое море — добрался до Чемульпо, а затем догнал на Ялу арьергард армии. Его попытались арестовать, но заступился сам президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт, тоже «друг и учитель» Японии — его книгу очерков «Деятельная жизнь», воспевавшую солдатскую доблесть и презрение к слабости волонтеров полка, которым он командовал на Кубе, срочно перевели на японский, и теперь в качестве пропагандистской литературы зачитывают в воинских частях.

Нашли выход, как попасть на театр военных действий и представители другой дружественной державы — Англии: корреспонденты лондонских «Таймс» и «Дейли Мэйл» зафрахтовали пароходы, оснащенные беспроволочным телеграфом и оперативно передают свои материалы через Чифу...

Конечно, должен найтись ловкач от пера, который построит аналогии между нынешними командующими флотами на Тихом океане — русским и японским,— продолжал мысленно иронизировать Того.— Пусть это будет уже не по внешним признакам (Макаров-то, как будто самой природой создан для пьедестала!), а как бы между учеником и «сэнсейем», паставником. Никуда не денешься, в вопросах морской тактики Макаров признан крупнейшим авторитетом, его «Рассуждения» Япония перевела в числе первых, в одно время с Англией и Соединенными Штатами.

Имеет Макаров прямое отношение и к ловкому дипломатическому маневру с перехватом Россией Ляодунского полуострова с Квантуном: появление на рейде Нагасаки его эскадры было достаточно красноречивым доводом при переговорах. В Токио стало известно, что Макаров встречается с командирами эскадр Англии, Франции и Германии, склоняя их к коллективному давлению на Японию. Однако же готов рассчитывать и на мощь только собственно российского флота. Такие соображения, представленные Петербургу, он тут же подтвердил учениями по подрыву телеграфных подводных кабелей, связывающих континент с островами, разумеется,— японскими.

...Того вспомнил рассказ бывшего атташе в Петербурге капитана Сакаи. По словам Сакаи, Макаров, услышав слова японского представителя о праве и желании Японии сохранить за собой захваченные у Китая Ляодунский полуостров и Порт-Артур, вскочил со стула и, положив на эту часть карты свою саблю, воскликнул: «Никогда!».

Мотивировка японской стороны, что тем самым будет предотвращена попытка Китая взять реванш, не произвела на него ни малейшего впечатления, как и довод, что точно таким же образом Германия, победив Францию, подтвердила свое право на аннексию Эльзаса и Лотарингии.

Скосив глаза на карту-схему Порт-Артура, Того сказал вслух, как бы обращаясь лично к Макарову:

— Теперь-то вы уж не бросите на нее свою саблю. Нет, не бросите!..

Русские ждут, когда их командующему, как на рыцарском турнире, пивынут перчатку. Японец рассуждает по-другому, по новому правилу: вначале надо создать для себя все возможные стратегические и тактические преимущества — наукой, хитростью, проникновением шпионского

глаза в любой затаенной уголок противника с расчетом нанести ему самый большой, самый неожиданный удар... Впрочем, тот же Макаров написал, что морской бой не есть дуэль или поединок чести и даже похвалил Японию, что она перед войной с Китаем рассеяла агентов по всем ее портам.

Да, так, наблюдения, сбор данных, анализ, обобщение — это дело многих голов, но принятие решения — только одной! Он, Того, может неделями находиться в одиночестве, имея в качестве собеседника всего лишь короткую трубку, не выпуская ее, подобно Бисмарку (вот, и еще одно сходство!) изо рта. Кто-то считал, что такая невероятная скрытность и сдержанность — результат английской школы. Да нет, молчать, то есть не кидаться лишними словами, Того научился смолоду, служа командиром императорской яхты «Джингист». А можно заглянуть и поглубже, в раннее детство, проведенное в префектуре Кагасимо: японские матери умеют воспитывать в своих детях самообладание, способность скрывать свои чувства, переносить без жалоб даже боль и лишения.

Макаров в своих «Рассуждениях», касаясь психологии уроженцев азиатских стран, впадает, как и другие европейцы, в ошибку, будто бы азиатские матери воспитывают своих детей с постоянной мыслью о мести за кровь отца или брата, и будто бы молодой воин лишь потому готов идти на верную гибель, что намерен исполнить роль мстителя. И только! Нет, бушидо — не одна лишь беспощадность к врагу, но и беспредельная любовь к родине, верность национальной традиции.

Столь высокая патриотическая поэзия не присуща европейцам, даже англичанам, считающим, что в них, как и в японцах, вместо крови по жилам течет морская вода. Разве японец напишет о своей матери так, как это в книге Макарова: «Она дает в ряды армии и флота материал вполне пригодный для войны: люди эти приучены к труду, выносливости и послушанию: они безропотны и нетребовательны — лучшего желать трудно...»

Нет, он, Того, не смог бы так прозаично сказать о своей матушке, хотя некоторых соотечественников-офицеров шокирует его внешний европеизм — черты лица и высокий рост, европейская образованность (забыли крылатую фразу графа Окумо: «Мы победили Китай не столько пушками, сколько развитием народного образования»). За

англоманство принимают и сухость его речи и, что уж вовсе пелепо, привычку держать картины в рамках на стене, а не хранить в свитках. Старики-сослуживцы не могут ему простить быстрѳй карьеры — не достигнув и пятидесяти, стал вице-адмиралом, то есть считают выскочкой.

Но что ж, выскочкой называли береговые адмиралтейцы и Нельсона, постоянно мешали. В Копенгагенском сражении, когда главный начальник, перестраховываясь, подал сигнал к отступлению, Нельсон, убежденный в близкой победе, предпринял даже такой шутовской прием. Как бы желая уточнить переданное ему приказание, он вскинул подзорную трубу и возразил адъютанту, что сигнала к отступлению не видит. Так и верно не мог видеть — трубу-то нарочно приложил к давно выбитому глазу, то есть к пустой глазнице. Он продолжил морской бой, следуя своему плану, и выиграл его. Хотели судить, но победителей не судят.

«Беспокойным адмиралом» и «выскочкой», слышал Того, называли и Макарова. Нет, он глубоко уважает своего главного противника и даже готов благодарить судьбу, что она отметила его таким испытанием. В голове уместно мелькнула аналогия. Незадолго до начала войны с Китаем, он, опять-таки на «Нанива», оказался на встречном курсе с китайской эскадрой, которая шла в Корейские воды. Заметив на мостике флагманского корабля адмирала Тинга, он в знак уважения обменялся приветственным салютом, стреляя из той самой шестидюймовки, из которой вскоре уничтожит «Гаошан», а позже из нее же будет вести бомбардировку Вэйхайвея, пока там не появится белый флаг над фортом — 14 февраля 1895 года адмирал Тинг с генералами сдаст и крепость и флот...

Белые флаги на мачтах всегда напоминали адмиралу Того поднятые вверх руки пленных. Так ему запомнились после обстрела Пескадорские острова и Формоза, тоже отобранные у Китая. Однако имелась у него затаенная мечта — увидеть белые флаги на Гавайях. Это островное государство давно привлекало внимание Японии. И когда в начале 1893 года в Токио пришла весть о начавшихся там народных волнениях, «Нанива» немедленно был послан на разведку.

28 февраля в 12 часов 30 минут крейсер бросил якорь на рейде Гонолулу. Увы, в бухте уже стояли корабли Соединенных Штатов, тоже очень интересующихся этими

островами, особенно после захвата Филиппин и Кубы. В связи с таким неожиданным свиданием Того ничего не оставалось, как объявить приход «Нанива» визитом вежливости и, развернув на грот-мачте флаг Гавайского королевства, прогреметь «салютом наций» — двадцать одним выстрелом с правого и левого борта поочередно. А затем, подняв уже звездный флаг США, дружески отсалютовать и американским боевым кораблям — «Могикану» и «Бостону», получив такой же грохочущий, окутанный огнем и дымом, ответ. По правде говоря, в те минуты обе стороны более всего желали вместо этой международной приветственной церемонии, ударить снарядами по бортам друг друга...

Вот и приходится Японии до сего дня мириться на Гавайях с ролью завистливого наблюдателя, хотя японцев там проживает намного больше, чем американцев. Правда, Теодор Рузвельт убеждает Азию, что Америка несет в этот нецивилизованный уголок мира свет и просвещение и, вероятно, поэтому приказал выкрасить свои броненосцы в ослепительно белый мирный цвет...

Тихий океан стал местом пробы сил великих держав, но Того верил, что рано или поздно ключи к его северным водам окажутся в руках Японии. Правда, Россия, — оиять-таки проявляя близорукость и беспечность, — давно помогает Соединенным Штатам в овладении этими ключами: считай, даром отдала им Аляску, Русскую Америку с Алеутскими островами, пожертвовала ею освоенными землями с крепостью Росс в Калифорнии, отказалась взять под свое покровительство те же Гавайи, хотя их король обращался к русскому правительству с официальной просьбой.

Недавно Россия предложила Соединенным Штатам открыть для них Порт-Артур. Только на этот раз Япония опередит сделку — возвратит явочным порядком то, что потеряли ее дипломаты в Симоносеки.

Прав был барон Шибузава, заявивший осенью на собрании в Токийском Клубе банкиров: «Если Россия и далее будет упорствовать в нежелании идти на уступки, если она заденет честь нашей страны, тогда даже мы, миролюбивые банкиры, не будем долее в силах сохранить терпение — мы выступим с мечом в руках».

Выступили! И вот он, нынешний тяжелый меч империи — Соединенный флот...

Размышления адмирала были прерваны докладом с вахты: на зюйд-весте показались четыре истребителя. Через пять минут последовало уточнение: «Первый отряд». То есть тот самый, что был послан на разведку, в район внешнего рейда Порт-Артура.

Того взглянул на часы — шесть тридцать. Недоумевая о несвоевременном, досрочном возвращении разведчиков, он, нахлобучив фуражку, толкнул тяжелую дверь на мостик.

Близился рассвет. На небе тускло выделялась вершина Роупа с кумирней. Море тоже посерело, и, присмотревшись, можно было на нем увидеть колонну приближавшихся миноносцев. На ведущем промелькал световой сигнал: «Имеем убитых. Двадцать человек раненых...»

Застывшая в безмолвье эскадра хмуро читала «кютик», понимая, что отряд вышел из непредвиденного боя. Того и без сигналов рассмотрел, что один из кораблей подбит, тянется на буксире, приказал начальнику отряда капитану I ранга Асаи прибыть на «Микаса» с докладом о случившемся. Сюда же, в лазарет, свезти раненых.

... Адмирал, сжав рот так, что под усами исчезла верхняя губа, следил за маневрами миноносцев, спускавших шлюпки с перевязанными моряками. Заходя с подветренной стороны броненосца, они толклись на волнах с риском протаранить друг другу борта или насесть на винты. Ветер, как будто в насмешку, стал повертывать к порту, мешая точной подаче швартовых.

Отвалила и шлюпка с начальником отряда. Высадившись на «Микаса», капитан I ранга Асаи, направляясь по палубе к командующему, ощущал сверху его ледяной взгляд, не смея поднять глаза.

Не так-то просто было объяснить Асаи, как он попал под свалившуюся, как обвал, со стороны Ляотешана, стремительную атаку четырех русских миноносцев. Его отряд крейсировал в одной миле от берега, выдерживая прямую линию ост-вест — четыре мили туда и четыре обратно. Как было приказано командующим, он нарочно держался в сфере действия лучей береговых прожекторов, тем самым желая вызвать на себя огонь порт-артурских батарей, провоцируя бесполезную трату снарядов и отвлекая внимание.

Так как берег молчал, Асаи решил сдвинуть корабли чуть севернее. Произошло это после восхода луны, около

трех часов ночи. Когда головной миноносец «Сиракумо» и следовавший за ним «Азасиво» завершали циркуляцию, а другая пара — «Акацуки» и «Касуми» перекладывали руль, чтобы пристроиться, из густой и обширной тени, отбрасываемой в море массивом Ляотешана, вырвались русские миноносцы. Они на полном ходу прошли сквозь фронт японских, ведя бешеную стрельбу из пушек.

Пока атакующие совершали разворот, отряд Асаи тоже успел перестроиться и, фронтом, непрерывно стреляя, направился навстречу. На этот раз противники промчались так близко друг от друга, что почти касались бортами. Один из матросов с «Сиракумо» в боевом раже даже попытался перепрыгнуть на палубу русского миноносца.

У начальника отряда, рассказавшего адмиралу и об этом случае, как будто бы мелькнула перед глазами взметнувшаяся в воздухе между кораблями человеческая фигура с пожаром в руках, тут же сжеванная встречно движущимися железными бортами, и исчезнувшая между ними, как в провале...

Готовы были идти на абордаж, очевидно, и моряки с русских миноносцев. «Акацуки» не выдержал их лобовой атаки и, пытаясь избежать столкновения, уклонился на два-три метра, чтобы пропустить вражеский миноносец с левого борта. Однако капитан-лейтенант Нирутака просчитался — удар ждал с другой стороны: снаряд из кормовой пушки прошел корпус и разорвался в машинном отделении. На «Акацуки» стал садиться пар, он потерял способность управляться и двигаться.

Бой длился менее часа и велся на равных: с каждой стороны по четыре корабля, схожих по водоизмещению, по числу орудий и мишных аппаратов. Разница лишь в скоростях — у японских чуть больше. Но так как сражение велось вплотную и горячо, это преимущество не удалось реализовать. Отряд был отеснен в море, сумев взять под огнем на буксир подбитый «Акацуки»...

* * *

Капитан I ранга Асаи, заканчивая свой доклад командующему о бое 1-го отряда истребителей, конечно, не предполагал, что как раз в эти минуты, опять-таки в водах близ Ляотешана, только несколько восточнее, началась еще одна схватка.

Если появление миноносцев Асаи было сразу же замечено наблюдателями с Золотой горы, о чем доложено Макарову, высланному в ту сторону отряд разведчиков под командой капитана I ранга Матусевича, то никто из Артура не обнаружил еще одну группу японских истребителей, которая пришла на внешний рейд мористес и скрытно.

Это был третий отряд, состоявший тоже из четырех больших миноносцев,— «Сазанами», «Усугумо», «Сипономе» и «Акебоно». С ними-то вчера поздним вечером и встретились возле острова Кеа «Решительный» со «Стерегущим». И правильно тогда предположил Сергеев основную причину отказа японцев от преследования и погоди за ними: 3-й отряд спешил к Порт-Артуру с особой и срочной задачей — успеть за ночь поставить на рейде минные банки. На каждом из его кораблей был принайтован на верхней палубе очень неудобный и опасный для транспортировки при большой зыби груз из шести мин.

В ноль часов 12 минут отряд достиг указанных ему координат и приступил к работе, а после ее окончания, к семи часам утра, когда уже уходил из опасной зоны в море, на юг, случайно встретился с парой русских миноносцев, тех самых, с которыми разминулся вблизи Кеа. Судьба!..

Глава 5

Бой

...Четверть часа уже мчались противники одним курсом — норд-норд-вест, держась траверза Ляотешана,— русские по внешней дуге, японцы по внутренней. Над трубами пылали факелы — корабли развили самый полный ход. При сближении до 25 кабельтовых японцы открыли беглую стрельбу.

Четыре миноносца против двух! Но и такая очевидная пропорция еще не отражала реального противостояния сил: в японском отряде-дивизионе насчитывалось двадцать четыре пушечных ствола, а на «Решительном» и «Стерегущем» их было всего лишь восемь, то есть в три раза меньше. Так обстояло дело с огневой мощью. Но у каждого из японских миноносцев-истребителей имелись

и другие немаловажные преимущества по сравнению с «невками»: в полтора раза больший тоннаж, по две машины вместо одной, более высокая скорость, большая численность экипажа. Все это боевое и техническое превосходство рано или поздно должно было сказаться в ходе боя.

Сергеев понимал, что в данный момент главный резерв их пары, находившейся волею случая и приказа в совместном плавании, заключается в маневренности и меткости огня, в координации действий и, конечно, во взаимовыручке. Он ловил на себе короткие внимательные взгляды матросов и офицеров и понимал, что каждый из них в решительную минуту будет действовать в зависимости от того, как поведет себя командир, и, возможно, поэтому проявлял больше хладнокровия и уверенности, чем вызывалось обстановкой. А она с каждой минутой обострялась.

«Решительный», но-прежнему идя впереди, состязался в скорости с «Акебоно», ведя с ним артиллерийскую дуэль. «Стерегающий», поневоле вынужденный отбиваться от трех истребителей, шел зигзагами. Противники прочертили возле друг друга концентрические окружности, похожие на петли,— по пять миль в длину и по две в диаметре. До тех пор, пока японцы шли северной стороной, русские находились внутри окружностей, но в крайней южной точке обе «петли» пересекались, и здесь японцы, рассчитывая отеснить русских в море, перестроились фронтом. Но перехват снова не получился, хотя «Решительный» и «Стерегающий» действительно оказались несколько мористее. Теперь атакующие шли уже параллельно, перекрывая «невкам» путь на северо-запад, к Артуру.

«Стерегающий», продолжая вести жестокий огонь, неожиданно совершил крутой поворот в сторону «Сазанами», шедшим вслед за головным, поворот настолько крутой, что можно было подумать,— собирается таранить!

Японцы, вероятно, поверили в такую решимость,— атакуемый истребитель отпрянул, а на других произошла короткая заминка. Ее хватило на то, чтобы «Стерегающий» пересек кильватерную струю вражеского корабля и, выходя на прежний курс, еще успел дать выстрел по «Сазанами». Этим же лихим разворотом миноносец отрезал отряд от «Решительного», на хвосте которого остался лишь один «Акебоно», тем самым позволив своему ведущему выиграть несколько кабельтовых. В сложившемся положении они оказались решающими: миноносец успел оторваться

от преследователей и лечь на прямой, самый короткий, путь к Порт-Артуру.

Выручая «Решительного», «Стерегущий» невольно при развороте подставил свой борт противнику. На этот раз залп получился кинжальным — один из снарядов пробил корпус в районе I-й котелгарки. Взрыв потряс корабль, он вмиг окутался паром и дымом. Судно стало терять ход...

Сергеев припал к раструбу переговорной трубки:

— В машинном... Доложите.

К люку, из которого продолжал валить пар, метнулась фигура инженер-механика, крикнувшего:

— Шинели, полотенца!..

Бежавший за ним трюмный машинист Василий Новиков свернул на жилую палубу и тут же появился с ворохом одежды, сбросил ее в люк и спустился туда сам.

Из переговорного устройства на мостике, после вызова-свистка, прозвучали глухие слова:

— Перебита паровая магистраль... Пробоина в корпусе на уровне ватерлинии... Пожар в угольной яме... Приступили к ликвидации...

Да, приступили. В заполненном паром помещении котелгарки копошились люди, звенели инструменты. Через минуту все определились: одни прилаживали пластырь и клинья на пробоину, из которой хлестала забортная вода, — не будь этого холодного потока, не продержаться на паёлах, покрытых струившимся снизу кипятком, — другие из раскаленной и пынущей огнем и газом тонки выгребали жар.

Василий Новиков, пустив насос-донку, быстро справился с пожаром в угольной яме. Разорвись снаряд не в ней, не в крошечке угля, а чуть ближе к людям, осколки посекали бы многих. Таким острым куском железа и был порван трубопровод. Осколок хватил его вскользь, поэтому отверстие не было большим и рваным. Но все равно фонтанирующая под давлением струя пароводяной смеси не позволяла подойти к месту повреждения.

Анастасов, стянув на себя две шинели и обвязав лицо полотенцем, сумел накинуть парусиновую повязку на отверстие и вместе с Осининым, тоже окутавшим голову, принялся ушлотнять ее, бинтуя трубу.

С паровой магистралью все ясно — остается надеть бандаж. Но что делать с котлом? По струям воды, пара и едких газов инженер-механику была понятна суть повреж-

дения — разбит нижний ряд дымогарных трубок. Грозило отравление, в кочегарке уже нечем дышать. Кочегары, переминаясь с ноги на ногу, — стоять по щиколотку в обжигающе горячей воде тоже невмочь, — ожидали команду.

Анастасов в двух словах доложил Сергееву о положении дел.

— Ваше предложение?

— Отключить котел. Давление намерстаем за счет других.

— Отключайте. Вахту — по усмотрению. Все, Владимир Спиридопович, — сказал командир и повернулся к сигнальщику: — Поднять сигнал: «Остаюсь в строю».

Такая сигнализация со стороны Сергеева была вызвана странным поведением «Решительного»: миноносец продолжал быстро удаляться в сторону Порт-Артура, при этом не подавая никаких знаков напарнику. Вероятно, большой выброс пара создал впечатление у Боссе, что «Стерегающий» подбит смертельно, то есть ему уже не поможешь. Не последовало ответа и на «Остаюсь в строю».

«Издали не прочитать наш сигнал», — решил Сергеев, видя, что мачта со связкой трепещущих на ветру цветных полотнищ, окутана все еще поднимавшимся из люка паром.

Той же иллюзией, что русский миноносец агонизирует, были введены в заблуждение и японцы, так как дружно, отрядом, ринулись вдогонку за «Решительным», тем самым предоставив «Стерегающему» небольшую передышку.

— Братцы, а «Решительный»-то корму показал! — донесся до ушей Сергеева удивленный возглас квартирмейстера Новикова. Высунувшись по поясу из дымившего масляным маревом люка машинного отделения, держась одной рукой за комингс, а другой вытирая ветошью вспотевшее лицо, он растерянно смотрел в сторону удалявшегося напарника.

На палубе никто не проронил ни слова, тем самым выразив согласие с заключением квартирмейстера, то есть с тем, что головной миноносец вышел из боя, оставив их в одиночку с японцами. Правда, он продолжал стрельбу по преследователям, но по всплескам снарядных разрывов, по большому их разбросу не было заметно, что пристрелялся к какому-то.

— Ушел от нас почти на милю, — заметил Кудревич, склонившись над дальномером.

Ясно, о ком сказал мичман, и тон понятен. А что ответить? Сергеев посмотрел на карманные часы. В мозгу коротко, словно записью в вахтенном журнале, зафиксировалось: «7 часов 41 минута. «Стерегищий» остался один против отряда истребителей противника». Александр Семенович заранее был настроен на возможную встречу с превосходящими силами японцев, но что превосходство будет четырехкратным, и что в самый разгар боя окажется покинут старшим начальником, такое в голову не приходило...

Сергеев даже попытался в мыслях поставить себя на место Боссе, и тут же твердо ответил: «Нет, ни при каких обстоятельствах не оставил бы напарника во время боя». Конечно, продолжал он додумывать, как только «Решительный» окажется в гавани, Боссе немедленно сообщит командованию о положении «Стерегищего», передаст и разведочные данные.

Последнему рассуждению Сергеев даже обрадовался — он теперь знал, какими словами ободрить команду. Оторвав от глаз «Цейс» и оправив ремешок на шее, громко, как будто отвечая мичману, заметил:

— Через сорок минут, ну через час, в крепости и на эскадре будут знать о нашем месте.

К этому утверждению ему хотелось добавить: «И немедленно вышлют помощь», но это казалось само собой разумеющимся, как и то, что до подхода подкрепления надо во что бы то ни стало продержаться, то есть биться с врагом, не жалея живота.

Нечто подобное так или иначе промелькнуло и в головах пижних чинов и офицеров. Соответственно прозвучала с мостика и команда:

— Огонь по идущему справа!

Справа появился «Сазагами». Этот миноносец как будто бы с самого начала боя выбрал главным противником «Стерегищего», раз за разом пытался атаковать его, и даже ударившись в погоню за «Решительным», первым вернулся, поняв, что тяжелораненый корабль обретает жизнь. Выплеск огня из носового орудия, резкий поворот, — и вот уж миноносцы, окутанные дымами от залпов, вновь взялись расстреливать друг друга.

Тем временем три других истребителя тоже поняли тщетность своей попытки догнать «Решительного» и развернулись на 180 градусов.

«Стерегущему» из двух невыгодных решений оставалось выбирать одно, которое обещало меньшее зло: или оказаться под огнем четырех кораблей, или самому атаковать «Сазанами». Последнее обеспечивало свободный тыл и... солнце за кормой. Зайти со стороны солнца означало затруднить противнику точность стрельбы. Медлить с решением было нельзя, так как снова окажешься в центре быстро суживающейся «петли».

— Прибавить оборотов,— сказал Сергеев в машину, направляя корабль в цель между «Сазанами» и «Акебоно».

Японцы, продолжая следовать под острым углом, на пересечку «Стерегущему», постепенно сближались друг с другом. На это и рассчитывал Сергеев, намереваясь в точке, где они окажутся с ним на контркурсе, ударить по ближнему торпедой.

— Вы думаете атаковать? — Сергеев услышал за собой голос старшего офицера.

— Да. Приготовьте рулевые закладки.

— На какой борт?.. Какое углубление?

— Готовьте на оба борта. А там уж по обстоятельствам.

— Есть! — Головизнин боком сбежал по узким рубцованным ступеням трапа и, обойдя минные аппараты, проверил изготовление торпед к залпу, приказал снять хвостовые стопоры.

— Машинное. Владимир Спиридонович, готовьте на самый полный,— предупредил Сергеев и тут же по дрожанию корпуса и учатившемуся дыханию вентилятора за спиной почувствовал, что минополец увеличивает скорость.

— Молодец! — ласково, как о живом сказал Сергеев и взялся за ручку машинного телеграфа, провел ею по полукругу на «самый полный».

Клубы дыма, вырвавшегося из труб вместе с огнем, окутали корабль. Сотрясаясь от киля до кютика, растялаясь, как гончая по воде, он понесся, казалось бы вопреки логике, навстречу двойке истребителей.

— Второй аппарат? — громко спросил Сергеев.

— Второй аппарат к бою готов.

— Наводить по пеленгу.

— На пеленге,— предупредил о взятии цели старший офицер.

— Пли!

В однотонный звонкий лай 47-миллиметровок вмешался глухой выстрел минного аппарата, сопровождаемый тяжелым забортным всплеском. Удлиненное желтое тело торпеды в ореоле белой пены, с шумно кружащимися винтами, то ныряя в волнах, то выскальзывая на их гребни, словно летело над поверхностью воды, направляясь к «Усугумо». Снаряд парочно не был заглублен Сергеевым — приходилось рассчитывать не только на попадание, что на высокой скорости встречного движения малых кораблей не очень-то вероятно, но и на то, что противник, увидев идущую на него торпеду, вынужден будет сойти с курса, тем самым приоткроет путь «Стерегущему» из кольца. И действительно, истребитель резко вильнул, показав борт.

— Целик — семьдесят,— послышалось с носа.— Огонь!

Над левым бортом «Акебоно» выскочило белое облачко пара, влетаясь в дымную гриву, как ранняя седина.

— Ага, достали! — крикнул номерной, подавая следующий снаряд.

— Задрай люк на четверть, салага! — цыкнул комендор Кузьма Майоров, боясь «сглазу». И тут же его самого оборвал голос сигнальщика:

— Дымы по порядку!

— Наконец-то наши...

Так подумалось каждому. И в маневрах противника почувствовалось замедление: истребители резко замедлили движение, на их мачтах один за другим взлетали сигнальные флаги и шары, с мостиков замелькал флажковой семафор. А «Акебоно», который едва плелся, продолжая парить, завязал через мегафон разговор с соседним ему «Сазанами». На его палубе продолжалась суэта: команда, очевидно, занималась ликвидацией повреждений.

— Куре поль,— приказал Сергеев, думая пока об одном — проскользнуть между истребителями на борт.

Сигнальщик Кружков отнял от глаз бинокль и, повернувшись к командиру, хотел что-то сказать, но, видно, решил уточнить — торопливо протерев стекла, прижался грудью к поручням и вился взглядом в горизонт. Там над дымами постепенно вырисовывались темные вертикали труб и мачт, линии верхних палуб.

— Прямо по курсу,— начал он с расстановкой и сдерживая голос, как будто не веря собственным глазам,— крейсера... Два... Японские...

«Конечно, японские,— подумал Сергеев.— Не мог «Решительный» так быстро достичь базы».

Между тем, корпуса вражеских кораблей поднимались. Едва заметными пичочными ромбами прорезался в воздухе рангоут с косичками вымпелов на макушках мачт. На новом повороте у первого блеснул на солнце и четко вырисовался крутой обрез носа.

«Ворота», которые Сергеев сумел приоткрыть своим маневром, вновь оказались как бы захлопнутыми, теперь уж крейсерами. Лениво постреливая, они не спешили пускаться в ход дальнобойную артиллерию, угнетая своим многократным преимуществом, как бы давали понять, что пока не стремятся уничтожить окруженный миноносец. На мачте ведущего пошел вверх трехфлажный сигнал.

Кружков вновь повернулся к командиру с желанием доложить, но как-то замялся.

— Ну и правильно, что молчишь,— понял его замешательство Сергеев, тоже прочитав сигнал: по международному своду японцы предлагали миноносцу сдаться.— Не русским морякам говорить такое.

Кудревич, воткнув глаза в окуляры дальномера, откликнулся эмоциональнее:

— Гады! — сказал он и стал направлять ствол погонной пушки в сторону крейсера. Закончив приготовление, оглянулся на командира.

— Огонь! — приказал Сергеев, тем самым одобрив реакцию мичмана и отвечая противнику на его предложение сдаться.

Конечно, скорее это был психологический жест, так как до крейсеров оставалось еще не менее тридцати кабельтовых, но все равно столб воды, поднявшийся от взрыва снаряда, был впечатляющ...

— Продержаться бы нам еще тридцать — сорок минут,— громко сказал Сергеев.— «Решительный», полагаю, уже на подходе к гавани.

Подбодрив экипаж простыми, но очень пужными в данную минуту словами, командир продолжал искать слабости в строю противника, которые позволили бы прорваться к берегу, на мелководье. Там можно притопить корабль, а самим попытаться на шлюпках добраться до суши, как это сделал в Голубиной бухте «Внушительный». Но истребители с появлением крейсеров уплотнили блокаду. Продвигаясь широкими галсами, они с каждым по-

воротом приближались на два-три кабельтовых как раз со стороны Ляотешана, и отмечали перемену курса бортовым залпом. Неторопливая методичная стрельба, отгеснявшая «Стерегущего» в море, как бы подтверждала действительность сигнала на крейсере — «Предлагаем сдаться».

Над люком второй коцгарки поднялась взлохмаченная голова «духа». Алексей Осинин спешил отдышаться и заодно оценить обстановку. Оглянувшись, и увидев со всех сторон корабли с ярко-красными «солнцами» вражеских флагов, он присвистнул и гаркнул вниз, в зеву люка:

— Во! Обложили, как матерого на охоте...

Замечание отвечало действительности: уход «Решительного» с самого начала поставил «Стерегущего» под перекрестный огонь, и японцы, уверовав в безвыходное положение русских, не сомневались, что захватят корабль. Даже дерзкий выстрел по крейсерам не поколебал их уверенность. Вынудить корабль спустить флаг более почетно, нежели его уничтожить. В данном случае миноносец являлся бы еще и первым взятым в плен военным кораблем в первой со стороны Японии войне против европейского государства!..

— Господа офицеры, прошу ко мне,— позвал обыкновенным голосом Сергеев и добавил в переговорную трубку:— Механика на мостик.

Кудревич, перешагнув через приготовленные к стрельбе снаряды, ответил громким «есть»; Головизнин ровным шагом двинулся с кормы; инженер-механик, щуря воспаленные от пота и бессонной ночи глаза, задержался возле люка, чтобы одернуть полы рабочей куртки, тоже шагнул наверх.

— Господа офицеры, не ждите от меня откровений или особого стратегического замысла. Нам осталось пять-шесть минут относительного покоя. Не так ли?..

На этот вопрос, обращенный к каждому, ответа не требовалось — все на виду: истребители выходили на очередной галс, отжимая миноносец в сторону крейсеров.

— Против нас семьдесят стволов или около того,— продолжал Сергеев.— Прорваться на норд — это самим себя сунуть в пасть шестидюймовок... Какой же взять курс? Только тот, на котором мы в состоянии нанести врагу наибольший урон, то есть повернуть как можно ближе к истребителям. Тем самым мы хотя бы уйдем от удара крейсеров.

— Не будут же по своим бить,— подтвердил Кудревич.

— Итак, задача: максимальная скорость и шквальный огонь: погонной налить в головного, кормовые — на замыкающего. Вести свою цель и ловить, ловить борт противника. Таково мое указание на первые минуты, далее — по обстановке,— Сергеев посмотрел на Головизнина и Кудревича, давая понять, что зоны управления огнем остаются за ними прежние.— Владимир Спиридонович, постарайтесь взять с места в карьер, то есть самым что ни на есть полным!

— 375 оборотов — максимум. Но мы без одной кочегарки...

— И все-таки втолкуйте своим. Пусть сожгут трубы, но давление и обороты до предела... Словом, господа, каждому предстоит исполнить свой долг. Действуйте, выгода сама даст знать о себе.

По напряженным лицам сигнальщика и рулевого можно было понять, что каждое слово командира соперживается. Все ясно и орудийной прислуге — комендоры изготовились, слились с пушками.

— Исполняйте.

Кудревич вспрыгнул на банкет погонного орудия, провел рукой по стволу. Нет, не раскалился, ладонь не жжет, по инструкции после тридцати выстрелов положена передышка.

«Стерегущий», круто развернувшись, стал набирать ход — темный шлейф дыма с сизыми огневыми прожилками прилип к воде. Такими же выбросами окрасились и оба борта, но это уже от пушечных выстрелов.

Минопосец поспея к полукругу истребителей самым коротким путем, по радиусу, напересеку их курсу. Японцы попытались воспользоваться этим сближением, чтобы взять его в два огня. На носу одного из крейсеров тоже мелькнул красный язык, закрутилось вихрем бурое облачко — над морем прокатился гул. Вблизи «Стерегущего» всплеснуло и осел тяжелый фонтан.

— Здравствуйте, долгожданная шестидюймовка! — отметил недолет Кудревич.

Выстрел, надо полагать, был предупредительным и послужил сигналом для очередной атаки истребителей, все еще пытавшихся принудить русских к сдаче,— они резко усилили огонь. Клубы густого дыма, вырывавшегося из труб и пушечных стволов, образовали над водой темное облако.

— Лево руля! — Сергеев увидел шанс проскочить к берегу Ляотешана прикрываясь стелющейся дымовой завесой, но очередной новый порыв ветра оголил миноносец, рассеяв вместе с дымом и надежду.

Снаряды все чаще свистели над мостиком «Стерегущего». Похоже, что главной мишенью японцев стала выскочившая фигура командира — за ним началась охота: противник оценил его мастерство. Следовало бы перенести командный пункт в рубку. Но при бешеном ходе, с ежеминутно меняющимися курсовыми углами нельзя без хорошего обзора.

— Лево руля!

Опять «лево». Нос миноносца покатился в сторону приближавшегося головного истребителя и круто, как в яму, свалился в пологость между набежавшими волнами. На палубу обрушилась стена воды. Корабль, выпрямившись, оказался на конгралсе, всего лишь в полутора кабельтовых от противника. Казалось, сейчас корабли сцепятся бортами. Противники видели друг друга в лицо, до ушей долетали крики — «Банзай!».

Сергеев решил еще раз попытать судьбу — выстрелить торпедой.

— Первый аппарат.

— Первый готов,— ответил минный квартирмейстер Юрьев и протер задымленный прицел.

— Товсь!

Желтая сигара, высунувшись из ребристой трубы, пошла как будто с ленцой, до того замедленно, что падая в воду, даже коснулась хвостовой частью борта. И хотя ее винты, углубясь, задали полагающуюся скорость, выйти на цель она не успела.

Юрьев, перегнувшись через ствол, погрозил кулаком. До мостика донеслась его брашь.

— Сволочи,— процедил и Сергеев.

Причиной тому, что торпеда ненормально, то есть слабо, была вытолкнута из аппарата, мог быть только некачественный порох. И обращение — «Сволочи!» — относилось не к японцам, а к «родным» поставщикам типа Гипцбурга. Александр Семенович невольно на миг увидел перед собой брата Николая, который последними словами честил интендантов, снабжавших батареи Порт-Артура ненадежными снарядами.

...Сергееву показалось, что ему дали подножку — и сразу под оба колена. Едва успев ухватиться за поручень мостика, он приник к нему, но не удержался, стал оседать. Прежде, чем ощутить боль, явственно услышал хруст ломавшихся под тяжестью тела раздробленных голшей, увидел на погах окровавленные лохмы брючной ткани, и рухнул на настил мостика.

Квартирмейстер Юрьев, переживая неудачу с пуском торпеды, оглянулся на мостик, на командира, и первым заметил, что тот покачнулся. В два прыжка преодолел трап, но не успел подхватить раненого.

— Позовите... старшего... офицера,— с трудом сказал Сергеев.— Остальным — по местам.

«Остальные» — это сигнальщик Кружков и тоже взбежавшие на мостик квартирмейстер Новиков и матрос I-й статьи Константин Красников.

— Принимайте командование, Николай Семенович,— встретил Сергеев Головизнина.

— Перевязать командира и перенести в каюту,— приказал Головизнин. — Кружков, следите за крейсерами...

Юрьев и Новиков, придерживая ноги командира, разрезали голенища сапог и, осторожно задрав брючины, припятились пакручивать бинты поверх рваных ран, из которых торчали бледно-розовые осколки костей и толчками хлестала кровь.

Должности медика — ни врача, ни фельдшера — в экипаже миноносца не предусматривалось по штату, не было и отдельного помещения для лазарета. Каждый нижний чин и офицер имел индивидуальный пакет, завернутый в провощенную бумагу. Из этих-то пакетов и достали перевязочные средства Новиков и Юрьев. Несмотря на то, что бинты достигали саженьей длины, остановить кровотечение никак не удавалось. Не помогли и жгуты.

Снизу подали носилки, так называемые лекарские — прочные и легкие, с бамбуковыми ручками, с широким парусиновым карманом у основания. «Карман» пришивался с расчетом, чтобы раненого можно было переносить по крутому трапу, то есть в наклонном положении. Но в данном случае такой прием не годился: засовывать в карман раздробленные ноги означало еще больше травмировать их.

Пока матросы укладывали командира и примерялись как спустить его на палубу, показался Осинин. Он шагнул к трапу и подставил плечи под выдвинутые над площадкой мостика ручки носилок. Так, удерживая раненого в горизонтальном положении, моряки стали перемещать его со ступени на ступень вниз.

— Куда понесем? — спросил Осинин.

— Приказано в каюту, — ответил Юрьев.

— Не надо, — прохрипел командир. — Где-нибудь здесь, наверху.

— Давайте на ют, — предложил Новиков.

Место выбрали возле вентилятора, чей широкий и изогнутый раструб белел сразу за первой трубой. Матросы помогли командиру присесть. Под спину для упора положили свернутый валиком пробковый матрац.

— Идите... по местам, — приказал Сергеев.

Над его головой металось острое мачты, как стрелка на полукруге небесной сферы, показывая амплитуду качки миноносца. Уши ловили клацанье пушечных замков, стук кованых каблучков о железо палубы и трапов, натруженное гудение вентилятора, дыхание машины. Все эти звуки на мгновение потонули в раскате далекого залпа.

«Снова шестидюймовка», — предположил Сергеев и попытался приподняться, чтобы увидеть крейсера. Ерзая спиной на шероховатой поверхности матраца, мимоходом подумал, что крошка в нем совсем новая, еще не обкатанная матросскими боками... Любопытно, пока жив, думаешь до мелочей по-живому, об обыкновенном, хотя сердце бьется уже излишне активно, не столько питая кровью сознание, сколько выкидывая ее наружу, тем самым сокращая жизнь. Бессмысленная деятельность! Свидетельство тому — свертки пабухших алых бинтов и кровавые расплывы на черном глянце сапог, лужицы и сгустки на брезенте носилок...

Такая нелепость — оказаться раненым в самый ответственный момент боя, когда до гавани остаются какие-то полтора десятка миль, а до маяка Ляотешан вполовину меньше — не более семи!

«Семь миль до жизни, — мелькнуло сравнение. — Командир покидает судно последним, а у меня получилось — первым»...

Миноносец поднялся на пологую волну и, привязавшись к ней, как бы прибавил ходу. Головизнии, поминут-

но меняя курс, продолжал стрелять обоими бортами. Уплотнил огонь и противник, которому окончательно стало ясно, что русские не думают сдаваться,— снаряды прошивали корпус, рубили трубы, мачту, надстройки.

Сергеев так и не смог приподняться, чтобы увидеть горизонт. Держась на руках и упираясь спиной в кожух вентилятора, он вытягивал шею, пока перед глазами не вынырнула узкая туша японского истребителя. Воздух прорезал блеск залпа, и тут же снизу, в корме, раздался грохот взрыва. Миноносец закружился на месте.

— Лопнул штуртрос! — Сергеев даже не понял, сам ли это сказал или услышал доклад.

— Двигать румпель вручную... Рулевое устройство исправить,— командовал Головизнин.— Машинное! Свободных наверх, к кормовому орудию!

Потому к кормовому, что осколок задел ящик со снарядами и вызвал взрыв, который уложил весь расчет... Вместо погибших комендоров, всегда отличающихся особой щеголеватостью, возле орудия встали люди в пропитанной угольной пылью робе, с перемазанными углем и вслухшими от жары и пота лицами и руками. Такая смена прислуги была сразу же замечена противником, вызвала его активность. Еще одна вспышка пламени, теперь уж возле правого торпедного аппарата. Крики, стоны, проклятья...

Из-за расплывшейся рыхлой тучи вышлеснулось солнечное зарево, скользнуло по волнам, по Ляотешаню, обливая розовым светом верхнюю часть массива с белым штырем маяка на склоне. Вместе с солнцем на море легла тишина. Эта-то неестественная тишина и пробудила сознание Сергеева. Он понял, что корабль недвижим.

— Ваше благородие, потерпите, ваше благородие,— над ним склонилось лицо Юрьева.— Мы сейчас вас переправим вниз, в каюту... В Артуре о нас уже знают. Это точно! Двадцать-тридцать минут еще продержимся...

— Позовите... ко мне... офицеров... матросов... кого можно,— выдавливал из себя Сергеев, стремясь удержать нить сознания. Ему казалось, что его кладут под одеяло, накрывают с головой,— темнело в глазах, уши закладывало. И тело — ватное, бесчувственное. ...С трудом размежив веки, встречал взглядом подбежавших людей.

— Дорогие мои... Товарищи,— Сергеев как будто впервые увидел своих сослуживцев, связанных ныне не только уставом, воинскими правилами, но и жизнями на крохот-

ном куске железа, окруженном водой и огнем. Напряг голос: — Я надеюсь, что каждый из вас... Каждый... Исполнит свой долг... До конца исполнит... Ни один, никто... не помыслит о позорной сдаче родного судна... Не уронит чести русского флота...

Строя не было, и командир беспомощен, и корабль едва держит ход, но осталось единство цели, равенство каждого перед смертью, перед подвигом. Самое высшее равенство...

Разумеется, «мементо мори» — помни о смерти! Нет, никогда человек к ней не готов. «Бумаги и карандаш», — потребовал Гейне в минуту просветления сознания; «Возьмите всю империю за один день жизни!» — воскликнула Елизавета I Английская, обращаясь к надвигающейся Невизбежности, та самая Елизавета Тюдор, коварная и смелая, низвергшая в морскую пучину «Непобедимую армаду»!..

У командира «Стережущего» мысль о протяженности личного бытия оказалась значительно проще. «Вроде бы и не жил», — подумал он удивленно, пробегая свой сорокалетний путь от берегов Тускари, где нырял за ракушками, до берегов Порт-Артура...

У каждого свой 180-й меридиан, линия перемены дат. Пересекая ее, не только дважды встречаешься с Первым январем, дважды отмечаешь Новый год, но это еще и рубеж между Прошлым и Будущим, а в данном случае — между жизнью и смертью, с которого предстоит отплыть в Лету, где ветер только в одну сторону — в Вечность. И не уменьшить парусность, не взять рифы, — никак не притушить скорость к неизбежному...

Порыв ветра пригнул к палубе пахнувшее угольным дымом тепло из труб, и в тот же миг возле них полыхнул — корабль заполнился другим острым запахом — шимзы, плавящегося железа, горячей краски. Взрывная волна сбросила в море рулевого.

— Мичман, на руль! — донеслось с мостика.

Сергеев, будто пробудившийся от взрыва, увидел кинувшегося к штурвалу Кудревича. Форштевень миноносца покотился навстречу волне.

«Молодец! — оценил поворот Сергеев, хотя мичман всего лишь выполнил установленный параграфом морского устава порядок: «В случае выбытия рулевого вахтенный начальник обязан заменить его».

И снова голос с мостика:

— Убитых относить в сторону. Раненых в кубрик. Где скользко, посыпать песком...

«Скользко — это значит от крови,— понял Сергеев.— Не где же «Решительный», где помощь?» — собрав силы, достал часы — пять минут девятого.

Пять минут — крохотный промежуток на циферблате, с трудом различаются секундные штрихи,— но время — это непрерывный круг, и жизнь человека на нем тоже подобна штриху... Встать бы навстречу выстрелам, распрямиться толстовским репейником, отстаивая право на жизнь. Только какое такое право? Жизнь — это жизнь: она есть или ее нет,— опровергнул сам себя Сергеев, держа левую ладонь на железе палубы, другой он сжимал часы. Их едва бьющийся теплый овал он ощущал теперь, как второе, запасное сердце...

Голова откинулась назад, взгляд медленно перебирался с излома бурых береговых мысов к гребням волн, к клотик-ку мачты, к клубящимся над трубами дымам и еще выше — к небу, то есть снова к морю, только опрокинутому над головой, к тяжелой качающейся бездне, невесть как там, наверху, держащейся.

Губы захотели повторить давнее, заветное: «Глядя задумчиво в небо широкое...», но только дрогнули и застыли.

Собравшийся с Ляотешана вихрь, захватив в лощине дымчато-белесое облачко тумана, коснулся им стекленевшего лица умершего, пригладил волосы и принялся пеленать в этот прозрачный влажный лоскут надстройку судна вместе с окровавленным телом командира...

Отвратное, оно всегда из-за угла: в начавшееся священнодействие снова ударило вонючим взрывом шимозного снаряда. Вздутая противоположным проявлением разума воздушная волна подняла покойного над палубой, пронесла к борту и круто опустила в пучину так, как это делается на похоронах в дальних походах, в открытом море, правда, с одной ошибкой — направила тело вперед не ногами, как положено по освященному традицией обряду, а головой. Это, наверное, очень больно даже мертвому...

Залп оказался роковым — он вывел из строя главную защитницу, 75-миллиметровую пушку на носу, ту самую — «погонную». Еще одна красноватая вспышка с белым

дымовым баранком! На этот раз снаряд угодил в левый борт, в его подводную часть напротив котелгарки № 2.

В котелгарке находилось четверо: старшина квартирмейстер Петр Хасанов, котелгары Иван Хирипский, Алексей Осинин и трюмный машинист Василий Новиков. Все вместе ринулись прежде всего к очевидному — к пробойне, через которую хлестала вода, не обратив внимания на то, что осколком разбит стенопорный край, из-за чего в котле стал быстро садиться пар.

— Я — в машинное! — крикнул Новиков. — Доложу инженер-механику. Попробую запустить еще один насос.

Но в машинном свои заботы: все отливные средства включены не на откачку воды, а на перегон ее в задний отсек, чтобы утяжелить корму, ликвидировать крен — миноносец так глубоко погрузился носом, что обнажились винты.

Машинная команда выбивалась из сил, чтобы держать обороты. Несмотря на холод, со всех ручьями тек пот, по корабль быстро терял ход, окутываясь паром, — были разбиты два смежных котла и трубы, ведущие в машину.

Во второй котелгарке повторилась история первой: вода пересилила людей, поднявшись, залила колосники. Ядовитые газы перехватывали дыхание, поэтому людям ничего не оставалось, как только покинуть ее. Задраив переборки, клинкеты, горловицу, котелгары выбрались на палубу.

Петр Хасанов, блаженно набрав полную грудь воздуха, обернулся к Осинину, желая, видимо, что-то сказать, но просвистевший осколок, как сабля, порубил его через левое плечо до самого сердца.

Осинин оторопело смотрел на замершую улыбку товарища, даже не сообразив кинуться на помощь. Да и к кому кидаться в первую очередь? — палуба усеяна мертвыми и тяжелоранеными: у кого нет руки, у кого ноги, другие разорваны на куски. И всюду кровь — лужи, подтеки, полосы, как будто по кораблю пробежал дрянной маляр с ведром жидкого сурика...

Из машинного показался Анастасов, взглядом нашел старшего офицера. Тот, заложив руки за спину, стоял возле посеченного кожуха, местами все еще укрытого мешками с углем. Эти мешки перестали быть защитой, наоборот, представляли дополнительную опасность, так как раскаленные осколки снарядов, застревая в них, вызывали

возгорание. Куски угля от взрывов разлетались во все стороны, нанеся травмы, ожоги...

— Слушаю вас, Владимир Спиридонович,— Головизнин обернулся к подошедшему инженер-механику.

— Все котлы выведены из строя... Восемь подводных пробоин... Миноносец осел на два фута,— перечислял механик.— Из-за повреждения холодильника засолилось машинное масло...

— То есть мы не можем двигаться и, добавлю, не можем стрелять,— подвел итог Головизнин.— Поэтому приказываю, чтобы избежать захвата миноносца врагом, приготовьте его к затоплению. Я же займусь людьми.

Когда механик исчез, старший офицер позвал Кудревича.

— Господин мичман, распорядитесь спустить на воду вельбот, уложите в него раненых. Остальным — собрать для себя любые спасательные средства: нагрудные пояса, матрацы...

Головизнин не договорил,— пошатнулся, стал бледнеть; заведя руку за спину, вернул ее, окровавленную, поднял к глазам и сказал, казалось бы, нелепое:

— Мой жене сегодня, наверное, снился плохой сон,— это были последние слова старшего офицера, убитого на том самом месте, где недавно лежал раненый командир.

— Слушать мою команду! — излишне громко, чтобы овладеть собой, крикнул мичман.— Отдать вельбот.

Удивительно: разбиты трубы, искорежены пушки и мишные аппараты, словом, всюду разрушения, а большая шлюпка, укрепленная на рострах возле четвертой трубы, как на выставке,— без единого попадания. Двое матросов, исполняя приказание мичмана, начали спускать ее, встав возле блоков. И сразу же зашевелился ствол носовой пушки на ближнем истребителе. Это был «Сазанами».

— Подлецы, азиаты! — Кудревич погрозил кулаком. Распахнув на себе мундир, он вырвал клоч белоснежной сорочки, и, подхватив из лужицы крови снарядный осколок, провел им по материи крест-на-крест две ровные линии. Этот самодельный флаг Красного креста он насадил на ключину шлюпки.

Увы, международный символ гуманного отношения к раненым и пленным не произвел ни малейшего впечатления ни на офицера, руководившего огнем, ни на коменданта. А один из японских матросов, тоже из числа орудийной

прислуги, громко хохоча, ответил постыдным, унижающим жестом.

Ствол орудия, будто дразня опасностью, опускался к воде синхронно спуску вельбота — ниже, ниже, а когда шлюп-балка вывалилась за борт и были стравлены тали, раздался пушечный выстрел. Шлюпка разлетелась на куски, а вместе с ней и надежда на спасение раненых.

Первое чувство, которое овладело русскими, — отомстить! Кудревич, увидев как Алексей Осинин, повиснув на стволе погонного орудия, пытается повернуть его в станице, подбежал на помощь. Навалившись, они поставили орудие в горизонтальное положение, зарядили. Кудревич прикинул к прицелу. И когда «Сазанами» под крики своей команды — «Банзай!» заканчивал новый круг возле миноносца, скомаандовал сам себе: «Огонь!».

Воистину, дурак стреляет — бог пули посылает. Выстрел «Стережущего», совершенный почти наугад, тем не менее оказался метким, более того, возмездием: он взорвал как раз то орудие, из которого был разбит вельбот.

Японцы ответили залпом — прапелель буквально покорила последних защитников миноносца, включая и Кудревича.

— Мало же я походил в командирах, — успел он еще отпустить горькую шутку, и стал оседать, перебирая руками покореженный щит пушки.

... Анастасов, проверив клапаны затопления — кишгоны, проинструктировав трюмных и кочегаров, вернулся из машинного отделения наверх, чтобы доложить о выполнении приказа — корабль готов к затоплению. Однако докладывать оказалось некому — теперь самым старшим на корабле, то есть командиром, становился он, инженер-механик.

Только кем командовать? На залитой кровью палубе — ни единой живой души. Взрывы смели с нее раненых и мертвых, одних за борт, тела других засунули между обломками скрученного и оплавленного железа, прижали к кнехтам, леерным стойкам... Сорванные куски трапа, ведшего на мостик, были обмотаны внутренностями, а сам он сдвинут вперед и накренен. Вырванная из банкета 47-миллиметровая «дежурная» пушка целилась изуродованным стволом в штурвал, на котором лежал верхний кусок мачты с косицей вымпела, а порванные ванты, как вьюны, сцепились с леерами правого борта. Крутом опустошение и царство смерти...

— Ваше благородие, ваше благородие,— из-за рубки выпянула голова сигнальщика Кружкова. Держась за растерзанный бок, он показывал на сверток из флагов расцвечивания.— Тут сигнальные книги. Прикажите бросить их за борт.

— Где старший офицер?

— Где же ему быть? Где и все — на дне Желтого моря.

«Четверо суток не дожид до своих именин, до первого марта,— подумал Анастасов.— Только вчера Кудревич, дурачься, завидовал: «Бывают же счастливики — сумеют родиться в первый день весны!.. И жена подарок прислала...»

—...Их благородие мичман тоже погиб,— продолжал Кружков.— Они и сказали, чтобы я немедленно уничтожил книги...

* * *

Осипину, можно сказать, везло: после залпа, убившего мичмана, он остался цел, хотя находился рядом. Спас его стоявший чуть впереди Константин Красников — принял на себя град мелких осколков. Повалившись, он вихлялся по баку, громко ругаясь, раздирая руками грудь, как будто пытался выцарапать металл из тела.

— погоди, погоди, не вертись,— уговаривал матроса Осипин, удерживая и оглядываясь, не зная, где взять биш.— Это ж царापцы.

Но вероятно некоторые из осколков зашли глубоко, так как изо рта Красникова показалась кровь, ругань стала перемежаться тяжелыми хрипами. Он попросил кочегара нагнуться.

— Будь другом, исполни... В рундуке у меня полотенце из дому... Переважи меня им. Будь другом... Исполни.

Нелепая по обстоятельствам просьба, по воля умирающего — последняя воля. Осипин взглянул на стоявшие примерно в четырех кабельтовых японские истребители и, опасаясь попасть под выстрел, метнулся к люку, ведущему на жилую палубу, забежал в кубрик, опоясанный с обеих сторон по низу ячеями матросских рундуков.

Кочегар торопливо рылся в сложенной пачкой казенном матросском добре: проглаженная выходная форма первого срока, чистая сменная роба, белье — все накрыто синим форменным воротником, и только на самом дне

нашел искомое — свернутый в несколько слоев белый холст. Встряхнул его — и в полумраке кубрика из развернувшейся ткани словно выпорхнули ярkokрылые петухи — выпивка крестом, окаймляющая по концам полотенце...

Внутри Осинина дрогнуло. Он окинул прощальным взглядом кубрик, еще с утра заполненный жизнью, головами молодых мужчин, а сейчас холодный, угрюмый, сырой, похожий на склеп. И как в склепе, в переднем правом углу мертво светилась синяя лампада. За живым, чуть трепещущим огоньком темнел в специальной сетке, заменявшей киот, образ Христа Спасителя.

Судовая икона, считавшаяся такой же святыней корабля, как и флаг, напомнила кочегару об уставных обязанностях — он осторожно, стараясь не погасить лампаду, вынул икону из гнезда и сунул за пояс, под тельняшку...

Опоздал кочегар с перевязкой — Красников был мертв. Он закрыл товарищу глаза, сложил на груди руки и, бережно свернув полотенце, — еще раз мелькнули красные птицы — подсунул под мертвые ладони матроса домашний холст — последнее материнское касанье...

Живой ищет живого. Осинин заглянул в баталерку, в рубку, за трубы, пока не наткнулся за машинным кожухом на сильно побитые тела инженер-механика Анастасова и сигнальщика Василия Кружкова. Между ними лежал, тоже посеченный осколками, угловатый узел. Из него выглядывали кожаные переноски сигнальных книг.

Осинин приподнял сверток, встряхнул и, вложив внутрь кусок антрацита, затянул потуже концы.

— С якорем-то надежнее, — с этими словами он швырнул узел за борт.

Вместе с плеском со стороны кормы раздался ломающийся крик:

— Б-ббратишки, пп-могите!..

Перегнувшись через леера, Осинин увидел в воде квартирмейстера Василия Новикова, прижавшегося к баллеру руля. Рядом с ним плавал в воде Федор Юрьев. Этот держался на поверхности благодаря пробковому нагруднику.

Миноносец так осел, что Осинин, улегшись на краю палубы, сумел дотянуться рукой до товарищей и, одного за другим, втащить их наверх, на борт судна. Новиков был цел, а Юрьев сильно ранен в бедро. Оказалось, их выбросило в море тем же взрывом, который порешил инженер-механика.

— Айда в кубрик, найдем сухое — на себя и на перевязку,— распорядился обрадованный Осинин, забыв о старшинстве. Придерживая Юрьева, который скакал на одной ножке, он потащил его на жилую палубу.

— Погоди,— остановил квартирмейстер,— мы дойдем, а ты везде проверь, может, еще где есть живые.

— Да я и сам хотел, да вас услышал,— возразил Осинин и направился к машинному отделению. Люк в него был распахнут, трап полусорван. Склонившись, кочегар крикнул как в бездну: — Живые есть!?

— Есть, есть!.. Это ты, Алексей?! Подай-ка, родной, штертик или еще что.

— Держи мой парадный трап,— кочегар, перегнувшись через оплавленный шимозой металлический порожек-комингс, приспособившись на нем животом, опустил пряжкой вниз свой брючный ремень.— Ни черта не вижу и холодом сырым прет.

— Так волны-то отсырели,— отозвались со смешком снизу.— Ремень держи обеими руками. Страви, страви еще чуть... Порядок! Теперь — вира!..

Из люка показалась голова трюмного машиниста Новикова.

— Цел! — воскликнул Осинин.— Ну Новиковы, ни в огне не горят, ни в воде не тонут! — изумлялся он.— Я только что тезку твоего вызволил...

— Помолчи и оглянись,— оборвал его машинист.— Не иначе как «банзай» к нам в гости собираются.

В самом деле, истребители, которые уже четверть часа вели переговоры флажками, наконец-то дотолковались: один из них, взяв на буксир «Акебопо», направился на ост, а «Сазанами», приблизившись к «Стерегущему», стал спускать шлюпку с вооруженной командой.

— Не иначе собираются пленить миноносец,— предположил Осинин, наблюдая, как подали с «Сазанами» пеньковый перлинь.— Ишь, расшумелись, радуются.

— Пусть покурахтают: голодной курице все просо спится,— Новиков плюнул сквозь зубы и повернулся к люку: — Михалыч, Бухарев, как ты там?.. — и отвечая на взгляд Осинина, машинист пояснил: — У него руку отбило. Начисто.

— Далеко ли неприятель? — подал голос Бухарев.

— В одном кабельтове. Шлюпку к нам направляют.

— Со стороны Артура никого не видать?

— Мне — нет. Может Алексей что видит, у него глаза — дальномеры...

— «Решительного» вижу в порту, у стенки,— зло ответил кочегар.— Команда в увольнение надраивается...

— Так-то зря,— упрёкнул Новиков.— А если его крейсера встретили да раскатали?..

— Слышь, Василий,— снова раздалось снизу.— Получается, самая пора кингстоны открывать, как было приказано. А? — и так как Новиков промолчал, Бухарев добавил: — Надо, братишка. Одному мне не справиться.

— Кому ж их открывать, как не хозяину трюмных отсеков,— согласился Новиков, как бы уговаривая самого себя.— Хозяин есть хозяин.

— Ну откроешь, а японцы закроют,— Осинин пожал плечами.

— Во им! — Новиков показал фигу приближающейся шлюпки.— «Стерегущего» не сдадим. Как наказывал командир... Ты погляди, гребут-то, гребут как — весла задирают, не гребля, а ветряная мельница.

Японцы с «Сазанями», наверное, не забыли о последнем выстреле Кудревича, так как шлюпка, пройдя полпути, остановилась. Молодой офицер, стоявший в корме у транцевой доски, подал команду сушить весла.

— Эх, хоть бы трехлинейку, показал бы, как куропаток у нас стреляют в феврале,— пожалел Осинин.

По положению, на миноносцах, на «невках», личного оружия нижним чином не полагалось. Что касается машинной команды, то ей не выдавали винтовок даже на больших кораблях.

— Не горюй, мы их искупаем,— пообещал Новиков. Он поднял и опустил, как бы пробуя, откинутую крышку люка у входа в машинное отделение.— Алексей, двинь-ка комингс, а то он, как калач у молодухи, туда-сюда по лопате ходит... Давай-ка, вдвоем.

Моряки, навалившись телами на поврежденный брус, стали поджимать к нему крышку, тоже обожженную и надтреснутую,— сопели, касаясь телами друг друга.

— Получается так, как будто твой Воронеж к моей Казани подвалил,— заметил Осинин.

— Не скажи. Правильнее, Казань к Воронежу: она все-таки баба.

Так, горько пошучивая, помогая один другому, люди готовились к смертельному делу. Впрочем, Осинин-то осознал полную меру опасности только после следующих слов товарища:

— Когда я спущусь и уберу голову, пажми, сколько есть сил, на крышку. Я ее изнутри задраю.

— Ты что, Василий? — Осинин смотрел в спокойное лицо трюмного машиниста.— Тогда и я с вами... Погибать, так вместе...

— Твое дело — япошек задержать, пока мы с Бухаревым воду пустим на полную... Понимаешь, мне иначе нельзя: я — хозяин трюмных отсеков, насосов, кингстонов. Мне спасать, мне и топить. Так, брат, по боевому расписанию...

Разговаривая и тем, видимо, успокаивая и убеждая себя, Новиков перевалялся через комингс в люк.

— Опускай постепенно крышку. Не урони мне на голову, пока не ухватюсь за струбцину.— Ну, теперь давай!

Осинин нажал на люк.

— Еще чуть-чуть. Во, хорошо,— внизу глухо прошмурыжило по металлу. Это Новиков повернул запор.

— Прощай, кореш,— едва слышно произнес уже для себя Осинин, глядя неподвижными глазами на сталь, покрывшую вырез в палубе.

...По сигналу с истребителя шлюпка возобновила движение и, подойдя вплотную к «Стережущему», лагом развернулась возле самого якорного клюза. Японские матросы, закинув штормтрап, с воплями полезли на палубу, на бак. Последним поднялся офицер.

Глава 6

Флаг командующего на «Новике»!..

Японские крейсера, пришедшие к Ляотешану, к 3-му отряду миноносцев, именовались «Читозе» и «Токива». Первый — легкий, безбронный, другой же относился к типу тяжелых броненосных кораблей, был вдвое больше по водоизмещению первого. Он нес флаг начальника соединения контр-адмирала Дева.

В операции перекидной бомбардировки Порт-Артура соединение этого адмирала, состоявшее из трех крейсеров и восьми истребителей, получило автономное задание —

разведка и крейсерство в пространстве внешнего рейда русской морской базы, чем и занимались 1-й и 3-й отряды, а также корректирование результатов перекидной стрельбы с бронепоездов и их охрана.

Дева, не обнаружив на рейде русских кораблей да и вообще никаких признаков, свидетельствовавших о том, что порт-артурцы о чем-то догадываются, тем не менее ощущал беспокойство. Еще со вчерашнего вечера он был встревожен странной встречей с кораблями-невидимками возле острова Кен, затем ночным боем тоже с неведомо откуда вынырнувшей группой миноносцев под Ляотешанем. А теперь вот, на рассвете, когда главные силы эскадры готовились занять основную позицию, на юге вновь загрохотало. Дева в том направлении и двинул два крейсера. Однако, чем ближе они подходили к месту боя, тем сильнее у адмирала вытягивалось лицо: квадратный, обрамленный черными густыми усами подбородок словно вывалился из-под огромного биполя, окуляры которого занимали половину лица.

Да и как было не удивиться: со стороны русских дрался всего лишь один малый миноносец!? Загнанный, казалось, в ловушку, он тем не менее отважно и ловко маневрировал между истребителями, успевая наносить удары. Тому подтверждением явился «Акебоно», стоявший в отдалении и занятый уже только собой.

Начальник 3-го отряда капитан II ранга Лучия, находившийся как раз на этом корабле, доложил адмиралу, что «Акебоно» получил 27 пробоин, самостоятельно передвигаться не может, треть команды — убитые и раненые. Не выглядели воодушевленно и другие суда отряда, корпуса и трубы которых тоже были прошиты снарядами. По этим разрушениям можно было предположить, что ими понесены и людские потери.

О чем докладывать командующему? — такой вопрос встал перед Девой. Не о том же, что полдюжины кораблей императорского флота задали встряску одному единственному неприятельскому миноносцу и упустили из-под носа второй? И это после ночного, тоже не радующего боя 1-го отряда... В глазах газетчиков — а они непременно узнают о перипетиях — русские станут героями, японцы же — посмешищем.

«Взять бы его в плен и тем оправдать затяжку боя», — закопошилось в голове у адмирала, который продолжал

разглядывать в бинокль непокорный миноносец. Было ясно, что тот поврежден, но сквозь парящую завесу, которой был накрыт, сверкали как молнии одиночные пушечные выстрелы...

«Да, это было бы превосходно — взять русских в плен», — вновь стукнула мысль — сначала как уловка самого с собой, потом как предположение, устраивающее всех, наконец, как тактическая идея, которая вполне бы могла овладеть отрядом и с самого начала, будь она подтверждена приказом начальника.

Такого рода дипломатическое радиосообщение и отправил Дева на «Микаса», и оказался прозорлив: Того одобрил план, тем самым как бы спимая с него вину за непомерно затянувшийся бой. Командующий, тоже обеспокоенный двойной в течение ночи атакой русских миноносцев, отвлекших соединение Дева от основной задачи, приказал еще проверить Голубиную бухту, откуда и намечалось начало перекидной бомбардировки. Что касается агонизирующего русского миноносца, то его предлагалось привести на место стоянки главных сил, к острову Роунд, в качестве военного трофея.

После этих переговоров на мачте крейсера «Такива» и взметнулся флажной сигнал — «Предлагаем сдаться». Но ни флаги, ни два предупредительных выстрела на русских не подействовали, они продолжали сражаться. Когда снаряд «Стережущего» разбил на «Сазамами» носовую пушку (последний выстрел Кудревича), Дева взбесился, приказал зарядить восьмидюймовое орудие — одного попадания из него было бы достаточно, чтобы в миг все покончить. И тут же пришло отрезвление: «Тогда будет покончено и с надеждой взять судно в плен, тем самым будет нарушен приказ командующего»...

Но русский миноносец и без того остановился, выбросив последний фонтан пара, и замолчал. Дева понял, что бою конец и, просигналил капитану II ранга Луция взять пленный корабль на буксир и всем отрядом следовать к Роунду.

...Мог ли предположить лейтенант Сергеев, какая честь будет оказана «Стережущему» — боем против него будет руководить сам командир соединения Императорского флота, в звании адмирала, сподвижник Того по японо-китайской войне, участник сражений под Ялу и Вэйхайвем.

— Не скажете, что «со щитом», но и не совсем «пащите»,— задумчиво заметил о «Стерегущем» командир «Сазагами» капитан-лейтенант Кондо Цунемацу, обращаясь к вахтенному офицеру, мичману Харату Ямазаки. Еще раз подняв бинокль, он внимательно оглядел глубоко осевший, молчаливый корабль, от носа до кормы: в борту на разных уровнях не менее десятка пробоин, в рваных дырах кожух машины, а также дымовые и вентиляционные трубы, вывернуты листы палубного покрытия — все иссечено, скособочено, избито, нет места живому...

— Мичман, я предоставляю вам честь первым взойти на поверженный корабль противника,— Кондо Цунемацу строго и торжественно посмотрел в лицо офицеру.— Возьмите его на буксир. Готовьте шлюпку и перлинь.

«Приказание почетно, но тем не менее незачем терять от радости голову»,— первое, о чем подумал мичман, поднявшись на палубу «Стерегущего». И был прав: как только унтер-офицер сделал по его приказанию шаг к Андреевскому флагу на корме, из-за завалившегося на бок минного аппарата, поднялся русский матрос. Очевидно, он хотел помешать сорвать флаг. Японец нацелился в него из винтовки и показал стволом вверх, требуя поднять руки. Русский, неожиданно ловко для своей массивной фигуры, оттолкнул ствол и, схватившись с унтер-офицером, покатился по палубе, скользя вместе с противником по патекам крови, по кускам рассыпанного из мешков угля.

Этим смельчаком оказался Алексей Осипов. Борьба, конечно, была уже бессмысленной, поэтому кочегар, когда смотрел на приближавшуюся шлюпку, заранее успокоил себя: «Надо бы не пущать, да обороняться нечем. Все, что мог, я сделал, свой долг согласно присяге исполнил, потому и помирать не страшно»...

Стычка с японцем-унтером могла стоить кочегару жизни, но мичман Харату Ямазаки остановил обозленных матросов. Тыча в пленного саблей, он пояснил, что тот храбро защищал честь своего флага, а это достойно похвалы и уважения, и приказал отконвоировать русского в шлюпку.

Японцы в поисках других пленных разбежались по кораблю, и вывели из кубрика еще Новикова и Юрьева. Больше никого не было. Так что на запрос Кондо Цунема-

цу мичман сообщил через мегафон совсем не воодушевляющие сведения: жилая палуба и кочегарки затошлены, проникнуть туда не представляется возможным; почти весь экипаж и офицеры погибли, пленных только трое. И тут же внес поправку:

— Четверо!..

Основанием тому явилось восклицание одного из матросов, показывавшего на море. Приблизительно в трех кабельтовых от «Стерегущего» в волнах то появлялась, то исчезала голова. Пловец, держась за килевой брус вельбота с куском бортовой обшивки, пытался грести руками, направляясь в сторону берега.

«Бессмысленная затея,— равнодушно подумал мичман.— Тут не меньше семи миль ледяной воды, семь раз успеет замерзнуть насмерть». Он приказал догнать пловца, объяснить, что он пленный. Но когда шлюпка подошла к русскому, он на ясно выраженное руками предложение хвататься за ее борт, проявил полное безразличие. В окровавленной повязке, он так зашелся от холода и ран, что вряд бы и сумел самостоятельно перекинуть себя через планширь. Так что пришлось отрывать его силой от обломка вельбота, рискуя перевернуться. Этим четвертым пленным стал кочегар 2-й статьи Иван Хирицкий.

Тем временем «Сазанами» подвернул кормой к носу «Стерегущего» и принялся закреплять на нем буксирный трос. В 9 часов 5 минут поутру отряд двинулся в сторону острова Роунд. Истребители шли малым ходом, ориентируясь на «Акебоно», которому досталось больше всех. Растянутую колонну возглавлял «Синопоме», а замыкал ее «Сазанами» со «Стерегущим» на буксире и с пленными на борту.

Харату Ямазаки получил приказ оставаться на русском миноносце, контролировать, как тот будет вести себя на волне. Команда мичмана заканчивала очистку палубы от остатков защитников корабля, сбрасывая их в море, а сам мичман прохаживался по палубе, время от времени заглядывая внутрь разрушенной рубки, в угольную яму, в пороховой погреб. Подошел и к штурвалу, тронул его, и по легкости движения понял, что руль не действует, повреждена штуртросовая передача.

Мичман ощущал особую приподнятость от оказанного ему доверия, права единолично распоряжаться на вражеском корабле. Не так давно он слышал разговор, будто бы

в генеральном штабе в Токио уже обсуждаются кандидатуры по замещению командных должностей на отвоеванных у русских территориях. Маршал Ойяма заранее объявлен вице-королем Маньчжурии, адмирал Муйран — командиром порта Артур. Любопытно, что в этой должности Муйран уже успел побывать десять лет тому назад, после захвата крепости у китайцев...

Вероятно, вакансии откроются и на взятых в плен русских кораблях. Сегодня миноносец — военный приз, а завтра, будучи отремонтированным, войдет в Соединенный флот. Почему бы ему, Харату Ямазаки, а возможно, к тому времени уже лейтенанту, не получить на него назначение старшим офицером, а еще лучше — командиром?..

Благостные раздумья молодого офицера перебили раздавшиеся где-то в глубине корпуса металлические звуки. Пытаясь определить, откуда они, мичман низко склонился над палубой и услышал... человеческие голоса. Он схватился за мегафон, но тут же подумал, что его вряд ли поймут на «Сазагами», поэтому приказал матросу-сигнальщику передать флажным семафором, что внутри миноносца укрылись люди.

«Заставить сдаться», — ответил ему категорическим приказом капитан II ранга Лучия.

Матросы тем временем определили, что голоса доносятся со стороны машинного отделения, люковая крышка которого заперта изнутри. После того, как по ней постучали прикладами, голоса смолкли.

Тогда мичман, как мог громко, призвал русских выходить на палубу добровольно, что будет для них благоразумно по двум причинам: во-первых, он, мичман императорского флота Харату Ямазаки, гарантирует им почетный плен и гуманное обращение, раненым — госпитальное судно, где они получат превосходную медицинскую помощь. Ну, а во-вторых, в случае их неповиновения, последует смерть на месте.

Закончив эту речь, где в смеси английских слов три было русских — «плен», «госпиталь» и «смерть», Ямазаки отправил своих матросов поискать ломик, топор, наконец, любой металлический предмет, который смог бы послужить в качестве рычага, чтобы сорвать крышку люка. Один из посланных вернулся мгновенно. По выражению его лица, на котором застыл испуг, мичман понял, что случилось что-то чрезвычайное.

Это чрезвычайное заметили и с палубы «Сазанами», а первым разглядел Алексей Осипин. Пленные, все четверо, были уложены на верхней палубе на цыновках, Осипин оказался лицом к ведомому на буксире «Стерегающему», поэтому-то и обратил внимание на страшные пырки миноносца. Корабль перестал отыгрываться на волне, бухался носом так тяжело, что исчезал в воде вместе с перлинцем, заставляя приседать и корму «Сазанами».

«Все! Ребята открыли кингстоны,— подумал кочегар о Бухареве и Новикове.— Вода пошла внутрь»... Отчужденно глядя на забгавшие по палубе фигуры японских матросов, он ни на минуту не усомнился, что погружение «Стерегающего» связано не с усилившейся качкой, не с захватом воды через пробоины, а с сознательными действиями его товарищей, проявлением их воли — не отдавать корабль врагу.

О том, что миноносец сильно осел, теряет плавучесть и доложил мичману Ямазаки посыльный матрос. Офицер сразу же связал это с голосами под палубой: внутри корпуса, в закрытом изнутри машинном отсеке, велась разрушительная работа. Скорее всего, русские, жертвуя собой, открыли клапаны затопления. После спешного обмена сигналами с командиром «Сазанами» и начальником отряда Ямазаки приказал матросам отдать буксирный конец и покинуть тонущий корабль: сам тоже отправился к штормтрапу.

Гребцы, попрыгав в шлюпку, торопливо заработали веслами. Они боялись быть втянутыми в водяную воронку: «Стерегающий» сидел уже так низко, что, казалось, еще один взлет на волне — и захлебнется окончательно.

Понимали и на «Сазанами», что для русского миноносца наступили последние минуты. Помочь бы, прекратить его мучения — дать пару залпов... Но одно — топить вражеский корабль в бою, и совсем другое — расстреливать поверженного храбреца: совсем разное — испытывать чувство победителя или палача... Японцы ничуть не хуже русских представляли, что творится в отсеке, где захлебываются в воде последние защитники миноносца, не пожелавшие его покинуть. И пусть не гремят цепи, нет протяжных гудков и гордого сигнала — «Погибаю, но не сдаюсь!», много страшней молчаливая атака осознанно идущих на смерть...

Волны уже свободно перебегали через палубу «Стерега-

щего». После очередного наката он, сильно накренившись, показался уже одним правым бортом, как будто закладывая невероятно рискованный крутой поворот,— темная и влажная глазница кюзоа с глубоко втянутой якорь-цепью, в последний раз была устремлена к солнцу. В 10 часов 8 минут утра пад «Стерегущим» сомкнулись воды Желтого моря.

— Слава богу, не достался врагу,— сказал квартирмейстер Новиков и осенил себя широким крестом.

Взоры пленных затуманились слезами. Подобрел и их часовой, оглянувшись назад, он поднял брошенный возле минного аппарата чехол и накрыл им дрожавшего, как в лихорадке, Ивана Хирипского. Японский медик, только что сменивший на русских грязные бинты на свежие и наложенные по всем правилам науки, тоже залопотал, огорчительно придыхая на окончании каждой фразы.

Осиин, выставивший слегка пораненую руку так, чтобы было удобно держать повязку, вдруг его же легко, как малую помеху, отстранил доктора и, приподнявшись, уставился куда-то далеко в море.

— Братаны, да откройте глаза!..

Квартирмейстер Новиков обернулся — и тоже привстал на колени; вытянул шею Юрьев. На северо-западе, где не так давно скрылись японские крейсера, выросли силуэты двух других, быстро приближавшихся больших кораблей.

Живость только что инертно лежавших раненых изумила японского медика. Он оторопело смотрел на их паливавшиеся жизнью лица, вслушивался в энергичную речь. Оторвали его от подопечных звонки боевой тревоги,— он уходил с замкнутым выражением обманутого в своих лучших ожиданиях человека. Крошечная фигура (минимальный рост японского военнослужащего был определен законом в полтора метра) приобрела вдруг папыщенность и особую типичность. Такими изображали японцев карикатуристы европейских стран, разумеется, и русские...

Новиков, приложив ладонь козырьком ко лбу, сморщившись от напряжения, продолжал всматриваться в идущие явно на пересечку корабли, в завивавшиеся за ними от высокой скорости клубы дыма, и, наконец, пожевывая губами, как будто боясь вспугнуть пустым словом видение, тихо выдохнул:

— Кореша, впереди-то... с одной мачтой, трехтрубный... Это ведь, «Новик»... Ей богу, «Новик»!

«Решительный», держа полные обороты, вошел на внутренний рейд Порт-Артура в начале девятого. Боссе, как только миновали боновые ворота, передал на дежурную цепь сообщение об отчаянном положении «Стерегущего» и координаты места, где тот был оставлен, а также о силах противника.

Кавторанг справедливо рассчитывал, что эти сведения тут же с Входного мыса будут переданы по телефону дежурному по штабу эскадры, и таким образом дойдут до адмирала Макарова раньше его личного доклада. Но командующий уже был в курсе событий. Сначала ему доложили с Золотой горы о том, что восточнее Ляотешана происходят стрельбы, затем, что в ту сторону направились появившиеся на внешнем рейде, вне досягаемости береговых батарей, два японских крейсера, и последнее,— что с юга к Артуру быстро приближается четырехтрубный миноносец.

Эти разрозненные, поступившие в течение часа оперативные данные, связанные у адмирала с тревогой о «Решительном» и «Стерегущем», которым следовало быть дома еще с рассветом. Если что и случилось, то скорее всего с ними, так как другая группа разведчиков под командой капитана I ранга Матусевича возвратилась в гавань в полном составе, хотя и изрядно потрепанная после ночного боя. Теперь же сообщение Боссе павело полную ясность, вызвало к быстрым действиям.

...«Флаг на «Новике»!, «Флаг на «Новике»! — эта фраза, переданная через рупоры-мегафоны, а также по флажной азбуке и по проводам, прокатилась с корабля на корабль, мгновенно достигла берега и, пройдя по причалам, ушла в сошки, на батареи, в казармы, в улицы города-крепости.

«Новик», сравнительно небольшой,— водоизмещение всего лишь в 3100 тонн — легкий крейсер, ловко маневрируя между громадами бронепосцев, густо дымя, направлялся к выходу в море. Но что замечательно: на фокстеньге единственной мачты, окольцованной посредине наблюдательной площадкой, развевался Андреевский флаг с гюйсом в крыже — флаг командующего флотом Тихого океана, знак того, что Макаров в настоящую минуту находится на его борту. Позади, разворачиваясь в узкостях, следовал «Баян».

Что означал спешный выход крейсеров, да еще по отливу? — такой вопрос возник сразу же. И никто из посвященных, включая связистов флагманского бронепосада «Петропавловск», не стал делать из этого секрета: командующий пошел на выручку «Стерегающему».

«Порыв, благородство», — толковали меж собой старшие офицеры управления порта, рассматривая в бинокли адмиральский флаг на безбронном корабле, вооруженном всего лишь четырнадцатью пушками и пятью минными аппаратами. Такой риск!.. Некоторые сразу вспомнили о первом приказе Макарова по эскадре, в котором были вписаны слова, необычные для официальной бумаги: «...Я постараюсь избежать случайностей, если не увлекусь делом вместе со всем флотом».

Получается, увлекая: жизнь командующего дороже любого корабля. По своему положению он обязан возможно меньше подвергать ее опасности. В штабе заместника даже прозвучало выражение — «авантюра», а вслед и предположение: будь генерал-адъютант Алексеев на месте — а он снова выехал в Мукден на встречу с прибывшим в Маньчжурию Куропаткиным, — такой вольности, пожалуй, не было бы допущено.

Капитан II ранга Семенов, пришедший к начальнику штаба заместника адмиралу Витгефту, чтобы просить о переводе его с «Ангара» на любой боевой корабль, сходу вмешался в дискуссию:

— Риск, в конце-концов, профессиональная сторона нашей профессии. Мне бы сейчас с доброфлотской калоши да на «Новик». Хоть вахтенным офицером!..

Почему командующий, в самом деле, выбрал для вылазки «Новика», а не того же «Баяна» — и крейсер I ранга, и броня, и вдвое превосходящий по тоннажу, а по вооружению — втрое?! Возможно, адмиралу хотелось проверить на практике теорию высокой эффективности легких безбронных судов, за которую он ратовал? «Новик» был самым быстроходным из всех крейсеров эскадры, не уступая миноносцам...

Однако, когда корабли выскользнули из горла бухты на внешний рейд, разговоры и гадания смолкли. Всех охватило тревожное ожидание — и гарнизон, и эскадру, и горожан. Многие для лучшего обзора поспешили на Перепелину гору — она поднималась точно против выхода в

море, два белых утеса на ее макушке обычно служили для входящих в гавань судов створным знаком.

Корабли взяли курс на юг. В том же направлении повернули стволы береговые батареи, готовые прикрыть смельчаков уредительным огнем.

Радиограмма адмирала Дева, посланная на «Сазанами» о внезапном выходе двух русских крейсеров, застала Того за поливом любимцев — карликовых деревьев, сосны и кедра. Общение с этими шедеврами национального искусства «бансай» снимало излишнее напряжение мысли, успокаивало. Так Сад камней в Киото своей загадочной геометрией настраивал любого японца на философский лад, так же как древний морской обычай — добавлять к названию судна иероглиф «Мару», то есть «уважаемый», олицетворяет корабль как живое существо...

«Безрассудство или демонстрация» — подумал Того на манер штабных заместника Алексева, но прочитав дальше о том, что головной корабль несет флаг командующего флотом, обеспокоился: а вдруг это всего лишь отвлекающий маневр, тогда как выполнение основной задачи — какой же?! — возложено на другие корабли, которые должны вот-вот появиться...

Всякому вдохновению, интуиции Того предпочитал логику, строго просчитанный план, предварительную репетицию намеченного действия. Он не разделял принципов даже любимого им героя Трафальгара — «Чем ближе к неприятелю, тем лучше», и в настоящей операции по перскидной бомбардировке заложил противоположную идею — подальше от неприятельских батарей, но с причинением наибольшего урона врагу...

В итоге радионерговоров Того приказал адмиралу Дева продолжать отвод истребителей к Роунду, заманивая крейсера противника как можно дальше в море, где им будет приготовлена встреча со стороны главных сил флота.

На вопрос Дева, как быть в таком случае с пленным миноносцем, который сдерживает движение истребителей, Того ответил коротко: «Расстрелять».

Когда «Новик» и «Баян» погнали отряд Дева, сигнальщик «Новика», наблюдавший море из «вороньего гнезда»,

успел заметить тонувший миноносец и удалявшуюся от него колонну истребителей, но определить, что это за корабль, не сумел. И лишь исходя из того, что на координатах, указанных Боссе, воды были пустышны, возникло предположение, что «Новик» стал свидетелем последних мгновений «Стерегущего»...

Адмирал Того, так и не разгадав смысла появления русских крейсеров под флагом командующего русским флотом, никак не мог подумать, что столь рискованный шаг предпринят Макаровым с целью спасения небольшого корабля. И напрасно он ожидал, что русские крейсера, увлекшись преследованием истребителей, попадутся в ловушку. Макаров, глубоко переживая неудачу со «Стерегущим», посчитал задачу своего выхода если не выполненной, то завершенной, и, продолжая вести огонь по кораблям показавшегося с востока 4-го отряда противника, отдал приказ ложиться на обратный курс.

Четыре легких крейсера — «собачки», отделившись, ринулись было вдогонку, хотя это выглядело поистине собачьей попыткой продемонстрировать на глазах начальства свою инициативность и бесстрашие — все равно не угнаться, и не очень велик риск попасть под заградительный огонь, открытый береговыми батареями.

Однако, когда Дева попытался изобразить отход русских в гавань как свою большую победу, Того более не пожелал подыгрывать шумному оптимизму адмирала и, оборвав его доклад, потребовал немедленного возвращения пары крейсеров в акваторию Порт-Артурского внешнего рейда, а также отправки третьего — «Такасиго» на проверку бухт южной оконечности Квантуна.

Новое задание получил и 4-й боевой отряд — продолжать движение на север, вплоть до Талиенванского залива, чтобы и там просмотреть прибрежные воды. Все это свидетельствовало, что командующий извлек урок, приспосабливаясь к нему русскими миноносцами. Чтобы не чувствовать себя связанным лишними заботами, он решил избавиться и от потрепанных в боях истребителей, поручив кораблю-авизо «Тацута» взять их под охрану и отконвоировать до Элиотов.

И только после всех этих мер предосторожности адмирал Хейхачиро Того посчитал, наконец, возможным приступить к основной операции, ради которой и привел флот. Согласно его приказу, шесть броненосцев, разделенных на

две бригады, один за другим покинули стоянку за Роундом и направились на запад, в Печилийский залив. Заранее условленная позиция находилась всего лишь в тридцати милях от юго-западного берега Ляотенана и в двадцати — от Порт-Артура. Она была, как и цитом, закрыта горным массивом от багарей крепости и полностью невидима для стоявшей на внутреннем рейде русской эскадры. Еще одной гарантией безопасности являлся и другой дар природы — отлив, закупоривший на этом рейде линейные корабли.

Тем не менее Того очень спешил, так как часть утреннего времени была уже упущена из-за непредвиденных почтовых и утренних схваток. Впереди 18-узловым ходом шли новейшие броненосцы — «Хатусе», «Сикисима» и «Ясима», им-то и предстояло начинать бомбардировку.

...«Новик» и «Баян» вернулись на базу, как говорится, без единой царапины. Эскадры и город выслали на набережные, на палубы, облепили мачты, мостики, палубы. С сопки на сопку, с корабля на корабль перекатывалось «ура!» в честь храбрцев.

Жадно раскрытыми глазами следил за маневрами «Новика», ловко развертывавшегося в узкостях гавани, капитан II ранга Семенов. Он, видя на мостике знакомую фигуру Макарова, мысленно корил себя за то, что не проявил терпения в Кронштадте: прибудь сюда, в Артур, вместе с командующим, возможно, стоял бы сейчас рядом с ним на «Новике». Во всяком случае, Вильгельм Карлович Витгефт, с которым Семенов еще в мичманскую пору находился в трехлетнем заграничном плаваньи на канонерке «Маньчжур», отказался рассматривать его просьбу о переводе с «Ангары». «Что вы, голубчик, мне не дано отменять решения заместника,— огорчился адмирал настойчивостью кавторанга и для утешения сострил: — Что написано зеленым карандашом, не зачеркнешь и пером»...

«Ну вот и кончилось «великое сидение» в гавани. Лозунг — «не рисковать!» тоже с сегодняшнего дня можно считать похороненным,— продолжал свои размышления Семенов.— Наконец появился в Артуре начальник, который с полным правом может сказать — «Моя эскадра!»

«Новик» и «Баян» встали на свои штатные места. А на границе внешнего рейда, напротив прохода в гавань, вновь замаячили японские крейсера.

...В начале двенадцатого, когда у матросов завершился обед, а у господ офицеров — завтрак, в западном секторе бассейна между стоявшими там кораблями поднялся водяной столб, сопровождаемый резким звуком, который не походил ни на пушечный выстрел, ни на взрыв мины. Четыре минуты спустя подобный же взрыв прозвучал в горле бухты на том месте, где еще вчера находился «Ретвизан». Затем раздался третий, четвертый, — теперь уж близ Тигрового полуострова возле сторожевой цепи. Высокий фонтан, возникший за кормой канонерской лодки «Бобр», осыпал осколками и брызгами весь ют. И так далее, с одинаковой периодичностью и мощностью продолжало взрываться в разных местах, подавляя радостный настрой души, владевший только что порт-артурцами.

Повсюду раздавались звонки и звуки рожков боевой тревоги, но воевать было не с кем! Первоначальное предположение, что стреляют японцы с рейда, пришлось отбросить — дальнометры показали, что до крейсеров не менее пятнадцати миль, а на таком расстоянии те поражать не могли.

От неизвестности люди цепенели, крестились, каждую секунду ожидая удара, как будто имели дело со злым чудом. Но чьи-то зоркие глаза обнаружили в небе движущиеся темные пятна. Они то появлялись между облаками, то скрывались в них. «Пятна» возникали со стороны Ляотешана, что и дало ключ к разгадке — стрельба ведется через гору, со стороны Печилийского залива. Стала понятна и роль «собачек» на рейде — они корректировали точность попадания.

На флагманском броненосце «Петропавловск», куда уже был перенесен флаг командующего, появился сигнал: «Развести пары и приготовиться к бою». И сразу энергичнее зазвучали трели боцманских дудок, живее выполнялись команды, громче забарабанил топот ног по палубам и трапам — команды заняли посты по боевому расписанию. Каждому стало ясно, что Макаров намеревается вывести эскадру в море, как только прибавится воды в проходе.

Громадные спаряды, которые за их громоздкость тут же нарекли «чемоданами», продолжали падать с неба на гладь

бухты. Гуще они ложились возле Маячной горы, где ровно месяц простоял «Ретвизан». Вероятно, тяжелораненый броненосец намечался первой жертвой расстрела. Сейчас же он находился во внутренней гавани, на «бочке», чуть севернее «Ангары», и, несмотря на крен и присосавшийся к борту нескладный гриб кессона, готовился, как и все, к сражению. Правда, не сходя с места, в качестве своеобразного форта.

Командир «Ретвизана» Щенснович переговорил с командующим и получил от него «добро» на особую операцию — ответить японцам сейчас же — и тоже перекидным огнем. По расчетам Щенсновича это было возможно, так как частично затопленные три отсека броненосца сильно утяжелили носовую часть корабля и тем самым позволили поднять стволы орудий кормовой башни намного выше обычного, а значит и увеличить угол обстрела. Но куда стрелять?..

Первый, очень приблизительный перекидной залп 12-дюймовки «Ретвизана» произвел, вероятно, ошеломляющий эффект, так как из-за мыса Ляотенан сразу же выступил на разведку японское судно. Тогда заговорила батарея Электрического утеса. И хотя ее снаряды не достигли японца, но панугали, заставили скрыться.

Вред, причиненный бомбардировкой противника, оказался ничтожным. Большая часть снарядов упала в северной пустой части рейда и в проходе — в районе Тигрового полуострова. Сигнальщики «Бобра» насчитали там семнадцать взрывов. Очевидно корректировщики адмирала Дева из-за отдаленности выбранной ими позиции плохо оценивали точность стрельбы: снаряды падали с большим разбросом. И только после двенадцати часов, когда огонь был перенесен на город, два «чемодана» нашли цель, попав в «Ретвизан». Первый, ударившись вскользь, разнес на левом борту трап и пилонку, задел слегка кессон, а другой разорвался под кормовой башней, той самой, из которой был сделан первый проверочный выстрел через Ляотенан, но броня башни удар выдержала.

Капонада смолкла в 12.30. С Золотой горы последовало сообщение: «Крейсеры-корректировщики покинули внешний рейд». Одновременно взяли курс на юго-восток и отряды японских линейных кораблей-бомбардировщиков...

В офицерском собрании

Гарнизонное офицерское собрание, которое с приездом нового командующего обезлюдело — забегали главным образом штабные и портовые чины, — в полдень 5 марта вновь ожило: Макаров разрешил офицерам и нижним чинам съезд на берег, поочередно.

Те, у кого не было в крепости семей или отправили их в Россию, естественно, потянулись в собрание. За последнюю неделю произошло много событий, которые хотелось бы обсудить. Это и почной бой миноносцев 1-го отряда, и трагически закончившаяся схватка «Стерегущего», и отважный выход командующего на «Новике», и перекидная бомбардировка Порт-Артура, и, наконец, боевой смотр эскадры на внешнем рейде.

Флот и крепость смогли убедиться, что у нового командующего между словом и делом дистанция минимальная. В соответствии с идеями, высказанными им на первом совещании флагманов и командиров, корабли вышли в море ранним утром 27 февраля, притом за два с половиной часа, то есть за одну полную воду, возвратились же в гавань еще быстрее — за два часа! — с вечерним приливом, между пятью и семью вечера. Такого в Порт-Артуре еще не бывало.

Командир порта контр-адмирал Гревс со своими помощниками, покинув управление, весь день находился на Адмиралтейской набережной, на причале, оперативно отдавая распоряжения о действиях буксирных пароходов — казенных и частных, — разворачивающих линейные корабли внутри гавани и вытягивающих их на рейд.

Каждое судно эскадры заняло свое место в походном строю. Первым, в пяти милях впереди флагмана, то есть «Петропавловска», встал крейсер «Аскольд», за ними — «Полтава», «Севастополь», «Пересвет» и «Победа». Замыкал колонну, тоже держась на пятимильной дистанции, «Новик». В охранении, по флангам, выстроились миноносцы. Восточнее и западнее их, опять-таки в пятимильном расстоянии от осевой линии движения, определились крейсера «Диана» и «Баян». Так что строй из 17 вымпелов образовал на походе правильный ромб. Все корабли находились в пределах видимости друг друга.

Адмирал предупредил сигналами о начале учения. В десять часов утра эскадра направилась на зюйд, затем повернула на ост, упражняясь на ходу в эволюциях. Увы, перестроения происходили с запозданием и далеко не стройно. При исполнении первых же команд начались сбои,— сначала у миноносцев, которые выкатывались из строя, а затем и в самом ядре эскадры, в колонне броненосцев.

— Похоже, наши командиры разучились управлять судами,— хмуро заметил Макаров.

Начальник штаба контр-адмирал Мокас, находясь на мостике рядом с командующим, почувствовал в его реплике вопрос к штабу.

— Да, мало имели практики, мало плавали — сэкономили уголь,— ответил Мокас.— За два-три дня до начала войны было получено еще одно строжайшее указание из морского министерства — вместо семи месяцев плаванья в году ограничиться впредь пятимесячным...

— Недопоском,— дополнил Макаров.

—...Но с той же программой обучения...

Мокас так и не успел договорить. «Пересвет», который шел в струе «Севастополя», оказавшись от него в опасной близости, вдруг рыскнул. Дав полный газ, он смог лишь смягчить столкновение — левая сторона корпуса «Севастополя» была протаранена. Произошло это из-за того, что командир «Севастополя» капитан I ранга Чернышев неверно оценил обстановку и замедлился с исполнением заданного маневра, требовавшего резкого изменения скорости.

На мостике флагмана, как будто после команды «Слушайте все!», воцарилось безмолвие. Люди, ожидавшие бури из уст командующего (в самом деле,— на спокойной воде, при самом обычном маневрировании, с десятком узлами хода,— сумеет «въехать» в корму соседа!?), услышали однако не филиппику, а скорее, горькую констатацию:

— Должность командира военного корабля есть критический момент, которым определяется боевая сила флота. У нас, оказывается, имеются командиры, даже не умеющие вести свой корабль в строю. И такому вверяется тысячная команда и миллионной стоимости судно!..— обернувшись к сияющей золотом свите из флаг-офицеров и флагманских специалистов (в числе их находился и

великий князь Кирилл Владимирович, капитан I ранга, занимавший должность начальника военно-морского отдела штаба), Макаров добавил:— Господам офицерам пора, наконец, снять белые перчатки. Флоту, если он не хочет пропасть от невежества, требуется, наравне с морской практикой, как можно больше науки. Почему бы этому не поучиться у американцев? Они видят в науке самого выгодного помощника и, не жалеючи, тратят на нее деньги.

Тем временем с «Севастополя» последовал сигнал — «Не могу управляться. Погнут винт, течь в кормовых отсеках».

— Передайте,— приказал Макаров флаг-офицеру,— пусть своим ходом подползает к гавани.

Неудача постигла и «Расторженного», который тоже был вынужден покинуть строй из-за неисправности в машине. На доклад Ленко командующий ответил сигналом: «Выражаю неудовольствие». Лейтенант спустился в машинное отделение и крепко поговорил с инженер-механиком Порфирьем Вишняковым. В горячах даже предложил ему списаться «по болезни», видно, забыв, что сам уходит на берег, на наблюдательную станцию. Механик, по мнению Ленко, был безынициативен, всегда находил повод затянуть ремонтные работы, да и выполнял их по методу тян-ляп...

В этом же выходе эскадры на внешний рейд горько напомнил о себе и «Стерегущий»: в море были обнаружены и подняты на борт двое погибших из его команды.

Через три дня после смотра — снова «Стерегущий»: 2 марта вышел приказ командующего под номером — 19.

«Вечером 25 февраля миноносцы «РЕШИТЕЛЬНЫЙ», под командою капитана II ранга Боссе и «СТЕРЕГУЩИЙ», под командою лейтенанта Сергеева, отправлены были в море для исполнения некоторых поручений и, возвращаясь от S, на рассвете, оказались подде пяти японских миноносцев и одного миного крейсера.

Началась артиллерийская перестрелка, где неприятель был в три раза сильнее нас. Миноносцу «Решительному» удалось прорваться, а миноносец «Стерегущий» получил пробоину, и у него повалил пар. Надо полагать, что у него был подбит двигатель, после чего он остановился. Впоследствии было видно, что он затонул.

Во время перестрелки на миноносце «Решительный» перебило паровую трубу и получены были другие повреждения. Тем не менее, несмотря на это и потери в людях, он благополучно вышел из-под огня противника, хотя командир был контужен в голову.

Ознакомившись с делом, я убедился, что миноносец энергично отбивался от неприятеля, офицеры и команда держали себя хладнокровно, с должным спокойствием, и машина работала вполне хорошо, а потому сего 2 марта, именем его Императорского величества, наградил поименованных ниже чинов знаками отличия военного ордена 4 ст.

О чем по флоту объявляю».

И тем не менее, судьба «Стерегущего» и его целиком исчезнувшего экипажа продолжала волновать эскадру. Многие моряки осуждали командира «Решительного» за то, что, спасая свой корабль, он оставил на верную гибель товарищей, покинув их в разгар боя. Некоторые высказывались категоричнее: Боссе заслуживает вошного суда...

Приказ командующего, казалось бы, все поставил на место, но при внимательном прочтении документа нельзя было не заметить, что и самому командующему кое-что в этой истории осталось неясно. Иначе зачем бы употреблять словосочетание «надо полагать, что у него был подбит двигатель». Так был или не был подбит?.. Не очень-то укладывалось в голове выражение: «Впоследствии было видно, что он затонул». Когда это «впоследствии», через какое время после начала сражения, и кому конкретно «было видно», как тонул «Стерегущий»? Во всяком случае не Боссе. Ничего не мог сказать командир «Решительного» и о том, как держалась в бою команда погибшего миноносца и его командир Сергеев.

Словом, невольно возникал вывод: Боссе оказался не в состоянии не только обстоятельно доложить командующему о перипетиях боя, но даже и о том, что случилось с подчиненным ему кораблем-папаршиком.

...Именно этот вопрос обсуждали Лепко и Юрасовский, подходя к подъезду офицерского собрания. Прочитав перед строем своих экипажей приказ командующего, они договорились вместе съездить в город. По пути Лепко рассказал и о своей последней встрече с Сергеевым.

— Александр Семенович, видно, не послушался моего совета — идти под берегом, держась шхер. Это наша общая болезнь — презирать опасность столкновения с врагом, но бояться берега.

— Он по положению был обязан держаться ведущего, — возразил Юрасовский, снова переводя разговор на Боссе, — а действия последнего, судя по приказу, признаны правильными.

— И вместе с тем, ты заметил, ни самого командира, ни одного из офицеров «Решительного» Макаров не отметил: наградой, тогда как об офицерах 1-го отряда вошел с представлением. И такие слова найти! «Достойный начальник, капитан I ранга Матусевич, надеюсь, через несколько дней вновь будет на погах и вновь бесстрашно поведет свой отряд в дело».

Лепко процитировал фразу из приказа № 18 о действиях 1-го отряда миноносцев, подписанного командующим тоже 2-го марта. Хотя по стилю можно было подумать, что эти документы сочинялись в разное время и разными людьми: в 18-м — особо энергичный язык, выражение гордости за флот и даже апофеоз:

«Поздравляя пожалованных Георгиевских кавалеров, я вместе с тем поздравляю вверенный мне флот с той молодецкой работой, которую исполнили экипажи названных миноносцев».

«Названных», то есть «Выносливого», «Властного», «Внимательного» и «Бесстрашного». Последние слова приказа: «Прочсть на судах и в командах», то есть повсюду в обязательном порядке, совсем не походило на холодное-деловое заключение 19-го — «О чем по флоту объявляю».

Все эти редакционные детали, конечно, не миновали внимания людей, вызвали новые вопросы. Прибавил их и рапорт Макарова заместнику с оценкой действий Боссе:

«...Считаю, что Боссе следовало не брать курса на японские миноносцы, а уклониться в сторону, хотя курс его уводил от своего порта». И далее: «Решение это отважное, хотя, может быть, и не совсем благоразумное». Именно так: капитан II ранга Боссе, которому доверили старшинство в соединенном плавании двух кораблей, проявил себя как начальник, мягко говоря, не очень благоразумно...

* * *

Обеденный зал гарнизонного собрания, обычно казавшийся из-за большой величины, классических колонн, темных пустых хоров, парадным и неудобным, на этот раз был переполнен, оживлен, заметно много присутствовало и сухопутных офицеров и военных чиновников. Причиной особого оживления последних являлось тоже важное событие: 4-го марта, ровно в полночь в Порт-Артур прибыл

новый комендант крепости генерал Смирнов. Мчался, как говорили, специальным поездом из Польши, из Ченстова, где командовал стрелковой бригадой. Так спешил, что даже известие о присвоении ему очередного звания — «генерал-лейтенант» догнало его в пути.

Смирнов сразу же повидался с Макаровым и при встрече сумел пайти общий язык в главных вопросах обороны крепости, в чем круто разошелся с бывшим комендантом — генералом Стесселем. Настолько круто, что тот, уже получивший назначение командиром 3-го армейского корпуса, действовавшего в Маньчжурии, на Ялу, вдруг исчез, затаился.

Новый комендант и командующий флотом договорились и о том, как обезопасить город и эскадру от угрозы перекидной бомбардировки, если таковую противник предпримет вновь. И не только обезопасить, но и отразить, действуя тем же способом.

План стрельбы по невидимой цели из бухты составлял сам Макаров. Внешний рейд был разбит на квадраты и секторы. Появись в любом из них корабль противника, он будет запеленгован с двух точек Золотой горы. На Ляотешане, вблизи маяка, устроили наблюдательный пункт, связав его телефонной линией с «Ретвизаном». Броненосец, завершая ремонт, пока превращался в дополнительную сигнальную станцию на внутреннем рейде и, вместе с тем, в дальнобойную батарею на якоре, в чем уже проявил себя.

В свою очередь Смирнов, выехав на позиции, в ряде мест приказал так переставить орудия, задать им такой угол возвышения, чтобы обеспечить перекидной огонь не только из 11—12-дюймовок, но и из меньшего калибра. На массив Ляотешан, на его склон, обращенный к югу, по договоренности с Макаровым доставили из морского арсенала несколько пушек Канэ. Их затянули на позицию вручную, не дожидаясь окончания строительства дороги. При орудиях устроили надежные укрытия для прислуги, блиндажи, установили прожектор.

Работали круглые сутки одинаково много и солдаты и моряки. Нелепая антипатия между морским и сухопутным гарнизонами ушла в сторону. Это стало заметно и по офицерскому собранию, по перемешанным компаниям за столами, по дружелюбным репликам и тостам.

Из-за сумеречной погоды в зале была зажжена большая люстра. Ответы ее бесчисленных огней отыгрывались на

золотых плетениях погон, на рядах пуговиц, на лоснящейся черноте мундиров и на глянце жестко крахмаленного белья. Среди традиционно флотской гаммы «императорских цветов» — черный, белый и золотой, — островками выделялось серебро инженер-механиков и светлые мундиры офицеров береговых частей.

На появление в собрании Юрасовского и Лепко сразу же обратил внимание капитан II-го ранга Семенов, сидевший в одиночестве, как раз под люстрой. Его небольшая, но плотная фигура приподнялась над стулом, всем своим видом приглашая занять свободные места рядом.

Несколько дальше расселась за сдвоенным столом стайка вновь прибывших мичманов во главе с Акинфиевым. Их излишняя шумливость никого не шокировала, наоборот, вызвала доброжелательные взгляды — они напомнили многим о собственной офицерской юности.

Лепко и Юрасовский, раскланявшись с молодежью, направились к Семенову, который выказывал тоже превосходное настроение. На реплику Лепко, кивнувшего головой на люстру — «Не боитесь сей электробомбы?» — пояснил причину своей радости:

— В такой день авария для меня исключена. Да-с! Позвольте представиться. Перед вами новоявленный старший офицер крейсера I ранга «Диана». С «Ангарой» разоцался. Слез не наблюдалось...

Все это было сказано с обезоруживающим удовольствием, так что офицерам оставалось разделить радость вновь обращенного. Что касается «электробомбы», то шутка была понятна одному Семенову, ибо только старожилы Артура помнили, что при устанавлении люстры случилась серьезная неполадка — она чуть не сорвалась со своего крепления на потолке. Тогда фасонную подвеску заменили обыкновенной, зато надежной, смычкой корабельной якорьцепи...

— Докладываю вам, что 1-го марта ваш преданный слуга удостоился чести быть вызванным для беседы по «своему рапорту» к самому командующему, — продолжал Семенов. — Степан Осипович тут же передал меня начальнику штаба, а тот, тоже незамедлительно — в объятия одной из трех богинь отечественного изобретения.

Семенов таким сравнением напомнил о трех крейсерах I-го ранга, которые, начиная с 1900 года, один за другим вошли в состав флота под именами древнегреческих бо-

гинь — «Диана», «Паллада» и «Аврора». Они не были копиями, хотя обладали почти одинаковым водоизмещением, скоростью и вооружением. В Порт-Артурской эскадре находились сейчас две первые, а богиня утренней зари, то есть «Аврора», ожидалась в скором времени — она шла сюда с отрядом адмирала Вирениуса...

— Хорошо людям, которых высокое пачальство жаждет выслушать,— заметил с шутливой завистью Лепко.— Возможно и за кормой Боссе светит влиятельный дядя?..

— Нет, «тетя»,— возразил Семенов, ничуть не обидевшись на намек о своем адъютантстве при Макарове.— Императорская яхта «Штандарт»...

Теперь уж рассмеялись все трое.

— Прошу, Владимир Иванович, принять поздравление еще от одного старого порт-артурца,— к Семенову обернулся офицер, сидевший за ближним столиком.

Это был лейтенант Корнильев, бывший командир «Решительного». Изъявление радости так не вязалось со впалыми глазами на изможденном болезнью лице, с растянутыми в улыбке бледно-сиреневыми губами, что Семенов почувствовал острую жалость и растерянность. Маскируя неловкость — не узнал сослуживца! — он ответил деланным возгласом, рад, мол, видеть старого товарища в добром здравии, но тут же был остановлен удивленно-негодующим взглядом Лепко.

Александр Александрович Корнильев продолжал тяжело болеть — это было очевидно. История с «Решительным» и «Стерегущим» еще более ослабила его, так как держала в угнетенном настроении. Разговоры о двусмысленном поведении в бою экипажа его бывшего миноносца невольно возвращали к недавнему прошлому. Вот и сегодня лейтенант, несмотря на возражение жены, захотел спуститься из номера офицерской гостиницы, занимавшей второй этаж собрания, в обеденную залу, чтобы послушать людей.

— Помню, матушка говаривала,— вмешался Юрасовский, пытаясь сгладить неловкость,— что начало марта — это летоуказатель: выпадет погожим, считай, все лето будет таким же. А сегодня вёдренный день...

— Вот и отлично,— подхватил Семенов.— Поднимем бокалы за победное лето!

— Лучше все же за жаркое. Для врага,— поправил Юрасовский.

— Согласен,— Семенов потянулся к бутылке «Реддера».— За победу!

— И за вечную память о тех, кого уж нет с нами.

— Если бы, если бы,— пробубнил Семенов.— Если бы рядом с Сергеевым находился миноносец с правилом — «Сам погибай, а товарища выручай»...

— Но у «Решительного» был поврежден паропровод,— сдержанно, не поднимая глаз, заметил Корнильев.

— Но до Артура-то шли на полном ходу... На «Властном» в ночном бою была подбита машина, а он не только остался со всеми в строю, но и повредил истребитель.

— В приказе о «Решительном» сказано: «Ему удалось прорваться», значит уходил с боем,— продолжал спорить Корнильев.— То есть свой долг исполнил, но не был в состоянии помочь гибнувшему судну.

— В том-то и дело, что оно не гибло, а сражалось! — взорвался Лепко.— Полтора часа еще сражалось. Теряло одного за другим своих людей...

— Пятьдесят две души,— подтвердил Юрасовский.— Боссе, уходя, понимал, что присуждает экипаж к отправке на тот свет...

— Учтите и то, что разведочное судно и не должно вступать в бой, ибо его задача заключается в собирании сведений и доставке их начальству,— выдвинул еще один довод Корнильев, вопреки шевелящейся в нем тягостной мысли: сам бы он исполнил все возможное, чтобы помочь подбитому миноносцу, попытался хотя бы прикрыть его или снять экипаж.

— Как это не вступать в бой, если бой уже начался?! — спросил Юрасовский, и сам же ответил: — Тогда командир разведочного судна обязан руководствоваться сверх инструкции еще и долгом чести.

— И советом адмирала Макарова,— дополнил Семенов.— В своих «Рассуждениях» он прямо утверждает, что Нельсон, Суворов и Наполеон похвалили бы разведчика, который при необходимости вступил бы в дело даже при угрозе собственной гибели.

— Дорогие Владимиры Ивановичи,— мягко, как старший по возрасту, обратился к тезкам, Лепко и Семенову, лейтенант Корнильев.— Не стоит превращать в оппонента еще и командующего.

— Именно так,— подтвердил Лепко.— Но не надо забывать, что адмирал уже тем одобрил действия «Стерегуще-

го», что сам, рискуя жизнью, ринулся на его спасение. Получилось, что адмирал исправлял ошибку младшего начальника, который оставил на расстрел подчиненный ему корабль!..

— Погибли бы два миноносца. Разве это лучше?..

Голоса спорщиков, возбужденных к тому же вином, звучали все громче, привлекая внимание окружающих. Особенно внимательно прислушивался, отложив еду, капитан II ранга Бубнов, командир «Бобра». И это было не случайно, день назад у него состоялся похожий спор с адмиралом Моласом. Начальник штаба эскадры пригласил Бубнова, чтобы предложить ему взять на себя обязанности заведующего 2-м отрядом миноносцев.

— На время, только на время, Михаил Владимирович,— уточнил адмирал.— Отряд хромает на обе ноги.

— Но Гинтер?..

— Видите ли, Анатолий Августович — офицер другого склада характера и знаний, он слишком долго задержался по службе на транспортном судне. А в сложившейся обстановке нужен человек, досконально знающий минное дело: за вашей спиной командование миноносцами, миноносцем, минной крейсерской лодкой...

Сумел Молас убедить Бубнова: приказ о его назначении уже был подготовлен. Поэтому перед капитаном II ранга сейчас находились не просто спорщики, а его прямые подчиненные. Только по этой причине он не стал спрашивать о том, что ранее высказал свою точку зрения на поединок «Стерегущего» и даже просил начальника штаба отметить подвиг миноносца специальным приказом по эскадре.

— Да ведь все погибли. Чего же писать? Хвалить надо оставшихся в живых.

Бубнову тогда же пришла догадка, что Молас потому не желает возвышать поступок офицеров и нижних чинов «Стерегущего», чтобы не усугубить критику действий «Решительного» и упреки в адрес лично Боссе.

— Господа, а почему бы вам для вынесения вердикта не использовать прецедент? — спросил он, как будто продолжая спор с Моласом. — То есть основу английского судопроизводства.

— По нынешнему поведению Альбиона — это не лучший образец,— возразил Семенов.

— Образец будет русским... Многие, думаю, еще помнят историю нашей «Русалки». В сентябре минуло десять лет со дня ее гибели.

Разумеется, каждый из моряков что-то знал об этой трагедии, случившейся в начале осени 1893 года. Броненосная лодка «Русалка» получила приказ выйти из Ревеля в Гельсингфорс. Она должна была следовать в паре с канонерской лодкой «Туча», командиру которой, капитану II ранга Лушкову, предписывалось быть старшим в том совместном плавании. Корабли попали в сильный шторм. «Туча» потеряла «Русалку» и, не пытаясь отыскать ее, прибыла в Гельсингфорс в одиночестве. Вскоре выяснилось, что «Русалка» погибла. Командование расценило поведение Лушкова как нарушение приказа о совместном, то есть соединенном, плавании.

Предложение Бубнова обратиться к «прецеденту», насторожило спорщиков, и когда тот напомнил о цене, в которую обошлось нарушение приказа «Тучей» — в 182 жизни! — со стороны Корнильева последовало возражение:

— В Морском уставе не пишется, как должны действовать командиры судов, когда им приказано идти соединенно.

— Верно, прямо не сказано; но разве в самом слове «соединенно» не указывается на смысл, что такие корабли не должны разлучаться, помимо экстренных случаев, и тоже по приказу,— упорно вел свое Бубнов.— Кстати сказать, так и разъяснила созданная по этому крушению расследовательская комиссия. А главный обвинитель вице-адмирал Скрыдлов подчеркнул на суде, что расстояние между кораблями в соединенном плавании не должно превышать два-три кабельтовых, чтобы в самый густой туман вахтенные слышали друг друга... Впрочем, это уже детали, на «Решительном»-то все слышали и все видели...

— Выходит, Боссе, как и Лушков, не исполнил до конца приказ о совместном плавании,— резюмировал Юрасовский.

Корнильев, не понимая причины вмешательства в разговор командира «Бобра», снова возразил.

— Это уж как посчитает Макаров.

Ответил снова Бубнов:

— Уверен в одном — непременно вспомнит о «Русалке». Он в молодости плавал на ней, даже испытал аварию. Кстати, тоже на Балтике,— «Русалка» поцеловала правой скулой какой-то риф. В пробоину пошло до пятидесяти ведер воды в минуту. Чуть не затонула. Тогда-то, расска-

зывают, Степан Осипович и занялся теорией живучести корабля. Судьба!.. В прошлом году в Ревеле открыли памятник «Русалке» — монумент из серого гранита, высотой в 16 метров.

— Будет памятник и «Стерегающему», уверен,— хмуро вставил Семенов.— Может быть в Порт-Артуре. Если хорошо приглядеться, мы теперь все в соединенном плавании перед лицом истории. Вся Россия!

— Куда вот только плывем? — задал неожиданный вопрос Лепко и, вынув блокнот с карандашом, принялся набрасывать на бумаге контуры миноносца. Он придавал ему разный крен, менял форму дымов, окружал нос и корму фонтанами взрывов, лохмами поднятых выше мостика клочковатых всплесков. Родилось впечатление — корабль сдавлен внутренней пружиной: все на нем — и мачта, и трубы, и надстройка по-кошачьи сжалось, нацелилось, чтобы сейчас же, сию минуту, распрямиться в стремительном и мощном прыжке-ударе!..

— Хорошо на рисованном море рисованными кораблями побеждать,— заметил Юрасовский, скосив взгляд на рисунок.

— А как же? Сначала определись с замыслами на бумаге,— возразил Бубнов. Ему очень хотелось дать понять товарищам лейтенанта Сергеева, что он получил к ним назначение и что надеется найти с ними общий язык.— Согласен с вами, господа, возмутительно да и недальновидно оставить геройский бой «Стерегающего» без внимания. «Надо хвалить оставшихся в живых»,— повторил он про себя заключение Моласа, как будто заканчивая с ним спор.— Да иные мертвые дороже живых!

Теперь уж командиры миноносцев удивились горячности командира «Бобра». Один лишь Лепко не оторвал взгляда от блокнота. Его рука метнулась в угол листка — и там взмыли два белых флага: один, перекрещенный с угла и угол голубыми диагоналями, а другой — с большим красным кругом посередине.

Юрасовский, продолжая смотреть в альбом, заметил:

— Было бы только справедливо, если бы ты крестом Андрея Первозванного перечеркнул закатное солнце.

— Не закатное, а восходящее: государственному флагу Японии всего лишь три десятка лет — с революции Мэйдзи, с 1870 года,— пояснял Лепко, не оставляя работу.— Наш же военно-морской, как известно,— с Петровских

времен!.. Нелепо другое: белый цвет, то есть основа обоих флагов — символ мира, а мы воюем.

— Получается двуличие и с миром и с просвещением,— сделал вывод Семенов.— «Мэйдзи»-то переводится как «просвещение».

Диалог офицеров прервало восклицание Семенова, уставившегося на входную дверь:

— Легок на помине!..

Очень полная, даже мешковатая, фигура капитана II ранга Боссе остановилась в самом начале зала. В поисках свободного места он медленно повертывал перевязанную бинтом голову, кладя на плечо тяжелый двойной подбородок.

— Не находите, что несколько театральное? — спросил Семенов, наклоняясь к самому уху Юрасовского.— Я имею в виду повязку.

— Почему бы и не так? — возразил Юрасовский.— В Петербурге появился многообещающий артист, молодой бас — Гуальтьер Боссе. Не то из французов, не то из шведов, не то пополам. Возможно, родня нашему.

Боссе, осмотревшись, тоже увидел Семенова и хотел раскланяться, но тот отвел взгляд. По тишине, которая наступила как-то внезапно, командир «Решительного» догадался, что разговор шел о нем и о «Стерегущем». Оскорбительный жест Семенова красноречиво подтвердил это. Боссе резко повернулся, намереваясь покинуть зал, но навстречу ему, широко распахнув двери и заняв почти целиком их проем, шагнул подполковник с артиллерийскими нашивками.

Юрасовского словно подняло из-за стола, он быстро пошел к артиллеристу.

— Николай Семенович! — воскликнул он, пожимая руку здоровяку, и, даже не взглянув на посторонившегося Боссе, столь же стремительно повел офицера к столу.— Господа, Николай Семенович Сергеев, брат незабвенного командира «Стерегущего».

— Насчет «незабвенного» — бабушка еще надвое сказала,— возразил Лепко и, с треском захлопнув свой альбом, поклонился подполковнику.— Возможно в плену, ранен...

— Да, да,— подтвердил Николай Семенович,— я только сегодня получил «молнию» из Питера от супруги Александра Наталии Павловны. Пишет, что в сытинском «Новом слове», то есть в приложении к нему, в «Искрах», напечатан

портрет брата с обнадеживающей припиской: «Лейтенант Сергеев, командир погибшего миноносца «Стережущий», экипаж которого взят в плен».

— «Новому слову» можно верить — весьма осведомленный орган,— согласился Лепко и тут же почувствовал себя неловко: подыгрывает эфемерной надежде брата Сергеева.

Тем не менее, сообщенная новость настроила людей на более оптимистический лад. Разговор вернулся к 26-му февраля уже в том духе, что на этот раз русские миноносцы хорошо задали японцам, и, отпугнув их, тем самым помешали точности ведения перекидной бомбардировки.

— В городе и на эскадре зафиксировано 208 взрывов, но ни одного серьезного попадания,— подтвердил Семепов.

— Ни одного серьезного,— горько повторил подполковник.— Мы привыкли считать потери по меньшей мере взводами, ротами, поленицами, так сказать, хотя люди — не дрова. Странно, но толком начинаешь осознавать, что такое потеря, чаще всего тогда, когда она в единственном числе, когда уходит твой близкий...

Во время бомбардировки Николай Семенович находился в штабе сухопутных сил. Он вернулся из Бицзыво и зашел туда за картами. Штаб находился на площади, как раз напротив его дома. Увидев, как один из японских «чемоданов» разорвался не более, чем в семи-восьми саженьях от квартиры, Николай Семенович побегал туда.

По всему фасаду особняка вместо окон образовались дыры — стекла были вышиблены взрывной волной и осколками снаряда. Он невероятно обрадовался, когда заметил выглянувшие из одной такой «дыры» испуганные лица жены и дочери. В то же время из пустоты другого оконного проема с выбитой рамой, из половины дома, которую занимал присяжный поверенный Сидорский, донесся женский крик:

— Помогите, спасите... Я не хочу умирать!..

Офицер ринулся к соседу и застал там страшную картину. На стуле, круто откинувшись на его спинку, сидел мертвый хозяин, на залитом кровью полу лежали двое — обезглавленная жена военного следователя барона Франка и юная девушка. Ее огромные, обрамленные бархатными ресницами глаза, остановились на вошедшем.

— Скорее, скорее... Жжет вот здесь,— бормотала она, зажимая рану на груди.

Это была 18-летняя мадемуазель Малевич, знакомая техника Налетова, приехавшая из Дальнего погостить к Франкам и, попутно, показаться в местном «свете»...

— Помогите же,— снова прошептала раненая, умоляюще глядя на склонившегося над ней офицера.

Из коридора появился полковник Франк. В руках перед собой он держал что-то шаровидное, завернутое в полотенце. Наклонился к телу жены и бережно положил это «что-то» вплотную к окровавленному шейному выступу.

Семья Франков оказалась в квартире Сидорского случайно: баронесса уговорила мужа отвести ее к коллеге-адвокату, чтобы лучше понаблюдать за картиной бомбардировки гавани — окна квартиры Сидорского выходили на море. Вот и понаблюдала...

На следующий день Николай Семенович проводил свою супругу вместе с дочкой в Россию, взяв ей билет до Курска.

—...Это специально нас покропили, перед пасхой,— донесшийся со стороны обрывок фразы о японской перекидной бомбардировке вызвал реплику артиллериста:

— И поделом! На Ляотешане вместо мортирной батареи содержали только штырь маяка, на Перепелиной, откуда весь рейд как на ладони,— пожарная каланча, а сопку Высокую, господствующую над гаванью и над крепостью, превратили в место свидания реалистов с девчонками... Японские крейсера глумятся, фланируя на виду нашего берега, а Порт-Артурская эскадра, можно подумать, соблюдает нейтралитет.

Лепко, поиграв карандашом, возразил:

— Так не кто-нибудь, а сам военный министр Куропаткин заявил после прошлогодней инспекции: «Флота нам и не надо. Японцы могут высаживаться сколько им угодно и где угодно — все равно они будут опрокинуты в море». — На удивленные взгляды товарищей добавил: — Прошу учесть, что наш Стессель с Куропаткиным на «ты».

Николай Семенович не пожелал поднять перчатку, так как о своем береговом начальстве он был ничуть не лучшего мнения, поэтому ответил в унисон:

— Зато новый комендант Смирнов пришел в ужас, когда узнал, что в крепости не существует ни плана мобилизации, ни подробного плана обороны... Стессель на его удивление только отмахнулся: «Это вам, ученым, все бы заранее в кабинетах нарисовать, а дело стрелков, наше дело,— держать позицию, и чтобы ни шагу назад!...» Какое это было слушать генералу Смирнову, окончившему две академии, кавалерийскую и Генерального штаба?!

— У Стесселя за спиной всего лишь Павловское пехотное училище,— согласился косвенно Бубнов и попытался все же проявить некоторую, на его взгляд, объективность: — Но надо прибавить к этому опыт русско-турецкой войны, участие в подавлении Боксерского восстания.

Корнильев, потягивавший лечебный, специально им заказанный жасминовый чай, словно поперхнулся от смешка. Вытерев салфеткой короткие колючие усы, сказал:

— Когда наши брали с суши и с моря арсенал в Тяньцзине,— лейтенант машинально скользнул взглядом по серебряной медали «В память военных событий в Китае» на мундире Лепко и по такой же — на своей груди,— Стессель, командовавший тогда Порт-Артурским отрядом (полторы тысячи штыков) выбрал место для командного пункта в пяти верстах от места боя. Залететь туда мог разве что шальной снаряд. И представьте себе, такое случилось. Рассказывали, что когда над штабом прогудело, наш генерал не то что спешился, а слетел с лошади прямо в грязь. Опомившись и оглядев испачканный мундир, заявил: «Негоже для командира быть в таком виде, хотя бы и на передовой», и ускакал в город на квартиру, чтобы переодеться. Пока он под контролем жены совершал это боевое действие, наши успели взять арсенал. Генерал, всем на удивление, именно за эту операцию был награжден Святым Георгием, который, как известно, выдается только за личную храбрость в бою...

Моряки посмеялись. Лепко, мгновенно изобразив в альбоме сценку падения генерала с лошади, с деланным сожалением заметил:

— Теперь нашим девицам предстоит решать — носить или не носить на груди брошь с портретом отставного коменданта.

— Я бы посоветовал побережь такую же на всякий случай,— откликнулся подполковник,— Стессель, вспомните меня, еще выплывет. (Сразу же добавим: «выплыл» и очень скоро в качестве главного начальника укрепленного Квапунского района, то есть и крепости Порт-Артур).

— Будем надеяться, что Смирнову удастся из наспех обустроенного оборонительного лагеря, каким сейчас является наш Артур, превратить его в твердыню,— сказал Бубнов.— Верно я понял вас, подполковник?

— Можно и так. Однако и крепость рассчитывает, что флот перестанет отсиживаться в гавани и оградит подступы к Артуру — и с суши и с моря. Запасов муки в городе на 270 дней, а крупы и того меньше — на 209.

— Уж не собираетесь ли вы обороняться двести дней?! — спросил Семенов.

— Если японцы перережут Квантунскую железную дорогу...

— Это уже из области фантазии. Да и ваш Стессель писал об этом, то есть начисто отверг такую возможность. Надеюсь, читали.

Разумеется, многие заметили шумный опус генерал-лейтенанта в «Новом крае», читал его и Николай Семенович. Его буквально возмутило самонадеянное яkanie генерала:

«...Войска твердо знают, а населению объявляю, что отступления никуда не будет, потому, во-первых, что крепость должна драться до последнего, и я, как комендант, никогда не отдам приказа об отступлении, а во-вторых, что отступать решительно некуда».

— Стесселя на фортах не видят. Вероятно, для охраны собственной персоны он начал сооружение земляного вала вокруг Старого города. 200 тысяч уже ухлопали на сию бесполезную фортификацию. Зато бухта Голубиная, которую ниоткуда снарядом не достанешь, остается до сего дня безоружна. Собрались было на ее берегу батарею строить, да ограничились землемерными колышками...

Разговор определенно выходил из рамок дозволенного и Семенов, как хозяин стола, сознательно уменьшая его пакал, напомнил о подарках эскадре, которые пришли в одном вагоне с брошками-портретами Стесселя.

— Мне по жребию досталось пять сотен папирос «Фортуна». Прошу,— он щелкнул серебряным портсигаром, держа его на вытянутой руке.

Струйки и кольца ароматного дыма, восклицания, касавшиеся качества табака, длины гильз и милых ручек, которые их снаряжали, действительно сбили остроту разговора.

Семенов, продолжая держать портсигар открытым, оглянулся на мичманов и, чтобы не тянуться, передал его по рукам в их сторону.

Первым взял папиросу Федор Рейнгард, поблагодарил и сообщил:

— Разрешите доложить, получил направление на «Отважный».

Капитан II ранга Бубнов, который во время дискуссии нарочито увлекся едой, предложил:

— Мой «Бобр» стоит по соседству с «Отважным». Через полчаса за мной приходит катер, могу захватить и вас.

— Благодарствуйте,— ответил мичман и, смутившись излишней солидности выражения, поправился: — Буду весьма признателен. Правда, мне дали два дня на обустройство, но не знаю, в чем оно заключается,— молодой человек поднял острые плечи.

— Как в чем? — живо возразил Акинфиев, который тоже был рад, что дискуссия о начальстве и положении в Порт-Артуре, явно смутившая его приезжих одноклассников, прекратилась.— Прежде всего — это очистить карманы от прогонных.

— Такое нам прекрасно удалось еще в Харбине. Там стояли более суток.

— Ну а теперь уж окончательно. Если нуждаетесь в совете, то предлагаю «Саратов». Эстрадные амазонки и в пяти саженях от причала, как говорится, без отрыва от службы...

Поворот в разговоре оказался слишком крутым, и поэтому он иссяк сам собой. Кто задымил «Фортуной», кто занялся обедом, третьи искали повода, чтобы уйти. Кое-кого резкие фразы подполковника заставили осмотреться. Вопреки неписанному правилу — ничего не выносить из офицерского собрания, тем более сказанного в запальчивости или под влиянием винных паров, добровольные соглядатаи и наушники действовали. О последнем свидетельствовал недавний приказ Стесселя, прозвучавший суровым предупреждением:

«До моего сведения дошло, что в гарнизонном собрании гг. офицеры занимаются совершенно не своим делом, вкривь и вкось обсуждают ход военных действий, сообщают чуждые слухи, бог знает откуда ими набранные. Дело офицера хорошенько обдумать и обсудить, как лучше выполнить данное приказание, а не обсуждать действия высших начальников; такие господа крайне вредны, и я, разумеется, буду их карать по силе предоставленной мне власти».

Демонстрируя эту власть, Стессель для начала предал военному суду поручика Котладзе, который в горько-

шутливой телеграмме, отправленной в столицу, утверждал, что в Порт-Артуре не видно воинских одаренностей уровня Нахимова и Суворова, а очевидна только нерешительность. Из сказанного выходило, что поручик посмел усомниться в полководческих талантах самого Стесселя!.. Досталось и командиру 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Селлипену, написавшему хорошую аттестацию Котладзе — ему было предложено подать в отставку...

Впереди, под огромным царским портретом, как раз сидела пара из возможных паушников: смотритель сводного госпиталя капитан Бондарев, числившийся в семейных друзьях Стесселя, и напротив — близоруко склонившийся над тарелкой полицмейстер Артура Тауц, доноситель, так сказать, уже по должности. Тот и другой, один под домашнему, второй официально могли известить высокое начальство о непотребных разглагольствованиях офицеров.

Да, можно было так подумать, однако в действительности и смотритель и полицмейстер были заняты собственными скучными мыслями — первый переживал низвержение своего покровителя, а второго мучила ревность: до него дошел слух, который витал в гостиных города, что в его молоденькую супругу влюблен японец-фотограф, то есть был влюблен, так как за несколько часов до начала войны эвакуировался вместе со всеми соотечественниками в Чифу, при этом известив госпожу Тауц письмом, что он вовсе не фотограф, а офицер императорской армии, и потому обещает при штурме Артура сделать все возможное, чтобы овладеть ею по праву победителя. Вот так!

Гарнизонные дуры, с которыми поделилась жертва страстной любви, увидели в таком признании нечто романтическое, полицмейстеру же в каждом взгляде знакомых чудилась жалость или насмешка. И что теперь можно сделать? Единственное — это немедленно отправить свою лучшую, вернее, глупую половину в Россию, так как столь скандальная история могла худо обернуться. Пример имелся: Стессель приказал отдать в солдаты-штрафники артурского богача-подрядчика Саламатина, который, после начала военных действий, оставил в своем доме под видом горничной японку-наложницу. А тут получилось много хуже: супруга полицмейстера, глаз и ушей крепости! — подыгрывала шпиону!..

О переменах в службе зашел разговор и в семеновской компании. Кто-то со стороны, будучи уже в порядочном подпитии, услышав о переводе Семенова с доброфлотского «корыта» старшим офицером на «Диану», подошел с бокалом, чтобы поздравить. Облобызав, напомнил об обязывающей славе парусного предшественника — трехмачтового шлюпа «Диана».

—...С командиром-писателем во главе экипажа! — воскликнул он, намекнув о литературных склонностях Семенова.— Но чтобы без залива Измены на Черном острове.

— И без черной болезни,— добавил человек в мундире военного врача, увлекая автора здравицы обратно к своему столу.

«Черный остров» — так по-айнски именовался Кунашир. На нем в 1811 году был коварно пленен японцами командир «Дианы», незабвенный Василий Михайлович Головин. Ну а «черная болезнь» — имела в виду холера, догнавшая его много позже, уже вице-адмирала, в Петербурге...

— Спасибо, спасибо, господа, за доброе слово. Честь первой «Дианы» будем хранить,— отвечал мимоходом Семенов.— Прошу обратить внимание на свежую икру и не менее свежую «Смирновскую», ибо есть еще один повод для тоста. Я имею в виду назначение лейтенанта Лепко начальником службы наблюдения.

Лепко, штриховавший в блокноте контуры порт-артурских маяков — Ляотешанского и Входного, оторвался от рисунка и с удивлением взглянул на улыбающегося товарища.

Всякие новости на эскадре становились известными обычно через офицеров-порученцев, штабных писарей, а то и просто через флажной семафор — «Сигнальщики знают все» — гласит флотская пословица. Не очень-то хранили тайну и телефонные провода: протянутые излишне близко друг к другу, они, благодаря индукции, позволяли улавливать чужие разговоры. Наконец, действовал еще один неофициальный канал — «ночные кукушки», «камелии», словом, жрицы любви, число которых в Артуре не уменьшила и война.

«Какой же источник сработал, известил о должности, по поводу которой приказа еще не было?» — такой вопрос возник в голове командира «Расторопного». Шутливый тон Семенова он не пожелал принять и, ничего не утверждая

и не отрицая, заметил: — Если бы эскадра и крепость имели хотя бы телефонизированный пункт на Ляотешанской бой «Стерегающего» мог бы закончиться по-другому. Да и о подходе японцев на скрытную бомбардировку узнали бы ранее.

— Вот я и говорю! — воскликнул Семенов. — Слава богу, Степан Осипович прикомандировал туда, на маяк, двух мичманов-артиллеристов. Специально для корректировки огня.

— Адмирал приказал протралить рейд по створу, донеслось с другой стороны.

Вполне понятно, многим в зале хотелось проявить осведомленность о срочных мерах, предпринятых командующим, что вызвало иронический вывод Юрасовского:

— Хвалить командующего — это как самого себя: «Знаете, я ему посоветовал», «тогда я служил при нем»... Общая слабость адъютантов, флагманских специалистов и штабных — пугать идеи начальства со своими.

Семенову, бывшему старшему адъютанту Макарова, в пору бы обидеться на такое замечание, но он тут же подумал, что зря упомянул за столом, походя, о переводе Лепко на берег: могут подумать — за несоответствие, так как во время смотра не удержал миноносец в строю. Командира «Севастополя» капитана I ранга Чернышева за столкновение с «Пересветом» Макаров после разбора учения даже снял с должности...

От противоречивых раздумий Семенова отвлекла фраза, донесшаяся с мичманского стола:

—...Когда мы собирались уезжать, в главном управлении Красного креста формировался отряд сестер милосердия для Порт-Артура и Маньчжурии. Говорили, собиралась и Вяльцева...

— Анастасия Дмитриевна, божественная! — воскликнул Юрасовский и пояснил свой несколько повышенный восторг. — Моя землячка, орловчанка...

— Отказалась от ангажемента в двадцать тысяч!..

— Будьте уверены, такие сестры милосердия не позволят нам умереть без победы.

Услышав новость, разом заговорили и другие столы — «морские» и «пехотные».

— Куропаткин публично объявил, что отправляясь на войну, взял с собой граммофон с вяльцевскими пластинками. Так что — «Гой да тройка, снег пушистый, ночь морозная кругом»...

— Кой черт, пушистый? Слякоть с земли и с неба, уж лучше «Захочу полюблю, захочу разлюблю»...

— Только за что любить-то нас сейчас?..

— А вот японцы женщин на войну, на фронт не берут. Жалеют.

— Жалеют?! По контракту за червонец родную дочь на месяц продадут.

— Если уж кто и обрадуется сестрам милосердия, то это в первую очередь пачальник воздухоплавательного парка лейтенант Орлов.

— Почему?

— Вы же знаете, что транспорт «Маньчжурия» захвач японцами. Пароход, кроме снарядов, вез в Артур еще огромный воздушный шар для наблюдения за морем. Теперь же получается: шар — тью-тью. Но не был бы Орлов Орловым, то есть птицей-воздухоплателем, если бы не нашел выход. Он решил сам шить такой шар из подручного материала! Для начала скупил весь шелк в магазинах Артура, а далее объявил подписку, обращаясь в основном к дамам с нижайшей просьбой — сдавать шелковые вещи на патриотическое дело... И откликнулись, и сдают! — даже исподним жертвуют. Ха-ха... Ну а ежели еще артистки придут?..

— Жаль не увижу, не послушаю Вяльцеву, — грустно молвил Корнильев. — На днях с женой уезжаем в Харбин. Местные эскулапы отправляют в госпиталь КВЖД.

— Записалась в медсестры, знаете ли, и мадемуазель Лодо.

— Красавица-певица из «Варьете»?! — воскликнул Акинфиев, и, оглянувшись на мичманов, заметил со вздохом: — Считайте, что кафе-шантан закрылся. Лодо — тип женщины на картинах Рембрандта: высокая, стройная, головка миниатюрная, правильные черты лица, свежий и нежный цвет кожи. Что еще? Да, длинные и густые белокурые волосы. И возраст — всего лишь двадцать два! Ну пусть пять лет уменьшила — в Артуре особое летоисчисление для женщин...

Юрасовский, слушавший дурачество своего вахтенного начальника с поощрительной улыбкой, взглянул на старшего Сергеева и ему от хмурой сосредоточенности подполковника стало не по себе.

Николай Семенович, задумавшись о брате, не ждал, конечно, вздохов и сочувствий, даже счел бы это в данную минуту неуместным: телеграмма от Наталии Павловны

все-таки успокаивала, да и полная неизвестность о потерях и пленных экипажа «Стерегающего» тоже оставляла надежду. Но что писать отцу? Весть о гибели миноносца несомненно дошла до Курска, поэтому Семен Александрович, конечно, ждет письма с ответом на главный для него вопрос — что с Александром?.. Пора известить и о том, что Вера с Женюшкой должны уже скоро прибыть в Курск.

Николай Семенович подумывал об уходе из собрания. Повод, чтобы подняться из-за стола, нашелся: в зале появился знакомый корреспондент «Нового края» Павел Петрович Лассман. Журналист был в той же экстравагантной одежде, в которой встретился на улице в день приезда в Порт-Артур Александра Семеновича. Проходя между столиками, поводя черной бородой-метлой, Лассман раскланивался с «левыми» и «правыми», отвлекая людей от споров, как бы прокладывая своей широкой улыбкой и доброжелательностью нейтральную полосу, а выйдя, наконец, на середину зала, привлек к себе уже общее внимание громкой репликой.

— Господа, минуту внимания. Завтра в помере нашей газеты вы сможете прочесть примечательную новость: миноносец «Скорый», следуя указанию командующего, только что задержал английский грузопассажирский пароход «Хайман». Чем оказался пароход примечательным? Тем, что его единственным и грузом и пассажиром оказался корреспондент лондонской «Таймс»! Как паходите, а?..

«Хайман» зафрахтован этой газетой и связан радиотелеграфом с Вэйхайвеем, то есть с британской военноморской базой. На вопрос, почему он здесь, корреспондент без всякого смущения ответил, что ждет морского боя, о котором предупрежден из Лондона. Передачу материалов он намерен вести прямо с судна через Вэйхайвей. Вот с такой очаровательной британской прямоотой, а лучше сказать, дубоватостью, все и объяснил.

Лассман поднял к глазам блокнот и, убедившись во всеобщем внимании, прочел:

— «Мы находимся почти борт о борт с русскими. Если вы о нас не услышите по прошествии трех часов, сообщите в «Таймс» Локкарту и капитану корабля «Левиафан» Джемсу»... Эту телеграмму наши обнаружили при досмотре «Хаймана», нашли в рубке. Вот так-то, уважаемые господа!

— Ловкие ребята,— отозвался Семенов.— Морской бой, как бифштекс заказывают — чтобы с пыла, с жара и непременно с кровью...

— И еще одно,— продолжал журналист.— «Таймс», оказывается, знает много больше нас о судьбе «Стерегающего».

В зале, как по команде, прекратился стук посуды, оставились у ртов поднятые стаканы, рюмки.

— Утопили «Стерегающего» вовсе не японцы, а наши!.. Двое русских матросов заперлись в трюмном отсеке и открыли кингстоны. Погибли вместе с кораблем. Истинное геройство!.. В живых от всей команды осталось всего лишь четверо, все — нижние чины. Остальные убиты или потоплены...

Николай Семенович машинально крутнул головой — в затылке зашумело, как будто пересыпался песок. Он видел перед собой уже только шевелящиеся губы, краснеющие лица, кивки, жесты,— голоса же исчезли: как будто он отделился от этих столов, от зала с люстрой. Сообщение о гибели брата — теперь уж это точно о гибели! — отозвалось колющей болью в сердце...

Тем временем журналист, полистав свой блокнот выдал еще одну сенсационную новость. Из сообщений телеграфных агентств стало известно, что японцы начали подготовительные работы по срочному подъему крейсера «Варяг». С этой целью в Чемульпо из Сасебо доставлена специальная команда с водолажным оборудованием. Рассчитывают отвести крейсер в Японию уже будущим летом.

— Да кто же позволит?! — громко и негодуяюще прозвучало со стороны столика возле колонны, за которым обедал в одиночестве лейтенант-моряк с узким и длинным, можно сказать, мефистофельским лицом. Так как вопрос не был обращен ни к кому конкретно, то повис в воздухе. Лейтенант, поморщив горбатый нос, сузив темные глаза, сам же и ответил: — Уверен, что среди нас найдутся люди, готовые хоть завтра отправиться в Чемульпо на чем угодно — на минном катере, на джонке, на шаланде, вооруженные любой миной, будь она даже шестовая. Взорвем еще раз корабль, но не допустим такого святотатства!

Реплика офицера пришлась по душе, в особенности молодежи, вызвала шумные реплики.

Журналист подвинулся к старшему Сергееву и, пагнувшись к его уху, как хорошему знакомому, доверительно заметил:

— Это лейтенант Роццаковский. Не слышали?.. Как же, восходящая звезда на Порт-Артурском небосводе. Судите сами: прибыл сюда на специальном поезде великого князя Кирилла Владимировича, то есть вместе с ним. Его императорское высочество занял в штабе Макарова должность начальника военно-морского отдела, а лейтенант, кажется, командира миноносца. Говорят, великий князь и Роццаковский — близкие друзья, в Морском корпусе учились чуть ли не в одной группе, обоим по двадцать семь...

— Вот как?! — вроде бы удивился Николай Семенович, думавший совсем о другом, о том, как бы незаметно уйти, и, не прощаясь, сделал несколько шагов по направлению к выходу.

Покинув собрание, он с крыльца позвал извозчика, но проехав не более четверти версты, вынужден был остановиться. Из ворот сводного госпиталя, расположенного у подошвы Перепелиной горы, выходила скорбная процессия — телега с двумя зашитыми в белые холщовые мешки телами, прикрытыми военно-морским флагом.

На улице, напротив госпитальной церкви, больше похожей на склад с глухими, наскоро побеленными стенами, с крышей на два ската и звонницей-скворешней выстроился взвод из Квапунского экипажа с оркестром на правом фланге. Как только телега-дроги двинулась, моряки взяли на караул, а оркестр заиграл «Коль славен».

— Кого хоронят? — спросил Николай Семенович прохожую.

— Матросиков со «Стережущего». В море нашли их, сердечных. Говорят, сильно побитые снарядным железом...

Николай Семенович, минуту помешкав, отпустил извозчика и присоединился к процессии. Его крупная фигура в офицерской шинели выделялась в толпе, состоявшей из санитаров, сестер милосердия и, судя по роскошным шляпам, из нескольких дам-патронесс госпиталя.

Печальный кортеж в сопровождении священника — подполковник узнал в нем отца Рождественского с Тигровки, — и дьячка, при звуках похоронного марша, направил-

ся в сторону моря. Ухабистая дорога раскачивала телегу, в такт качке колыхались тела покойных, в лице которых Порт-Артур хоронил как бы всех погибших героев «Стерегущего». Вот так же когда-то в Гельсингфорсе провожали на кладбище экипаж броненосной лодки «Русалка»: из утонувших 17 офицеров и 165 нижних чинов нашелся в море всего лишь один матрос — его и хоронили за всех...

На повороте к набережной, на круглой тумбе пузырилась пожелтевшая и отрепанная афиша, на которой выделялось крупно написанное предупреждение — «Слабонервных просим не приходить!» — свидетельство о последней гастроли японских фокусников. В их программе имелся звездовой номер — исполнение на глазах публики кровавого ритуала харакири. Как раз через сутки после отъезда этой цирковой труппы были вспороты животы — уже доподлинно! — у трех броненосных кораблей Порт-Артурской эскадры... Тумба была оклеена официальными объявлениями, приказами, распоряжениями военного времени.

На набережной процессию ждали — возле причала стоял баркас, на котором покойных предстояло отвезти на новое воинское кладбище, заложенное на берегу бухты, сразу за Новым городом. Началась лития.

— Паки, паки, приклоним колена,— провозгласил священник. С пением «Со святыми упокой» толпа, как один человек, опустилась на колени.

Покойных перенесли в шлюпку. Матросы разобрали тяжелые весла, по девять с каждой стороны. Они ложились в уключины со звуком глухо падающих комьев сырой глины. Первый гребок — и запеленатые в белый холст фигуры героев «Стерегущего» снова закачались под полотнищем Андреевского флага, совершая свой последний выход в море.

Нахмурившееся небо зарядило мелким снежком, закрывая виды Порт-Артура — и эскадру, и сопки с редутами,— зато стало легче вглядываться душой.

До Николая Семеновича донеслись слова священника:

—...Ужели прогресс человечества невозможен без жертв, без стонов, без слез? Как будто никто не слышит призыва Иисуса Христа, проповедовавшего изначально великую и такую простую истину: любовь к ближнему — есть основание...

Мацуяма

Жители Мацуямы, уютного приморского городка на северо-западном побережье острова Сикоку, издавна славились добродушием. Возможно, на формирование человеческого характера влияла здешняя природа: ровный мягкий климат, укрытая, и потому всегда спокойная, бухта Мацу, волнистая линия гор с двойным зеленым ожерельем — вверху хвойный малахит («мацу» — сосна, «яму» — гора), а ниже — ячеистое плетение рисовых полей, уют одноэтажных узких улиц, где самыми выдающимися строениями считались старинный княжеский замок и буддийский храм.

Если говорить о современности, об эпохе Мэйдзи, то она была представлена текстильной фабрикой и железной дорогой, проходившей через портовый район города — Такахамо, с причалами, складами, верфью, горами каменного угля и разнообразной шляпочной мелочью на воде. Но и это не нарушало идиллической картины местности, как будто созданной для красочных восходов и закатов...

После ясного восхода, утром 6 марта 1904 года, бухту Мацу встревожил пароходный гудок. Он прозвучал громко и отрывисто, наподобие воинской команды. Эта требовательность подчеркивалась особым статусом судна «Хакуэй-мару» — оно несло флаг Красного Креста. Крест тоже был необычный — расчлененный белыми широкими линиями на четыре квадрата, знак национального японского отдела общества. Следом за гудком на мачте появился сигнал — «Подать катер».

В самом прибытии парохода с эмблемой Красного креста не было ничего особенного: в Мацуяме располагался госпиталь, принадлежавший обществу. Тем не менее, на этот раз в порт встречать «Хакуэй-мару», кроме врача, прибыли еще и чиновники мэрии, сам мэр и отряд полицейских с жандармским полковником Кооно во главе. Полковник с недавних пор занимал должность начальника лагеря военнопленных, сохранившегося в Мацуяме со времени японо-китайской войны... Ему же по законам военного времени подчинялась и администрация госпиталя.

Полицейские сразу же оцепили причал, возле которого стояла баржа с углем. Женщины-грузчики (тоже примета войны: они заменили мобилизованных в армию кормильцев — мужей, отцов и братьев), облаченные в высоко подобранные кимоно и соломенные сандалии, побросали грязные корзины, в которых перетаскивали уголь на берег, и, кокетничая с полицейскими, показывая в улыбке белые зубы, вертя головами, обернутыми от угольной пыли в цветастые полотенца, одна за другой выбирались из полукруга оцепления, присоединяясь к накапливавшейся толпе.

К причалу подали портовый катер, на котором полковник и врач отправились на судно. Ради кого? Полицейские на все вопросы отмалчивались, настороженно поглядывая на «Хакуэй-мару», где на палубе выстроилась шеренга военных. Один солдат встал возле верхней площадки трапа, а другой двинулся к узкой двери сбоку палубной надстройки и, неумело возясь с тяжелой металлической ручкой, принялся открывать ее.

Наконец, дверь с грохотом распахнулась, оттуда показалась перевязанная марлевым бинтом голова сильно склонившегося над притолокой человека, одетого в черный морской бушлат. Перешагнув через комингс, человек выпрямился, оказавшись на аршин выше конвоира, и снова сунулся в проем двери, помогая выбираться оттуда товарищу с забинтованной ногой. Изнутри раненого поддерживал еще один — так втроем и стали спускаться по трапу в катер.

Берег замер в тревожном ожидании.

— Русские... Пленные,— прошищело по причалу. В взглядах витало удивление, радость, ненависть — и всё вдруг разразилось в едином громком — «Банзай!».

Семейная пара, рыбачившая на фуге — небольшой парусной шлюпке, направилась тоже к пирсу, мужчина занимался парусом, а женщина с ребенком за спиной правила веслом. Кое-кто сошел с берега прямо в воду.

Чем ближе подходил катер, тем сильнее гудела и плотнее сбивалась толпа, а когда стал разворачиваться к причалу бортом, в него полетели уже не только тяжелые слова, но и куски угля, камни.

Мэр обратился к горожанам со словами увещевания, поясняя, что пленных, взятых в бою, не подобает оскорблять и тем более им, раненым, наносить дополни-

тельные увечья. В своей речи он исходил не только из положений Гаагской мирной конференции о гуманном обращении с военнопленными — Япония присоединилась к конвенции в 1899 году, — но и учитывая события всего лишь недельной давности: 28 февраля в Мацуяму были доставлены тяжело раненные члены команд «Варяга» и «Корейца».

Как это случилось? После затопления крейсера и взрыва канонерки в бухте Чемульпо, а затем погрузки их экипажей на иностранные военные корабли, выяснилось, что двадцати четверем русским морякам требовалась серьезная и срочная медицинская помощь. Французы свезли их на берег в миссионерский госпиталь, где и оставили. Двое раненых вскоре скончались, а остальных через месяц отправили в Мацуяму. Но поскольку русские были переданы Японии третьей, нейтральной стороной, они, согласно международным правилам, считались не военнопленными, а только пострадавшими.

Варяжцев Мацуяма тоже встретила градом камней, точь-в-точь, как десять лет назад китайских военнопленных. Тогда такое поведение горожан считалось патриотичным. Ныне же токийская администрация распорядилась обращаться с пленными гуманно: самых слабых тут же положить в госпиталь Красного Креста и хорошо лечить.

Вот и думай, господин мэр и полковник Кооно, как принимать русских, чтобы не получить нагоняй из столицы. Им даже содержание начислили по 25 сеп в день, тогда как на японского солдата положено всего лишь 15. Или вот эти грузчицы, что ломают себя на угле с утра до ночи, зарабатывают не более тридцати сеп...

Тут еще суета с приближавшейся пасхой. Православное японское общество заранее заказало крестики и поминальные книжки с изображением улыбающейся японки с яйцом в руке, — каждому пленному полагалось вручить по такой книжке и крестику.

Так что полковник Кооно, взяв с собой отряд полицейских, заботился не столько о конвоировании русских моряков, сколько о том, чтобы охранять их от разъяренной толпы. Однако, главное успокаивающее воздействие оказало на людей другое — вид пленных. Рослые, с окаменевшими лицами, в окровавленных повязках, с трудом передвигавшиеся, они внушали страх и уважение, невольно смешанные с жалостью и сочувствием. Возможно даже,

что кто-то из женщин представлял в таком виде своих близких в Маньчжурии: умозрительная боль порой переживается сильнее, нежели подлинная.

Чтобы разом избавиться от излишних чувствований, толпа вновь прокричала «банзай», но уже по-другому, не столь громко. Один из зрителей обнаружил знание русского языка и, забегая перед пленными, попытался прочитать на ленточках их бескозырок название корабля, громко выкрикивая буквы:

— С...Т...Е...Р...Е...Г...У...

Да, это были моряки со «Стерегущего», трое из четверых, попавших в плен. Первыми шли «брательники», Осинин и Новиков. За ними едва ковлял Хиринский. А куда же девался четвертый, машинный квартирмейстер второй статьи Федор Юрьев?..

* * *

После завершения бомбардировки через Ляотешан, адмирал Того, собрав и выстроив возле Роунда свою эскадру (1-й отряд — головным, за ним — 3-й и 4-й отряды, в арьергарде — посыльное судно «Чихая»), приказал взять курс на стоянку в Северо-Западной Корее, в Асанский залив. Побитые истребители в сопровождении судна-авизо «Тацута» повернули в Сасебо. Туда же, в главный морской госпиталь, были отправлены снятые с них раненые.

Что касается пленных со «Стерегущего», то японское командование как будто задалось целью продемонстрировать их всему флоту, пересаживая с корабля на корабль. Первая пересадка произошла на утро следующего дня на якорной стоянке.

Осинина и Новикова вывели на палубу «Сазанами», приказав знаками двигаться к спущенному на цепях за бортному трапу, а Юрьева и Хиринского понесли на носилках. Высокая фигура Хиринского не совпадала с длинной носилкой, поэтому его ноги торчали за парусиновым ложем, мешая японскому санитару.

Василий Новиков, не получивший в бою ни единой царапины, шагнул к носилкам, ухватившись за их ручки.

Эскадра стояла в обширной бухте, расположенной между длинным островом и высоким мрачным мысом и группой островов помельче. С западной стороны, милях в двадцати, блестели на солнце береговые утесы.

Когда пленные перебрались в шлюпку, Новиков, показывая на остров, возле которого дымили броненосцы во главе с «Микаса», заметил:

— Блонд! Мы ночью где-то тут бродили на «Стерегущем». Значит, правильно думали, что японцы эту бухту облюбовали, называется она Хайджу. Змей тут много — видимо-невидимо. Помню, летом высаживались...

— Мы и теперь в змеином царстве,— возразил Осинин.— Посмотри, как унтер зло зырит.

— Так за какие пироги ему тебя любить?..

— Лежачего не бьют.

— Война, дорогой,— не кулачки: улица на улицу. Да и лежачих-то двое, а мы пока стоим.— И неожиданно, показывая на далекие сияющие утесы, добавил: — Маньчжурский берег, мыс Конечный. Вот таким же смотрится с Ламаншского пролива берег Англии. Слышал, «коварный Альбион» — белые меловые утесы... Черт бы его побрал вместе с япошками...

Шлюпка тем временем подошла к линии линейных кораблей, направляясь к флагману. Поднимаясь по трапу на борт «Микаса», японцы более не пожелали принимать помощь пленных, на палубу занесли раненых сами...

— Здорово, молодцы!

Приветствие на чистейшем русском, на манер отца-командира, исходило от улыбающегося, пышущего здоровьем японского офицера. Осинин было раскрыл рот, чтобы соответственно ответить — «Здравья желаем, ваша бродь», но каменное выражение на лице Новикова заставило проглотить слова. Офицер вроде бы ничего не заметил, дружески продолжал:

— В гостях, конечно, не дома, понимаю. Но что поделаешь? — чувствовалось, что он испытывает удовольствие от превосходного владения чужим языком. Причина тому разъяснилась следующими словами: — Я совсем недавно из Кронштадта. Имел честь быть представленным и адмиралу Макарову. Даже танцевал на балу с его милой дочерью, шестнадцатилетней Алей.

Офицер, вероятно, имел в виду бал в Морском инженерном училище в Кронштадте, который традиционно устраивался 6 декабря. На этот раз празднество было особенным, так как совпало с досрочным выпуском воспитанников механического факультета. По приказу Главного морского штаба у будущих инженеров-механиков отмени-

ли защиту дипломных проектов. Вот на этот-то неординарный бал и прибыл главный командир Кронштадского порта вице-адмирал Макаров с супругой и юной дочерью, а также и гости, чины военных атташатов.

Офицер, провозжая пленных в каюту, живо рассказал и о том, что вскоре он сам, вместе со своим пачальником, военным атташе капитаном Сскай, в связи с их отъездом из России, нанес прощальный визит знаменитому адмиралу. На сожаление Секай о том, что ему столь внезапно приходится покинуть замечательный северный город, расстаться с гостеприимными петербуржцами, адмирал пообещал скорую встречу на Дальнем Востоке, возможно, даже лично с ним.

— Весьма остроумный человек ваш командующий,— подытожил офицер.— Я нарочно поспешил с отъездом из Петербурга. Секай, тот еще и сегодня плывет на пароходе: он отправился на родину через Америку, а я — напрямую, Сибирским экспрессом...

В каюту внесли обед: консервированное мясо, белые сухари и чай с сахаром.

— Я думаю, вам не помешала бы и чашечка горячего сакэ,— заметил офицер,— но это не уйдет,— и, рассматривая пищу, посочувствовал: — Что поделаешь, война! Все отдано армии и флоту. Помню, в 1894 году в Гонконге китайцы нас угостили обедом из 18 блюд! Пришлось в середине сделать антракт, чтобы выкурить по трубке опиума. Но то, как понимаете, был обед победителей.— Офицер строго посмотрел на моряков и чуть выждав, добавил: — Однако, для столь храбрых воинов можно облегчить пребывание в плену, даже избежать закрытого лагеря — стоит только дать согласие послужить до конца войны на японском императорском флоте...

— Благодарствуйте, ваше благородие,— остановил офицера Новиков. — Никак не можем, мы ведь присягали на иконе Иисуса Христа, целовали святой образ на верность родине и нашему государю-императору.

Упоминание об Иисусе Христе напомнило Осинину о запрятанной им иконе, и он, ощущая ее телом, невольно поджал живот.

— О, конечно! — воскликнул офицер, как бы даже обдадовавшись, что его предложение отвергнуто.— Мне, опять-таки давно и снова в Китае, пришлось прочесть эпитафию на гробнице одного из таких вот храбрецов.

Прекрасные слова, я их запомнил: «На этом месте мы взяли его в плен живым. Он храбро сражался и мы предложили ему служить у нас,— тут офицер вновь внимательно всмотрелся в лица собеседников в ожидании реакции на сказанное.— Но храбрец предпочел своего князя. Мы рассекли ему рот от уха до уха,— тогда он псказал глазами, что все равно остается верным. И мы не стали выкалывать ему глаза как предателю, всего лишь позволили себе с почтением отсечь ему голову, а на надгробном камне начертали:«Когда ты родишься вновь, окажи нам честь возродиться среди нас!»».

Офицер встал и, оправляя саблю, совсем уже другим, высокомерным тоном заключил:

— Я все-таки жалею, что вы меня не поняли. Так нехорошо! — и двинувшись к двери, повторил по-японски: — Витаси симпайси-мусу. Аната, юрусикунай! Нехорошо!

— ...Нехоросо! — передразнил Осинин, когда японец скрылся.— А нам хорошо?

Результат неудавшейся беседы пленные ощутили уже к обеду, когда им вместо настоящего чая дали ячменный, а к нему — мышиную горсточку риса.

— Ничего, по одному зернышку даже сытнее,— балагурил Новиков, тыча палочками в фаянсовую чашку.— Опять же наступает Великий пост: грехов убавится — бог зачтет нашу голодуху.

После еды пленных перевели в другое помещение, похожее на карцер — иллюминаторы не только задраены, но через их скобы еще продета цепь, так что невозможно даже приоткрыть металлические заглушки. Вместо постели — жесткая цыповка и одеяло. Сверху тускло светила забранная в сетку электролампочка. Снаружи, за дверью, слышно шагал часовой.

— Во, как нас! Не иначе боятся, что захватим флагманский броненосец,— предположил Осинин.

— Погоди с шуточками,— оборвал Новиков, прислушиваясь к металлическому гулу в носовой части корабля.— Кажись, шпиль заработал.

И действительно, следом раздался прерывистый грохот цепи, очевидно, поднимали якорь.

Пока русские моряки строили догадки, куда собирается броненосец, внизу завздыхали машины, корпус задрожал, качнулся.

— Самостоятельно, без буксиров выходим с рейда,— заметил Хиринский, ежась в углу от холода.

— Если глубина хорошая, можно развернуться...

— Нам-то с тобой до этого,— отмахнулся от рассуждений кочегара Новиков.— Уголь не кидать, пар не поднимать... Давайте-ка на боковую: утро вечера мудренее.

— Может быть сейчас и есть утро...

Возражение было справедливым: без часов, без дневного света время как будто остановилось.

Осинин, помогая Юрьеву укладываться, никак не мог устроить ему изголовье: клал под шею, под щеку жесткий шерстяной валик, заменявший подушку, и все не находил удобного положения для головы раненого — она то сползала, то свешивалась назад.

— Не подушка, а чурбан,— досадовал и Новиков.— Наподобие курицы под топор себя кладешь.

— Радуйся, что есть что класть,— возразил Осинин и ему захотелось рассказать о том, как он спас и тайно вынес под одеждой судовую икону со «Стережущего», и что, возможно, благодаря этому они и остались живы, но вспомнив рассуждения Новикова насчет Великого поста, воздержался.

— Да, спасение наше чудное,— вдруг молвил сам Новиков.— В живых всего лишь четверо!

«Шестеро»,— мысленно поправил Осинин, представляя Бухарева и трюмного Новикова в машинном отсеке, проследившая за себе их состояние: открыты кингстоны, бурлит поток забортной воды,— ее леденящий до судорог холодный пояс медленно поднимается, затягивает намертво живот, грудь, наконец, ложится петлей-удавкой на шею...

Тут воображение дало осечку, проскользнуло как пила с сорванными зубцами, теряя связь с подлинным: невозможно представить собственную смерть, разве что взглянуть на себя мертвого как бы со стороны. Параллельно пробивалось и рассудочное утешение: в железной, закрытой со всех сторон, домовине его товарищи не поддадутся ни тлению, ни акулам, будут спокойно покоиться на дне Желтого моря...

— Ну а кому же еще было лезть к клапанам затопления, если не трюмному? — повторил Осинин, засыпая.— Так положено по боевому расписанию...

Вновь загремела якорь-цепь 29 февраля. Впрочем, дата русским морякам не была известна, как и место: находясь

все время взаперти, в помещениях с задраенными иллюминаторами, они могли судить о продолжительности пути и об этапах лишь приблизительно. На этот раз помог случай. Дневальный матрос, принесший еду в бачках, переговариваясь с караульным, несколько раз повторил слово «Асан».

— Асанский залив, Корея! — догадался Новиков, плававший в этих водах год назад на «Корейце» вместе с Головизниным.

Для пленных остановка означала всего лишь очередную пересадку — с броненосца на транспорт-снабжение, доставивший сюда, на временную базу Соединенного флота, топливо и продукты. Но курс дальнейшего следования уже не составлял тайны, так как его назвал сам часовой,— Сасебо.

—... Вот тебе и Япония! — заявил Осинин тоном, как будто это означало — «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

После суточного перехода пленных снова выпустили на палубу, на этот раз даже без охраны. Судно стояло на якоре в обширной бухте, окруженной со всех сторон высокими горами, с единственным, как и в Порт-Артуре, выходом в море. Залитые солнцем зеленые крутые берега с белым городом, чистое высокое небо, покойно-штилевое море, весенняя теплынь — все это после каюты-клетки ошеломляло, создавало иллюзию воли, свободы. И как бы для усиления этой иллюзии рядом стоял на якоре пароход с русским названием — «Екатеринослав» и с русским флагом на корме.

— Так это ж Доброфлотский,— заметил Новиков, разглядывая удлиненный остроносый корпус с двумя скошенными назад мачтами и так же круто откинутой желтой трубой.— Хорошо помню, приходил к нам в Артур под Новый год. «Стерегающий» как раз в ту ночь дежурил на внешнем рейде, завидовал эскадре, которая баловала по поводу праздника прожекторами... Где же команда-то?

— Повыше голову задери и поймешь,— посоветовал Осинин, показывая на грот-мачту, на которой лениво колыбался японский флаг — свидетельство пленения судна.

Это пустующее, неотапливаемое судно и стало очередным пристанищем русских моряков. На носилках переправляли одного Юрьева — он был совсем плох, впадал в беспамятство. Иван Хиринский ковылял самостоятельно,

ему полегчало, хотя купанье возле «Стережущего» не прошло бесследно — матроса мучил сильный кашель, надсаживавший грудь до тошноты. Ну а Новиков и Осинин чувствовали себя здоровыми. Правда, у Осинина садшила глубокая царапина возле локтя: длинный бинт, которым его перевязали еще на «Сазанами», он спял с раны и приспособил его для судовой иконы со «Стережущего». Охватив туловище через плечо двойным беседочным узлом, кочегар слегка притянул образ Христа Спасителя к груди и не расставался с ним ни днем ни ночью. Из-за него же, садясь за еду или перед сном, крестился истовее обычного, поневоле ощущая себя в роли духовника ушедших на дно товарищей, так как последним видел и слышал их...

— Битый битого везет,— хмуро сострил Хиринский, когда все четверо оказались на борту «Екатеринослава», но поторопился: арестованный пароход никуда их не повез. На следующее утро пленных разделили — Юрьева и Хиринского увезли катером на берег, а «брательников» еще дважды пересадили — сначала на русский, тоже захваченный на рейде Фузана, пароход «Мукден», а затем на японский с красным крестом на трубе. Это было судно-госпиталь «Хакуэй-мару», перевозившее раненых японских солдат из Кореи.

Матросов отконвоировали в судовую баню. Погрузившись в глубокие деревянные чаны с очень горячей и резко пахнувшей лекарством водой, они блаженствовали.

— Эх, веничек бы березовый, да ковш квасу,— размечтался Осинин.— Для тела и для души.

— Главная баня у нас впереди,— охладил его Новиков.— В плену достанет и жару и пару. Так я думаю.

— А ты думай лучше: плохое — оно само придет,— рассудил Осинин.

В разгар мытья в баню втолкнули еще одного человека, одетого в халат с красным крестом.

— Иван!

Точно, это был Иван Хиринский. Ругая японцев, он сбросил халат, который был надет прямо на голое тело, и полез в свободный чан. Оказалось, что утром его и Юрьева пароходный доктор отправил вместе с десятком тяжело-раненых японцев в главный морской госпиталь. Врач перестарался: стремясь немного освободить перегруженный «Хакуэй-мару», он выпроводил и тех, кого мог бы лечить

сам. В госпитале на берегу в этом сразу разобрались и половину присланных пациентов отослали назад.

— А Юрьев?

— Юрьева оставили. Он был не в себе: сначала бредил, разговаривал с нашим командиром, их благородием Александром Семеновичем Сергеевым, царство ему небесное, потом замахал руками, как будто семафорил на какое-то судно...

— Понятно на какое, на «Решительный»,— уверенно сказал Новиков. — Спасибо, мол, ребята, за боевую помощь, хоть и долго вас ждали. Душевное, мол, вам спасибо от всего экипажа «Стерегающего», в особенности от тех, кто на дне...

Придумку квартирмейстера, которую тот высказал буквально скрипя зубами, прервал санитар, принесший пропаренную верхнюю одежду и свежее нижнее белье. Старое, их собственное, пояснил японец знаками, сожжено в топке котла. Моряков так и оставили в бане, бросили им сюда и три цыновки — других свободных мест на пароходе не нашлось.

— Ничего себе перина, как на бильярдных шарах будем почитать, — сделал сравнение Новиков, любитель этой игры, устраиваясь на половом настиле из решетчатых щитов.

...5 марта «Хакуэй-мару», миновав Симоносекский пролив, вошел во Внутреннее море, которое японцы высококочтимо называют еще и Средиземным, так как оно располагается между тремя главными островами империи — Хонсю, Кюсю и Сикоку. Курс был взят на Мацуяму.

* * *

Станция железной дороги находилась в стороне от порта. Хиринский, после нескольких шагов, задержался возле бамбуковой изгороди и, схватившись за нее руками, осел на землю.

Новиков, пригнувшись к нему, сказал:

— Давай, Иван, садись на меня, на загорбок. После Алексей сменит,— он кивнул на Осинина.

Но полковник Кооно решил принять свои меры. По его знаку подбежал рикша. Хиринского усадили на таратайку, с трудом пристроив длинные, ставшие непослушными, ноги.

Офицер, пленные и полицейские проследовали на вокзал, возле которого поныхивал небольшой, похожий на русскую маневровую «кукушку», паровозик, с такими же игрушечными вагонами.

Из здания вокзала выплыл на перрон тоже маленький, но необъятно толстый, важно выглядевший господин в железнодорожной форме, — начальник станции. Он, сильно заикаясь, обратился к пленным с речью. Ее переводил чиновник, тот самый, который в порту прочитал для толпы название корабля на бескозырках пленных.

Железнодорожник начал с того, что выразил сожаление по поводу плохой погоды, пояснив, что она, слава богу, не типична для Мацуямы, и обнадежил, что солнце скоро выглянет. Во-вторых, он, оказывается, чрезвычайно огорчен, что столь храбрые воины оказались в плену, но позволит себе надеяться, что сможет полюбоваться и на других военнопленных, которые, конечно же, позже появятся на вверенной ему станции и т-т-о-о-гда, — тут судорога замкнула горло оратору-заике. Этим обстоятельством немедленно воспользовался полковник Коно, приказав полицейским усаживать пленных в отдельный вагон.

Поезд побежал мимо зеленых холмов, ухоженных террасовых полей, местами, подобно ступеням, тесно надвинутым друг на друга.

Переводчик, видя, с каким любопытством пленные рассматривают через окна окрестности, самодовольно стал пояснять, что здесь не то, что в Порт-Артуре. Он-то может сравнить, так как прожил там два года — держал фотографию. Его ателье находилось возле редакции газеты «Новый край», откуда хорошо снимать бухту с кораблями эскадры.

— Выходит дело, шпионил? — уточнил Осинин, вспомнив, что он побывал в том ателье, и что в окне-витрине даже была выставлена его карточка, а на соседней, закрытой толстым стеклом, гордо смотрели на улицу офицеры и артурские красавицы.

— И другие фотографировали, — ушел от ответа японец и, чуть помедлив, продолжал уже напыщенным тоном: — После войны мы построим такие же города, как Мацуяма, на Сахалине и на Камчатке...

— Не надо торопиться, — посоветовал Новиков, — а то утомитесь: чужая земля — она тяжелая.

Японец, не поняв иронии, пояснил:

— Если русские захотят там остаться, мы их научим хорошо обрабатывать те земли,— и, нагнувшись над отверстием в полу вагона, выбил туда пепел из трубки. Такие дыры, что-то среднее между плевательницами и урнами для мелкого сора, тоже являлись приметой японского железнодорожного транспорта.

Проскочив небольшой туннель, несколько мостов, паровоз, давая мелодичные гудки, подошел к городской станции.

— Мацуяма, город,— сообщил переводчик.

Опять перрон, толпа любопытствующих, злобные крики, успокаивающая речь полковника. По требованию Кооно на этот раз к вокзалу подъехало с десятков рикш, для пленных и для начальства. Кавалькада, с полицейскими впереди, тронулась вглубь города. Улицы были тоже переполнены народом, всюду пестрели бумажные, вывешенные на шестах, ярко раскрашенные рыбы, разноцветные фонари, флаги. Местами проезжая часть так сужалась, что разверни русские седоки плечи, раскинь в стороны руки,— и пальцы воткнулись бы в стены домов.

В центре встретился строй военных с оружием и ранцами за спиной. Строй сопровождали бонзы в черных, желтых и белых ризах, остроконечные колпаки на их головах были увенчаны конскими хвостами. Участники этой процессии несли бронзового будду и... чучело будто бы облитого кровью офицера, судя по мундиру, русского поручика. Раздавалась стрельба из хлопушек, треск разрывающихся ракет. Солдат приветствовали и угощали нарядные девушки. Одна из них, выбежавшая из крошечной угловой лавчонки, пробилась и к пленным, преподнесла им какие-то продолговатые, ароматно пахнувшие, фрукты.

Наконец, подъехали к цели, к высоким воротам со сторожкой, за которыми возвышался храм, а чуть поодаль — двухэтажный дом. На воротах виднелась надпись, сделанная по-русски на широкой бумажной ленте:

ПРИВЕТСТВУЕМ
ДОРОГИХ РУССКИХ ВОИНОВ,
ХРАБРО СРАЖАВШИХСЯ
ЗА СВОЕ ОТЕЧЕСТВО!

Приблизительно с таким же изумлением, с каким пленные моряки разглядывали лозунг на воротах лагеря в Мацуяме, в то же самое время в бухте Сасебо, в каюте броненосца «Микаса», адмирал Того всматривался в свежий номер «Джапен дейли пьюс». Токийская газета, выходящая на английском, извещала читателей о высочайшей милости, которую проявил император Муцухито к взятым в плен русским морякам с миноносца «Стерегущий». В знак признания их выдающегося подвига император пожаловал им высокие награды, — подписанные им собственноручно Грамоты! Газету с этой заметкой услужливо вложил в служебную почту, поступившую на «Микаса» из порта, кто-то из штабистов, думая, вероятно, обрадовать адмирала.

Приход флагманского броненосца на главную базу флота обуславливался очень серьезным обстоятельством — Того намеревался в ближайшие дни, то есть в первой половине марта, повторить перекидную стрельбу по Порт-Артуру, а также и атаку брандерами. Он не мог позволить скептикам или недоброжелателям подвергнуть сомнению идею как той, так и другой операции. Пусть предыдущие не дали ожидаемого результата, зато оказались превосходными репетициями, — надо уметь обращать в свою пользу и просчеты.

На этот раз Того решил лично проконтролировать подготовку брандеров. Два судна были уже подобраны и полностью снаряжены: это «Койо-мару», коммерческий пароход с командой в 95 добровольцев, и «Факуи-мару». На первый пошел командиром капитан-лейтенант Нирутака (его миноносец «Акацуки», подбитый ночью 26 февраля, ремонтировался в доке), а на второй — капитан-лейтенант Такоэ Хиросэ, продемонстрировавший в прошлую атаку свое бесстрашие и умение: его брандер оказался ближе всех к гавани Порт-Артура...

Того понял, что заметка в «Джапен дейли ньюс» была рассчитана, главным образом, на иностранных журналистов — их по-прежнему не пускали на театр военных действий, — она как бы приглашала поразмышлять над вопросом: если таковы русские воины, то какими же должны быть те, кто сумел их победить?

Японский офицер высокого ранга, беседовавший с журналистами, уронил фразу с очень далеким прицелом:

— Если бы русское мужество в обороне соединить с японской напористостью в наступлении, то это был бы непобедимый союз!..

Он же проинформировал, сколь скрупулезно выполняются правительством Японии положения Гаагской конференции, а также о щедрых пожертвованиях, поступавших от населения в адрес Японского общества Красного креста, в котором уже более одного миллиона членов. В одном из госпиталей Красного Креста, в Мацуяме, сейчас лечатся раненые русские моряки с «Варяга» и со «Стережущего»; в ближайшее время войдет в строй еще один большой госпиталь в Осаке, где оборудуется образцовый лагерь для военнопленных, рассчитанный на сто тысяч человек...

После официального оглашения таких сведений в разные концы мира полетели соответственно написанные телеграфные корреспонденции. Это означало, что так называемая мировая общественность приняла пропагандистскую игру, предложенную Токио. Игра была затеяна не столько ради показа цивилизованности и милосердия божественного микадо, сколько ради усиления влияния на основных кредиторов Японии — Лондонский и Нью-Йоркский финансовые рынки.

Двум корреспондентам, англичанину-художнику Сеппингу Райту и публицисту от американского журнала «Аутлук» Джорджу Кеннану, опять-таки из уважения к дружественным англо-саксам, разрешили посетить и лагерь для военнопленных. На Кеннана такой выбор пал еще и потому, что он был широко известен в мире своей книгой «Сибирь и ссылка», разоблачавшей деспотизм русского царя и возвеличивавшей его жертвы — революционеры.. Из-за этой книги, которая была переведена в странах Америки и Европы, царское правительство не разрешило Кеннану выезжать в русскую армию в Маньчжурию, о чем он просил. Тогда американец направился в Токио, где его приняли с подчеркнутым уважением.

Не с меньшим почтением отнеслись и к Сеппингу Райту, которому даже предоставили право побывать на эскадре Соединенного флота. Но статус художника возвысила не столько принадлежность к прессе, сколько рекомендательное письмо знаменитой фирмы «Армстронг» с заводами в Ньюкасле и Эльсвике, поставлявшей Японии

военные корабли. Райт заявил без обиняков, что хотел бы в первую очередь убедиться в достоинствах установленной на кораблях артиллерии.

Такая ясность высоких полномочий журналиста из союзнического государства тоже не могла не импонировать японскому правительству, поэтому было решено передать его под покровительство командующего флотом.

Это был второй документ в утренней почте, который привлек особое внимание адмирала Того.

«Вот придумали! — разом изумился и обозлился он, читая депешу из министерства о том, что к нему в скором времени прибудет английский корреспондент.— Только мне не хватало иностранного соглядата на эскадре, который будет совать нос куда не надо».

Он дважды пробежал глазами бумагу, ища в ней скрытый смысл или лазейку для отказа. И нашел: лазейка заключалась в словах — «по вашему усмотрению».

«Превосходно! Как только Райт появится в Корею или в Сасебо, сразу же отправлю его в военно-морское училище в Энтажимо. Пусть для начала ознакомится с постановкой обучения морских кадетов. Дальше будет видно»...

Из Токио в последнее время шла масса нелепых бумаг. Впрочем, это типично для берега: надо же, заранее объявляют, что в день пасхи, то есть 28 марта по русскому календарю, японский флот из уважения к религиозным чувствам противника вместо активных боевых действий, будет производить только неотложные судовые работы. Это как же понимать? Пусть русские пускают по «Микаса» торпеды, а японские торпедисты в это время будут лопатить палубу?.. Курьез!

Даже оперативные сводки с эскадры так перекраиваются в Токио, что составленный по ним-рескрипт императора о военных действиях за 26-е февраля читать неловко:

«...Мы услышали, что Соединенный флот беспокоил неприятеля в Порт-Артуре, и что 1-й и 3-й отряды истребителей, невзирая на опасность; под огнем неприятельских батарей, храбро сражались с превосходящими по силе отрядами неприятельских миноносцев. Мы вновь глубоко радуемся доблести наших офицеров и нижних чинов».

«Мы услышали?!» Ну от кого император мог услышать о «превосходящих силах», если в донесении, подписанном Того, нет ничего похожего? Зато о перекидной бомбарди-

ровке в рескрипте ни слова: у токийских штабистов не хватило стратегического кругозора, чтобы всеохватно взглянуть на действия флота. И просмотрели главное!

Того считал, что начиная с ночи 25-го февраля до полудня 26-го в водах Корейского и Печилийского заливов, в пространстве от южной оконечности Квантуна до Элиотов, Соединенным флотом проведена широкомасштабная боевая операция. В ней, наряду с действиями истребителей (установка ими минных банок на Порт-Артурском рейде, три схватки с русскими миноносцами — возле острова Кеп и две — у Ляотешана, с плотной крейсерской блокадой побережья Квантуна), впервые в Тихоокеанском бассейне осуществлена массированная перекидная бомбардировка военно-морской базы Порт-Артур. Операция, несмотря на контр-атаки больших и малых миноносцев противника и огонь береговых батарей, панесла серьезные потери эскадре и крепости русских.

Того почувствовал, что в формулировках он тоже несколько увлекся. «Успешно» — это правильно, но не следует употреблять выражение «нанесла серьезные потери», так как по разведочным данным, поступившим из Порт-Артура, в городе и на эскадре убито всего лишь семь человек и двадцать ранено...

Того снова взглянул на императорский рескрипт, отмечая фразу о «превосходящих по силе отрядах неприятельских миноносцев». Унизительно следовать страсти к преувеличению своих успехов. Это, к сожалению, свойственно адмиралу Дева: не сумел взять в плен одинокий миноносец, а шуму наделали на весь мир...

Ну а как быть теперь ему, Того, не поправлять же самого императора, если тот «глубоко радуется» именно такому толкованию операции? Так что рескрипт в первую очередь свидетельствует о силе воображения штабных чинов в Токио, пользующихся весьма свободно, помимо донесений с эскадры, еще и данными разведочной армейской агентуры.

Японский генеральный штаб задолго до войны позаботился о создании на восточном берегу Ляодунского полуострова тайных шпионских постов, в особенности в портовых городах и поселках Квантуна. Одни из них были замаскированы под рыбацкие станы, другие — под соляные варницы и прочее, обычное для здешних мест. Недорого завербованные, полуголодные жители-китайцы пере-

давали условными световыми сигналами или посылкою шаланд сведения о передвижении русских воинских частей, о их численности, о пополнении эскадры и о выходе в море военных судов. А так как выход эскадры на внешний рейд Порт-Артура занимал много часов, то порой в Токио успевали узнать о нем раньше, чем корабли выстраивались в боевом порядке...

Первые сообщения об эффекте перекидной бомбардировки Того получил тоже от шпионов, и они удручили: разбит какой-то сарай с плавсредствами на Тигровом мысу, нанесены несущественные попадания по «Ретвизану». Этот броненосец оказался словно заговоренным: был поражен торпедой в первую атаку 26 января, но сумел выкинуться на берег; через полмесяца его чуть не таранил брандер, не дойдя каких-то ста метров, счастливо обошлась и перекидная бомбардировка. А ведь таблицы стрельбы просчитывались так, чтобы наверняка поразить эту громадную и неподвижную цель в горле бухты... И поразили бы, но броненосец, как нарочно, вечером минувших суток был переведен в другое место. То есть артиллеристы целились точно, но по старой, уже оголенной позиции. И только на семнадцатом выстреле корректировщики адмирала Дева сообразили, что снаряды впустую бьютяг море...

Похоже случилось и с бомбардировкой штаба сухопутных сил, расположенного на центральной площади Нового города. Пристрелку провели удачно: первый снаряд ударился перед фасадом штаба, другой — позади, словом, объект оказался в вилке, третьему оставалось, после небольшой поправки, накрыть здание. Увы, этот третий, подняв тучу дыма, смешанного с пылью и камнями, всего лишь разрушил часть соседнего дома, убив в нем двух молодых женщин, оторвав у одной голову.

Последнее уточнение Того из донесения вычеркнул. Однако занимаясь сокращениями эмоциональных деталей боя, командующий просчитался: в столице не то что ждали, а жаждали как раз эмоций, пафоса! — и высшее начальство, и народ, и сам император. Сухость реляций командующего воспринималась снисходительно, как следствие всем известного его англоманства.

Только четыре года спустя, в официальном «Описании военных действий на море в 37—38 годах мэйдзи», составленном Генеральным штабом, оценка 4-й атаки на Порт-Артур (так, в конце концов, назовут военно-морскую

операцию 26-го февраля 1904 года), окажется более объективной, в частности, исчезнет формулировка о русских «превосходящих силах», а о бомбардировке Порт-Артура будет написано так: «Перекидную стрельбу с броненосцев пришлось прекратить раньше времени... Ввиду огня с неприятельских батарей, отряд не мог долго оставаться на месте», то есть за мысом Ляотешан. Далее пояснялось, что помешала еще «и появившаяся дымка, которая закрыла сушу», поэтому корректировщикам-крейсерам стало невозможно отмечать места падения снарядов.

Конечно, и здесь проглядывает лукавство. То, что стрельбу через Ляотешан прекратили раньше, чем намечали,— это точно, но и начали ее позже запланированного. Причина последнего — активные действия миноносцев Порт-Артурской эскадры, непомерно затянувшийся бой с одним из них — «Стерегущим». Это и неожиданный выход в атаку пары крейсеров под флагом адмирала Макарова не дали возможности Дева выполнить как надо и своевременно обязанности, возложенные на его соединение — до подхода броненосцев на позицию для перекидной бомбардировки полностью обезопасить ее. Вышло же так, что скрытность и внезапность — два важнейших условия оказались нарушенными, а внимание командующего раздвоено.

...Если приплюсовать сюда неудачу с брандерами,— продолжал раздумывать Того,— то обобщение следует вовсе неутешительное: быстрое уничтожение Порт-Артурской эскадры с моря — задача довольно проблематичная. Впрочем, сами же генштабисты подсчитали, что война с Россией может продлиться до трех лет, на такой же срок создавались в стране и запасы,— но после 27-го января они словно взбесились, уверовав вдруг в возможность ее молниеносности, или, как говорят немцы, «блицкрига».

Это иллюзия! Пьяница Урио силами мощного боевого отряда не сумел справиться с двумя русскими кораблями в Чемульпо, даже не проявил должной энергии и ума, чтобы спасти собственный крейсер «Такачихо», подбитый «Варягом», потонувший на пути в Сасебо вместе с двумястами ранеными в том бою матросами.

Теперь нечто сходное произошло и под Порт-Артуром у Дева: снова два русских корабля, два миноносца, сталкиваются с боевым отрядом истребителей. И что же? Один выскальзывает из ловушки, а второй, следуя примеру «Варяга», сам себя топит! И опять по всему миру гремит

слава храбрости и самоотверженности русского воинства. Даже микадо, подлаживаясь под газетный гул, вынужден награждать русских пленных...

Ладно Урио, который всегда был малосимпатичен, но Шигета Дева — он-то сподвижник Того по японо-китайской войне и по морским действиям при подавлении Боксерского восстания!.. Когда в бухте Даку международная эскадра готовилась к сражению по захвату береговой крепости, он, Того, даже доверил Дева ведение переговоров с высшими представителями командования эскадры. Правда, сделал это вынужденно: ему не понравилось, что совещание созывалось на русском крейсере «Россия» и под председательством начальника русской эскадры Тихого океана вице-адмирала Гильтебранта.

Но Дева сумел тогда проявить и характер и находчивость. В итоге совещания, самое трудное — атака на форты из устья реки — была навязана русским, а японский отряд, состоявший из трех броненосных крейсеров — «Такасаго», «Айтсума» и «Токива» — на последнем Того держал свой флаг, — занялся безопасной бомбардировкой с морского рейда...

В размышления Того вмещалась пришедшая на ум поговорка — «Порицай себя, будь снисходителен к другим». В самом деле, разве он сам так уж хорошо понимает русских, хотя не раз с ними встречался? В ту же Боксерскую кампанию ему все-таки пришлось побывать на русском корабле, на броненосце «Петропавловск», беседовать с нынешним наместником царя адмиралом. Алексеевым. Пожалуй, и сейчас было бы лучше, если бы на «Петропавловске» находился тот, а не Макаров...

Того мог признаться, что самым впечатляющим для него моментом из всех действий русских 26 февраля явился выход Макарова в контратаку на «Новике». Всемирно известный ученый, тактик военного флотоводства, в боевых условиях поднимает флаг командующего на углу безбронном крейсере?! Это противоречит здравому смыслу, даже оскорбительно по отношению к высокому положению, которое они оба занимают по поручению своих императоров.

Контратака Макарова показала явное презрение адмирала к опасности, возможно даже — и к противнику, походила на личный вызов на бой, на поединок! Однако, пора рыцарских турниров, самурайских дуэлей миновала. Что

касается «прекрасной дамы» — Победы, то она терпелива, она подождет. Пусть флотская молодежь, замороженная афоризмом Нельсона — «Чем ближе к неприятелю, тем лучше», еще раз обвинит седого командующего в излишней осторожности, но он никогда не последует примеру Макарова. В жесте начальника русского флота не видно ничего, кроме проявления европейской заносчивости. Мудрость же диктует иное — «Поспешай, не торопясь», «Festina lente». Хэйхачиро Того бережет не себя, а флот!

Конечно, эпизод с выходом Макарова на «Новике» оценят и журналисты в невыгодном для Того сравнении. Оно уже началось, газетное хихиканье. Иностранное агентство сообщило, что в одном из Петербургских ежемесячников появились «Мемуары адмирала Того». Их рукопись будто бы была найдена близ Порт-Артура на подбитом брандере. Мемуары были брошены вместе со шпагой, адмиральской фуражкой и, извините, кальсонами...

Того в этом «труде» извещал читателей, что по разработанному Генеральным штабом плану война с Россией будет закончена через месяц. За это время японская армия и флот должны захватить, кроме Артура и Харбина, еще и Читу, Иркутск, Москву, Петербург, Берлин...

В этом месте автор мемуаров, то есть адмирал Того, сам себя обрывает: «Стоп! Берлин — это из другой оперы, это позже, когда мы завоюем всю Европу, Азию, Америку, весь мир, луну и все семь звезд Большой Медведицы...

Пусть смеются, тешатся гореостроумцы, — Того фыркнул. — Лучше бы помнили, что крупновские тяжелые пушки, взятые у китайцев в 1894 году в Порт-Артуре, ныне стоят на фортах острова Цусима, обращены стволами на пролив. Так почему бы и другим орудиям, которые будут захвачены у русских в нынешнем 1904 году, в самом деле не быть со временем повернутыми на 180 градусов в сторону Европы?..»

Конечно, пустое дело — подгонять вызванные обидой заносчивые мысли к рамке действительности, да еще в столь опасное время. Атака Макарова показала, какой высокий темп жизни задал новый командующий на эскадре. Об этом свидетельствует и вывод всех кораблей на внешний рейд за одну воду, и энергичное траление мин, и спешное затопление пароходов возле фарватера, и бой миноносцев и даже быстрый ремонт серьезно поврежденного «Новика» — ввели в строй за десять дней!

Решительные меры, предпринятые Макаровым, пожалуй, сродни памятному швырку его сабли на карту Квантуна. Но та же память услужливо подбросила адмиралу Того и другую, успокоительную историческую аналогию. Когда конкистадор Бильбао пересек с востока на запад со своей ватагой Панамский перешеек, то, забыв про молитву благодарности за удачу, за спасение жизней, он, сбегав с берега в воду, и подняв над головой шпагу, провозгласил открывшийся перед ним Тихий океан владением испанской короны!

Смелый, но невежественный вояка не знал, что по другую сторону качающихся перед его глазами бескрайних вод есть страна Ниппон, которая имеет куда большие основания, чем Испания, как впрочем и любая из европейских держав, поднять над Тихим океаном свой флаг, а если понадобится, то и меч...

Того машинально поднялся со стула и зашагал по каюте. За минувший месяц в ней ничего не изменилось. Только из мебели прибавился большой, вделанный в постамент из красного дерева, осколок от русского крупнокалиберного снаряда, того самого, что 27 января разрушил на «Микаса» кормовой мостик. И еще одно новое появилось на стенке — незатейливый пейзаж работы старшего мастера: мост, соединяющий берега широкой реки. Это полотно прислала ему в подарок жена, заботливая, славная и многотерпеливая Тетсу. Она всегда подбирала для него такие картины и книги, которые уводили бы супруга-война от крови и разрушений. И тем не менее, с ее согласия, оба их сына тоже стали военными, старший Хио, по примеру отца, учился в Англии. И дочь вышла замуж за моряка.

...Того, по обыкновению, остановился перед вечнозелеными малютками — кедром и сосной, наделенными столь могучими жизненными силами, что представляли из себя связных между ним, адмиралом XX века, и предками-самураями, то есть теми, кто высаживал их полтысячи лет тому назад.

Адмирал, как будто подзарядившись от деревьев мужеством и терпением, кивнул им с улыбкой и взглянул на часы: 17.30 — время обеда. Под ложечкой слегка засосало. Он подумал, что бобовая похлебка с куском рыбы или

курица и зелень, то есть его обычная еда, в последнее время как-то тяжело перевариваются. Это, пожалуй, не столько связано со слабостью желудка, сколько с нервным напряжением. Во всяком случае, сегодня ему следует ограничиться рисом и зеленым чаем.

Того позвонил...

* * *

Пророчество начальника железнодорожной станции в порту Такахамо, оратора-заики, уверявшего матросов со «Стережущего», что в скором времени он сможет полюбоваться и на других русских, осуществилось 15 апреля. В этот день, после двенадцати часов дня в Такахамо прибыл из Сасебо рейсовый пароход «Сакато-мару», с которого сошли на причал в сопровождении японских солдат трое европейцев. Судя по изысканной одежде, ухоженности и независимой манере держаться, это были важные фигуры. Первым миновал трап высокий и плечистый блондин с коротко подстриженной «американской» бородкой. Он окинул взглядом поданные на причал три стула и, смахнув носовым платком предполагаемую пыль с одного из них, уселся, положив на колени фетровую шляпу. То же сделали и его товарищи. За каждым встало по два вооруженных солдата, а впереди — офицер с переводчиком.

— Господин капитан II-го ранга,— начал по-русски переводчик.— Начальник лагеря военнопленных полковник Кооно желал бы задать вам несколько вопросов.

— Передайте ему, что мы не считаем себя военнопленными, ни я, ни мои помощники,— высокий показал на соседей по стульям.— Это было заявлено на суде.

— Господин Селецкий,— продолжал переводчик.— Выражаю вам свое сочувствие и утешение, но, право, будет лучше и для нас и для вас, если вы осветите кое-какие неясности, возникшие в голове полковника.

— Ну если его одолело затмение, пожалуй освету. Кстати, где вы так хорошо научились говорить по-русски?

Переводчик, усмехнувшись, подал допрашиваемому визитную карточку, на которой значилось: «НОМУРА — японский консул в Посте Корсаковском».

— Вот как,— удивился Селецкий. — Увы, вынужден вернуть вам карточку за невозможностью взаимобмена.

— Итак, первый вопрос полковника. Кайган-чуса Селецкий, могли бы вам на родине дать в командование военный корабль?

— Этот вопрос следует адресовать нашему морскому министру: назначение зависит от него.

— Кто вам платит жалование?

— Разумеется, парходство. И мне и моим товарищам, капитану II ранга Рыбакову и мичману Касимову.

— Но все вы были взяты в плен, будучи в форме офицеров русского военно-морского флота, и при табельном оружии...

— Понимаю, вашему полковнику не терпится узнать, состоим ли мы на действительной военной службе. Это тоже спрашивали на суде, когда пытались доказать правомерность захвата моего корабля. Захвата, совершенного вопреки международному праву и обычаям войны. А биография моя вам нужна?

— Зачем? Мы прекрасно осведомлены. Вы закончили в Санкт-Петербурге морской корпус, выпущены мичманом, принимали участие в русско-турецкой войне за освобождение болгар,— перечислял Номура,— имеете ордена за храбрость, награждены и иностранными. В числе последних — французский, Почетного легиона...— Переводчик запинулся, слово «легиона», он произнес, как «региона», то есть меняя смысл. Японцы обычно испытывают затруднения с произношением русской буквы «л», произнося ее как «р» (у китайцев наоборот). Поэтому и фамилию «Селецкий» он выговаривал «Серецкий».— Наконец, известно, что вам сорок пять лет, что на Дальнем Востоке плавали уже двадцать три года... Возможно желаете подробно и о господине Касимове?... По национальности болгарин, но принял русское подданство, покинул родину по политическим мотивам. Превосходный моряк, поэтому имеем значительную меньшую чин, чем Рыбаков, занимает у вас должность старшего помощника...

— Замечательно, замечательно,— Селецкий засмеялся.— Теперь, я думаю, вы можете с полковником задавать вопросы друг другу, и давать ответы без нашей помощи...

Капитан II-го ранга Георгий Гаврилович Селецкий являлся командиром того самого парохода «Екатеринослав», который в заливе Сасебо стал на одну ночь приста-

нищем пленных матросов со «Стерегущего». Отсутствие тогда на нем команды и поднятый русский флаг, так удививший матросов, объяснялись историей его ареста.

Когда Соединенный флот адмирала Того двинулся на Порт-Артур, то на военные суда, патрулировавшие на торговых путях и в прибрежных водах, поступила команда — захватывать в море любые русские корабли. «Екатеринослав», только что доставивший из Одессы в Порт-Артур и во Владивосток более 100 тысяч пудов военных грузов, был перехвачен уже на обратном пути. Его арестовали 24 января в 9.30 утра в Цусимском проливе. Броненосец береговой обороны «Сайен» отвел трофей в корейский порт Фузан, а затем вместе с другим, тоже задержанным пароходом «Мукден» отконвоировал в Сасебо.

Для того, чтобы придать пиратству хотя бы видимость законности, японские власти прибегли к своеобразным спектаклям. К примеру, китобоец «Бобрик», отремонтированный по контракту в городе Хакодате, вначале столкнули со стапелей в воду, подняли на нем русский флаг, а уж только затем «взяли в плен»... на море...

Когда матросы «Стерегущего» появились в Сасебо, на рейде порта, в северной части залива, стояло под арестом уже шесть коммерческих и промысловых российских кораблей. Все они, как и «Екатеринослав» были безлюдны, с заглушенными топками. Объяснялось это тем, что их команды портовые власти переселили на одно громадное океанское грузо-пассажирское судно «Маньчжурия», принадлежавшее Восточно-Азиатскому обществу. Что касается пассажиров, духовных лиц, чиновников и ресторанной прислуги, то их освободили из-под стражи и отправили в Нагасаки для дальнейшего следования в порт нейтральной страны, в Шанхай.

В Сасебо, в связи с захватом русских судов в мирное время, то есть до объявления войны, тоже был разыгран спектакль, уже юридического толка — японцы организовали «призовой» суд. Двухнедельное разбирательство закончилось приговором — считать арестованные корабли «добрыми призами». Для видимости было объявлено, что это решение можно обжаловать в суде второй инстанции. Капитаны «России», «Мукдена», «Аргуна» и «Екатеринослава» так и поступили.

Особо настойчивым в протестах оказался Селецкий. Он даже привел суд в замешательство, предъявив вырезку из японской газеты «Нагасаки пресс» от 15 февраля 1904 года о предоставлении русским коммерческим судам после объявления войны десятидневного срока на свободный выход как из своих портов в море, так и из японских.

Судьи не остались в долгу, проявили к настырному капитану повышенный интерес. Повод нашелся: «Екатеринослав» принадлежал Обществу Добровольного флота, имеющему особый статут. Оно возникло в 1879 году под покровительством государства на добровольные пожертвования. Сразу же родилась традиция — присваивать пароходам названия городов, сделавших наиболее значительные вклады. Так появились «Саратов», «Воронеж», «Владимир», «Орел», «Екатеринослав»... Обществу вменялось в обязанность — обеспечить регулярное товаро-пассажирское и почтовое сообщение между портами Черного моря и Владивостоком, осуществлять также перевозки на Дальний Восток крестьян-переселенцев из центральной России, солдат и ссыльно-каторжных.

Кроме того, этот флот рассматривался еще и как резерв военно-морских сил на случай войны. Поэтому правительство откомандировало в его состав опытных строевых офицеров, а экипажи формировало наполовину из матросов срочной службы.

Таким вот образом и оказался капитан II ранга Селецкий на ходовом мостике «Екатеринослава». И сейчас японским следователям на допросах не терпелось выяснить, какие новые обязанности появились у Доброфлота в связи с начавшейся войной. Генеральный штаб чрезвычайно встревожила информация зарубежной прессы о том, что на быстроходных судах Доброфлота «Смоленск» и «Петербург», срочно переименованных в крейсеры «Рион» и «Днестр», установлена артиллерия, и они уже вышли в Красное море. Предполагалось, что им отдан приказ прервать почтовое сообщение между Японией и Европой. Вспомогательным крейсером стала и «Ангара», введенная в состав Порт-Артурской эскадры...

Призовой суд 2-й инстанции состоялся почти через месяц, снова в Сасебо. Следователи своей дотошностью и формализмом измучили моряков. Милостивее они обхо-

дились с капитаном «Маньчжурии», лейтенантом-датчанином Пралем, которого на допросы возили даже в отдельном катере. Говорили, что это связано с его иностранным подданством, но по саркастическому предположению Селецкого, скорее всего — с чувством благодарности: «Маньчжурия», захваченная 27 января в Печилийском заливе, неподалеку от мыса Шандунг, как будто бы и не старалась скрыться или уйти в ближний нейтральный порт — в Чифу, наоборот, стояла с застопоренными машинами, слушая канонаду боя эскадр у Порт-Артура, пока не была обнаружена японскими миноносцами.

Это был поистине королевский подарок противнику — трюмы громадного парохода оказались полны снарядами всех калибров, навигационными приборами, биноклями и другим очень ценным военным имуществом, имелся полный набор снаряжения для развертывания воздухоплавательного парка. Все это японцы немедленно перегрузили в береговые склады Сасебо, а воздушный шар даже попробовали запустить.

Новый суд подтвердил решение предшественника: русские суда, — теперь уже окончательно — объявлялись военными призами, а их капитаны немедленно выдворялись в Шанхай. Последнее не касалось, однако, капитана «Екатеринослава» и его двух помощников: их взяли под стражу уже в качестве военнопленных, на пароходе «Сака-мару» отправили в Мацуяму.

И тут состоялся еще один спектакль, но уже предпринятый со стороны русских, придумал его все тот же неутомимый Селецкий. Когда вышли в море, он предложил своим товарищам по несчастью — Касимову и Рыбакову переодеться в штатское платье, причем — в лучшее. Его собственный костюм отличался особой изысканностью.

— Сюртуки из кастровой ткани, безукоризненные сорочки и, если угодно, гордо поднятые носы, — это выражение нашего неприятия приговора японского Шемякина суда, — подбадривал он своих, несколько сникших, коллег. — Японцам будет уже сложнее выдавать нас за жалких, опозоренных вояк, и высказывать иезуитское «сочувствие и утешение», от чего меня тошнит.

Дипломатическое действие офицеров «Екатеринослава» оказалось верным. Горожане и администрация, встречав-

шие пленных, увидев вместо израненных и оборванных, словом, побитых в бою врагов, трех горделивых франтов, затруднились в выражении патриотических чувств. Даже полковник Кооно не знал, как с ними держаться. Его еще сбил с толку приказ из Токио — возвратить пленным оружие, дабы не приносить им излишнее огорчение. Поэтому-то и появились на причале стулья...

Полковник, испытывая неудовольствие ответами русских, задумался. Паузой воспользовался Номура, чтобы зачитать правила поведения военнопленных. При этом подчеркнул пункт о попытке бегства из лагеря — такой поступок карался смертной казнью.

И тут в настроении Селецкого произошел перелом, он как будто сник или испугался жесткости правил и, отвечая на очередной вопрос, какие товары приходилось ему возить на «Екатеринославе», перечисляя воинские грузы, машинально проговорился:

— С последним рейсом мы еще доставили в Порт-Артур две подводные лодки. Конечно, в разобранном виде.

Номура от изумления онемел и, пропуская упоминания о снарядах, обмундировании, запасных частях для корабельных машин, начал ответ Селецкого с конца — с подводных лодок. Сходная реакция последовала и у полковника, он, правда, попросил Номуру уточнить у капитана, правильно ли его поняли. Услышав подтверждение, тут же прекратил допрос. Поправив лакированный козырек фуражки и выпятив грудь с пятью орденами на мундире, ряд которых начинался «Восходящим Солнцем», он подал знак — вести пленных к вокзалу.

Капитан «Екатеринослава» «оговорился» не случайно, уверенный, что таким образом пустит ложный слух, который будет немедленно телеграфирован в Токио, и возможно, взбудоражит там начальство, напутает что-то в планах. И оказался прав. Когда на внешнем рейде Порт-Артура необъяснимо, казалось бы, потонули японские броненосцы «Ясимо» и «Хатусе», причиной их гибели посчитали действие русских подводных лодок. В действительности же они подорвались на минных банках, поставленных «Амуром»...

Номура, шагая по пути на вокзал рядом с Селецким, млея от удачного завершения допроса, решил и тому сделать приятное.

— Господин кайган-чуса,— соединил он русский и японский,— в лагере вас ожидает сюрприз — встреча с соотечественниками!

— Это с кем же?!

— С очень достойными людьми. Судите сами, их посетил маркиз Хиробуме Ито, председатель Тайного совета, вручил им от имени императора Почетные грамоты; кроме того еще от себя подарил по десять иен и по бутылке шампанского. Конечно, и вы будете пользоваться всеми привилегиями, сообразно чину и положению о пленных, выработанному на последней Гаагской конференции.

— Вот уж не предполагал, что окажусь в столь желанных гостях,— иронизировал Селецкий.

— Правда, ненадолго.

— Как это?

— Война скоро закончится, а когда Япония заключит союз с Россией, то обратит свои силы против англичан.

— Зачем? — уж в самом деле удивился Селецкий повороту рассуждений переводчика.

— Чтобы изгнать их из Азии.

— Это нынешних-то союзников?!

— Именно, как вы изволили выразиться, нынешних, то есть временных... Япония в первую очередь займет Сингапур и запрет минными полями все проходы, ведущие к нему. Имея такую базу на юге Азии, мы станем хозяевами Тихого океана. Русские же войска, подкрепленные японскими — вспомните, как мы дружно сражались в Боксерскую кампанию! — будут прокладывать себе путь к Индийскому океану, который мы с удовольствием уступим России. За такую помощь вы, конечно же, отдадите Японии Восточную Сибирь, которая вам почти не нужна. Одним словом, если Россия и Ниппон сумеют договориться о вечном союзе, то могущество европейских держав будет сведено к нулю.

— Неплохо бы еще предвидеть, кто окажется победителем в этой войне,— продолжал пошучивать Селецкий, вместе с тем удивляясь заносчивости бывшего консула из Корсакова. Капитан только теперь обратил внимание на то, что у Номуры струится кольцом золотой галуи на рукаве — знак старшего чиновничьего ранга, поэтому затеянный им разговор можно было рассматривать как попытку своеобразного прощупывания.

— Победит в нынешней войне Япония,— не задумываясь ответил Номура.— Но это ничуть не помешает нам стать друзьями. Русские же ближе узнают нас и станут еще больше уважать.

— Насчет уважать — посмотрим, из истории известно другое: Россия за свои поражения всегда воздавала с избытком. Так было с татаро-монголами, со шведами, с Наполеоном...

Разговор стало поддерживать трудно — подходили к железнодорожной станции, на путях которой надрылся писклявыми гудками крошечный паровоз, формируя пассажирский состав. На нем вскоре и отправились военнопленные в Мацуяму, повторяя путь матросов со «Стережущего». Появился на минуту и начальник станции — толстячок, но обошелся без речи: видно, и его не устроил вид вновь прибывших пленных, не вдохновил.

В молчании прошел и час езды до города. Застывшее, недовольное лицо полковника Кооно с круглым, гладко выбритым подбородком и черными пышными усами, действовало на словоохотливого Номура,— не говоря ни слова, он глядел в окно на проплывавшие мимо небольшие бамбуковые рощи и зеленые поля, назвал только две остановки у деревушек — Митцу и Комачи.

Возле главного городского вокзала пленных встретила полурота вооруженных солдат. Далее по улицам их повели уже под плотным конвоем. Учащиеся школ, обыватели и лавочники покидали свои дома и заведения, чтобы взглянуть на русских, другие увязались следом и сопровождали колонну до самого лагеря, то есть до знакомых ворот с проходной-сторожкой, за которыми поднималось здание с двухъярусной крышей.

— Храм Дай-Рин-Дзэцу,— буркнул Номура и, по жесту полковника, повел пленных во двор, а далее по ступенчатой дорожке, сложенной из слегка отесанных, но плотно пришитых друг к другу диких камней, к храму. Строение было старым, о чем свидетельствовала мшистая серая черепица, трещиноватые, тоже темно-серые колонны из цельных древесных стволов и опиравшийся на них, провисший от времени, навес над высокими двустворчатыми дверями.

Русские задержались перед входом — глаза привыкли к мраку, царившему в обширном пустом помещении. В глубине его виднелся престол с большой фигурой сидяще-

го Будды. Возле статуи были расставлены вазочки для цветов и вертикальные таблички с именами умерших и бумажные ленточки с текстом молитв. Сбоку мерцал начищенный бронзовый диск гонга.

В правой стороне помещения, на полу, устланном толстыми циновками, близ оклеенной бумагой решетчатой стены, возвышались похожие на гробы три ящика и сооружение на фигурных ножках,— не то стол, не то алтарь.

— Это что, для жертвоприношений? — спросил Селецкий, показывая на «алтарь» и на «гробы».

Переводчик обиделся.

— Все неуместная шутка. Мы цивилизованный народ. Революция Мэйдзи...

— Позволяет начинать войну без ее объявления,— перебил Селецкий,— и захватывать торговые суда в мирное время... Видите ли, Номура-сан, цивилизованность можно понимать по-разному, даже бытовую. Жители острова Фиджи, к примеру, приветствуя гостя, считают необходимым плюнуть в физиономию, а вы, японцы, известно, опускаетесь на колени и слозите лбами по циновке, даже если она сомнительной чистоты. Ну а тут вот, в храме, радуете пленников гробами...

— Это кровати для вас,— пояснил переводчик, и с хмурым видом стал переводить реплику капитана II ранга для начальника лагеря Кооно. В ответ полковник кинул несколько резких фраз и покинул помещение.

К разговору прислушивались и любопытствующие горожане, следовавшие по улицам за пленными. Они окружили храм, а те, что посмелее, прорвав бумагу в стене и, прикинув к дырам, громко поясняли для всех, что видят и слышат. И вдруг, заглушая жужжащую речь и хихиканье, раздались, тоже снаружи храма, громкие увещания на чистом русском языке:

— Да помолчите вы, жуки. Расступитесь, дайте пройти...

Однако шум усилился, выделялись крики: «Экимаськи!», то есть «Убирайтесь к черту!», тут же заглушенные нечленораздельным воплем ужаса и грубой русской бранью.

Номура, пояснявший пленным, что сейчас для них принесут постели, сшитые по приказу полковника, которого «кайган-чуса» Селецкий обидел неуместными остро-

тами, вынужден был прерваться. Он поспешил на шум, к выходу из храма, офицеры направились следом.

На крыльце, окруженном горожанами Мацуюмы, стояли друг против друга караульный солдат, с выставленной перед собой винтовкой, и русский матрос, державший над головой пудовый камень. В выражении лиц, в напряженности фигур чувствовалось, что сейчас между ними пройдет схватка.

— Мате! — крикнул солдату Номура.

— Стой! — повторил для матроса Селецкий.

Толпа отхлынула. Между солдатом и матросом остался скорчившийся на земле японец.

Солдат, тыча пальцем в стонавшего соотечественника, пояснил, что русский оскорбился за то, что этот горожанин строил ему рожи и показывал язык, и отшвырнул с такой силой, что чуть не убил. Ему, часовому, пришлось вступиться, всего лишь пригрозить прикладом, но пленный сразу схватил камень...

Номура обернулся к Селецкому.

— Ну вот и познакомились с одним из своих соотечественников, встречу с которым я вам обещал. Правда, опоздай мы на минуту, здесь бы лежал труп.

— Да, чей-то бы и лежал, возможно и не один, — согласился капитан II ранга и, любуясь могучим телосложением моряка, спросил: — Как тебя звать, матрос?

— Алексей Осинин, ваше высокоблагородие. С миноносца «Стерегущий»...

Глава 9

Два высочайших парада

Ранней весной 1904 года во Франции поднялась русофильская кампания. Как и во времена г-жи Жульеты Адан, начали ее журналисты. Столичная «Эхо Парижа» кинула клич — собрать по подписке средства на подарки мужественным защитникам Порт-Артура. Идею подогрела эпопея «Варяга». Помощь французских моряков раненым русским матросам и офицерам, оказанная сразу после боя

в Чемульпо, а затем полукругосветная переброска их из Желтого моря в Черное опять-таки на французских судах (из Чемульпо до Сайгона — на крейсере «Паскаль», далее до острова Крит — на пароходе «Медок», и, наконец, на «Кримэ» — до Одессы), как бы еще раз подчеркнули перед всем миром неизбежность франко-русского союза.

Более, чем двухмесячный рейс (27 января — 7 апреля 1904 года) героев, с торжественными встречами и официальными приемами в иностранных портах, с подношением подарков, оказался триумфальным шествием русских военных моряков. Даже в Джибути, в том самом злосчастном порту Красного моря, откуда по царскому предписанию месяц назад был возвращен в Кройштадт шедший на Дальний Восток отряд адмирала Вирениуса (как бы он подкрепил порт-артурцев!), даже в этом захолустном Джибути командиру «Варяга» капитану I ранга Рудневу вручили от имени абиссинского негуса экзотический подарок — африканский головной убор, отделанный жемчугом и драгоценными раковинами.

Немецкий поэт Рудольф Грейндц напечатал в февральском номере журнала «Югенд» стихотворение «Плещут холодные волны», которое после публикации его перевода в Петербургском «Новом журнале иностранной литературы» (№ 14, 1904 г.), превратилось в народную песню...

Париж готовил порт-артурцам подарок более подходящий моменту — почетную саблю! Ее решили вручить главному, так сказать, защитнику крепости — генерал-лейтенанту Стесселю. Увы, получился конфуз. Пока французские оружейники острили саблю, а граверы ее украшали, порт-артур оказался заблокированным и с суши и с моря. Сабля застряла в Париже и, после неловких переговоров и блужданий, обрела покой в Санкт-Петербургском музее по соседству с роскошным восточным мечом в ножнах из слоновой кости. Соседство оказалось уместным: меч тоже был подарочным, презентованным в 1891 году другому русскому вождю — цесаревичу Николаю при его отъезде из Японии. Злые языки говорили — в качестве компенсации за рану на голове, нанесенную ему железным мечом в Оцу. Для того, чтобы в России никогда не забывали об этом ударе, в Балаклаве, в Георгиевском монастыре, срочно возвели соборный храм «В память избавления Его

величества от опасности» и, вместе с тем, установили ежегодный крестный ход 29 апреля из Севастополя в монастырь.

Трудно сказать, всерьез или в насмешку, министр иностранных дел Александр Извольский, описывая в своих мемуарах эпизод покушения в Оцу, замечает: «Говорилось, что умственные способности Николая II были ослаблены вследствие этого удара, но в действительности нет никакого основания для такого утверждения. Наоборот, император сам сказал мне, что после этого несчастного случая его перестали беспокоить частые головные боли, которыми он страдал с детства»...

Экипажи «Варяга» и «Корейца» являли для всех своеобразный символ сражающейся Порт-Артурской эскадры. В Одессе личному составу крейсера и канонерской лодки — всем нижним чинам поголовно! — были вручены прямо в порту, на причале, Георгиевские кресты, офицерам — ордена, а Рудневу пожалованы еще и флигель-адъютантские погоны, свидетельствовавшие о включении его в царскую свиту.

В столицу герои отправились особым поездом, состоявшим из семнадцати классных вагонов. Железнодорожники согласовали скоростной график движения, только выдержать его оказалось очень трудно, так как каждая мало-мальски значительная станция, не говоря уж о губернских городах, желала чествовать моряков. 13 апреля готовился к такой встрече и Курск.

На подходе к станции, на третьей версте, варяжцев поджидали воинские подразделения губернии, — дивизион 4-й артиллерийской бригады и по четыре роты Грайворонского и Обоянского полков под командованием начальника гарнизона генерал-майора Мезенцова. К десяти часам на вокзал прибыл губернатор Гордеев с супругой.

Все было готово к торжеству. На перроне стояло более пятидесяти длинных столов с сервировкой на 662 человека — завтрак для нижних чинов. Возле хлопотала прислуга, нарезающая хлеб, раскладывая пироги, готовя бачки со щами.

Наконец, в начале двенадцатого показался долгожданный поезд. Паровоз, давая длинные гудки, остановился напротив вокзала, украшенного громадным, обрамленным свежей зеленью, щитом — «Привет героям «Варяга»

и «Корейца»! Воздух потряс гром зрелищного салюта, раздались звуки государственного гимна..

Озабоченно толпилась губернская общественность, представители городских и уездных делегаций — от дворян, купцов, земства, чиновничества... Мелькали военные и гражданские униформы, светлые весенние туалеты дам.

Масса простого народа колыхалась возле платформы. Кто половчей, помоложе, устраивался на возвышенных местах: на перилах, на крышах прилегающих стационарных зданий и даже на стоявших на запасных путях паровозах и вагонах.

Оркестр заиграл встречный марш, грянуло «ура». Губернатор в сопровождении начальствующих лиц двинулся навстречу выходящим из салон-вагона капитану I ранга Рудневу и капитану II ранга Беляеву, командиру «Корейца». Последовало традиционное: «Примите наш хлеб-соль и выражение восторженного удивления перед бессмертным подвигом».

Вслед за этими словами начальника губернии городской голова Алехин и генерал Мезенцев вручили Рудневу от имени Курского общественного управления икону «Знамение Божией матери», копию известной святыни, хранившейся в Знаменском кафедральном соборе Курска. Хор учащихся, под аккомпанемент оркестра, начал торжественную кантату:

*Привет бойцам «Варяга» и «Корейца»,
Привет героям-морякам.
Привет от искреннего сердца,
Хвала и удивленье вам!..*

Тронутые душевностью исполнения офицеры расцеловали автора музыкальной пьесы, директора учительской семинарии Кашимонского, хористов, и, по приглашению хозяев, направились под руку с курскими дамами (Руднев с супругой губернатора, а Беляев с вице-губернаторшей) в красочно декорированный вокзальный буфет.

За бесконечным рядом столов, установленных на платформе, стали усаживаться матросы и квартирмейстеры. Перед каждым пестрели узелки из цветных платков с угощением от городского благотворительного общества: порция водки, бутылка пива, два пасхальных яйца, булка и пачка папирос.

Затем последовали речи и тосты — от имени государственных учреждений, от общественности, от купечества, учителей... Предводитель дворянства Ново-Оскольского уезда престарелый князь Касаткин-Ростовский, отставной моряк, смолоду плававший в Тихом океане, ревниво выслушав губернских цитеронов, обратился к офицерам с взволнованным напоминанием:

—...Вы доказали, что дворяне, уступая, быть может, другим сословиям на разных торгово-промышленных поприщах, никогда не уступят места на командном мостике за священное право умирать за честь русского флага во славу нашего дорогого отечества...

Губернатор Гордеев, вспомнив, что он по рождению из Тульских мест, то есть земляк Рудневу, поднял за него чарку и трижды облобызался. Фотографы, на ходу настраивая свою аппаратуру, спешили увековечить картину торжества.

По окончании завтрака, когда гости покидали буфет, к Рудневу подошел, тяжело опираясь на суковатую палку, высокий старик с черной повязкой на левом глазу. Окружающие слегка расступились, проявляя почтительность.

— Прошу прощения, я только на минуту отвлеку вас. Позвольте представиться, надворный советник в отставке Сергеев... Отец лейтенанта Сергеева, Александра Семеновича.

Руднев, глядя на массивное, обрамленное короткой седой бородкой лицо старика, испытывая боль и жалость, перебирал в голове слова сочувствия. Только что скажешь отцу, потерявшему на войне сына?.. Об обстоятельствах гибели «Стерегущего» он и сам прочитал в газете.

— Это мне следует просить у вас прощения... Я очень хорошо знал Александра Семеновича — прекрасный офицер и добрый товарищ. Таким он мне запомнился со времени нашей совместной службы на «Николае I» в Пирее.

Говоря эти стандартные слова, Руднев досадовал, что не догадался спросить об отце командира «Стерегущего» сразу же по прибытии в Курск, не подошел к нему сам, и тут же сторонне подумал, что через два-три дня он увидит еще одно скорбное лицо, уже женское, — лицо Капитолины Николаевны, супруги, а ныне вдовы, адмирала Макарова.

Весть о гибели флотоводца застала варяжцев на полпути с Крита в Одессу, во время стоянки в Константинополе...

На перроне царило прежнее оживление, колыхалось море голов, гремела музыка, не прекращались объятия и поцелуи, уже прощальные. И когда поезд медленно и неслышно тронулся, то платформа как будто тоже пошла следом — сдвинулся народ и, прибавляя шагу, пошел, побежал за составом, махая шляпами, платками, фуражками, кидая вслед цветы.

Руднев, стоя на подножке вагона, ловил глазами отдаляющуюся и уменьшавшуюся фигуру старика с черной повязкой...

Судьбе было угодно ударить Семена Александровича дважды. Первое сообщение о сыне он получил месяц назад — в Курск пришел свежий номер еженедельника «Искры» за 7-е марта. В этом приложении к московской газете «Русское слово» он увидел фотографию Александра с надписью, из которой следовало, что тот находится в плену: «Лейтенант Сергеев, командир погибшего миноносца «Стерегущий», экипаж которого был взят в плен».

Сыгинское «Русское слово» считалось самым оперативным печатным изданием в России, его редакция ввела правилом передачу срочной информации только телеграфом. Но в данном случае торопливость подвела. Порт-Артурский сотрудник газеты, направляя корреспонденцию о «Стерегущем», вероятно, черпал сведения из предположений командования, а, возможно, получил их от того же капитана II-го ранга Боссе.

14 марта «Курские губернские ведомости» оборвали и эту тоненькую нить надежды, — напечатали заметку с уточнением о потерях «Стерегущего»:

«...Официально установлено, что погибли 4 офицера: командир лейтенант Сергеев, лейтенант Головизниц, Кудревич и еще один офицер-механик».

«Официально установлено» — эти слова легли на душу Семена Александровича надгробным камнем. Через неделю к нему в дом на Михайло-Архангельской пожаловало высокое начальство, вице-губернатор Павел Григорьевич Курлов. Одетый в парадный мундир шталмейстера Императорского двора, тем самым подчеркивая официальность

и уровень визита, он прошел в кабинет хозяина: по словам сопровождавшего чиновника, старик из-за болезни не в состоянии выйти навстречу гостю. Действительно, Семен Александрович едва сумел подняться из кресла. По дрожанию кисти руки, которой он оперся о край стола, было заметно, какого усилия стоило ему даже это простое движение.

Второе лицо губернии, о чьем визите Семена Александровича уведомили заранее — прибегал посыльный, — достало из кожаной папки с серебряным орлом телеграфный бланк с жирной прописью — «ВЫСОЧАЙШАЯ» и сообщило о цели своего прихода:

— По повелению Его Императорского Величества, — Курлов тряхнул бланком, — мне приказано лично передать вам высочайшее соболезнование, а также то, что вашему горю, связанному с тяжелой утратой — гибелью сына сочувствует вся Россия. — Вице-губернатор скосил глаза на стену с портретом офицера-моряка, догадываясь, что это и есть лейтенант Сергеев. — Трогательная со стороны императора оценка геройского поведения вашего сына в бою, надеюсь, придаст вам бодрости и силы... Считаю долгом уведомить вас и о том, что миссия посетить ваш дом была возложена на самого губернатора, но, как вам известно, Николая Николаевича нет, он отбыл в отпуск.

Александр Семеновичу не было известно об отпуске губернатора, не были они и знакомы. Гордеев, как и Курлов, появился в Курске всего лишь год назад. При этом о вице-губернаторе говорили, что он протеже министра внутренних дел Плеве и, по всему видно, метит выше, так что в Курске вряд ли задержится.

К сведению читателя, так оно и случилось: Курлов уже к лету был переведен в Минск губернатором, а позже получил пост командира корпуса жандармов. Ну а Гордееву пришлось покинуть Курск не по своей воле: не сумев справиться с революционными выступлениями 1905 года, он вынужденно подал в отставку и уехал в родовое имение под Тулой.

Семен Александрович, выслушав вице-губернатора, начал было, как положено в таких случаях, выдавливать служебно-благодарственный ответ: «Прошу повергнуть перед императорским величеством мою...», но Курлов, спеша закончить встречу, подхватил:

— Я непременно, и тоже срочно, то есть служебной телеграммой, доложу государю о вашей верноподданнической благодарности по поводу его отеческого внимания, а также и об исполнении вынавшего на мою долю отрядного поручения...

Через несколько дней Семен Александрович, со слов знакомого чиновника, узнал историю появления царской телеграммы. Оказывается, губернатор Гордеев, случайно услышав, что командир «Стерегущего», о котором пишут чуть ли не все газеты и журналы, местный уроженец, и что в городе проживает его престарелый отец, послал письмо морскому министру Авелану. Он просил вице-адмирала оказать со стороны возглавляемого им ведомства внимание отцу героя, пребывающему в одиночестве и безутешном горе.

Гордееву повезло: Авелан хорошо помнил лейтенанта Сергеева, старшего мишного офицера на флагманском броненосце «Николай I», служившего три года подряд под его рукой на Средиземноморской эскадре, поэтому решил доложить о губернаторском письме Николаю II и просить уже со своей стороны царского соболезнования родителю героя.

У Николая Николаевича Гордеева тоже имелся особый повод быть внимательным к действующему флоту: 27 января, то есть всего лишь месяц с небольшим назад, курский губернатор в числе других русских сановников участвовал в официальном государственном акте — Высочайшем выходе Государя Императора в Зимнем дворце по случаю объявления войны с Японией.

С именем Гордеева связано и появление первой музейной экспозиции о «Стерегущем», а также открытие самого музея в Курске. «Большой барин, не любитель обременять себя работой», как охарактеризовал Николая Николаевича тот же Плевел, в этом культурно-патриотическом действе обнаружил незаурядную деловитость и активность. Он, воспитанник Киевского университета, не только обратился ко всем жителям и учреждениям губернии с призывом жертвовать экспонаты о курской старине, но и показал личный пример: взялся читать в городе в пользу музея платные лекции по искусству и археологии, подарил несколько картин из собственного художественного собрания.

В числе активных дарителей оказался и отставной надворный советник Сергеев. В областном архиве обнаружена соответствующая переписка. Откроем «Дело» и на странице 5 узнаем крупный почерк Семена Александровича. В своем заявлении он просит принять от него в дар музею 103 «предмета греческо-римских древностей», а также коллекцию «золотых, серебряных, медных монет и жетонов», набор фарфоровой и хрустальной посуды, часы и отдельно — Крест 1812 года.

Крест Отечественной войны!? Значит, в роду Сергеевых имелся участник сражения с наполеоновским нашествием. Из-за отсутствия описания можно только гадать, кому принадлежала награда и каково ее точное наименование: был ли это офицерский орден с изображением креста или солдатский серебряный крест на Георгиевской ленте, то ли наперстный крест из темной бронзы, специально учрежденный в 1812 году для награждения священников, побывавших под неприятельским огнем... Как бы то ни было, ясно одно: мужество и стойкость — родовая черта Сергеевых. Командиру «Стергущего» в решительный момент жизни было с кого брать пример.

Продолжим просмотр переписки в надежде найти документы, связанные напрямую с личностью самого лейтенанта. И терпение вознаграждается: перед глазами письмо председателя Курской ученой архивной комиссии (первым эту выборную должность занял губернатор Н. Н. Гордеев), написанное на официальном председательском бланке:

«Милостивый Государь Семен Александрович.

Имею честь выразить Вам искреннюю благодарность за принесение в дар Курскому Историко-археологическому и кустарному музею телеграммы ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА с выражением соболезнования по случаю Вашей болезни, вызванной утратой Вашего сына-героя...».

Передал Семен Александрович в музей и фотографию лейтенанта, работы знаменитого парижского мастера Надара, особо дорогую из-за трогательной надписи: «Любимому отцу от сына», и еще роскошный альбом — «Русский флот».

Таким вот образом, в первом зале музея, в портретной галерее замечательных людей Курской губернии (тогда она включала в себя нынешнюю Белгородскую область и

часть Орловской), рядом со знаменитым артистом Щенкиным и астрономом-самоучкой Семеновым появился фотографический снимок командира «Стерегающего» с кратким описанием подвига экипажа корабля. (Увы, все, кроме фото, утеряно).

И еще один, совершенно неожиданный аспект, связанный с Высочайшим соболезнованием. Курлов, находясь уже в эмиграции, в начале 20-х годов издал в Берлине воспоминания, в которых упомянул о своей встрече со старшим Сергеевым по случаю царской телеграммы. Он называет это событие «особо важным в своей жизни», так как оно... «усилило его любовь и безграничную преданность Государю Императору»...

Через полгода после трагической гибели «Стерегающего» дом на Михайло-Архангельской улице качнуло новое горе — сложил голову в Порт-Артуре и Николай, последний из четырех братьев Сергеевых. Семен Александрович вовсе зашемог и ослаб до такой степени, что стал готовиться к переходу в лучший из миров: купил место на Херсонском кладбище, рядом с могилой жены, заказал просторный, по росту, дубовый гроб с глазетом и на ножках, а также другие погребальные принадлежности, подобрал новую сюртучную пару. Все это поместил в боковой пристройке с правой стороны дома...

Своим похоронным настроением Семен Александрович навел такой страх на соседей, что его именем начали пугать детей. Но дети-то и вернули больного к жизни: внучка Галя стала его главной опорой и радостью. Заботясь о будущем девочки, Семен Александрович отдал ее в Курское епархиальное училище, выпускницам которого присваивалось звание учительницы сельской школы. Для забавы он купил двух журавлят, которые за лето так привязались к ней, что встречали у калитки и сопровождали до самого крыльца по усыпанной песком и обсаженной барбарисом дорожке.

Далеко не просто и не сразу установились добрые отношения между суровым дедом и почти не знавшей его девочкой. Особую роль в их сближении сыграло то, что Семен Александрович, у которого сильно ослабло зрение, стал поручать ей чтение почты. Чаще других писала в Курск Наталия Павловна. Она по-прежнему жила в Петербурге, в старой квартире на Васильевском острове. Ее письма отличались большой сдержанностью, что огорчало

Семена Александровича, как и то, что обращалась она к нему не по-родственному, а по имени-отчеству, и уж слишком часто вставляла иностранные слова. «Образованная,— говорил он с досадой и вместе с тем с гордостью,— шесть языков знает, а мы по-русски без ошибок не можем»...

Впрочем, на иностранном Наталия Павловна обозначала обычно названия органов зарубежной печати — газет, журналов и книг, в которых описывались разные события русско-японской войны. Она осталась навсегда верной памяти мужа, подписываясь на деловых бумагах «вдова лейтенанта Сергеева», делиться же своими переживаниями с тестем не желала. Возможно, эта сдержанность и сила характера уберегли ее от болезненного порыва, которому позже поддалась жена художника-баталиста Верещагина, погибшего вместе с адмиралом Макаровым на «Петропавловске», — выстрелом из револьвера покончила счеты с жизнью.

Наталия Павловна, можно сказать, сделалась добровольным архивариусом, собирателем материалов о «Стерегущем», и обо всем, связанном с его экипажем. Время от времени она высылала такие вырезки и в Курск: о спуске на верфях Невского завода военного корабля с возрожденным названием «Стерегущий», о появлении в составе Сибирской флотилии миноносца «Лейтенант Сергеев»...

Обнаруживались в конвертах и аналитические публикации о причинах поражения России в русско-японской войне, вроде статьи из лондонской «Таймс» с многозначительным заголовком — «Преступное невежество в стратегии» и тут же, в виде своеобразного ответа одного из «стратегов» — письмо адмирала Рожественского в «Новое время» с утверждением, что «за спиной японской эскадры стояла английская»...

Поток сообщений от Наталии Павловны усилился в 1909 году, когда в столице началось сооружение памятника «Стерегущему» работы К. В. Изенберга. Для многих маринистский порыв художника, приобретшего известность в качестве большого мастера книжных иллюстраций к произведениям Пушкина и Лермонтова, казался необъяснимым. Но посвященные-то знали, что Константин Васильевич еще в 1903 году, сменив кисть на долото, изваял бюст создателя русского флота — Петра I, в дни

празднования 200-летия Петербурга выставил эту работу возле Гостиного двора на Невском, что его бронзовая композиция «Гаолян», воссоздающая эпизод войны в Маньчжурии, была приобретена офицерским собранием гвардейской артиллерийской бригады, что его руке принадлежит создание одного из первых скульптурных портретов адмирала Макарова...

И все-таки главным творческим трудом скульптора, на который он потратил более семи лет, стал памятник героям «Стерегущего». Еще 2-го мая 1904 года в сытинских «Искрах» появилась фотография будущего монумента с пояснением: «Горельеф работы художника К. В. Изенберга, изображающий двух матросов, открывающих иллюминаторы и кингстопы с целью затопить миноносец «Стерегущий», чтобы он не достался в руки неприятеля».

Можно сказать, что это был всего лишь набросок, но показанный на I-й осенней художественной выставке в Петербурге, он сразу обратил на себя внимание не только обычных посетителей, но и военно-морских кругов. Изенбергу посоветовали увеличить эскиз с целью переговоров о возможном сооружении памятника. Вскоре созданная Константином Васильевичем бронзовая модель произвела еще большее впечатление, и заказ был оформлен.

Возник и такой вопрос — где ставить? Морское министерство предложило военные порты — Кронштадт или Либаву, художник высказался за столицу и сумел отстоять свое мнение. На отливку монумента моряки выделили превосходный материал — стволы старинных корабельных орудий, хранившихся в Кронштадтском арсенале.

10 мая 1911 года Александровский парк и близлежащие Кронверкский и Каменноостровский проспекты были с утра заполнены войсками и тысячами петербуржцев. Наряды полиции охраняли площадку, на которой возвышалась покрытая полотнищем пятиметровая фигура, окруженная с трех сторон проточным водоемом, окольцованным в свою очередь каменным барьером с высокими маяками-светильниками по углам.

Напротив, на Неве, стояли разукрашенные флагами расцвечивания военные суда. На одном из них, эскадренном миноносце сияло на борту — «СТЕРЕГУЩИЙ». Нет, эсминец не казался копией «невки», ушедшей на дно Желтого моря, — этот был вдвое больше по водоизмещению и лучше вооружен. На его палубе стояло уже шесть

пушек, два торпедных аппарата с запасом в 16 торпед, четыре пулемета; паровые машины обеспечивали скорость в 27,5 узла.

Личный состав «Стерегущего» — 83 матроса и 4 офицера, — как и экипажи на других кораблях, был построен лицом к Петрозаводской стороне, к берегу. Раздалась команда и ее повторение. Замерли шеренги войск, притихли толпы — все обратилось взглядами на появление императора со свитой, направляющегося в сторону памятника. Тут же раздались раскаты артиллерийского салюта и из-за убранных холста перед зрителями предстали фигуры двух бронзовых матросов. Замкнутые в корабельном отсеке, в нише, иссеченной снарядами и заливаемой водой, они запечатлены в момент подвига — принимают на себя последний удар, но уже не врага, а стихии. Если присмотреться внимательно, то в наружных очертаниях скульптуры проглядывает массивный и широкий крест с одним лишь словом на перекрестье — «СТЕРЕГУЩИЙ».

Вновь команды, музыка военных оркестров — двинулись церемониальным маршем, с развевающимися знаменами, воинские части столицы, учебные заведения, Петербургский морской корпус и Кронштадтское инженерно-морское училище...

Возле памятника, кроме царя с приближенными, отдельной кучкой стояли родственники погибших, почетные гости. Каждому вручалась брошюра, изданная Всероссийским национальным союзом, — «Геройская гибель миноносца «Стерегущий» 26 февраля 1904 г.»

Фотокорреспондент «Невы» Константин Булла, установив треногу с аппаратом, спешил запечатлеть наиболее значительное и необычное. Он уже несколько раз снял рослого угловатого матроса, который как будто застыл на площадке, держа возле груди бескозырку, и еще раз нацелился на него, когда кто-то из высших флотских офицеров нагнулся к уху царя, показывая на моряка. Последовал высочайший кивок и несколько шагов в сторону нижнего чина, милостивые слова... Этим человеком, «обласканным» императором, был кочегар Алексей Осинин.

...Семен Александрович, к сожалению, не смог поехать в Петербург на открытие памятника, — сломал ногу, но в доме на Архангельской знали о событии во всех подробностях. Об этом позаботилась Наталия Павловна, представлявшая семью Сергеевых на торжествах. Среди мате-

риалов, направленных ею в Курск, находилась и упомянутая брошюра.

Семен Александрович, сидя в кожаном широком кресле, подперши рукой окладистую бородку, напряженно вслушивался в голосок внучки, старательно читавшей заключительные слова: «...Имя миноносца «Стерегущий» останется вечно славным в Русском пароде, благодаря героизму двух матросов, которые предпочли погибнуть на своем миноносце, собственноручно затопив его, но не сдать судно в плен. Да будет память героев «Стерегущего», беззаветно сложивших свои головы за царя и Отечество,— голосок Гали зазвенел,— навеки для нас незабвенною! Подвиг же их да послужит нам примером верной службы достоинству и чести Родины!»

Возможно, Семену Александровичу в эту минуту чудились залпы кораблей и Петропавловской крепости, под чьи громы медленно-медленно спадало с монумента белое крыло холста...

В бандероли Наталии Павловны оказался и снимок столичного фотокора Буллы — «Высочайшая беседа Николая II с оставшимся в живых матросом со «Стерегущего».

Осинин был единственным из четырех нижних чинов, кого удалось вызвать в Петербург. Помогло то, что Алексей Александрович, узнав о появлении на Балтике нового «Стерегущего», еще в 1907 году обратился к его командиру с письмом, в котором спрашивал о судьбе спасенной им, Осининым, иконы с погибшего миноносца.

Командир эсминца, капитан II ранга Григорович переслал письмо с соответствующим рапортом по инстанции, и со своей стороны поставил начальство в известность, что Алексей Осинин «...за спасение иконы Христа Спасителя отдельной награды не получал, между тем, как таковая забота о судовой святыне выделяет его среди спасенных с того миноносца нижних чинов».

В заключение капитан II ранга извещал, что в настоящее время икона Христа Спасителя находится на новом миноносце, и что он ходатайствует о награждении кочегара А. Осинина, в связи с чем и прилагает его адрес: деревня Гремячка, Красногорской волости, Мамадышского уезда, Казанской губернии.

Через эту переписку Осинин оказался связанным с новым «Стерегущим», а также известен Главному морскому штабу. Помощник начальника штаба контр-адмирал

Князев отправил через Мамадышское уездное полицейское управление почтовый перевод — 15 рублей, «назначенных отставному кочегару Алексею Осинину в пособие». Ничего не скажешь, «Цусимское ведомство», как после русско-японской войны стали называть Морское министерство, умело оценивать героismo.

* * *

...Празднество заканчивалось, площадку перед памятником заполнили гуляющие. Дольше других не уходили Наталия Павловна и Алексей Осинин. Черные глаза отставного кочегара, одетого в форму первого срока — обмундировали в Гвардейском флотском экипаже, куда он был временно прикомандирован по распоряжению начальства, — никак не могли оторваться от бронзовых фигур моряков. Один из них, вытянувшись в полный рост, прижимал рукой к бортовой стенке откинутую крышку иллюминатора, принимая на себя хлынувшую морскую воду, а правой придерживал оседавшее тело товарища. Но и этот второй, в последнем усилии, стремился отвернуть до конца клапан затопления — кингстон, чтобы дать доступ внутрь судна еще и другому забортному потоку — уже снизу, через днище...

«Кто из них Бухарев, кто Новиков? — гадал кочегар, выискивая что-то знакомое в фигурах, пока не осенило: — Повисший на кингстоне, конечно, Бухарев, — он же был тяжело ранен, обессилел от потери крови. Правда, лицо не совсем то — крутолобое, острое... — И тут же пояснил себе: — Ну а мы были на себя похожи, когда, как чурки, лежали на палубе «Сазанами»? Да родная б мать не узнала!»

Осинин вздохнул и, скользнув взглядом по иллюминатору, увидел в нем, как в рамке, кусок голубого балтийского неба, перекрещенный веткой распустившегося клена. Не казались мертвыми, застывшими и рваные языки металлического потока. Они водопадом перекатывались через рамку иллюминатора в отсек, к людям, и еще ниже, через паёлы, — на глыбастую скалу постамента, к венкам из живых цветов. На одном из них, на атласной ленте, сверкала надпись:

«МИНОНОСЕЦ «СТЕРЕГУЩИЙ» — «СТЕРЕГУЩЕМУ».

Фотокорреспондент Булла, очень довольный подтвердившимся сюжетом — высочайшая беседа с одним из героев миноносца, снова востепенел — он увидел, что к Осинину подошла вдова бывшего командира «Стерегущего», и, прислушиваясь к их разговору, ближе переставил фотоаппарат.

— Алексей Александрович, зашли бы ко мне. Рада буду вас видеть.

— Мы, конечно бы, с удовольствием,— замялся матрос.

— Если сегодня не сможете, тогда завтра в любое время. Я дам вам свой адрес,— женщина достала из сумочки записную книжку и небольшой карандаш с серебряным наконечником, написала на листке: «Николаевская, дом 4. Васильевский остров». — Если что, позвоните по телефону, по номеру 20—933. Я его тоже напишу. Наш дом найти просто,— недалеко от Морского корпуса...

Осинин слушал, не перебивая, и не смея пояснить, что ему надо, очень необходимо, побывать на эсминце, чтобы рассказать команде о своих товарищах, о Бухареве и Новикове, и, конечно, о лейтенанте Сергееве, и еще одно — нестерпимо хотелось увидеть свою икону, которую сберег в плену... Впрочем, и Наталия Павловна говорить-то говорила, а сама как бы прислушивалась к стуку колес уходящего, то есть девять лет назад ушедшего с Николаевского вокзала поезда, отмерившего для нее невозвратные десять тысяч верст — от могилы в Желтом море до этого вот, словно поднятого из пучины тяжелого широкого креста из старинной зеленой меди.

Такое временное переплетение чувств, отток и приток их, просветляющее или угнетающее черты лица, подметил опытный портретист-фотохудожник Булла и, сделав снимок, решил еще несколько задержаться возле памятника. Его заинтересовал полный пожилой офицер, капитан I ранга, который несколько раз прошелся нарочито вблизи Наталии Павловны, словно желая обратить на себя ее внимание.

Так оно и было. Федор Эмильевич Боссе, бывший командир «Решительного», намеревался что-то сказать вдове лейтенанта Сергеева. Сам он, будучи контуженным, вскоре после гибели «Стерегущего» покинул Порт-Артур, вернулся в Петербург, где получил в командование старое портовое судно «Работник». Все достоинство «Работника» заключалось в том, что оно числилось за отрядом импера-

торских яхт, будучи при них, так сказать, на подхвате, в качестве плавучего лакея. Это по существу был конец истинно морской карьеры Боссе: 26 марта 1909 года он был отчислен в береговой состав.

Пройдясь еще раз-два, Федор Эмильевич все-таки сумел раскланяться с Наталией Павловной, но по характеру ее поклона не заметил желанья заговорить с ним, поэтому, напустив на себя озабоченную личину, двинулся в сторону Троицкого моста, как бы решив взглянуть на перестройку участвовавших в параде кораблей.

...Уместно вспомнить еще об одном морском параде, состоявшемся значительно ранее, в ноябре 1905 года, на другом конце света, в Токийском заливе, и тоже имевшем статус «Высочайшего», так как на нем присутствовал японский император. Парадом командовал адмирал Того. Желая продемонстрировать во всей красе мощь Соединенного флота, победителя двух русских тихоокеанских эскадр, — Порт-Артурской и Цусимской, он выстроил перед многотысячными толпами зрителей, а также перед европейскими и американскими гостями (на торжество явилась английская эскадра!) не только отряды и дивизионы своих боевых кораблей, но и русские военные суда, взятые в плен или поднятые со дна. Эта унижительная выставка поверженного противника являлась центральным пунктом праздника.

Особой группой стояли броненосцы — «Пересвет», «Победа», «Полтава», «Орел», «Адмирал Синявин», «Генерал-адмирал Апраксин», «Император Николай I», крейсера — «Варяг», «Баян», «Паллада», госпитальные корабли «Орел» и «Кострома», миноносцы — «Бедовый» и «Решительный». На их, побитых снарядами, обшарпанных бортах, наряду с прежними названиями, выделялись иероглифы только что присвоенных — японских: «Николай I» именовался «Ики», «Варяг», — «Сойя», «Решительный» — «Ямахиго»...

Что же случилось с «Решительным», каким образом напарник «Стерегущего» оказался в Токийском заливе?.. После отъезда из Порт-Артура капитана II ранга Боссе, командиром «Решительного» был назначен лейтенант Рощаковский, тот самый, кого считали личным другом, а значит и протезе начальника военно-морского отдела

штаба Порт-Артурской эскадры великого князя Кирилла Владимировича. Однако высокое мнение о лейтенанте Роцаковском высказывали и «нижние чины». В записках кочегара с миноносца «Внушительный» Самоловщикова читаем: «...Во флоте было много офицеров и командиров судов, совершенно никуда не годных,— пишет матрос, относя к подобным и собственного командира лейтенанта Подушкина, который растерявшись при столкновении с японцами, не пытаясь подражать, сам утопил миноносец в бухте Голубиной.— Но были и такие,— продолжает Самоловщиков,— которыми можно было гордиться. Например, командир «Решительного» лейтенант Роцаковский.

Подобную точку зрения о Михаиле Сергеевиче Роцаковском высказывает в своем фронтовом дневнике и военный инженер полковник Рашевский, касаясь последнего боя «Решительного». Этот бой являлся одним из светлых эпизодов в целом неудачного морского сражения русской эскадры с японской, состоявшегося 28 июля 1904 года близ Порт-Артурса.

«Решительному» тогда было поручено особое задание — доставить в нейтральный китайский порт Чифу, где имелось консульство России, депешу с уведомлением Петербурга о попытке эскадры прорваться во Владивосток. Для точности обратимся к донесению самого Роцаковского, отправленному им по телеграфу из Чифу на высочайшее имя:

«Всеподаннейше доношу: 29-го июля с вверенным мне миноносцем «Решительный» прибыл в Чифу из Порт-Артурса с важными депешами, прорвав две линии неприятельской блокады. Согласно предписания адмирала Григоровича (новый командир порта — А. Х.) разоружился и спустил военный флаг. Все формальности были выполнены. В ночь на 30-е, находясь внутри порта, подвергся разбойничьему нападению японцев, подошедших в составе двух эскадренных миноносцев и одного крейсера, и приславших десант с офицером для переговоров. Не имея оружия для сопротивления, приказал приготовить миноносец «Решительный» к взрыву. Когда японцы начали поднимать свой флаг, я оскорбил японского офицера ударом по лицу и, сбросив в воду, приказал команде выбрасывать неприятеля. Наше сопротивление не могло быть действенным и они завладели миноносцем. Произошли взрывы носового патронного погреба в машинном отделении; миноносец «Решительный», погруженный носом, был выведен из порта японцами. Надеюсь, что они не доведут его до своего порта. Команда и офицеры спасены».

Донесение есть донесение, да еще телеграфное — оно скупо. Подробности инцидента были переданы французским журналистом Жаном Родэ, опубликовавшим в парижской «Матэн» свою беседу с Роццаковским. Из нее следовало, что японские миноносцы и крейсера прибыли в Чифу в 3 часа утра следующих суток и сразу же направили к «Решительному» три шлюпки с вооруженными матросами под командой лейтенанта Терашимо.

Действуя нагло, офицер потребовал у Роццаковского немедленной сдачи корабля, а десантникам отдал приказ — поднять японский флаг.

«Клянусь, пока я жив, вы не поднимете вашего флага!» — предупредил Роццаковский и обратился к своему экипажу с командой: — «Следуйте моему примеру!». С этими словами он ударил Терашимо в лицо. Тот повалился за борт, увлекая за собой и русского офицера, даже ухитрился укусить его за пальцы. А на палубе началась свалка, стрельба.

Офицеры и матросы «Решительного» сражались врукопашную, постепенно отступая перед вооруженным противником. Кто-то из квартирмейстеров успел включить взрывное устройство в носу корабля — грохот и огонь, свалившаяся передняя труба вызвали у десантников панику, они попрыгали в шлюпки. Стали спасаться вплавь и русские моряки. 43 из них были подобраны находившимися в порту китайскими военными и торговыми судами, раненых, включая Роццаковского, подстреленного в ногу и с изуродованными пальцами руки, поместили в миссионерский госпиталь.

Факт разбойного захвата разоруженного корабля в нейтральном порту вызвал осуждение в иностранной прессе. Петербург через французское правительство, представлявшее на период войны интересы России в Японии, передал энергичный протест. С заявлением о вопиющем нарушении японским командованием общепринятых норм международного права выступило китайское правительство...

«Решительный» после взрыва не затонул: японцы, опомнившись, снова высадились на него и успели положить на пробоину пластырь. Так что предположение Роццаковского — «надеюсь, что они не доведут его до своего порта», не сбылось: довели, отремонтировали, переименовали и, вот, показали на параде в Токийском заливе.

Что касается миноносца «Бедовый», оказавшегося соседом «Решительного» на этом смотре-позорище, то его история совсем другого, даже противоположного толка. В разгар Цусимского сражения, имея на борту раненого командующего эскадрой адмирала Рожественского, он добровольно, без единого выстрела, сдался на милость победителя. И надо же, победителем стал... миноносец «Сазанами», тот самый, которому более года назад не удалось справиться со смертельно израненным «Стерегущим»!

«15 мая 1905 года «Бедовый», будучи настигнут в Японском море неприятельским миноносцем «Сазанами», без боя опустил флаг и был отведен в плен», — такой констатацией начинался приказ Морского ведомства № 131 от 17 мая 1906 года, в соответствии с которым одиннадцать штабных офицеров из числа находившихся на «Бедовом», его командир капитан II ранга Баранов и сам командующий предавались военно-морскому суду Кронштадтского порта.

Суд состоялся в июне 1906 года, приговор был суров — «к смертной казни через расстреливание». Однако судьи, приняв во внимание, что «нравственные и физические силы обвиняемых были подорваны беспримерным по трудности походом», ходатайствовали перед императором о смягчении наказания. Ну а адмирал Рожественский, «как не вполне сознававший по состоянию своего здоровья значение происходивших вокруг него событий», вовсе подлежал оправданию.

Вспоминая Роцаковского, можно сказать, что на «Бедовом» в решительную минуту не оказалось офицера, который мог бы заявить японцам — «Клянусь, пока я жив, вы не поднимете вашего флага» и уж тем более некому было скомандовать — «Открыть кингстоны!»...

В Пирее зимой 1895 года Рожественский посадил на гауптвахту матросов, спасшихся с затонувшего в шторм баркаса — как же, повинны в гибели казенной шлюпки и груза! — а в Цусимском проливе, погубив сам целую эскадру (из 38 русских боевых судов было потоплено 22, 7 уведено в плен; из 14 тысяч личного состава убито и потонуло 5 тысяч, 6142 взято в плен), он оказался невиновным!?

Нечто подобное произошло и со Стесселем, сдавшим японцам Порт-Артур. Крепость пала на 329-й день после

начала войны, 20 декабря 1904 года, или по новому стилю — 2 января 1905 г. Письмо начальника укрепленного района генерала Стесселя, отправленное японскому командованию с предложением вступить в переговоры о сдаче города, явилось, таким образом, для последнего новогодним подарком. Подобного поворота событий генерал Ноги, сотысячная армия которого тоже истекала кровью, никак не ожидал — он судил по стойкости осажденных.

Крепость и не была побеждена в открытом бою, ее сдали генералы, в первую очередь Стессель и назначенный им начальник сухопутной обороны генерал Фок. Именно они своей бездарностью и трусостью обесславили подвиг истинных героев.

Новость о начавшихся в деревушке Шуйшин переговорах с японцами распространилась по фортам, по окопам, по городу, как пожар. И тут же запылали настоящие пожары — улицы и гавань заволокло дымом, загремели взрывы — защитники уничтожали склады с боеприпасами, портовые мастерские, приводили в негодность батареи, топили корабли. Один за другим ушли на дно подорванные собственными экипажами броненосцы «Ретвизан» и «Победа», крейсера «Джигит» и «Разбойник», канонерская лодка «Отважный». Линкор «Севастополь», ведомый командиром капитаном I ранга Эссенем, сменившим Чернышева, вышел на внешний рейд навстречу врагу и, дав последний бой, тоже похоронил себя на 200-метровой глубине.

В эту же ночь выскользнул из бухты в море и сумел скрытно уйти к берегам Китая, в Чифу, миноносец «Статный». На его борту находился особый груз — боевые знамена воинских частей, а также документы и ценности крепости и эскадры.

Японцы принимали пленных три дня, зарегистрировав 23131 человека из числа нижних чинов и 747 офицеров. Порт-артурцы, держась своих рот и полков, корабельных экипажей, угрюмыми вереницами направлялись по шоссе к приемному пункту, устроенному в палатках в 7 верстах от Старого города. Японские офицеры были одеты в теплые шинели с меховыми воротниками, а наши мерзли перед кострами в своих, «подбитых ветерком», ожидая

очереди для отправки в Дальний. Противник, проявляя «гуманность» — мороз достигал 8 градусов,— выдал на каждые шесть человек по бутылке спиртного из складов Гинцбурга — «боевой запас» спекулянта от войны.

...Ничтожество всегда лезет в Историю — кто с кулаками, кто половчей — бочком или по-тараканьи через щель,— стремясь изо всех сил уцепиться за слова «выдающийся», «герой», а то и «великий»,— так оно было и есть во всех видах деяний человеческих. Генерал Стессель уже в письме генералу Ноги о капитуляции претендовал на историческую дальновидность и широкий гуманизм, когда писал: «...Принимая во внимание положение дел на театре военных действий, я нахожу дальнейшее сопротивление П.-Артура бесполезным и, во избежание бесполезных потерь, желал бы вступить в переговоры о сдаче». И конечно, тоже для Истории он пожелал сфотографироваться с победителями, оставив еще одно свидетельство своего тщеславия и позора. Снимок был сделан на открытом воздухе и групповым: на скамье устроились рядом генералы Стессель и Ноги, а возле их сапог и по бокам расположились ординарцы, позади — улыбающийся переводчик в штатском. Идиллия на поле, пропитанном кровью...

С войсками Стессель не рискнул попрощаться — ему нечего было сказать,— воспользовавшись разрешением японского командования, он, не мешкая, отбыл в Россию. До станции Инчинзы следовал в коляске вместе с супругой, четырьмя девочками-воспитанницами и комнатной собачкой, а затем в специальном вагоне — до Дальнего (пленных перевозили на открытых платформах). Далее генерала, тоже со всеми удобствами переправили с семейством в Нагасаки, где передали на французский пароход «Австралия», отплывавший в Европу. При входе в Суэцкий канал, в Порт-Сайде, Стессель пересел на русское пассажирское судно «Святой Николай», с которым расстался уже в Феодосии. 16 февраля он был в Петербурге.

За длинную дорогу пыл генерала достаточно остыл. Если в Сайгоне, куда заходила «Австралия», он выступал на банкете еще в качестве отца-спасителя отважного гарнизона крепости, обращая при этом опять-таки к Истории: «Я боялся, что японцы, прорвавшись, вырежут всех больных и раненых... Во избежание резни и решил сдать крепость»,— то теперь, оказавшись перед следственной

комиссией, образованной для рассмотрения дела о сдаче Порт-Артура, сразу слинял.

Верховный военно-уголовный суд приговорил генерал-лейтенанта Стесселя к расстрелу (был привлечен к суду, но оправдан и комендант крепости генерал Смирнов), однако тот же суд, как и в случае с Рожественским, ходатайствовал перед царем о замене Стесселю высшей меры наказания заключением в крепость на десять лет. 5 марта 1908 года — так долго тянулся процесс — царь утвердил приговор, но уже в следующем 1909-ом «по высочайшему повелению» Стесселя амнистировали. «Герой» Порт-Артура настолько воспрянул, что опубликовал книгу под вызывающим заглавием «Моим врагам», написанную в форме письма-отповеди, вспомнил, как его, по прибытии в столицу, ласково встретил император, даже оказал честь позавтракать вместе с ним...

Не менее замечательный взгляд высказал адмирал Рожественский на собственный приказ о сдаче «Бедового», пояснив, что «всякого офицера, который вздумал бы противодействовать такому его распоряжению, он застрелил бы, не колеблясь». Суворинское «Новое время» назвало подобное высказывание извращением понятия о чести. О необузданности Рожественского сохранилось достаточно свидетельств, он и умер от бешенства в Новогоднюю ночь 1909 г.: неудача за карточным столом закончилась для него смертельным ударом.

Словом, в связи с русско-японской войной у нас прокатился поток литературы самого разного толка. К месту вспомнить и о такой книге, вышедшей в Москве — сатирический «Каталог экспонатов по истории Приамурья» с иллюстрациями художника Н. И. Ольгадзе. Глава о Сахалине сопровождалась едкой карикатурой: Витте, огромный, в парадном мундире, с ножом в руках, и крохотный, почти уткнувшийся в его подбрюшье, министр иностранных дел Японии Комура растягивают за оба конца узкую карту Сахалина, прицеливаясь, чтобы резануть ее пополам.

Рисунок отражал действительность. По мирному договору, который был заключен между воевавшими странами в Портсмуте (США) 23 августа 1905 года, южная половина острова передавалась Японии. Из-за этой территориальной уступки глава русской правительственной делега-

ции С. Ю. Витте сразу же по возвращении из США был прозван придворными остроумцами «графом Полусахалинским». Кое-кто «кстати» напомнил, что он и говорить-то светски не умеет, только с одесским акцентом, а его жену-еврейку не допускают во дворец...

Однако, серьезные политики и историки — русские и иностранные разделяли точку зрения, что Витте сделал все возможное для того, чтобы ограничить притязания победителя и сберечь достоинство России: он категорически отказался обсуждать вопрос о контрибуции, что касается основного территориального — отдать Сахалин (эту идею настойчиво поддерживал и президент Т. Рузвельт, который вмешивался в ход мирной конференции на стороне японцев), то Витте согласился на уступку только его южной части...

Впрочем в Японии тоже проявилась неудовлетворенность договором, и куда в большей степени: в Токио, в Осаке, Иокогаме состоялись массовые ура-патриотические митинги, против которых пришлось двинуть полицию, а когда столичные демонстранты попытались громить министерство внутренних дел и сожгли несколько полицейских участков, было введено военное положение.

То есть в Японии посчитали, что условия договора намного выгоднее для России, и что русские представители на переговорах оказались умнее.

Русская делегация, и в самом деле, была весьма квалифицированной, начиная с ее главы — С. Ю. Витте и заместителя или первого уполномоченного, бывшего посла в Токио, барона Р. Р. Розена. Но вот что любопытно, или характерно, — успех довольно странно сказался на их дальнейшей карьере — они оба через некоторое время были отстранены от активной государственной деятельности и навечно усажены в Государственный Совет. Там же оказались и подавшие в отставку после Цусимы главный начальник флота великий князь Алексей Александрович, его протеже, бывший наместник царя по Дальнему Востоку, Алексеев, а также управляющий делами Морского министерства вице-адмирал Авелан.

Что касается Стесселя, названного тем же Витте «глупым непородистым жеребцом», то тот проживал «частным обывателем» до самой своей кончины в 1915 году где-то под Москвой...

Причал памяти

(авторский комментарий)

Появление нового «Стерегущего», вслед которому были построены миноносцы «Лейтенант Сергеев» и «Инженер-механик Анастасов» — тот и другой предназначались для Тихоокеанского флота,— связывалось с общественным движением, охватившим всю Россию. Уже в начале 1904 года в газетах и журналах страны, столичных и провинциальных, появился призыв к населению — делать посылки в фонд строительства новых кораблей. Исходил он от Комитета по усилению флота на добровольные пожертвования. Громадная страна, омываемая тремя океанами и двенадцатью морями, не могла обойтись без мощных военно-морских сил.

Сбор средств начался где по-малому — копейками, а где — целковыми и червонцами, даже сотнями, смотря по достатку. Знаменитый художник Репин передал в фонд флота весь полученный им гонорар за картину «Заседание Государственного Совета», приобретенную музеем Александра III за десять тысяч рублей. Откликнулась и родина командира «Стерегущего»: Общественный клуб Курска перечислил тысячу рублей, фотограф уездного города Суджа Рытченко внес 150 рублей, вырученных от распространения изготовленных им художественных фотопортретов адмирала Макарова...

Комитету с «высочайшего соизволения» от 6 февраля 1904 г. даже разрешалось самостоятельно заключать договоры с отечественными и иностранными фирмами на постройку судов, разумеется, сообразуясь с финансовыми возможностями. Возможности же эти оказались столь значительными, что уже в 1905-1907 гг. на народные деньги было введено в строй 22 военных корабля, 18 из которых являлись эскадренными миноносцами.

Воссоздание флота увязывалось и с восстановлением в памяти народной названий кораблей, погибших под Порт-Артуром: летом 1909 года на Балтийском заводе в Петербурге заложили сверхмощные дредноуты — «Петропавловск» и «Севастополь», на Адмиралтейском — линкор «Полтава», на стапелях Путиловского началось строительство самого быстроходного в мире эскадренного минонос-

ца «Новик». Назван он был так по предложению командующего морскими силами Балтийского моря вице-адмирала Н. О. Эссена. Того Эссена, который в 1904 году, командуя артурским «Новиком» с адмиралом Макаровым на борту, бесстрашно ринулся на выручку «Стерегущему».

Таким вот образом «Новик» и «Стерегущий» снова оказались соседями на Балтике, а на Тихом океане в составе Сибирской флотилии появились миноносцы — «Лейтенант Сергеев», «Инженер-механик Анастасов», «Инженер-механик Дмитриев», «Лейтенант Малеев» и «Капитан II ранга Юрасовский»: офицеры-сподвижники снова встали рядом, как когда-то возле пирса Тигрового полуострова.

Константин Константинович Юрасовский, командир «Страшного», пережил своего друга лейтенанта Сергеева всего лишь на один месяц и четыре дня. 30 марта, во вторник, в 19 часов восемь порт-артурских миноносцев, в их числе и «Страшный», двумя отрядами направились в ночную разведку в Корейский залив к группе островов—Элиотам. Там предполагалось сосредоточение японских морских сил с десантными войсками. Выход был столь срочным, что Юрасовский даже не успел переменить погоны с лейтенантских на капитана II ранга — ему только что объявили о присвоении нового звания.

К десяти часам вечера небо заволкли тяжелые тучи, начался дождь. Тем не менее, к полуночи разведчики были у цели. Корабли, едва различая друг друга, принялись шнырять в поисках следов противника. «Страшный», снизив ход, «ползал» ближе к суше, но ничего такого, что могло быть связанным с пребыванием японцев, не заметил.

Наступила пора возвращения, и тут обнаружилось, что отряд исчез! Занявшись поиском уже своих, «Страшный» потерял время и только выбравшись из лабиринта бухт и проливов, увидел в открытом море подобные теням приземистые силуэты миноносцев, удалявшихся на юг, то есть в сторону Порт-Артура. Юрасовский отдал команду прибавить ходу и, ориентируясь по кормовому огню замыкающего, направился следом.

Около пяти часов утра на ведущем корабле появился сигнал. Совершенно незнакомое сочетание букв и цифр вызвало на ходовом мостике «Страшного» оцепенение —

это были чужие позывные! Отвечать на них означало выдать себя, не отвечать — то же самое.

Юрасовский нашел решение: воспользовавшись тем, что отряд двигался на ветер, то есть дымы несло на «Страшный», он нырнул в темную стелющуюся полосу, пытаясь замаскироваться. Но японцы заподозрили неладное и через короткое время повторили сигнал. «Страшному» ничего не оставалось делать, как ответить выстрелами и дать полный оборот винтам.

...Корабль вздрогнул и, как будто подтолкнутый, прибавил ходу. Плеск рассекаемых волн, клацание пушечных замков, грохот залпов...

Маневрируя и ведя огонь, противники сместились в сторону острова Кеп, и тут их заметили, — как свои с главного наблюдательного пункта Порт-Артура, с Золотой горы, так и патрулировавшие на границе внешнего рейда два легких японских крейсера. Если бы не это неожиданное препятствие, «Страшный» успел бы укрыться под защиту береговых дальнобойных батарей, на что и рассчитывал Юрасовский. Теперь же обложенный со всех сторон миноносец застонал под ударами снарядов. Экипаж его начал редеть. Из офицеров первыми погибли Юрасовский и мичман Акинфиев.

Лейтенант Малев, припав к торпедному аппарату, сумел поразить стрелявший с малой дистанции японский крейсер. Минер Черепанов, намереваясь добить его, взялся за ручку второго аппарата, но тут же над «Страшным» вспыхнул огненный шквал: неприятельский снаряд опередил действие матроса, взорвал торпеду прямо в стволе. Всех, кто находился рядом на палубе, разметало, разворотило и люк машинного отделения, убив механика Дмитриева, поранив прислугу.

Миноносец остановился. Малев приказал всем живым спастись в воду, а сам встал к митральезе, которую месяц назад снял с брандера вместе с механиком Дмитриевым. Беглый огонь скорострельной пушки посек ходовой мостик и трубы атакующего крейсера. Но это были уже последние выстрелы «Страшного». Через минуту лейтенант Малев, взмахнув руками, прислонив ладони к окровавленному лицу, стал оседать. Оседал, смертельно кренясь, и «Страшный»... На нем уже некому было радоваться мчавшемуся на помощь из Порт-Артура «Баяну». Разго-

няя истребителей, ведя дуэль с крейсерами, «Баян» успел подобрать с воды всего лишь пять русских матросов.

Среди спасенных оказался и друг Алексея Осиниша кочегар Оскар Теннисон, третий раз за эту войну терпящий крушение. После небольшого лечения ... от простуды, его назначили на миноносец «Сильный», но командир лейтенант Ходорович поспешил передать его на берег, в Квантунский экипаж. Свое решение он мотивировал тем, что человек, хоть раз тонувший в море, редко бывает хорошим служакой, а Теннисон тонул уже трижды. В конце концов эстонца определили в миный городок, там он нес службу исправно и сам соглашался с правомерностью своего перевода на берег: «Мне нельзя на корабле — приношу несчастье!...»

Схватка возле Кепа как бы всколыхнула главные силы русской и японской эскадр: на горизонте, со стороны острова Роунд, показалось восемнадцать вымпелов под командованием адмирала Того, им навстречу вышли на внешний рейд броненосцы и крейсера адмирала Макарова, приняв в строй вернувшегося «Баяна».

Ясно, что предстоял бой. На флагманском «Петропавловске» пошли вверх сигналы, определявшие место и движение кораблей. И вдруг в момент перестроения возле носа флагмана поднялся огромный столб воды. Раздались глухие звуки взрывов внутри корпуса броненосца; загудело, затрещало — во все стороны полетели обломки балок, шлюпок и сразу же — над средней частью корабля из-под палубы взметнулся огонь с тучей желтовато-бурого дыма. Через полторы-две минуты «Петропавловск», показав корму с еще вертящимися гребными винтами, исчез, оставив на морской поверхности только пятно водоворота, исчез вместе со всем экипажем, командующим и его штабом. Было 9 часов 43 минуты поутру.

Катера и шлюпки с других судов спешили на помощь спасшимся. Миноносец «Бесшумный» подобрал с воды великого князя Кирилла Владимировича. Августейший тут же приказал командиру «Бесшумного» лейтенанту Максимову идти в гавань; на следующий день специальный поезд великого князя покинул Порт-Артур. И надо же, Андрей Семенович Максимов, после Февральской революции первый выборный командующий Балтийского флота, позже вице-адмирал уже ВМФ СССР, получилось,

спас будущего зарубежного кандидата на российский престол...

Да мало ли их, горьких усмешек судьбы: 1-е апреля, день всеобщего шутовства и веселья, в 1904 году огласился в России печальным перезвоном колоколов, звавших людей на панихиду по адмиралу Макарову. Так было и в Курске и в Орле. Однако родственники командира «Страшного», тоже сложившего в тот же день свою голову в бою, находясь на церковной службе, еще не знали, что молятся и за спасение души «воина и боярина» Константина Константиновича Юрасовского...

Дело в том, что пресса, сосредоточась на трагедии «Петропавловска», одновременную гибель «Страшного» приняла всего лишь как малозначительный эпизод войны.

Иногда пишут: «Страшный» повторил подвиг «Стерегающего». «Повторил подвиг» — расхожая фраза. Нет, подвиги не повторяются, всегда каждый сам по себе, как неповторима каждая жизнь. Бывают лишь сходства, аналогии, параллели и, конечно, стремление подвести некий стандарт под высочайшее проявление человеческого духа.

В плен внешней аналогии попадали и современники, путая эти корабли и даже членов команды. Боцман миноносца «Бесшумный» Никифор Бегичев, тоже ходивший в разведку в ночь с 30 на 31 марта, утверждает в своем дневнике, что «Баян» спас пятерых матросов, но не со «Страшного», а со... «Стерегающего».

Мичман Рейнгард в своих печатных «Впечатлениях» еще и «уточнил», что на «Стерегающем» погиб лейтенант Малеев, то есть старший офицер со... «Страшного».

Найдутся и остряки. Вахтенный офицер с крейсера «Новик» лейтенант Штер тоже в опубликованных записках напишет так: «Странные случаи бывали во время почных экспедиций миноносцев, рассказывали, что один из командиров всю ночь проходил в компании с японскими миноносцами и только утром, когда выяснилась ошибка, японцы на него напали, так что ему с трудом удалось унести ноги». Если бы удалось...

Шаг за шагом убеждаешься, что со свидетельствами «очевидцев» надо быть осторожнее. Поэтому подвергнем

сомнению и утверждения свидетеля Порт-Артурской эпопеи Степанова, автора романа «Порт-Артур», будто бы капитан II ранга Юрасовский «в молодости пытался поиграть в политику», и что на эскадре его «чуть ли не за революционера считали».

Внучатый племянник героя, научный сотрудник института истории Академии Наук СССР А. В. Юрасовский, опровергая писателя, убедительно просил меня: «Ради бога, не делайте из Константина революционера — он им не был и не мог быть». Честно скажу, я и не пытался, так как для этого не имел ни малейших документальных оснований. Но никак не мог пройти мимо свидетельства о профессиональной увлеченности Константина Константиновича флотским делом. В частности, лейтенант Д. — так автор подписался под своими воспоминаниями о «Страшном», — утверждает:

«Как миный офицер Юрасовский пользовался серьезным авторитетом. Много он занимался и вопросом о подводном плавании. На «Страшном» погибла интересная коллекция книг, записок и фотографий по этому делу. А их так трудно собирать. В Артуре Юрасовский пробыл сравнительно недолго, но все-таки успел кое-что сделать. На «Страшном», например, был установлен им добавочный миный аппарат. Судя по словам спасенных из команды, этот аппарат принес в бою некоторую пользу»...

Вместе с тем Константин Константинович проявлял себя и в общественной деятельности. 19 апреля 1904 года в Орле состоялось собрание Ученой архивной комиссии, посвященное памяти капитана II ранга К. К. Юрасовского. Спрашивается, причем тут Архивная комиссия — общественная организация, занимающаяся исследованием и изучением губернии в архивном и этнографическом отношении?

Оказывается, командир «Страшного» издавна являлся действительным членом Комиссии и горячим сторонником создаваемого под ее эгидой Орловского исторического музея. Об этом можно судить по его личному вкладу в основные фонды музея. Сотрудники Орловского государ-

ственного архива помогли мне найти перечень этих даров: чучело большого медведя, щит и шлем чеканной работы мусульманского типа, кольчуга, два бердыша, два протазана, копье, секира, кистень, картины... Я видел в городском музее эти предметы, но дарственная книга исчезла еще до Великой Отечественной войны, поэтому судить, что от кого поступило, невозможно.

Вернемся к заседанию Архивной комиссии. Ее председатель генерал от инфантерии Александр Николаевич Шульгин, доложив о смерти в бою под Порт-Артуром К. К. Юрасовского, призвал почтить память героя вставанием. Затем собрание постановило выразить соболезнование вдове моряка — Татьяне Сергеевне и опубликовать в Трудах комиссии некролог. Написать это скорбное слово взялся сам председатель. Думается потому, что он, боевой генерал, особо отличившийся при переходе Дуная в июне 1877 года, в войне с Турцией, не только знал цену храбрости, но и являлся крупным ученым в области механики кораблестроения, в свое время заведовал кафедрой в Морской академии, то есть был близок к морской службе.

Со стороны Комиссии последовала просьба к родственникам Константина Константиновича — пожертвовать для музея его портрет. Эта просьба была обращена к братьям моряка, присутствовавшим на собрании, Алексею и Александру Константиновичам. Первый являлся чиновником казенной палаты, а второй — отставным штабс-ротмистром, жившим в 45 верстах от губернского города, в своем имении Мишково. И Алексей, и Александр, и Иван, московский врач, тоже являлись членами Архивной комиссии.

И еще одна незаурядная личность из Юрасовских значилась в активистах комиссии — супруга Алексея Елена Станиславовна. Только, похоже, ее, хорошенькую женщину, не столько интересовала археология, сколько возможность лишний раз показаться на людях. Такого рода активность проявляла она, состоя также в членах городского благотворительного общества и в дамах-патронессах приюта для девочек. Мужу Елена Станиславовна приносила много забот: в 1902 году ему пришлось из-за нее стреляться, а в 1905 она тайно убежала из дома, поступив артисткой в Тульский театр...

После своеобразной гражданской панихиды собрание перешло к оптимистической части, к проводам в Маньчжурию, на фронт Александра Константиновича Юрасовского. Снова взял слово генерал Шульгин. Он пояснил, что согласно Высочайшей воле, прошение отставного штабс-ротмистра Юрасовского о направлении его в действующую армию уважено: ему надлежит служить в 4-м Сибирском казачьем полку.

— Если в настоящее время благородный порыв души вашей ведет вас в великому участию в деле защиты дорогой родины, то ваши сочлены по Орловской Архивной комиссии глубоко сожалеют об оставлении вами дела комиссии,— этими словами из Благодарственного адреса, преподнесенного штабс-ротмистру, генерал закончил свою речь.

Александр Константинович являлся не только избранным секретарем Архивной комиссии, но и энтузиастом краеведческой работы. Он передал в Орловский музей коллекцию собранных им старинных монет, бивень мамонта и разную старину, которую вывез из родового гнезда — села Сурьяново, проданного после смерти отца. В библиотеке музея хранилась часть книг, скопленных несколькими поколениями Юрасовских, в их числе сборник рассказов и краеведческих очерков самого Александра Константиновича «Мелочи жизни», изданного в Орле в 1902 году.

Литературной деятельности штабс-офицера способствовало прошлое Мишково. Юрасовские приобрели это село с 244 десятинами земли у родственников сослуживца М. Ю. Лермонтова, корнета М. П. Глебова. По преданию Лермонтов бывал в Мишково, заезжал туда по дороге на Кавказ к товарищу, отдыхавшему дома после ранения. А 15 июля 1841 года Глебов, уже в роли секунданта поэта, присутствовал при дуэли с Мартыновым, с «Соломоновым сыном», как называл Лермонтов своего будущего убийцу.

Можно спорить — был или не был Лермонтов в Мишково, но то, что это сельцо связано с именем великого поэта — очевидно: никто не сомневается, что тут у Глебовых хранились исторические реликвии, имевшие отношения к Михаилу Юрьевичу. Никак не случайно Александр Константинович установил на фасаде дома мраморную доску, посвященную Лермонтову и бронзовый его бюст.

Наконец, в Мишково хранились рукописи самого нынешнего владельца и собранный им архив орловской старины, исторические документы, записи былей и легенд (удивительно поэтичная — о разбойнике Кудеяре), Труды Архивной комиссии, в которых Александр Константинович регулярно публиковался, даже афиши домашнего театра в Сурьянове. Словом, заботами А. К. Юрасовского, которому помогали все его братья, одноэтажный, в шесть окон по фасаду, деревянный дом, ничуть не похожий на барские хоромы, стал своеобразным литературным музеем.

Имелась в доме еще одна достопримечательность — мемориальная комната. Две противоположные стены в пей были задрапированы в красное и черное сукно. На красном — развешаны портреты здравствующих членов рода Юрасовских, на черном — почивших. Перед отъездом в Маньчжурию штабс-ротмистр произвел некоторое изменение: перенес фотографию брата-моряка со «здравия» на «упокой», а рядом с ней пристроил пустую рамку — на всякий случай, для себя...

* * *

«Кажется», «хорошо не помню» извинительно пишет Никифор Бегичев в своих «Записках боцмана», как будто чувствуя, что путает «Стережущего» со «Страшным». Если бы такие сомнения испытывали другие, по должностям более маститые исследователи, пополняющие до сего дня досье несуразид о «Стережущем» и его командире.

Старший офицер крейсера «Диана», знакомый нам капитан II ранга В. И. Семенов тоже оставил «Дневник очевидца», публиковавшийся в газете «Русь» в виде отдельных очерков, позже сведенных в книгу. Он писал:

«Двум миноносцам второго отряда «Решительному» и «Стережущему» не посчастливилось. Они при возвращении были отрезаны от Порт-Артура неприятелем втрое сильнейшим... Едва не дошло до абордажа. Рассказывали даже, что одному японцу удалось перескочить на палубу «Стережущего», где он ударом сабли успел свалить кого-то из офицеров, но и сам был немедленно убит».

Эту выдумку развивает художник И. А. Владимиров, прибывший в Порт-Артур в марте 1904 года в качестве военного корреспондента журналов «Нива» и «Огонек». По

Владимирову уже выходит, что «на абордаж» японцы пытались брать не «Стерегающего», а наоборот, «Решительного», матросы которого «бившиеся, как львы, почти всех их сбросили в море... И только с помощью свежих сил им удалось справиться с горстью оставшихся в живых героев».

Совершенно очевидно, что автор имел в виду совсем другую схватку, более позднюю, и не в Порт-Артуре, а в Чифу между безоружным экипажем «Решительного» и десантом моряков с японских миноносцев. Однако после той схватки от экипажа русского миноносца осталась в живых не «горсть героев», а вся команда, погиб всего лишь один матрос.

На этом легенда об «абордаже» не кончается. Появился «свидетель» и со стороны противника, тоже знакомый нам командир миноносца «Акацуки» капитан-лейтенант Нирутака. От него тоже остался документ — «Дневник японского морского офицера», несколько страниц которого посвящены бою «Акацуки» со... «Стерегающим».

«...Когда мы подошли к нему (к «Стерегающему» — А. Х.) приблизительно на 50 метров, я скомандовал: «На абордаж!» ...Мои люди прыгали как тигры, и я во главе их. ...Я надеялся заставить командира сдаться или захватить его насильно в плен. Мы кишулись вниз по лестнице с револьверами и ножами наготове... Только что я спустился на последнюю ступеньку, как на меня кишулся какой-то человек с поднятой саблей в руке, но я предупредил его удар и так дал ему по голове, что ...он упал и остался недвижим. Это был, как я потом рассмотрел, командир судна. Из остальных мы еще уложили полдюжины, а два легкораненых матроса сами сдались в плен. ...Кругом валялись оторванные руки, ноги, части головы и кучи внутренностей. Но зрелище это не производило на нас никакого впечатления». И т. д.

Итак, капитан-лейтенант Нирутака взял «Стерегающего» на абордаж (в дневнике трижды упоминается об этом!), он же лично убил командира, т. е. лейтенанта Сергеева; на его глазах русский миноносец пошел ко дну, к тому же столь стремительно, что команда «Акацуки» едва успела «перескочить на свое судно, отрубив державшие врага снасти»...

Опровергли сочинение Нирутаки его же соотечественники. В капитальном труде японского морского штаба — «Военные действия против русской эскадры в Порт-Арту-

ре» документально описано участие миноносца «Акацуки» в схватке с русскими близ Ляотешана. Только сражался он не со «Стерегущим», а с отрядом больших миноносцев 1-го отряда, то есть за несколько часов до возвращения «Стерегущего» из разведки к Элиотам. При этом «Акацуки» так был побит, что его сразу же после боя отправили на ремонт в Японию, в порт Сасебо.

Нирутака, вероятно, предчувствовал будущее разоблачение, поэтому, страхуясь, замечает, что в описаниях он обращается всего лишь «к своим милым родственникам, которые со временем прочтут этот дневник».

Немало загадок породила история с матросами, запершимися в кормовом отсеке «Стерегущего», пожертвовавшими собой, чтобы не отдать корабль врагу. Первыми о них рассказали японцы, но фамилий героев никто не знал. Так безымянными прошли они через газеты разных стран. Порт-Артурский «Новый край», ссылаясь на телеграфную публикацию лондонской «Таймс», с горечью добавил от себя: «Возможно, что имена этих двух неизвестных героев со «Стерегущего» не будут внесены на страницы истории: морские бездны своих тайн не выдают».

Однако вмешался случай. Консулу Франции в городе Кобэ г-ну Фосарье де Люси пришло письмо из Мацуямы. Писал капитан II ранга Селецкий, бывший командир парохода «Екатеринослав», захваченного японцами 24 января 1904 года. Селецкий был доставлен в Мацуяму и там встретился с моряками со «Стерегущего». Являясь старшим по званию в лагере военнопленных, он договорился с администрацией охраны держать Алексея Осинина при себе в качестве вестового. И это, несмотря на крутой характер бывшего кочегара, который постоянно отстаивал, порой в дерзкой форме, достоинство русского моряка в плену. Возможно, характером он и понравился кавторангу, тоже человеку не робкого десятка.

Селецкий записал рассказ Осинина о бое «Стерегущего» и отправил его французскому консулу с просьбой довести этот документ до сведения русского правительства. Осинин-то и поведал капитану II ранга о героях — трюмном машинисте 2-й статьи или как его называли тогда, «хозяине трюмных отсеков», Василии Новикове и машинном квартирмейстере Иване Бухареве.

Однако в «Описании, составленном по документам архива русско-японской войны Морского министерства», читатель находит, что Новиков, открывший кингстоны, успевает выбраться из затопленного отсека, то есть остается жив и попадает в плен...

В двухтомнике «С. С. Макаров. Документы», в научных комментариях находим и такой вариант: «Иногда считается, что затопили минопосец машинист Василий Новиков и кочегар Алексей Осинин». Кем считается? Сам Алексей Александрович Осинин, судя по записи его рассказа, такого высокого свершения себе не приписывал.

Пуганица произошла по простой причине: на «Стерегущем» среди нижних чинов было двое Новиковых и оба — Василии... Отличались они только отчествами и чинами: Василий Николаевич, уроженец Томской губернии, Тутьольского уезда, — машинный квартирмейстер, а Василий Сергеевич, уроженец Воронежской губернии, Коротоякского уезда, — трюмный машинист. Коротоякский-то Новиков, по договоренности с машинным квартирмейстером 1-й статьи Иваном Михайловичем Бухаревым, и открыл кингстоны. Они оба погибли, а машинный квартирмейстер Василий Николаевич Новиков остался жив, хотя, по его словам, он тоже принимал участие в потоплении «Стерегущего» — открыл клинкеты — задвижки в водонепроницаемых переборках машинного отделения.

Рассчитывая что-то узнать о коротоякском Новикове, я написал письма в Воронежский областной государственный архив и в райцентр — г. Коротояк, откуда призывался Василий Сергеевич. К сожалению, никто на родине героя не вдохновился на поиск сведений о нем. Ответы свелись к ни к чему не обязывающим словам: «не известно», «не значится».

В Центральном Государственном архиве Военно-морского флота СССР хранится немало документов, касающихся «Стерегущего», — среди них имеются и показания свидетелей: капитана II ранга Боссе, письмо машинного квартирмейстера 2-ой статьи Ф. Юрьева и др. Поэтому нельзя пройти мимо утверждения авторов «Истории русско-японской войны 1904–1905 гг.» о том, что «разновременные показания ...четырёх живых свидетелей боя настолько сбивчивы в подробностях, что считать их достоверными нет достаточных оснований».

Во всяком случае, слово «разновременные» натолкнуло меня на желание обратиться еще раз к личности кочегара Алексея Осинина, автора самых первых, а значит и меньше обросших «сбивчивыми подробностями» показаний. Можно ли доверять рассказу этого человека?

В отличие от Воронежа, имеющего прямое касательство к русскому военному флоту, к его созданию 300 лет назад, глубинка Татарии — бывший уездный городок Мамадыш помнит о своем земляке Осинине. Коренная жительница Мамадыша Елизавета Михайловна Андропова поведала мне о родственниках кочегара — о жене, детях, внуках, племяннике, выслала фотографии. Появились и другие, очень доброжелательные адресаты, порой самые неожиданные: адмиралы — Е. П. Збрицкий из Севастополя и С. Е. Захаров из Москвы, ответственный секретарь Президиума Совета ветеранов Тихоокеанского флота, капитан III ранга П. И. Хрулев, краевед из Костромы, почетный гражданин города А. А. Григоров и, что совсем приятно — супруга Якова Алексеевича Осинина, сына героя, Надежда Леонтьевна.

Если все собранное расставить в хронологическом порядке, то послевоенная биография А. А. Осинина складывалась так.

Из плена Алексей Александрович вернулся осенью 1905 года через Владивосток, о чем имеется пометка в «Алфавитной книжке нижних чинов Тихоокеанского флота». Вернулся как будто с того света, — столь безмерна была радость жены и трех дочек — жив кормилец, с целыми руками и ногами! — а также деда Еремушки, бывшего моряка, прослужившего на флоте двадцать пять лет, побывавшего на всех четырех океанах...

Из рассказов родственников и знакомых Осинина передо мной постепенно слагался облик незаурядной личности. Коротко постараюсь повторить незатейливые строчки из их писем.

Алексей Александрович был осанистым жгучим брюнетом — черные пышные волосы, темно-карие глаза, зубы белые. В компании — душа-человек, весельчак, сообразительный, даже умел играть в шахматы. Характером был горяч, но справедлив. И силушкой бог не обидел, наделил такой, что в кулачных боях, которые устраивались в Гремячке на пасху, троицу и в престольный день, с ним старались не сталкиваться — сшибал с ног с одного удара.

Под стать себе выбрал Алексей и жену — Марицу: в округе слыла красавицей — светло-русые, толщиной в руку косы, лицо белое, улыбочное. По праздникам Осинины ходили в церковь в Мамадыш — две версты от Гремячки. Священник выделял бывшего моряка среди прихожан как спасителя судовой иконы: от вражеского поругания избавил и в плену сберег.

Зато в уездном полицейском управлении гадали, как бы его приструнить, так как, бывая в подпитии, отставной кочевар приставал к полицейским, ругал их по-всякому, обзывал тыловыми разбойниками. И сидеть бы ему в холодной, не спасли бы и награды — два Георгиевских креста, серебряная медаль «В память русско-японской войны», Крест участника обороны Порт-Артура, но о нем знали в самом Петербурге, в Морском министерстве, — деньги оттуда на его имя присылали, поэтому арестовывать не решались. Ну а после поездки в столицу, когда в открытом Сытинском календаре появилась фотография — Осинин разговаривает с царем возле памятника «Стерегущему», прошла молва, что он вообще неприкосновенный...

Жил «неприкосновенный» не очень-то богато, как никак сам шестой (родился еще сын Яков), поэтому после уборки урожая обычно нускался в отходничество по ближним и дальним деревням — сапожничать и катать валенки. В 1918 году в Гремячке образовалась коммуна. Алексей Александрович, поверив в новую светлую жизнь, в числе первых вошел в нее, передав земельный надел и скотину.

Трудно сказать, как бы повернулась жизнь бывшего моряка, но в 1920 году скоропостижно от паралича скончалась Марина, а в 1921-м схватил за горло голод. В поисках пропитания, многие из гремяченских двинулись в хлебную Сибирь, Алексей Александрович с сыном (дочери обзавелись собственными семьями) — в Тюменскую губернию. Там и обосновался в селе Пушкарево.

Кормило Осинина ремесло. Валенки или пимы, как называли сибиряки эту обувь, он катал — лучше нельзя, на совесть: черные и серые, белые как снег, полусапожки и с голенищами выше колен — для долгого пути по зимним трактам, а для модниц — чесанки из отборной овечьей шерсти, тонкие и гибкие как варежки, с красным или синим узором. Словом, на любой вкус и достаток. Работал на дому заказчика, переезжая из села в село. И вот так, в

дороге, в злую февральскую стужу замерз до смерти. Случилось это в 1927 году.

Сын Яков остался один. Сельский активист, он как раз в том году был выдвинут на очень ответственную по тому времени должность — агентом по заготовке коней для Красной кавалерии, а через четыре года его направили в Тюмень — в пилотскую школу. С тех пор, до выхода на пенсию в начале 1946 года, Яков Алексеевич не расставался с военной авиацией. В его личном деле значатся фронты: Юго-Западный, Сталинградский, Брянский, Белорусский, 1-й Украинский. Последняя фронтовая должность — главный штурман по радионавигации 1-го штурмового авиакорпуса. Умер гвардии майор Яков Осинин в 1980 году в Новороссийске. «Он сильно походил на отца, и внешностью и характером», — замечает в письме Надежда Леонтьевна, приславшая мне копию личного дела супруга.

...В который раз просматриваю собранное за многие годы досье на кочегара 1-й статьи миноносца «Стерегающий» А. А. Осинина: письма от руки и на машинке, копии документов, фотографии. Вот он глядит на меня со снимка, сделанного в плену, в Мацуяме: опирающаяся на руку мощная фигура, крупная, широколобая голова на короткой шее, стрижка бобриком, окладистая до ушей, тоже короткая бородка и сливающиеся с ней усы, — все привлекательно, хотя в общем-то и обыкновенно, но взгляд изпод пасупленных, сросшихся бровей незабываем, как живой, и скрещивается с моим, не выражая особой доверчивости к человеку 90-х годов XX века...

* * *

Нет, я не возьму на себя смелость — впрочем, не то слово, — ответственность назвать свое повествование документальным: противоречия очевидцев, а также ранних и поздних исследователей удручают. Для того, чтобы выйти на истинное понимание того или иного события, факта, порой приходилось решать историко-географические уравнения.

Куда, например, были направлены «Стерегающий» с «Решительным»?

1. «Для разведки побережья Квантунского полуострова». (Сб. «Корабли-герои». М. 1976).

2. «В ночную разведку к островам Элиоты и Блонд». (Воен. энцикл.)

3. «На разведку острова Торитон». (Примечание редакции к русск. переводу «Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мэйдзи», т. I, СПб, 1909.)

4. «Для обследования островов Элиоты и других». (А. Сорокин. «Русско-японская война 1904-1905 гг. М. 1956). И т. д.

Ну а сколько кораблей вступило в бой со «Стерегущим»?

1. «Стерегущий» был окружен пятью неприятельскими крейсерами». (М. Костенко. «Осада и сдача крепости Порт-Артур». Кисв. 1906).

2. «Неприятель атаковал четырьмя миноносцами и одним крейсером». («Русский воин», 1906 г., № 17/18).

3. «Стерегущий», окруженный 12-ю миноносцами и 5-ю крейсерами, был расстрелян и пошел ко дну». (Е. Ножин. «Правда о Порт-Артуре», СПб, 1906) и т. д.

Варьируется и продолжительность боя — от одного часа до двух с половиной. Ну а капитан-лейтенант Нирутака в своем «Дневнике японского офицера» расправляется со «Стерегущим» за... пятнадцать минут!

И еще об одном серьезном разночтении. До сего дня дискутируется вопрос — правильно ли поступил «Решительный», оставив «Стерегущего» одного против сильнейшего противника? Оценка поступка командира «Решительного» капитана II ранга Боссе оказалась разной не только что с первых дней, а с первых же часов после трагедии. Мичман Федор фон Рейнгард в книге «Мало прожито — много пережито» писал об этом так:

«...Из экипажа мы пошли в Морское собрание. Сидело там несколько офицеров и спорило о вчерашнем почном бое. Одни сильно осуждали миноносец «Решительный» за то, что будучи в паре со «Стерегущим», не поддержал его, а пробился в Порт-Артур. Другие же доказывали, что лучше спасти один миноносец, нежели погибнуть двум»...

Кочует из публикации в публикацию и такой довод — «Стерегущий» обладал меньшей скоростью, чем «Решительный», потому и отстал,— довод, похожий на упрек, выданный посмертно лейтенанту Сергееву, как бы не сумевшему обеспечить надлежащего технического состояния корабля...

Есть смысл представить точку зрения тихоокеанца, участника отважного Курильского десанта 1945 года, капитана III ранга Н. В. Ромарчука: «Мое мнение относительно поведения командира миноносца «Решительный»,

который, будучи старшим в группе, прорвался в Порт-Артур в одиночку, отрицательное. И те, кто его как-то оправдывают, далеки от морского товарищества. Я не знаю судьбу капитана II ранга Боссе, но мне кажется, его должны были судить за трусость. Русские моряки с петровских времен, со дня создания ВМФ, славились взаимовыручкой, тому много примеров. Взять хотя бы тот, что показал командир «Варяга» капитан I ранга Руднев: он не оставил «Корейца» одного перед Японской эскадрой... Память о подвиге первого «Стерегущего» живет и будет жить в боевых традициях нашего флота».

Если уж продолжать о традициях, то здесь уместно вспомнить факты из биографий следующих «Стерегущих» — 2-го и 3-го, у них тоже были свои звездные часы.

...1918 год, весна,— немцы рвутся к Гельсингфорсу, рассчитывая захватить базирующийся там русский флот. Там же, в составе минной дивизии находится и «Стерегущий» — второй. Финский залив покрыт льдом, казалось бы, выход в море заблокирован. Так считали и интервенты. Но происходит невероятное по коллективному мужеству и организованности событие, которое будет вписано в историю русского Военно-Морского Флота с большой буквы как имя собственное — Ледовый поход.

236 кораблей — бронепосцы, крейсера, подводные лодки, минопосцы и минные заградители, тральщики, сторожевые и другие суда, используя весенние подвижки льда, временные полыньи, взяли курс на Кронштадт. Корабли пробивались несколькими эшелонами по 11 апреля, застревая в ледяных полях, обламывая вишты, «Стерегущий» уходил в числе самых последних. Старый эсминец, потрепанный в войну, с залатанной пластырем пробоиной в левом борту, пустился в этот рискованный поход, предпочитая быть раздавленным льдами, чем сдаться на милость врага...

Среди боевых операций «Стерегущего» — третьего, построенного перед Великой Отечественной войной, перечень которых предоставил мне его командир Аркадий Павлович Збрицкий, вице-адмирал, особое внимание привлекла одна, как-то перекликавшаяся с ..Ледовым походом: тоже Финский залив и курс — на Кронштадт, тоже на пути опасные поля, правда, на этот раз не ледяные, а минные, тоже исключительная ответственность задания — срочно увести из Таллина, из-под носа немцев (опять немцев!)

турбоэлектроход «Балтика», переполисненный ранеными (3500 человек) и эвакуировавшимися женщинами с детьми, то есть по существу, спасти их.

«Балтика» — санитарный транспорт, по командование понимало, что для фашистов обозначение Красного Креста не имело ни малейшего значения, поэтому рассчитывало только на надежное охранение. Доставку транспорта поручили «Стерегущему», придав ему в помощь три боевых судна.

Начало похода — 11 августа 1941 года — получилось тяжелым: тральщик «Крамбол», следуя впереди конвоя, расчищая от мин фарватер, подорвался и мгновенно утонул, два других тоже получили серьезные повреждения, поэтому вынужденно задержались на ремонт. Прокладывать далее путь, то есть встать головным пришлось самому «Стерегущему». Эсминец тоже не избежал столкновения с одной из мин, получил повреждение борта. Но экипаж сумел оперативно локализовать залитую водой и мазутом кочегарку, обеспечить хотя и ограниченную, но уверенную скорость.

Корабли приближались к острову Гогланд. Казалось, наиболее опасные участки моря уже позади, но тут снова раздался взрыв, на этот раз под «Балтикой». Турбоэлектроход застыл, накрепившись до 35 градусов.

«...Тысячи обезумевших от страха людей металась по верхней палубе, моля о помощи,— пишет Збрицкий.— Взять такую массу народа мы не могли, поэтому решили спасти саму «Балтику», а с ней — и всех ее пассажиров, раненых. Немедленно высадили на подорвавшееся судно аварийную партию, завели буксир. Крен удалось устранить, запустили некоторые механизмы, но машины не оживили»...

13 августа «Стерегущий» все-таки привел беспомощный транспорт на Большой Кронштадский рейд и передал его портовикам.

За 90 дней войны, схваток с подводными лодками и торпедными катерами противника, участием в десантных операциях, в перехватах и уничтожении транспортов и конвоев, отражении воздушных налетов (только в июле их было 50!), эсминец не потерял ни одного человека. За такую удачливость он получил ласковое прозвище — «Самый Щастливый», по обозначенным на бортах литерам — «С. Щ.»

Так было до 21 сентября 1941 года, до последнего его боя. Заняв позицию на Петергофском рейде, «Стерегущий» вел огонь по пехоте и танкам фашистов, рвавшихся на Ораниенбаум и Стрельну. Он успешно отбивался зенитками от икирирующих бомбардировщиков, маневрируя, уходил от прямых попаданий — бомбы ложились то впереди по курсу, то за кормой. Роковой оказалась вывалившаяся из-за облаков волна из шестнадцати «Юнкерсов» — несколько бомб взорвалось вплотную у правого борта эсминца. Через огромные пробоины в районе 1-й и 2-й машины внутрь корпуса хлынули потоки воды. Корабль начал валиться на бок, вскоре его левый борт превратился в палубу. Но никто не пытался паниковать, не прекращался огонь из ручных пулеметов и противотанковых ружей...

Когда уже скрылась в воде грот-мачта, пришла помощь — самолеты-истребители и катера. Катерники, под прикрытием с воздуха, принялись снимать команду, в первую очередь 60 тяжелораненых моряков, 18 осталось навсегда в водах Финского залива...

«Стерегущий» 1-й прожил менее года, 2-й — семнадцать лет, его списали в 1922 году, биография 3-го оказалась короткой, как и 1-го. Ныне на Тихом океане несет службу «Стерегущий» — 4-й, большой противолодочный корабль, живой памятник и продолжатель боевых традиций своих предшественников.

«В службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишающих права на получение Знака отличия беспорочной службы или отдающих срок выслуги к сему знаку. ...Исключен из списков Высочайшим приказом по Морскому ведомству № 532, 15 марта 1904 г.» — такими ледяными канцелярскими словосочетаниями завершается «Полный послужной список» на лейтенанта А. С. Сергеева, хранящийся почти сто лет в Центральном Государственном архиве ВМФ.

В Ленинграде же, в Центральном военно-морском музее, имеется экспозиция, посвященная «Стерегущему», а вот на родине командира, в Курске, нет ничего. Поэтому, когда ко мне пришла просьба Исторической комиссии Краснознаменного Тихоокеанского флота рассказать, как

берегут в Курске память о земляках-героях русско-японской войны (только на «Варяге» служило пятеро курян), я, надевающий в день Победы знак ветерана КТОФ, почувствовал себя, мягко скажем, в смущенном состоянии: жить четверть века в городе знаменитого сослуживца и не знать об этом,— тоже демонстрировать историческое беспамятство.

К сожалению, на свои обращения в Государственный областной архив, в краеведческий музей и другие уважаемые учреждения с просьбой сообщить что-то о семье Сергеевых, родителях командира миноносца «Стергуций», о том, где он учился, жил, я не услышал вразумительных ответов. Пришлось отложить текущие писательские дела, и взяться за поиск. Надеялся, что на это уйдет два-три месяца, а вышло так, что не уложился и в три года.

...Воистину, ищем далеко, а находим близко, а то и рядом. Персональной пенсионерке Галине Семеновне Ашихминой, племяннице лейтенанта Сергеева, когда мы с ней познакомились, шел 87-й год. Возраст почтенный. Сидя за столом в ее небольшой уютной квартире, мы беседуем — в который раз! — о событиях пачала XX века, считай, миновавшего. Нет, она не помнит своего отца, Павла Семеновича, а брата его — Александра, моряка,— так, чуть-чуть, как в тумане. В кабинете деда, Семёна Александровича, висел его увеличенный портрет, присланный в 1894 году из Греции, из Пирея. Оригинал фотографии Семён Александрович после гибели сына передал в Курский музей, открывшийся как раз в разгар войны, в январе 1905 года,— упростили устроители. В семье от того времени более ничего не сохранилось. Документы, фотоальбомы, письма — все было уничтожено в 30-х годах. О причинах такого варварства чуть позже...

Что ж, не будем разочаровываться, попробуем факты, запечатленные памятью, как на кальке, наложить на собранную мною, пусть редкую, но документальную основу,— что-то совместится, что-то отсеется. В частности, сразу отсеялась такая новость, появившаяся в 1984 году в местной молодежной газете «Молодая гвардия»:

«Несколько лет назад в Курск приезжали дочери отважного командира с правнуками ...Жаль, что из-за своей скромности не оставили своих адресов».

Увы, не могли они оставить своих адресов, как и приехать, хотя бы потому, что детей у лейтенанта Сергеева и

его супруги Наталии Павловны — ни дочерей, ни сыновей, — не было. По этой причине не могли появиться ни внуки, ни правнуки...

В другом литературном источнике, в книге «Стерегищий», написанной в 50-х годах, утверждается, что он вовсе не был женат. Мало того, автор, однофамилец Александра Семеновича, вообще лишает нашего героя родителей и родственников, сочиняя мифическую родословную. Получается, что один из близких родичей А. С. Сергеева вместе с Беллинсгаузеном открывал Антарктиду, другой под командованием Макарова служил на знаменитом минометном пароходе «Великий князь Константин» и громил турок в русско-турецкую войну 1873-76 гг., ну а отец лейтенанта, будучи юнкером флота в Крымскую войну 1853-56 гг., под руководством уже самого Нахимова, защищал бастионы Севастополя, был отмечен четырьмя Георгиями. Позже служил в Архангельске...

При самом беглом сличении вышеуказанных «биографических данных» с документами, обнаруженными мною в архивах, становится ясно, что первые — плод фантазии автора. В действительности же, в жизни, все проще, скромнее, но не менее благородно, порядочно.

Из Формулярного списка отца лейтенанта Сергеева, Семена Александровича, заполненного собственноручно в 1880 году, узнаем, что происходил Семен Александрович из мелкопоместных дворян Щигровского уезда, из родового имел 120 десятин земли, а из «благоприобретенного» — деревянный дом в Курске. Служил делопроизводителем Курской врачебной управы. Там же, в управе начинал и карьеру — писцом в 1848 году, пройдя «испытания во грамматике и арифметике», образование имел домашнее.

Словом, командир «Стерегищего» был сыном обычного государственного чиновника, со скромным годовым жалованием в 305 рублей, без родовых богатств и знатности. И жену взял из семьи себе подобных — она была дочерью отставного губернского секретаря, то есть тоже небольшого чиновника.

О том, что Сергеевы не отличались ни знатностью, ни богатством свидетельствует и их дом. Я нашел его на нынешней улице Карла Либкнехта. Да, деревянный, как и записано в формуляре, одноэтажный, в четыре окна по фасаду, он отодвинут далеко вглубь двора, как будто нарочно отказывается претендовать на архитектурную и, тем

более, историческую уникальность. В нем давно никто не живет, намечен к спосу.

Выдумкой оказался и высокий чин хозяина дома: звание надворного советника Семен Александрович получил через тридцать два года беспорочной службы по врачебному ведомству. Не числится за ним ни «юнкерства» по флоту, ни подвигов, ни «георгиев». Перечень наград старшего Сергеева, правда, включает темно-бронзовую медаль «В память войны 1853-1856 гг.», однако в формулярном списке он сообщает без обиняков: «В походах против неприятеля и в самих сражениях не был». А медалью был награжден за то, что по должности участвовал в формировании медицинских отрядов, которые Курск вместе с ополчением отправлял в Крым, на фронт.

...В кафедральном Казанском соборе города, до его закрытия, на стене, противоположной иконостасу, стояло 17 знамен бывших дружин Курского ополчения, участвовавших в Крымской войне. На их долю выпала честь активно защищать Севастополь. По окончании военных действий и возвращении дружин, боевые знамена были перенесены навечно в собор — с колокольным звоном, церемониальным маршем. На древках имелись таблички. Приведу текст одной из них:

«Получено и освящено 6 июля 1855 года. Состояло при дружине № 47 1 год, 1 месяц и 16 дней. С 22 по 28 августа находилось на 3-м бастионе, устроенном для защиты Севастополя, где во время штурма 27 числа дружина при святом знамени своем за Веру, Царя и Отечество троекратно отбила со славой и честью приступ неприятеля. ...Ратников же всего убитых и раненых выбыло из фронта до 400 человек».

Семен Александрович слыл человеком твердым и справедливым. В областном государственном архиве мне попало его ходатайство о награждении Почетной медалью за Крымскую кампанию курских медиков. Он вписал туда, помимо врачей, еще и фельдшеров, лекарственных учеников, хотя по положению, конечно, ему известно, такие медали выдавались только тем лицам, чиновный класс которых по табелю о рангах приравнивался к офицерскому.

О характере делопроизводителя врачебной управы Сергеева можно судить и по почерку — крупный, исключительно четкий, лишенный обычных канцелярских зави-

тушек. За жесткость натуры и молчаливость коллеги прозвали его «щигровским сфинксом», по названию каменной фигуры половецких времен, обнаруженной под Щиграми, позже перенесенной к городскому музею.

Пишу все это к тому, что по рассказам, лейтенант Сергеев сильно походил на отца — и внешнеюстью и характером. Эти-то черты и помогли ему стать человеком долга, патриотом.

Имение Сергеевых в Стаканове (называлось оно Москвинка) принадлежало супруге Семена Александровича и по ее завещанию перешло сыновьям. После смерти Павла, который жил в Стаканове, братьям не раз приходила мысль продать Москвинку. Однако жизнь распорядилась по-иному — продавать имение пришлось самому Семену Александровичу.

Следующему владельцу, кулаку-толстосуму Мелихову, пришлось расстаться с ним уже не по своей воле — бежал влед за отступавшими деникинскими войсками. И таковы повороты Истории: среди тех, кто гнал белых, находился паровозный машинист из Щигров Алексей Ашихмин, будущий муж племянницы лейтенанта Сергеева Галочки, Галины Семеновны. Окончив Курское епархиальное училище, она стала к тому времени учительницей.

Я съездил в Стаканово. Старожилы подвели меня к бывшему пруду и показали на лиловый прямоугольник на берегу, обозначенный кустами цветущей сирени, пояснив, что это фундамент родового дома Сергеевых, сгоревшего еще в Гражданскую войну. В селе сохранилась школа, построенная дедом Александра Семеновича. Имелся в Стаканове еще один, скажем так, объект, на который просила меня обратить внимание Галина Семеновна, — церковь. Сложенная из красного, гладкого, как будто глазурированного, кирпича, она выделялась особой заброшенностью: пробитый кукол, окна без стекол, сорваны двери, среди заляпанных стен один единственный прихожанин — лениво кружащийся вестер...

Невдомек было моим юным экскурсоводам по селу, что перед ними не просто здание, предназначенное для исполнения религиозных обрядов, а еще и памятник героям Порт-Артура, «Стережущего»...

Да, у стакановского храма особая история. После русско-японской войны Семен Александрович оказался последником четырех сыновей, владельцем имения Москвин-

ка. Что может быть горестнее, противоестественнее для родителя, чем пережить своих детей? — он твердо решил избавиться от наследства, продать хозяйство и дом, а вырученные деньги использовать на милосердие, на постройку в Стаканове каменной церкви.

Нет, не для того, чтобы замазывать собственные грехи — по наблюдениям Галины Семеновны, Семен Александрович не отличался религиозным рвением, — а в память о безвременно ушедших из жизни сыновьях — Вячеславе и Павле, умерших от сердечной болезни, а также о сложивших свои головы в далеком Порт-Артуре Александре и Николае. Кстати сказать, управлял имением до его продажи тоже порт-артурец, отставной солдат из Стаканова Иван Исаков.

Семен Александрович подробно входил в дела строительства храма, выбрал известного своим мастерством и добросовестностью подрядчика Маслова, сам наблюдал, как в Курске, на металлическом заводе Степанова исполнялись заказы, из чугуна и железа — кованые решетки на окна, наружные двери, фасонная ограда... Работы шли споро. Маслов собрал артель каменщиков, нашел в окрестностях Стаканова хорошие глины, устроил на месте завод для обжига кирпича. Село аккуратно выделяло конную тягу, время от времени устраивало «помочи», авралы, говоря по-морскому.

Церковь открывали 3-го февраля 1910 года. Семен Александрович не смог поехать на ее освящение — после паралича у него отнялись ноги. Вместо себя он послал самого близкого родственника — 10-летнего внука Галю.

«...О плавающих, путешествующих, недугующих помолимся», — торжественно звучало под расписными сводами, — это о живых, и с еще большей торжественностью, — вечная память об ушедших...

Я обнаружил в Курском областном архиве ведомости поминовений в стакановской церкви. За сто лет в сомне имен искать знакомые было, конечно, бессмысленно: известно, что число почивших насильственной смертью в XX веке росло как никогда стремительно, в особенности в нашей стране.

В сельском клубе, на покрашенной под мрамор доске, тоже представлена своеобразная поминальная ведомость. Под словами — «Никто не забыт, ничто не забыто» начертан список из 250 фамилий — жители Стаканова, не вер-

нувшиеся с фронтов Великой Отечественной. Отплавляли, отпуществовали, отстрадали...

Нет, не знали мои спутники, девчонки и мальчишки, что здешняя церковь — тоже мемориал, что надо бы внутри ее, на стене, противоположной клиросу, как это было и в Знаменском кафедральном соборе, тоже поместить историческую святыню — корабельную икону, спасенную со «Стерегущего», и еще бы сюда, в назидание юным умам и душам,— описание подвига русского миноносца, связанного навечно через своего командира с курской землей. Воистину, о спасении Памяти, господи, миром помолимся...

Тоскливо своеобразна, а порой и кощунственна наша «благодарность» предкам. Тому пример и судьба племянницы лейтенанта Сергеева Галины. Выйдя замуж за большевика Алексея Ашихмина, мать которого до смерти замучили в деникинской контрразведке, Галина Семеновна, уже нашей контрразведкой, была «разоблачена» в 1937 году, в Алма-Ате, как пособница своего мужа, «врага народа» Алексея Ашихмина — прокурора знаменитого Турксиба — выгучился, стал образованным юристом на свою голову паровозный машинист из Щигров! — и просидела в концлагерях Казахстана до 1945 года и там же отбыла ссылку до 1956 года. Вернулась в Курск, здесь к ней отнеслись по-людски: дали квартирку, начислили персональную пенсию местного значения и даже прикрепили к «престижной» поликлинике. Скончалась Галина Семеновна 28 сентября 1988 года.

Судьба другой внучки Семена Александровича — Жени, Евгении, дочери Николая Семеновича, подполковника-артиллериста, осталась неведомой. Установил, что вместе с матерью она вернулась из Порт-Артура в Киев (успели уехать из крепости до начала полной блокады, то есть до того, как была перерезана японцами железная дорога через Квантун). В Курске она показалась всего лишь один раз, в 1916 году, уже взрослой, закончившей гимназию девушкой. Семен Александрович не нашел в ней ничего от «сергеевской породы», от отца, тем не менее отнесся ласково и перед отъездом подарил на свадьбу 10 тысяч рублей, ровно столько, сколько отложил и для Гали. Галя жила с дедом до самой его кончины в 1918 году, сама и хоронила. Со смертью Семена Александровича оборвалась и переписка с Наталией Павловной, вдовой лейтенанта Сергеева...

Весомая доля исторической благодарности была отпущена потомкам и родственникам командира «Страшного» капитана II ранга Константина Константиновича Юрасовского, сослуживца Сергеева. На групповой фотографии, любезно предоставленной мне его внучатим племянником, научным сотрудником одного из институтов Академии Наук СССР, Алексеем Владимировичем Юрасовским, видны трое взрослых братьев командира «Страшного» в окружении двенадцати мальчиков и девочек. Ровно половина этой ребячьей дюжины, самая мал-маломень, — потомство Константина Константиновича, оставшиеся после него сироты (снимок сделан, судя по отметке, в 1907 году).

Вся группа тесно расположилась на деревянных щелистых ступенях старого барского дома в Мишково. Офицер в белом кителе, с лихо закрученными усами, — это владелец дома, казачий сотник в отставке Александр Константинович, «оригинал, фантазер, орловский историк и, к сожалению, тяжелый выпивоха», — так его характеризуют родственники, с другого края крыльца — Алексей Константинович — юрист, податный инспектор в Орле, в центре — Иван Константинович, московский врач, с супругой, артисткой Большого театра Надеждой Салиной...

Говоря о молодежи, коснемся только некоторых лиц по мужской линии. Сыновья командира «Страшного», погодки Денис и Константин, по примеру отца, стали офицерами флота. Помощь в воспитании их, до поступления в кадетский морской корпус, оказывала вся большая родня. 28-летняя вдова Константина Константиновича, Татьяна Сергеевна, оставшись с кучей детей, старшему из которых не было и десяти лет, а младшая дочь Анна — грудная, вначале растерялась. Ее свекровь писала сыну Александру Константиновичу в Маньчжурию, на фронт: «...Благодарим бога, что Он сохранил тебя. Как жаль, что Константин погиб, имея такую многочисленную семью, чрез его смерть она много потеряла. Все это скажется в будущем»... Сказалось, да так, как не могло и присниться в самом тяжелом сне.

Моряки — Денис и Константин погибли вскоре после революции: первый — в Севастополе, в ночь с 22 на 23

февраля 1918 года во время массового матросского самосуда, когда было убито около 250 офицеров, а второй, согласно бытующей среди родственников легенде,— в 1920-м в Мурманске, служа на миноносце «Капитан II ранга Юрасовский», то есть умер как бы на руках отца. Впрочем, не совсем легенда. Миноносец входил в состав военно-морских сил марионеточного Временного правительства Ссеверной области, и 21-го февраля, когда в Мурманске началось восстание рабочих (далее цитирую архивные данные), «помощник генерал-губернатора Ермолов приказал командиру миноносца «Юрасовский» обстрелять город из орудий. Узнав об этом, рабочие стоявшего рядом с «Юрасовским» ремонтного судна «Ксения» застрелили командира миноносца», хотя корабль не выпустил ни одного снаряда...

После изгнания интервентов миноносец «Юрасовский» до лета 1924 года, до списания, числился в составе Беломорской флотилии.

Несколько слов о других персонажах фотографии. Вернемся к «офицеру в белом кителе» Александру Константиновичу Юрасовскому.

«Будем ожидать вашего возвращения в родное гнездо»,— так было записано в Благодарственном адресе, врученном ему перед отъездом на фронт. Однако встретили в «родном грезде» вернувшегося через год из Маньчжурии воина, теперь уж есаула, неважно. Тому свидетельство увиденная мною в Орловском краеведческом музее телеграмма корреспондента Санкт-Петербургского телеграфного агентства — СПА, предшественника нынешнего ТАСС:

«Орел. 11 июня (СПА). В Мценском уезде крестьяне громят экономию есаула Юрасовского. Вчера ночью стекла помещичьего дома побиты камнями. Увещевания Юрасовского не производят действия».

Мне не удалось выяснить, чем закончился конфликт, но думается, что взаимопонимание было найдено. По рассказу дореволюционного краеведа В. Смысловского, 15 июля 1909 года «торжественно, при большом стечении публики (надо полагать, и жителей Мишково — А. Х.), перед домом А. К. Юрасовского был заложен пьедестал полученного из Парижа большого бюста поэта». Речь шла о памятнике Михаилу Юрьевичу Лермонтову. Памятник поэту, пожалуй, последнее значительное общественное

действие офицера-историка. Вскоре он заболел и в 1911 году умер в Москве от цирроза печени.

Октябрьские революционные события уготовили испытания и последним братьям Юрасовским — Алексею Константиновичу, орловскому отставному юристу, и московскому врачу Ивану Константиновичу, а также и их детям. Сыновья юриста (сам он умер от тифа в Белгороде в 1919 году) Всеволод и Константин, армейские офицеры, не приняли советскую власть, служили в белых армиях. Старшего, Всеволода, красные взяли в плен где-то в песках Средней Азии и расстреляли, Константина смерть нашла много позже, в Испании. Их третий брат, Святослав, пошел по медицинской части, выучился на врача и работал в Москве.

Самой сложной, пожалуй, оказалась судьба «испанца». Он закончил Орловский кадетский корпус (дважды исключали и восстанавливали!), в I-ю мировую войну прославился храбростью: под командованием генерала Брусилова участвовал в Галицийской битве, в знаменитом Брусиловском прорыве. В Гражданскую войну, уже с Деникиным, наступал на Москву, дошел до родного Орла, а отсюда катился назад до Крыма. Затем, как и у многих офицеров,— эмиграция: Турция, Египет, Франция; любая работа ради куска хлеба — вагоновожатым на трамвае, шофером такси...

В 1937 году Константин Алексеевич еще раз попробовал круто повернуть судьбу — оказался участником гражданской войны в Испании. Нет, не в числе пособников испанских или итало-германских фашистов, как следовало бы ожидать, судя по «соципроисхождению», наоборот, добровольцем интербригады. В одном из последних писем на родину, к брату Святославу Алексеевичу, он высказал сокровенное желание — вернуться в Россию. Не вернулся: погиб в сражении под Аликанте. А в октябре 1941 года пал смертью храбрых под Вязьмой и Святослав, военный врач, тоже отбивая атаки германских фашистов...

Из всех шести братьев Юрасовских сравнительно ровная жизнь была суждена Ивану Константиновичу (умер в 1938 году). Еще в начале века он завоевал авторитет не только как крупный специалист-гинеколог, но и как общественный деятель,— организатор бесплатных родильных приютов и акушерских консультаций для бедноты. Но в 1918 году Иван Константинович был вынужден

переквалифицироваться. По просьбе Московского отдела здравоохранения, он взял на себя заведование тифозными госпиталями в столице, три года отдал борьбе с этой страшной болезнью.

Тиф унес и его сына, талантливого музыканта, замеченного еще Рахманиновым, создателя в советское время русских хоров и оркестров, дирижера и композитора. В сентябре 1924 года Иван Константинович слушал в Большом театре, где когда-то пела его жена, первую постановку оперы покойного сына — «Трильби»...

Не знаю, когда Иван Константинович в последний раз бывал в Курской губернии, в селе Кондринка, где у него имелось небольшое имение. Удалось узнать другое: в этом сельце в 1899 году, во время большого недорода, мать Юрасовских Мария Николаевна, конечно, не без ведома сына-врача, устраивала на свои средства и на собранные ею пожертвования общественную столовую для голодающих крестьян.

Распросить бы людей, да некого: исчезло Мишково, в Кондринке осталось немногим более десятка домов, сожжена Москвинка... Сложные, драматические судьбы.

* * *

От великого до смешного... Когда Николаю II поступил на утверждение проект медали «В память русско-японской войны», то вместе с докладом был представлен и ее рисунок: на лицевой стороне — «всевидящее око», на обратной надпись — «Да вознесет вас Господь». Император согласился с установлением медали, начертав возле этих слов резолюцию — «В свое время», то есть предложил погодить с ее выпуском. Однако чиновниками помета царя была восприята как высочайшее дополнение к надписи. Так и отчеканили: «Да вознесет вас Господь в свое время».

Нумизматический курьез тем не менее оказался пророческим: именно в «свое время» народная память вознесла на достойную высоту героев войны. Было определено место и чванливой бездарности — Стесселю, Фоку, Рождественскому, Куропаткину и тем, кто поставил их во главе армии и флота.

Дочь начальника штаба Маньчжурской армии генерал-лейтенанта Холщевникова, художница Ольга Ивановна

Редигер (в 1904 году отмечена за помощь раненым медалью Красного Креста), рассказывала мне, как ее супруг, военный министр генерал Редигер заявил в 1909 году перед членами правительства и депутатами Думы: «Есть основание утверждать, что нижние чины и офицеры в минувшую войну проявили и героизм и высокие боевые качества, чего не могу сказать о высших чинах, в особенности, о лицах безответственных».

Истинно солдатская фраза человека, награжденного в русско-турецкую войну за освобождение болгар от турецкого ига золотым оружием, вызвала немедленную реакцию Двора — он был отправлен в отставку...

Медаль «В память русско-японской войны» чеканилась из бронзы, но для защитников Порт-Артура было сделано исключение: для них — из серебра. Николай II, подписав на проекте «В свое время», как бы напомнил, что он уже ранее, 11 августа 1904 года, высказывал свою милость: в этот день в домашней церкви Большого Петергофского дворца, при крещении наследника престола младенца Алексея, его восприемником был объявлен сражающийся гарнизон Порт-Артура.

Сдача крепости тоже была отмечена царской милостью: в столице — 9-м января, Кровавым воскресением, а во Владивостоке — 10-м января, расстрелом демонстрации рабочих, солдат и моряков.

Не переставали раздаваться разного рода «выстрелы» и в адмирала Макарова. Военный прокурор Порт-Артура генерал-майор М. И. Костенко писал: «Долго держался упорный слух о том, что Макаров, при отъезде в Порт-Артур, принимая благословение отца Иоанна Крошгадтского, получил от него еще и совет — ничего не предпринимать на Святой неделе во имя христианской любви к ближнему и не проливать в эти дни человеческой крови. Адмирал не исполнил приказа святого отца, за что был наказан Богом».

Дело в другом, с 27 на 28 марта 1904 года, то есть в пасхальную ночь, артурцы ждали атаки японцев — из памяти не ушел День святой Марии, — поэтому даже утром служили по московскому времени, то есть в 6 часов утра. Макаров издал приказ, чтобы на пасху все были трезвы и находились на своих постах. И, конечно, японцы,

узнав через свою шпионскую сеть о повышенной бдительности на эскадре, поневоле проявили «джентльменство», — оставили 28 марта Порт-Артур в покое.

В Петербурге муссировался уже другой слух — потоньше: будто бы гибель «Петропавловска» была предсказана профессором морской академии Крыловым, но Макаров предупреждение проигнорировал, необходимые меры не принял. С опровержением этого дикого вымысла пришлось выступить самому Крылову. Вслед за тем он произнес доклад на заседании Морского технического комитета, на которое были приглашены командиры судов и соединений 2-ой Тихоокеанской эскадры. Крылов в присутствии управляющего Морским министерством адмирала Авелана прямо заявил о конструктивных недостатках кораблей, отправляемых на Дальний Восток, то есть как раз предупредил о пренебрежении к макаровскому учению о непотопляемости, и вообще о рутине в русском кораблестроении.

Доклад был «учтен»: через несколько дней профессору Крылову «за резкий тон, за недопустимые в служебном докладе выражения», как сообщалось в приказе по министерству, был объявлен выговор и... выписана командировка по артиллерийскому делу в Италию. Определенно кому-то очень не терпелось принизить славу флотоводца и ученого Макарова и тем самым обелить себя. Ну а кому? Да хотя бы тому же Авелану или начальнику морского штаба Рожественскому, которые саботировали почти все его просьбы по усилению обороны Порт-Артура и эскадры.

Неприязнь к Макарову отразил даже «Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова, изданный в 1913 году, в нем о Степане Осиповиче нет и упоминания, зато о Того и о его победе над двумя эскадрами, сказано подробнейше.

Автор статейки даже омолодил японского адмирала на два года.

Англичане, вопреки приписываемым их пации рассудительности и хладнокровию, поспешили увидеть в Того азиатского Нельсона. Капитан расстрелянного по приказу Того в феврале 1894 года парохода «Гаошан» Томас Р. Голсуорси, тоже простил ему памятное купание в водах Кореи под стволами орудий крейсера «Нанива». Когда Того, уже не капитан I ранга, а адмирал и граф, начальник штаба адмиралтейства, посетил Лондон в качестве почет-

ного гостя, Голсуорси послал ему письмо с выражением особого уважения, то есть начисто забыл не только о своем протесте по поводу той акции, но и ее характеристику, давшую им самим для британской прессы — «пиратский акт»! Общим и памятным для Того и Голсуорси от инцидента осталось одно — они оба, неожиданно для самих себя, сделались всемирно известными личностями, открыв дорогу японо-китайской войне...

Много дальше капитана «Гаошана» пошел в выражении своих чувств журналист-художник Сеппинг Райт. Того был выпущен все-таки пустить его на эскадру в 1904 году — таково было категоричное указание Токио. Райт отблагодарил, написал книгу, само название которой — уже глубокий поклон: «С адмиралом Того. Описание семимесячной действительной службы под его командой». Автор, проставив на титуле еще и громкое посвящение адмиралу, закончил свой труд папегириком в честь успеха Соединенного флота в Цусимском проливе: «...Важная победа, которая превращает Японское море в простой ров под стенами Токио. Теперь под покровительством флага Восходящего солнца торговые суда всех наций будут бороздить в полной безопасности поверхность этих восточных морей».

В унисон Райту пропел и генерал Гамильтон, представлявший Великобританию при штабе I-й японской армии. В своей «Записной книжке» он оставил фразу, достойную пера Киплинга: «У меня есть коробка немецких бисквитов и две бутылки шампанского. Я дал себе слово — не трогать ни того, ни другого до тех пор, пока не будет взят Порт-Артур»...

Первыми опомнились американцы. Может быть, Тседору Рузвельту приснился Пёрл-Харбор 1941 года, что и вызвало у президента такое предвидение: «Если японцы выиграют войну, это, возможно, будет означать борьбу между нами в будущем». Во всяком случае, он первым предложил Петербургу свое посредничество в переговорах о мире между Россией и Японией.

Не мог Рузвельт не учитывать и симпатию к России со стороны американского народа. За океаном хорошо помнили, как в трудный период Гражданской войны, когда Соединенным Штатам грозила интервенция со стороны коалиции европейских государств, на рейде Нью-Йорка 11 сентября 1863 года неожиданно для всего мира появи-

лась эскадра адмирала Лесовского, а месяц спустя бросила якорь уже вторая, тоже русская, — в гавани Сан-Франциско, то есть с противоположной стороны континента. На этой второй, Тихоокеанской, уместно заметить, на флагманском корвете «Богатырь», паходился тогда на военно-морской практике юный воспитанник Николаевского-на-Амуре штурманского училища, будущий адмирал Макаров.

В те, столь отдаленные дни нью-йоркский журнал «Харперс Уикли» опубликовал передовую со словами, которые звучны и сегодня: «...Самое меньшее, что может дать союз России и Америки, — это мир во всем мире». Ну а в 1905 году в противовес Райту и Гамильтону, да и собственному президенту, высказался в печати американский журналист Джордж Кеннан: «Русские завоевали право на громадное уважение за упорную оборону Порт-Артура». Имеется и такое убедительное свидетельство этого уважения: «В Соединенных Штатах в тот год появилось сразу же несколько Порт-Артуров, точь-в-точь, как полвека назад, после Крымской войны, — до десятка Севастополей.

Уважение к поверженному противнику, гуманизм и цивилизованность умело демонстрировали сами японцы. Когда в русском еженедельнике «Искры» появилась фотография вѣдомых под вооруженным конвоем по улицам Москвы японских военнопленных, в лондонских журналах «Иллюстрашн Лондон ньюс» и «Блэк-уайт», как бы в пику, были напечатаны серии снимков из жизни русских военнопленных в Японии: солдаты и матросы на площадке для игр, они же за обедом в столовой, за занятиями по арифметике, за чтением журнала «Япония и Россия», издаваемого на русском языке в городе Кобе...

В прессе сообщалось, что раненые порт-артурцы, содержащиеся в Мацуяме, долечиваются в местечке Доого, на сернистых источниках. Там же для них открыт... публичный дом. Офицерам разрешено выписывать из России жен, с одним единственным условием — содержать их за собственный счет.

Косвенное уважение к противнику демонстрировал и снимок группы японских морских офицеров, участников неудачной атаки брандеров 11 февраля 1904 года: в знак осуждения собственной неумелости и нехватки мужества при попытке блокировать вход во внутреннюю гавань

Порт-Артура, они самоуничижительно обрили себе головы...

Проникновенно прозвучала весть, что Того частным образом, то есть просто как человек, посетил в главном морском госпитале в Сасебо бывшего командующего русской эскадрой Рожественского, и смог убедиться, что тот получает достойное лечение. Тем самым были опровергнуты слухи о якобы безнадежном состоянии раненого в голову адмирала. Наиболее ретивые газеты даже в русских столицах уже успели заготовить некрологи, захлебываясь в выражении скорби и симпатии к «покойному», убеждая читателей, что «Рожественского победили не японцы, а обстоятельства» и что он «одним из первых заплатил своей кровью за чужие ошибки»...

Совершенно неожиданную реакцию вызвала в Японии гибель Макарова. Вместо, казалось бы, законного ликования в Токио отмечались траурные уличных шествия, в Сасебо был даже объявлен траур — военные японские корабли два дня стояли с приспущенными флагами...

Правда, французский журналист Роберт Кан так охарактеризовал эту демонстрацию «сочувствия и утешения» — «крокодиловы слезы и взрыв радости». И в самом деле, 1 апреля в Токийскую гостиницу «Империал-отель», где размещалось до 50 иностранных корреспондентов, среди них и Р. Кан, во время обеда ворвался, как буря, придворный чин, чтобы известить журналистов о гибели броненосца «Петропавловск», а на нем, по точно подтвержденным данным, — адмирала Макарова.

Двуличие? Возможно. Но в то же время, как заподозрить в лукавстве молодого поэта Исикава Такубоку, который посвятил русскому флотоводцу целую поэму?

*Мой друг, Макаров! Ты сошел в могилу,
Но в имени твоём, в моих стихах,
В бессмертной правде отыщу я силу,
Чтоб быть, как ты, в передовых боях.
...В морской пучине, там, где вал кипит,
Защитник Порт-Артура ныне спит.*

Даже сверхэмоциональный командир миноносца «Акацуки» капитан-лейтенант Нирутака высказался на этот раз без националистических шумов: «При гибели такого выдающегося человека, пораженного из засады, все же чувствуешь некоторое сожаление».

Портреты Макарова можно было приобрести в любой лавчонке, как и японского «бога войны» — Такоэ Хиросэ, погибшего за две недели до взрыва «Петронавловска».

По-разному подстерегала смерть участников битвы за Порт-Артур. Хиросэ был убит при второй атаке брандеров 14 марта 1904 года. Его пароход «Фуки-Мару», начиненный взрывчаткой, представлял из себя гигантский самоходный снаряд. Но и на этот раз атака не достигла цели: все шесть брандеров были расстреляны и торпедированы русскими еще на подходах к горлу бухты. Когда «Фуки-Мару» начал погружаться, Хиросэ кинулся не к спасательной шлюпке, где его ждали, а к раненому товарищу, молодому мичману и, помогая ему, сам попал под осколок.

Похороны капитана II ранга Такоэ Хиросэ — звание ему повысили уже после смерти — оказались столь грандиозными, что распространилась молва, будто бы на брандере погиб сын адмирала Того, что его волной выкинуло на берег и русские моряки передали останки японцам. В действительности же сыновья адмирала — старший Хайо, государственный чиновник, и младший Миоури, командир подводной лодки, благополучно здравствовали. Найдено же было тело сына генерала Ноги, павшего при штурме Курганной батареи, на ближних подступах к Порт-Артуру. Через служителей Красного Креста оно было передано японской стороне вместе с особо ценной родовой саблей.

Сам генерал Ноги, которому Стессель сдал Порт-Артур, ушел из жизни по собственной воле. 13 сентября 1912 года, в момент, когда пушечный залп известил Токио о похоронах императора Муцухито, творца эпохи Мэйдзи — «Просвещения», Маресуха Ноги, испытывая безысходную тоску, самурайским мечом вскрыл себе живот. Покопчила с собой и его жена, тем самым подтвердив беззаветную верность супругу...

Того умер естественной смертью 30 мая 1934 года в 7 часов утра. Разглядев с восходом солнца в саду, на трех самых любимых розах, появление семян — признак увядания, и будучи тяжело болен, он воспринял это как сигнал сверху. Адмирал тут же отослал от себя всех домашних, даже жену и дочь, сказав им: «Я хотел бы сейчас отдохнуть перед своей кончиной, подумать о моем императоре и о моих розах»...

Последние слова С. О. Макарова нам неведомы. Но таковыми можно считать — «ПОМНИ ВОЙНУ». Они, как завещание, выбиты на памятнике флотоводцу в Крошп-тадте.

...1 апреля 1904 года, в четверг на Святой неделе, в Порт-Артуре состоялось погребение жертв «Петропавловска». Из всего экипажа броненосца и находившегося на его борту штаба эскадры — это почти 800 человек — с воды было поднято только 78, при этом пять офицеров и двадцать матросов — мертвыми. В два часа солнечного дня, в небольшом дворике портового лазарета, возле гробов с останками офицеров и зашитых в белое полотно матросских тел, собралось печальство, судовые священники, оркестр. Певчие затянули «Со святыми упокой», и все опустились на колени. По окончании церемонии паряд моряков взял ружья па-караул, покойные были положены на телеги — и процессия, под торжественные звуки гимна «Коль славе», направилась на военное кладбище.

Предали земле и пойманную в воде шинель адмирала Макарова. В похоронах участвовал младший флаг-офицер штаба командующего мишман В. П. Шмидт, один из счастливо спасшихся с броненосца. Этот двадцатилетний офицер, к которому очень по-доброму относился Макаров, хорошо знавший его отца и дядю — адмиралов, приходился сводным братом лейтенанту Петру Петровичу Шмидту, известному герою Севастопольского восстания матросов в ноябре 1905 года.

Удивительно тасует человеческие судьбы История. Ровно через 13 лет, в такой же погожий весенний день, Владимир Петрович, уже капитан I ранга, флагманский мишный офицер Черноморского флота, служа в Севастополе, поневоле будет участвовать в торжественном перезахоронении своего брата, расстрелянного 6 марта 1906 года. Гроб с прахом мятежного лейтенанта доставят на крейсере «Принцесса Мария» в Севастополь из-под Очакова, с места казни — острова Березань в Днепровском лимане, затем пронесут на руках по запруженным народом и войсками улицам в специально приготовленный склеп на Приморском бульваре.

Символично, что процессия пройдет мимо Владимирского собора с могилой палача Севастопольского восстания — главного командира Черноморского флота вице-адмирала Чухнина: матросская пуля достала его через три

месяца после расправы над лейтенантом. «Чухня» был приговорен севастопольцами к смерти, — жестокий, но справедливый расчет за кровавую расправу над безоружными матросами-очаковцами и их вожаком, и не только за них, но и за поломанные жизни многих благородных людей, того же лейтенанта В. Менделеева...

Впрочем, вряд ли бы принял эти рассуждения, как и оправдал действия своего брата-революционера, капитан I ранга Владимир Петрович Шмидт. Доказательством тому — его служба у белых, а после разгрома Врангеля, — уход из Крыма с частью русского флота во Францию, в ее африканский порт, в Бизерту. Эмиграция завершилась принятием духовного сана — моряк стал настоятелем русского храма в Нью-Йорке.

В прихожанах этого храма числился другой моряк — сын адмирала С. О. Макарова, лейтенант Вадим Степанович Макаров. После революции 1917-го года он, служивший в I-м Балтийском флотском экипаже, оказался тоже за границей, в 30-х годах проявил себя в числе основателей известного Толстовского фонда, одного из культурных и благотворительных центров русской эмиграции в Соединенных Штатах...

За полтора месяца до Севастопольского восстания был отправлен в отставку бывший командир «Варяга» В. Ф. Руднев. Не помогли капитану I ранга и флигель-адъютантские погоны: начальство поставило ему в вину то, что командуя 14-м флотским экипажем, он не только не пресек возникшие в нем антиправительственные волнения, но даже не пожелал выдать жапдармам зачищников.

Мало отставки, недруги устроили над героем Чемульпо еще и суд чести, предложили покинуть Петербург. «Ушли» из Пажеского корпуса его старшего сына — Николая. Немилость коснулась рикошетом и «Варяга», писать о крейсере стали реже и холоднее. В газете «Дальний Восток» даже появилась статья, высказавшая сомнение в правильности действий Руднева в Чемульпо, в законности причисления его к героям русско-японской войны...

Человека можно отставить от любимого дела, но не отставишь народную память. В 1911 году во Владивостоке, на Морском кладбище, в честь подвига «Варяга» была установлена колонна из серого камня, увенчанная изображением Георгиевского креста. Тут похоронены варяжцы,

умершие от ран в Японии. Прах их, с разрешения японского правительства, был перевезен в Россию.

Получилось так, что памятники «Варягу» и «Стерегущему» появились в один год, а исключили крейсер и миноносец из списков флота даже в один день, 15 марта 1904 года. «Высочайше разрешено» — подмахнул свое согласие Николай II. Но а стихи, сказки, песни и баллады, посвященные кораблям-героям, стали жить без разрешения. В журнале «Море и жизнь» даже появился автор — «Стерегущий». Какой-то моряк, резко критикующий систему подготовки офицеров для современного флота, выбрал для себя столь обязывающий псевдоним.

Московский художник Владимир Татлин, человек разносторонне талантливый, испытанный морем еще в юности, написал поясной автопортрет, изобразив себя в матросской форме, в бескозырке с ленточкой — «Стерегущий»...

...Хорошо сказал Саади: «Умный враг возносит тебя, глупый друг поносит тебя». В центре Порт-Артура расположены два воинских кладбища — японское и русское. На русском до сего дня возвышается мемориальный ансамбль из белого мрамора, на фронтоне которого выделяется надпись:

**«СЕЙ ХРАМ СООРУЖЕН ПО УКАЗУ
ИМПЕРАТОРА НИППОН
В ЧЕСТЬ ГЕРОИЧЕСКИХ РУССКИХ ВОИНОВ,
ПАВШИХ ПРИ ОБОРОНЕ КРЕПОСТИ
ПОРТ-АРТУР».**

Пало тут русских немало — 23 тысячи, ну а японцев столько лишь при штурме одной сопки — Высокая, всего же на рубежах крепости — 112 тысяч!

Русские кладбища появились и в самой Японии, — Нагасаки, Хаймадеро, Осаке и в других городах, где содержались военнопленные, — всех пленных было зарегистрировано 72 тысячи человек. Лагерь в Мацуяме был сравнительно невелик, но на северной окраине этого города тоже осталось 98 надгробных пирамидок, расположенных в шесть рядов.

Грустная статистика выпала и на долю досрочного выпуска мичманов. Из 128 их, покинувших Морской кадетский корпус 28 января 1904 года, в войне пришло

участие 74 человека, 25 из них были убиты, 14 ранены, 29 попали в плен, а пятеро застрелились. Причина смерти — рапы, болезни и подавляющий режим. Мицман Федор Рейнгард — тоже один из «досрочников» за 168 дней, прожитых в Мацуяме половину срока провел в тюрьме за нарушение режима.

Правда, на долгие двадцатилетнего Рейнгада вышла и светлая страница — в него влюбилась юная японка Игами Окуе. Жила она вблизи лагеря вдвоем с матерью, вдовой военного врача, погибшего еще в японо-китайскую войну. Работала девушка в Добога на минеральных источниках, обслуживая больных. Там, в лечебнице, молодые люди и познакомились, ухитряясь понимать друг друга, переписываться и даже изредка встречаться.

После заключения мира Рейнгард и Окуе решили пожениться, но мать не согласилась отпустить дочь в Россию. Рейнгард сумел и после плена съездить в Японию, чтобы встретиться с любимой, и снова получил отказ. На решение матери не повлияло даже то, что Окуе попыталась покончить с собой. Теперь молодые люди расстались уже навсегда.

Рейнгард на транспорте «Лена» отбыл в Кронштадт. О своей любви он рассказал в воспоминаниях — «Мало прожито, но много пережито», изменив только имя девушки на Охату. В 1915 году книга была переиздана в Японии под заглавием «Меч и любовь»...

Моряки со «Стерегущего» плен перенесли более-менее благополучно. Им, можно сказать, повезло. Капитан захваченного японцами «Екатеринослава» Селецкий буквально со дня своего прибытия в Мацуяму взял над ними своеобразное шефство. Матросов было трое — Осинин, Хиринский и Новиков. Юрьев, тяжело раненный в обе ноги, все еще лежал в госпитале в Сасебо. Увидев моряков-соотечественников исхудавшими, в обветшалой форменной одежде, Селецкий попросил японское начальство поселить их тоже в офицерском помещении в качестве вестовых. Администрация лагеря не посмела отказать, так как храбрцам с погибшего миноносца выразили уважение маркиз Ито и даже сам император.

Г. Г. Селецкий продолжал протестовать против варварского — так говорил и писал — захвата своего коммерческого судна и не признавал себя военнопленным, как, впрочем, и его помощники, старший — Касимов и второй

— Рыбаков. Он даже отказался от лагерной пищи. Востребовав из Нагасакской банкирской конторы «Гольм-Рангер и К°» свой вклад — 200 фунтов стерлингов, капитан II ранга стали питаться за свой счет, подкармливая и матросов со «Стережущего», заказал для них у городского портного и добротную одежду — помещение лагеря зимой не отапливалось. Так порт-артурские моряки оказались как бы временно включенными на довольство в экипаж добротского парохода.

Протесты Селецкого, которые он регулярно направлял через французского консула в Кобе г-на Фосерье де Люси, и твердо проявляемые им независимость и достоинство, сыграли свою роль — ему вместе с помощниками, сразу же после заключения в Портсмуте русско-японского мирного договора, был разрешен самостоятельный отъезд из Мацуюмы, то есть раньше, чем началась массовая отправка военнопленных. Путь на Одессу Селецкий выбрал не через Сибирь, а морем. По возвращении на родину ему было присвоено звание капитана I ранга. В Центральном Государственном архиве ВМФ хранится письмо Селецкого о пребывании в плену вместе с матросами со «Стережущего».

Осинин, Хириинский, Новиков и Юрьев возвращались в Россию, как и все пленные, через Владивосток. За доблесть, проявленную в бою, им были вручены знаки отличия военного ордена Святого Георгия, проще говоря, Георгиевские кресты. Японские награды — Императорские грамоты они оставили за ненадобностью в Мацуюме.

* * *

Остается добавить кое-что о других товарищах и знакомых А. С. Сергеева, упомянутых в романе.

Лейтенант Лепко, который в своих записках характеризовал Александра Семеновича как «человека, неспособного поблещать перед противником», создал живописную летопись обороны Порт-Артура. К сожалению, она до сего дня не собрана. А надо бы, пусть не в одном зале, но хотя бы в одном альбоме. В ряду его лучших картин — «Бой «Стережущего» и «Гибель «Страшного».

После Дальнего Востока В. И. Лепко служил на Балтике. В 1913 году, он, уже капитан I ранга, командует дивизионом миноносцев в Кронштадте, затем назначается флаг-

штурманом минной дивизии. Начальствуя, он не прекращает записывать и своей любимой гидрографией (его «Система плавания в узкостях без вех» впоследствии была одобрена Реввоенсоветом Балтийского флота) и живописью. Владимир Иванович всегда жалел, что накопленные им за годы плавания рисунки побережий Желтого и Японского морей, русского Приморья, которые намеревался издать в виде нового пособия для штурманов, погибли: перед падением Порт-Артура он все эти материалы закопал у подножья одной из сопок, но вернуться за ними уже не смог.

Тетка Лепко, капитан II ранга В. И. Семенов, выйдя в отставку, развил бурную историко-литературную деятельность. Одна за другой, начиная с 1907 года, выходят его книги о русско-японской войне: «Расплата», «Цена крови», «Адмирал Степан Осипович Макаров», «Бой при Цусиме», «Записки очевидца»...

Да, но каким образом порт-артурец Семенов оказался очевидцем Цусимской трагедии? Произошло это так. Крейсер «Диана», на котором он служил старшим офицером, после боя 28 июля 1904 года, не сумев прорваться во Владивосток, ушел в Сайгон, где был разоружен и оставлен в порту под юрисдикцией нейтрального французского правительства. Семенов, вернувшись в Россию, вскоре был назначен в штаб 2-й Тихоокеанской эскадры, готовящейся к походу на Дальний Восток. В Цусимском бою капитан II ранга был ранен и, находясь вместе с Рожественским на миноносце «Бедовый», попал в плен.

Являясь при Макарове старшим адъютантом штаба Крошштаттского порта, а в походе с Рожественским — заведующим морским отделом штаба 2-й эскадры, Владимир Иванович при описании обоих адмиралов стремился не сгущать краски, быть объективным. И все же его итоговой оценкой приходится считать ту, что дана в небольшой вещи, опубликованной в журнале «Море» в 1908 году, «Заседание Адмиралтейства».

Суть этого сатирико-фантастического произведения, с пояснением жанра — «Рождественская сказка», такова: участники высокого заседания — адмиралы Ушаков, Синявин, Нахимов и Макаров, анализируя причины позорного поражения флота в русско-японской войне, приходят к выводу, что нынешние стратеги, сидящие под Золотым шпилем Адмиралтейства, оказались не на высо-

те, «...понастроили побольше корабельных кузовов, — вот и весь флот. ...Стреляли мало — берегли пушки и снаряды для войны, а пришла война — пропали и пушки и снаряды»...

И каламбурный подзаголовок — «Рождественская сказка», созвучный фамилии командующего 2-й Тихоокеанской эскадры, и присутствие на «заседании» среди самых выдающихся русских флотоводцев С. О. Макарова, единственного из адмиралов-современников, удостоенного такой чести, ясно показывало читателю, кто есть кто.

Последняя работа Семенова тоже была посвящена Макарову. «Дедушка минного флота» — тут уж само заглавие является свидетельством глубокого уважения к Степану Осиповичу. Появилась статья в год смерти автора — 1910.

Однокашник А. С. Сергеева Алексей Николаевич Крылов стал всемирно известным ученым-кораблестроителем, в 1919 году его избрали начальником Морской академии. Крылов прожил долгую деятельную жизнь, умер на 83-м году, похоронен на Волковом кладбище в Ленинграде.

На этом же кладбище могила и лейтенанта В. Менделеева. Увы, Александру Семеновичу Сергееву не удалось исполнить просьбу его сестры Ольги Дмитриевны — повидать дочь Владимира, жившую в Японии. Девочка, родившаяся в браке «по контракту», так и не побывала в России, но в семье Менделеевых о ней помнили: Дмитрий Иванович до самой своей кончины в 1907 году (лежит рядом с сыном-моряком) высылал средства на ее воспитание, эту заботу продолжили его дети. Так продолжалось до 1923 года, до страшного землетрясения 1-го сентября, когда Токио в минуту превратился в развалины. Под обломками осталось 58 тысяч жизней, дочь Владимира Менделеева и ее мать — в числе жертв.

Напомним и о папарнике «Стерегающего» — о «Решительном» и об его командирах. Лейтенант Корнильев так и не оправился от тяжелой болезни, был эвакуирован на лечение в Россию. Жена довезла его только до Харбина, где он и скончался. Капитан II ранга Боссе, пострадавший от коптузии, продолжал службу в Петербурге, к 1915-му году получил «генерал-майора по флоту».

Много сложнее, драматичнее сложилась судьба последнего командира «Решительного» лейтенанта Михаила

Сергеевича Роццаковского. В воспоминаниях сослуживцев он характеризуется как человек прямодушный и отважный до безрассудства. При этом немало о нем и панувано. К примеру, писалось, что рукопашная схватка с японцами в Чифу закончилась для него пленением и вскоре последовавшей смертью от тяжелого ранения.

Ничего подобного! На этот счет имеются документы. Роццаковский не погиб, довольно быстро сумел перебраться из Китая в Россию. Как и Семенов, он получил назначение на 2-ю Тихоокеанскую эскадру, на броненосец «Адмирал Сиявип». В Цусимском бою снова был ранен и на этот раз не избежал плена.

Но и в плену (Роццаковского в числе других пятидесяти морских офицеров отправили в Осаку, в лагерь Хонго-Куди) деятельная натура лейтенанта снова проявилась оригинальным образом — он явился одним из организаторов лагерного «вольного университета». Слушателем становился каждый желающий, лектором — тот, кто обладал какими-либо фундаментальными или оригинальными знаниями. Михаил Сергеевич взял на себя преподавание английского языка, которым владел блестяще. В качестве учебника, по его предложению, использовался ...сборник рассказов Конан-Дойля лондонского издания.

Через год, по возвращении на родину, лейтенант перешел на дипломатическую службу. Лингвистические познания и энергия, конечно, были приняты во внимание, наряду с другими достоинствами, при рекомендации его во внешнеполитическое ведомство.

На новом поприще событием, вызвавшим, пожалуй, не меньший отклик, чем схватка в Чифу, можно считать пребывание Роццаковского в 1914 году в Дармштадте в качестве главы миссии в герцогстве Гессен. На удивление великого герцога Гессенского — Эрнста Людвига, родного брата супруги Николая II Александры Федоровны, дипломат завел непотребную дружбу с русскими студентами Высшей технической школы в Дармштадте, включая и подозрительных, отличавшихся излишним радикализмом. Дошло до того, что последним он даже разрешил провести собрание в своем доме!..

Это настолько шокировало великого герцога, что он, будто бы заботясь о престиже своей царственной сестры, передал лейтенанту через военного коменданта города свое твердое пожелание — не покидать некоторое время кварти-

ры, проще сказать, посадил главу миссии под домашний арест. К тому времени взаимоотношения России и Германии столь обострились, что началась обоюдная мобилизация войск, и одному дипломату было предложено покинуть территорию герцогства. Попытка Роццаковского выехать в Россию через Париж была пресечена, и его, опять-таки чуть не под арестом, отправили в Берлин.

Действия немцев, грубейше нарушившие дипломатический иммунитет и привилегии главы миссии, вызвали большой шум. В конце 1915 года, то есть уже в разгар I-й мировой войны, герцог в письме личного характера, провезенном в Россию нелегально, вынужден был оправдываться перед сестрой и Николаем II «в дурном обращении с господином Роццаковским».

К этому времени М. С. Роццаковский уже командовал эскадренным миноносцем «Легкий», за боевое отличие был отмечен орденом Св. Анны 2-й степени и досрочным производством в капитаны I ранга.

Далее получилось еще более удивительно. После революции Роццаковский эмигрировал с семейством — жена и дочка — за границу, но опять там не ужился и пожелал легально вернуться на родину, в Советскую Россию, намереваясь еще послужить русскому флоту. Вернулся. К сожалению, власть предрержащие не смогли достойно оценить патристический шаг офицера: в 30-х годах Михаил Сергеевич был арестован и исчез в бездонном океане Гулага...

Изобретатель первого в мире подводного минного заградителя техник М. П. Налетов сумел-таки построить в Порт-Артуре свое судно, но при капитуляции крепости, не желая, чтобы оно попало в руки противника, сам же и взорвал его. Вернувшись через Шанхай в Петербург, Налетов занялся проектированием нового, уже крупного подводного заградителя. И такой был построен на Черном море, на верфях Николаевского завода. Назвали его «Краб». 25 июня 1915 года «Краб» был направлен из Севастополя в первый боевой поход к Босфорскому проливу, сумел там, совершенно скрытно, под водой, поставить минное заграждение. Воевал с немцами, а погибнуть пришлось от «союзников»: 26 апреля 1919 года английские оккупанты, готовясь под напором Красной Армии покинуть Крым, потопили подводный корабль Налетова в Севастопольской бухте.

Курский знакомый А. С. Сергеева, инженер Козловский, вернулся на Михайло-Архангельскую улицу к молодой жене, в дом с окнами, напоминавшими иллюминаторы. Он продолжал работать специалистом по локомотивам в Курском депо, а в советское время преподавал в местном железнодорожном техникуме.

Композитор Аркадий Максимович Абаза, у которого училась супруга Козловского, умер 3 января 1915 года. Козловские, вместе с другими почитателями музыканта-просветителя, автора одного из лучших русских романсов — «Утро туманное», проводили его в последний путь. «Удивительно непрактичный человек», — говорили об Аркадии Максимовиче, так как хоронить его пришлось на пожертвования, хотя происходил он из того же рода, что и адмирал Абаза — деятель Комитета Дальнего Востока и авантюрной концессии на Ялу. Громадные земельные владения столичной ветви этого рода располагались в Щигровском уезде.

...Поиск исторических сведений о Сергееве и Юрасовском привел меня в Орловскую область. Большой интерес к этому поиску проявил мой добрый товарищ, собкор «Известий» Владимир Кулагин. Вместе с ним, конечно, заехали и в Мишково. Помог нам туда добраться старожил — бывший председатель Ломовского сельсовета Леонид Дмитриевич Лапшинов. Точнее, мы побывали не в Мишково, а на том месте, где когда-то жило село. Сейчас же — ни единого дома, даже остовов стен или печей не сохранилось, только угадываются заросшие кустарником фундаменты, да одичавшие сады. Ну а след человеческого одичания — заброшенное кладбище. Что поделаешь, Мишково разделило судьбу 700 селений, исчезнувших с карты Орловской области за последние два десятка лет.

Мы проехали по соседним, раскиданным по увалам, небольшим селам, поговорили со стариками. Никто толком не мог подсказать нам, куда пропал памятник Лермонтову — бронза! — когда разрушился, сгорел или еще что, дом Юрасовских с мемориальной доской на фасаде, наконец, кто из местной сельской интеллигенции хранит или собирает старицу этих мест. Даже Гремучий ключ — голос романтической легенды о разбойнике Кудеяре и его возлюбленной боярыне (легенду записал и оставил нам А. К. Юрасовский) ничего не мог подсказать — заилился

ключ, едва шумит. А возможно, нам стал слух изменять: ничего не слышим да и сказать-то публично не можем без микрофонов и прочей никелированной механизации?

Домик в Мишково мог бы стать удивительным музеем, где сплелись славные имена: Лермонтов и Тургенев, Некрасов (тоже написал быль о Кудеяре), Рахманинов и родившийся здесь композитор А. И. Юрасовский, и его мать, знаменитость русской оперной сцены Надежда Салина,— первая Снегурочка Римского-Корсакова, Татьяна Чайковского, Тамара Рубинштейна... Поистине, клады отечественной истории эти неказистые домики глубинной провинции. Сколько же их нашим безразличием или беспамятством превращены в безымянные могилы народного духа, отечественной культуры?

Проехали мы и по старому Ливенскому тракту, заглянули в село Кондринка, Шигровского района, где в 1899 году, во время большого недорода, мать Юрасовских Мария Николаевна с согласия сыновей открыла благотворительную столовую для голодающих крестьян. По этому же тракту расположена и Москвинка, где провел детство лейтенант Сергеев, товарищ командира «Страшного».

В этих поездках по Орловщине у меня произошел еще один поворот темы. Кулагин как-то заметил, что видел собственными глазами возле дороги на город Дмитровск водруженный на постамент морской якорь.

Якорь в степи?! Конечно, я не мог не побывать в том месте. И вот он, действительно, настоящий «адмиралтейский», с двумя лапами, скобой. Нет, не макет, не гипс, а кованый металл, покрытый корабельной черной краской, которую когда-то за антрацитовый цвет называли на флоте «Кузбасс». Якорь лежал на бетонном кубе, сбоку которого параллельно вздымались две плиты, перехваченные мраморным поясом с надписью:

«ПАМЯТНИК СООРУЖЕН ПО ИНИЦИАТИВЕ
ВETERАНОВ 1-ОЙ ОТДЕЛЬНОЙ
ЛЫЖНОЙ МОРСКОЙ БРИГАДЫ КТОФ».

КТОФ — это Краснознаменный Тихоокеанский флот.

По другую сторону тракта расположено село — Крупышино, за ним широкий пруд. Шедшая нам навстречу пожилая женщина, показывая то на берег пруда, то на памятник, сказала:

— Они, сердечные, лежали рядами, как белые снопы на красном снегу, по несколько раз разбомбленные,— и волнуясь, продолжала рассказывать, как о вчерашнем.

Морозным утром 19 февраля 1943 года в Крупышино — тогда оно значилось в Курской области,— вошел отряд неизвестных лыжников в маскировочных халатах. За собой лыжники волокли по снегу узкие, с кузовами, похожими на лодки, санки. Они были гружены пулеметами и другой военной поклажей. У лыжников через расстегнутые воротники гимнастерок виднелись морские тельняшки. Такой же отряд вошел и в село Чувардино, расположенное по другую сторону пруда. Немецкие подразделения, которые несли в этих местах дежурную службу, охраняли дороги, были вышиблены в коротком бою.

Лыжники принадлежали к 1-ой морской бригаде, одной из двенадцати, сформированных из моряков Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Разведчики уже прошли около трехсот километров по тылам противника, разгромили до десятка комендатур и гарнизонов, передали командовакию много полезных сведений. Но на этот раз удача им изменила — уйти не успели, оказались в плотном вражеском окружении. Бомбежки с воздуха, расстрел из танков опустошили ряды моряков, кончились у них и боеприпасы.

Сдавшихся не было, из окружения же вырвались единицы. Немцы, понесшие немалые потери, обозленные неистовостью сопротивления, не разрешили жителям даже похоронить соотечественников-моряков. И только после великого сражения на Курской дуге, после полного изгнания оккупантов, появились тут скромные надгробья. Останки тихоокеанцев находят в долине до сего дня. Главное их кладбище — в селе Чувардино — огороженная якорь-цепью площадка с братской могилой и более поздними — одиночными. В центре — фигура матроса, прижимающего к груди бескозырку.

Скинули головные уборы и мы: я — кепку, а мысленно — мичманку, Владимир Кулагин, бывший танкист,— шляпу, а мысленно — ребристый шлем. Так, неожиданным образом, соединились для нас Порт-Артурская оборона 1904-1905 гг. с Курской огненной дугой 1943 года, мужественные и трагичные эпопеи двух времен и разных поколений...

Сознаюсь, мне всегда бывает как-то не по себе от грандиозных мемориальных ансамблей, от многометровых фигур, взмахивающих мечами, от тянущихся из-под земли каменных рук с газовой горелкой. Мертвенно-синий, подвально-холодный огонь не приближает душу к ушедшим, кладбищенская гигантомания — тем более. Поэтому на Курском воинском кладбище я предпочитаю постоять возле сохранившихся с днсь военного лихолетья безымянных братских могил, покрытых шершавыми бетонными плитами, единственным обозначением, на которых являются большие белые цифры по углам.

Этими цифрами они напоминают мне морские братские могилы — точки на навигационной карте с указанием координат, где ушли в глубины военные корабли. По традиции, на подходе к такому месту мы торжественно салютуем военно-морским флагом, приспуская его, и протяжными звуками сигнала «Захождение»...

Точных координат гибели «Стережущего», к сожалению, не сохранилось. Но редкий моряк-тихоокеанец, приехав в Ленинград, не побывает возле памятника отважному миноносцу, не прочтает на тыльной стороне историю боя, не задержит взгляд на железных буквах личного состава корабля. Увековечена, наконец, память «Стережущего» и в Курске: в северо-западном, строящемся районе города появилась улица, названная именем его командира — лейтенанта Сергеева.

А вот командир «Страшного» на своей родине забыт, нет и монумента в честь его отважного экипажа. Всего лишь сохранилась, да и то у коллекционеров, изданная в начале века почтовая открытка с портретом капитана II-го ранга К. К. Юрасовского (на фотографии у него погоны лейтенанта: так и не успел их сменить), да еще репродукция картины «Морской бой «Страшного», написанная порт-артурцем лейтенантом В. И. Лепко.

* * *

Общепризнанно, что самые надежные узлы — морские, в них вложен опыт человечества: жизнями приходилось расплачиваться за неумело или, хуже того, недобросовестно сработанные крепи между чем и кем угодно... Курск, Орел исторически связаны «морским узлом» с Дальним Востоком, с Тихим океаном. С Рыльской горы узрел

почетный гражданин Григорий Шелихов приокеанские дали северной части америкапского материка, до сего дня именуемого Русской Америкой. Он ступил на ту землю, говоря словами поэта Дмитриева, «без войск, без громозносных стрел». Ступил не только мореплавателем и основателем зверопромышленной компании, но и исследователем, просветителем. Именно с шелиховских времен появились у алеутов первые школы, первые огороды и папши: началось обучение коренных жителей железному делу, кораблестроению и навигации, даже музыке. Шелихов первым написал обстоятельную книгу об этой земле, проявив себя писателем государственного мышления.

...Залив Шелихова на Камчатке, пролив Шелихова — между Кадьяком и Аляской — мне посчастливилось видеть их собственными глазами; на берегах Чукотки и Командорских островов встречал курян — геологов, рыбаков и, конечно, сталкивался с ними в открытых морях на рукотворных кусочках суши, сваренных, склепанных, возможно, из руды Курской магнитной аномалии.

Да, так, вахта на Тихом океане не только круглосуточная, она еще и передается от поколения к поколению — от шелиховских гелиотов, от «Стерегущего» — к нам... Вот и я, получив письмо из далекого Владивостока с просьбой разузнать о курской юности лейтенанта Сергеева, снова почувствовал себя на палубе, на вахте, как будто услышал за собой голос главстаршины, а в ушах — сигналы тревоги — «звонки громкого боя».

...Оглядываясь, прощаюсь с домом Сергеева. Глазницы крест-накрест заколоченных окон, голые стены, где должно быть мемориальной плите, смотрят вслед упреком: «Не надо собственным беспамятством породить безымянные могилы».

К О Н Е Ц

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I

Глава 1. Менделесвы, Сергесвы, Деспот-Юрасовские — старшие и младшие	5
Глава 2. Анна Каренина из Курска	27
Глава 3. Дальневосточный экспресс	39
Глава 4. Счастливая примета адмирала Того	60
Глава 5. Навстречу войне	73
Глава 6. Чтобы сказать: «Мой корабль!»	87
Глава 7. «Русская бочка»	117
Глава 8. Макаров и Рождественский	137
Глава 9. Подобно разумному существу	161
Глава 10. Случай на дежурстве	186
Глава 11. Братья Сергесвы и Вера	202
Глава 12. Лейтенанты	222

Часть II

Глава I. Приезд Макарова	245
Глава 2. Пойдут «Решительный» и «Стерегищий»	264
Глава 3. Встреча возле острова Кеп	279
Глава 4. По примеру Сант-Яго	300
Глава 5. Бой	311
Глава 6. Флаг командующего на «Новике»	334
Глава 7. В офицерском собрании	349
Глава 8. Мацуюма	375
Глава 9. Два высочайших парада	406
Глава 10. Причал памяти	430

Уважаемые господа! **Вас приветствует издательство АП «Курск».**

Издательство предлагает литературу повышенного спроса: фантастику, зарубежный детектив, приключения, любовный роман, детскую литературу.

Сегодня Вы можете у нас приобрести оптом партии книг и заключить договоры на покупку книг до конца 1994 года.

Издательство «Курск» предлагает своим клиентам следующие виды услуг:

- отправка книг контейнерами в любую точку России;
- отправка автотранспортом издательства.

В наших магазинах Вы можете приобрести книги в розницу. Оплата в любой удобной для Вас форме.

Предоставляем скидку при оптовых закупках.

Ваши интересы определяют нашу работу!

Приглашаем всех к постоянному и взаимовыгодному сотрудничеству!

По вопросам закупок обращаться по адресу: г. Курск, ул. Энгельса, 109
тел. 35-27-86 (с 8.30 до 17.00, кроме субботы и воскресенья).

Адреса магазинов:

ул. Энгельса, 109, «Дом Торговли», тел. 35-28-19,
ул. Чернышевского, 6, тел. 1-86-41.

Харитановский Александр Александрович

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ!..

РОМАН

Редактор **Н. Рындин**

Художник **Е. Еськова**

Технический редактор **Л. Матюхина**

Корректор **И. Гуляева**

Лицензия № 010212 от 6 марта 1992 г.

Совместный выпуск.

Издательство АП «Курск»,

305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109

Издательство «Феникс»,

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

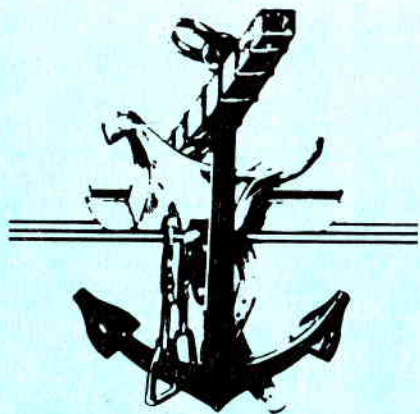
Сдано в набор 8.12.93 г. Подписано в печать 04.03.94 г.

Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага тип.

Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 25,2. Уч.-пед. л. 24,03.

Тираж 25 000. Заказ 3000.

Набрано и отпечатано в АП «Курск»,
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

300-летию
Российского флота
посвящается

